Русский
Вестник.
1889. №9-10.

Вышелъ 1-го сентября.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1889.

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ЕРМАКЪ И ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ. Д. И. Иловайскаго.

II. О РУССКИХЪ СВ МѢСТАХЪ. Ив. С. Тургенева.

III. СЕМЕЙНЫЕ УЧАСТКИ. К. П. Побѣдоносцева.

IV. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ГЕНЕРАЛА И. С. ГАНЕЦКАГО О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ. И. П. Корнилова.

V. „СЪ ТОСКОЙ ТЫ ВДАЛЬ ГЛЯДИШЬ“... Стихотвореніе П. А. Козлова.

VI. ЛИБАВА И ВИНДАВА. А. Р. Васильева.

VII. НОВОЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ. V—VIII. (Окончаніе) А. А. П—ва.

VIII. НОЧЬ ВЪ КРЫМУ. Стихотвореніе Л. В. Бѣльскаго.

IX. ВЪ ДАЛЕКОЙ ГЛУШИ. С. В. Петрова-Батурича.

X. ДЕПУТАТЫ ВТОРАГО ПРИЗЫВА. Изъ исторіи крестьянскаго дѣла. (Продолж.). Н. П. Семенова.

XI. МОЛОДЕЖЬ. Романъ. Часть четвертая. Гл. IV—VI. К. Ѳ. Орловскаго.

XII. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 60-хъ ГОДОВЪ. Вмѣсто введенія. Н. Б—ва.

XIII. НЕМУДРЕНЫЕ. Разсказъ. М. В. Крестовской.

XIV. КРИТИКА. С. Ю. Витте. Національная экономія и Фридрихъ Листъ. А. М—скаго.

XV. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. Русской: I. Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать пятая. М. 1889.—II. О германскихъ университетахъ (von deutschen Hochschulen). Сочиненіе германскаго профессора. Переводъ и примѣчанія русскаго бывшаго профессора. Спб. 1889.—III. Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Изданіе 5-е дополненное. Т. VII. Романъ „Чер-

ный годъ“ (Пугачевщина); разсказы: „Имянины прабабушки“, „Легенда о Господѣ“, „Фарисъ“ (Мицкевича). — **Иностранной**: I. Die eigene Flugbahn. Wer will sie stören. Berlin. 1889.—II. C-te de Chaudordy. La France en 1889. 2 edit. Paris. Libr. Plon. — III. The Swiss Confederation by Sir Francis Ottivell Adams and C. D. Cunningham. London. 1889.

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Законъ объ ограниченіи вѣдомства суда присяжныхъ.—Заботы правительства о водвореніи русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ.—Присоединеніе къ православію курскихъ единовѣрцевъ.—Протестъ Курско-Кіевской желѣзной дороги.—Новыя назначенія: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и государственный контролеръ Т. И. Филипповъ.

XVII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Тейфенбахъ, въ Штиріи, 20 августа (1 сентября) 1889 г. **С. С. Татищева.**

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

„СТАРЫЙ ЗАМОКЪ“.

Романъ въ 3-хъ частяхъ

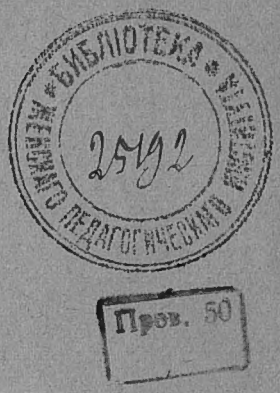
Маріонъ Крофорда.

Часть первая. Главы VI—IX.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1889.



Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1889.

ЕРМАКЪ И ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Вольное казачество.—Грабежи на Волгѣ.—Строгановы и ихъ колонизаціонная дѣятельность.—Сибирское ханство.—Родъ Тайбуги и Чингизидъ Кучумъ.—Прибытіе волжскихъ атамановъ въ Строгановскіе городки.—Походъ за Каменный Поясъ.—Взятіе стольнаго города Сибири.—Немилостивая царская грамота Строгановымъ.—Казацкое посольство въ Москвѣ.—Подкрѣпленіе.—Неудачи.—Гибель Ермака и его значеніе.—Вторичное завоеваніе сибирскаго ханства.—Упорство Кучума и его судьба.—Московская колонизаціонная политика.

Начало казачества на Руси восходитъ ко временамъ татарскаго ига, если не ранѣе (такъ какъ предшественниками его считаютъ древнерусскія вольныя дружины *бродниковъ*). Но самое имя его несомнѣнно перешло къ намъ отъ татаръ, у которыхъ казаками называлась, въ противоположность большимъ и знатнымъ родамъ, наиболѣе бѣдная часть народа, обреченная на безпріютное скитальческое существованіе; вообще оно означало низшій разрядъ ордынцевъ. Это имя связывалось у насъ съ бездомками, бобыляли, чернорабочими ватагами и т. п. людьми; но главнымъ образомъ оно сосредоточилось на извѣстномъ военнослужиломъ классѣ, представлявшемъ легковооруженный и наиболѣе подвижной отдѣлъ войска. Впервые такое военнослужилое сословіе встрѣчается около половины XV вѣка на Рязанской украйнѣ, вооруженное копьями, рогатинами и саблями. А въ XVI вѣкѣ мы видимъ его распространеннымъ уже по всѣмъ южно-русскимъ украйнамъ. Оно составляетъ часть гарнизона въ украинскихъ городахъ и отправляетъ службу отчасти пѣшую, отчасти конную; послѣднюю особенно въ качествѣ сторожевыхъ разъѣздовъ или станицъ. Это такъ называемые *городовые казаки*, которые получаютъ за свою службу отъ правительства денежное и хлѣбное жалованье, а иногда и земельные надѣлы. Рядомъ съ этими городовыми вскорѣ по-

являются и *вольные* казаки. То были люди, ушедшіе далеко въ степь, полуосѣдлые и непризнававшіе надъ собой никакой государственной власти. Они соединялись въ отдѣльныя ватаги или станицы, которыя располагались преимущественно по берегамъ рѣкъ, обильныхъ рыбою, и заводили нѣкоторое хозяйство. Управлялись они своими выборными ватаманами и своимъ общиннымъ *кругомъ* (родъ древнерусскаго вѣча). Ватаги вольныхъ казаковъ наполнялись самыми смѣлыми людьми, которыхъ тянуло въ степное приволье или которымъ почему-либо тяжело было оставаться на родинѣ. Тутъ были люди разныхъ состояній, преимущественно изъ тѣхъ же городовыхъ казаковъ, а затѣмъ бѣглые крестьяне и холопы, искавшіе личной свободы. Но выдвигаясь на самые крайніе предѣлы пустынной полосы въ близкое сосѣдство съ татарскими ордами, вольное казачество естественно должно было вооруженною рукою отстаивать отъ нихъ свое существованіе: а при удобномъ случаѣ оно само переходило въ наступленіе и нападало на отдѣльные отряды или становища татарскія, грабило ихъ и разоряло. Такимъ образомъ вольное казачество являлось самымъ передовымъ оплотомъ и вмѣстѣ двигателемъ русской колонизаціи въ южныхъ степяхъ.

Это казацкое колонизаціонное движеніе съ самаго начала приняло два главныхъ направленія: съ одной стороны на нижній Донъ и Волгу, съ другой на нижній Днѣпръ. Относительно движенія на Донъ имѣемъ любопытный наказъ, данный Иваномъ III въ 1502 году великой княгинѣ рязанской Агриппинѣ (управлявшей по малолѣтству своего сына Ивана), по поводу обратнаго проѣзда турецкаго посла чрезъ рязанскія земли. Великій князь московскій наказываетъ ей дать послу провожатыхъ сотню и болѣе; а ея деверь удѣльный рязанскій князь Ѳедоръ долженъ былъ выставить еще 70 человѣкъ. „Да на сотню десятка три своихъ казаковъ понакинь“ говоритъ наказъ. Это, очевидно, рязанскіе городовые казаки, которые тутъ же далѣе противополагаются коренному военнослужилому сословію: „и ты бы у перевоза десяти человѣкамъ ослобонила нанявшись казакамъ, а не *лучшимъ людямъ*“. Провожатые должны были сопутствовать послу только до Рясской переволоки, заключавшейся между притоками Оки и Дона. „А ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити“ — прибавляетъ Иванъ III. Ясно, что тутъ подъ молодечествомъ разумѣется вольное донское казаче-

ство, въ которое уходили преимущественно городовые казаки и другіе ратные люди, вѣроятно, тѣ, которые были недовольны тягловою службою или убѣгали отъ наказанія за какую-либо вину. Къ концу XVI вѣка вольное казачество своими поселками или станицами охватило уже среднее и нижнее теченіе Дона и главнымъ его средоточіемъ, повидимому, является укрѣпленный городокъ или станица Раздоры, расположенная при впаденіи Донца въ Донъ.

Донъ сдѣлался разсадникомъ казачества по всему юго-восточному пространству; отсюда оно распространилось на Терекъ и на Волгу, а съ Волги потомъ и на Яикъ. Считаясь большею частью номинально въ подданствѣ Москвы, а въ сущности не признавая надъ собою никакой государственной власти, донское и волжское казачество нерѣдко занималось разбоемъ и потому сдѣлало небезопасными торговые пути, какъ сухопутные, такъ и въ особенности судовые. При чемъ оно не разбирало татарскіе, персидскіе и бухарскіе караваны отъ русскихъ и грабило даже московскихъ пословъ, отправляемыхъ въ мусульманскія страны. Своими рѣчными походами оно напоминало древнихъ новгородскихъ повольниковъ. Московское правительство при случаѣ пользовалось казацкою силою въ борьбѣ съ кочевниками; подарками и наградами старалось привлечь атамановъ въ свою службу; а когда крымцы или ногаи приносили жалобы на грабежи и нападенія казаковъ, отвѣчало, что они ему не подвластны и воюютъ на свой страхъ. Такъ казаки однажды взяли и ограбили ногайскій городокъ Сарайчикъ на Яикѣ, а въ другой разъ ограбили турецко-татарскій городъ Азовъ. Когда же казацкіе грабежи становились слишкомъ дерзки, обращаясь отчасти на царскіе караваны, и вызвали горькія жалобы союзныхъ Москвѣ ногайскихъ князей, то выведенное изъ терпѣнія московское правительство посылало воеводъ съ значительными отрядами для того, чтобы ловить и вѣшать грабительскія шайки.

Во вторую, бѣдственную, половину царствованія Ивана IV, въ семидесятыхъ годахъ XVI стол., особенно усилились казацкіе грабежи на Волгѣ, такъ что этотъ важный торговый путь сдѣлался тогда крайне небезопаснымъ. Обыкновенно казацкая шайка гдѣ-либо въ укрытомъ природою мѣстѣ поджидала проходящіе по Волгѣ караваны и потомъ неожиданно нападала на нихъ на своихъ легкихъ ладьяхъ. Такими удобными притонами наиболѣе славилась тогда Самарская лука съ

ея береговыми утесами и пещерами, закрытыми дремучимъ боромъ. Поперегъ этой луки течетъ на сѣверъ небольшая рѣчка Уса, которая въ южной части луки сближается съ Волгою. Тутъ при устьѣ рѣки съ вершины волжскихъ утесовъ казацкіе сторожевые наблюдали приближеніе судовыхъ каравановъ, шедшихъ сверху. Завидѣвъ караванъ, казаки или тотчасъ бросались на него, или переплывали по рѣкѣ Усѣ на южную сторону луки и успѣвали переволакивать свои челны въ Волгу, пока караванъ огибалъ луку. Изъ казачьихъ атамановъ, занимавшихся такими грабительскими подвигами, особенно сдѣлался извѣстенъ Иванъ Кольцо. Государь Иванъ Васильевичъ, разгнѣванный дерзкими грабежами царскихъ каравановъ и пословъ, отправилъ на разбойниковъ рать и велѣлъ казнить ихъ смертію. Воеводы дѣйствительно захватили многихъ казаковъ и перевѣшали. Но часть ихъ съ нѣкоторыми своими атаманами успѣла уйти вверхъ по Волгѣ и по Камѣ; въ числѣ этихъ атамановъ были Ермакъ и Кольцо. Здѣсь, на Камѣ, они вошли въ связи съ Строгановыми, богатыми пермскими промышленниками и землевладѣльцами.

Предки Строгановыхъ, по всей вѣроятности, принадлежали къ тѣмъ новгородскимъ фамиліямъ, которыя когда-то колонизовали Двинскую землю, а въ эпоху борьбы Новгорода съ Москвою перешли на сторону послѣдней. Они имѣли большія владѣнія въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ и нажили большія богатства, занимаясь здѣсь солянымъ промысломъ, а также ведя торговлю съ сосѣдними инородцами пермяками и югрою, у которыхъ вымѣнивали дорогіе мѣха. Главное гнѣздо этой фамиліи находилось въ Сольвычегодскѣ, въ сосѣдствѣ съ зырянами Малой Перми. О богатствахъ Строгановыхъ свидѣтельствуетъ извѣстіе, что они помогли Василію Темному выкупиться изъ татарскаго плѣна; за что въ свою очередь получали отъ великихъ князей московскихъ разныя пожалованія и льготныя грамоты. При Иванѣ III извѣстенъ Лука Строгановъ; а при Василіи Ивановичѣ внуки этого Луки Строганова получаютъ дозволеніе населить одинъ пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Продолжая заниматься солянымъ промысломъ и торговлею, Строгановы въ то же время являются самыми крупными дѣятелями на поприщѣ заселенія сѣверовосточныхъ земель. Въ царствованіе Ивана IV они распространяютъ свою колонизаціонную дѣятельность и на Прикамскій край, т. е. на Великую Пермь, которая была присоединена къ Мо-

сковскому государству при Иванѣ III. Въ то время главою сей замѣчательной семьи является Аникій, внукъ помянутаго Луки; но, вѣроятно, онъ уже былъ старъ, и дѣятелями выступаютъ собственно его три сына: Яковъ, Григорій и Семенъ. Они выступаютъ уже не простыми, мирными колонизаторами закамскихъ странъ, но съ правами имѣть свои военные отряды, строить крѣпости, вооружать ихъ собственными пушками, и на свой счетъ и страхъ отражать набѣги враждебныхъ инородцевъ, ногайскихъ и сибирскихъ татаръ, вогуличей, остяковъ, башкиръ и т. п. Такимъ образомъ Строгановы представляли родъ феодальныхъ владѣльцевъ на нашей восточной окраинѣ. Московское правительство, только-что покорившее Казань и Астрахань и озабоченное тогда на югѣ борьбою съ крымцами, а на сѣверозападѣ начавшеюся войною съ Ливоніей, охотно предоставляло предпріимчивымъ людямъ всѣ льготы и права на оборону сѣверовосточныхъ предѣловъ.

Въ 1558 году Григорій Строгановъ бьетъ челомъ Ивану Васильевичу о слѣдующемъ: Въ отчинѣ государя въ Великой Перми по обѣимъ сторонамъ Камы рѣки отъ Москвы до Чусовой лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемые и никому неотписанные. Челобитчикъ проситъ пожаловать Строгановымъ это мѣсто, обѣщая поставить тамъ городъ, снабдить его пушками, пищалями, пушкарями и воротниками, чтобы оберегать государеву отчину отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ; проситъ дозволенія въ этихъ дикихъ мѣстахъ лѣсъ рубить, пашню пахать, дворы ставить, людей неписьменныхъ и нетяглыхъ призывать, варницы заводить и соль варить. Царь велѣлъ навести справки, и оказалось, что мѣста сіи дѣйствительно лежатъ впустѣ и доходу въ казну никакого не приносятъ. Тогда грамотою отъ 4 апрѣля того же года царь пожаловалъ Строгановымъ земли по обѣимъ сторонамъ Камы на протяженіи 146 верстъ отъ устья Лысвы до Чусовой, съ просимыми льготами и правами, и позволилъ заводить слободы, населяя ихъ людьми нетяглыми, исключая воровъ и разбойниковъ; освободилъ ихъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ; такъ что право суда надъ слобожанами принадлежало тому же Григорію Строганову, а самъ онъ является подсуднымъ только суду царскому непосредственному. Эта царская грамота любопытна еще тѣмъ, что на ней подписались окольничіе Ѳедоръ Ивановичъ Умного и

и Алексѣй Ѳедоровичъ *Адашевъ*. Отсюда можемъ догадываться, что энергичная дѣятельность Строгановыхъ на нашей сѣверовосточной украйнѣ является не безъ связи съ дѣятельностью лучшаго совѣтника первой половины сего царствованія. Григорій Строгановъ построилъ городокъ Канкоръ на правой сторонѣ Камы, при впаденіи въ нее рѣчки Пыскорки. Спустя шесть лѣтъ, онъ испросилъ позволенія построить другой городокъ, на 20 верстъ ниже перваго на Камѣ же на Орловскомъ наволокѣ, наименованный Кергеданомъ (но впослѣдствіи онъ назывался Орломъ). Эти городки были обнесены крѣпкими стѣнами, вооружены огнестрѣльнымъ нарядомъ и имѣли гарнизонъ, составленный изъ разныхъ вольныхъ людей: тутъ были русскіе (въ томъ числѣ казаки), литовцы, нѣмцы и татары. Когда учредилась опричина, Строгановы просили царя, чтобы ихъ города и промыслы были причислены въ опричину, и эта ихъ просьба была исполнена.

Въ 1568 году, старшій братъ Григорія, Яковъ Строгановъ, бьетъ челомъ царю объ отдачѣ ему на такихъ же основаніяхъ всего теченія рѣки Чусовой и двадцативерстное разстояніе по Камѣ ниже устья Чусовой. Царь согласился на его просьбу; только льготный срокъ былъ теперь назначенъ десятилѣтній (слѣдовательно, онъ кончался въ одно время съ предыдущимъ пожалованіемъ). Яковъ Строгановъ поставилъ острожки по рѣкѣ Чусовой и завелъ слободы, которыя оживили этотъ безлюдный дотолѣ край. Вскорѣ начались и военныя ихъ дѣйствія для обороны края отъ сосѣднихъ инородцевъ. Такъ въ 1572 году, въ землѣ черемисской вспыхнулъ бунтъ; толпа черемисъ, соединясь съ остяками и башкирами, вторглась въ Прикамскій край, разграбила на Камѣ суда и побила нѣсколько десятковъ торговыхъ людей. Строгановы послали на черемисъ своихъ ратныхъ людей, которые и усмирили бунтовщиковъ. Но черемисъ поднималъ противъ Москвы сибирскій ханъ Кучумъ; онъ же запрещалъ остякамъ, вогуламъ и югрѣ платить ей дань. Посему, въ слѣдующемъ 1573 году, племянникъ Кучума, Магметкулъ, приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую, и побилъ многихъ остяковъ, московскихъ даньщиковъ; причемъ убилъ и царскаго посла (Чабукова), ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Однако онъ не посмѣлъ напасть на строгановскіе городки и ушелъ обратно за Каменный Поясъ (Уральскій хребетъ). Извѣщая о томъ царя, Строгановы просили разрѣшенія распространить свои поселенія за Поясомъ,

построить городки по рѣкѣ Тоболу и его притокамъ, и заводить тамъ слободы съ тѣми же льготами, которыя имъ даны на Камѣ и Чусовой, а они, съ своей стороны, обѣщали не только оборонять московскихъ даньщиковъ остяковъ и вогуловъ отъ царя Кучума, но воевать и подчинять государевой дани самихъ сибирскихъ татаръ. Грамотою отъ 30 мая 1574 года, Иванъ Васильевичъ исполнилъ и эту просьбу Строгановыхъ, на сей разъ съ двадцатилѣтнимъ льготнымъ срокомъ, причемъ дозволилъ разыскивать мѣдную, свинцовую и горючую сѣру.

Но такое дѣло, какъ перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уральскій хребетъ и покореніе Сибирскаго Царства, уже превышали собственныя средства братьевъ Строгановыхъ. Около десяти лѣтъ ихъ намѣренія съ этой стороны оставались одними намѣреніями, пока на сцену дѣйствія не явились помянутые выше казацкіе вожди съ своею дружиною.

Царство Сибирское является однимъ изъ многихъ осколковъ обширной имперіи Чингизъ-хана. Оно выдѣлилось въ особое ханство изъ среднеазіатскихъ татарскихъ владѣній довольно поздно, повидимому, не ранѣе XV вѣка—въ ту же эпоху, когда слагались особыя царства Казанское и Астраханское, Хивинское и Бухарское, особыя орды Ногайскія и Киргизъ-Кайсацкія. Сибирская орда, повидимому, находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Ногайской ордой. Она называлась прежде Тюменскою, Ишимскою и Шибанскою. Послѣднее названіе указываетъ на то, что здѣсь господствовала та вѣтвь чингизидовъ, которая происходила отъ Шейбана, одного изъ сыновей Джучи и, слѣдовательно, Батыева брата, и которая властвовала въ средней Азіи или Туркестанѣ. Одна отрасль этихъ шейбонидовъ основала особое царство въ степямъ Ишимскихъ и Иртышскихъ и распространила его предѣлы на сѣверъ и востокъ до Уральскаго хребта и рѣки Оби. При Иванѣ III, какъ мы видѣли, шейбанскій ханъ Ивакъ, подобно крымскому Менгли-Гирею, враждовалъ съ золотоордынскимъ ханомъ Ахматомъ и даже былъ его убійцею; слѣдовательно, является также союзникомъ московскаго князя. Но Ивакъ, въ свою очередь, былъ убитъ своимъ соперникомъ въ собственной землѣ. Дѣло въ томъ, что отъ Шибанской орды, еще прежде того, отдѣлилась часть татаръ подъ предводительствомъ одного знатнаго бека Тайбуги. Въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но такъ же, какъ въ Ногай-

ской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ханами, а только князьями, т. е. беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало только потомству Чингизову, т. е. шейбонидамъ. Преемники Тайбуги удалились съ своею ордою далѣе на сѣверъ на берега Иртыша, гдѣ средоточіемъ ея сдѣлался городокъ Сибирь, лежавшій пониже впаденія Тобола въ Иртышъ, и гдѣ она подчинила себѣ сосѣднія земли остяковъ, вогуловъ и отчасти башкиръ. Ивакъ былъ убитъ однимъ изъ преемниковъ Тайбуги. Между этими двумя родами шла жестокая вражда, и каждый изъ нихъ искалъ себѣ союзниковъ между сильными сосѣдями, именно: въ Бухарскомъ царствѣ, въ Киргизской и Ногайской ордахъ и, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ.

Этими внутренними междоусобіями и объясняется та готовность, съ которою князь сибирскихъ татаръ Едигеръ, потомокъ Тайбуги, призналъ себя данникомъ московскаго царя Ивана IV. Въ 1555 году, послы Едигера явились въ Москву, и, поздравивъ Ивана IV со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, били челомъ, чтобы онъ принялъ Сибирскую землю подъ свою защиту и бралъ бы съ нея дань. Ясно, что Едигеръ искалъ у Москвы поддержки въ своей борьбѣ съ шейбонидами. Иванъ Васильевичъ дѣйствительно принялъ сибирскаго князя и его земли подъ свою руку, наложилъ на него дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ къ нему Димитрія Непейцина, которому велѣлъ привести къ присягѣ жителей Сибирской земли и переписать черныхъ людей; число ихъ, по донесенію сибирскихъ пословъ, простиралось до 30.700 человѣкъ. Въ послѣдующіе годы со стороны Москвы возникло неудовольствіе на то, что опредѣленная дань не была доставлена сполна; хотя Едигеръ оправдывался тѣмъ, что его воевалъ шибанскій царевичъ, который много людей увелъ въ плѣнъ. Этотъ шибанскій царевичъ былъ никто иной, какъ столь извѣстный *Кучумъ*, внукъ хана Ивака. Получивъ помощь или отъ киргизъ-кайсаковъ или отъ ногаевъ, Кучумъ одолѣлъ соперника, убилъ самого Едигера и брата его Бекбулата и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ (около 1563 года). Въ началѣ онъ также призналъ себя данникомъ московскаго государя и учинилъ присягу на вѣрность передъ московскимъ посланцемъ. Московское правительство призвало за нимъ титулъ *царя* (хана), какъ за прямымъ потомкомъ шейбонидовъ. Но потомъ, когда онъ прочно утвердился въ Сибирской землѣ и распространилъ магометан-

скую религію между своими татарами, Кучумъ не только пересталъ платить дань, но и началъ рядъ враждебныхъ дѣйствій противъ нашей сѣверовосточной украйны; причемъ принуждалъ сосѣднія съ нею поколѣнія остяковъ, вмѣсто Москвы, платить дань ему самому. По всей вѣроятности, происходившія въ то время тяжелыя и неудачныя для насъ войны на западѣ за Ливонію не остались безъ вліянія на сію перемѣну отношеній на дальнемъ сѣверовостокѣ.

По словамъ одной Сибирской лѣтописи, въ апрѣлѣ 1579 г. Строгановы послали грамоту къ казацкимъ атаманамъ, разбойничавшимъ на Волгѣ и Камѣ, и приглашали ихъ къ себѣ въ Чусовые городки на помощь противъ сибирскихъ татаръ и другихъ восточныхъ инородцевъ. Братья Яковъ и Григорій Аникіевы около того времени умерли. Мѣсто ихъ заступили ихъ сыновья: Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ. Эти-то двоюродные братья или, по крайней мѣрѣ, Максимъ Яковлевичъ и его дядя Семенъ Аникіевичъ обратились съ помянутою грамотою къ волжскимъ казакамъ. На ихъ призывъ откликнулись пять атамановъ: Ермакъ Тимофеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ, которые и прибыли къ нимъ съ своими сотнями, лѣтомъ того же года. Главнымъ вождемъ этой казацкой дружины явился первый изъ названныхъ атамановъ, Ермакъ, котораго имя вскорѣ пріобрѣло такую громкую извѣстность, наравнѣ съ его старшими современниками, Кортецомъ и Пизарро.

Наши скудные источники не даютъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи и предыдущей жизни этого замѣчательнаго историческаго лица. Имѣемъ только одно темное, хотя, можетъ быть, и не лишенное исторической основы, преданіе о томъ, что дѣдъ Ермака былъ посадскій человѣкъ города Суздаля, занимавшійся извозомъ и по обстоятельствамъ удалившійся изъ своего роднаго города; что самъ Ермакъ, въ крещеніи Василій (по другимъ Германъ), родился гдѣ-то въ Прикамской странѣ, отличался тѣлесною силою, отвагою и даромъ слова; въ молодости работалъ на стругахъ, ходившихъ по Камѣ и Волгѣ, а потомъ пошелъ въ разбой и сдѣлался атаманомъ шайки. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермакъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству, скорѣе это былъ уроженецъ сѣверо-восточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣверною природою, своею предпріим-

чивостью, опытностью и удалью вполнѣ воскресившій типъ древняго новгородскаго повольника. Такими же качествами обладало и большинство его товарищей.

Казацкіе атаманы пробыли два года въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ. Такъ, когда мурза Бегбелій съ толпою вогуличей напалъ на Строгановскія деревни и починки, то казаки разбили ихъ и взяли въ плѣнъ самого Бегбелія. Въ теченіе этого времени казаки сами предпринимали разные поиски противъ вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ и такимъ образомъ приготовили себя къ послѣдующему большому походу на Кучумово ханство.

Трудно сказать, кому именно принадлежалъ главный починъ въ этомъ предпріятіи. Одни лѣтописи всецѣло приписываютъ его Строгановымъ, которые будто-бы *послали* казаковъ покорять Сибирское царство. Другія говорятъ, что казаки, съ Ермакомъ во главѣ, по собственному замыслу, самостоятельно предприняли этотъ походъ; причемъ угрозами заставили Строгановыхъ снабдить ихъ всѣми нужными для того запасами, съѣстными и огнестрѣльными. Съ вѣроятностью можно предположить, что починъ былъ обоюдный, но со стороны казаковъ болѣе добровольный, со стороны же Строгановыхъ болѣе вынужденный обстоятельствами. Казацкая дружина, прибывшая въ Чусовые городки, была не такого характера, не такихъ привычекъ, чтобы долгое время могла спокойно нести скучную сторожевую службу, покорно подчиняться мѣстнымъ купцамъ-землевладѣльцамъ и довольствоваться скудною добычею въ сосѣднихъ инородческихъ краяхъ. Много требовалось искусства и терпѣнія сдерживать эту буйную толпу отъ обидъ и грабежей, которые она причиняла самимъ мѣстнымъ жителямъ. По всей вѣроятности, она скоро сдѣлалась бременемъ для собственнаго края. А между тѣмъ преувеличенныя извѣстія о широкомъ рѣчномъ раздольѣ за Каменнымъ Поясомъ, о богатствахъ, собранныхъ Кучумомъ и его татарами съ слабыхъ, невоинственныхъ сибирскихъ народцевъ, и, наконецъ, жажда удалыхъ подвиговъ, которыми можно было бы смыть съ себя тяжкіе прошлые грѣхи — все это возбудило сильное желаніе идти въ малоизвѣданную страну и попытать тамъ счастья. Подобнымъ настроеніемъ, конечно, руководились въ особенности атаманы и, болѣе всѣхъ, Ермакъ Тимофеевичъ: судя по его послѣдующей предводительской роли, онъ-то, вѣроятно, и

былъ главнымъ двигателемъ всего предпріятія и склонилъ самихъ Строгановыхъ способствовать ему. Послѣдніе избавлялись такимъ образомъ отъ безпокойной толпы казаковъ и приводили въ исполненіе давнюю мысль свою собственную и московскаго правительства: о перенесеніи борьбы съ сибирскими татарами въ ихъ собственную землю за Уральскій хребетъ и наказаніи хана, переставшаго платить дань Москвѣ.

Какъ бы то ни было, Ермакъ съ товарищами принялся нагружать суда всѣми нужными запасами. Строгановы снабдили казаковъ провіантомъ, необходимымъ для дальняго пути, а именно: ветчиной, толокномъ, мукой, крупой, солью, а также ружьями, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Мало того, дали имъ еще 300 человѣкъ изъ собственныхъ ратныхъ людей, въ числѣ которыхъ, кромѣ русскихъ, были наемные литовцы, нѣмцы и татары; дали имъ также провожатыхъ и толмачей, знавшихъ сибирскіе пути и языки. Казаковъ на лицо было 540. Слѣдовательно, число всего отряда простиралось свыше 800 человѣкъ. Отправляясь въ такой дальній и трудный походъ, казаки сознавали, что его успѣхъ былъ бы невозможенъ безъ строгаго воинскаго порядка (дисциплины); потому за нарушеніе его атаманы уставили разныя наказанія: такъ, блудниковъ положено публично мыть и потомъ сажать на три дня въ оковы, а ослушниковъ и бѣглецовъ топить въ рѣкѣ. Предстоявшіе труды и опасности напомнили казакамъ о церкви Божіей и сдѣлали ихъ богомольными; говорятъ, что Ермака сопровождали три священника и одинъ монахъ, которые ежедневно совершали божественную службу. Приготовленія къ походу потребовали не мало времени; такъ что самый походъ начался довольно поздно, уже въ сентябрѣ 1581 года. Помолясь Богу, воины сѣли на суда и при звукѣ военныхъ трубъ и сопѣлей отплыли вверхъ по Чусовой. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія они вошли въ ея притокъ, рѣчку Серебрянку, и достигли волока, который отдѣляетъ систему рѣки Камы отъ сибирскихъ рѣкъ, именно отъ Обской системы. Пришлось употребить немало трудовъ и усилій, чтобы перебраться со всѣми тяжестями черезъ этотъ волокъ и спуститься въ ближайшую рѣчку Жеравлю; только немногія наиболѣе легкія лодки удалось перетащить, а нѣкоторыя застряли на самомъ волокѣ. Наступило уже ненастное холодное время, рѣки стали покрываться льдомъ, и гдѣ-то около этого волока казаки должны были зазимовать. Они поставили себѣ

острожекъ, откуда одна ихъ часть на лыжахъ и нартахъ предпринимала поиски въ сосѣдніе вогульскіе края за съѣстными припасами и всякою добычею; а другая стропла новыя лодки и изготовляла все нужное для весенняго похода. Когда наступило половодье, дружина сѣла на суда и Жеравлею спустилась въ рѣчку Баранчу, Баранчею въ Тагилъ, а Тагиломъ выплыла въ Туру, притокъ Тобола, и такимъ образомъ вступила въ предѣлы Сибирскаго ханства. На берегахъ Туры стоялъ остяцко-татарскій юртъ Чингиди (Тюмень), которымъ владѣлъ или родственникъ Кучума, или просто его данникъ мѣстный князекъ Епанча. Тутъ произошла первая, упоминаемая въ сибирскихъ лѣтописяхъ, битва, которая окончилась совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ епанчинскихъ татаръ. Турою казаки вошли въ рѣку Тоболъ и тамъ на устьѣ Тавды имѣли второе удачное дѣло съ татарами. Бѣглецы татарскіе принесли Кучуму вѣсти о пришествіи русскихъ воиновъ; при чемъ (по словамъ сибирскихъ лѣтописей) оправдывали свое пораженіе дѣйствіемъ незнакомыхъ имъ ружей, которыя считали особыми луками: „когда русскіе стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда отъ нихъ пашетъ огонь, и дымъ великій исходитъ, и громъ грянетъ какъ будто съ небеси; стрѣлъ невидно, а раны наносятъ смертельныя, и никакими ратными сбруями невозможно отъ нихъ ущититься: куяки наши, и бахтерцы, и пансыри, и кольчугп все пробиваютъ на вылетъ“. Вѣсти эти сильно опечалили Кучума и смутили его тѣмъ болѣе, что разныя знаменія, если вѣрить народному преданію, уже предрекали ему приходъ русскихъ людей и паденіе его царства. Между прочимъ оно разсказываетъ слѣдующее. На Иртышѣ противъ устья Тобола былъ песчаный островокъ, и окрестные жители будто-бы не разъ видѣли, какъ на этотъ островокъ выходили два звѣря, одинъ изъ Иртыша, другой изъ Тобола, и бились между собою. Первый большой, бѣлый, косматый, подобный волку, а второй небольшой, черный, похожій на гончаго пса; второй убивалъ перваго и обратно уходилъ въ воду; но и первый чрезъ нѣсколько времени вставалъ и скрывался въ водѣ. Когда донесли Кучуму объ этомъ явленіи, онъ вопросилъ волхвовъ и гадателей, и тѣ объяснили ему, что большой звѣрь означаетъ его царство, а малый русскаго воина, который придетъ и возьметъ это царство. (Любопытныя черты сходства съ преданіями о завоеваніи Мексики Кортецомъ).

Сибирскій ханъ однако не теряетъ времени и спѣшитъ

принять дѣятельныя мѣры для своей обороны. Онъ собираетъ повсюду своихъ князей и мурзъ съ татарами, кромѣ нихъ еще толпы подвластныхъ остяковъ и вогуловъ, и посылаетъ ихъ подъ начальствомъ своего близкаго родственника храбраго царевича Магметкула навстрѣчу казакамъ. А самъ между тѣмъ устраиваетъ земляныя укрѣпленія и засѣки около устья Тобола, подъ такъ называемой Чувашевой горой, чтобы преградить доступъ къ своей столицѣ, городку Сибири, расположенному, какъ сказано, на Иртышѣ нѣсколько ниже впаденія въ него Тобола.

Послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ обѣ стороны дрались съ большимъ упорствомъ. Магметкулъ сначала встрѣтилъ казаковъ около урочища, именуемаго Бабасаны. Тутъ казаки вышли на берегъ и вступили въ сраженіе. Ни конница татарская, ни стрѣлы, ни копья непріятельскія не устояли противъ мужества казаковъ и ихъ пищалей. Магметкулъ бѣжалъ назадъ къ засѣкѣ подъ Чувашевой горой. Казаки поплыли далѣе по Тоболу и дорогою овладѣли улусомъ карачи или главнаго совѣтника Кучумова, гдѣ нашли склады меду и всякаго добра, принадлежавшаго хану. Достигнувъ устья Тобола, они сначала уклонились отъ помянутой засѣки, повернули вверхъ по Иртышу, взяли на его берегу городокъ мурзы Атика и расположились тутъ на отдыхъ, обдумывая дальнѣйшій планъ дѣйствія. Большое скопище непріятелей, укрѣпившихся подъ Чувашевымъ, заставило ихъ призадуматься. Собрался казачій кругъ для рѣшенія вопроса: идти ли впередъ или воротиться. Нѣкоторые голоса совѣтовали отступить. Но болѣе мужественные и энергичные возстали противъ такого совѣта, напоминали данный передъ походомъ клятвенный обѣтъ стоять всѣмъ за одинъ и скорѣе пасть до единаго человѣка, чѣмъ со срамомъ бѣжать назадъ. При томъ уже наступала глубокая осень, скоро рѣки должны были покрыться льдомъ, и обратное плаваніе дѣлалось крайне опаснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ краснорѣчивымъ и самымъ рѣшительнымъ противникомъ отступленія былъ Ермакъ, который сумѣлъ ободрить товарищей и вдохнуть въ нихъ единодушную рѣшимость побѣдить или умереть. 23 октября рано по утру казаки, помолясь Богу, вышли изъ городка. При кликахъ: „съ нами Богъ!“ „Господь помози рабомъ своимъ!“ они ударили на засѣку, и начался самый упорный бой. Непріятели встрѣтили нападающихъ тучею стрѣлъ и многихъ переранили.

Несмотря на отчаянные приступы, казаки не могли одолѣть укрѣпленія и начали изнемогать. Тогда татары, считая себя уже побѣдителями, сами въ трехъ мѣстахъ разломали засѣку и сдѣлали вылазку. Но тутъ въ отчаянной рукопашной схваткѣ казаки показали, насколько они крѣпче непріятелей духомъ и тѣломъ; татары были побѣждены и бросились назадъ; вслѣдъ за ними русскіе ворвались въ засѣку и водрузили на ней свои знамена. Остяцкіе князьки первые покинули мѣсто боя и съ своими толпами ушли домой. Царевичъ Магметкулъ, раненый, спасся въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Кучумъ съ своими мурзами и уланами наблюдалъ за битвою съ вершины горы и приказывалъ мулламъ читать молитвы, призывая на помощь Аллаха и Магомета. Увидѣвъ бѣгство всего войска, онъ и самъ поспѣшилъ въ свою столицу Сибирь; но не остался въ ней, ибо уже некому было оборонять ее; а, захвативъ съ собою, что можно, изъ своего добра, бѣжалъ на югъ въ Ишимскія степи. Узнавъ о бѣгствѣ Кучума, 26 октября 1582 года въ день св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ казаками вошелъ въ пустой городъ Сибирь; здѣсь они нашли цѣнную добычу, которую раздѣлили между собою, въ томъ числѣ много золота, серебра, разныхъ тканей и особенно мѣховъ собольихъ, лисьихъ и куньихъ. Спустя нѣсколько дней, жители начали возвращаться: первымъ пришелъ остяцкій князекъ со своими людьми и принесъ Ермаку и его дружинѣ дары и съѣстные припасы; затѣмъ мало-по-малу возвращались и татары съ женами и дѣтьми.

И такъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и почти баснословныхъ подвиговъ, казаки водрузили русскія знамена въ столицѣ Сибирскаго царства. Хотя огнестрѣльное оружіе и давало имъ сильное преимущество передъ туземными народцами, однако при оцѣнкѣ ихъ подвига нужно имѣть въ виду, что на сторонѣ враговъ было огромное численное превосходство: по словамъ лѣтописей русскіе воины имѣли противъ себя будто-бы въ 20 и даже въ 30 разъ большее количество непріятелей. Только необычайная крѣпость духа и тѣла помогли казакамъ одолѣть столько враговъ. А эти дальніе походы по незнакомымъ рѣкамъ и странамъ при всѣхъ перемѣнахъ суроваго сѣвернаго климата показываютъ, до какой степени Ермакъ и его товарищи были людьми бывалыми, закаленными въ лишеніяхъ, привычными къ такого рода трудамъ и къ борьбѣ съ сѣверною природою.

Завоеваніемъ Кучумовой столицы однако война далеко еще не кончилась. Самъ Кучумъ нисколько не считалъ для себя потерянымъ свое царство, которое на половину состояло изъ кочевыхъ татарскихъ улусовъ и бродячихъ инородцевъ; сѣдніе степи, куда казаки не могли за нимъ слѣдовать, представляли ему надежное убѣжище; отсюда онъ могъ дѣлать внезапныя нападенія на казаковъ, и потому борьба съ нимъ затянулась потомъ на довольно продолжительное время. Особенно опасенъ былъ предпріимчивый царевичъ Магметкулъ, скоро успѣвшій оправиться отъ своихъ ранъ. Уже въ ноябрѣ или декабрѣ того же года онъ подстерегъ небольшой отрядъ казаковъ, безпечно занимавшихся рыбною ловлею на ближнемъ Абалацкомъ озерѣ, и нечаяннымъ нападеніемъ почти всѣхъ перебилъ. Это была первая чувствительная потеря, которая очень огорчила Ермака и всю дружину. Ермакъ началъ изыскивать средства къ отмщенію. Наконецъ слѣдующею весною отъ одного преданнаго себѣ татарина онъ узналъ, что Магметкулъ расположился станомъ на рѣкѣ Вагаѣ (лѣвый притокъ Иртыша между Тоболомъ и Ишимомъ), верстъ за сто отъ города Сибири. Посланный противъ него отрядъ казаковъ, въ свою очередь, внезапно напалъ ночью на его станъ и многихъ татаръ убилъ, а самого царевича захватилъ въ плѣнъ живымъ. Потеря храбраго царевича нанесла сильный ударъ Кучуму и на нѣкоторое время обезопасила казаковъ отъ его предпріятій. Но число ихъ уже сильно убавилось; военные запасы истощались, тогда какъ предстояло еще много трудовъ и битвъ, чтобы докончить покореніе сибирской земли и упрочить тамъ русское владычество. Поэтому была настоятельная нужда въ помощи изъ Россіи.

Уже вскорѣ по взятіи города Сибири, Ермакъ и его товарищи отправили къ Строгановымъ вѣсти о своихъ успѣхахъ; а потомъ съ тѣми же вѣстями послали въ Москву къ самому царю Ивану Васильевичу атамана Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками и съ дорогими сибирскими соболями, а также съ просьбою прислать имъ царскихъ ратныхъ людей на помощь.

Межъ тѣмъ какъ доблестная казацкая дружина завоевывала Москвѣ новое татарское царство, въ Пермскомъ краю произошло событіе, которое навлекло на Строгановыхъ гнѣвъ Грознаго царя и новую опалу на товарищей Ермака. Пользуясь тѣмъ, что въ Пермскомъ краю оставалось мало ратныхъ лю-

дей, какой-то пелымскій (вогульскій) князь пришелъ съ толпами остяковъ, вогуловъ и вотяковъ, доходилъ до Чердыни, т. е. до главнаго города этого края, а потомъ обратился на Камское Усолье, Канкоръ, Кергеданъ и Чусовскіе городки, выжигая окрестныя села, погосты и посады и забирая въ плѣнъ крестьянъ. Строгановы едва отстояли отъ непріятелей свои городки. Чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ, можетъ быть, и безъ того недовольный привилегіями Строгановыхъ и ихъ неподсудностію себѣ, воспользовался этимъ нападеніемъ для ихъ обвиненія. Въ своемъ донесеніи царю Ивану Васильевичу всю вину претерпѣннаго Пермскимъ краемъ опустошенія онъ свалилъ на Строгановыхъ; они-де безъ царскаго указа призвали въ свои остроги воровскихъ казаковъ, на вогуличей и вотяковъ посылали и ихъ задрали, съ сибирскимъ салтаномъ ссорили русскихъ людей; когда же пришелъ пелымскій князь, государевымъ городамъ своими ратными людьми не помогли; а Ермакъ съ товарищами, вмѣсто того чтобы оборонять пермскую землю, пошелъ воевать на вогуловъ, остяковъ и татаръ. Вслѣдствіе этого донесенія Строгановымъ отправлена изъ Москвы немилостивая царская грамота, подписанная дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ и помѣченная 16-мъ ноября 1582 года. Этою грамотою повелѣвалось Строгановымъ впредь казаковъ у себя не держать, а волжскихъ атамановъ, Ермака Тимофеева съ товарищами, прислать въ Пермь (т. е. Чердынь) и Камское Усолье, гдѣ они должны стоять не вмѣстѣ, а раздѣлясь, у себя же позволялось оставить не болѣе ста человѣкъ съ однимъ атаманомъ. Если же этого повелѣнія не будетъ въ точности исполнено и опять надъ пермскими мѣстами учинится какая бѣда отъ вогуловъ и сибирскаго салтана, то на Строгановыхъ будетъ наложена „большая опала“. Въ Москвѣ, очевидно, не знали ничего о сибирскомъ походѣ и требовали присылки въ Чердынь Ермака съ казаками, которые въ это время уже располагались на берегахъ Иртыша въ средоточіи сибирскаго ханства. Понятно, что, получивъ сію грамоту, Строгановы были „въ великой печали“. Они понадѣялись на данное имъ прежде разрѣшеніе заводить городки за Каменнымъ Поясомъ и воевать сибирскаго салтана, а потому и отпустили туда казаковъ, не сносясь ни съ Москвою, ни съ пермскимъ воеводою. Недолго однако длилась ихъ печаль. Вскорѣ подоспѣла радостная вѣсть отъ Ермака съ товарищами объ ихъ необыкновенной удачѣ. Съ этою вѣстью Стро-

гановы лично поспѣшили въ Москву. А потомъ прибыло туда же и казацкое посольство во главѣ съ опальнымъ атаманомъ Кольцо (когда-то осужденнымъ на смерть за разбои). Разумѣется, объ опалахъ не могло быть болѣе и рѣчи. Государь принялъ атамана и казаковъ очень ласково, наградилъ деньгами и сукнами и опять отпустилъ въ Сибирь, пославъ атаманамъ и казакамъ свое милостивое слово и многіе подарки за вѣрную службу. Говорятъ, что Ермаку онъ послалъ шубу съ своего плеча, серебряный кубокъ и два панцыря. На подкрѣпленіе имъ онъ потомъ отправилъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Плѣннаго царевича Магметкула царь велѣлъ привезти въ Москву, гдѣ онъ потомъ былъ пожалованъ вотчинами и занялъ мѣсто между служилыми татарскими князьями. Строгановы были награждены новыми торговыми льготами и еще двумя земельными пожалованіями, Большою и Малою Солью.

Послѣ взятія въ плѣнъ Магметкула казаки были болѣе обезпечены со стороны Кучума, который въ то время былъ отвлеченъ и возобновившеюся борьбою съ соперникомъ своимъ, т. е. съ родомъ Тайбуги. Они употребили это время на то, чтобы докончить покореніе (собственно—обложеніе данью) остяцкихъ и вогульскихъ волостей, входившихъ въ составъ сибирскаго ханства. Изъ города Сибири они ходили по Иртышу и Оби, и между прочимъ на берегахъ послѣдней взяли остяцкій городъ Казымъ, при чемъ плѣнили мѣстнаго князька; но тутъ на приступѣ они потеряли одного изъ своихъ атамановъ, Никиту Пана. Вообще число завоевателей сильно убавилось; едва-ли ихъ оставалась и половина; съ нетерпѣніемъ ожидали они помощи изъ Россіи. Только осенью 1584 года наконецъ приплыли на стругахъ Болховской и Глуховъ; но они привели съ собою не болѣе 300 человѣкъ—помощь слишкомъ недостаточная для того, чтобы упрочить за Россіей завоеваніе такого обширнаго пространства, когда на вѣрность только-что покоренныхъ мѣстныхъ князьковъ еще нельзя было положиться и когда нашъ главный, непримиримый врагъ, Кучумъ, еще жилъ и дѣйствовалъ во главѣ своей татарской орды. Казаки съ радостью встрѣтили московскихъ ратныхъ людей и привезенные ими царскіе подарки. Но приходилось раздѣлить съ пришедшими свои и безъ того скудные съѣстные запасы; наступившею зимою отъ недостатка продовольствія открылась смертность въ городѣ Сибири. Тогда же умеръ и князь Бол-

ховской. Только весною, благодаря обильному улову рыбы и всякой дичи, а также хлѣбу и скоту, доставленнымъ отъ окрестныхъ инородцевъ, миновало бѣдствіе, и русскіе оправились отъ голоднаго времени. Такъ какъ князь Болховской, повидимому, былъ назначенъ сибирскимъ воеводою, которому казацкіе атаманы должны были сдать городъ и сами подчиниться, то смерть его избавляла горсть русскихъ людей отъ неизбѣжнаго впослѣдствіи соперничества и несогласія начальниковъ; ибо едва-ли атаманы охотно отказались бы отъ своей самостоятельности и своей первенствующей роли въ новозавоеванной землѣ. Со смертью Болховскаго соперничество устранялось; Ермакъ снова и окончательно сталъ во главѣ соединеннаго казацко-московскаго отряда.

Доселѣ русское дѣло въ Сибири шло вообще хорошо, и удача сопровождала почти всѣ предпріятія Ермака. Но—какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, и цѣлыхъ народовъ—счастье наконецъ стало измѣнять; наступили невзгоды, и дѣла приняли дурной оборотъ. Продолжительная удача ослабляетъ постоянную напряженную предосторожность и порождаетъ безпечность; а сія послѣдняя въ свою очередь ведетъ за собою бѣдственныя неожиданности. Такъ было и въ Сибири съ ея первыми завоевателями.

Одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ-данниковъ, которому лѣтописи даютъ званіе карачи, т. е. бывшаго ханскаго совѣтника, задумалъ измѣну и прислалъ къ Ермаку своихъ пословъ съ просьбою оборонить его отъ ногаевъ (вѣроятно Кучумовыхъ союзниковъ). Послы шертвовали т. е. присягнули, въ томъ, что не мыслятъ никакого зла противъ русскихъ. Ермакъ и другіе атаманы повѣрили ихъ клятвѣ. Иванъ Кольцо и съ нимъ сорокъ казаковъ отправились въ городокъ карачи, были ласково приняты, и потомъ—вѣроятно, во время сна, отдыха или пирушки—вѣроломно всѣ умерщвлены. Вѣсть о ихъ гибели была тяжкимъ ударомъ для русской дружины. Для отмщенія за нихъ, посланъ былъ отрядъ съ атаманомъ Яковомъ Михайловымъ; но и этотъ отрядъ (вѣроятно, попавъ въ засаду) былъ также истребленъ вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ. Послѣ того окрестные инородцы легко склонились на увѣщанія карачи и подняли возстаніе противъ русскихъ. Съ большою толпою татаръ и остяковъ онъ пришелъ подъ самый городъ Сибирь и осадилъ его. Весьма возможно, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ своимъ бывшимъ ханомъ Кучумомъ и

слѣдовалъ его внушеніямъ. Русская дружина, ослабленная помянутыми потерями, принуждена была запереться въ городѣ и выдерживать осаду. Послѣдняя затянулась, и русскіе начали уже испытывать сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: карача надѣялся выморить ихъ голодомъ. Но отчаяніе придаетъ силы и рѣшимости. Въ одну іюньскую ночь казаки раздѣлились на двѣ части: одна осталась съ Ермакомъ стеречь городъ; а другая съ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ незамѣтно вышла въ поле и прокралась къ стану самого карачи, отдѣльно стоявшему за нѣсколько верстъ отъ города. Тутъ много непріятелей было избито, въ томъ числѣ и два сына карачи; а самъ онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. На разсвѣтѣ, когда въ главномъ станѣ осаждавшихъ узнали о вылазкѣ казаковъ, толпы непріятелей поспѣшили на помощь карачи и окружили малочисленную дружину казаковъ. Но послѣдніе огородились карачинскимъ обозомъ и встрѣтили враговъ ружейнымъ огнемъ. Наконецъ дикари не выдержали и разсѣялись. Городъ освободился отъ осады; а вмѣстѣ съ тѣмъ окрестныя племена снова признали себя нашими данниками и снабдили русскихъ съѣстными припасами. Послѣ того Ермакъ предпринялъ удачный походъ вверхъ по Иртышу для утвержденія русскаго владычества въ той сторонѣ и можетъ быть, для поиска за Кучумомъ, который, какъ мы сказали, едва-ли былъ чуждъ помянутому возстанію карачи. Но изворотливый, неутомимый Кучумъ былъ неуловимъ въ своихъ Ишимскихъ степяхъ и строилъ новыя козни на погибель русскимъ.

Едва Ермакъ воротился въ Сибирь и расположился на отдыхъ, какъ къ нему приходитъ извѣстіе, будто караванъ бухарскихъ купцовъ шелъ съ товарами въ городъ Сибирь, но гдѣ-то остановился, ибо Кучумъ не даетъ ему дороги! Прибытіе бухарскаго каравана и вообще возобновленіе торговыхъ сношеній Сибири съ средней Азіей было событіемъ весьма желаннымъ для казаковъ, собиравшихъ богатыя дани дорогими мѣхами, на которые они могли бы вымѣнивать шерстяныя и шелковыя ткани, ковры, оружіе, пряности, сухіе фрукты и прочіе предметы среднеазіатской промышленности. Ермакъ былъ обрадованъ вѣстью о караванѣ, и, въ первыхъ числахъ августа, лично съ небольшимъ отрядомъ поплылъ на встрѣчу купцамъ вверхъ по Иртышу. Казацкіе струги достигли устья Вагая, однако никого не было видно, ни бухарцевъ, ни Кучумовыхъ татаръ. Ермакъ поднялся еще немного по Вагаю; та

же пустыня. Онъ поплылъ назадъ. Въ одинъ темный, бурный вечеръ онъ присталъ къ берегу и тутъ нашелъ свою погибель. Подробности ея навсегда остались неизвѣстны для исторіи и сдѣлались достояніемъ легенды; но уже сама по себѣ, касающаяся замѣчательнаго историческаго лица, она заслуживаетъ передачи, и тѣмъ болѣе, что не лишена нѣкоторой степени правдоподобія.

Вотъ что она разсказываетъ:

Казаки пристали собственно къ острову, образуемому протокомъ или рукавомъ Иртыша; а потому, считая себя въ безопасности, расположились тутъ станомъ и предались отдохновенію, не поставивъ стражи. Утомленные труднымъ походомъ, всѣ они погрузились въ глубокій сонъ. А между тѣмъ Кучумъ былъ недалеко. (Самая вѣсть о небываломъ бухарскомъ каравапѣ едва-ли не была пущена имъ же для того, чтобы заманить Ермака въ засаду). Его лазутчики скрытно слѣдили за всѣми движеніями казаковъ и донесли хану объ ихъ остановкѣ на ночлегъ. У Кучума былъ одинъ татаринъ, осужденный на смертную казнь. Ханъ послалъ его искать конскаго броду на островъ, обѣщая помилованіе въ случаѣ удачи. Татаринъ перебрелъ рѣку или рукавъ ея и воротился съ вѣстью о полной безпечности казаковъ. Кучумъ сначала не повѣрилъ и велѣлъ принести какое-либо доказательство. Татаринъ отправился въ другой разъ и принесъ три казацкихъ пищали и три лядунки съ порохомъ. Тогда Кучумъ посылаетъ на островъ толпу татаръ. При шумѣ дождя и завываніи вѣтра, татары неслышно прокрались къ стану и затѣмъ принялись избивать сонныхъ казаковъ. Легенда прибавляетъ, что проснувшійся Ермакъ бросился въ рѣку къ своему стругу, но попалъ на глубокое мѣсто; тутъ, имѣя на себѣ желѣзную броню, онъ не могъ выплыть и утонулъ. Какъ бы то ни было, при семъ внезапномъ нападеніи весь казацкій отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ своимъ вождемъ. Такъ погибъ этотъ русскій Кортецъ и Пизарро, этотъ храбрый, „велеумный“ атаманъ, какъ его называютъ сибирскія лѣтописи, изъ удалыхъ разбойниковъ силою обстоятельствъ и своихъ богатыхъ дарованій превратившійся въ героя, котораго слава никогда не изгладится изъ народной памяти.

Несомнѣнно, что два важныя обстоятельства помогли казацко-русской дружинѣ при первомъ завоеваніи Сибирскаго ханства: съ одной стороны огнестрѣльное оружіе, соединенное

съ закаленностью въ военныхъ трудахъ и лишеніяхъ; съ другой внутреннее состояніе самого ханства, ослабленнаго междоусобіями двухъ соперничествующихъ родовъ, а также недовольствомъ многихъ мѣстныхъ язычниковъ противъ насильно вводимаго Кучумомъ мусульманства; понятно, что сибирскіе шаманы съ ихъ кудесами и идольскими жертвами неохотно уступали свое мѣсто магометанскимъ муллламъ. Но была еще третья важная причина успѣха—это личность самого „начальнаго“ атамана Ермака Тимофеевича, его неодолимое мужество, опытность и знаніе военнаго дѣла, его предводительскій талантъ, безъискусственное краснорѣчіе и желѣзная сила характера. О послѣдней ясно свидѣтельствуетъ порядокъ и повиновеніе, т. е. та воинская дисциплина, которую онъ сумѣлъ водворить въ своей дружинѣ между вольными казаками, съ ихъ буйными нравами, съ ихъ привычкою къ разгулу и своеволію.

Гибель Ермака воочію подтвердила, что онъ дѣйствительно былъ главнымъ двигателемъ и душою всего предпріятія. Когда вѣсть о ней достигла города Сибири, остававшаяся казацкая дружина не только горько оплакала потерю своего вождя, но и тотчасъ рѣшила, что безъ него, при своей малочисленности, она не можетъ держаться посреди ненадежныхъ туземцевъ противъ сибирскихъ татаръ, избавившихся отъ ихъ главной грозы, т. е. отъ Ермака. Казаки и московскіе ратные люди, въ числѣ не болѣе полутораста человѣкъ, немедленно покинули городъ Сибирь съ стрѣлецкимъ головою Иваномъ Глуховымъ и Матвѣемъ Мещерякомъ, единственнымъ оставшимся у нихъ изъ пяти атамановъ; дальнимъ сѣвернымъ путемъ по Иртышу и Оби они отправились обратно за Камень. Едва русскіе очистили Сибирь, какъ Кучумъ послалъ сына Алея занять свой стольный городъ. Но онъ не долго здѣсь удержался. Выше мы видѣли, что владѣвшій Сибирью князь Тайбугина рода Едигеръ и братъ его Бекбулатъ погибли въ борьбѣ съ Кучумомъ. Послѣ Бекбулата остался маленькій сынъ, по имени Сейдякъ. Онъ нашелъ убѣжище въ Бухарѣ, выросъ тамъ и теперь явился мстителемъ за отца и дядю. Получивъ помощь отъ бухарцевъ и киргизовъ, Сейдякъ возобновилъ борьбу съ Кучумомъ. Послѣдній былъ побѣжденъ; Алей изгнанъ изъ Сибири, и сей стольный городъ перешелъ въ руки Сейдяка. Такимъ образомъ татарское царство въ Сибири было возстановлено, и завоеваніе Ермака казалось утраченнымъ. Но это только каза-

лось. Русскіе уже узнали дорогу въ Сибирь, извѣдали слабость, разноплеменность этого царства и его естественныя богатства; они уже считали его своимъ достояніемъ и не замедлили вернуться.

Ошибку Ивана IV, недостаточно оцѣнившаго трудное положеніе завоевателей въ Сибири, спѣшило исправить слѣдующее правительство Ѳеодора Ивановича, которое отправляетъ туда одинъ отрядъ за другимъ. Еще не зная о гибели Ермака и уходѣ русской дружины изъ Сибири, московское правительство лѣтомъ 1585 года послало ей на помощь воеводу Ивана Мансурова съ сотнею стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей и — что́ особенно важно — съ пушкою... На этомъ походѣ съ нимъ соединился остатокъ первыхъ завоевателей съ атаманомъ Мещерякомъ. Найдя городъ Сибирь уже занятымъ татарами, воевода проплылъ мимо, спустился по Иртышу до его впаденія въ Обь, остановился здѣсь на зимовку и поставилъ городокъ. Мѣстные народцы думали, что они уже избавились отъ русскаго подданства, и нисколько не желали подчиниться ему снова. Приходилось вновь начинать дѣло покоренія; но на сей разъ оно пошло легче и быстрѣе съ помощью опыта и по проложеннымъ путямъ. Окрестные остяки собрались вокругъ русскаго городка и попытали взять его; но были отбиты. Тогда, по словамъ лѣтописей, они принесли своего главнаго идола, пользовавшагося большимъ поклоненіемъ; поставили его подъ деревомъ и начали творить ему жертвы, прося помощи противъ христіанъ. Русскіе навели на него свою пушку; раздался выстрѣлъ, и дерево вмѣстѣ съ идоломъ было разбито въ щепы. Остяки въ страхѣ разсѣялись и оставили русскихъ въ покоѣ. Мало того, остяцкій князь Лугуй, который владѣлъ шестью городками по рѣкѣ Оби, первый изъ мѣстныхъ владѣтелей отправился въ Москву, гдѣ билъ челомъ, чтобы государь принялъ его въ число своихъ данниковъ и не велѣлъ воевать его своимъ ратнымъ людямъ, сидѣвшимъ на Усть-Иртышѣ. Съ нимъ обошлись ласково и наложили на него дань въ семь сороковъ лучшихъ соболей. Вслѣдъ за Мансуровымъ прибыли въ Сибирскую землю воеводы Сукинъ и Мясной и начали съ того, что на рѣкѣ Турѣ, на мѣстѣ стараго городка Чингія, построили крѣпость Тюмень и въ ней воздвигли христіанскій храмъ. А въ слѣдующемъ 1587 году, послѣ прибытія новыхъ подкрѣпленій, голова Данила Чулковъ отправился изъ Тюмени далѣе, спустился по Тоболу до его устья и здѣсь на высокомъ

берегу Иртыша основалъ Тобольскъ, въ которомъ построилъ двѣ церкви; этотъ городъ вскорѣ сдѣлался средоточіемъ русскихъ владѣній въ Сибири, благодаря своему выгодному положенію въ узлѣ сибирскихъ рѣкъ, т. е. главныхъ путей сообщенія. Такимъ образомъ, вмѣсто далекихъ и трудныхъ походовъ первыхъ завоевателей, московское правительство и здѣсь употребило обычную свою систему: распространять и упрочивать свое владычество на окраинахъ постепеннымъ построеніемъ крѣпостей. Тобольскъ явился неподалеку отъ прежняго средоточія Сибирскаго царства, т. е. отъ города Сибири. Такое сосѣдство сильно стѣснило татарскаго князя Сейдяка Бекбулатовича. Онъ попытался на открытую борьбу съ русскими; собралъ сколько могъ войска и приступилъ къ Тобольску. Но выстрѣлами изъ пищалей и пушекъ русскіе отразили приступы татаръ; а потомъ сдѣлали вылазку и окончательно ихъ разбили; при чемъ самъ Сейдякъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Этотъ бой замѣчателемъ еще тѣмъ, что въ немъ палъ Матвѣй Мещерякъ, послѣдній изъ пяти извѣстныхъ атамановъ. По другому извѣстію, съ Сейдякомъ покончили инымъ способомъ. Будто-бы съ однимъ киргизъ-кайсацкимъ царевичемъ и карачею, бывшимъ Кучумовымъ вельможею, теперь перешедшимъ на сторону Сейдяка, сей послѣдній задумалъ захватить Тобольскъ хитростью; для чего пришелъ съ 500 человѣкъ и расположился на лугу подлѣ города, подъ предлогомъ охоты. Догадываясь о его замыслѣ, Чулковъ притворился его пріятелемъ и пригласилъ его въ гости, а также для переговоровъ о мирѣ. Сейдякъ съ царевичемъ и карачею вошелъ въ городъ въ сопровожденіи сотни своихъ татаръ, которыхъ однако русскіе при въѣздѣ въ городъ обезоружили. Во время пиршества, когда воевода пригласилъ своихъ гостей выпить за здоровье государя, тѣ будто-бы стали пить и поперхнулись. Тогда воевода объявилъ, что у нихъ на умѣ недобрый замыселъ, и велѣлъ ихъ схватить. Послѣ чего они были отправлены въ Москву въ 1588 году. (Полагаютъ, что упомянутый здѣсь киргизскій *салтанъ* или царевичъ былъ не кто иной какъ Уразъ-Мухамедъ, который потомъ, въ царствованіе Бориса Годунова, посаженъ ханомъ въ Касимовѣ). Послѣ того стольный татарскій городъ Сибирь былъ оставленъ татарами и мало-по-малу запустѣлъ.

Покончивъ съ Сейдякомъ, русскіе воеводы принялись за Кучума, который оставался еще на свободѣ, кочевалъ въ

Барабинской степи и оттуда продолжалъ своими нападеніями тревожить русскихъ, упорно не признавая ихъ владычества въ своемъ бывшемъ ханствѣ. Онъ получалъ помощь отъ сосѣднихъ ногаевъ, съ князьями которыхъ находился въ близкомъ свойствѣ, женивъ нѣкоторыхъ своихъ сыновей на ихъ дочеряхъ и выдавъ за нихъ собственныхъ дочерей. Къ нему же примкнула теперь и часть мурзъ осиротѣлаго Тайбугина улуса. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Масальскій ходилъ въ Ишимскую степь близъ озера Чили-Кула, разбилъ Кучумовыхъ татаръ и взялъ въ плѣнъ его сына Абдулъ-Хаира. Но самъ Кучумъ спасся и потомъ продолжалъ свои разбойничьи набѣги. Чтобы обезопасить съ этой стороны русскія владѣнія и стѣснить движенія Кучума, въ 1594 году князь Андрей Елецкій съ сильнымъ отрядомъ двинулся вверхъ по Иртышу и близъ впаденія въ него рѣки Тары заложилъ городъ, названный именемъ этой рѣки. Новый городъ очутился почти въ центрѣ той плодородной и хорошо орошенной степи, по которой кочевала орда Кучума, угрозами и насиліемъ собирая ясакъ съ татарскихъ волостей, расположенныхъ по Иртышу и уже присягнувшихъ на русское подданство. Городъ Тара дѣйствительно оказалъ большую пользу въ борьбѣ съ нимъ. Отсюда русскіе неоднократно предпринимали противъ него поиски въ степи; били его татаръ, разоряли его улусы, перехватывали шедшихъ къ нему гонцовъ и торговцевъ, ногайскихъ и бухарскихъ, вступали въ сношенія съ его мурзами, которыхъ подарками и обѣщаніями льготъ переманивали въ наше подданство. При семъ воеводы не разъ посылали къ нему съ увѣщаніями, чтобы онъ прекратилъ свое сопротивленіе и покорился русскому государю, обнадеживая его царскими милостями. Отъ самого царя Ѳедора Ивановича отправлена была къ нему увѣщательная грамота: она указывала на его безвыходное положеніе, на то, что два его сына въ плѣну, друзья его оставили, Сибирь покорена, что самъ Кучумъ сдѣлался бездомнымъ казакомъ, что государю стоитъ только послать на него свою большую рать, чтобы его уничтожить; но что государь готовъ все забыть, если Кучумъ явится въ Москву съ повинною; тогда въ награду ему даны будутъ города и волости, а если пожелаетъ, то и прежній его юртъ, т. е. самая Сибирь. Плѣнный Абдулъ-Хаиръ, по внушенію московскаго правительства, также писалъ отцу и склонялъ его покориться, приводя въ примѣръ себя и брата Магметкула, кото-

рымъ государь пожаловалъ города и волости (въ кормленіе). Ничто однако не могло склонить упрямаго старика къ покорности. Въ своихъ отвѣтахъ онъ бьетъ челомъ Бѣлому царю, чтобы тотъ отдалъ ему назадъ Иртышскій берегъ, а воеводъ русскихъ проситъ воротить ему одинъ конскій вьюкъ, захваченный ими вмѣстѣ съ шедшими къ нему послами: въ этомъ вьюкѣ находилось зелье для его больныхъ глазъ. Съ самаго прихода Ермака онъ борется съ русскими и Сибири имъ не отдавалъ: сами взяли. Помириться онъ готовъ, но только „правдою“ (т. е. не покориться). И къ этому онъ еще прибавляетъ наивную угрозу: „Съ ногаями я въ союзѣ, и если съ двухъ сторонъ станемъ, то плохо будетъ московскому владѣнію“.

Рѣшили во что бы то ни стало покончить съ упрямымъ, безпокойнымъ старикомъ. Въ августѣ 1598 года воевода Воейковъ выступилъ изъ Тары въ Барабинскую степь съ отрядомъ въ 400 человѣкъ казаковъ и служилыхъ татаръ. Посланные впередъ лазутчики добыли языковъ (принесли вѣсти), по которымъ узнали, что Кучумъ съ 500 своей орды ушелъ на верхнюю Обь, гдѣ у него посѣянъ хлѣбъ. Воейковъ шелъ день и ночь и 20 августа на зарѣ внезапно напалъ на Кучумово становище. Татары защищались отчаянно; но должны были уступить превосходству „огненнаго боя“ и потерпѣли полное пораженіе; одни изъ нихъ пали въ битвѣ, другіе погибли въ рѣкѣ Оби во время бѣгства, третьи взяты въ плѣнъ и перебиты вслѣдствіе большаго ожесточенія ратныхъ людей: пощажены только нѣкоторые мурзы съ женами и семейство Кучума; тутъ было захвачено восемь его женъ, пять сыновей, нѣсколько дочерей и снохъ съ малыми дѣтьми. Самъ Кучумъ и на этотъ разъ спасся отъ плѣна: съ нѣсколькими вѣрными людьми онъ уплылъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Воейковъ послалъ къ нему одного татарскаго сеита съ новыми увѣщаніями покориться и ѣхать къ московскому государю. Сеитъ нашелъ его гдѣ-то въ лѣсу на берегу Оби; при немъ были три сына и человѣкъ тридцать татаръ. „Если я не поѣхалъ къ московскому царю въ лучшее время—отвѣчалъ Кучумъ,—то поѣду ли теперь, когда я слѣпъ и глухъ, и нищій“. Объ одномъ только старикъ горько сожалѣлъ: отняли у него любимаго сына, царевича Асманака. „Лучше бы у меня всѣхъ дѣтей взяли, да Асманака мнѣ оставили“—плакался онъ. Есть что-то внушающее нѣкоторое сочувствіе и уваженіе въ поведеніи этого стараго татарина, до-

ходившаго до героизма въ своемъ непреклонномъ рѣшеніи жить и умереть вольнымъ человѣкомъ и, хотя бы только по имени, царемъ сибирскимъ. Конецъ его былъ жалкій. Скитаясь въ степяхъ верхняго Иртыша, потомокъ Чингизъ-хана существовалъ тѣмъ, что отгонялъ скотъ у сосѣднихъ калмыковъ; спасаясь отъ ихъ мести, онъ убѣжалъ къ своимъ бывшимъ союзникамъ ногаямъ и тамъ былъ убитъ. Съ его смертію русскія владѣнія въ Сибири избавились отъ своего непримиримаго врага. Межь тѣмъ семейство его было отправлено въ Москву, куда прибыло уже въ царствованіе Бориса Ѳедоровича Годунова; оно имѣло торжественный въѣздъ въ столицу, на показъ народу, обласкано новымъ государемъ и потомъ разослано по разнымъ городамъ. Вообще въ Москвѣ съ великою радостію были встрѣчены извѣстія объ окончаніи борьбы съ Кучумомъ: въ столицѣ побѣда Воейкова была отпразднована съ молебствіемъ и колокольнымъ звономъ; а самъ онъ и его товарищи награждены золотыми и денежнымъ жалованьемъ.

Во время этой борьбы съ Кучумомъ, московское правительство не теряло времени и продолжало закрѣплять за собой область рѣки Оби построеніемъ новыхъ городковъ и острожковъ. А именно, при Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ явились еще слѣдующія укрѣпленныя поселенія: на лѣвомъ притокѣ Тобола, на рѣкѣ Тавдѣ, при впаденіи въ нее Пелыма—Пелымъ, недалеко отъ впаденія Сосвы въ Обь—Березовъ, въ самыхъ низовьяхъ Оби—Обдорскъ, а на среднемъ ея теченіи—Сургутъ, Нарымъ, Кетскій Острогъ (собственно на правомъ ея притокѣ Кети) и Томскъ (на правомъ же ея притокѣ Томи); на верхней Турѣ построено Верхотурье, сдѣлавшееся главнымъ пунктомъ на дорогѣ изъ европейской Россіи въ Сибирь, а на среднемъ теченіи той же рѣки—Туринскъ; на рѣкѣ Тазѣ, впадающей въ восточную вѣтвь Обской губы—Мангазейскій острогъ. Всѣ эти городки и острожки снабжены были небольшими деревянными и земляными укрѣпленіями, весьма достаточными для того, чтобы держать въ страхѣ полудикихъ туземцевъ, въ особенности благодаря своимъ пушкамъ и пищалямъ. Гарнизонъ этихъ укрѣпленій составлялся обыкновенно изъ нѣсколькихъ десятковъ стрѣльцовъ, казаковъ и другихъ служилыхъ людей, переводимыхъ сюда изъ разныхъ мѣстъ сѣверной и восточной Россіи. Вслѣдъ за служилыми или ратными людьми, московское правительство переводило сюда и посадскихъ или торговыхъ людей и пашен-

ныхъ крестьянъ или землевладѣльцевъ, которые заводили поселки вблизи городовъ. Служилымъ людямъ также по обычаю раздавались земельные участки и угодья, въ которыхъ они устраивали кое-какое хозяйство. Переводили и духовенство, такъ какъ въ каждомъ городкѣ обязательно воздвигались, хотя и небольшіе, деревянные храмы. Вообще надобно отдать справедливость московскому правительству: рядомъ съ завоеваніемъ, оно умно и разсчетливо вело дѣло русской колонизаціи, дѣло, въ которомъ успѣло уже пріобрѣсти достаточную опытность при занятіи пустынныхъ или инородческихъ областей на востокѣ и югѣ европейской Россіи. Отправляя переселенцевъ, оно приказывало областнымъ властямъ или мѣстнымъ обитателямъ снабжать ихъ извѣстнымъ количествомъ скота, живности и хлѣба, т. е. лошадей, овецъ, свиней, гусей и куръ, муки, крупъ, толокна, телѣгами, санями, сохами и, кромѣ того, деньгами, такъ что поселенцы не только получали хорошіе земельные надѣлы, но имѣли и все нужное, чтобы немедленно завести свое хозяйство. Высылались также и необходимые ремесленники, особенно плотники, для постройки рѣчныхъ струговъ, городскихъ зданій, стѣнъ, церквей и проч.; высылались ямщики для заведенія ямской гоньбы и т. д. Вслѣдствіе разныхъ льготъ и поощреній, а также вслѣдствіе преувеличенной молвы о богатствахъ Сибири, кромѣ высылаемыхъ правительствомъ переселенцевъ, туда потянулись и многіе охочіе люди, особенно промышленники-звѣроловы. Рядомъ съ этой колонизаціей началось дѣло обращенія туземцевъ въ христіанство и ихъ постепенное обрусѣніе. Не имѣя возможности отдѣлить для Сибири большую ратную силу, московское правительство озаботилось привлеченіемъ въ нее самихъ туземцевъ; такъ многіе татары и вогулы, конечно, изъ наиболѣе вѣрныхъ и преданныхъ, обращены были въ служилыхъ людей, преимущественно въ сословіе казаковъ; они охотно записывались въ это сословіе, какъ все-таки привилегированное по сравненію съ простыми инородцами, обезпеченное земельными надѣлами, жалованьемъ и оружіемъ. Кромѣ того, при всякомъ нужномъ случаѣ, татары и другіе инородцы обязаны были выставлять вспомогательные отряды конные и пѣшіе, которые обыкновенно ставились подъ начальство русскихъ дѣтей боярскихъ. Московское правительство въ особенности приказывало ласкать и привлекать на нашу службу прежніе владѣтельные роды и наиболѣе знатныхъ между туземцами;

мѣстныхъ князьковъ и мурзъ оно иногда переводило въ Россію, гдѣ они принимали крещеніе, получали помѣстья и вступали въ число дворянъ или дѣтей боярскихъ. А тѣхъ князьковъ и мурзъ, которые не хотѣли покориться и платить дань или ясакъ или, давъ шерть (т. е. присягу), затѣвали потомъ измѣны, правительство приказывало ловить и подвергать смертной казни или другому тяжкому наказанію, городки же ихъ опустошать и выжигать. При сборѣ ясака или взиманіи подводъ для казенныхъ гонцовъ, правительство приказывало также дѣлать разныя облегченія бѣднымъ, старымъ и увѣчнымъ туземцамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто пушнаго ясака, облагало ихъ извѣстнымъ количествомъ хлѣба, чтобы пріучить ихъ къ земледѣлію и вмѣстѣ облегчить доставку хлѣбныхъ запасовъ, которые ежегодно посылались изъ Россіи для служилыхъ людей, такъ какъ своего, сибирскаго, хлѣба производилось слишкомъ недостаточно. Разумѣется, далеко не всѣ благія распоряженія центральнаго правительства добросовѣстно исполнялись мѣстными сибирскими властями, и туземцы терпѣли многія обиды и притѣсненія; тѣмъ не менѣе, дѣло русской колонизаціи и русскаго господства здѣсь было поставлено умно и успѣшно, и наибольшая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, конечно, Борису Ѳедоровичу Годунову. Сообщенія въ Сибири главнымъ образомъ производились лѣтомъ по рѣкамъ, для чего строилось большое количество казенныхъ струговъ. Русскія телѣги и сани годились для близкихъ разстояній. А дальнія сообщенія зимой поддерживались или пѣшеходами на лыжахъ, или ѣздою на нартахъ, т. е. легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями или собаками. Чтобы связать Сибирь съ европейской Россіей постояннымъ сухопутьемъ, по распоряженію правительства, проложена была посошными людьми дорога отъ Соликамска черезъ хребетъ до Верхотурья. По этой дорогѣ ѣздили служилые и торговые люди, возили казенные запасы, хлѣбные и военные (порохъ, свинецъ, пушки, ядра и пр.), церковныя принадлежности и т.д.

За всѣ усилія, заботы и расходы, которыхъ потребовало водвореніе русскаго владычества въ Сибири, сія послѣдняя стала вознаграждать насъ своими естественными богатствами, а въ особенности огромнымъ количествомъ дорогихъ мѣховъ. Такъ, уже въ первые годы царствованія Ѳедора Ивановича, наложенъ былъ на занятый край царскій ясакъ въ 5.000 сороковъ соболей, 10.000 черныхъ лисицъ и полмилліона бѣлокъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. По поводу хронологіи сибирскихъ лѣтописей.

Изъ сибирскихъ лѣтописей такъ называемая Строгановская приписываетъ починъ казацкаго похода Строгановымъ; но другія лѣтописи, именно Есипова и Ремизова, выставляютъ его почти самостоятельнымъ дѣломъ Ермака съ товарищами. Карамзинъ держался перваго взгляда. Небольсинъ старается опровергнуть этотъ взглядъ и подкрѣпить второй, отдавая рѣшительное предпочтеніе показаніямъ лѣтописи Есипова („Покореніе Сибири“. Глава IV). Противъ него вооружился Соловьевъ и довольно подробно разобралъ аргументы Небольсина, отстаивая бо́льшую сравнительно степень древности и достовѣрности лѣтописи Строгановской. („Исторія Россіи“. Т. VI. Дополненіе). При всей логичности и обстоятельности сего разбора, нельзя однако согласиться съ тѣмъ, что Ермакъ съ товарищами, предпринявъ покореніе Сибири, явился только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Строгановыхъ. Соображая всѣ обстоятельства и всѣ извѣстія, мы полагаемъ, что сибирскій походъ былъ предпринятъ хотя съ одобренія и съ помощію Строгановыхъ, однако главный починъ едва-ли не принадлежалъ самимъ казацкимъ атаманамъ, и въ особенности Ермаку Тимофеевичу.

Карамзинъ и послѣдующіе историки почти отвергаютъ показанія такъ называемой Ремизовой или Кунгурской лѣтописи, которая составлена въ концѣ XVII в. тобольскимъ боярскимъ сыномъ Ремизовымъ; тогда какъ Строгановскую они относятъ къ началу этого столѣтія, а Есиповскую къ первой его четверти. (Содержаніемъ своимъ объ эти лѣтописи близки другъ къ другу). Но въ концѣ Есиповской прямо указывается на происхожденіе основной Сибирской лѣтописи вообще: она составилась по почину перваго тобольскаго архіепископа Кипріана, поставленнаго въ 1621 году. То же говоритъ и Ремизова лѣтопись. Слѣдовательно, самое начало сибирскаго лѣтописанія относится къ концу первой или уже ко второй четверти XVII вѣка, а Строгановская и Есиповская возникли еще позднѣе. Миллеръ же въ своей „Сибирской исторіи“ болѣе всего пользовался именно лѣтописью Ремизовскою, отличаю-

щеюся отъ названныхъ двухъ многими своими подробностями. Хотя эти подробности часто носятъ характеръ легендарный и обилуютъ чудесными видѣніями и знаменіями, однако совершенно отвергать показанія сей лѣтописи едва-ли справедливо. Черпая изъ мѣстныхъ преданій и легендъ, составитель ея, повидимому, имѣлъ подъ рукой нѣкоторыя записи или пользовался первоначальнымъ, т. е. Кипріановымъ собраніемъ этихъ записей; на что̀ (кромѣ обилія благочестивыхъ знаменій, предрекавшихъ водвореніе христіанства въ тѣхъ краяхъ) намекаетъ его болѣе подробная, чѣмъ въ другихъ, и болѣе точная хронологія, именно по отношенію къ числамъ и мѣсяцамъ (но не годамъ, которые у него иногда явно перепутаны). На эту черту Ремизовской лѣтописи указалъ Л. Н. въ своемъ историко-хронологическомъ разсужденіи по поводу *трехсотлѣтней годовщины* присоединенія Сибири (Жур. Мин. Нар. Просв. 1881. Сентябрь). Онъ сопоставляетъ Строгановскую лѣтопись съ Ремизовскою (Есиповскую же вслѣдъ за Карамзинымъ и Соловьевымъ считаетъ только „реторической передѣлкой“ Строгановской), беретъ исходнымъ пунктомъ царскую грамоту отъ 16 ноября 1582 года и приходитъ къ такому выводу: походъ былъ предпринятъ 1 сентября 1581 года; городъ Сибирь занятъ 26 октября 1581 года, а Кольцо прибылъ въ Москву въ концѣ января 1583 года. Остановимъ вниманіе на этихъ датахъ, особенно на второй.

Кунгурская или Ремизовская лѣтопись мѣстами представляетъ ходъ событій болѣе естественнымъ или вѣроятнымъ, чѣмъ Строгановская; а именно, первая говоритъ о зимовкахъ, тогда какъ послѣдняя ихъ опускаетъ. Такъ по Строгановской лѣтописи выходитъ, что казаки, предпринявъ походъ въ сентябрѣ 1581 года вверхъ по Чусовой, въ октябрѣ этого года вошли въ Иртышъ и 26 октября взяли городъ Сибирь. Есть ли хотя какая-либо вѣроятность, чтобы приблизительно въ полтора мѣсяца они проплыли все это пространство, да еще переволоклись въ то же время черезъ Уральскій хребетъ? Подобная скорость невозможна была бы и въ наше время для простаго, мирнаго путешествія (конечно, безъ паровой силы); а для военнаго похода, когда нужно было подвигаться впередъ ощупью, борясь и со всякою нуждою, и съ природою (въ видѣ волоковъ, пороговъ, мелей и т. п.), и съ туземными племенами, когда, переваливъ за Уральскій хребетъ, приходилось вновь строить и снаряжать себѣ струги — эта быстрота немы-

слима. (Съ какими затрудненіями сопряжено плаваніе по одной только Чусовой и притомъ не вверхъ, а внизъ по рѣкѣ, даетъ понятіе „Поѣздка на рѣку Чусовую“ Е. Янишевскаго. Пермь. 1886). Такой невѣроятный фактъ безъ всякой критики принимался Карамзинымъ, Соловьевымъ и другими, касавшимися перваго завоеванія Сибири, въ томъ числѣ и Небольсинымъ, повидимому, столь критически относившимся къ Строгановской лѣтописи! Нѣтъ, показанія Ремизовской лѣтописи, что казаки зазимовали гдѣ-то около Уральскаго волока, потомъ все слѣдующее лѣто провели въ походѣ по сибирскимъ рѣкамъ, и только къ осени достигли Иртыша — это показаніе гораздо достовѣрнѣе. Невѣроятно также, чтобы, занявъ городъ Сибирь, они цѣлый годъ медлили посылкою извѣстія о своемъ подвигѣ къ Строгановымъ и въ Москву. Занявъ Сибирь въ октябрѣ 1582 года, они, конечно, вскорѣ затѣмъ отправили вѣсти, и тѣмъ болѣе, что очень нуждались въ подмогѣ для удержанія завоеваннаго. Тогда понятна намъ царская грамота съ укоромъ Строгановымъ, отъ 16 ноября 1582 года. (Она приведена въ Строгановской лѣтописи и перепечатана (въ дополн. къ Акт. Ист. I. № 128). Конечно, въ это время въ Москвѣ еще не могли быть получены вѣсти о завоеваніи Сибири. Что касается донесенія Пелепелицына о нападеніи Пелымскаго князя и самовольномъ отпускѣ казаковъ въ Сибирь Строгановыми, и это донесеніе принималось безъ достаточной критики. Напримѣръ, на его основаніи полагали, что Пелымскій князь пришелъ на Пермь въ тотъ же день, въ который Ермакъ выступилъ въ походъ, т. е. 1 сентября 1581 года. Но можно ли какимъ-либо однимъ числомъ опредѣлить нашествіе толпы дикарей на пустынный, обширный край? Выраженіе грамоты „въ тотъ же день“ никакъ нельзя принимать буквально. Видно только, что нашествіе вогуловъ случилось приблизительно одновременно съ сибирскимъ походомъ Ермака. Еще за годъ до этой грамоты, именно отъ 6 ноября 1581 года изъ Москвы послано въ Пермь распоряженіе воеводѣ Пелепелицыну о сборѣ ратныхъ людей съ пермскихъ волостей и Соли Камской, человѣкъ 200, которые должны помогать острожкамъ Семена и Максима Строгановыхъ, а эти въ свою очередь должны помогать пермскимъ и усольскимъ мѣстамъ, въ случаѣ нападенія вогуловъ. Никитѣ Строганову велѣно помогать своимъ родственникамъ, такъ какъ Семенъ и Максимъ приносили на него жалобу. (Дополн. къ Акт. Ист. I. № 126). Эту грамоту

тоже связываютъ съ нападеніемъ Пелымскаго князя; но едва-ли справедливо. Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду предыдущее нападеніе мурзы Бегбелія.

Что касается времени, когда казацкое посольство прибыло въ Москву, если пріурочивать его къ январю 1583 года (собственно 1582 г.; ибо мы имѣемъ дѣло еще съ сентябрскимъ, а не январскимъ годомъ), то выходитъ противорѣчіе съ плѣномъ Магметкула, о которомъ будто-бы доноситъ царю посольство, но который случился уже весною, т. е. нераньше марта. Возможно однако и даже вѣроятно, что извѣстіе объ этомъ планѣ невѣрно связано съ посольствомъ Ивана Кольцо. Едва-ли для посылки извѣстія о взятіи Сибири казацкіе атаманы дожидались, пока они возьмутъ и Магметкула. Его взяли въ плѣнъ, можетъ быть, во время пребыванія Кольца въ Москвѣ, и особый гонецъ привезъ о немъ извѣстіе. Посольство казацкое, конечно, прогостило въ Москвѣ не одну недѣлю и даже не одинъ мѣсяцъ. Притомъ, еслибы Магметкулъ былъ взятъ до отъѣзда Кольца изъ Сибири, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что торжественное казацкое посольство привезло бы не извѣстіе о его плѣнѣ, а его самого.

Царская грамота Строгановымъ относительно отправки Болховскаго и Глухова съ ратными людьми и приготовленія имъ струговъ къ весеннему походу въ Сибирскую землю напечатана въ „Сибирской исторіи“ Миллера (стр. 170—171) и помѣчена 7-мъ января 7092 года (1584), слѣдовательно, незадолго до кончины Ивана IV. Съ этою датою не согласуется извѣстіе Строгановской лѣтописи, по которой посылка Болховскаго и Глухова состоялась „во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли“, слѣдовательно, въ 1583 году. Грамота предписываетъ отправить ратныхъ людей на стругахъ весною по половодью, а лѣтопись говоритъ, что они прибыли зимою или къ зимѣ. Подобное противорѣчіе, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, намъ кажется, можно примирить только такимъ образомъ: московскіе ратные люди отправились въ походъ весною 1583 года, а осенью, т. е. уже въ 1584 году, достигли береговъ Иртыша. Можетъ быть, помянутая царская грамота ошибочно помѣчена у Миллера 7092 годомъ вмѣсто 7091.

2. Источники и пособія для начальной исторіи Строгановыхъ.

Во-первыхъ, Акты Арх. Эксп., I, № 94. Здѣсь Лука Строгановъ упоминается въ выписи изъ судейскихъ списковъ о Двинскихъ земляхъ. Во-вторыхъ, грамота царя Василія Шуйскаго отъ 1610 года; она говоритъ о выкупѣ Василія Темнаго изъ татарскаго плѣна съ помощью Строгановыхъ (сохранилась въ ихъ фамильномъ архивѣ). Далѣе, грамота, данная внукамъ Луки Строганова на участокъ Вондокурской волости, Устюжскаго уѣзда, Акты Арх. Эксп., I, № 163. Грамоты Ивана IV: Григорію Аникіеву Строганову, 1558 года, на Прикамскую полосу земли; ему же разрѣшеніе варить селитру для огнестрѣльнаго снаряду и о принятіи въ опричину; Якову Аникіеву, 1568 года, на прибавку земли и льготная грамота, 1574 года, на поселеніе за Ураломъ на р. Тоболѣ, см. въ Акт. Арх. Эксп., I, № 254 и Дополн. къ Акт. Истор., №№ 117—120. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ грамотъ впервые были напечатаны *Г. Ф. Миллеромъ* въ его „Описаніи Сибирскаго царства“, Спб., 1750. Часть этихъ грамотъ приводится и въ такъ называемой „Лѣтописи Сибирской“ (Строгановская и Есиповская), изданной *Спасскимъ*, Спб., 1821 г. О колонизаціонной дѣятельности Строгановыхъ говорятъ: соликамскій лѣтописецъ въ книгѣ *Василія Берха* „Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ“, Спб., 1821 г., *А. Крупенина* „Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края“ („Пермскій Сборникъ“, I, М., 1859 г.), *Смышлеева* „Источники и пособія для изученія Пермскаго края“, Пермь, 1876 г., *Мозеля* „Пермская губернія“, Спб., 1864 г. (матеріалы для географіи и статистики Россіи) и *Штиглица* „Пермская губернія“, Спб., 1875 г. (списки населенныхъ мѣстъ).

Важнѣйшее же пособіе для исторіи сей фамиліи представляетъ монографія проф. *Устрялова* „Именитые люди Строгановы“, Спб., 1842 г. Здѣсь онъ отрицаетъ преданіе о происхожденіи Строгановыхъ отъ крещенаго татарскаго царевича, у котораго будто-бы ханъ велѣлъ *состругать* тѣло до костей—преданіе, приводимое голландцами Массою и Витзеномъ въ XVII вѣкѣ, потомъ повторенное историками нашими Г. Ф. Миллеромъ и кн. Щербатовымъ въ XVIII. Но еще прежде

Устрялова Карамзинъ назвалъ это преданіе баснею (къ т. IX прим. 651). Устряловъ производитъ Строгановыхъ отъ новгородскаго рода Добрыниныхъ. Наиболѣе замѣчательныя рецензіи на его книгу принадлежатъ Строеву („Сѣверная Пчела", 1843 г., № 50) и Погодину („Москвитянинъ", 1843 г., № 4). Затѣмъ: „Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ", помѣщенныя въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1876 и 1877 гг., спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти ихъ автора *Волегова*, управлявшаго имѣніями Строгановыхъ. Его изысканія совпадаютъ большею частію съ выводами Устрялова. Онъ указываетъ на существованіе новгородской фамиліи Строгановыхъ помимо Дубровиныхъ и не отрицаетъ ихъ *купеческаго* происхожденія. Объ этомъ и другихъ трудахъ того же автора см. любопытное изслѣдованіе преподавателя пермской гимназіи *А. А. Дмитріева* „Ѳ. А. Волеговъ какъ историкъ Строгановыхъ" („Перм. Губ. Вѣд." и отдѣльно, 1884 г.). Того же Дмитріева „Пермская Старина", выпускъ 1, Пермь, 1889 г. Въ этомъ сборникѣ представленъ сводъ извѣстій и разысканій по исторіи и географіи Великопермскаго края до XVII вѣка, и обстоятельно указано постепенное расширеніе строгановскихъ владѣній. Между прочимъ любопытно его указаніе на то, что земли, отведенныя Строгановымъ въ Прикамскомъ краѣ, не были совсѣмъ пусты, а уже имѣли русскихъ поселенцевъ или „отхожихъ людей" чердынскихъ и усольскихъ, которыхъ земельные участки они захватили въ свое владѣніе, благодаря жалованнымъ царскимъ грамотамъ и не безъ подкупа нужныхъ для того лицъ (стр. 98—100).

---

3. Источники о происхожденіи хана Кучума.

Въ Александровской лѣтописи подъ 1563 годомъ сказано: „Сентября 16 отпустилъ царь и великій князь Едигерова посла Чигибеня по Измаилову челобитью. Пришелъ онъ изъ Сибири съ данью и задержанъ на Москвѣ потому: послѣ его приходу сибирскіе люди царю и великому князю измѣнили, дани государевымъ даньщикамъ давать не учали и взяли къ себѣ на Сибирь царевича Едигеря князя; государьскаго даньщика Едигерь царевичъ казанскій убилъ". Въ послѣднихъ словахъ яв-

ная путаница и невѣрности, происшедшія отъ ошибокъ переписчиковъ. Карамзинъ мѣтко указалъ на нихъ и поправилъ приблизительно такимъ образомъ: „и взяли къ себѣ на Сибирь царевича (Шибанскаго), и Кучумъ, царевичъ Шибанскій, государева даньщика Едигера князя убилъ“ (къ т. IX прим. 257 и 643). Небольсинъ вмѣсто *казанскій* читаетъ „казацкій царевичъ“ (т. е. киргизъ Кайсацкій), и вообще даетъ Кучуму происхожденіе то киргизское, то ногайское („Покор. Сибири“, гл. III). Но проницательный историографъ оказался ближе къ истинѣ. Его догадку подтвердилъ Вельяминовъ-Зерновъ, который представилъ наиболѣе вѣроятныя соображенія о родословіи Едигера и Кучума, соображенія, основанныя на сличеніи всѣхъ извѣстныхъ русскихъ и татарскихъ извѣстій объ отношеніяхъ рода Тайбуги къ Шейбонидамъ („Изслѣд. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“. II, 386—399. Въ той же книгѣ см. его соображенія о происхожденіи Киргизъ-Кайсацкой орды). Онъ искусно распутываетъ запутанное и сбивчивое родословіе сибирскихъ царей и князей, заключающееся въ лѣтописяхъ Есиповой и Строгановской. Почти тѣ же какъ у Вельяминова-Зернова родословные выводы, приблизительно согласные съ генеалогіей Кучума у Абульгази, находимъ и въ разсужденіи В. А. Словцова „Кто былъ Кучумъ?“. Миллеръ принималъ баснословное преданіе о томъ, что Кучумъ былъ сынъ Бухарскаго хана. („Истор. Сиб.“ Спб. 1750, стр. 50); Фишеръ считаетъ его киргизомъ („Сибирская Исторія“. Спб. 1774, стр. 98). Соловьевъ, подобно кн. Щербатову, обошелъ вопросъ о Кучумѣ; но повидимому слѣдуетъ Карамзину.

О послахъ Едигера въ Москвѣ, его подчиненіи Ивану IV и сибирской дани въ Никон. Лѣт. стр. 228, 274—275 и 291. Въ грамотѣ царя Ѳедора Ивановича Кучуму въ 1597 г. говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Мамедъ (убившій Ибака) платили дань великому князю московскому Василію Ивановичу (С. Г. Г. и Д. II, № 68). Конечно, тутъ рѣчь идетъ не о постоянной дани, а о дарахъ, иногда присылавшихся. Относительно Кучумова дѣда Ибака см. у Вельяминова-Зернова II, стр. 238—240; а Кучумова отца Муртазы ibid. стр. 394. Грамоты, касающіяся сношеній Кучума съ Иваномъ IV, которому онъ обязывается быть данникомъ, въ С. Г. Г. и Д. II. №№ 42 и 45 подъ 1570 и 1571 гг. Кучумъ и его предки тутъ именуются *царями* (ханами) сибирскими, тогда какъ Едигеръ, его отецъ и дѣдъ *князьями* (беками). Московское правительство,

очевидно, знало различіе въ происхожденіи этихъ двухъ родовъ. Кучуму посылаются изъ Москвы царскія грамоты *за золотою печатью*. А самъ Кучумъ въ своихъ посланіяхъ употребляетъ высокій, по истинѣ восточный, тонъ. Какъ-бы введеніемъ къ этимъ грамотамъ служатъ рѣчи пермскаго воеводы князя Никиты Ромодановскаго, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. (Помѣщены въ Ак. Ист. I, № 179). По его словамъ, нѣкто Ивашка Поздѣевъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя московскаго и хочетъ послать къ нему пословъ, но что пока мѣшаетъ ему война къ какимъ-то казацкимъ (т. е. киргизскимъ) ханомъ (вѣроятно союзникомъ Тайбугина рода). Эта война, конечно, и заставляла Кучума пока смиряться передъ московскимъ царемъ.

Любопытно разногласіе источниковъ относительно царевича Магметкула: по однимъ онъ является *братомъ* Кучума (напр. въ жалованной грамотѣ Строгановымъ 1574 года, у Миллера, стр. 87), по другимъ *сыномъ* (сибирскія лѣтописи и письмо Абдулъ-Хаира, назвавшаго его своимъ братомъ, въ С. Г. Г. и Д. II, № 67), по третьимъ *племянникомъ* (помятутая выше грамота царя Ѳедора Ивановича 1597 года. Ibid. № 68). По нѣкоторымъ соображеніямъ, послѣднее сообщеніе едва-ли не самое вѣрное.

---

4. Кто былъ Ермакъ?

Преданіе о суздальскомъ происхожденіи Ермака встрѣчается въ такъ называемой Черепановской лѣтописи, составленной ямщикомъ Черепановымъ въ Тобольскѣ въ XVIII вѣкѣ и хранившейся въ Академіи Наукъ. Оно приведено у Карамзина въ прим. 664 къ т. IX. Карамзинъ отвергаетъ это извѣстіе какъ вымыселъ. Противъ него возражаютъ Небольсинъ („Покореніе Сибири". Спб. 1849) и Пуцилло („Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ". Рус. Вѣст. 1881. Ноябрь). Проф. Никитскій въ своей замѣткѣ объ имени Ермака (Ж. М. Н. Пр. 1882. Май), вслѣдъ за Карамзинымъ, извѣстіе Черепановской лѣтописи называетъ вымысломъ. Броневскій, неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ, называетъ Ермака урожен-

цемъ Кагалинской станицы на Дону и говоритъ о назначеніи его на юговосточную пограничную службу, откуда онъ бѣжалъ и предпринялъ разбои по нижней Волгѣ и Каспійскому морю. („Исторія Донскаго войска". Т. I). Во всякомъ случаѣ приведенные доселѣ въ извѣстность и наиболѣе достовѣрные источники нигдѣ не указываютъ на связи Ермака съ Дономъ и ни разъ къ его имени прибавляютъ прозваніе *Повольскаго,* а товарищей его называютъ *Волскими* атаманами и казаками. (Лѣтописи Савы Есипова и Строгановская. Такъ называемая „Неизвѣстная рукопись" съ приложеніемъ къ книгѣ Небольсина. Ремизовская, изданная Археогр. Коммисіей въ 1880 г.). Точно также *Волскими* называетъ ихъ и помянутая выше царская грамота отъ 16 ноября 1582 года. Что касается до имени Ермакъ, лѣтопись Черепанова объясняетъ его прозвищемъ, будто-бы означавшимъ или „дорожный артельный таганъ" или „жерновой ручной камень". Другіе лѣтописцы и историки производили его какъ полуимя, кто отъ Германа, кто отъ Еремея или Ермолая. Профессоръ Никитскій, въ указанной выше замѣткѣ своей, производитъ его отъ Ермолая. Имя *Ермакъ* неоднократно встрѣчается въ грамотахъ и актахъ древней Руси.

Въ Новочеркасскѣ рѣшили воздвигнуть памятникъ Ермаку какъ донскому казаку и покорителю Сибири; для чего составлена была коммисія изъ пяти членовъ, съ помощникомъ наказнаго атамана во главѣ. Она уже заключила контрактъ съ академикомъ Микѣшинымъ на сооруженіе памятника, который будетъ изображать статую Ермака, поставленную на вершинѣ скалы, такъ что все сооруженіе будетъ достигать десяти сажень высоты.

Въ виду этого предпріятія, пользуюсь случаемъ указать здѣсь на то обстоятельство, что историческій Ермакъ является казакомъ волжскимъ, а не донскимъ. Конечно, считая Донъ главною колыбелью и разсадникомъ вольнаго казачества въ Московскомъ государствѣ, можно привести Ермака въ нѣкоторую связь и съ Дономъ. Но пусть во всякомъ случаѣ предприниматели памятника знаютъ настоящее состояніе вопроса о происхожденіи Ермака. Нелишнимъ считаю напомнить, что и подлиннаго изображенія этого героя мы не имѣемъ и что распространенный на Дону и въ Сибири такъ называемый портретъ его есть изображеніе какого-то нѣмецкаго ландскнехта.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

О РУССКИХЪ СВ. МѢСТАХЪ [1]).

Какое неизъяснимо-величественное явленіе представляетъ намъ исторія христіанства! Двѣнадцать бѣдныхъ рыбаковъ, не ученыхъ, но сильныхъ вѣрою въ Спасителя, проповѣдуютъ слово Божіе—и царства, народы покоряются всемогущему призванію, съ радостію принимаютъ святое евангеліе, и черезъ три столѣтія послѣ того мгновенія, когда совершилось великое дѣло искупленія, уже по лицу почти всей тогда извѣстной земли воздвигаются алтаря истинному Богу, падаютъ алтари ложныхъ боговъ. Не то ли же самое явленіе представляется намъ въ исторіи Руси въ концѣ X вѣка? Цѣлый народъ, слѣ-

---

[1]) Мы получили копію этой статьи при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г.! Изучая для моего сочиненія *Жизнь и Труды М. П. Погодина* наши старые журналы, эти своего рода катакомбы, въ которыхъ погребено много драгоцѣннаго, я совершенно неожиданно встрѣтилъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1836 года произведеніе И. С. Тургенева, тогда студента Императорскаго с.-петербургскаго университета, объ извѣстномъ путешествіи А. Н. Муравьева по русскимъ святымъ мѣстамъ. Впослѣдствіи самъ Тургеневъ отнесся очень строго къ этой статьѣ своей, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо изъ Парижа къ М. М. Стасюлевичу, отъ 3 декабря 1875 года: „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,—пишетъ онъ,—„появилась замѣтка г. П. Библіографа, въ которой указывается на разборъ книги Муравьева: *Путешествіе къ святымъ мѣстамъ русскимъ*, помѣщенный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1836 годъ, какъ на *первое* мое печатное произведеніе. Существованіе этой статьи меня удивило болѣе, чѣмъ кого-либо. Мнѣ тогда только-что минуло семнадцать лѣтъ, я былъ студентомъ с.-петербургскаго университета; родственники мои, въ виду обезпеченія моей будущей карьеры, отрекомендовали меня

дуя примѣру своего князя, толпами стремится принять святое крещеніе, покидаетъ своихъ идоловъ, преданія своихъ отцовъ и съ готовностью принимаетъ новую, дотолѣ ему неизвѣстную религію. И этому причиною было могущество истины, непреодолимая сила вѣры на простыя, неиспорченныя души... Будьте какъ дѣти—сказалъ Спаситель,—и какъ дѣти, послушныя зову отца, народъ русскій послѣдовалъ князю своему на берега Днѣпра, гдѣ святая вѣра приняла ихъ въ свои объятія. И съ тѣхъ поръ укоренилось благочестіе въ русскомъ народѣ, и вмѣстѣ съ нимъ—та преданность и вѣрность своему государю, то непоколебимое мужество противъ враговъ православной отчизны, которыя возвели Россію на столь высокую степень могущества и славы.

Религія, въ теченіе XI вѣка, соединила узами вѣры разноплеменные народы одного славянскаго корня. Но духъ феодализма, духъ дѣленія земель, господствовавшій тогда по всей Европѣ и принесенный норманнами въ Россію, не далъ великому русскому народу соединиться въ одно могущественное государство; судьбы Божіи совершились: Россія подпала игу народа чуждаго. Наступило время испытанія, ниспосланнаго на нее Богомъ—время владычества монголовъ. Тогда наше ду-

---

Сербиновичу, тогдашнему издателю *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Сербиновичъ, котораго я видѣлъ всего *одинъ* разъ, желая, вѣроятно, испытать мои способности, вручилъ мнѣ ту книгу Муравьева съ тѣмъ, чтобы я разобралъ ее; я написалъ нѣчто по ея поводу—и вотъ теперь, чуть не черезъ сорокъ лѣтъ, я узнаю, что это *нѣчто* удостоилось тисненія! Ни тогда, ни впослѣдствіи я моей напечатанной статейки въ глаза не видалъ (!) Вы, конечно, согласитесь со мною, что не могу же я, по совѣсти, считать это *ребяческое упражненіе* своимъ первымъ литературнымъ трудомъ". (*Полное Собр. Соч. И. С. Тургенева*. Спб. 1883. I, 456–457).

Несмотря на этотъ неумолимый приговоръ автора о своемъ произведеніи, мы замѣтимъ, что *ребяческихъ упражненій* не стали бы печатать въ журналѣ, который, какъ извѣстно, былъ органомъ самого Уварова. Тургеневъ въ этой статьѣ является намъ съ иной, лучшей стороны; а потому смѣемъ думать, что читатели *Русскаго Вѣстника* не посѣтуютъ на насъ, его издателя, за помѣщеніе на страницахъ вашего журнала статьи, напоминающей имъ и почтенное имя нашего путешественника, этого въ полномъ смыслѣ слова *церковнаго человѣка*, А. Н. Муравьева, и знаменитаго писателя И. С. Тургенева. Воспроизведеніе настоящей статьи тѣмъ болѣе умѣстно, что она не вошла въ полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. *Николай Барсуковъ.*

Спб., 27 іюля 1889 г.

ховенство одно поддерживало самобытность Россіи; оно одно не преклоняло главы предъ чужеземнымъ игомъ; имъ одушевленные, умирали князья, гибнулъ народъ за православную вѣру, за свободу отчизны—и наконецъ, послѣ долгаго и упорнаго боренія, сокрушилъ свои узы. Но и впослѣдствіи духовенство принесло Россіи великія услуги: въ смутное время самозванцевъ вторично спасли наше отечество мужи, подобные Гермогену, Діонисію, Авраамію Палицыну. Словомъ, наше духовенство будетъ всегда имѣть неоспоримое, священное право на признательность и уваженіе потомковъ.

Между тѣмъ не забудемъ и того, что едва Русь получила отъ грековъ священный даръ—вѣру Христову, какъ уже въ нѣдрахъ ея явились люди, исполненные любовію къ Богу и ревностью къ церкви, которые сами стремились передать ее другимъ народамъ, еще объятымъ мракомъ язычества. Жертвуя своею жизнью для распространенія ученія Христова, преодолѣвая тысячу опасностей, неустрашимые отшельники удалялись на берега Ледовитаго моря, въ болота финскія, въ степи приволжскія; основывали пустыни на островахъ необитаемыхъ, среди лѣсовъ непроходимыхъ, гдѣ жили трудами рукъ своихъ. Они не ограничивались святой, уединенной жизнью, сильные своей вѣрой, они разрушали капища, истребляли идолы, и простымъ дикимъ жителямъ тѣхъ странъ отдаленныхъ проповѣдывали на ихъ языкѣ евангеліе, и примѣръ этихъ новыхъ апостоловъ, ихъ слова увлеками многихъ... То же явленіе внутри Россіи, около Кіева, Новгорода, Владиміра, Москвы. Спасаясь отъ ужасовъ междоусобій, отъ ига монголовъ, люди, проникнутые живой любовью къ Богу, оставляли все житейское и удалялись въ лѣса, въ пещеры; не смотря на ихъ старанье, они не могли укрыть святой жизни отъ любопытства и благочестія другихъ. Къ нимъ начинали стекаться ученики, готовые во всемъ слѣдовать примѣру наставника, и монастыри стали возникать по всей Россіи. Какъ должны быть для насъ любопытны эти обители, единственные помятники, оставшіеся намъ отъ временъ давно минувшихъ, свидѣтели столькихъ войнъ, столькихъ кровавыхъ междоусобій, съ ихъ стариннымъ зодчествомъ и живописью, съ преданіями объ ихъ святыхъ основателяхъ. Все это, и уединенная жизнь монаховъ, и эта непоколебимость среди бурь и волненія, какъ будто самое время охраняло эти святыни—все это должно наполнить душу русскаго умиленіемъ. Не забудемъ и того, что въ монастыряхъ

мы нашли лѣтописи, сокровища нашей исторіи; что единственно симъ мирнымъ отшельникамъ мы обязаны тѣмъ, что древняя Русь, съ славою ея князей, ея битвъ, ея народовъ, не погибла для насъ. Такимъ образомъ мы должны сознаться, что монастыри должны быть предметомъ всего нашего уваженія и вниманія.

Между тѣмъ доселѣ многіе монастыри остаются въ забвеніи; извѣстные жителямъ одной части Россіи вовсе не извѣстны жителямъ другой; иные, посѣщаемые только усердными богомольцами, ускользаютъ отъ вниманія не только свѣтскихъ людей, но даже и ученыхъ. Такое равнодушіе къ симъ святымъ мѣстамъ равно противно и духу вѣры, и патріотизму, и самой пользѣ науки. Съ какимъ же удовольствіемъ видимъ теперь писателя, одареннаго истиннымъ талантомъ и согрѣтаго любовію къ святынѣ вѣры и къ отечеству, который посвящаетъ свое перо описанію предметовъ столь драгоцѣнныхъ сердцу христіанина и русскаго. Еще прежде (въ 1830 году) посѣтилъ онъ древній Іерусалимъ, и въ изящномъ разсказѣ передалъ намъ впечатлѣнія, которыя почувствовалъ при видѣ сей земли, гдѣ долгое время жилъ народъ избранный, гдѣ благоволилъ явиться Богъ во плоти человѣка, гдѣ Онъ страдалъ за насъ! Тамъ всякій шагъ ознаменованъ великими воспоминаніями. Іерусалимъ, гробъ Спасителя, былъ также предметомъ великой, 300-лѣтней борьбы Европы съ Азіею. Для насъ, какъ христіанъ, важны такія воспоминанія; но какъ русскіе, мы съ невольнымъ умиленіемъ внимаемъ разсказамъ о святой жизни нашихъ отшельниковъ и описанію нашихъ обителей, ознаменованныхъ подвигами доблестей духовныхъ и гражданскихъ предъ лицомъ Бога и отечества.

Изъ многочисленныхъ монастырей нашихъ, Троицкая Сергіева Лавра болѣе всѣхъ заслуживаетъ быть предметомъ вниманія русскаго. Если она по древности далеко уступаетъ Кіево-Печерской Лаврѣ, соборамъ Кіевософійскому, Новгородскому, Ростовскому, даже нѣкоторымъ церквамъ московскимъ, за то богата историческими воспоминаніями. Видъ ея старыхъ стѣнъ переноситъ насъ въ то бѣдственное время, когда необузданныя полчища враговъ, возбужденныхъ жаждой добычи, болѣе года осаждали Троицу, и, послѣ многократныхъ приступовъ, со стыдомъ, съ тяжкой потерей отступили отъ стѣнъ ея. Эта обитель была первою цѣлію путешествія автора въ прошломъ 1835 году.

„Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ“ раздѣляется на четыре отдѣленія: Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ и Валаамъ, мѣста, въ разное время посѣщенныя авторомъ. Онъ говоритъ намъ о наружности храмовъ, объ ихъ исторіи, древностяхъ, и мы считаемъ пріятнѣйшею обязанностію предъ нашими читателями сколько можно ближе ознакомить ихъ съ содержаніемъ сего описанія. Начнемъ съ Троицкой Лавры:

Изложеніемъ своихъ чувствованій, при видѣ этой древней обители, въ тихую лѣтнюю ночь, при свѣтѣ луны, озарявшей златые куполы церквей, начинаетъ авторъ свой разсказъ. Онъ переходитъ потомъ къ описанію Успенскаго собора; останавливается передъ гробами трехъ славныхъ мужей: Іоасафа Скрыпицына, св. Серапіона, архимандрита Діонисія. Великіе подвиги, святая жизнь Сергія заставляютъ благоговѣть каждаго передъ той ракой, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи его, куда притекаютъ: „поклонники отъ всѣхъ концовъ Россіи; одни богатые благами земли; другіе только своею вѣрою и странническимъ посохомъ“. Небольшой сей соборъ весь украшенъ благочестіемъ царей и признательностію людей, исцѣленныхъ предстательствомъ чудотворца. Ѳеодоръ Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, императрица Анна,—всѣ ревностно старались украшать храмъ, содержащій въ себѣ эту святыню. Но выше всѣхъ драгоцѣнностей двѣ древнія гробовыя доски съ двумя на нихъ образами преподобнаго, изъ коихъ одинъ написанъ царемъ Ѳеодоромъ; другой, который поменьше, сопутствовалъ во всѣхъ походахъ государямъ Алексѣю Михайловичу и Петру Великому и носился передъ рядами русскихъ ополченій въ 1812 году, въ знаменіе предстательства святаго угодника за православное его отечество.

Отъ описанія собора авторъ переходитъ къ исторіи Лавры. Съ умиленіемъ читаешь страницы, гдѣ онъ описываетъ отшельническую жизнь Сергія. Вотъ онъ благословляетъ Димитрія на великое дѣло избавленія отчизны; вотъ къ нему собираются ученики, которые впослѣдствіи, по велѣнію Сергія, становятся основателями обителей; монастыри: Андроньевскій, Голутвинскій, Высоцкій получаютъ отъ него своихъ первыхъ игуменовъ. Пафнутій Боровскій, св. Іосифъ Волоколамскій, „сія духовная отрасль“—говоря словами автора,— „постепенно „происходитъ отъ св. Сергія, каждому поколѣнію даруя вели-

„каго мужа. Но всѣхъ роскошнѣе пустила вѣтви Симонова „обитель, основанная Ѳеодоромъ, племянникомъ Сергія". Изъ нея вышелъ св. Кириллъ Бѣлозерскій, апостолъ сѣвернаго края, учитель Савватія, основателя Соловецкой обители. Такъ распространялось благочестіе, умножались монастыри, и центромъ этого круга была святая Лавра.

И вотъ Лавра уже становится поприщемъ событій историческихъ. Въ соборѣ сл великій князь Василій Темный въ 1446 году сдѣлался жертвой измѣны, схваченъ княземъ Іоанномъ Можайскимъ, сообщникомъ враговъ его, Шемяки и Косаго; супруга Іоанна III, бездѣтная царица Софія, теплыми молитвами къ угоднику получаетъ сына, крещеннаго надъ его ракой—Василія. Въ свою очередь Василій, часто прибѣгая къ угоднику, передъ смертію обрадованъ рожденіемъ Іоанна, который, будучи съ колыбели посвященъ ему, предъ своимъ походомъ въ Казань прибѣгаетъ къ его предстательству; въ Казани и Свіяжскѣ, гдѣ плѣнные черемисы видѣли самого святаго старца, сооружаетъ въ его имя монастыри, и по возвращеніи закладываетъ въ Троицкой Лаврѣ церковь Сошествія Святаго Духа. Вспомнимъ и то, что и во время гоненій и опалъ, грозный Іоаннъ всегда сохранялъ уваженіе къ сей обители и ставилъ ее въ примѣръ прочимъ монастырямъ (см. письмо Іоанна къ игумену Кирилловской обители, стр. 19). Въ стѣнахъ же Троицкой Лавры въ мирѣ и тишинѣ проводилъ послѣдніе годы своей страдальческой жизни знаменитый Максимъ Грекъ, посвятившій жизнь свою для пользы церкви и просвѣщенія.

Троицкую Сергіеву Лавру посѣщали два патріарха: Іеремія, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, и Ѳеофанъ, спустя 30 лѣтъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но между сими двумя посѣщеніями Лавра претерпѣла достопамятную осаду (она продолжалась 16 мѣсяцевъ). Всякій русскій знаетъ подробности этой славной для насъ осады; по сей причинѣ авторъ только упоминаетъ о ней; но за то онъ приводитъ грамоту воеводъ и архимандрита въ отвѣтъ на предложенія Лисовскаго и Сапѣги и отрывокъ изъ житія архимандрита Діонисія, гдѣ описаны невѣроятныя жестокости поляковъ противъ жителей столицы, число умиравшихъ отъ ранъ приносимыхъ въ Лавру, и помощь, которую иноки подавали симъ несчастнымъ страдальцамъ. Отвѣтная грамота разительна своей силой;

она преисполнена вѣрности къ царю, несчастному Василію Шуйскому.

Подивиться такимъ подвигамъ благочестія и мужества пришелъ изъ Іерусалима святитель Ѳеофанъ. Авторъ выписалъ разсказъ о посѣщеніи Ѳеофана изъ того же житія Діонисія. Невольно умиляешься при чтеніи этихъ страницъ, какъ плакалъ и молился престарѣлый Ѳеофанъ передъ ракой св. Сергія; какъ разспрашивалъ у иноковъ подробности долгой осады; какъ возложилъ свой клобукъ на главу Діонисія, еще жившаго въ то время. Ѳеофанъ засталъ еще въ живыхъ и двадцать старцевъ, которые въ грозное время осады не слагали съ себя оружія, пока Сапѣга не отступилъ отъ Лавры; всѣхъ ихъ славнѣе былъ Аѳанасій Ощеринъ, уже пожелтѣвшій въ сѣдинахъ. Какъ трогателенъ разговоръ его съ патріархомъ! Ѳеофанъ его спрашиваетъ: „О, старче старый! на войну ли ты еси исходилъ и начальствовалъ предъ вои мученическими?“ Ощеринъ отвѣтствуетъ: „Ей, владыко святый, понужденъ быхъ слезами кровными!“ И на вторичный вопросъ его: „кое ти свойственнѣе: иночество ли въ молитвахъ особь, или подвигъ предъ всѣми людьми?“—смиренно разсказываетъ ему, что потерпѣлъ и что еще терпитъ: „Всякая вещь и дѣло, владыко святый, въ свое время познавается: у васъ, святыхъ отецъ, отъ Господа Бога власть въ руку прощати и вязати, а не у всѣхъ; что творю и сотворихъ въ повелѣніи послушанія“—и обнаживъ главу свою, поклонися ему, и рече: „извѣстно ти буди, владыко мой! се подпись латынянъ на главѣ моей отъ оружія, еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келіи сѣдя въ молитвахъ какъ можно найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и стенанію? А все се бысть не нашимъ изволеніемъ, но пославшимъ насъ на службу Божію“. Дивиться ли послѣ сего, что Лавра не сдалась врагамъ, имѣя въ стѣнахъ своихъ такихъ доблестныхъ воиновъ Царя Небеснаго и Царя земнаго?

Діонисію и Авраамію Палицыну принадлежитъ вѣчная слава освобожденія Москвы. Они посылали своихъ ратныхъ людей на помощь защитникамъ столицы, дѣйствовали увѣщаніями, деньгами; ихъ грамоты, гонцы разсылались въ Калугу, въ Коломну, въ Тулу, во Владиміръ, въ Нижній; вездѣ возбуждали они любовь къ родинѣ, ненависть къ врагамъ; они убѣдили Пожарскаго принять начальство надъ войскомъ; отдавали ризы, стихари, за неимѣніемъ денегъ; они спасли Мо-

скву, спасли Россію. Наконецъ, они убѣдили юнаго Михаила Ѳеодоровича принять царство и, давъ Россіи благословенный Домъ Романовыхъ, тѣмъ упрочили на вѣки ея благополучіе и могущество.

Война кончилась. Поляки, въ послѣдній разъ покусившись, подъ предводительствомъ Владислава, возобновить угасшій споръ, были отражены тѣмъ же Авраміемъ. „Торжество мира“—говоритъ авторъ—„было торжествомъ Лавры; она одна устояла въ пятнадцатилѣтнюю бурю; ея каждая развалина казалась раною цѣлаго отечества; ея каждый инокъ былъ витязь; въ ней одной стеклись всѣ главнѣйшія воспоминанія долгой войны, и ни единой измѣной не запятналась ея слава“.

Но еще много великихъ заслугъ Россіи оказала сія святая обитель и въ послѣдствіи времени: два раза укрыла она юнаго Петра, и ея стѣны, остановившія поляковъ, остановили стрѣльцовъ мятежныхъ. Не коснулись сей святыни и французы въ 1812 году; они вѣдали ея богатства, великолѣпіе окладовъ св. иконъ, устремились къ ней съ жаждою добычи и съ половины дороги воротились. А между тѣмъ защитниками ея были одни иноки, или лучше сказать, ея защитникомъ былъ св. Сергій, который еще дважды охранилъ свою обитель: въ 1770 году отъ язвы, въ 1831 году отъ холеры. Ни одного человѣка не погибло отъ заразы въ оградѣ Лавры, а многіе больные, притекавшіе къ ракѣ преподобнаго, нашли тамъ исцѣленіе.

Авторъ переходитъ къ описанію окрестностей Лавры и мѣстъ, прославленныхъ либо счастливыми вылазками, либо упорнымъ боемъ. Это описаніе чрезвычайно занимательно, но слѣдовать за нимъ довольно трудно, по причинѣ множества любопытныхъ фактовъ, представляющихся на каждомъ шагу. Замѣтимъ только то, что пивной дворъ, находящійся внѣ ограды Лавры и почти окруженный станомъ врагомъ, во все продолженіе осады не былъ взятъ; что главные приступы поляковъ были со стороны западной ограды. Съ высокихъ башенъ Троицы видна и церковь села Деулина, извѣстнаго заключеніемъ мира между Россіею и Польшею, и дорога къ Хатькову монастырю, куда бѣжали Сапѣга и Лисовскій, испуганные приближеніемъ Скопина-Шуйскаго, и гора Волкуша, гдѣ Діонисій благословлялъ войско Пожарскаго на смертный бой съ поляками, на освобожденіе Москвы.

Изъ церквей Троицы Успенскій соборъ начатъ Іоанномъ,

оконченъ Ѳеодоромъ; церковь сошествія Святаго Духа воздвигнута Іоанномъ; церковь Рождества—Императрицею Елисаветою; церковь Явленія Божіей Матери—Императрицею Анною Іоанновною; храмъ Одигитріи Смоленской—графомъ Разумовскимъ. Богатства, заключающіяся въ ризницѣ монастыря, неоцѣненны; но всѣхъ ихъ превышаетъ первое сокровище Троицкой Лавры: простая крашенинная риза, посохъ, деревянные сосуды—они принадлежали святому угоднику.

Подъ сводами церквей, на кладбищѣ монастырскомъ много покоится славныхъ мужей, отдыхающихъ здѣсь отъ житейскаго волненія: Шеинъ, Трубецкой, Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ, и другіе.

Авторъ посѣтилъ также Виѳанію, пріютъ великаго Платона, въ недальнемъ разстояніи отъ Лавры. Здѣсь все носитъ на себѣ отпечатокъ души и оригинальнаго ума сего знаменитаго архипастыря: и иконостасъ, устроенный на подобіе горы Ѳавора съ алтаремъ Преображенія на горѣ и съ алтаремъ Виѳаніи внизу подъ горою, какъ-бы въ Лазаревой пещерѣ, и гробъ самого митрополита у пещеры, подлѣ дубовой раки св. Сергія, въ которой почивалъ угодникъ 30 лѣтъ до открытія его нетлѣнныхъ мощей, и самое названіе Виѳанія, напоминающее Новый Іерусалимъ Никона, съ которымъ такъ душевно схожъ былъ Платонъ. Замѣчательна икона, стоящая на престолѣ, принадлежавшая Людовику XVI и во время революціи привезенная въ Россію.

Авторъ изъ Троицкой Лавры направилъ путь свой въ древній Ростовъ. Коротко, но занимательно его описаніе Переславля Залѣсскаго, на пути къ Ростову.

„Съ Поклонной горы, гдѣ поставленъ усердіемъ предковъ каменный крестъ, открылся Переславль Залѣсскій во всей древней благочестивой красѣ своей, на берегу тихаго длиннаго озера, горящій въ небѣ золотомъ крестовъ многихъ обителей и церквей. Неожиданно и вмѣстѣ очаровательно было зрѣлище сего города: такъ пріютно прислонился онъ къ мирнымъ водамъ, издали совокупляясь всѣми своими храмами въ одинъ Божій домъ: такъ безпечно летѣли къ нему бѣлые паруса рыбарей по спящей пучинѣ; какъ-бы въ безбурный притонъ, созданный только для упокоенія ихъ смиренныхъ лодокъ и безстрастныхъ душъ. Такъ мнѣ показалось издали съ горы, у подножія поклоннаго креста, и такъ могутъ всегда представ-

ляться предметы, если смотрѣть на нихъ съ подобной же точки".

Посѣтивъ въ Переславлѣ два монастыря: женскій Ѳеодоровскій и мужской Никитскій, гдѣ покоятся мощи св. Никиты Столпника, XII вѣка, авторъ переходитъ къ описанію древняго Ростовскаго собора. Начало его относится еще ко времени св. князя ростовскаго Константина Всеволодовича, но уже и во времена Владиміра воздвигнута была на этомъ мѣстѣ деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери. Постепенно украшенный епископомъ Игнатіемъ въ XIII вѣкѣ и митрополитомъ Іоною, древній сей храмъ еще доселѣ поражаетъ насъ своимъ величіемъ, но огромная стѣна, его окружающая, четыре церкви внутри этой ограды, палаты архіерейскія, трапеза, гдѣ пировалъ Петръ Великій—все въ опустѣніи съ тѣхъ поръ, какъ каѳедра архіерейская перенесена въ Ярославль. Подъ сводами древняго собора покоятся четыре великіе святителя: св. Леонтій, уничтоживший язычество въ Ростовѣ, св. Исаія, преемникъ его, св. Игнатій, котораго нетлѣніе просіяло прежде преданія тѣла землѣ, и св. Ѳеодоръ, племянникъ Сергія.

Въ Ростовѣ же былъ нѣсколько времени митрополитомъ знаменитый Филаретъ Никитичъ Романовъ. Заточенный Годуновымъ, возведенный Лжедимитріемъ на степень митрополита, потомъ томившійся въ темницѣ въ Варшавѣ, освобожденный оттуда сыномъ своимъ, уже державнымъ, совѣтникъ его во все остальное время своей жизни—онъ въ счастіи и въ несчастіи былъ одинаково твердъ и непоколебимъ. Авторъ приводитъ мѣсто изъ Соборной Лѣтописи Ростова объ извѣстномъ его подвигѣ: Сапѣга съ своей Польской вольницей и жители Переславля, измѣнившіе Василію Шуйскому, ворвались въ Ростовъ и окружили соборъ, гдѣ были собраны почти всѣ граждане съ своимъ пастыремъ, митрополитомъ Филаретомъ, удержавшимъ ихъ отъ бѣгства въ Ярославль. Тутъ онъ намѣревался съ ними умереть; но переславцы съ литовцами выломили дверь, ворвались въ Божій храмъ, избили много народу и самого Филарета Никитича отослали въ Тушино: онъ былъ освобожденъ на дорогѣ войсками князя Михаила Шуйскаго.

Изъ числа священныхъ достопамятностей Ростова замѣтимъ жезлъ, хранящійся въ Богоявленскомъ монастырѣ и принадлежавшій архимандриту Авраамію, современнику Владиміра, тотъ жезлъ, которымъ онъ сокрушилъ идола жителей Ростова; мощи св. Петра, Ордынскаго царевича, излѣченнаго

св. Кирилломъ и принявшимъ св. крещеніе: онѣ покоятся въ обители Петра и Павла. Мы не говоримъ о мощахъ святителя Димитрія въ Яковлевскомъ монастырѣ. Кому въ Россіи неизвѣстны его великія заслуги церкви, прославленныя и по смерти даромъ чудотворенія? Кто изъ насъ не читалъ его твореній и не умилялся теплымъ чувствомъ, съ которымъ они написаны? Въ Яковлевскомъ монастырѣ авторъ нашъ имѣлъ занимательныя бесѣды съ нынѣшнимъ архимандритомъ Иннокентіемъ, которыя являютъ въ семъ почтенномъ старцѣ глубокое смиренномудренное познаніе жизни.

Въ четырехъ верстахъ отъ Ростова находится малая обитель св. Троицы; здѣсь родился и былъ воспитанъ св. Сергій. Авторъ посѣтилъ на обратномъ пути въ Переславлѣ еще два монастыря: Горійскій, древній и уже ветхій, и св. Троицы, гдѣ покоится св. Даніилъ, крестившій Грознаго надъ ракой св. Сергія. Какое сближеніе великихъ именъ! Авторъ, возвращаясь въ Москву, еще разъ посѣтилъ Троицкую Лавру.

Приступая къ содержанію третьей главы „Новый Іерусалимъ“, не излишнимъ полагаемъ въ нѣсколькихъ словахъ представить характеръ его основателя. Патріархъ Никонъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей исторіи въ XVII столѣтіи. Одаренный волею твердою, умомъ тонкимъ, честолюбіемъ неограниченнымъ, онъ былъ вмѣстѣ съ симъ своенравенъ, гордъ, высокомѣренъ; но вспомнимъ, что онъ оказалъ Россіи великія заслуги, усмирилъ бунтъ въ Новѣгородѣ; его умъ часто руководилъ царя въ дѣлахъ государственныхъ; онъ исправилъ невѣрный, во многихъ мѣстахъ даже искаженный переводъ Священнаго Писанія и церковныхъ книгъ; онъ ввелъ Богослуженіе болѣе приличное своему высокому назначенію. Его жизнь—разительный примѣръ непостоянства счастія. Сперва мирный отшельникъ въ Соловецкомъ монастырѣ, постепенно возвышаясь, сдѣлался онъ наконецъ другомъ царя, его совѣтникомъ, безъ его благословенія не начиналось никакое важное дѣло; онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ государя—и что же? Низведенный или лучше сказать, по гордости нисшедшій самъ съ патріаршаго престола, онъ удалился на берега Истры, провелъ тамъ 10 лѣтъ въ молитвѣ и началъ исполнять свое намѣреніе: возсоздать Іерусалимъ въ Россіи. Вызванный въ Москву, осужденный духовенствомъ, 15 лѣтъ заточенный на Бѣломъ Озерѣ, куда его отправили во время жестокихъ морозовъ, такъ что Іосифъ, архимандритъ Троиц-

кой Лавры, изъ состраданія далъ ему свою шубу, наконецъ помилованный царемъ Ѳеодоромъ, онъ умеръ на возвратномъ пути и погребенъ въ своей обители, въ воздвигнутомъ имъ Новомъ Іерусалимѣ. Трогательно изобразилъ авторъ кончину великаго мужа. „Ударили въ колоколъ къ вечернѣ“—говоритъ онъ — „Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, какъ-будто кто „пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы, и браду, „и одежды, какъ-бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ „съ братіею прочиталъ отходныя молитвы, патріархъ же, рас„простершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, вздох„нувъ—отошелъ съ миромъ“. Мысль—представить въ Россіи Іерусалимъ, сію священную цѣль столькихъ войнъ, столькихъ благочестивыхъ странствованій—достойна Никона и царя Алексѣя; они оба участвовали въ планѣ сего великаго предпріятія, что свидѣтельствуетъ надпись на крестѣ у Елеонской часовни, находящейся въ недальнемъ разстояніи отъ Новаго Іерусалима. Но исполнялъ этотъ планъ одинъ Никонъ во время своего произвольнаго 10-ти-лѣтняго заключенія на берегу Истры. Авторъ, который за пять лѣтъ передъ симъ посѣтилъ древній Іерусалимъ, былъ болѣе всякаго другаго въ состояніи судить о сходствѣ и несходствахъ Новаго Іерусалима съ его подлинникомъ. Главный видъ отличенъ и едва-ли могъ быть схожимъ. Вотъ слова автора: „Изъ-подъ высокой арки Свя„тыхъ Воротъ открывается самый великолѣпный видъ на зда„нія собора съ восточной ихъ стороны:—это чудная гора ма„лыхъ куполовъ и главъ, своенравными уступами восходящая „до двухъ главныхъ куполовъ храма, и вся сія гора на раз„ныхъ высотахъ усѣяна золотыми крестами, напоминая жи„тейское крестное восхожденіе наше. Но хотя зрѣлище сіе ве„ликолѣпно и вполнѣ достойно громкаго названія Новаго Іеру„салима, оно совершенно отлично отъ образца своего. Правда, „и тамъ есть два купола надъ соборомъ и полукуполъ надъ „алтаремъ, и глава, выходящая изъ земли надъ церковью „Обрѣтенія, но всѣ безъ крестовъ, и все кругомъ застроено „террасами и плоскими крышами сосѣднихъ монастырей Авра„ама и абиссинцевъ, такъ что примѣтны только два купола „надъ соборомъ; все же зданіе является въ видѣ огромной по„луразрушенной твердыни!....“ Величественный храмъ Новаго Іерусалима былъ начатъ Никономъ, по полученіи изъ Палестины модели отъ старца Арсенія Суханова, и въ теченіе 10 лѣтъ онъ, удалившись отъ свѣта и сложивъ бремя правленія,

успѣлъ воздвигнуть его по самые своды. Ѳеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ продолжать строеніе, оставшееся въ томъ же видѣ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ—во все время заточенія Никона, и только въ 1685 году храмъ былъ освященъ. Хотя отдѣленіе Виѳлеемъ вовсе несходно съ Виѳлеемомъ Палестинскимъ, церковь Рождество гораздо менѣе и не столь богата украшеніями, мрачныхъ подземелій храма Іерусалимскаго здѣсь вовсе нѣтъ, но храмъ Воскресенія невольно поражаетъ душу величественнымъ сходствомъ своимъ съ священнымъ подлинникомъ. При томъ же и самый храмъ Палестинскій раздѣленъ стѣнами на многія отдѣленія для каждаго вѣроисповѣданія, и тѣмъ нарушено его простое величіе, но размѣры собора, мѣсто Голгофы—все одинаково. И здѣсь и тамъ ротунда надъ гробомъ Спасителя возвышается свободно и легко и оканчивается высокимъ раззолоченнымъ куполомъ съ 75 окнами; и здѣсь камень, отваленный Ангеломъ, и плита, на которой лежало Божественное тѣло, все было такъ поразительно своимъ сходствомъ, что авторъ на мгновеніе думалъ, что онъ снова въ Палестинѣ, снова подъ тѣмъ священнымъ сводомъ, который осѣняетъ Божественные слѣды страданія и смерти Христа. То же самое чувство ощущалъ архіепископъ горы Ѳавора Іероѳей, нынѣ находящійся въ Россіи за милостынею. Однако и въ самой часовнѣ есть несходство; здѣсь она украшена простымъ стѣннымъ письмомъ, а тамъ мраморомъ; вмѣсто безчисленныхъ лампадъ Іерусалимскихъ свѣтитъ одна лампада.... Самый соборъ, по мнѣнію автора, короче, царская арка уже, иконостасъ устроенъ иначе; но видъ всего собора съ хоровъ, эти „далекія хоры и извивистыя галлереи“, какъ говоритъ авторъ, эта огромность, эти возвышенные куполы, золотая ротунда надъ Священнымъ гробомъ и наконецъ самый Священный гробъ, который авторъ уподобляетъ малому острову среди пучины или свѣтлому облаку въ эѳирѣ—все это поражаетъ душу своимъ величіемъ и заставляетъ благоговѣть передъ памятью того, кто возымѣлъ эту высокую мысль и привелъ ее въ исполненіе.

Тутъ же, на хорахъ находится портретъ Никона во весь ростъ. Онъ изображенъ вмѣстѣ съ учениками его—архимандритомъ Германомъ и другими. Его высокій ростъ, черные и густые волосы, проницающіе душу глаза, все живо представляетъ зрителю сего великаго мужа, одного изъ свѣтилъ нашей церкви.

Авторъ описываетъ намъ подробно придѣлы Іосифа и Никодима, Раздѣленія Ризъ, Терноваго Вѣнца, церковь Геѳсиманіи; онъ полагаетъ, что строители сего храма не столько думали о сходствѣ съ святымъ храмомъ Палестинскимъ, сколько о томъ, чтобы въ одномъ храмѣ совокупить всѣ мѣста, освященныя какимъ-нибудь высокимъ воспоминаніемъ и разсѣянныя по всей Іудеѣ. Замѣтимъ также, что Новый Іерусалимъ, при одинаковой широтѣ, длиннѣе четырьмя саженями.

Отъ обозрѣнія этого прекраснаго храма, коего планъ находится при концѣ книги, авторъ переходитъ къ описанію обрядовъ, совершающихся въ немъ въ подраженіе древнему. Мѣсто намъ не позволяетъ слѣдить разсказъ, но мы упомянемъ только самые трогательные и любопытные обряды. Замѣтимъ, что патріаршіе пѣвчіе во время литургіи подымались съ хоровъ на хоры все выше и выше, такъ что наконецъ, во время совершенія таинства, они были какъ-бы ангелы на небесахъ; что Плащаницу съ Голгоѳы всегда спускаетъ самъ архимандритъ на холстахъ, какъ Іосифъ и Никодимъ нѣкогда спускали съ креста тѣло Спасителя; что въ страстную пятницу двѣнадцать евангелій о страстяхъ Господнихъ читаются на самой Голгоѳѣ, передъ крестомъ, на мѣстѣ и въ виду орудія страданія Богочеловѣка. Голгоѳа въ Новомъ Іерусалимѣ сдѣлана по образцу Голгоѳы въ древнемъ ея видѣ: ибо впослѣдствіи святотатственная рука отсѣкла уголъ отъ древней скалы Палестинской Голгоѳы и воздвигла на немъ иконостасъ. Подъ Голгоѳой, въ церкви Предтечи, покоится вѣчнымъ сномъ основатель храма, патріархъ Никонъ.

Цѣлію послѣдняго путешествія сочинителя была обитель, достойная своею древностію обратить на себя вниманіе людей ученыхъ и путешественниковъ, и доселѣ остающаяся въ забвеніи, обитель Валаамская, на дикомъ, лѣсистомъ островѣ Ладожскаго озера. Здѣсь, посреди лѣсовъ, на небольшой скалѣ, обуреваемой волнами огромнаго озера, божественная вѣра, въ лицѣ смиренныхъ отшельниковъ, нашла себѣ уже съ раннихъ временъ пріютъ отъ житейскихъ бурь. Древность этой обители не подлежитъ сомнѣнію; если мы и не согласимся съ преданіемъ, полагающимъ основателемъ ея самого св. апостола Андрея Первозваннаго, дошедшаго до пустыннаго острова въ сопровожденіи людей новгородскихъ, то все же имѣемъ другіе памятники о древности Валаама—рукописное житіе Авраамія Ростовскаго, ученика Ѳеоктиста, бывшаго уже игуменомъ Ва-

лаама въ 960 году, того Авраамія, который, исполненный вѣрой, жезломъ разрушилъ каменные идолы въ Ростовѣ. Сверхъ того, Софійскій лѣтописецъ нѣсколько разъ упоминаетъ о Валаамѣ. Авторъ полагаетъ, что житіе основателей его, преподобныхъ Сергія и Германа, должно отнести ко временамъ княгини Ольги. Если это правда, то Валаамъ есть древнѣйшая извѣстная намъ пустыня въ цѣлой Россіи. Недалеко отъ Валаама находится и Коневъ островъ, гдѣ спасался св. Арсеній въ XIV столѣтіи, пришедшій сюда съ горы Аѳонской, и другой островъ, гдѣ основалъ пустыню св. Александръ, удалившійся впослѣдствіи на берега Свири; въ Валаамѣ подвизался также нѣсколько времени Савватій, удалившійся потомъ на острова Соловецкіе; словомъ, сей малый островъ, говоря словами автора, былъ тѣмъ мѣстомъ, откуда искра христіанства блеснула языческому сѣверу.

Но часто мирная тишина обители была нарушаема набѣгами шведовъ. Два раза переплыли Ладожское озеро мощи св. Сергія и Германа, и ихъ принималъ сперва Новгородъ, потомъ Никольскій монастырь Старой Ладоги. Наконецъ, спустя сто лѣтъ послѣ вторичнаго переселенія, снова вернулись онѣ на свой островъ. Долгое время, до 1785 года, стояла тутъ одна деревянная церковь надъ мощами угодниковъ; монаховъ не было при обители; одинъ игуменъ съ двумя священниками удовлетворяли усердію поклонниковъ. Наконецъ митрополитъ Гавріилъ, тронутый запустѣніемъ древней обители, повелѣлъ соорудить ее снова. Зданіе не велико и не отличается богатствомъ; соборъ во имя Спаса Преображенія окруженъ двумя рядами келій. Въ обновленной обители былъ поставленъ игуменомъ Назарій, тридцать лѣтъ проведшій въ уединеніи. Слѣдуя его примѣру, ученики его основали 14 пустыней кругомъ монастыря, изъ коихъ только четыре обитаемы; въ одной изъ нихъ установлено неумолкаемое чтеніе псалмовъ, для чего восемь отшельниковъ смѣняются каждые два часа.

На этомъ дикомъ, уединенномъ островѣ находится, вѣроятно мнимый, гробъ шведскаго короля Магнуса, будто-бы занесеннаго сюда бурею послѣ битвы и принявшаго здѣсь святое крещеніе. Надпись, находящаяся на деревянной доскѣ его гроба, въ совершенно новомъ слогѣ, такъ что нельзя отнести ее далѣе половины прошедшаго столѣтія.

Островъ Валаамъ былъ въ августѣ 1818 года посѣщаемъ Императоромъ Александромъ. Побѣдитель Наполеона, герой,

даровавшій миръ и свободу всей Европѣ, пріѣхалъ въ Валаамъ одинъ; молился, бесѣдовалъ съ пустынниками и уѣхалъ, осыпавъ монастырь своими милостями. Игуменъ Іонаѳанъ впослѣдствіи имѣлъ всегда свободный входъ въ государевы покои.

Эта глава, кромѣ описанія обители, замѣчательна еще какимъ-то особеннымъ поэтическимъ чувствомъ. Пустыня, уединеніе, гдѣ, казалось бы, должно увянуть воображеніе, возбуждаютъ его въ высокой степени, и мы съ живымъ удовольствіемъ внимаемъ автору, когда онъ плыветъ черезъ Ладожское озеро, ночью, при духовномъ пѣніи кормчаго-инока, или когда слушаетъ трогательный разсказъ игумена о св. царевичѣ Іоасафѣ, оставившемъ царство земное для небеснаго, и умиляясь мысленнымъ зрѣлищемъ смиреннаго пріюта отшельниковъ, невольно повторяемъ съ авторомъ стихи, которые желаетъ онъ вложить въ ихъ уста:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли.
Здѣсь невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны!

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

СЕМЕЙНЫЕ УЧАСТКИ.

Отвлеченное начало *равенства*, овладѣвшее умами со времени французской революціи, отразилось повсюду въ законахъ, и между прочимъ въ законѣ о наслѣдствахъ. Такъ произошла извѣстная 826 статья фр. гражд. кодекса, перешедшая вмѣстѣ съ нимъ и во многія другія законодательства [1]). Повсюду и особливо во Франціи, она была причиною значительныхъ экономическихъ бѣдствій. Въ силу этой статьи, при раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества каждый изъ сонаслѣдниковъ имѣетъ право требовать себѣ выдѣла *натурою* слѣдующей части изъ недвижимаго и движимаго имѣнія. Съ другой стороны фран. законъ постановленіемъ о законной долѣ наслѣдниковъ стѣсняетъ всякаго владѣльца въ правѣ распорядиться имѣніемъ на случай смерти по своему усмотрѣнію и передать свое цѣльное хозяйство въ руки, по усмотрѣнію его, благонадежныя. Такимъ образомъ законъ вводитъ въ сферу экономическую принудительное начало *раздробленія* имуществъ, дѣйствующее непрерывно и послѣдовательно, и притомъ механически, безъ всякаго различенія лицъ и имуществъ.

Дѣйствіе такого закона, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, оказалось повсюду разрушительное и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи — разстройство и уничтоженіе преимущественно малыхъ хозяйствъ, и соотвѣтственное разрушеніе твердаго семейнаго быта. Для государства въ высшей степени важно существованіе и умноженіе благоустроенныхъ семейныхъ союзовъ, преемственно, изъ поколѣнія въ поколѣ-

[1]) Эта статья гласитъ: „Chacun des cohéitiers peut demander sa part en nature des meubles et immeubles de la succession". Ред.

ніе связанныхъ съ хозяйственно-устроенною земельною дачей. Владѣльцы этого типа составляли издревле и донынѣ еще составляютъ политическую силу Англіи: на нихъ утверждаются и ея учрежденія, обезпечивающія свободу націи. Напротивъ того уничтоженіе этого типа, свойственное новѣйшей демократіи, ведетъ къ раздробленію общества на однообразныя единицы, взаимно не связанныя и оторванныя отъ земли, слѣдовательно безсильныя и безпочвенныя [1]).

Какъ бы старательно глава семьи ни устраивалъ и обработывалъ свое имѣніе,—можетъ быть задолго передъ тѣмъ устроенное трудами прежнихъ поколѣній, хранилище добрыхъ семейныхъ преданій,—все это не служитъ ни къ чему, когда по смерти его имѣніе осуждено на раздробленіе, да и новые владѣльцы отдѣльныхъ частей осуждены возобновлять для себя хозяйственный трудъ, который со смертію ихъ тоже обрывается. Притомъ, съ каждымъ новымъ раздробленіемъ, когда приходится устраиваться вновь, потребенъ капиталъ, и труднѣе достать его: отсюда долги—и кредитъ, облегчаемый ипотечнымъ устройствомъ, но пагубный для имѣнія, которое чѣмъ мельче, тѣмъ затруднительнѣе ему выносить задолженность.—Имѣнія приходятъ въ несостоятельность и продаются съ публичнаго торга. Такимъ образомъ мало-по-малу, съ гибелью малыхъ имѣній, сельское хозяйство теряетъ всякую приманку, и населеніе, прежде бывшее осѣдлымъ и довольнымъ въ сельскомъ быту, бѣжитъ изъ деревни въ городъ, гдѣ увеличиваетъ массу бездомныхъ пролетаріевъ, недовольныхъ, голодныхъ и вполнѣ зависимыхъ отъ всякаго случайнаго и матеріальнаго интереса. Съ другой стороны—въ деревнѣ, земли, бывшія прежде производительными въ рукахъ у хозяевъ, попадаютъ массами въ руки капиталистовъ и становятся добычею хищническаго хозяйства или мѣстомъ фабричной промышленности.

Таковы печальные плоды раздробленія наслѣдствъ,—вполнѣ уже нынѣ обнаруженные во Франціи, гдѣ благоразумные люди давно уже ищутъ средства отъ этихъ золъ—въ измѣненіи закона о наслѣдствѣ.

Все это вопросы первостепенной важности, выступившіе

---

[1]) Англія въ завоеванной Ирландіи ввела свои законы о наслѣдствѣ; но въ 1701 г. изданъ особенный законъ для католиковъ, въ силу коего имѣнія ихъ подлежали равному дѣлежу: это сдѣлано было именно съ цѣлію раздробить землевладѣніе и обезземелить владѣльцевъ.

на очередь—не въ одной Франціи, но болѣе или менѣе всюду. И вопросы эти совсѣмъ не новые: они связаны неразрывно съ предметомъ первѣйшей важности — во всѣ времена и у всѣхъ народовъ: — съ охраненіемъ хозяйственной цѣлости *семьи*, которая всюду составляла и будетъ составлять главную опору порядка и благосостоянія въ государствѣ. Центромъ семьи въ этомъ смыслѣ служитъ—*домашній очагъ*: хозяйственныя его опоры — *жилище* и *земля*, вмѣстѣ связанныя. Земля требуетъ ухода, труда, искусства выжидать и разсчитывать: требуетъ *умѣнья*, которое не у всякаго есть, и,—по условіямъ физическимъ. требуетъ *удачи*, которая не всегда случается. Трудно бываетъ многимъ охранить свой домашній очагъ, жилище свое и землю — безъ пособія извнѣ. Отсюда задолженность, отсюда—та грозная роль, которую играетъ *заимодавецъ* въ исторіи сельскаго состоянія—съ самыхъ древнѣйшихъ временъ—и донынѣ. Поэтому—огражденіе малыхъ хозяйствъ составляло всюду предметъ заботы и попеченія. Повсюду обнаруживалась потребность устроить владѣльцу такое положеніе, чтобы домашній очагъ его обезпеченъ былъ отъ захвата при жизни его и оставался нераздѣльнымъ послѣ его смерти.

Для этого огражденія извѣстны до сихъ поръ въ народномъ обычаѣ и въ законодательствахъ слѣдующіе способы:

1. Устройство сельской общины. Община всѣхъ своихъ членовъ снабжаетъ землею и всѣмъ запрещаетъ ея отчужденіе. Ей принадлежитъ собственность; каждому члену ея—пользованіе. (Сравни въ I томѣ моего курса гражд. права § 66).

2. Устройство *феодальное*. Собственность принадлежитъ высшему, владѣющему классу, который низшему классу служитъ тѣмъ же, чѣмъ община – каждому изъ своихъ членовъ. Участки каждаго состоятъ въ непрерывномъ пользованіи, допускаются и продажи въ тѣсномъ кругу, и наслѣдственные переходы, но не допускаются ни раздробленіе участковъ, ни захватъ со стороны. Самъ верховный владѣлецъ не въ правѣ ни раздроблять участки, ни присоединять ихъ къ своей особенной землѣ. Таковы были въ старину феодальные порядки во всей Европѣ.

3. Въ Китаѣ дѣйствуетъ до сихъ поръ древній законъ VII столѣтія о неприкосновенности отдѣльныхъ владѣній. Изъ всей территоріи государства выдѣлено 75 милл. гектаровъ земли и роздано въ собственность семействамъ, съ запрещеніемъ продавать или закладывать имущество, и съ тѣмъ, чтобы оно переходило въ цѣлости къ одному наслѣднику. Владѣнія

эти остаются до нынѣ въ тѣхъ же семействахъ, чѣмъ и объясняется устойчивость поземельнаго владѣнія въ Китаѣ. Вся же остальная земля территоріи, подлежа свободному обращенію, подвергается воздѣйствію разнообразныхъ и случайныхъ условій рынка.

4. Въ новѣйшее время, подъ началомъ гражданской *свободы*, входитъ въ употребленіе новый способъ для достиженія той же цѣли. Это—учрежденіе семейныхъ участковъ, на слѣдующемъ основаніи: владѣлецъ, не лишаясь свободы кредитоваться, продать или завѣщать свое имущество, можетъ формально объявить свой земельный участокъ неотвѣтственнымъ за долги и запретить раздѣлъ его послѣ своей смерти.

Поучительна исторія законодательствъ и народнаго быта въ отношеніи къ этому важному вопросу.

Во Франціи, до революціи, поземельная собственность охранялась и закономъ, и обычнымъ правомъ, и экономическимъ бытомъ того времени. Въ городахъ въ ту пору не было еще скопленія капиталовъ, ищущихъ помѣщенія въ землѣ и въ промышленности. Узы феодальныхъ порядковъ задерживали крестьянскую землю въ обращеніи лишь между крестьянами. Революція новыми своими законами разорвала прежнюю связь землевладѣльца съ землею, уничтожила порядки, въ силу коихъ земли изъ рода въ родъ держались въ однихъ и тѣхъ же семействахъ, положила тяжкія подати на землю и на переходы поземельной собственности, подвергнувъ ее въ то же время раздробленію. Крестьянинъ получилъ свободу отчуждать свою собственность, закладывать ее и входить въ долги, а тяжкія условія владѣнія роковымъ образомъ умножили его задолженность. Это состояніе, усиливаясь съ теченіемъ времени, привело къ уменьшенію деревенскаго рабочаго населенія и считается одною изъ главныхъ причинъ поразительнаго застоя въ народонаселеніи Франціи.

Въ Германіи, до реформеннаго періода землевладѣніе было, на феодальныхъ началахъ, дворянское (frohnhoefe) и крестьянское (bauernhoefe), съ прибавкою общинной земли (almende). Дворянская собственность считалась неотчуждаемою и переходила по наслѣдству безъ раздѣла. Крестьянскіе участки обращались между крестьянами, прикрѣпленными къ землѣ. По прусскому кодексу 1794 года (allg. Ldrcht.) участки эти признаны неотчуждаемыми и нераздѣльными, въ связи съ повинностями въ пользу владѣльца. По тѣмъ же законамъ введенъ

для дворянскихъ имѣній, на основаніи римскаго права, наслѣдственный раздѣлъ, съ указными долями. Послѣ Іенской катастрофы совершилось, по плану Штейна и Гарденберга, освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи (1807 — 1816); крестьянскіе участки превращены изъ феодальнаго владѣнія въ аллодіальную собственность, съ выкупомъ повинностей. Отмѣнено начало неотчуждаемости, и возникъ вопросъ: какому закону подчинить это новое крестьянское владѣніе. Многіе государственные люди, и въ томъ числѣ Штейнъ, предвидѣли опасность разложенія этой собственности при полной ея свободѣ [1]); но либеральная

---

[1]) Штейнъ ни мало не сочувствовалъ увлеченіямъ Гарденберга, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его автобіографіи: «Es war der Neuerungssucht Hardenberg's (berathen von einem Phantasten, der 1820 im Irrenhause starb) vorbehalten, die Verhältnisse des Gutsherrn zum Bauernstande und dessen innere Familienverhältnisse auf eine diesem verderbliche Art 1811 umzuwälzen; hieran hatte ich keinen Antheil» (Pertz: Leben Stein's, VI). Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни († 1831) онъ много размышлялъ о томъ, какъ «спасти крестьянское сословіе отъ гибели», т. е. отъ нищеты и нравственнаго вырожденія, опасаясь, что вмѣсто зависимости отъ помѣстныхъ владѣльцевъ, ихъ постигнетъ «гораздо худшая зависимость отъ евреевъ и ростовщиковъ» (V, 575). По его мнѣнію, политическія бѣдствія, отъ которыхъ страдала современная ему Франція, «ея полнѣйшая неспособность создать и удержать свободную конституцію», обусловливаются главнымъ образомъ тамошнею раздробленностью поземельной собственности (VI, 945). На его глазахъ во многихъ прирейнскихъ мѣстностяхъ, въ Нассау, Вюрттембергѣ, въ разныхъ мѣстахъ Вестфаліи, въ баварскомъ Верхне-Майнскомъ округѣ, неограниченная дѣлимость и отчуждаемость участковъ довели уже крестьянъ до того, что иные изъ нихъ «обработываютъ свое поле руками, питаются крайне скудною пищею и при малѣйшей хозяйственной неудачѣ попадаютъ въ руки ростовщиковъ, откуда уже прямо пускаются по міру». Штейнъ не видѣлъ въ ограниченіи правъ на наслѣдство младшихъ членовъ семьи противорѣчія «естественному праву» и утверждалъ, что «право наслѣдованія покоится на состояніи общественномъ, создается государственнымъ законодательствомъ; по *естественному* праву, со смертью владѣльца собственность пропадаетъ (verfällt in das Freie)». Одобренный Штейномъ законопроектъ о крестьянскомъ наслѣдствѣ заключалъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія: 1) Выборъ наслѣдника предоставляется родителямъ, если же они воли своей не изъявятъ, то наслѣдуетъ старшій; 2) Изъ оцѣнки (открывшагося наслѣдства) исключаются зданія, инвентарь, налоги и лежащіе на недѣлимомъ крестьянскомъ участкѣ (Bauerhof) платежи; изъ полученнаго такимъ образомъ остатка только $^1/_5$ часть идетъ въ раздѣлъ между остальными дѣтьми. 3) Движимость, излишній скотъ и проч. поступаютъ въ раздѣлъ между всѣми дѣтьми. 4) Споры разрѣшаются уѣздными властями, при чемъ Штейнъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ учреждаемыхъ для этого коммисіяхъ имѣли наименѣе вліянія «чиновники, получившіе одно книжное образованіе и нисколько не заинтересованные въ мѣстной жизни» (VI, 71, 816 и 823). *Ред.*

партія взяла верхъ,—и мелкое землевладѣніе подчинено было моднымъ въ ту пору началамъ французскаго законодательства. Вскорѣ же оказались гибельныя послѣдствія этого порядка—въ крайнемъ развитіи сельскаго пролетаріата, и нѣкоторыя изъ германскихъ государствъ стремились къ ограниченію пагубной свободы; но, послѣ объединенія Германіи, въ 1872 г. изданъ, по мысли Бисмарка, общій для всей имперіи законъ о поземельныхъ книгахъ, еще рѣшительнѣе устранившій всѣ преграды къ отчужденію и къ раздробленію поземельной собственности. Тогда, въ одной изъ провинцій, въ Ганноверѣ, произошло примѣчательное явленіе. Ганноверскіе крестьяне, издавна отличавшіеся твердостью семейнаго и общественнаго быта, возбудили столь сильную агитацію противъ новаго закона, что союзный парламентъ долженъ былъ уступить энергическому требованію ландтага и согласился дать Ганноверу спеціальный законъ о нераздѣльномъ крестьянскомъ участкѣ, съ тѣмъ чтобы онъ могъ сохраняться въ одной семьѣ, переходя натурою къ одному избранному по завѣщанію (anerbe) или къ законному наслѣднику. Прочіе наслѣдники получаютъ свои доли выкупными деньгами, на основаніи разумной оцѣнки, которую можетъ выдержать участокъ, безъ истощенія. Въ законѣ опредѣленъ нормальный размѣръ такого участка (Bauerhof), по оцѣночной доходности, съ тѣмъ что отъ воли главы семейства зависитъ образовать участокъ и присвоить ему законную силу запискою въ поземельную книгу (Hoferolle); однако эта записка не безвозвратная, и свойство Bauerhof'а можетъ быть впослѣдствіи отмѣнено по волѣ владѣльца. Въ первые же годы по изданіи закона изъ числа 100.000 крестьянскихъ имуществъ въ Ганноверѣ—записано на этомъ основаніи 60.000.—Примѣръ ганноверцевъ не остался одинокимъ. За нимъ послѣдовалъ въ 1882 году подобный законъ въ Вестфаліи, не для однихъ лишь крестьянскихъ, но, на томъ же основаніи, и для дворянскихъ имѣній;—нѣкоторыя другія провинціи ввели и у себя подобныя учрежденія. Общая черта всѣхъ подобныхъ законовъ и общая ихъ цѣль—не обогащеніе наслѣдника и не охраненіе большихъ и знатныхъ имѣній, но охраненіе небольшихъ хозяйственныхъ участковъ для прочнаго обезпеченія быта цѣлой семьи,—или, прямѣе сказать, упроченіе семьи, какъ первой опоры всякаго соціальнаго устройства. Движеніе умовъ, возбужденное этими законами, усиливается въ Германіи, и въ 1882 году собравшійся во Франкфуртѣ кон-

грессъ экономистовъ выразилъ желаніе, чтобы эти законы стали достояніемъ цѣлой Германіи.

Въ Австріи къ тому же результату привели заботы о бѣдственномъ состояніи мелкаго крестьянскаго хозяйства. И здѣсь мелкая собственность подверглась сильному разложенію вслѣдствіе всеобщей задолженности, а главными причинами сей послѣдней были: непомѣрная тягота податей, при дробленіи наслѣдственныхъ имѣній на мелкіе участки, — такъ какъ, хотя австрійскій законъ допускаетъ завѣщать половину имѣнія, но въ законномъ наслѣдствѣ требуетъ уравненія долей, — и выкупъ дробныхъ долей участка отъ братьевъ и сестеръ приводилъ владѣльцевъ къ долгамъ, коихъ участокъ выносить не могъ, особливо при общемъ упадкѣ вывоза и цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Крупныя владѣнія ограждались отъ разоренія закономъ о фидеикоммисахъ; но мелкія оставались беззащитными, особливо при чрезмѣрномъ развитіи ростовщичества, и законъ ипотеки, повидимому, служившій къ облегченію кредита, въ существѣ дѣла послужилъ лишь къ отягощенію мелкой собственности долгами, коихъ она не въ силахъ была вынести. Вслѣдствіе того и въ Австріи возникла въ послѣдніе годы сильная агитація въ пользу закона объ охраненіи мелкой собственности отъ разоренія. Она увѣнчалась уже въ 1889 году изданіемъ закона о семейныхъ участкахъ. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьянамъ предоставляется составлять хозяйственные участки съ усадьбой (Höfe), извѣстнаго размѣра, и подвергать дѣйствію особливаго порядка наслѣдованія. Каковъ долженъ быть размѣръ подобныхъ участковъ,—это предоставляется опредѣлять мѣстнымъ ландтагамъ, смотря по естественнымъ условіямъ хозяйства и почвы въ каждой провинціи. Участокъ этотъ переходитъ нераздѣльно къ одному наслѣднику, назначенному завѣщателемъ, или, въ отсутствіи завѣщанія, къ одному изъ законныхъ наслѣдниковъ, въ порядкѣ, опредѣляемомъ ландтагами. Разсчетъ преемника съ прочими наслѣдниками производится по умѣренной оцѣнкѣ на основаніи правилъ, указанныхъ въ законѣ.

Но самый характерный типъ подобнаго учрежденія представляютъ сѣверо-американскіе штаты. Усплившаяся въ послѣднее время конкурренціи хлѣбнаго вывоза изъ Америки, конкурренція невыгодная и даже разорительная для европейской хлѣбной производительности, заставила обратиться къ

изслѣдованію этого явленія, и многіе приходятъ къ мысли, что одною изъ главныхъ его причинъ служитъ обезпеченность сельскаго хозяйства мелкихъ владѣльцевъ въ сѣв. Америкѣ, благодаря общественнымъ учрежденіямъ и практически сложившемуся гражданскому законодательству. Не увлекаясь отвлеченною теоріей свободы въ торговлѣ и въ сдѣлкахъ, законодательство сѣв. Америки ставитъ ей, гдѣ нужно, законныя преграды—(оно оставляетъ у себя неприкосновеннымъ строгое правило о законномъ ростѣ, преслѣдуя лихву). Но всего важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, считается американскій законъ о семейныхъ участкахъ, извѣстный подъ именемъ Homestead Exemption. Устойчивость общественнаго быта зависитъ главнымъ образомъ отъ крѣпкой организаціи сельскаго устройства. А это послѣднее устройство тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣе укоренился въ немъ типъ прочной, осѣдлой семьи, воздѣлывающей свой участокъ личнымъ трудомъ и способной охранять свое владѣніе. Это типъ—не широкаго, но средняго владѣнія, достаточнаго для удовлетворенія нуждъ семьи, такъ чтобы члены ея не вынуждены были добывать себѣ пропитаніе отхожею работой.

Въ первое время подъ воздѣйствіемъ началъ французской революціи американскіе штаты приняли французское правило уравненія долей въ наслѣдствѣ. Но гибельныя послѣдствія этого начала не замедлили обнаружиться, и мнѣніе людей практическихъ мало-по-малу пришло къ сознанію, что необходимо для охраненія семьи въ государствѣ: необходима цѣлостная передача изъ поколѣнія въ поколѣніе домашняго очага и домашняго рабочаго гнѣзда.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія землевладѣніе въ сѣвер. Америкѣ распредѣлялось между крупными владѣльцами, производившими обработку невольничьимъ трудомъ, и между мелкими владѣльцами, которые сами воздѣлывали поля свои. Между тѣми и другими происходила, какъ всегда бываетъ, глухая экономическая борьба, истощавшая мелкихъ владѣльцевъ. Повторились обычныя явленія: задолженность мелкаго владѣнія, понудительныя продажи имущества и скупка мелкихъ участковъ крупными капиталистами.

Въ 1839 году часть мелкихъ землевладѣльцевъ, убѣгая отъ кредиторовъ, оставила свое отечество. Забравъ съ собою невольниковъ, они удалились въ Техасъ, принадлежавшій въ ту пору Мексиканской республикѣ. Здѣсь, негодуя на законода-

тельство своего роднаго края, они добились новаго закона, коимъ установлено, что земельная дача до положеннаго размѣра объявляется недѣлимою и неподлежащею продажѣ за долги. Вслѣдъ затѣмъ, въ Соединенныхъ Штатахъ образовалась лига, которая, при содѣйствіи опытныхъ юристовъ, успѣла наконецъ въ 1849 году провесть и въ одномъ изъ сѣв. американскихъ штатовъ первый законъ, извѣстный подъ именемъ Homestead Exemption. Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ законъ. Владѣлецъ можетъ особымъ формальнымъ порядкомъ, съ запискою въ поземельную книгу, объявить свою дачу, въ размѣрѣ до 200 акровъ, съ домомъ и принадлежащею къ нему инвентарною движимостью, имуществомъ нераздѣльнымъ и неподлежащимъ взысканію, до 1.000 долларовъ. Если, по случаю взысканія окажется, что имѣніе стоитъ дороже этой цѣны, то въ остальной суммѣ владѣльцу предоставляется выкупъ, или, буде дача можетъ быть раздѣлена, отъ нея отрѣзывается соотвѣтственная часть. Отъ владѣльца зависитъ, если захочетъ, новымъ актомъ уничтожить неотчуждаемость имѣнія, но, дабы охранить семью отъ неразумнаго произвола главы семейства, для этого требуется согласіе жены его.—Вотъ главныя черты этого перваго закона. Съ 1849 года онъ принятъ уже въ 44 (изъ числа 48) штатахъ, съ разными измѣненіями, по мѣстнымъ условіямъ, клонящимся къ одной и той же цѣли — къ охраненію цѣлости семейнаго достоянія. Послѣ междоусобной войны введеніе этого закона въ южные штаты во многомъ послужило къ умиротворенію ихъ: онъ далъ возможность крупнымъ разореннымъ владѣльцамъ сохранить остатки своего потрясеннаго землевладѣнія и пособилъ создать въ бывшей странѣ невольничества массу свободнаго мелковладѣльческаго сельскаго населенія; съ 1849 года, при дѣйствіи этого закона, число фермъ въ Соед. Штатахъ удвоилось (съ 2 до 4 милліоновъ). Вотъ какъ свидѣтельствуетъ о дѣйствіи этого закона британскій консулъ въ Вашингтонѣ своему правительству. „Маленькіе люди благословляютъ этотъ законъ, обезпечивающій ихъ въ томъ, что, въ случаѣ болѣзни или невзгодъ, не отнимутъ у нихъ домашнее гнѣздо, и не будутъ они доведены до крайней нищеты. Слабые защищены противу сильныхъ, противъ кулаковъ и ростовщиковъ, которые пользуются невѣжествомъ и бѣдностью поселенца, чтобы общипать его до послѣдней копѣйки. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти законы оберегаютъ жену и семью отъ мужнина безумства и легкомыслія, такъ какъ Но-

mestead не можетъ быть ни проданъ, ни заложенъ, ни покинутъ мужемъ безъ согласія жены. Безъ всякаго сомнѣнія, тысячи семействъ въ штатахъ спасены этими мѣрами отъ совершеннаго разоренія“ [1]). Этотъ примѣръ сѣвероамериканскихъ штатовъ возбудилъ уже замѣтное движеніе во Франціи, особенно пострадавшей отъ разложенія мелкихъ хозяйствъ: въ средѣ истинныхъ друзей народа и серьезныхъ экономистовъ давно уже разработывается вопросъ объ измѣненіи въ этомъ смыслѣ французскаго законодательства, т. е. объ отмѣнѣ наслѣдственнаго дробленія, о расширеніи завѣщательнаго права и о введеніи въ законъ типа семейныхъ участковъ по примѣру сѣв. Америки.

Вопросъ о недѣлимости и неотчуждаемости мелкихъ участковъ имѣетъ особенную важность тамъ, гдѣ совершалось освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ съ землею. Крѣпостные крестьяне, послѣ вѣковаго безправія, становятся вдругъ сво-

---

[1]) Въ связи съ этими мѣрами изданъ въ 1862 году общій законъ колонизаціи, подъ именемъ Homestead law. Въ силу этого закона заимщикъ, поселившійся на землѣ государственной, въ правѣ получить даромъ 160 акровъ, съ обязательствомъ воздѣлывать землю и жить на ней въ теченіе 5 лѣтъ, безъ права на отчужденіе. Если умретъ, владѣніе переходитъ ко вдовѣ его, а затѣмъ къ наслѣдникамъ. Въ теченіе всего срока никто изъ кредиторовъ не можетъ простирать требованій на эту землю. По истеченіи 5 лѣтъ владѣлецъ получаетъ актъ права собственности на землю, которую законъ до тѣхъ поръ сохраняетъ для него чистою отъ долговъ.

Покровительствуя мелкой собственности, правительство Соединенныхъ Штатовъ исправляетъ ошибки прежней политики, когда государственныя земли, впустѣ лежавшія, пускаемы были въ продажу съ публичнаго торга за дешевую цѣну, и платежъ за нихъ принимался государственными бумажками, сильно уже обезцѣненными. Этимъ воспользовались въ громадныхъ размѣрахъ иностранные капиталисты и многочисленныя акціонерныя общества (захватившія на свою долю 1.800.000 гектаровъ). Запасъ государственныхъ земель истощился уже для надѣла хозяевъ колонистовъ, такъ что въ 1865 году Вашингтонское правительство вынуждено было издать законъ, воспрещающій иностранцамъ пріобрѣтать поземельную собственность на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Запрещеніе это простирается и на акціонерныя общества, въ коихъ не менѣе 10-й доли участія принадлежитъ иностранцамъ, прочія же общества—кромѣ желѣзнодорожныхъ—ограничены въ пріобрѣтеніи земель мѣрою—5.000 акровъ, съ тѣмъ притомъ, что тѣ изъ нихъ, кои владѣютъ большимъ количествомъ, обязаны въ теченіе 10 лѣтъ привесть его въ законную мѣру. Этотъ примѣръ Америки долженъ бы, кажется, ободрить робкое въ семъ отношеніи сознаніе россійскихъ законодателей.

бодными распорядителями и своей личности, и своего имущества, не успѣвъ еще пріобрѣсть той нравственной и хозяйственной самостоятельности, которая необходима для разумнаго распоряженія, не имѣя ни капитала, необходимаго для хозяйства, ни умѣнья орудовать деньгами и кредитомъ, которое пріобрѣтается лишь съ нѣкоторымъ культурнымъ развитіемъ. Если въ такомъ состояніи получаютъ они свободу распоряжаться своими участками на правѣ собственности, не будучи притомъ связаны общиннымъ землевладѣніемъ, то подвергаются опасности вовсе утратить изъ-подъ себя землю и хозяйство и превращаются въ бездомныхъ батраковъ, образуя изъ себя съ своими семьями сельскій пролетаріатъ: такъ мало по-малу можетъ истощиться сословіе крестьянское, составляющее главную охранительную силу въ государствѣ. И такъ законодателю, на-ряду съ заботою объ открытіи способовъ къ образованію мелкой частной собственности, необходимо принимать благовременно мѣры къ отвращенію великой отъ того опасности. Тѣмъ прочнѣе благосостояніе народа и государства, чѣмъ болѣе въ немъ распредѣлено земли между мелкими владѣльцами, имѣющими и охраняющими цѣльное свое хозяйство; напротивъ того, благосостояніе народа разрушается, когда преобладающая сила въ народной экономіи принадлежитъ крупному капиталу, привлекающему къ себѣ и малыя доли частныхъ капиталовъ, и мелкіе поземельные участки—для хищнической эксплоатаціи земель. Увеличеніе большихъ дачъ на счетъ мелкой собственности можетъ оказаться пагубнымъ для государства. Latifundia perdidere Italiam.

Время и намъ въ Россіи подумать о грозящей опасности. У насъ крестьяне освобождены съ земельнымъ надѣломъ, который сначала предоставленъ имъ въ (общинное или подворное) зависимое пользованіе (временно-обязанные), съ предоставленіемъ возможности выкупа этого надѣла, для обращенія его въ *собственность* общества или отдѣльныхъ домохозяевъ. Законъ благопріятствовалъ этому образованію собственности, посредствомъ выкупной ссуды крестьянамъ отъ правительства, съ распредѣленіемъ погашенія оной на 49 лѣтъ. Съ теченіемъ времени, это благопріятное отношеніе къ выкупу еще усилилось: установленіемъ обязательныхъ выкуповъ, уменьшеніемъ выкупныхъ платежей и другими льготами. Правительство видимо стремилось развязать скорѣе узы, связывавшія крестьянское владѣніе. Правда, при самомъ освобожденіи крестьянъ

предвидѣлась опасность, какъ-бы крестьяне не могли, увлекшись неопредѣленными представленіями о свободной дѣятельности и случайнымъ денежнымъ прибыткомъ, утратить свою осѣдлость и главную ея опору—землю, но не принято мѣръ къ рѣшительному предотвращенію этой опасности. Напротивъ того, при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, легко устраняемыхъ, открыта крестьянамъ, даже до выкупнаго срока, возможность отчужденія надѣльныхъ земель. 165 статья Положенія о выкупѣ предоставляетъ каждому крестьянину внесть въ уѣздное казначейство всю причитающуюся на немъ выкупную ссуду и требовать выдѣла ему участка; тогда участокъ укрѣпляется за нимъ на правѣ полной собственности, съ выдачею данной, и онъ получаетъ возможность продать свою землю, по усмотрѣнію, безъ всякихъ ограниченій. Другая, 169 статья установляетъ, что участки, пріобрѣтенные крестьянами въ полную собственность, могутъ быть проданы и постороннему лицу, если оно уплатитъ весь числящійся на участкѣ долгъ по выкупной ссудѣ. 162 статьей подобныя же правила установлены и для продажи (по истеченіи 9 лѣтъ съ 1861 года) земель цѣлыми обществами, лишь съ согласія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія [1]).

Подобныя же правила установлены впослѣдствіи и для бывшихъ государственныхъ крестьянъ, равно какъ и для крестьянъ, принадлежавшихъ разнымъ вѣдомствамъ. Государственнымъ же крестьянамъ предоставлена, съ 1886 года, еще большая возможность къ легкомысленному отчужденію пріобрѣтенныхъ на выгодныхъ условіяхъ земель: въ этомъ году изданъ законъ о преобразованіи лежавшей на этихъ земляхъ оброчной подати (знакъ зависимаго владѣнія) въ выкупные

---

[1]) Для губерній бывшаго Царства Польскаго, а также для Эстляндской и Лифляндской, установлено особое правило, ограждающее неприкосновенность крестьянскихъ земель. Въ первыхъ — воспрещена продажа земли, отведенной крестьянамъ—всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому сословію. Въ послѣднихъ—изъ фонда крестьянской земли помѣщикъ можетъ отдавать участки въ аренду или продавать только крестьянамъ.

Въ Румыніи, при освобожденіи крестьянъ, въ 1864 г., признано нужнымъ оградить земельное ихъ владѣніе отъ погибели: надѣлъ ихъ объявленъ неотчуждаемымъ и неподлежащимъ взысканію, по крайней мѣрѣ, на 30 лѣтъ, т. е. до 1894 года. При семъ имѣлась въ виду надежда, что, въ теченіе 2 поколѣній, крестьянинъ, привязанный къ гражданской свободѣ, успѣетъ съ нею экономически освоиться.

*

платежи, съ правомъ произвольнаго выкупа, и тѣмъ самымъ дарованъ имъ прямой способъ къ превращенію въ мелкихъ собственниковъ, самостоятельно распоряжающихся своими землями.

Эти законы, особливо 165 статья Полож. о вык., оказали гибельное дѣйствіе на крестьянское землевладѣніе. На дѣлѣ они послужили средствомъ, при помощи коего ловкіе скупщики, аферисты и домашніе кулаки получили возможность пріобрѣтать крестьянскія земли. Выкупъ участковъ производился почти исключительно самыми неимущими домохозяевами, на деньги скупщиковъ, съ тѣмъ, чтобы перепродать ихъ скупщикамъ. Между тѣмъ, указъ объ обязательномъ выкупѣ распространилъ право отчужденія и на тѣ крестьянскія земли, коими крестьяне вовсе не могли располагать при временно обязанныхъ отношеніяхъ. Другой указъ—о пониженіи выкупныхъ платежей, направленный, повидимому, къ выгодѣ крестьянъ, на дѣлѣ усилилъ только распродажу земель, увеличивъ въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ разность между низкою выкупной ссудой и дѣйствительною стоимостью земель по существующимъ цѣнамъ. Къ тому же, помимо прямыхъ цѣлей законодателя, послужили и облегченіе крестьянамъ кредита въ покупкѣ земель посредствомъ крестьянскаго банка,—и облегченіе переселеній, возбудившее охоту къ распродажѣ земель для сомнительнаго перехода на другія земли.

Въ странѣ земледѣльческой, гдѣ, какъ у насъ, до $^{15}/_{16}$ населенія суть сельскіе жители, объявить для крестьянъ всякую землю вольнымъ товаромъ значило бы—оставить ихъ безъ всякихъ средствъ къ удержанію земли, къ поддержанію хозяйства, къ обезпеченію отъ нищеты и голода. Масса этого населенія состоитъ на первое время изъ людей, которые не могутъ думать объ обогащеніи или о правильномъ хозяйственномъ производствѣ, но поглощены заботою о кускѣ насущнаго хлѣба, а отдѣльная недвижимая собственность налагаетъ на владѣльца такія гражданскія тягости, которыя человѣку безъ капитала рѣшительно не подъ силу, такъ что удержаніе клочка земли, на бѣдномъ рынкѣ, можетъ оказаться для большинства невозможнымъ. Въ такомъ состояніи одна общинная связь можетъ охранить крестьянское населеніе отъ обезземеленія и, дѣйствительно, только общинное землевладѣніе предохранило наши чисто земледѣльческія мѣстности (напр. Саратовскія и Самарскія) отъ полнаго обезземеленія крестьянъ: въ голодную пору, такъ

часто постигавшую въ послѣдніе годы Поволжье, неимущимъ трудно было бы удержаться отъ продажи своихъ участковъ, при господствѣ подворнаго владѣнія:—скупщиковъ оказалось бы достаточно посреди самого сельскаго населенія, ибо въ подворномъ владѣніи давно уже образовалось большое неравенство—участки нѣкоторыхъ домовъ достигаютъ 50, 70 и болѣе десятинъ, а у другихъ остается иногда менѣе одной десятины, и въ года неурожаевъ особенно усиливается скупка малыхъ участковъ болѣе сильными хозяевами. Итакъ можно судить, къ чему приведено будетъ крестьянское землевладѣніе, если еще надолго останется въ силѣ и дѣйствіи 165 статья Полож. о выкупѣ. Вредное ея дѣйствіе давно уже сознается на мѣстахъ, и многія земскія собранія давно уже заявляютъ ходатайство объ ея отмѣнѣ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возбудило уже по этому предмету законодательный вопросъ, донынѣ, къ сожалѣнію, еще не получившій разрѣшенія.

Въ связи съ этимъ вопросомъ здравая политика, настоятельно требующая охраненія семьи въ ея нравственной связи и хозяйственной цѣлости, приводитъ къ необходимости опредѣлить норму *нераздѣльнаго* (и — хотя бы условно — неотчуждаемаго по взысканіямъ) крестьянскаго усадебнаго и полеваго участка. Нынѣ существующія опредѣленія закона о *дворѣ* и о *подворномъ владѣніи* намѣчаютъ только общія черты понятій, а на практикѣ оставляютъ мѣсто произвольнымъ толкованіямъ. Законъ имѣетъ въ виду двоякое крестьянское владѣніе: 1) общинное; 2) наслѣдственное (участковое или подворное) [1]). Сенатъ, въ множествѣ своихъ рѣшеній, всегда признавалъ участки подворнаго владѣнія собственностью *всего двора*, цѣлой крестьянской семьи, а не одного домохозяина. Но этотъ правильный взглядъ высшаго судебнаго учрежденія крайне невыгоденъ аферистамъ-скупщикамъ, а также и всѣмъ посредникамъ происходящихъ сдѣлокъ, и мѣстные адвокаты донынѣ успѣваютъ, изъ своихъ корыстныхъ разсчетовъ, убѣждать неопытныхъ

---

[1]) Ст. 117 Мѣстн. Великор. Полож. Приводимъ ее буквально. „При *наслѣдственномъ* (участковомъ или подворномъ) пользованіи, участокъ, упразднившійся, или по выходѣ семейства изъ общества, или по смерти хозяина, не оставившаго послѣ себя наслѣдниковъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, поступаетъ въ распоряженіе общества, которое можетъ или оставить такой участокъ въ общественномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ, или предоставить въ потомственное пользованіе новому хозяину“.

нотаріусовъ, а иногда и мѣстные суды, въ томъ неправильномъ мнѣніи, что при участковомъ владѣніи домохозяинъ есть полный собственникъ, а не распорядитель токмо въ имуществѣ двора или семьи.

Но не одно лишь крестьянское землевладѣніе имѣетъ нужду въ законѣ, охраняющемъ его отъ разложенія. Подобная же нужда проявляется и для другаго сословія землевладѣльческаго, для дворянъ помѣщиковъ и вообще для всѣхъ сидящихъ на землѣ и орудующихъ землею не въ видѣ промысла, а съ цѣлями сельскаго хозяйства. Всѣ видятъ и знаютъ, какъ, со времени освобожденія крестьянъ, захудали и истощились помѣщичьи хозяйства. Не у мѣста разбирать, на сколько въ томъ участвовали своимъ небреженіемъ и легкомысліемъ сами владѣльцы: дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что разореніе помѣщичьихъ усадебъ и экономій, переходъ имѣній въ руки купцовъ, евреевъ, кулаковъ-скупщиковъ — великій вредъ для государства, великій вредъ и для мѣстнаго населенія, которому тѣмъ болѣе подспорья въ работѣ и въ жизни, чѣмъ болѣе посреди его завязывается самостоятельныхъ узловъ, собирающихъ въ себѣ хозяйственную силу, чѣмъ болѣе осаживается на землѣ благоустроенныхъ и цѣльныхъ семействъ, составляющихъ *домъ*. Между тѣмъ эти узлы, гдѣ и были прежде, мало-по-малу развязываются. Не мало тому причинъ, но главнѣйшая изъ нихъ есть крайняя задолженность и крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, ведущая къ распродажѣ земель и къ распаденію самыхъ семействъ, которыя вмѣстѣ съ землею теряютъ и гнѣздо свое, домашній очагъ свой. Къ несчастью, учрежденіе дворянскаго банка, направленное по основной мысли своей къ поддержанію хозяйствъ и къ охраненію имѣній отъ продажи посредствомъ кредита, на дѣлѣ едва-ли не привело къ противоположной цѣли, доставя многимъ несостоятельнымъ или оскудѣлымъ новый удобный способъ задолжать безъ разсчета на погашеніе долга изъ доходовъ имѣнія.

Въ виду столь бѣдственнаго состоянія невольно возникаетъ мысль, не слѣдуетъ ли и нашему законодательству обратиться къ учрежденію такого же типа, какой выработала для себя сѣверная Америка въ формѣ Homestead'a. Мысль эта отчасти уже и выразилась въ предположеніяхъ и ходатайствахъ — сначала полтавскаго, а за тѣмъ и нѣкоторыхъ другихъ дворянскихъ собраній. Говорю *отчасти*, потому что первоначальные проекты, образовавшіеся безъ соображенія съ исторіей и примѣрами за-

падно-европейскаго законодательства, — напоминали нѣкоторыя черты *майоратовъ*, въ смыслѣ исключительно дворянскаго учрежденія, и потому встрѣчены были неблагопріятно отзывами печати, — не говоря уже о мнѣніи теоретиковъ отвлеченнаго начала *свободы* всякаго рынка. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти первоначальные проекты при дальнѣйшей обработкѣ получатъ видъ, соотвѣтствующій дѣйствительной потребности охраненія не крупныхъ имѣній, — а мелкаго землевладѣнія, т. е. нормальнаго размѣра хозяйственной дачи съ усадьбою [1]). Необходимо,

---

[1]) Это объясненіе даетъ поводъ думать, что почтенный авторъ предлагаетъ охранить отъ дальнѣйшаго дробленія не безусловно мелкую, въ тѣсномъ смыслѣ слова, а мелкую относительно очень крупныхъ владѣній поземельную собственность, т. е. строго говоря, помѣстья *средней* величины. Мелкая частновладѣльческая собственность, къ которой наша оффиціальная статистика относитъ имѣнія пространствомъ не менѣе 100 десятинъ, не можетъ служить у насъ, даже въ своемъ максимумѣ и въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ центральной черноземной области, „нормальнымъ размѣромъ хозяйственной дачи съ усадьбой". Даже вполнѣ благоустроенное хозяйство на такомъ маломъ пространствѣ не дастъ „цѣльной" дворянской семьѣ, „составляющей *домъ*", необходимыхъ средствъ къ жизни, сообразной съ общественнымъ положеніемъ такой семьи и съ ея разумными потребностями, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ стоитъ образованіе дѣтей. Не претендуя на независимость англійскихъ лэндлордовъ и желая оставаться, какъ и въ старину, по преимуществу служилымъ сословіемъ, что́ входитъ также и въ виды правительства, наше помѣстное дворянство тогда только въ состояніи будетъ неуклонно слѣдовать своему культурному призванію и удовлетворить усилившемуся въ послѣднее время государственному спросу на его дѣятельность въ мѣстномъ управленіи, когда упрочитъ за своими семьями непрерывное, преемственно переходящее изъ рода въ родъ обладаніе хозяйственною силою, достаточною для освобожденія дворянскаго *дома* отъ угнетающихъ жизнь мелочныхъ заботъ о насущномъ существованіи. Время еще не ушло. По даннымъ статистики поземельной собственности, собраннымъ 12 лѣтъ тому назадъ (новѣйшихъ оффиціальныхъ данныхъ не имѣется), въ мѣстностяхъ съ сильно измельчавшею поземельною собственностью, вслѣдствіе ея дробимости при переходахъ по наслѣдству, именно въ центральной земледѣльческой области (губерніи: Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская), на 24.746 владѣльцевъ-дворянъ приходилось 9.283.200 дес. земли, т. е. въ среднемъ выводѣ, по 371 дес. на владѣльца, при чемъ дворяне составляли 7,9% общаго числа владѣльцевъ имѣній величиною отъ 100 до 1.000 десятинъ; другими словами: среднепомѣстныхъ дворянъ считалось въ названной области до 8.000, владѣвшихъ въ совокупности слишкомъ 3.400.000 десятинами земли (4.266 дворянъ владѣли имѣніями отъ 300 до 1.000 десятинъ). Въ то же время собственниковъ крупныхъ имѣній (отъ 1.000 до 10.000 и болѣе десят.) насчитывалось въ 8-ми губерніяхъ области 2.023, изъ нихъ дворянъ 1.740. Во владѣніи всѣхъ крупныхъ собственниковъ находилось 6.094.000 десят. земли, изъ коихъ 1.703.000 десят. принадлежали только 82 лицамъ. Очевидно, что преобладающее значеніе для

при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей и безъ нарушенія правъ третьихъ лицъ, дать законную возможность къ охраненію этого мелкаго владѣнія отъ долговъ и взысканій и, выдѣливъ его изъ пагубнаго для многихъ кредита, уберечь въ цѣльномъ видѣ *для семьи.*

К. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

государства (равно и для народнаго хозяйства) имѣетъ *среднепомѣстное* дворянство и что въ центральной земледѣльческой области по меньшей мѣрѣ изъ 6.000 помѣстій могутъ быть образованы недѣлимые семейные участки величиною въ 400—500 десятинъ каждый (средняя цѣнность 30—40 тыс. рубл.), при чемъ останется еще въ крупномъ землевладѣніи значительный запасъ для учрежденія новыхъ заповѣдныхъ участковъ. *Ред.*

Изъ разсказовъ генерала И. С. Ганецкаго о польскомъ мятежѣ 1863 года.

Событія, происходившія въ Польшѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, вызвали, какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи, не мало разсказовъ и даже историческихъ изслѣдованій; но они почти исключительно касались Царства Польскаго; о томъ же, что происходило въ Литвѣ, писали весьма мало. Въ виду этого, воспоминанія о подготовкѣ и ходѣ безпорядковъ въ сѣверо-западномъ краѣ, пополняя указанный пробѣлъ, могутъ служить матеріаломъ для освѣщенія грустной эпохи послѣдней польской смуты. Поэтому мы охотно помѣщаемъ доставленныя въ наше распоряженіе записки, писанныя со словъ одного изъ дѣятельныхъ помощниковъ М. Н. Муравьева, покойнаго Ивана Степановича Ганецкаго, впослѣдствіи героя Плевны, разсказы котораго ярко характеризуютъ это печальное, нашими же ошибками подготовленное время.

Но прежде чѣмъ излагать самые разсказы, считаемъ необходимымъ напомнить о томъ, что происходило въ Литвѣ и особенно въ Вильнѣ передъ прибытіемъ туда 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и съ нею самого генерала Ганецкаго I, бывшаго въ то время командиромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Въ Вильнѣ, какъ въ главномъ городѣ сѣверо-западнаго края и мѣстопребываніи генералъ-губернатора, находилась вся высшая администрація. Сюда же, передъ началомъ мятежа, съѣхались самые вліятельные паны - помѣщики, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что они чуждаются пропагандистовъ возстанія и опасаются жить въ своихъ имѣніяхъ; въ

дѣйствительности, цѣли у нихъ были иныя: они переселились въ Вильно для того, чтобы ближе слѣдить за дѣйствіями русскаго правительства, совѣщаться между собою, удобнѣе сноситься съ злоумышленниками въ Варшавѣ и Петербургѣ и вліять на русскихъ чиновниковъ.

Тогдашній генералъ-губернаторъ края Владиміръ Ивановичъ Назимовъ казался искренно вѣрившимъ, что польская аристократія была противъ мятежа, считалъ ее политически благонадежною и даже совѣщался съ мѣстною польскою знатью о мѣрахъ къ прекращенію волненій и успокоенію умовъ.

Сидя въ Вильнѣ, литовскіе помѣщики, имѣя повсемѣстно своихъ агентовъ, подстрекали жителей городовъ и мѣстечекъ къ уличнымъ демонстраціямъ и покровительствовали организаціи будущихъ бандъ, предоставляя имъ потомъ укрываться въ своихъ лѣсахъ, собираться на мызахъ и въ шляхетскихъ околицахъ, а впослѣдствіи нападать на беззащитныя селенія, грабить хлѣбные магазины, отбирать деньги въ кассахъ волостныхъ правленій; когда же дошло до вооруженнаго возстанія, то вѣшать священниковъ и преданныхъ правительству крестьянъ.

Принимая мѣры противъ вооруженныхъ шаекъ и высылая противъ нихъ военные отряды, генералъ Назимовъ былъ крайне снисходителенъ къ ихъ тайнымъ соумышленникамъ, безпрепятственно занимавшимся собираніемъ пожертвованій для мятежниковъ, надѣвавшимъ трауръ, устраивавшимъ костельныя процессіи и сходки съ пѣніемъ возмутительныхъ гимновъ. Оскорбленіе на улицахъ русскихъ людей и даже солдатъ, которымъ начальство строго приказывало избѣгать всякихъ столкновеній съ польскими обывателями и даже не отвѣчать на ихъ брань и насмѣшки, сдѣлалось повсемѣстнымъ. Въ политическихъ демонстраціяхъ принимали дѣятельное участіе ученики гимназій и дворянскихъ училищъ, мелкіе чиновники и писцы, ксендзы съ преданными имъ девотками и знатныя паньи съ своими дѣтьми. Однимъ словомъ, повторялось то же самое, что происходило въ Варшавѣ и другихъ городахъ Царства Польскаго.

Снисходительность мѣстныхъ властей къ продѣлкамъ пановъ дошла до того, что подстрекаемые ими уличные негодяи безнаказанно позволяли себѣ дерзкія выходки даже противъ семейства генералъ-губернатора; а одна полька, при встрѣчѣ съ викаріемъ Литовской епархіи, епископомъ Александромъ,

плюнула ему въ лицо. Когда объ этомъ узналъ В. И. Назимовъ, то онъ пріѣхалъ къ преосвященному съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія, но все-таки оставилъ виновную безъ всякаго взысканія.

I.

Въ январѣ 1863 года, полки второй гвардейской пѣхотной дивизіи отправлены были изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ для усиленія войскъ, находившихся въ сѣверо-западномъ краѣ. 1 февраля И. С. Ганецкій вступилъ въ Вильну и былъ оставленъ тамъ съ своимъ полкомъ, смѣнившимъ армейскій, переведенный въ другое мѣсто. Узнавъ, до какой степени были распущены въ Вильнѣ поляки и какія дерзости позволяли они себѣ не только съ солдатами, но даже съ офицерами, Иванъ Степановичъ рѣшился немедленно положить конецъ этимъ безобразіямъ. Пригласивъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ полка, онъ просилъ ихъ слѣдить, чтобы нижніе чины соблюдали дисциплину, оберегали бы честь и добрую славу полка и не обижали бы мирныхъ жителей. „Но, если кто-нибудь, — присовокупилъ онъ, — осмѣлится безъ всякаго повода оскорбить солдата, то оскорбленный не долженъ давать себя въ обиду, а обязанъ защищать честь полковаго мундира“.

Случилось, что писарь, лѣтъ 16-ти, изъ кантонистовъ, былъ посланъ старшимъ писаремъ въ лавку за бумагой и чернилами. Въ то время, какъ онъ разсчитывался съ купцомъ, входитъ въ лавку какой-то долговязый, съ огромными усами шляхтичъ и, толкнувъ писаря, требуетъ для себя пакетовъ. Купецъ попросилъ обождать, пока онъ разсчитается, но шляхтичъ, нагло взглянувъ на мальчика, крикнулъ: „Вотъ еще дожидаться такого лайдака! Вонъ сейчасъ!“ Едва успѣлъ онъ это произнести, какъ оскорбленный писарь выхватилъ тесакъ и бросился на шляхтича. Оробѣвшій шляхтичъ быстро выскочилъ на улицу и пустился улепетывать. Писарь за нимъ. Тутъ подоспѣлъ полицейскій и остановилъ разъяреннаго писаря. Его привели къ И. С. Удостовѣрившись, какъ было дѣло, генералъ похвалилъ браваго мальчика и объявилъ объ этомъ въ приказѣ по полку. Поляки тотчасъ же воспользовались этимъ случаемъ и распустили молву, будто солдаты

Ганецкаго гоняются по улицамъ за мирными жителями съ обнаженными тесаками, бьютъ народъ и дѣлаютъ всякія безчинства. Подобная клевета не осталась безъ послѣдствій и даже дошла до Петербурга, откуда родные писали И. С. объ этомъ и умоляли беречь свою служебную репутацію и остановить буйство своихъ солдатъ.

Можно ли было ожидать, чтобъ совершенно ничтожный случай получилъ такую огласку.

И. С. даже опасался, что это послужитъ поводомъ къ удаленію его изъ Вильны, и тогда только совершенно успокоился, когда генералъ-адъютантъ Бистромъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передалъ ему благодарность Государя Императора за поведеніе его солдатъ. Это было заявленіемъ начальства, что, съ прибытіемъ Финляндскаго полка въ городъ, сдѣлалось спокойнѣе.

Генералъ-адъютантъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, которому ввѣренъ былъ военно-полицейскій надзоръ за Варшавскою желѣзною дорогою, увидѣвъ однажды И. С. на вокзалѣ желѣзной дороги, спросилъ его:

— Что такое случилось съ Вильною; она перемѣнилась; ее узнать нельзя. Недавно еще русскимъ опасно было ходить по улицамъ; оскорбляли даже офицеровъ.

— Спокойнѣе стало оттого, отвѣтилъ И. С., что въ Вильну вступилъ Финляндскій полкъ.

II.

Сѣраковскій былъ главнымъ организаторомъ и предводителемъ самой устроенной и многочисленной банды, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ наводившей страхъ и державшей въ полномъ повиновеніи большую часть Виленской и Ковенской губерній. Онъ былъ разбитъ отрядомъ генерала Ганецкаго и раненый взятъ въ плѣнъ одною изъ колоннъ этого отряда. Прежде чѣмъ говорить о подробностяхъ эпизода самаго плѣненія, скажемъ о томъ, чѣмъ была вызвана экспедиція противъ Сѣраковскаго и при какихъ обстоятельствахъ она происходила.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1863 года былъ посланъ изъ Вильны на Вилкомирскій трактъ, въ м. Мейшаголы для наблюденія за повстанцами, полковникъ Крамеръ съ 1-ю стрѣлковою и 5-ю линейною ротами л.-гв. Финляндскаго полка.

19-го апрѣля, часу въ 1-мъ ночи, явился въ Вильну къ командиру этого полка, Ганецкому, тысяцкій изъ м. Ширвинтъ съ донесеніемъ отъ Крамера, который извѣщалъ, что, узнавъ о появленіи шайки въ м. Ширвинтахъ, онъ поспѣшилъ туда и прошелъ д. Киванцы. Въ трехъ верстахъ за этою деревнею, въ лѣсу, въ укрѣпленной окопами мѣстности, онъ наткнулся на непріятельскій лагерь, ворвался въ него, но не преслѣдовалъ банду, опасаясь встрѣчи съ болѣе сильнымъ отрядомъ, и рѣшился возвратиться въ м. Ширвинты. Вслѣдствіе этого И. С. рѣшился идти немедленно въ м. Ширвинты, чтобы лично удостовѣриться въ положеніи дѣла. Не смотря на позднюю ночь, онъ поспѣшилъ къ начальнику дивизіи, генералъ-адъютанту Бистрому, который одобрилъ предположеніе И. С. выступить на разсвѣтѣ въ м. Ширвинты съ двумя ротами Финляндскаго полка.

19-го апрѣля, на разсвѣтѣ, Ганецкій выступилъ изъ Вильны, а къ 10-ти часамъ вечера былъ уже въ Ширвинтахъ, сдѣлавъ переходъ почти въ 50 верстъ.

Въ слѣдующіе дни наши войска обошли окрестности верстъ на шестьдесятъ, были на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣло Крамера, осмотрѣли фольварки, сараи, и нигдѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ повстанцевъ, поэтому рѣшено было всему отряду возвратиться въ Вильну.

Вдругъ на Виленскомъ шоссе показалась несшаяся во весь духъ курьерская телѣжка. Сидѣвшій въ ней ординарецъ В. И. Назимова, поручикъ, соскочилъ съ телѣжки и подалъ Ганецкому предписаніе генералъ-губернатора. Въ немъ было сказано, что по доставленнымъ свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ Вилкомира, Поневѣжа и въ Новоалександровскомъ уѣздѣ собрались шайки числомъ до 20.000 человѣкъ. Для повѣрки этихъ свѣдѣній И. С. приказано было немедленно, со всѣмъ отрядомъ, идти чрезъ Вилкомиръ на м. Оникшты, гдѣ, по слухамъ, были сосредоточены главныя силы мятежниковъ.

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ идти въ Вильну, И. С. пошелъ въ противоположную сторону. Его отрядъ состоялъ изъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ и 3-й линейной ротъ Финлядскаго полка и взвода лейбъ-казаковъ.

21 апрѣля, поздно вечеромъ, генералъ Ганецкій вступилъ въ Вилкомиръ. Здѣсь присоединились къ нему квартировавшія въ этомъ городѣ двѣ роты Софійскаго и Нарвскаго полковъ, подъ начальствомъ маіора Гильцебаха, два уланскихъ

полуэскадрона Курляндскаго и Петербурскаго полковъ и сотня донскихъ армейскихъ казаковъ.

Тамъ было арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей въ чамаркахъ, охотничьихъ сапогахъ и съ револьверами въ карманахъ. Въ народѣ ходили слухи о многочисленныхъ шайкахъ, о главномъ предводителѣ ихъ, литовскомъ воеводѣ, никому тогда неизвѣстномъ, какомъ-то Доленгѣ. На этого Доленгу поляки возлагали большія надежды. Говорили, будто онъ съ своими войсками пробирается въ Либаву на соединеніе съ польскими и русскими эмигрантами и иностранными волонтерами, которые, подъ начальствомъ Бакунина, идутъ на пароходахъ изъ Франціи и высадятся въ Либавѣ.

Проведя въ Вилкомирѣ ночь, отрядъ выступилъ 22-го апрѣля, на разсвѣтѣ, въ м. Оникшты.

Въ авангардѣ и въ головѣ главной колонны шли три Финляндскія роты, а въ хвостѣ колонны и въ арріергардѣ Софійская и Нарвская роты подъ начальствомъ маіора Гильцебаха.

Обозъ долженъ былъ слѣдовать въ промежуткѣ между главною колонною и арріергардомъ.

По выходѣ изъ города И. С. остановился, чтобы пропустить мимо себя отрядъ и посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Онъ замѣтилъ нѣсколько повозокъ, которыя шли впереди другихъ не за хвостомъ колонны, какъ было назначено, а въ самой колоннѣ, окруженныя армейскими солдатами, составлявшими какъ будто ихъ охрану.

— Что это за повозки,—спросилъ И. С.,—зачѣмъ онѣ идутъ не тамъ, гдѣ приказано?

— Это гвардейскія повозки, ваше превосходительство,— отвѣчалъ маіоръ Гильцебахъ.

— Такъ что жъ такое, что гвардейскія! развѣ не все равно, какія повозки? Уберите ихъ.

Вызвавъ къ себѣ офицеровъ, сказалъ имъ:

— Господа, — маіоръ Гильцебахъ дѣлаетъ какое-то различіе между арміею и гвардіею; даже гвардейскія повозки у него важнѣе армейскихъ. Этого не должно быть. Всѣ мы равны, всѣ мы солдаты и вѣрные слуги Государя. Чтобъ этого различія не было. Кто честно служитъ и храбро дерется,— тотъ и гвардеецъ.

Этотъ случай имѣлъ на войска хорошее вліяніе и сблизилъ гвардейцевъ съ армейцами.

По дальнѣйшему пути во многихъ мѣстахъ были слѣды

пребыванія повстанцевъ; хлѣбные сельскіе магазины были разграблены; народъ былъ въ страхѣ. Разсказывали, что въ м. Субочъ, Доленга приказалъ повѣсить старосту и сжечь сельское управленіе.

Старовѣры, чрезъ деревни которыхъ проходилъ отрядъ, говорили, будто у Доленги много войска и есть пушки; русскія бабы провожали солдатъ съ слезами и причитаніями. Евреи были такъ увѣрены въ побѣдѣ повстанцевъ и пораженіи нашего небольшаго отряда, что прятались отъ нашихъ и остерегались оказывать услуги даже за деньги.

По разсказамъ жителей, верстахъ въ 15-ти отъ Оникштъ, въ лѣсу на р. Свентѣ, у фольварка Кнебье, стояла болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, многочисленная шайка. Никѣмъ не тревожимая, она преспокойно занималась фронтовыми ученьями и стрѣльбою въ цѣль, и къ ней постепенно присоединялись шайки, приходившія изъ Поневѣжскаго и Новоалександровскаго уѣздовъ. Не вѣрится, чтобы все это происходило на виду военныхъ и гражданскихъ властей, жандармовъ и полиціи, а между тѣмъ такъ было. Невольно вспоминаются при этомъ слова М. Н. Муравьева про это время.

„Наше счастіе, что поляки взбунтовались. Еслибъ они сидѣли смирно, — мы продолжали бы спать, да спать, а годика чрезъ три они бы насъ и вынесли отсюда, какъ младенцевъ, въ люлькахъ“.

Узнавъ о приближеніи отряда И. С., повстанцы оставили свой лагерь и ушли въ направленіи къ курляндской границѣ, но далеко уйти не могли, и надо было только напасть на ихъ слѣдъ.

Желая скорѣе достичь этого, Ганецкій рѣшился раздѣлить свой отрядъ на три колонны и двинуть ихъ изъ м. Андронишекъ по тремъ дорогамъ, которыя идутъ въ одномъ направленіи къ курляндской границѣ и выходятъ въ разныхъ мѣстахъ на шоссе изъ Новоалександровска въ м. Радзивилишки.

Пройдя 24 апрѣля около 16-ти верстъ, колонна Ганецкаго остановилась въ м. Шиманцахъ. Проживающіе тамъ русскіе старовѣры разсказывали, что здѣсь проходила шайка Доленги и будто-бы самъ Доленга требовалъ отъ декана, настоятеля мѣстнаго костела, чтобы онъ собралъ своихъ прихожанъ и торжественно прочелъ имъ съ амвона воззваніе о поголовномъ возстаніи и возстановленіи Польши.

Но деканъ, не смотря на угрозы и на пистолетъ, приставъ-

ленный къ его груди, рѣшительно объявилъ, что, безъ разрѣшенія епископа, онъ ни за что не исполнитъ этого требованія. Ганецкій нарочно пошелъ къ этому декану на домъ, чтобъ показать ему предъ народомъ свое уваженіе.

Проведя ночь въ Шиманцахъ, Ганецкій 25-го апрѣля пришелъ въ д. Герстейку. Неимѣніе извѣстій изъ другихъ колоннъ очень его безпокоило, поэтому онъ послалъ въ м. Понедѣли полуэскадронъ петербургскихъ уланъ, подъ начальствомъ ротмистра Износкова, который вскорѣ донесъ, что онъ узналъ отъ стоявшаго въ д. Мейданы командира роты Копорскаго полка, что маіоръ Мерлинъ напалъ въ Понедѣляхъ на слѣдъ многочисленной шайки и погнался за нею; о чемъ и отправилъ донесеніе съ подпоручикомъ Вангасомъ.

Не дожидаясь прибытія подпоручика Вангаса, Ганецкій рѣшился немедленно идти на помощь къ Мерлину и приказалъ ударить сборъ. Въ солдатскихъ котлахъ варилась пища; офицеры просили отложить выступленіе часа на два, чтобъ накормить солдатъ. Но И. С. не согласился и велѣлъ вылить изъ котловъ варку.

— Нельзя откладывать,—сказалъ онъ;—теперь каждая минута дорога. Кто не въ силахъ идти, пусть остается.

Разумѣется, никто не остался.

26-го апрѣля, къ четыремъ часамъ утра отрядъ прибылъ въ Понедѣли. Здѣсь его ожидали болѣе ста подводъ, заготовленныхъ ротмистромъ Износковымъ. Благодаря этимъ подводамъ, на которыя стрѣлки садились по очереди—отрядъ прошелъ безъ остановки болѣе 30 верстъ и въ полдень прибылъ въ Медейку. гдѣ и соединился съ отрядомъ Мерлина. Здѣсь войска отдохнули не болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ, всѣ наличныя силы, а именно: три роты Финляндскаго полка, двѣ роты копорцевъ и лейбъ-казаки выступили изъ Медейки въ два часа дня прямо на то мѣсто, верстахъ въ трехъ отъ деревни, гдѣ наканунѣ происходило дѣло Мерлина. День былъ ненастный; перепадалъ дождь. Отрядъ выступилъ, имѣя въ первой линіи 1-ю и 2-ю стрѣлковыя роты. Во второй линіи слѣдовали въ ротныхъ колоннахъ: на правомъ флангѣ—3-я линейная рота Финляндскаго полка, а на лѣвомъ флангѣ—4-я рота Копорскаго полка. Наконецъ, въ арріергардѣ, шла 1-я рота Копорскаго полка. Казаки держали разъѣзды впереди цѣпи и съ боковъ.

Вскорѣ напали на свѣжій слѣдъ колесъ и людей. Изрытая глубокими колеями и, мѣстами топкая, дорога тянулась лѣсомъ.

Подвигаясь цѣпью, разсыпанною вправо и влѣво отъ дороги, стрѣлки, пройдя отъ мѣста вчерашняго движенія еще верстъ пять или шесть, подошли къ довольно большой, продолговатой полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ.

Цѣпь, не выходя на поляну, пріостановилась. Казачій разъѣздъ увидѣлъ на противоположной опушкѣ лѣса нѣсколько людей, прятавшихся за деревья. И. С. приказалъ стрѣлкамъ приготовиться, а затѣмъ, чтобъ не терять напрасно людей на томъ мѣстѣ, гдѣ поляна представляла значительную ширину, онъ приказалъ придвинуть цѣпь къ лѣвой окраинѣ поляны, гдѣ обѣ опушки сходились на близкое разстояніе. Когда 2-я стрѣлковая рота подошла къ тому мѣсту, гдѣ разстояніе между опушками было не болѣе тридцати шаговъ, И. С. велѣлъ командиру этой роты, капитану барону Зассу, перебѣжать съ своими стрѣлками это пространство и занять противоположную опушку. Онъ самъ бросился впередъ вмѣстѣ съ аттакующими. Несмотря на топкій ручей, въ которомъ И. С. и стрѣлки вязли по-поясъ, опушка была занята безъ выстрѣла, безъ всякой потери въ людяхъ, потому что повстанцы, считая болотистый ручей непроходимымъ, начали поспѣшно отступать по всей линіи.

По ихъ слѣдамъ правый флангъ нашей передовой цѣпи, а за нимъ вторая линія и резервъ перешли поляну безъ выстрѣла и заняли оставленную непріятелемъ опушку. Здѣсь мѣсто было песчаное, боровое и рѣдкій сосновый лѣсъ. На землѣ валялись брошенные повстанцами раненые и убитые. Построившись въ прежній боевой порядокъ, нашъ отрядъ двинулся за уходившею шайкою. Въ это время поднялась страшная снѣжная мятель съ холоднымъ, пронизывающимъ вѣтромъ и дождемъ.

Наступила совершенная темень, а дождь съ снѣгомъ и вѣтромъ не унимались. Чтобъ дать отдыхъ людямъ и не идти наугадъ, И. С. прекратилъ наступленіе и рѣшилъ возвратиться на ночь въ Медейку. Роты остановились; люди, выходя изъ лѣсу, прежде чѣмъ строиться, стали подбирать раненыхъ и укладывать ихъ на подводы. И. С. былъ верхомъ, имѣя поверхъ сюртука надѣтое въ рукава осеннее пальто и накинутый на пальто зимній плащъ. Мимо его прошли стрѣлки, неся на рукахъ раненаго товарища своего, который дрожалъ отъ холода и стоналъ. И. С. бросилъ на раненаго свою шинель.

— Накройте его, ребята!

Вслѣдъ за этимъ раненымъ пронесли на рукахъ другаго раненаго, который также стоналъ, также продрогъ и не могъ, какъ говорится, свести зубъ съ зубомъ.

И. С. слѣзъ съ коня, снялъ съ себя пальто и велѣлъ имъ прикрыть раненаго.

— Что вы дѣлаете! замѣтилъ ему кто-то изъ окружавшихъ. Какъ можно въ такую погоду оставаться въ одномъ сюртукѣ!

— Не безпокойтесь; пройдусь пѣшкомъ, согрѣюсь!

Вскорѣ солдатъ принесъ обратно пальто.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ,—извольте ваше пальто, раненый умеръ.

Проводникъ повелъ отрядъ въ Медейку другою, кратчайшею дорогою, по песчаной мѣстности. Генерала очень безпокоила мысль: съ какою шайкою онъ имѣлъ дѣло, не авангардная ли это только стычка и гдѣ теперь непріятель; что предпринять; куда направиться; сколько у насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными? На всѣ эти и другіе тревожившіе его вопросы онъ не находилъ успокоительнаго отвѣта.

Заботясь о пріисканіи для раненыхъ возможно удобнаго помѣщенія, И. С. пошелъ осматривать избы. Выходя изъ одной избы, онъ запнулся на порогѣ, упалъ и сильно расшибъ правую ногу ниже колѣна. Отъ сильной боли онъ промучился всю ночь, не смыкая глазъ.

Часу въ первомъ ночи онъ потребовалъ къ себѣ командира лейбъ-казачьяго взвода, корнета Кутейникова [1]) и приказалъ ему немедленно отправиться съ своими казаками въ разъѣздъ на радзивилишское шоссе. Другой взводъ донскихъ казаковъ былъ посланъ съ порученіемъ разузнать о непріятелѣ и пріискать надежныхъ проводниковъ для обхода съ ними лѣсовъ, идущихъ вдоль курляндской границы.

Корнетъ Кутейниковъ возвратился въ Медейку въ 9 час. утра 27-го апрѣля съ плѣннымъ повстанцемъ, пойманнымъ казаками въ то время, какъ онъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ шоссе. Плѣнный откровенно признался, что его фамилія Станишевскій, что онъ служилъ офицеромъ въ полевой артиллеріи; по выходѣ въ отставку—поступилъ на службу акцизнымъ чиновникомъ въ Вилкомирскій уѣздъ и нынѣ, къ несчастію, принялъ участіе въ мятежѣ.

— Были вы вчера въ сраженіи,—спросилъ его Ганецкій.

---

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ.

— Я командовалъ правымъ флангомъ, который примыкалъ къ болотному ручью. Мы думали, что этотъ ручей непроходимъ и потому оставили его безъ обороны.

— Кто былъ вашимъ начальникомъ?

— Сѣраковскій.

— Какъ Сѣраковскій? Вы хотите сказать Доленга!

— Доленга — его прозваніе; а настоящая фамилія Сѣраковскій.

— Какой же это Сѣраковскій?

— Капитанъ генеральнаго штаба.

Извѣстіе, что Доленга есть тотъ самый капитанъ Сѣраковскій, котораго онъ зналъ въ лицо и который пользовался особеннымъ довѣріемъ В. И. Назимова, конфиденціально совѣщавшагося съ нимъ о мѣрахъ противъ мятежа, крайне изумило И. С. Онъ видѣлъ Сѣраковскаго въ высшемъ военномъ обществѣ въ Петербургѣ. Ему даже случилось однажды играть съ нимъ въ карты.

Сѣраковскій былъ студентомъ петербургскаго университета; въ 1849 году за политическія преступленія былъ сосланъ рядовымъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ; въ 1857 г. возвращенъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ генеральный штабъ. Онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ въ военномъ министерствѣ и въ маѣ 1860 года былъ посланъ въ Парижъ, для участія въ работахъ международнаго военно-статистическаго конгресса. Находясь въ этой командировкѣ болѣе года, онъ обратилъ на себя вниманіе Наполеона III и Гарибальди. Говорили, будто Пальмерстонъ, къ которому онъ тайно являлся для политическихъ переговоровъ, — объявилъ ему, что Англія можетъ обратить вниманіе на поляковъ только тогда, когда они заявятъ о себѣ чѣмъ-нибудь серьезнымъ и выкажутъ свою силу и энергію.

Въ іюлѣ 1861 года, Сѣраковскій, по представленію военнаго министра, былъ посланъ въ западныя губерніи для осмотра въ тамошнихъ крѣпостяхъ арестантскихъ ротъ. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ Вильнѣ на съѣздѣ польскихъ помѣщиковъ. Въ 1859 и 1860 годахъ Сѣраковскій основалъ въ Петербургѣ военный и статскій революціонные кружки.

— Какія послѣдствія вчерашняго сраженія, — спросилъ Ганецкій Станишевскаго.

— Почти всѣ ротные и баталіонные командиры ранены или

*

убиты; Сѣраковскій раненъ. Войско его въ полномъ разстройствѣ, многіе разбѣгаются.

Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ И. С. слушалъ разсказъ плѣннаго. Въ первый разъ, съ самаго начала экспедиціи, онъ вздохнулъ свободно и радостно, убѣдившись, что исполнилъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ.

Донскіе казаки возвратились въ Медейку почти въ одно время съ лейбъ-казаками и привели лѣсника, который, рано утромъ, видѣлъ отступавшую поспѣшно многолюдную шайку и взялся указать мѣсто, гдѣ она проходила. 27-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, оставивъ въ Медейкѣ 4-ю роту Копорскаго полка и уланскій полуэскадронъ, Иванъ Степановичъ пошелъ съ остальными войсками на то мѣсто, гдѣ проводникъ видѣлъ шайку. День былъ свѣтлый, ясный, благопріятный для похода.

Отрядъ былъ въ такомъ же бодромъ и веселомъ настроеніи, какъ и самъ Ганецкій. Шли не по дорогѣ, а цѣлиной. Отойдя верстъ 15 или 20 отъ Медейки къ курляндской границѣ, проводникъ объявилъ, что именно на этомъ мѣстѣ онъ видѣлъ шайку, но какое направленіе она взяла въ лѣсу, — ему неизвѣстно.

Отрядъ пріостановился.

Въ это время, на опушкѣ лѣса, между деревьями, раздались голоса; кто-то шумѣлъ.

Два казака вели крестьянина, который старался отъ нихъ отбиться. Они поймали его въ лѣсу; онъ ѣхалъ съ возомъ сѣна и когда увидѣлъ казаковъ, то бросилъ возъ и хотѣлъ убѣжать. На разспросы, изъ какой онъ деревни и куда везетъ сѣно, онъ давалъ сбивчивые отвѣты.

— Ты ѣдешь въ шайку, признавайся! гдѣ она? куда ушла?

Крестьянинъ помолчалъ и, не говоря ни слова, указалъ рукою вдаль.

— Смотри, мы возьмемъ тебя въ проводники и если ты не обманываешь, — то и ступай куда хочешь. Если даже тебя арестуютъ, то я твой защитникъ. Если же ты солгалъ,—то бѣда тебѣ.

Слова эти подѣйствовали на оробѣвшаго крестьянина. Онъ подумалъ и указалъ рукою совсѣмъ въ другую сторону.

Бывшій при отрядѣ проводникъ заявилъ, что въ указанномъ направленіи есть довольно вязкое болото, которое тя-

нется версты на три, а за болотомъ есть мыза Шнуркишки и мѣсто тамъ сухое и высокое. Ганецкій рѣшился вести туда отрядъ.

Пройдя не болѣе двухъ или трехъ верстъ, отрядъ вошелъ въ болото. Лошадь Ганецкаго завязла въ тинѣ, такъ что онъ бросилъ ее и пошелъ по болоту, помогая себѣ руками и хватаясь за кочки и кустарникъ.

За болотомъ виднѣлись: обозъ, биваки и бѣгавшіе туда и сюда люди. Слышался барабанный бой и сигналы. Ведеты повстанцевъ сдѣлали по наступившимъ войскамъ нѣсколько выстрѣловъ.

Перейдя болото, 2-я, а за нею и 1-я стрѣлковыя роты Финляндскаго полка бросились на бивакъ и почти безъ выстрѣла овладѣли обозомъ съ лошадьми, денежнымъ ящикомъ, захватили большое, богато-украшенное золотомъ и шелками, знамя литовскаго воеводы, взяли въ плѣнъ начальника польской кавалеріи Лобановскаго и около 60-ти повстанцевъ. На мѣстѣ сраженія оставлено непріятелемъ болѣе 50-ти убитыхъ.

Оставивъ въ непріятельскомъ бивакѣ полковника Теннера съ небольшимъ числомъ людей, И. С. погнался за бѣглецами; но они разсыпались во всѣ стороны, такъ что некого было преслѣдовать, и отрядъ пошелъ обратно въ Медейку, куда и прибылъ того же 27 апрѣля къ 12 часамъ ночи.

На слѣдующій день Ганецкій выслалъ съ надежными проводниками въ разныя стороны нѣсколько партій, по мызамъ и фольваркамъ, для разысканія и ареста разбѣжавшихся повстанцевъ, а главное, ихъ офицеровъ и предводителей.

Одна изъ такихъ развѣдочныхъ партій, подъ командою извѣстнаго уже намъ подпоручика 4-й Копорской роты Вангаса, проходя глухимъ проселкомъ, набрела нечаянно на пріютившуюся въ густомъ лѣсу, маленькую, уединенную мызу. Солдаты окружили усадьбу.

Вдругъ, въ панскомъ домѣ кто-то открылъ окно и сказалъ подходившему къ крыльцу офицеру: „сдѣлайте милость, не шумите, здѣсь лежитъ раненый генералъ Сѣраковскій“. Вангасъ вошелъ въ домъ съ своими солдатами. При обыскѣ взято въ плѣнъ 21 человѣкъ, въ томъ числѣ раненый въ спину Сѣраковскій, Колышко, ихъ адъютанты и другія лица, составлявшія ихъ штабъ. Вангасъ остался на мызѣ съ своимъ отрядомъ и немедленно отправилъ, на подводѣ, въ Понедѣли, съ донесеніемъ къ своему ротному командиру, двухъ рядовыхъ.

Вечеромъ, 28 апрѣля, въ Медейкѣ, на кладбищѣ, происходили похороны десяти нашихъ солдатъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ.

Возвращаясь съ кладбища, Ганецкій увидѣлъ бѣжавшихъ къ нему навстрѣчу офицеровъ и нѣсколькихъ солдатъ съ криками: „Ура, Сѣраковскій взятъ въ плѣнъ!“

Донесеніе о плѣнѣ Сѣраковскаго было прислано съ нарочнымъ. Прочтя его, И. С. приказалъ поручику Финляндскаго полка Теннеру [1]), съ взводомъ 2-й стрѣлковой роты, отправиться на подводахъ прямо на мызу, гдѣ находились плѣнные, взять ихъ и тотчасъ доставить въ Медейку.

Теннеръ прибылъ съ своимъ взводомъ на мызу часу въ 12-мъ ночи. Вокругъ дома и въ прихожей были разставлены наши часовые.

Въ одной комнатѣ человѣкъ двѣнадцать плѣнныхъ спали на полу на соломѣ. Одинъ изъ нихъ, видный, молодцоватый человѣкъ, всталъ, подошелъ къ Теннеру и назвалъ себя „Колышко“.

Въ сосѣдней комнатѣ лежалъ на кровати и спалъ или притворялся спящимъ раненый Сѣраковскій. Возлѣ него сидѣли два врача въ польскихъ чамаркахъ. Въ той же комнатѣ лежало шестеро раненыхъ. Къ Теннеру осторожно подошелъ красивый юноша, поклонился и сказалъ вполголоса: „Я адъютантъ генерала, графъ Коссаковскій“.

— Извольте разбудить Сѣраковскаго, — сказалъ ему Теннеръ. — Мнѣ приказано немедленно перевезти васъ всѣхъ въ Медейку.

— Это невозможно, — возразилъ Коссаковскій; — генералъ опасно раненъ;—теперь кризисъ, онъ не переживетъ переѣзда; подождите до 7 часовъ утра.

На мызѣ разсказывали, что невдалекѣ скрываются повстанцы изъ шайки ксендза Мацкевича и могутъ отбить плѣнныхъ.

Теннеръ подошелъ къ Сѣраковскому и разбудилъ его.

— Я не могу ѣхать, — сказалъ Сѣраковскій; — подождите до 7 часовъ утра; — вамъ же самимъ лучше привезти меня живымъ, а не мертвымъ.

Теннеръ рѣшительно объявилъ, что откладывать невозможно и что онъ долженъ въ точности исполнить данное ему приказаніе.

---

[1]) Впослѣдствіи командиръ этого полка.

29 апрѣля, около 2 часовъ утра, Теннеръ усадилъ всѣхъ плѣнныхъ на подводы и приготовился къ выступленію. Для Сѣраковскаго нашли на мызѣ коляску. Сѣраковскій медлилъ садиться въ экипажъ подъ разными предлогами. Теннеръ выждалъ нѣсколько времени; но, видя, что Сѣраковскій намѣренно медлитъ, замѣтилъ ему:

— Про васъ говорятъ, и мы всѣ думали, что вы энергическій, съ сильною волею, человѣкъ. Вижу, что мы ошиблись.

Сѣраковскій вспыхнулъ.

— Если такъ, то я сейчасъ ѣду, отвѣтилъ онъ.

Теннеръ сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ коляску, и отрядъ двинулся въ Медейку.

— Предупреждаю васъ, — сказалъ онъ Сѣраковскому, — если вздумаютъ васъ отбивать, — то я не выпущу васъ живаго.

— Какъ возможно! да это разбой, — убивать плѣннаго; это будетъ позоръ предъ Европой!

— Я получилъ такое приказаніе и въ точности его исполню, возразилъ Теннеръ.

Къ 5 часамъ утра, нашъ отрядъ благополучно доставилъ Сѣраковскаго и всѣхъ плѣнныхъ въ Медейку.

Иванъ Степановичъ пожелалъ ихъ видѣть.

Сѣраковскій, раненый, съ желтымъ болѣзненнымъ лицомъ, сидѣлъ въ колескѣ. Онъ былъ въ партикулярномъ платьѣ, на головѣ была круглая шляпа-цилиндръ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его адъютантъ. Прочіе плѣнные выстроились въ одну линію, на проѣзжей дорогѣ. Всѣ они были въ чамаркахъ и высокихъ охотничьихъ сапогахъ.

Глаза И. С. и Сѣраковскаго встрѣтились; они узнали другъ-друга.

Сѣраковскій назвалъ себя по фамиліи и, указывая на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, совершенно еще юнаго человѣка, прибавилъ:

— Это мой адъютантъ, графъ Коссаковскій.

— Вы извѣстны подъ названіемъ Доленги, замѣтилъ Ганецкій.

— Нѣтъ; я Сѣраковскій.

— Зачѣмъ вы остановились подъ Медейкою, а не отступали далѣе?

— Я хотѣлъ дать сраженіе.

— Вамъ бы выгоднѣе было вести партизанскую войну, а не вступать съ нами въ открытый бой.

— Это мое дѣло. Я потерялъ сраженіе потому, что не вовремя пустилъ косинеровъ въ аттаку на вашъ лѣвый флангъ.

— Отчего вы не поддержали вашего праваго фланга?

— Онъ упирался въ непроходимый ручей.

— Какъ непроходимый! стрѣлки и я съ ними, — мы его перешли безъ особеннаго труда и даже не потеряли ни одного человѣка.

Сѣраковскій промолчалъ.

Ганецкій прекратилъ разспросы и подошелъ къ стройному, средняго роста, очень видному и мужественному поляку. Онъ стоялъ, скрестивши руки на груди и нахмуривъ брови.

Ганецкій приложилъ руку къ фуражкѣ и спросилъ:

— Ваша фамилія?

— К—о,—отвѣтилъ онъ, мгновенно выпрямившись и приложивъ также руку къ своей конфедераткѣ.

— А ваша фамилія? спросилъ Ганецкій его сосѣда.

— Это мой адъютантъ,—отвѣтилъ за него К—о и назвалъ его фамилію.

Видъ этихъ самозванныхъ генераловъ и адъютантовъ, такъ много мечтавшихъ о себѣ и такъ быстро покончившихъ свои подвиги,—возбудилъ въ И. С. чувство сожалѣнія. Но онъ невольно воскликнулъ:

— Генералы вы, адъютанты! Шуты! Вздумали воевать съ Россіею! Смѣхъ и горе съ вами! Я отправлю васъ завтра въ Вильну.

Сѣраковскому позволено было послать записку къ курляндскому помѣщику барону Гану съ просьбою о высылкѣ ему коляски и лошадей. Тотъ немедленно исполнилъ желаніе Сѣраковскаго.

На слѣдующее утро, 30 апрѣля, наши раненые и болѣе ста плѣнныхъ мятежниковъ, подъ конвоемъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ ротъ, приготовились къ выступленію въ курляндское мѣстечко Шенбергъ, на самой границѣ губерніи.

Сѣраковскій и адъютантъ его сидѣли въ четверомѣстной колескѣ. Рядомъ съ кучеромъ, на козлахъ, помѣстился К—о. Увидѣвъ подходившаго къ нимъ И. С., К—о сказалъ ему:

— Позвольте ѣхать на козлахъ; даю честное слово, что не убѣгу.

— Г. К—о, я вашего честнаго слова не могу принять. Вы разъ уже измѣнили присягѣ.

К—о, не говоря ни слова, слѣзъ съ козелъ и присоеди-

нился къ другимъ плѣннымъ, которые были связаны по рукамъ, по-парно, изъ предосторожности противъ побѣга.

Изъ Шенберга слѣдовало доставить и сдать плѣнныхъ на ближайшую станцію риго-динабургской желѣзной дороги, для отправленія въ Вильну.

Дорогою, К—о нѣсколько разъ спрашивалъ командира этой роты, капитана Кушакевича:

— Что-за человѣкъ вашъ генералъ?

Кушакевичу любопытно было узнать, почему онъ неоднократно дѣлаетъ ему такіе вопросы.

— Помилуйте,—сказалъ К—о,—вы слышали, какъ онъ намъ въ глаза сказалъ, что мы шуты.

— А, такъ вотъ что васъ безпокоило! Сознайтесь, г. К—о, что онъ имѣлъ отчасти основаніе сказать это. Какъ человѣкъ прямой и открытый, онъ сказалъ то, чего многіе вамъ не говорятъ, но думаютъ.

К—о разсказывалъ про Сѣраковскаго, что, при всемъ замѣчательномъ своемъ умѣ и познаніяхъ, онъ не полководецъ и не имѣетъ достаточной энергіи и рѣшительности.

Въ несчастномъ для повстанцевъ дѣлѣ 27-го числа, Сѣраковскій, вслѣдствіе полученной раны, не участвовалъ. Но тутъ былъ ксендзъ Мацкевичъ, присоединившійся къ Сѣраковскому съ шайкою въ 800 человѣкъ. Эта поздняя помощь была уже безполезна, и Мацкевичъ самъ едва спасся отъ плѣна, убѣжавъ, съ нѣсколькими десятками приверженцевъ, въ поневѣжскіе лѣса.

Разгромивъ шайки Сѣраковскаго, К—и и Мацкевича и покончивъ возложенное на него генералъ-губернаторомъ Назимовымъ порученіе, Иванъ Степановичъ рѣшился возвратиться въ Вильну, прежнею дорогою, чрезъ Вилкомиръ.

Въ началѣ мая, въ ясный солнечный день отрядъ подходилъ къ Вильнѣ съ развернутымъ знаменемъ литовскаго воеводы. Далеко за городомъ народныя толпы встрѣчали и провожали войска съ радостными криками.

Впереди отряда ѣхалъ верхомъ Ганецкій. Можно себѣ представить, съ какимъ отраднымъ чувствомъ офицеры и солдаты приближались къ городу, изъ котораго вышли недѣли двѣ тому назадъ въ столь грустномъ настроеніи духа.

У заставы ихъ встрѣтили генералъ-губернаторъ съ своимъ семействомъ и блестящею свитою и всѣ служащіе съ ихъ женами и дѣтьми. Безчисленныя толпы тѣснились на улицахъ

сплошною массою; народъ карабкался на заборы, на деревья, на крыши домовъ; сотни головъ высовывались изъ оконъ. Все имѣло видъ праздничный; воздухъ оглашался криками „ура!“

Войска виленскаго гарнизона стояли по обѣ стороны улицъ шпалерами и отдавали военную честь проходившему мимо ихъ отряду; крики „ура!“ мѣшались съ звуками военной музыки. На площади, возлѣ дворца генералъ-губернатора, отрядъ остановился. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ православнымъ духовенствомъ. На открытомъ воздухѣ, предъ аналоемъ, было совершено торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ.

Послѣ молебствія, генералъ-губернаторъ радушно обнялъ Ганецкаго, горячо благодарилъ офицеровъ и солдатъ и отпустилъ ихъ въ казармы. Ганецкій все еще страдалъ отъ ушиба ноги, но ему было не до отдыха. Возвратясь домой, онъ велѣлъ запречь коляску и поѣхалъ въ больницу св. Іакова, гдѣ содержался Сѣраковскій.

Стоявшій въ караулѣ офицеръ л.-гв. Павловскаго полка объявилъ ему, что безъ особеннаго письменнаго разрѣшенія генералъ-губернатора никто не допускается къ Сѣраковскому, но предложилъ посмотрѣть на него изъ корридора, чрезъ небольшое окошечко въ дверяхъ его комнаты. Ганецкій подошелъ къ окошечку и заглянулъ. Комната была въ нижнемъ этажѣ, съ большимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Сѣраковскій сидѣлъ у окна, облокотившись обѣими руками на маленькій столикъ и поддерживая голову. Онъ пристально смотрѣлъ на улицу, не подозрѣвая, что за нимъ присматриваютъ.

Комната была чуть не на одномъ уровнѣ съ мостовой, такъ что Сѣраковскій легко могъ убѣжать.

Прямо изъ больницы, Ганецкій поѣхалъ къ В. И. Назимову, который былъ удивленъ его неожиданнымъ пріѣздомъ.

— Я сейчасъ отъ Сѣраковскаго, сказалъ Ганецкій; онъ непремѣнно убѣжитъ.

— Какъ убѣжитъ! помилуйте, я его видѣлъ два часа тому назадъ; онъ не встаетъ съ постели, еле живъ, не сегодня-завтра умретъ.

— Онъ убѣжитъ; я сейчасъ его видѣлъ; онъ сидѣлъ на стулѣ, какъ здоровый, и преспокойно смотрѣлъ въ окно.

— Чего же вы хотите?

— Въ этой больницѣ всѣ служащіе: и смотритель, и докторъ, и фельдшера—поляки; имъ довѣрять нельзя. Прикажите,

чтобъ Сѣраковскаго лѣчилъ мой полковой докторъ и чтобъ при немъ были мои фельдшера.

В. И. Назимовъ изъявилъ на это согласіе, и съ тѣхъ поръ при Сѣраковскомъ докторъ, фельдшера и вся лазаретная прислуга были русскіе. Русскій медикъ нашелъ, что рана Сѣраковскаго вовсе не была опасна.

Послѣ того, какъ В. И. Назимовъ уѣхалъ изъ Вильны и его замѣнилъ М. Н. Муравьевъ,—И. С. получилъ изъ Петербурга письмо о томъ, что жена Сѣраковскаго дѣятельно хлопочетъ о помилованіи мужа, что многіе сильные и вліятельные люди ей помогаютъ, что англійскій посолъ, лордъ Неширъ, и его жена ходатайствуютъ о томъ предъ Императрицею и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ.

Ганецкій поспѣшилъ показать это письмо М. Н. Муравьеву.

— Неужели офицеръ, измѣнившій присягѣ, главный руководитель мятежа, увлекшій въ преступленіе и погубившій нѣсколько тысячъ людей — получитъ прощеніе! Послѣ этого, какъ же мы будемъ наказывать тѣхъ людей, которые имъ вовлечены въ мятежъ и менѣе его виновны?

— Все это мнѣ извѣстно; не безпокойтесь, сказалъ М. Н. Муравьевъ.

Чрезъ недѣлю послѣ этого послѣдовала казнь Сѣраковскаго...

III.

Лѣсная стража, оберегающая Бѣловѣжскую пущу, состояла въ 1863 году болѣе нежели изъ двухъ сотъ человѣкъ. Всѣ они были люди семейные, выбранные изъ благонадежныхъ, отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ; многіе были обвѣшаны крестами, медалями, имѣли нашивки на рукавахъ за безпорочную службу. Они жили въ караульныхъ домикахъ, отдѣльно разбросанныхъ верстъ на двадцать разстоянія одинъ отъ другаго и расположенныхъ по опушкѣ лѣса. Въ самой серединѣ пущи, на р. Наревкѣ, въ селеніи Бѣловѣжѣ находится, такъ называемый, охотничій дворецъ, въ которомъ жилъ тогда офицеръ, управлявшій этою пущею. Онъ завѣдовалъ и лѣсною стражею. Между лѣсниками было много католиковъ и лютеранъ. Всѣ они были снабжены отъ казны полнымъ вооруженіемъ, у каждаго была солдатская

винтовка со штыкомъ и тесакъ; но, при началѣ безпорядковъ и при первомъ появленіи мятежныхъ шаекъ, бывшій Гродненскій военный губернаторъ генералъ Галлеръ испросилъ у генералъ-губернатора В. И. Назимова приказаніе отобрать отъ лѣсной стражи оружіе и сдать его на храненіе въ брестъ-литовскій крѣпостной арсеналъ. Начальникъ губерніи опасался, что повстанцы насильно отберутъ у лѣсниковъ оружіе. Само собою разумѣется, что, благодаря этому странному распоряженію, повстанцы перестали бояться обезоруженныхъ лѣсниковъ, и Бѣловѣжская пуща сдѣлалась ихъ главнымъ притономъ. Здѣсь они укрывались и отсюда дѣлали набѣги на деревни.

Дѣлая обходъ Бѣловѣжской пущи, И. С. вступилъ съ своимъ отрядомъ въ с. Бѣловѣжу. Здѣсь его встрѣтили начальникъ лѣсной стражи и вся команда лѣсниковъ, собранная по заранѣе отданному приказанію.

— Я знаю,—сказалъ И. С., обращаясь къ стоявшимъ предъ нимъ въ строю, безъ всякаго оружія, старымъ военнымъ служакамъ,—что въ вашей пущѣ скрываются повстанцы. Стыдно, братцы, что вы терпите у себя такихъ негодяевъ.

— Ваше превосходительство, мы сами понимаемъ, что это нехорошо, отвѣчали лѣсники; да ничего сдѣлать не можемъ. У насъ начальство отобрало оружіе. Будь у насъ ружья—такъ ни одного повстанца здѣсь не будетъ; всѣхъ повыгонимъ; обойдемъ облавой всю пущу, да и сами они уберутся. Ваше превосходительство, помилосердуйте: прикажите отдать намъ наше оружіе.

— Хорошо; оружіе вамъ выдадутъ; кромѣ того, оставлю вамъ въ помощь изъ своего отряда двадцать стрѣлковъ. Смотрите же, чтобъ ни одного повстанца у васъ не было.

— Не извольте безпокоиться; всѣхъ выгонимъ.

И. С. вытребовалъ оружіе изъ брестъ-литовскаго арсенала, приказалъ его возвратить лѣсникамъ, и вслѣдствіе этого распоряженія Бѣловѣжская пуща была въ короткое время совершенно очищена отъ повстанцевъ.

IV.

Послѣ самоубійства генералъ-адъютанта Герстенцвейга и выѣзда изъ Варшавы графа Ламберта, временнымъ намѣстникомъ Царства Польскаго былъ назначенъ въ 1861 году

военный министръ, генералъ-адъютантъ Н. О. Сухозанетъ. Проѣздомъ въ Варшаву онъ дѣлалъ смотры войскамъ въ Гроднѣ и Вильнѣ. Послѣ каждаго смотра онъ вызывалъ къ себѣ офицеровъ; обращался къ нимъ съ предложеніемъ: „станьте, господа, по религіямъ“ и затѣмъ говорилъ католикамъ, что онъ понимаетъ, какъ неудобно имъ оставаться на службѣ въ западныхъ губерніяхъ. Онъ предлагалъ имъ перейти въ войска, расположенныя внутри имперіи, и обѣщалъ выдавать имъ прогоны на проѣздъ до мѣста новаго ихъ служенія. Офицеры-католики были крайне озадачены такими предложеніями военнаго министра. Нѣкоторые изъ нихъ, вовсе не располагавшіе выходить изъ своихъ полковъ, были поставлены въ весьма щекотливое и неловкое положеніе. Дѣлая подобныя заявленія офицерамъ, военный министръ думалъ, вѣроятно, что онъ слѣдуетъ примѣру, данному въ 1831 г. Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Тогда въ войскахъ Литовскаго корпуса служили офицерами поляки, уроженцы Царства Польскаго, присягавшіе на вѣрность польской конституціи. Когда въ 1830 году вспыхнулъ польскій мятежъ, то Государь Императоръ приказалъ объявить этимъ офицерамъ, что они могутъ, если пожелаютъ, выйти въ отставку и возвратиться на родину. Государь Императоръ имѣлъ нравственное основаніе оказать великодушное снисхожденіе офицерамъ, *присягавшимъ* конституціи Царства Польскаго.

Но трудно объяснить, какими соображеніями руководствовался генералъ Сухозанетъ, дѣлая свое предложеніе офицерамъ, связаннымъ присягою на вѣрную службу Государю и Россіи. Не думалъ ли онъ, что долгъ присяги русскаго подданнаго-католика иной, чѣмъ русскаго-православнаго, что только для послѣдняго присяга безусловно обязательна всегда и вездѣ, а для перваго она дѣйствительна лишь въ великорусскихъ губерніяхъ? Впрочемъ, что бы генералъ Сухозанетъ ни думалъ о присягѣ, странно было слышать изъ устъ военнаго министра рѣчи, подрывавшія въ войскахъ дисциплину и унижавшія понятіе о чести, присягѣ и вѣрности данному слову. Вѣроятно, не одинъ военный министръ пропагандировалъ между своими подчиненными подобное ученіе о служебномъ долгѣ; таково было въ Петербургѣ настроеніе цѣлаго кружка людей, имѣвшихъ, къ несчастію, вліяніе не только въ обществѣ и литературѣ, но и въ высшемъ правительствѣ. Оффиціальныя рѣчи военнаго министра вредно отразились въ полкахъ 3-й

пѣхотной дивизіи на дисциплинѣ и на отношеніяхъ офицеровъ между собою.

Одинъ капитанъ 10-го Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка, католикъ, уроженецъ Витебской губерніи, заявилъ начальнику 3-й дивизіи, генералъ-лейтенанту Гольтгойеру, что ему, какъ поляку и католику, неудобно въ настоящее время служить въ западныхъ губерніяхъ, и потому онъ проситъ о переводѣ его въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ. Дивизіонный начальникъ призналъ заявленіе офицера основательнымъ. Это было предъ самымъ назначеніемъ Ганецкаго начальникомъ 3-й дивизіи, на мѣсто генерала Гольтгойера. Узнавъ объ этомъ, И. С. вызвалъ по телеграфу въ Гродно командира Новоингерманландскаго полка полковника Воронова и капитана-католика. Являются они къ нему въ назначенное время.

— Вы объявили генералу Гольтгойеру, сказалъ И. С. капитану,—что вамъ неудобно здѣсь служить, такъ какъ вы католикъ, и генералъ съ вами согласился. Я также съ этимъ согласенъ. А потому, не угодно ли вамъ сейчасъ подать просьбу объ отставкѣ.

Капитанъ совершенно растерялся. Онъ не ожидалъ такой развязки и надѣялся, что начальство будетъ хлопотать о переводѣ его въ другія войска.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—я не желаю выходить въ отставку, я русскій патріотъ... извините... я не думалъ...

— Безъ объясненій; извольте тотчасъ подать прошеніе. Просить о вашемъ переводѣ не буду; кому совѣсть мѣшаетъ исполнять присягу въ Гродненской губерніи, тотъ и во всякой другой губерніи ненадеженъ.

Только въ уваженіе особеннаго ходатайства полковаго командира, И. С. представилъ этого офицера къ увольненію изъ полка не прямо въ отставку, а съ зачисленіемъ по арміи.

Послѣ этого случая никто изъ офицеровъ-католиковъ, служившихъ въ полкахъ 3-й девизіи, не просился во внутреннія губерніи.

Мы уже замѣтили, что оффиціальныя рѣчи, произнесенныя въ 1861 году генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ на военныхъ смотрахъ, имѣли вредное вліяніе на служебную дисциплину. Онѣ возбудили между офицерами столько обидныхъ столкновеній, недоумѣній и толковъ, что для прекращенія ихъ М. Н.

Муравьевъ, по прибытіи въ маѣ 1863 г. въ Вильну, въ томъ же мѣсяцѣ 22-го числа, издалъ по войскамъ виленскаго военнаго округа слѣдующій приказъ:

„Въ 1861 году, при началѣ волненій въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, предоставлено было всѣмъ „офицерамъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и западныхъ „губерній римско-католическаго исповѣданія просить о переводѣ въ войска, внутри Имперіи находящіяся, причемъ объявлено было, что тѣ офицеры, которые не воспользуются „симъ дозволеніемъ, за всѣ проступки будутъ отвѣчать по законамъ".

„На основаніи сего и имѣя въ виду, что правительство не „должно разбирать офицеровъ, къ какой націи принадлежитъ тотъ или другой изъ нихъ, и что тотъ, кто не исполняетъ своего долга по присягѣ и совѣсти, во всякомъ случаѣ „измѣнникъ, подлежащій отвѣтственности по всей строгости „законовъ, объявляю по войскамъ виленскаго военнаго округа „и въ Витебской и Могилевской губерніяхъ расположеннымъ, „что на дальнѣйшее время переводы въ войска, внутри Имперіи находящіяся, офицеровъ римско-католическаго исповѣданія допускаемы не будутъ и что, въ случаѣ отклоненія ихъ „отъ точнаго исполненія своего долга, будетъ съ ними поступлено по всей строгости военныхъ законовъ".

Сравнивая распоряженія двухъ государственныхъ сановниковъ по одному и тому же, казалось бы, весьма простому и ясному вопросу, нельзя не удивляться ихъ рѣзкой противоположности. Эти противорѣчія и полнѣйшій разладъ въ дѣйствіяхъ двухъ главныхъ представителей государственной власти живо напоминаютъ печальное время общей безурядицы, когда въ Россіи хозяйничали доктринеры и говоруны, сбивавшіе съ толку и правительство, и народъ; когда твердой и опредѣленной государственной системы управленія не было, когда все зависѣло отъ личныхъ воззрѣній и умничанья лицъ, случайно находившихся во власти, и когда ходъ и характеръ высшаго управленія не былъ согласованъ, не былъ связанъ одною мыслію, а отличался противорѣчіями и мѣнялся вмѣстѣ съ лицами...

V.

И. С. очень часто посылалъ небольшіе отряды въ различные уѣзды Гродненской губерніи, для преслѣдованія шаекъ и

нерѣдко самъ участвовалъ въ этихъ экспедиціяхъ. Съ однимъ изъ такихъ отрядовъ онъ прибылъ однажды въ д. Новосельцы, Брестскаго уѣзда, на берегу р. Буга, составляющаго границу Гродненской губерніи и Царства Польскаго. За день до прихода отряда, шайка повстанцевъ изъ пограничнаго польскаго мѣстечка Янова, Сѣдлецкой губерніи, переправилась на лодкахъ черезъ эту рѣку въ Брестскій уѣздъ, схватила въ д. Новосельцахъ двухъ конныхъ объѣздчиковъ, наблюдавшихъ за провозомъ спирта, истязала ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и скрылась обратно за р. Бугъ. Военнымъ становымъ начальникомъ участка, въ которомъ это случилось, былъ подполковникъ З—й. Этотъ офицеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи шесть ротъ пѣхоты и взводъ уланъ, что было совершенно достаточно для охраненія границы.

З—й былъ старый штабъ-офицеръ, долго служившій на Кавказѣ и переведенный въ виленскій военный округъ въ 1861 году, вслѣдствіе распоряженія военнаго министра Сухозанета о замѣнѣ въ этомъ округѣ офицеровъ католиковъ православными. Его грудь была увѣшана медалями и крестами; за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ имѣлъ орденъ св. Владиміра съ мечами.

Вызвавъ къ себѣ подполковника З—го, И. С. въ присутствіи начальника штаба, полковника Клугена, замѣтилъ ему, что въ его становомъ участкѣ было уже нѣсколько подобныхъ несчастныхъ случаевъ, доказывающихъ недостаточную его заботливость и плохую распорядительность.

— Долгомъ считаю доложить вашему превосходительству, отвѣчалъ З—й, что я поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: католическій епископъ, проживающій въ м. Яновѣ, открыто покровительствуетъ мятежникамъ, содержитъ ихъ на свой счетъ и защищаетъ отъ всякаго преслѣдованія. Это всѣмъ здѣсь извѣстно, и шайка, сдѣлавшая набѣгъ, перебралась чрезъ Бугъ изъ м. Янова.

— Можетъ ли это быть? Хорошъ епископъ, который содержитъ шайку разбойниковъ! Доносили вы объ этомъ военному уѣздному начальнику?

— Никакъ нѣтъ, я не смѣлъ этого сдѣлать.

— Да почему же не смѣли? Вашъ уѣздный начальникъ телеграфировалъ бы объ этомъ въ Варшаву, и Его Высочество Намѣстникъ немедленно арестовалъ бы епископа.

— Какъ же это возможно, ваше превосходительство!

— Да почему же невозможно?

— Что скажетъ на это Европа?

— Что скажетъ Европа! Да какое вамъ дѣло до Европы? Если она захочетъ съ вами говорить, такъ можете ей не отвѣчать. Для разговоровъ съ Европой есть у Государя министръ иностранныхъ дѣлъ. Ваше дѣло, г. подполковникъ, исполнять свой долгъ, а не разговаривать съ Европой.

Въ это время съ подполковникомъ З—мъ начались какъ будто судороги; онъ измѣнился въ лицѣ, замигалъ глазами и вдругъ разразился потокомъ слезъ.

И. С. въ недоумѣніи обратился къ полковнику Клугену.

— Что это съ подполковникомъ? Не послать ли за докторомъ?

— Ваше превосходительство, рыдая проговорилъ г. З—й, никогда въ жизни я не слыхалъ подобнаго выговора!

— Да и я слышу въ первый разъ, чтобы старый кавказскій служака могъ позволить себѣ такія странныя разсужденія. Теперь мнѣ понятно, отчего въ вашемъ участкѣ повстанцы разбойничаютъ. Вы здѣсь оставаться не можете, и я подумаю, куда васъ направить.

Но З—й самъ поспѣшилъ пріискать себѣ другую службу; недѣли чрезъ двѣ онъ былъ переведенъ въ варшавскую полицію.

VI.

Въ 1863 году, двадцать пять уполномоченныхъ отъ пятитысячнаго крестьянскаго общества Зыпле, Августовской губерніи Царства Польскаго, прибыли въ Вильну и представили главному начальнику сѣверозападнаго края М. Н. Муравьеву слѣдующее прошеніе:

„Мы, крестьяне общества Зыпле, Царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда, прибѣгаемъ со всепокорнѣйшею просьбою къ тебѣ: Спаси насъ! плачевное наше положеніе достойно сожалѣнія“.

„Настоящій мятежъ и волненія въ краѣ приписываютъ полякамъ. Это клевета. Мы, поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего всемилостивѣйшаго Государя. Нарушители же спокойствія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ“.

„Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ. Знаемъ,

что наша губернія принадлежитъ другому управленію; но что же дѣлать намъ, несчастнымъ, когда нашъ край, вмѣсто того, чтобъ смириться, еще болѣе волнуется. Слыша, что край, ввѣренный тебѣ, твоею заботою уже успокоенъ и въ немъ водворенъ порядокъ,—мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу: прими насъ подъ свое покровительство".

„Пусть дадутъ намъ войско, и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность къ всемилостивѣйшему нашему монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ".

„Мятежники, зная нашу привязанность къ Государю, будутъ стараться отмстить намъ. А потому, просимъ тебя, генералъ, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войско для нашей обороны".

„Еще разъ умоляемъ тебя, возьми насъ къ себѣ, и тогда нашъ край успокоится, какъ Литва".

„Мы вѣрны нашему Государю и не желаемъ безпорядковъ" [1]).

Можно судить по этому адресу, какъ относились къ шляхетскому мятежу и къ политическимъ интригамъ своихъ магнатовъ—крестьяне Царства Польскаго и какъ они сочувствовали твердому и строгому управленію М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ.

Просьба крестьянъ была уважена, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года вся Августовская губернія, на время существованія военнаго положенія, была, по Высочайшему повелѣнію, подчинена въ административномъ отношеніи М. Н. Муравьеву.

Первымъ его дѣломъ было принять мѣры къ немедленному очищенію всей Августовской губерніи отъ шаекъ. Губернія была раздѣлена на два военныхъ отдѣла. Сувалкскій отдѣлъ изъ четырехъ уѣздовъ былъ ввѣренъ генералъ-лейтенанту Я. П. Бакланову, а Ломжинскій отдѣлъ былъ подчиненъ командовавшему войсками въ Гродненской губерніи, Ганецкому.

М. Н. Муравьевъ, къ которому И. С. явился изъ Гродны для полученія приказаній, сообщилъ неодобрительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ служащихъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ. Военноуѣздный начальникъ полковникъ З—ъ также былъ не на мѣстѣ по своей безхарактерности и уступчивости.

[1]) См. сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа 1863 — 1864 года, Вильна. 1866 г. На стр. 66-й этотъ крестьянскій адресъ приведенъ цѣликомъ.

Съ небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и полсотни казаковъ И. С. отправился въ октябрѣ мѣсяцѣ по желѣзной дорогѣ изъ Гродны и прибылъ въ Ломжу, для принятія ломжинскаго военнаго отдѣла въ свое управленіе.

Спустя нѣсколько дней Ганецкій поѣхалъ осматривать городъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера. На площади, противъ зданія гимназіи и возлѣ огромнаго каменнаго костела, украшавшаго площадь, онъ увидѣлъ памятникъ въ видѣ пирамиды, съ крестомъ на бронзовомъ, ярко-вызолоченномъ шарѣ и съ какими-то символическими украшеніями и надписями. Къ величайшему изумленію своему, онъ узналъ отъ жандармскаго офицера, что этотъ памятникъ сооруженъ въ 1861 году, въ честь пяти мятежниковъ, убитыхъ въ томъ году въ бою съ русскими войсками въ Варшавѣ, во время уличнаго возмущенія.

— Кто же, спросилъ Иванъ Степановичъ, позволилъ его поставить, да еще на площади, противъ гимназіи, какъ будто для назиданія учениковъ.

Оказалось, что шляхта и паны построили памятникъ самовольно, ни у кого не спрашиваясь. Ни комендантъ города, ни начальникъ дивизіи, ни военный уѣздный начальникъ—этому не препятствовали, и даже никому объ этомъ не доносили. Открытіе памятника происходило въ 1861 году съ особенною торжественностію, при огромномъ стеченіи народа, при чемъ участвовало все городское и сельское католическое духовенство, нарочно собравшееся со всего уѣзда; присутствовали также ученики гимназіи съ своими воспитателями и чиновники-поляки въ форменныхъ мундирахъ. Этимъ памятникомъ мятежники пользовались при всѣхъ уличныхъ демонстраціяхъ для возбужденія.

Ежедневно можно было видѣть, особенно въ праздничные дни, фанатиковъ, а можетъ быть и агитаторовъ, повергавшихся предъ памятникомъ на колѣни и распѣвавшихъ патріотическіе гимны.

Глубоко взволнованный разсказами о такой вызывающей и между тѣмъ такъ долго остававшейся безнаказанной дерзости мятежниковъ, И. С., возвратясь домой, потребовалъ къ себѣ уѣзднаго исправника, завѣдывавшаго также и городскою полиціею. Это былъ католикъ-полякъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

— Какъ смѣли вы, закричалъ на него И. С., поставить на площади памятникъ въ честь мятежниковъ?

*

— Ваше превосходительство, возразилъ блѣдный отъ волненія исправникъ, я не виноватъ; его поставили городскіе жители; здѣсь есть русскіе генералы съ войсками; они это знали; при нихъ деньги собирали на памятникъ и строили его и освящали; они все время молчали. Что жъ я одинъ съ моей полицейской командой могъ сдѣлать противъ цѣлаго города?..

— Вы начальникъ полиціи. Безъ вашего разрѣшенія никто ничего не можетъ строить, особенно на площади. Вы должны были запретить строить, а еслибъ васъ не послушались, то донести объ этомъ начальству. Вы этого не сдѣлали, а потому и виноваты. Памятникъ долженъ быть срытъ немедленно, и чтобы слѣда его не осталось. Завтра къ 9-ти часамъ утра будьте у памятника и приведите съ собою рабочихъ съ кирками, заступами и тачками. Я самъ буду на площади съ моими солдатами и останусь до тѣхъ поръ, пока памятникъ будетъ снятъ, и мѣсто очищено и выровнено. Объявите объ этомъ жителямъ, чтобъ всѣ знали и собирались на площадь. Если вы не исполните въ точности моего приказанія,—то я съ вами поступлю по всей строгости.

На другой день, въ 9 часовъ утра, двѣ роты пѣхоты, 50 казаковъ и 25 конныхъ объѣздчиковъ таможенной стражи выстроились на площади. Возлѣ памятника стоялъ уѣздный исправникъ и при немъ человѣкъ сорокъ рабочихъ. Вся площадь и улицы были покрыты народомъ. И. С. выѣхалъ верхомъ къ войскамъ, поздоровался съ ними и потомъ, обратясь къ народу, сказалъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Этотъ позорный памятникъ лжи и измѣны долженъ быть сегодня же уничтоженъ. Господинъ исправникъ, извольте начинать работу!

Толпы стоявшаго на площади народа сохраняли глубокую тишину. Исправникъ стоялъ какъ вкопанный. Рабочіе не шевелились. И. С. ожидалъ. Находившійся возлѣ него полковникъ Врангель замѣтилъ ему вполголоса: „какъ намъ выдти изъ этого положенія?“ Положеніе было дѣйствительно непріятное.

Чтобъ облегчить лошадей, И. С. своимъ громкимъ и твердымъ голосомъ вдругъ скомандовалъ казакамъ и таможенной стражѣ: „Съ коней, слѣзай!“

Эта команда и происшедшее отъ того въ войскахъ движеніе произвели совершенно неожиданное дѣйствіе. Исправникъ,

вѣроятно, испугался и вообразилъ, что И. С. собирается его арестовать. Не успѣли казаки спѣшиться, какъ онъ въ ту же секунду засуетился, забѣгалъ во всѣ стороны, и рабочіе тотчасъ же дружно принялись за дѣло.

Будто гора свалилась съ плечъ Ганецкаго. Народъ, во время работы, оставался совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ зрителемъ. Не прошло часа, какъ стоявшій на верху памятника крестъ покачнулся и сталъ наклоняться. Его осторожно сняли, и И. С. приказалъ передать его бережно въ костелъ.

Вскорѣ мусоръ былъ вывезенъ, мѣсто заровняли, и памятникъ, свидѣтельствовавшій о малодушіи законной власти, исчезъ навсегда съ городской площади.

И. С. увѣдомилъ немедленно католическаго епархіальнаго епископа, проживавшаго въ Августовѣ, о разрушеніи памятника, сооруженнаго въ честь измѣнниковъ, и о недостойномъ поведеніи католическаго духовенства, дозволившаго себѣ торжественно освятить этотъ памятникъ.

Епископъ, съ своей стороны, въ учтиво-лукавомъ отвѣтѣ указалъ на то, что такъ какъ памятникъ былъ торжественно освященъ церковію, то генералу не слѣдовало его разрушать безъ предварительнаго на то согласія духовнаго начальства.

Подробное донесеніе о разрушеніи памятника и подлинное письмо католическаго епископа были отправлены къ М. Н. Муравьеву, который выразилъ И. С. благодарность, а епископа увѣдомилъ, что если подчиненные ему ксендзы, забывая присягу, осмѣлятся и впредь служить мятежу, то виновные будутъ арестованы и преданы военному суду.

Послѣ этого случая, И. С. простоялъ въ Ломжѣ около недѣли и за тѣмъ, съ сотнею казаковъ и двумя ротами пѣхоты, обошелъ уѣздную границу, сначала съ сѣверной стороны, а потомъ съ южной. Крестьяне повсюду радостно встрѣчали наши войска, какъ давно желанныхъ своихъ избавителей.

И. КОРНИЛОВЪ.

* *
*

Съ тоской ты въ даль глядишь; въ саду осиротѣломъ
Склонились, почернѣвъ, увядшіе цвѣты;
Мертвящая зима царитъ въ уборѣ бѣломъ;
Но это сонъ—не смерть; о чемъ же тужишь ты?

Прійдетъ опять весна съ своей улыбкой чудной,
И съ нею прилетитъ влюбленный соловей;
Одѣнутся лѣса листвою изумрудной;
Распустится сирень, и зажурчитъ ручей...

Воспрянетъ сонный міръ... но сердце, что разбито,
Покоя не найдетъ въ измученной груди;
Отъ зоркихъ глазъ толпы его страданье скрыто—
Но только отъ него отвѣта ты не жди!

Оно надеждъ и грёзъ угрюмая могила,
Гдѣ свѣтлыя мечты почіютъ вѣчнымъ сномъ...
Какъ надъ покойникомъ склоняяся уныло,
О милая, надъ нимъ ты плачь, молясь о немъ!

П. КОЗЛОВЪ.

ЛИБАВА И ВИНДАВА.

Заботы правительства объ устройствѣ въ Россіи искусственныхъ портовъ начались еще съ царствованія Петра Великаго. При немъ устроенъ на Балтійскомъ морѣ первый искусственный портъ—Кронштадтъ. Находясь въ самомъ углу восточной части Финскаго залива, портъ этотъ не могъ удовлетворить вполнѣ ни потребностямъ военнаго флота, ни нуждамъ нашей отпускной торговли, которая съ основаніемъ Петербурга постепенно оставляла и принуждена была оставить сѣверное направленіе къ Архангельску, развиваясь по всему вновь присоединенному къ Россіи балтійскому побережью. Уже въ концѣ XVIII вѣка явилась надобность устроить второй искусственный портъ на этомъ побережьи, и притомъ ближе къ выходу въ открытое море. Для удовлетворенія этой надобности, и преимущественно съ цѣлями стратегическими, былъ устроенъ извѣстнымъ фельдмаршаломъ Минихомъ портъ въ Ревелѣ. Но оба эти порта, равно какъ и естественный портъ въ Ригѣ, подвержены продолжительному замерзанію, обречены на бездѣйствіе по нѣсколько мѣсяцевъ въ году, а потому мало пригодны для морскихъ сообщеній.

Между тѣмъ, южнѣе Рижскаго залива, въ открытое Балтійское море впадаетъ рѣка Виндава, по своему положенію и свойствамъ представляющая природную гавань, и притомъ такую, какихъ мало во всей Европѣ.

Глубина этой рѣки, отъ устья вверхъ по теченію на протяженіи семи верстъ доходитъ до 34 футъ, то-есть такая, что по ней могутъ свободно ходить самые глубокосидящія суда. На седьмой верстѣ Виндава имѣетъ рукавъ Пацкуль, въ свою очередь настолько глубокій и удобный какъ портъ, что во время

Крымской войны въ немъ скрывалась наша военная эскадра, и непріятельскій флотъ не могъ ее обстрѣливать.

За Пацкулемъ, на протяженіи слѣдующихъ 13 верстъ вверхъ по теченію, глубина Виндавы доходитъ отъ 17 до 18 футъ, такъ что очень пригодна для стоянки многихъ купеческихъ кораблей съ соотвѣтствующей осадкой.

Такимъ образомъ въ Виндавѣ мы имѣемъ готовый портъ для всякаго рода судовъ длиною въ двадцать слишкомъ верстъ, достаточный для помѣщенія какого угодно военнаго и коммерческаго флотовъ.

Берега Виндавы отвѣсные, высотою отъ 1 до $2^1/_2$ сажень, такіе, что любое судно можетъ причаливаться къ нимъ непосредственно своимъ бортомъ. Ширина рѣки колеблется между 30 и 150 саженями. Наконецъ грунтъ ея состоитъ изъ плотной глины.

Рѣка Виндава круглый годъ не замерзаетъ (кромѣ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаевъ и то на короткое время). Средняя зимняя температура мѣстности по Цельзію: въ ноябрѣ $0{,}6^0$; въ декабрѣ $0{,}0^0$; въ январѣ $0{,}5^0$; въ февралѣ $0{,}2^0$ и въ мартѣ $0{,}6^0$.

Передъ устьемъ Виндавы имѣется баръ (наносный песокъ, мель), глубина виды надъ которымъ никогда не бываетъ менѣе 10 футъ. Но такъ какъ этотъ песокъ наносный, легко передвигаемый, то каждую весну онъ естественнымъ образомъ сносится наплывнымъ льдомъ, оставляя очень мало дѣла для искусственныхъ работъ.

Таковы неоцѣненныя природныя свойства рѣки Виндавы, *единственнаго* удобнаго порта на всемъ нашемъ Балтійскомъ побережьѣ.

Южнѣе его стоитъ городъ Либава, *вовсе не имѣющій* природнаго порта. То, что называется Либавскимъ портомъ, есть искусственный каналъ, вырытый на протяженіи 2 верстъ, перпендикулярно къ морскому берегу. Каналъ этотъ, глубиною въ 15 футъ, совершенно непригоденъ для большихъ судовъ, и кромѣ того глубина его не можетъ быть даже увеличена, такъ какъ берега отдѣланы набережными, которыя, при дальнѣйшемъ углубленіи дна, потерявъ основаніе, должны будутъ развалиться.

Изъ этихъ данныхъ каждому легко видѣть, какія огромныя преимущества имѣетъ Виндава передъ Либавой. И дѣйствительно, до сооруженія Либаво-роменской желѣзной дороги,

Виндавскій портъ принималъ и отпускалъ гораздо болѣе судовъ, чѣмъ Либавскій, что́ можно видѣть наглядно изъ слѣдующей таблицы:

	Число пришедшихъ судовъ.		Число ушедшихъ судовъ [1]).	
	Виндава.	Либава.	Виндава.	Либава.
Въ 1862 году	258	232	249	225
„ 1863 „	281	194	287	208
„ 1864 „	325	226	323	221
„ 1865 „	471	166	473	170
„ 1866 „	426	189	429	192
„ 1867 „	377	201	379	185
„ 1868 „	403	192	401	215
„ 1869 „	425	217	428	219
„ 1870 „	389	284	383	278
„ 1871 „	455	277	450	286
за 10 лѣтъ	3.810	2.178	3.801	2.199

Изъ этой таблицы видно, что въ нѣкоторые года (1863, 1864, 1868 и 1871) Виндавскій портъ принималъ и отпускалъ судовъ болѣе, чѣмъ вдвое противъ Либавскаго, а вообще изъ числа всѣхъ пришедшихъ и ушедшихъ судовъ на долю Виндавы приходится 64%, а на Либаву 36% (откидывая дроби).

Въ такомъ отношеніи эти оба порта стояли между собою, до постройки Либаво-роменской желѣзной дороги, и это отношеніе ясно указываетъ, что Виндавскій портъ имѣетъ большія преимущества предъ Либавскимъ, если торговля, не стѣсняемая внѣшними условіями, тяготѣла болѣе къ нему, чѣмъ къ Либавѣ.

Но картина совершенно перемѣнилась со времени сооруженія желѣзной дороги въ Либаву. Такъ у насъ подъ руками находятся свѣдѣнія, что въ 1883 г. въ Виндаву пришло всего 34 судна, въ 1884 г.—44, въ 1885 г.—54 и въ 1886 г.—59, не считая каботажныхъ.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: если Виндавскій портъ имѣетъ такія огромныя преимущества предъ Либавскимъ и такъ богатъ природными дарами, то отчего желѣзная дорога была проведена не къ нему, а къ Либавѣ, которой природа ничего не дала?

---

[1]) По свѣдѣніямъ Виндавской таможни.

Чтобъ объяснить это, надо вспомнить, какимъ образомъ у насъ сооружалась желѣзно-дорожная сѣть.

Это великое дѣло не было плодомъ общихъ правительственныхъ распоряженій, основанныхъ на строгомъ изученіи надобностей и потребностей государства. Правда, въ министерствѣ путей сообщенія нѣсколько разъ сочинялись проекты общей сѣти желѣзныхъ дорогъ, но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ осуществленъ, такъ какъ всѣ они сочинялись чиновниками въ департаментахъ, не имѣли ничего общаго съ потребностями жизни и хоронились въ архивахъ министерства, какъ мертворожденные.

Концессіонеры еще менѣе министерства путей сообщенія были компетентны въ рѣшеніи вопросовъ такой важности, да они нисколько и не интересовались знать и справляться— гдѣ и для чего нужна желѣзная дорога. Ихъ дѣло было только получить концессію на постройку дороги отъ А до Б, чѣмъ больше верстъ — тѣмъ лучше, чѣмъ дороже за версту — тѣмъ тоже лучше. Конечныя станціи А и Б для нихъ играли совсѣмъ другую роль, не имѣющую ничего общаго съ потребностями государства: концессіонеру важно было избрать такую линію, чтобы проведеніемъ ея угодить тому или другому лицу, отъ котораго зависѣла выдача концессіи. Эти соображенія были единственнымъ стимуломъ при выборѣ концессіонерами направленія дороги. Въ такомъ же положеніи находился и строитель Либаво-роменской желѣзной дороги. Проси онъ проложить рельсы на Виндаву — ему, можетъ быть, и не дали бы концессію; поэтому онъ просилъ о направленіи Ромно-Либава, зная, что въ этомъ случаѣ отказа не будетъ. Такимъ-то путемъ Либава получила соединеніе съ внутренней, хлѣбопроизводительной Россіей, а Виндава осталась въ сторонѣ, не смотря на всѣ свои преимущества.

Понятно, что какъ только Либаво-роменская дорога была сооружена, на нее хлынули грузы, не имѣвшіе до того времени другаго выхода, какъ чрезъ Ригу. Тогда явилась новая бѣда горше прежней.

Слабый и неудобный Либавскій портъ оказался безсильнымъ принять въ себя для отправки заграницу всѣ тѣ грузы, которые доставляла ему желѣзная дорога. Чтобъ спасти желѣзную дорогу, надо было для нея создать въ Либавѣ портъ, coûte qui coûte. Каналъ, о которомъ мы выше упоминали, нельзя болѣе ни углубить, ни расширить. Слѣдовательно,

остается единственное средство: соорудить бассейнъ въ открытомъ морѣ посредствомъ дамбъ. Работы эти страшно дороги; дамбы, вслѣдствіе песчанаго грунта и постоянныхъ вѣтровъ, нагоняющихъ песокъ, никогда не защитятъ порта отъ засоренія; самый портъ, какъ окруженный дамбами, необходимо будетъ замерзать; для очищенія его отъ наноснаго песку потребуется содержать цѣлую эскадру вѣчноработающихъ землечерпательныхъ машинъ и т. д., и т. д.—Но не смотря на всѣ эти очевидныя невыгоды Либавскаго порта, на него уже затрачено *казною* нѣсколько милліоновъ рублей и проектируется, какъ слышно, еще новая затрата въ $9^1/_2$ милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ государственная казна должна теперь расплачиваться за то, что когда-то, какому-то концессіонеру, теперь уже давно умершему, было удобнѣе и выгоднѣе ходатайствовать о Либаво-роменской дорогѣ, а не о какой-либо другой..... При выдачѣ этой концессіи никому въ голову не пришло спросить: отчего Либава предпочтена Виндавѣ? А если Либава сама по себѣ имѣла цѣну, то отчего не былъ вызванъ какой-нибудь другой концессіонеръ для устройства дороги отъ Риги въ Виндаву, которая, то есть Виндава, имѣетъ государственную цѣнность во много разъ превосходящую цѣнность Либавы?

Замѣчательно при этомъ еще вотъ какого рода обстоятельство. Моряки наши давно интересуются Виндавскимъ портомъ, считая его крайне полезнымъ и даже необходимымъ въ военномъ отношеніи.

По ихъ мнѣнію, въ военное время въ Виндавскомъ портѣ удобно расположить сильную эскадру, которая, будучи совершенно недоступна для непріятеля, можетъ выходить въ тылъ ему, еслибы онъ зашелъ слишкомъ далеко. Оцѣнивая по достоинству Виндавскій портъ, морское вѣдомство много разъ дѣлало серьезныя изслѣдованія его и накопило богатый и разнообразный матеріалъ. Не смотря на то, при рѣшеніи вопроса о Либаво-роменской желѣзной дорогѣ никто не потрудился спросить по этому предмету моряковъ. Еслибы тогда ихъ спросили, то, конечно, они высказались бы въ пользу Виндавы, а не Либавы, какъ они постоянно высказывались по этому предмету въ засѣданіяхъ „Общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности“ [1]).

[1]) Тѣмъ не менѣе, мнѣнія моряковъ весьма различны, и намъ положительно извѣстно, что именно въ послѣднее время морское министерство настаивало на устройствѣ порта въ Либавѣ, а не въ Виндавѣ. *Ред.*

Въ нашихъ рукахъ находятся обширные матеріалы по исторіи и по состоянію Либавскаго и Вандавскаго портовъ въ настоящее время. Просматривая ихъ, невольно поражаешься тѣмъ явленіемъ, что изъ двухъ портовъ излюбленъ, такъ сказать, именно тотъ, который наименѣе пригоденъ (вѣрнѣе сказать—даже совсѣмъ не годенъ). Къ этому quasi-порту проведена желѣзная дорога; на улучшеніе или, лучше сказать, на созданіе его затрачиваются десятки милліоновъ, съ очень сомнительными вѣроятностями на успѣхъ, между тѣмъ какъ на природный Вандавскій портъ, требующій всего нѣсколько сотенъ-тысячъ для приведенія его въ порядокъ—никѣмъ (изъ людей власть имущихъ) не обращается никакого вниманія [1]).

Опять-таки для избѣжанія упрека въ голословности, мы сдѣлаемъ параллельное сравненіе обоихъ портовъ, причемъ, для большей безпристрастности, свѣдѣнія о Либавскомъ портѣ возьмемъ изъ обширнаго труда по этому предмету инженера путей сообщенія г. В. Тимонова, горячаго защитника достоинствъ Либавскаго порта.

Начнемъ сначала.

1. *Грунтъ*. Нѣкто г. Риге производилъ бурильныя работы въ Либавѣ, по которымъ оказалось, что верхній слой грунта, на глубину отъ 12 до 37 футъ состоитъ изъ песка съ примѣсью морской травы. Подъ этимъ толстымъ слоемъ песку лежитъ плотная глина, съ гравіемъ и валунами.

Въ р. Виндавѣ грунтъ состоитъ прямо изъ плотной глины, по которой только пробѣгаетъ, такъ сказать, песокъ, несомый теченіемъ рѣки.

2. *Глубина воды*. Въ Либавѣ берегъ полого спускается въ море и только въ 600 саженяхъ отъ берега достигаетъ 30 футовой глубины. Противъ устья портоваго канала (говоритъ г. Тимоновъ) *прорытъ* постоянно поддерживаемый землечерпаніемъ каналъ съ глубиной въ 17 футъ. Ширина канала около 50 саж., длина около 120 саж. Приблизительно ту же глубину имѣетъ портовый каналъ и гавань до городскаго моста. За мостомъ глубина около 13—14 ф. Глубина новаго бассейна

---

[1]) Мы не можемъ согласиться съ этимъ отзывомъ автора. Во-первыхъ, для приведенія въ порядокъ природнаго Виндавскаго порта, т. е. для устройства вполнѣ удовлетворительнаго морскаго порта въ Виндавѣ, по разсчету спеціалистовъ, требуется не *нѣсколько сотенъ тысячъ*, а по крайней мѣрѣ 3 милл. рублей; во-вторыхъ, на портъ этотъ постоянно обращалось вниманіе бывшимъ министромъ путей сообщенія. *Ред.*

(ковша) 19 фут. Въ теченіе зимы каналъ на барѣ обыкновенно заносится, и глубина въ немъ не даетъ иногда и 11 футъ.

Въ р. Виндавѣ глубина на протяженіи 7 верстъ доходитъ до 34 футъ. Ширина рѣки отъ 50 до 130 саженъ.

3. *Длина портовъ.* Въ Либавѣ портъ состоитъ изъ искусственнаго канала, соединяющаго море съ болотистымъ озеромъ, длиною (до моста) 2 версты 150 саженъ (считая съ дамбами, выдвинутыми въ море).

Рѣка Виндава — вся пригодна какъ портъ, на протяженіи 20 верстъ.

4. *Замерзаніе.* Инженеръ г. Тимоновъ даетъ слѣдующія данныя о замерзаніи Либавскаго порта.

Въ 1852 г.	гавань	замерзла	16	января,	вскрылась	15	марта.
„ 1853 г.	„	„	15	„	„	24	„
„ 1854 г.	„	„	1	„	„	3	„
„ 1855 г.	„	„	16	„	„	29	„
„ 1856 г.	„	„	16	„	„	24	„
„ 1857 г.	„	„	25	„	„	10	„
„ 1858 г.	„	„	25	„	„	10	и т. д.

Отсюда видно, что Либавскій портъ замерзаетъ на два мѣсяца, хотя срокъ этого замерзанія сокращается нѣсколько ледокольными пароходами.

Изъ свѣдѣній же Виндавскаго лоцманскаго журнала видно, что за послѣдніе 28 лѣтъ, съ 1861 по 1888 г., Виндавскій портъ покрывался только *наноснымъ* льдомъ всего 16 разъ и то, среднимъ числомъ, не болѣе 8 дней. Въ остальные же годы былъ доступенъ для судовъ круглый годъ [1]).

Въ 1886 году 21 февраля въ Либавѣ ледъ смерзся такъ, что въ гавани открылось сообщеніе между берегами. Рейдъ тоже замерзъ. Судоходство прекратилось. Море на все видимое пространство было покрыто льдомъ. Только 3 марта восточнымъ вѣтромъ ледъ съ рейда угнало въ море.

Въ это же время въ Виндавѣ, гавань и рейдъ покрылись льдомъ 20 февраля, но на слѣдующій же день освободились отъ него.

Изъ этихъ параллельныхъ сравненій наглядно видно, на

---

[1]) Нельзя однако не замѣтить, что наносный ледъ опаснѣе мѣстнаго (см. брошюру М. Герсеванова: „Общія понятія о портовыхъ сооруженіяхъ. С.-пб. 1888). *Ред.*

сколько естественный портъ р. Виндавы превосходитъ искусственный портъ Либавы, созидаемый съ такими большими пожертвованіями.

Исторія Либавскаго порта, по разсказу г. Тимонова, представляется съ нѣкоторой стороны очень любопытною. Дѣло въ томъ, что въ 1856 г. правительство нашло нужнымъ соединить одинъ изъ портовъ Виндаву или Либаву съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Главное общество бралось исполнить эту задачу при условіи приведенія избраннаго порта въ благопріятное для торговли состояніе.

Выборъ порта былъ возложенъ на полковника Гайдателя. Этотъ полковникъ представилъ главноуправляющему путями сообщенія генералъ-адъютанту Чевкину записку, въ которой отдалъ преимущество Либавѣ, *главнѣйшимъ образомъ* вслѣдствіе ея меньшей замерзаемости и большей близости къ европейскимъ рынкамъ (?!).

Мы уже видѣли выше, насколько Либава уступаетъ Виндавѣ въ отношеніи замерзаемости. Очевидно слѣдовательно, что полковникъ Гайдатель былъ введенъ въ заблужденіе и представилъ невѣрныя справки, которыя не были даже никѣмъ провѣрены. Что же касается до большей близости Либавы къ иностраннымъ рынкамъ—то это уже явная натяжка, такъ какъ Либава и Виндава лежатъ между собою въ разстояніи всего 80 верстъ и для кораблей, идущихъ изъ Зунда, въ смыслѣ разстоянія, одинаково безразлично придти въ Виндаву или Либаву. Наконецъ, еслибы Виндава и дѣйствительно была нѣсколько далѣе Либавы, то всѣ другія ея преимущества такъ велики, что ради этого никоимъ образомъ нельзя было бы ей предпочесть Либаву, еслибы выборъ порта производился людьми болѣе компетентными.

Во всякомъ случаѣ очень странно уже то, что рѣшеніе такого вопроса, имѣющаго общее и обширное государственное значеніе, было предоставлено одному лицу, одностороннему спеціалисту и, повидимому, очень мало ознакомленному съ дѣломъ, за рѣшеніе котораго онъ взялся.

Но какъ бы то ни было, а полковникъ Гайдатель рѣшилъ судьбу доброй половины хлѣбородной Россіи и составилъ смѣту для устройства Либавскаго порта на сумму 1.664.992 р. 18 к. (за исключеніемъ маяковъ) и на непредвидѣнные расходы 180.000 р. Конечно, онъ же былъ назначенъ и начальникомъ работъ.

Не безъ комизма разсказываетъ г. Тимоновъ о нѣкоторыхъ казусахъ, имѣвшихъ мѣсто при сооруженіи Либавскаго порта. Такъ, напримѣръ, для забивки свай было употреблено 4 паровыхъ копра и 28 конныхъ и ручныхъ. Паровые копры были употреблены здѣсь едва-ли не впервые въ Россіи и дали, по словамъ инженера Гайдателя, весьма хорошіе результаты: „При твердости нижняго слоя здѣшняго грунта, пишетъ онъ въ замѣткѣ о либавскихъ работахъ въ 1863 году, обыкновенные ручные и конные копры забиваютъ въ день только одну или двѣ сваи, но паровые копры, по быстротѣ повторяемыхъ ударовъ, много способствуютъ успѣху работъ“.

„Послѣднія работы (1885 г.) по разборкѣ части сѣвернаго мола предъ новымъ бассейномъ (ковшемъ) позволили убѣдиться, говоритъ г. Тимоновъ, что это „способствованіе успѣху“ было чрезмѣрно. Большая часть свай оказалась изломавшимися внизу и совершенно измочаленными. То, что принимали за „твердость нижняго слоя грунта“, было просто сопротивленіе песка, который образуетъ пластъ настолько значительной толщины, что сваи не могли пройти сквозь него и достигнуть „нижняго слоя“. Очевидно, предъ работами не было сдѣлано никакихъ буреній.

Всего на эти предварительныя работы было израсходовано не 1.664.992 р. 18 к., какъ проектировалъ г. Гайдатель, а 2.140.000 р. Мы назвали эти работы *предварительными* на томъ основаніи, что еще во время самаго производства работъ обнаружилось крайне вредное вліяніе новыхъ моловъ на складываніе наносовъ. Портъ началъ быстро мелѣть, и главными виновниками этого обмелѣнія были тѣ самыя дамбы, отъ которыхъ ожидали такъ много, и слѣдовательно въ будущемъ предстояло затрачивать новые милліоны на переустройство порта.

И дѣйствительно, въ 1877 г. комитетъ министровъ постановилъ произвести въ Либавѣ новыя работы для улучшенія порта, уже на сумму 5.236.473 р.—и эти работы велись безпрерывно до 1888 года.

Но и эта громадная затрата труда, времени и денегъ не спасаетъ Либавскій портъ и не можетъ придать ему свойства, необходимыя для того, чтобы играть выдающуюся роль въ заграничной торговлѣ. Вслѣдъ за окончаніемъ постройки новыхъ моловъ, еще въ теченіе послѣдняго періода работъ, передъ нимъ началъ образовываться баръ, который, увеличиваясь въ ширину (по направленію оси входа) и поднимаясь все выше и

выше, въ 1885 г. имѣлъ уже 100 саж. въ длину, а глубина воды на немъ дошла до 10 футъ. Для доставленія судамъ возможности попадать въ портъ, на барѣ ежегодно производились землечерпательныя работы, которыя только къ концу судоходства, къ осени, доводили глубину до 17 футъ; но осеннія и зимнія бури всегда успѣвали совершенно уничтожать достигнутые результаты, такъ что къ веснѣ, когда торговля въ Либавѣ особенно оживляется, судоходство оказывалось въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: разгрузка и догрузка въ открытомъ морѣ, потеря времени на выжиданіе погоды и пр. Какъ энергично работаетъ море и какъ мало надеждъ на успѣшную борьбу съ нимъ, видно уже изъ того, что, напримѣръ, въ 1885 году землечерпаніе было начато съ юга, и къ 27 іюля былъ вырытъ въ барѣ каналъ глубиною въ 16 футъ, но по мѣрѣ расширенія его къ сѣверу, съ юга каналъ этотъ заносился песками и такъ энергично, что къ 3 октября онъ съузился до широты, какую имѣлъ 27 іюля. Изъ этого видно, что даже въ тотъ годъ, когда землечерпаніе производилось особенно усердно, постоянное обмелѣніе входа продолжалось неуклонно.

Все это ведетъ къ тому, что Либава не можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ заграничной торговли. Такъ, напримѣръ, 1884 году вышли изъ Либавы вполнѣ нагруженными только тѣ суда, которыя имѣли осадку менѣе 13 футъ; далѣе— 261 судно ушли вовсе безъ груза, 203—должны были догружаться въ открытомъ морѣ и 177 судовъ ушли безъ полнаго груза. Приблизительно разсчитано, что на лихтерахъ и на простоѣ либавская торговля теряетъ ежегодно около 331.911 рублей, что соотвѣтствуетъ капиталу въ 6.638.220 рублей, не считая многихъ другихъ потерь.

Всѣ эти неудобства повели къ тому, что былъ составленъ новый проектъ переустройства Либавскаго порта, на исполненіе котораго государственный совѣтъ разрѣшилъ въ 1885 году расходъ въ 5.000.000 рублей. Такимъ образомъ, въ короткое, сравнительно, время, Либавскій портъ поглотилъ:

Въ 1861 году	2.140.000	р.
„ 1877 „	5.236.473	„
„ 1884 „	5.000.000	„ [1]).
Итого . . .	12.376.473	р.

[1]) Эта послѣдняя сумма затрачена еще не вся.

Но г. Тимоновъ, котораго мы цитируемъ, справедливо говоритъ, что и послѣднія предположенныя улучшенія не приведутъ ни къ чему, и съ своей стороны составилъ проектъ устройства *волнолома*, какъ единственнаго орудія для борьбы съ морскими песками. Только вотъ въ чемъ бѣда: волноломы—сооруженіе крайне дорогое, потребующее новыхъ и многихъ милліоновъ, а между тѣмъ польза отъ нихъ болѣе чѣмъ сомнительна, такъ какъ существующіе примѣры не подтверждаютъ ихъ несомнѣнной пользы.

Не смотря на всѣ сдѣланныя затраты, Либавскій портъ находится въ такомъ состояніи, что представляетъ очень мало надежды сдѣлаться, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, тѣмъ первокласснымъ портомъ, какимъ его хотѣли создать. Вотъ подлинныя слова г. Тимонова, которыми онъ обрисовываетъ состояніе Либавскаго порта:

„Бросая общій взглядъ на современное состояніе Либавскаго порта, мы видимъ предъ собою картину довольно печальнаго характера. *Чрезвычайно* мелководный, съ недостаточнымъ протяженіемъ плохо оборудованныхъ набережныхъ, съ весьма неудобнымъ и *опаснымъ* входомъ и безъ всякихъ сооруженій для укрытія рейда—таковъ портъ, который, по предположеніямъ, долженъ былъ давно уже занять первоклассное мѣсто въ средѣ благоустроенныхъ портовъ“.

Въ такомъ состояніи находится этотъ портъ, послѣ многомилліонныхъ затратъ, уже произведенныхъ на него. Невольно представляется здѣсь вопросъ: сколько же понадобится еще милліоновъ, чтобы сдѣлать его не только первоклассным, но хотя бы нѣсколько сноснымъ?

А также: справедливо ли затрачивать средства на дѣло, очевидно безнадежное, буквально — топить деньги въ морѣ, когда рядомъ имѣется природный портъ, требующій самыхъ ничтожныхъ расходовъ [1]) на приведеніе его въ порядокъ?

„Въ послѣднее время, говоритъ г. Тимоновъ, явилось предположеніе о перенесеніи коммерческаго порта изъ Либавы въ Виндаву. Если это предположеніе серьезно, то надо порадоваться только, что горькій опытъ надоумилъ наконецъ хоть теперь придти къ тому, съ чего надо было начать“.

Еслибы въ свое время генералъ-адъютантъ Чевкинъ поручилъ такое важное государственное дѣло, какъ выборъ порта,

[1]) О мнимой *ничтожности* расходовъ мы уже замѣтили выше. *Ред.*

не одному лицу, притомъ заинтересованному въ дѣлѣ, а комиссіи, составленной изъ членовъ отъ министерствъ: финансовъ, военнаго, морскаго и путей сообщенія, то, конечно, милліоны, брошенные на морское дно въ Либавѣ, остались бы цѣлы, и Россія давно бы уже имѣла на Балтійскомъ морѣ богатѣйшій портъ, который не далъ бы Кенигсбергу буквально обирать какъ нашихъ хлѣбныхъ производителей, такъ и торговцевъ. Но такъ какъ Виндава не имѣетъ желѣзной дороги и надлежащихъ портовыхъ приспособленій, а Либава—имѣетъ желѣзную дорогу, но не имѣетъ порта, то Кенигсбергъ загребаетъ нашъ хлѣбъ и наше золото, съ удовольствіемъ, разумѣется, слѣдя за тѣмъ, какъ народное русское богатство усердно топится чиновниками въ волнахъ и пескахъ Либавскаго побережья.

Чтобы вѣрнѣе судить о достоинствахъ того или другаго порта, всего лучше выслушать мнѣніе моряковъ, какъ людей наиболѣе компетентныхъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Такъ, есть брошюра близко знакомаго съ дѣломъ г. Баженова, въ которой авторъ такимъ образомъ очерчиваетъ Либавскій портъ:

„Курляндскій берегъ, на которомъ расположена Либава, идетъ по меридіану безъ всякихъ изгибовъ; стоять на якорѣ у Либавы также опасно, какъ въ любомъ пунктѣ отъ Мемеля до Люзерарта, хотя грунтъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нельзя назвать дурнымъ, но якорное мѣсто открыто для всѣхъ вѣтровъ, начиная отъ N черезъ W до S, и въ случаѣ, ежели сдѣлается штормъ отъ W, оно не представляетъ судамъ возможности отойти отъ берега,—остается возложить всю надежду на якорь, а на него, хотя онъ и считается эмблемою надежды, не всегда можно полагаться.

„И такъ, что же хотятъ назвать либавскимъ рейдомъ? Мѣсто, котораго всякій благоразумный морякъ долженъ избѣгать для якорной стоянки, если не хочетъ рисковать быть выкинутымъ на берегъ; а это діаметрально противуположно тому, что принято называть рейдомъ. Что же касается до порта, то онъ признанъ неудовлетворительнымъ даже самими защитниками Либавы: они предположили устроить новый портъ, т. е. прорыть каналъ глубже и шире настоящаго; но еслибы устраивать порты такъ легко, то не зачѣмъ было бы трудиться искать удобнаго для нихъ мѣста, а просто взять любое на морскомъ берегу да и рыть каналъ. Но вотъ вопросъ: долго ли каналъ этотъ сохранитъ свою глубину? Положительно можно сказать,

что въ нѣсколько лѣтъ его замоетъ; а сколько трудовъ, сколько средствъ нужно для его поддержанія углубляющими дно машинами. Наносный грунтъ, который внесенъ будетъ въ рѣку вліяніемъ морскихъ вѣтровъ, будетъ вынесенъ обратно въ море теченіемъ; въ каналѣ же, напротивъ, весь этотъ грунтъ будетъ оставаться и съ каждымъ годомъ прибывать, чему доказательствомъ служитъ то, что въ 1860 году на Либавскомъ барѣ было 7 футъ, а на Виндавскомъ—14. Да и много ли помѣстится кораблей въ Либавскомъ каналѣ? А прѣсная вода?—вѣдь это статья первостепенная: устроить колодцы и водопроводы будетъ стоить не мало денегъ. Въ случаѣ же войны портъ этотъ со всѣми кораблями сдѣлается первою жертвою непріятеля".

Въ параллель къ этому описанію Либавы, вотъ какими словами тотъ же авторъ очерчиваетъ Виндаву:

„У насъ нѣтъ другой рѣки съ такимъ фарватеромъ (какъ р. Виндава); Западная Двина, на которой въ 12 верстахъ отъ устья расположена Рига, имѣетъ на барѣ 13 футъ, фарватеръ извилистый, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не глубже 11 футъ и не шире 15 саженъ. Нева—широка и глубока, но имѣетъ 8 футовый баръ; ширина Виндавы отъ 50 до 100 саженъ; средняя 25-ти футовая глубина идетъ отъ устья на 8 верстъ; далѣе верстъ на 8 уменьшается до 20 футъ, и наконецъ еще выше, верстъ 15 или 16, средняя глубина 15 футъ; кажется, есть гдѣ помѣститься огромному коммерческому флоту". Разумѣется, виндавскій баръ все же остается, но, какъ сказано выше, для его расчистки не требуется много искусственныхъ работъ.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство:

„Въ военное время Либава не можетъ, какъ мы говорили, служить надежнымъ убѣжищемъ для коммерческаго флота; она, со своимъ мало углубленнымъ въ материкъ каналомъ, будетъ легкой добычей непріятеля. Виндава же въ послѣднюю войну доказала, что и безъ крѣпостей и фортовъ можетъ сама защитить корабли, желающіе найти убѣжище въ ея рѣкѣ,—имъ стоитъ только уйти вверхъ и стать внѣ выстрѣловъ, что и случилось въ 1854 году, когда непріятель потребовалъ выдачи коммерческаго флота, находившагося въ Виндавѣ, и, получивъ отказъ, не рѣшился идти въ рѣку, верстъ на 30 вверхъ по ея теченію, боясь подвергнуться штуцерному огню съ берега".

Мы не будемъ приводить мнѣнія другихъ моряковъ по этому

вопросу, чтобы не утомить читателя. Скажемъ только, что когда этотъ вопросъ обсуждался, въ нынѣшнемъ году, въ „Обществѣ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности", то всѣ моряки, принимавшіе участіе въ бесѣдахъ, одинаково высказывались за неоцѣнимыя преимущества Виндавскаго порта предъ Либавскимъ и своими замѣчаніями дополняли и разъясняли взгляды приведеннаго здѣсь автора.

Кромѣ нашихъ моряковъ, любопытно выслушать по этому предмету также мнѣніе людей торговыхъ, имѣющихъ сношенія съ разными портами. Въ этомъ отношеніи мы можемъ привести отрывокъ изъ оффиціальнаго письма англійской фирмы въ Гуллѣ, Вильсона, на имя одной Либавской фирмы. Фирма Вильсона первоклассная, могущественная, поддерживающая сношенія со всѣми странами въ мірѣ; имя ея извѣстно каждому, имѣвшему какія-либо торговыя сношенія не съ одной только Англіей, а потому мнѣніе этой фирмы о какомъ-либо портѣ можно считать рѣшающимъ, такъ какъ свое мнѣніе она основываетъ на собственныхъ и многочисленныхъ опытахъ, а не a priori.—Вотъ что мы находимъ въ этомъ письмѣ по поводу Либавы:

„Обращаясь къ послѣднему отдѣлу вашего письма, мы можемъ только замѣтить, что несчастное (misérable) состояніе Либавскаго порта продолжается и сейчасъ. Принимая въ соображеніе, что пароходы страдаютъ отъ задержки въ теченіе отъ 15 до 20 дней, не говоря уже о томъ, что имъ при выходѣ и входѣ въ портъ приходится нести издержки по отгрузкѣ и догрузкѣ товара на лихтера, вслѣдствіе мелководья на барѣ и другихъ затрудненій, непонятно, какимъ образомъ вы почитаете излишнимъ, чтобы мы брали болѣе высокій фрахтъ къ этому порту (т. е. Либавѣ), чѣмъ къ Нейфарвассеру или Данцигу, гдѣ не приходится наталкиваться на какія-либо затрудненія, непредвидѣнные расходы и задержки. Мы можемъ сказать, что ваше мнѣніе по этому предмету совсѣмъ расходится съ нашимъ взглядомъ".

Подобный аттестатъ Либавы отъ столь авторитетнаго и рѣшающаго въ подобныхъ вопросахъ голоса, какимъ является фирма Вильсонъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ непригодности Либавы для того назначенія, которое у насъ хотятъ ей придать даже насильственнымъ, такъ сказать, путемъ. При этомъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что та же фирма Вильсонъ, не желающая имѣть никакого дѣла съ

Либавой, охотно фрахтуетъ свои корабли и пароходы на Ригу.

Устройство Виндавскаго порта въ высшей степени необходимо для Риги. Дѣло въ томъ, что Рижскій портъ бываетъ закрытъ для судоходства въ теченіе 4, а иногда и болѣе мѣсяцевъ. Когда еще всѣ порты свободны отъ льда, въ Ригу корабли входятъ со страхомъ и трепетомъ, потому что Больдерааскій рейдъ усѣянъ громадными подводными камнями, портъ не имѣетъ достаточной глубины, и тамъ нужно обращаться къ очень опытнымъ лоцманамъ, чтобы благополучно войти. Поэтому Виндава крайне необходима для Риги, какъ передовой портъ. Рижскій биржевой комитетъ нѣсколько разъ входилъ съ представленіемъ въ министерство путей сообщенія и финансовъ, испрашивая объ устройствѣ Виндавскаго порта. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ ходатайствъ, лѣтъ 6 или 7 назадъ, въ министерствѣ путей сообщенія нѣсколько разъ была образована коммисія изъ представителей всѣхъ министерствъ. Всѣ члены этой коммисіи единогласно выразили сочувствіе этому дѣлу, признали его неотложнымъ и необходимымъ и постановили въ журналѣ ходатайствовать предъ правительствомъ о постройкѣ Виндавскаго порта и желѣзной дороги на Туккумъ-Ригу, такъ какъ одно безъ другаго не мыслимо. Но ни просьбы рижскаго биржеваго комитета, ни ходатайство общеминистерской коммисіи по сегодня не имѣли никакого результата, вѣроятно, вслѣдствіе того, что какъ разъ около того времени наша желѣзнодорожная и, вообще, строительная дѣятельность была рѣзко и круто прервана.

Въ настоящее время сильнаго развитія флотовъ и желѣзныхъ дорогъ, Пруссія, напримѣръ, не пренебрегаетъ ни малѣйшимъ клочкомъ земли на своемъ балтійскомъ побережьи, который хоть сколько-нибудь можетъ быть приспособленъ для стоянки судовъ. Самая ничтожная гавань, едва могущая вмѣстить какой-нибудь десятокъ судовъ — улучшается, устроивается, вооружается всѣми необходимыми званіями и приспособленіями. У насъ же такой богатый природный портъ, какъ Виндавскій—до сего времени совершенно игнорируется, какъ будто у насъ портовъ цѣлые сотни. Наши грузы, вслѣдствіе этого, идутъ преимущественно на Кенигсбергъ, который торгуетъ исключительно почти русскими товарами, составляющими 80% изъ всего годоваго оборота Кенигсберга! Если даже Либава и будетъ вполнѣ устроена, что̀ можетъ совершиться

только чрезъ много лѣтъ и по затратѣ многихъ милліоновъ, то и тогда она не будетъ въ состояніи экспортировать всѣ тѣ грузы, которые направляются изъ внутренней Россіи заграницу и львиную долго этихъ грузовъ должна будетъ отдавать тому же Кенигсбергу. Вслѣдствіе этого, Виндава не есть конкурренть Либавы, какъ нѣкоторые ошибочно полагаютъ и въ чемъ стараются убѣдить либавскіе евреи, играющіе на пониженіе цѣнъ нашего хлѣба. Торговое назначеніе Виндавы состоитъ въ содѣйствіи Либавѣ оттянуть наши грузы отъ Кенигсберга, чего одна Либава никогда не въ состояніи будетъ сдѣлать. Вотъ почему мы настаиваемъ, чтобы одновременно съ Либавой былъ бы устроенъ и Виндавскій портъ и соединенъ съ внутренней Россіей желѣзною дорогою. Это вопросъ не мѣстный, а общегосударственный, отъ разрѣшенія котораго зависитъ благосостояніе многихъ нашихъ внутреннихъ губерній въ мирное время и который дастъ себя жестоко почувствовать въ случаѣ военныхъ дѣйствій.

Ар. ВАСИЛЬЕВЪ.

Новое движеніе во Франціи[1].

V.

До сихъ поръ намъ не разъ приходилось отмѣчать неправильности или несоотвѣтствіе съ нашей жизнью выводовъ Бержере. Вездѣ, гдѣ онъ говорилъ о внутреннихъ основахъ семьи и государства, его узко-механическая теорія образованія соціальныхъ общеній заставляла его высказывать воззрѣнія, не отвѣчающія глубокимъ нравственнымъ основамъ этихъ формъ человѣческаго устройства.

Теперь мы переходимъ къ изложенію его идей о вопросахъ практической жизни, вопросахъ публичнаго права, гдѣ выказываются ясность и вѣрность мысли нашего автора. Этой и послѣдующимъ частямъ своего труда, книга, конечно, и обязана своимъ успѣхомъ у насъ, гдѣ она въ самомъ непродолжительномъ времени разошлась въ количествѣ болѣе полуторы тысячи экземпляровъ, хотя и то, что авторъ говоритъ въ этой части, вовсе не имѣетъ интереса какой-нибудь поразительной новизны.

Бержере въ пяти главахъ IV части говоритъ о налогахъ, о воинской повинности, объ устройствѣ судебной части, о мѣстномъ самоуправленіи, о народномъ образованіи и, наконецъ (лучшее мѣсто въ книгѣ), о народномъ представительствѣ. Всѣ эти вопросы являются жизненными вопросами и для насъ, и то, что говоритъ о нихъ Бержере, имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ нашему строю, ибо многое было прямо усвоено по всѣмъ указаннымъ вопросамъ у насъ изъ Франціи и привито къ нашей жизни часто безъ всякаго толку и разбору. Въ стремленіяхъ и желаніяхъ, которыя авторъ влагаетъ въ уста улицы, мы услышимъ давно извѣстную намъ и надоѣвшую программу нашей либеральной партіи. Интересно видѣть главнымъ обра-

[1]) См. „Русс. Вѣст. 1889. VIII.

зомъ, какъ въ той же Франціи, откуда наши доктринеры черпали свои „послѣднія слова прогресса“,—въ настоящее время раздаются твердые голоса, прямо называющіе всѣ эти начинанія—несбыточными теоретическими утопіями, не имѣющими и не могущими имѣть, вслѣдствіе своихъ противорѣчій съ дѣйствительными началами и основами жизни, никакого правильнаго практическаго примѣненія и приносящими прямо вредъ тамъ, гдѣ насильственно вводили ихъ въ строй государственной жизни.

Начинаетъ онъ съ вопроса о налогѣ. Правительственная власть неизбѣжно должна заботиться о средствахъ для покрытія расходовъ по общественному управленію. Источники этого дохода двоякіе—имущества, принадлежащія казнѣ, и налогъ. Указавъ затѣмъ на неудобства управленія казенными имуществами и на постепенное ихъ сокращеніе, Бержере останавливается на налогѣ, какъ главномъ источникѣ доходовъ государства въ настоящее время.

„Правительственная власть“, пишетъ онъ, „обезпечиваетъ охрану отъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ безпорядковъ, она учреждаетъ цѣлый рядъ общественныхъ установленій, созданныхъ для увеличенія національнаго благосостоянія; естественно, что средства на все это долженъ давать народъ, и онъ охотно даетъ эти средства, когда ему грозитъ какая-нибудь внѣшняя или внутренняя опасность, но если общее политическое положеніе спокойно и жизнь течетъ своей обычной ровной колеей, начинаютъ роптать и, возставая противъ обязательности налога, стараются свести его на почву какъ-бы добровольной помощи, которая оказывается правительству. Отсюда уже одинъ шагъ до признанія того общераспространяемаго въ настоящее время принципа, что всякій налогъ долженъ быть утверждаемъ и санкціонируемъ народомъ“.

„Теоретически испрашиваніе согласія народа на налогъ чрезвычайно удобно для правительства потому, что даетъ ему возможность болѣе свободно и спокойно собирать крупныя денежныя средства, но, на самомъ дѣлѣ, такой порядокъ вещей представляетъ большую опасность, ибо, при возникновеніи разногласія между „народомъ“ и правительствомъ, послѣднее можетъ очутиться въ самомъ критическомъ положеніи, ибо надобности бываютъ неотлагательныя и до времени даже не подлежащія оглашенію“. „Право вотированія налога“, по мнѣнію автора, „это самая большая уступка, какая когда-

либо была сдѣлана правительственной властью, и это право можетъ породить въ будущемъ безпримѣрныя въ исторіи затрудненія и усложненія".

„Получивъ это право, толпа понемногу начинаетъ смотрѣть на налогъ, какъ на жалованье, которое платятъ правительству, и поэтому начинаетъ судить услуги правящей власти, оцѣнивать ихъ относительное значеніе и, наконецъ, отклонять тѣ изъ нихъ, которыя ему кажутся излишними. Мало того что стремятся указывать тѣ предметы, на которые должны тратиться государственные сборы, стремятся и при собираніи этого налога провести свои фискальныя идеи".

Разобравъ различныя системы наложенія и распредѣленія налога, Бержере заключаетъ, что различіе во взглядахъ въ этомъ отношеніи проистекаетъ отъ того, что правительство ищетъ въ налогѣ способъ къ собиранію средствъ для покрытія государственныхъ расходовъ, толпа же, мало интересуясь этимъ вопросомъ, хочетъ сдѣлать изъ налога орудіе осуществленія своихъ излюбленныхъ идей равенства и, поэтому, введеніемъ подоходнаго и въ особенности прогрессивнаго налога, стремится оказать давленіе на болѣе равномѣрное распредѣленіе имуществъ, что не имѣетъ никакого государственнаго значенія.

Затѣмъ, Бержере, во второй главѣ этой части переходитъ къ изложенію точекъ зрѣнія правительственной власти и народа на войско и воинскую повинность.

„Отдѣльныя національности находятся между собой въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ были отдѣльныя личности до возникновенія государства. Есть неизбѣжныя столкновенія интересовъ и разногласія, которыя могутъ быть рѣшены только силой".

„Поэтому первое, на что правительственная власть должна затрачивать суммы, полученныя отъ налоговъ, это на организацію военной силы, достаточной для отпора вооруженныхъ силъ другихъ національностей".

„Несбыточной хотя и симпатичной мечтой являются утопическія представленія о вѣчномъ мирѣ, но если когда-нибудь мечтамъ этимъ и суждено осуществиться, то отнюдь не путемъ частныхъ соглашеній будетъ это достигнуто. Единственнымъ орудіемъ для этого можетъ быть та же сила. Миръ существуетъ въ семьѣ до тѣхъ поръ, пока глава семьи достаточно силенъ, чтобы водворять въ ней порядокъ; миръ царитъ въ

государствѣ, пока правительственная власть достаточно сильна, чтобы нормировать дѣятельность отдѣльныхъ индивидуумовъ; вѣчный миръ могъ бы водвориться на землѣ, только когда одна какая-нибудь національность стала бы настолько могущественной, что могла бы повелѣвать и издавать законы для всѣхъ остальныхъ и стала бы стремиться установить общій миръ. Такъ что для этой цѣли явилось бы необходимымъ не отыскивать какія-либо начала къ установленію равновѣсія, а напротивъ всячески способствовать развитію одной, болѣе благожелательной, національности въ ущербъ другимъ. И здѣсь, какъ вездѣ, единственнымъ созидающимъ элементомъ можетъ быть только объединяющая сила, этой же силой въ международныхъ отношеніяхъ является правильная вооруженная власть. Отсюда вытекаетъ, что арміи нужны не только для войны, но и для поддержанія мира".

„Какими же путями набираются и создаются эти вооруженныя силы страны? Въ этомъ отношеніи правительство и толпа опять-таки смотрятъ на дѣло съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія".

„Правительство стремится имѣть хорошее войско, толпа очень быстро утрачиваетъ изъ виду эту главную цѣль военной организаціи и ищетъ въ ней, какъ и въ налогѣ, средства осуществлять цѣли не государственнаго, а соціальнаго характера. Этимъ и объясняется та симпатія толпы, которой въ настоящее время пользуется почти повсемѣстно всеобщая воинская повинность".

„Неудовлетворительность этой системы, съ военной точки зрѣнія, не оспаривается и самыми ревностными защитниками ея, но утверждаютъ, что за то система эта даетъ цѣлый рядъ соціальныхъ преимуществъ. Безспорно, всеобщая воинская повинность—огромный шагъ къ осуществленію идеи равенства, но нельзя не усомниться въ дѣйствительныхъ преимуществахъ такого порядка вещей. Данный человѣкъ можетъ принести дѣйствительную пользу въ гражданской службѣ и въ то же время быть самымъ жалкимъ воиномъ; другой можетъ быть прекраснымъ воиномъ и принести даже вредъ, а не пользу, во всякомъ иномъ родѣ дѣятельности".

„Но могутъ возразить, что военная служба заставляетъ человѣка рисковать своей жизнью и справедливо будто-бы всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ подвергнуть этому риску. Нельзя согласиться и съ этимъ, замѣчаетъ Бержере, такъ какъ есть же

отрасли мирнаго труда, гдѣ опасность лишиться жизни гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ въ другихъ, а между тѣмъ никому не приходитъ и въ голову проповѣдывать, что каждому гражданину по-очереди надлежитъ работать въ шахтахъ или на химическихъ и пороховыхъ или динамитныхъ заводахъ. И вообще есть ли какой-либо безвредный упорный трудъ? Казалось бы, уравненія въ такихъ трудахъ требуетъ логически послѣдовательное проведеніе идеи равенства, потому что невольно рождается вопросъ: отчего одни съ опасностью жизни и здоровья добываютъ средства къ существованію, въ то время какъ другіе безъ всякой опасности для жизни зарабатываютъ насущный хлѣбъ въ здоровой физической работѣ, на воздухѣ, за плугомъ или верстакомъ?“

„Пора правильно начать смотрѣть на этотъ вопросъ. Военное дѣло есть ремесло, хотя и особенно почетное и славное. Оно спеціализировалось при общей системѣ раздѣленія труда, и на него нужно смотрѣть какъ на результатъ развитія техники и жизненныхъ осложненій, вслѣдствіе чего занятіе, бывшее прежде удѣломъ всѣхъ гражданъ, обособилось и выдѣлилось въ совершенно самостоятельную, независимую отрасль народнаго труда“.

„Первое условіе успѣха въ военномъ дѣлѣ—дисциплина; поэтому правительственная власть должна стараться всячески поддержать самую строгую и незыблемую дисциплину во всей іерархической лѣстницѣ воинскихъ чиновъ, всюду внѣдряя начало безусловнаго повиновенія. Толпа же постоянно протестуетъ противъ такой дисциплины. Идеалъ ея—національная гвардія (garde nationale). Сущность ея заключается въ избраніи частями начальниковъ. Рядовые роты избираютъ себѣ командира; ротные командиры избираютъ полковаго, и такимъ постепеннымъ путемъ создается все же строй іерархической подчиненности, но только въ обратную сторону—*не сверху внизъ, а снизу вверхъ*. Генералы зависятъ отъ избравшихъ ихъ полковниковъ, полковники—отъ капитановъ, эти же послѣдніе—прямо отъ своихъ выборщиковъ, и такимъ образомъ происходитъ нелѣпое явленіе—масса рядовыхъ становится главнокомандующимъ“.

„Такое войско, безъ всякаго сомнѣнія, ни на что не годно на войнѣ, да оно не къ ней и готовится. Какъ армія есть главная сила правительственной власти и употребляется ею для оборонительныхъ и внѣшнихъ войнъ, такъ національная гвар-

дія—орудіе толпы и употребляется ею для гражданскихъ войнъ и государственныхъ переворотовъ. Поэтому можно сказать безошибочно, что „правительственная власть, скрѣпляя указъ о созданіи національной гвардіи, подписываетъ свой собственный приговоръ, ибо оно этимъ даетъ въ руки толпы такое оружіе, отъ котораго само непремѣнно должно будетъ погибнуть".

Въ третьей главѣ авторъ говоритъ о судѣ.

„Разъ правительственная власть достаточно обезпечила существованіе и цѣлость государства отъ внѣшнихъ нападеній, она должна озаботиться установленіемъ въ немъ внутренней безопасности—это задача суда. Цѣль, которой надлежитъ достигнуть—обезпечить личность отъ насилія, собственность и имущество отъ захвата и общественныя установленія отъ посягательствъ на ихъ цѣлость и правильность ихъ дѣйствій. Для выполненія этой задачи имѣются два пути: принужденіе силою возмѣстить причиненный ущербъ и наложеніе наказанія на нарушителя права".

„Тамъ, гдѣ возможно возмѣстить причиненный ущербъ, не прибѣгаютъ къ наказанію; такъ наприм., бракъ обыкновенно избавляетъ соблазнителя отъ законнаго преслѣдованія".

„Исходя изъ этого же положенія, иные предлагаютъ, вмѣсто тюремныхъ заключеній на срокъ, ввести систему заключенія преступника на все время, пока онъ не отработаетъ въ полной цѣнности за причиненный ущербъ, если только ущербъ возмѣстимъ. Такимъ образомъ и наказаніе было бы пропорціонально проступку, и государство извлекало бы пользу изъ труда преступника".

„Но проведеніе такого порядка вещей, конечно, невозможно, потому что, если ограничиться присужденіемъ виновнаго къ возмѣщенію лишь убытковъ, былъ бы данъ слишкомъ большой просторъ преступнымъ вожделѣніямъ, такъ какъ преступникъ могъ бы всегда надѣяться не быть пойманнымъ, а если же бы и былъ пойманъ, то размѣръ кары—возвращеніе украденной вещи—не могъ бы устрашить его и отвратить отъ дальнѣйшихъ покушеній. Между тѣмъ, задача правосудія не только карать, но и предупреждать преступленія, и не слѣдуетъ упускать изъ виду и этой второй его важнѣйшей цѣли".

„Поэтому всякое наказаніе должно быть производительнымъ и публичнымъ, оно должно обладать непремѣнно этими двумя основными свойствами".

„Производительный характеръ наказанію могъ бы быть

приданъ болѣе широкимъ примѣненіемъ общественныхъ работъ для преступниковъ; что же касается до возможно широкой публичности наказанія, то въ этомъ одно изъ главныхъ средствъ, при помощи устрашенія, воздѣйствовать на предупрежденіе преступленій".

Съ этой точки зрѣнія оцѣниваются авторомъ и различныя виды наказанія. „Для оцѣнки ихъ, говоритъ онъ, необходимо, конечно, принимать во вниманіе и воздѣйствіе ихъ на преступника, но не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что главная цѣль наказанія — это вліяніе его на общество въ смыслѣ предупрежденія будущихъ преступленій".

„Въ этомъ отношеніи смертная казнь лишена, конечно, всякаго воздѣйствія на самаго преступника; по отношенію къ нему она является лишь мѣрой защиты общества, чтобы лишить злодѣя возможности вредить обществу въ будущемъ, но за то она является самымъ сильнымъ орудіемъ для воздѣйствія на массу, для которой видъ смертной казни всегда, что бы ни толковали, служитъ существеннымъ предупредителемъ преступленій. Отъ смертной казни изъ ложныхъ идей гуманитарности отказались въ значительной мѣрѣ многія законодательства. Равнымъ образомъ исключено было изъ нихъ и тѣлесное наказаніе, на томъ основаніи, что въ этомъ послѣднемъ наказаніи есть униженіе человѣческаго достоинства. Трудно однако, уяснить, почему тѣлесное наказаніе болѣе унизительно, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ или публичное позореніе и терзаніе человѣка на судѣ. Оно является воздѣйствіемъ очень дѣйствительнымъ, вполнѣ можетъ присвоить себѣ характеръ публичный и легко соразмѣримо со степенью вины; кромѣ того, оно чрезвычайно чувствительно для преступника и въ то же время скоропреходяще; слѣдъ его изглаживается изъ памяти одновременно съ воспоминаніемъ о проступкѣ. На массу оно производитъ наиболѣе устрашающее вліяніе, не коверкая и не ломая въ то же время природы и всей жизни преступника, какъ это всегда дѣлаетъ тюрьма. Наконецъ, оно безпримѣрно дешевле для государства всякихъ иныхъ наказаній. Оно вполнѣ приложимо за преступленіе противъ личности".

Переходя затѣмъ къ господствующей въ настоящее время системѣ наказаній—т. е. тюремному заключенію въ различныхъ видахъ, Бержере горячо высказывается противъ него. „Если заключеніе не одиночное", говоритъ онъ, „оно всегда оконча-

тельно развращаетъ преступника; если одиночное—оно дѣлаетъ его идіотомъ. Приговоръ къ заключенію, правда, публиченъ, но само наказаніе отбывается не на глазахъ народа. Кромѣ того, оно является однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ неравенствъ; ибо для однихъ тюремное заключеніе часто является чрезвычайно существеннымъ улучшеніемъ матеріальнаго состоянія и не лишаетъ умственной жизни, которою они никогда и не жили—въ то время какъ для другихъ это разбитіе всей жизни и варварская пытка".

„Наказанія эти могутъ продолжиться безконечное время для преступника, не оказывая, однако, на массу никакого вліянія, и между тѣмъ гибельнымъ образомъ отражаясь на здоровьѣ и характерѣ заключеннаго. Наконецъ, при все возрастающемъ количествѣ преступленій, тюремная система грозитъ страшными расходами государственному бюджету и массами развращенныхъ долгой тюрьмой людей, окончательно непригодныхъ для нормальнаго строя жизни".

„Система денежныхъ штрафовъ имѣетъ свою хорошую сторону, являясь однимъ изъ второстепенныхъ источниковъ государственнаго дохода. Правда, она противорѣчитъ идеѣ равенства, такъ какъ можетъ показаться несправедливымъ, что бѣдняку придется платить одинаковое взысканіе съ богатымъ. Но идя въ разрѣзъ съ понятіемъ равенства наказаніе это нисколько не нарушаетъ идеи правосудія".

„Такова, казалось бы, простая и правильная точка зрѣнія на преступленіе и на сущность наказанія, но иначе смотритъ на это дѣло улица".

„Она не хочетъ ограничиться возмѣщеніемъ убытковъ и предупрежденіемъ преступленій, она главнымъ образомъ хочетъ вымѣстить свою злобу на однихъ дѣяніяхъ и защитить другія, и поэтому, вмѣсто того, чтобы судить преступленіе сообразно принесенному имъ вреду, его тяжести и его опасности—она стремится судить его сообразно умысламъ и намѣреніямъ виновнаго".

„Между тѣмъ оцѣнка и сужденія объ умыслѣ дѣло совершенно невозможное; никогда нельзя точно взвѣсить всѣ элементы, вліявшіе на возникновеніе преступной воли, и поэтому выходитъ часто, что совершившіе тяжкія дѣянія ускользаютъ отъ отвѣтственности, прикрываясь отсутствіемъ злаго умысла, и люди съ предполагаемыми злыми намѣреніями подвергаются чрезмѣрнымъ наказаніямъ за незначительныя правонарушенія.

Слишкомъ много придается значенія болтовнѣ о намѣреніяхъ и слишкомъ мало мѣста отводится совершившемуся факту".

„Когда человѣкъ совершилъ преступленіе, теряютъ много времени на розысканіе того, не было ли у него какого-либо добраго чувства, не дѣйствовалъ ли онъ подъ вліяніемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ или подстрекающихъ условій, какова его прошлая жизнь: почтенна и честна или нѣтъ—какъ-будто все это можетъ въ данномъ фактѣ имѣть какое-нибудь значеніе".

„Задача правосудія—препятствовать совершенію преступленій, а не производить психологическія оцѣнки характеровъ обвиняемыхъ. Факты, а не намѣренія подлежатъ карѣ, смѣшивая же воедино и факты и намѣренія, достигаютъ результатовъ, которые хотя и могутъ, повидимому, удовлетворить чувству справедливости, но при которыхъ упускается изъ виду главная цѣль правосудія—обезпеченіе общественной безопасности".

„Изъ того же грубаго и примитивнаго начала справедливости вытекаетъ странное (bizarre) установленіе мировыхъ судей. Главная и исключительная цѣль ихъ дѣятельности склонять тяжущіяся стороны къ примиренію; если это не происходитъ самою собой и добровольно, мировые судьи примиряютъ ихъ насильно, и масса ихъ рѣшеній кончается справедливымъ—по ихъ мнѣнію,—раздѣломъ предмета тяжбы между сторонами, причемъ всякій разъ мировой судья долженъ изображать маленькаго Соломона".

„Такая справедливость является прямымъ отрицаніемъ и противуположностью правосудія, которое должно быть точно, строго и должно отбрасывать все, что не входитъ непосредственно въ кругъ его вѣдѣнія".

Говоря затѣмъ, кому принадлежитъ верховное правосудіе въ государствѣ, Бержере касается и излюбленнаго предмета всякихъ либераловъ, именно пресловутаго начала раздѣленія властей.

„Право суда естественно принадлежитъ тому, въ чьихъ рукахъ сосредоточивается сила; отецъ семьи творитъ судъ надъ дѣтьми, сюзеренъ въ прежнее время творилъ его надъ вассалами, правительственная власть творитъ его надъ народами, иначе она не правительственная власть".

„Въ отдаленныя времена исторіи представитель верховной власти исполнялъ самъ всѣ функціи управленія; онъ былъ въ одно и то же время и сборщикъ податей, и полководецъ, и судья.

Но по мѣрѣ того какъ усложнялась правительственная машина, пришлось раздѣлить эти отдѣльныя функціи, поручивъ исполненіе ихъ спеціальнымъ органамъ. Органамъ юстиціи было поручено творить судъ во имя верховной власти, и органы эти по передовѣрію проявляютъ власть, которая въ сущности своей принадлежитъ не имъ, а правительству. Странное и коренное извращеніе мысли нужно было, чтобы допустить, что въ государствѣ можетъ существовать власть судебная, отдѣльная и самостоятельная отъ власти исполнительной. Можно различать функціи власти, но какъ же расчленять самую власть?"

„Власть судебная есть только часть общей власти исполнительной, въ той же мѣрѣ какъ и власть финансовая, военная и иныя административныя функціи. Правительство поручаетъ чиновникамъ министерства финансовъ собирать налоги, инженерамъ строить пути сообщенія, органамъ суда творить правосудіе; нѣтъ никакихъ различій по существу между этими разнообразными примѣненіями одной и той же исполнительной власти".

„Идея самостоятельной и независимой судебной власти перешла къ намъ какъ наслѣдіе старой борьбы и парламентскихъ домогательствъ; она вполнѣ несовмѣстима съ существованіемъ настоящей правительственной власти. *Пресловутая идея раздѣленія властей, которую хотѣли возвести въ незыблемый догматъ управленія, есть ничто иное, какъ санкціонированіе и систематизированіе анархіи въ государствѣ*; въ немъ были бы тогда одновременно власть исполнительная, власть законодательная и власть судебная, причемъ въ государствѣ кипѣла бы между ними постоянная борьба, такъ какъ каждая власть стремилась бы подчинить себѣ остальныя".

Касаясь вопроса о несмѣняемости судей, авторъ говоритъ: „На практикѣ существуетъ два рода чиновниковъ, между которыми лежитъ чрезвычайное различіе: чиновники администраціи, которые могутъ быть смѣняемы властью, ихъ назначившей, и чиновники юстиціи, которые по непостижимой аномаліи, сохранили право несмѣняемости".

„Дѣйствительный источникъ этой несмѣняемости относится къ эпохѣ продажи судебныхъ мѣстъ: какъ лишить мѣста человѣка, который его пріобрѣлъ, какъ собственность? Но это время минуло безвозвратно, идея же несмѣняемости тѣмъ не менѣе осталась".

„Въ настоящее время, въ объясненіе несмѣняемости, приводится иное основаніе; говорятъ, что несмѣняемость гарантируетъ свободу дѣйствій судьи. Однако гарантія эта очень слаба. Правительство можетъ производить все же давленіе на тѣхъ, кого оно не вправѣ подвергать взысканію; не имѣя права смѣнять судей, оно имѣетъ однако право давать имъ высшія и лучшія назначенія“.

„Но еслибы несмѣняемость дѣйствительно могла гарантировать свободу дѣйствій суда, она была бы самымъ чудовищнымъ изъ всѣхъ установленій. Стоитъ только представить себѣ вполнѣ независимый судъ, свободно толкующій законъ и произносящій рядъ оправдательныхъ приговоровъ напр. надъ опасными политическими преступниками и рядомъ съ этимъ правительственную власть, которая принуждена была бы сложа руки присутствовать при такомъ актѣ“.

„Такое предположеніе можетъ казаться крайнимъ преувеличеніемъ, но только потому, что у правительства есть тысячи мелкихъ косвенныхъ средствъ, благодаря которымъ оно всегда найдетъ людей готовыхъ защитить его права. Но представимъ себѣ моменты внутреннихъ безпорядковъ, и тогда при несмѣняемости судей мы легко получимъ представленное выше положеніе“.

„Конечно, не въ этомъ должна состоять обязанность судей. Дѣло ихъ—точно примѣнять законъ, и чтобы они не выходили изъ этой рамки, необходимо правительству по отношенію къ нимъ владѣть тѣми же орудіями и путями воздѣйствія, которыя оно имѣетъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ своимъ органамъ“.

„Напрасно думаютъ, что судья будетъ поставленъ въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ правительства, дѣйствуя подъ его давленіемъ; въ личной высотѣ характера человѣка, въ его отвѣтственности и въ гласности его дѣйствій—вотъ гдѣ лежитъ истинная независимость общественнаго дѣятеля“.

„Вообще то, что теперь во многихъ законодательствахъ принятъ принципъ несмѣняемости судей, слѣдуетъ приписать нѣкоторой забывчивости и недомыслію, потому что стоитъ только возбудить этотъ вопросъ и подвергнуть изслѣдованію этотъ принципъ, какъ немедленно же обнаружится, что онъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ни теоретической, ни практической“.

Мало того—для усиленія отвѣтственности судей Бержере

прямо высказывается въ пользу судьи единоличнаго, который, будучи всецѣло отвѣтственъ за свои дѣйствія, гораздо лучше относился бы къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ коллегіальный судъ, гдѣ отвѣтственность, дробясь и скользя между отдѣльными членами, сводится почти къ нулю, что̀ удобно лишь для людей увертливыхъ и равнодушныхъ къ своимъ обязанностямъ.

Народническая интеллигенція однако совершенно иначе смотритъ на гарантіи правосудія и видитъ главную изъ нихъ въ широкомъ примѣненіи института присяжныхъ засѣдателей.

„Въ основаніи этого послѣдняго лежитъ принципъ, что каждый долженъ быть судимъ равными. Между тѣмъ фактически это самое жалкое правосудіе, какое только можетъ существовать на свѣтѣ, исключая развѣ случая, когда высшаго судятъ низшіе“.

„Только тогда правосудіе представляетъ наибольшую гарантію“, говоритъ Бержере, „когда оно отправляется высшими по отношенію къ низшимъ. Если капитана будутъ судить генералы, онъ найдетъ въ своихъ судьяхъ и болѣе широкій взглядъ, и безпристрастіе, и даже нѣкоторое доброжелательство; если его будутъ судить капитаны, онъ, смотря по обстоятельствамъ, будетъ или пользоваться излишнею снисходительностью или чрезмѣрнымъ недоброжелательствомъ судей и понесетъ во всякомъ случаѣ несоотвѣтственную кару; но если капитана будутъ судить солдаты — онъ будетъ поставленъ въ такое положеніе, что объясненія и оправданія его не будутъ даже поняты судьями и, натолкнувшись на предвзятыя мнѣнія, онъ, конечно, принужденъ будетъ вынести самую грубую несправедливость“.

Въ гражданскомъ обществѣ іерархическія отношенія и подраздѣленія не такъ рѣзко замѣтны, но тѣмъ не менѣе существуютъ въ очень значительной степени такъ называемыя „положенія въ обществѣ“.

Отсюда иногда и происходитъ, что поступокъ какого-нибудь негодяя обсуждается очень хорошо и внимательно потому, что его судятъ люди, которые стоятъ высоко по своему развитію и могутъ относиться къ дѣлу вполнѣ осмысленно и спокойно. Буржуа имѣетъ уже меньше шансовъ на хорошій судъ, потому что онъ судимъ такими же людьми, какъ и онъ, которые естественно не могутъ оставаться безразличными къ условіямъ и обстоятельствамъ дѣла—и самъ судящій ежедневно находится въ точно такихъ же условіяхъ; въ рѣшеніе подмѣшивается личное чувство.

Кромѣ того, интересы, затронутые дѣломъ, гораздо значительнѣе, и поэтому судья не можетъ уже смотрѣть на нихъ съ такой же высоты, какъ на интересы бродяги, и поэтому не можетъ ихъ обсуждать съ такой же отчетливостью.

„Но если подсудимый—человѣкъ высшаго общества, онъ почти навѣрное будетъ судимъ и невѣрно и пристрастно судьями, которые стоятъ на много ниже его въ соціальномъ отношеніи. Не говоря уже о чувствѣ мелочной зависти и недоброжелательства, такой судья, призванный судить интересы ему чуждые, среди условій жизни общества, въ которое онъ не имѣетъ доступа, даже при лучшемъ желаніи, не можетъ рѣшать правильно и поэтому зачастую впадаетъ или въ узко-мѣщанскія соображенія или въ грубѣйшія и пристрастныя ошибки“.

„Мало того, въ одномъ и томъ же дѣлѣ заинтересованныя стороны могутъ быть очень неравными. Но и здѣсь примѣняется то же общее правило. Если судья стоитъ выше обѣихъ сторонъ, онъ ихъ судитъ безпристрастно; если ниже — онъ судитъ ихъ менѣе осмысленно но, все жъ таки приблизительно безпристрастно; наконецъ если онъ ровня обоимъ подсудимымъ—онъ легко можетъ склониться на ту или иную сторону. Особенное затрудненіе возникаетъ, если судья занимаетъ посредствующую ступень между обѣими сторонами или, будучи равнымъ одной изъ нихъ, является выше или ниже другой. Между человѣкомъ общества и рабочимъ судья склонился бы незамѣтно и естественно на сторону одного изъ нихъ, сообразно своимъ аристократическимъ или демократическимъ тенденціямъ; между буржуа съ одной стороны и человѣкомъ общества или рабочимъ съ другой—можно опасаться, что судья сильно склонился бы на сторону буржуа“.

„Поэтому, чтобы правосудіе было просвѣщенно, безпристрастно и умѣренно, необходимо, чтобы оно исходило отъ верховнаго правительства; чѣмъ судья поставленъ выше подсудимаго, тѣмъ болѣе послѣдній имѣетъ гарантій, что дѣло его будетъ разсмотрѣно правильно“.

„Институтъ присяжныхъ стремится, напротивъ, неизбѣжно къ постепенному пониженію уровня судей, и полное примѣненіе этого начала дастъ то, что каждый почти обвиненный будетъ судиться судьями ниже себя“.

„Говорятъ, что присяжные являются наилучшими судьями для опредѣленія умысловъ и намѣреній преступника, потому

что легко становятся на его мѣсто и судятъ подсудимаго столько же сердцемъ, сколько и разумомъ. Не говоря уже, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ присяжный засѣдатель можетъ себя поставить на мѣсто подсудимаго, самое начало сужденія на основаніи умысла въ существѣ своемъ неправильно. Дѣло суда не дѣло чувства и не по намѣреніямъ, а на основаніи факта дѣяній онъ долженъ судить людей".

„Вообще съ судебной частью произошло то же, что и съ налогомъ. Правительственная власть легко согласилась принять принципъ вотированія налога народомъ потому, что видѣла въ этомъ средство спокойнаго увеличенія бюджета, также точно приняла она безъ особыхъ сопротивленій институтъ присяжныхъ засѣдателей потому, что усмотрѣла въ этомъ способъ сложить съ себя отвѣтственность за приговоры. Но эта уступка, облегчивъ, повидимому, обязанности правительства, есть съ его стороны лишь частичное уклоненіе отъ своего долга. Ему, олицетворенію власти, надлежитъ творить судъ народу, а не давать народу право самому творить себѣ судъ и расправу, что̀ поведетъ впослѣдствіи къ ослабленію власти и невыгодѣ правосудія. Институтъ присяжныхъ засѣдателей является лишь первымъ шагомъ на пути уступокъ, но если дать ему такимъ образомъ развиваться далѣе, онъ неизбѣжно приведетъ къ тому, что будутъ все больше и больше устранять всѣ процессуальныя формальности и въ концѣ концовъ придутъ къ суду Линча, который, собственно говоря, является идеальнымъ типомъ непосредственнаго суда равныхъ".

Въ 4-ой главѣ авторъ говоритъ о централизаціи и мѣстномъ управленіи.

„Разъ обезпечены взиманіе налога, сильная армія и правосудіе — государство можетъ правильно и спокойно существовать, такъ какъ у него будутъ всѣ ему существенно необходимые органы, но кромѣ ихъ есть еще функціи государственной жизни, хотя и не столь важныя, но которыя неизбѣжно вездѣ проявляются".

„Въ каждомъ государствѣ есть свои спеціальныя группы, области, города и общины, которыя имѣютъ свои мѣстные интересы и потребности наряду съ интересами и потребностями общегосударственными. Но какъ бы частны и спеціальны ни казались на первый взглядъ эти интересы, правительство всегда должно удѣлять имъ должную долю вниманія. Правительственная власть должна постоянно опекать всю дѣятельность по

мѣстному управленію, потому что эта опека является гарантіей личности отъ посягательствъ на ея права со стороны мѣстныхъ группъ. Власть не можетъ допустить экпропріаціи безъ надлежащаго возмѣщенія имущества, находящагося въ данной области, установленія налога, тяжесть котораго всецѣло падала бы на одну группу плательщиковъ и т. п. Но это право правительственной опеки постоянно оспаривалось во имя начала децентрализаціи".

„Но что такое въ сущности централизація? Общины никогда не были самостоятельны, онѣ только мѣняли своихъ правителей, такъ что централизація есть ничто иное, какъ постепенное отдаленіе правителя отъ самой области".

„Такъ, прежнія общины во Франціи были подчинены сеньорамъ, отъ которыхъ онѣ зависѣли въ финансовомъ, военномъ, судебномъ и всякихъ иныхъ отношеніяхъ. Онѣ сочли себя освобожденными, когда изъ-подъ власти сеньоровъ перешли подъ власть короля Франціи, а между тѣмъ въ сущности онѣ платили королю тѣ же налоги, что и прежде сеньору, и также точно, какъ и прежде, несли воинскія и иныя повинности".

„Измѣнилось лишь внѣшнее проявленіе власти, которое стало менѣе грубымъ и непосредственнымъ, переходя, кромѣ того, все болѣе на почву законности съ пути частнаго произвола эпохи феодальныхъ отношеній".

„Такимъ образомъ централизація сдѣлала то, что общины получили бо̀льшую свободу, и это еще разъ подтверждаетъ справедливость нашей основной мысли, что народъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ сильнѣе правительственная власть".

Указавъ затѣмъ на то, что источниками свободы общинъ были привилегіи, спеціально выдаваемыя каждой изъ нихъ, и что только теперь, благодаря уравнительнымъ идеямъ, принято за правило распространять привилегіи, данныя по ходатайству одной общины, на всѣ остальныя, причемъ въ результатѣ оказывается, что у большихъ общинъ слишкомъ мало правъ, а у малыхъ ихъ такъ много, что онѣ не знаютъ, что̀ съ ними дѣлать — авторъ переходитъ къ изслѣдованію, какія отрасли и предметы управленія надлежитъ вѣдать правительственной власти самой и какія она можетъ предоставлять мѣстному самоуправленію?

„Есть функціи, которыя безраздѣльно и исключительно принадлежатъ правительственной власти — взиманіе государственныхъ сборовъ, военное дѣло и правосудіе".

„Правительственная власть не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ ни малѣйшей части отправленій, касающихся этихъ вопросовъ, и не должна допускать здѣсь никакихъ воздѣйствій мѣстной власти".

„Но есть за то область другихъ предметовъ, которые, касаясь въ общемъ и государства, тѣмъ не менѣе гораздо ближе интересуютъ ту или иную мѣстность, каковы напр. устройство и содержаніе мѣстныхъ путей сообщенія, медицинская часть, средства къ поднятію сельской промышленности и торговли и т. п.

„Здѣсь вполнѣ естественно поручать вѣдать такія дѣла органамъ мѣстнаго управленія, оставляя лишь за правительствомъ права надзора и утвержденія".

„Поэтому правительственная власть должна при посредствѣ своихъ собственныхъ органовъ исполнять все то, что̀ непосредственно ея касается; относительно же другихъ отправленій государственнаго организма ей слѣдуетъ лишь имѣть своихъ уполномоченныхъ при органахъ мѣстнаго управленія, которые, сообщая центральному правительству о всѣхъ мѣропріятіяхъ послѣдняго, имѣли бы право въ исключительныхъ случаяхъ останавливать исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя, по ихъ мнѣнію, шли бы въ разрѣзъ съ интересами государства".

Говоря дальше о сторонникахъ децентрализаціи, Бержере справедливо указываетъ, что они добиваются не столько законодательной санкціи ихъ правъ въ опредѣленной ихъ вѣдѣнію области—чего имъ, собственно говоря, слѣдовало бы желать главнымъ образомъ—сколько все бо̀льшаго и бо̀льшаго расширенія этихъ правъ и полномочій и приближенія къ такому состоянію, чтобы данная область цѣликомъ управлялась сама. „Сообразно ихъ теоріи индивидуумъ, сохранивъ часть своихъ правъ, передаетъ остальныя общинѣ; община, сохранивъ значительную часть тѣхъ же правъ, остатокъ передаетъ группѣ слѣдующаго порядка,—кантону, области, и наконецъ государство, поставленное во главѣ этой, вывороченной на изнанку, іерархической лѣстницы, подбираетъ тѣ крохи правъ и полномочій, которыя остались на его долю".

„Вотъ идеалъ теоретиковъ децентрализаціи, и нельзя не замѣтить, что онъ является логическимъ и полнымъ отрицаніемъ національнаго единства".

„Не говоря уже о полной практической несообразности этой программы, которая лишила бы государство всякой силы и подвергла бы народъ, которому вздумалось бы продѣлать надъ

собой такую операцію, немедленной опасности захвата со стороны своихъ ближайшихъ сосѣдей, система децентрализаціи, которая въ концѣ концовъ неизбѣжно приводитъ къ федерализму, противорѣчитъ историческому ходу вещей, постепенному, въ теченіе вѣковъ происходившему, естественному сплачиванію государственнаго организма".

„Централизація не только необходима для преуспѣянія и благосостоянія народа, она является единственнымъ въ настоящее время обезпеченіемъ цѣлости страны и ея существованія".

Какъ здѣсь называется французъ...

Въ послѣдней, пятой главѣ этой части авторъ останавливается на вопросѣ о народномъ образованіи. Мысли его и въ этой области представляютъ несомнѣнный интересъ.

„Правительственная власть,—говоритъ онъ,—должна вообще приходить на помощь частнымъ лицамъ вездѣ, гдѣ они не могутъ сами себѣ доставить необходимаго. Съ этой точки зрѣнія опредѣляется и роль правительственной власти въ народномъ образованіи".

„Власть должна оказывать свое содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ областяхъ научной дѣятельности, которыя недоступны частной иниціативѣ вслѣдствіе матеріальныхъ причинъ: таковы дорого стоющія научныя изслѣдованія, экспедиціи съ ученой цѣлью и т. п."

„Кромѣ того есть еще родъ образованія, который существеннымъ образомъ долженъ интересовать правительство, — это воспитаніе, необходимое для государственной службы и дѣятельности. Правительственной власти нужны соотвѣтственно подготовленные органы, иначе она можетъ быть поставлена въ невозможность найти подходящихъ лицъ для замѣщенія общественныхъ должностей".

Кромѣ высшаго образованія, Бержере признаетъ, что правительство должно содержать заведенія, которыя подготовляли бы ему будущихъ исполнителей—лицеи, морскія, военныя и инженерныя училища; оно не можетъ отдать этого дѣла въ частныя руки потому, что даже если предположить, что будетъ государственный экзаменъ для воспитанниковъ частныхъ заведеній, правительство можетъ судить только о суммѣ ихъ знаній, а не объ общемъ направленіи ихъ развитія. Главное же въ воспитаніи не сумма усвоенныхъ наукъ, а общее направленіе и характеръ развитія.

Съ этой послѣдней цѣлью онъ вполнѣ отстаиваетъ право

правительства строго контролировать и средне-учебныя заведенія.

„Но въ данной области наиболѣе недоразумѣній возникаетъ изъ-за вопроса о народномъ т. е. низшемъ образованіи".

Народническая интеллигенція требуетъ, чтобы низшее образованіе было свободнымъ въ смыслѣ того, что каждый можетъ учить дѣтей, чему онъ хочетъ, чтобы обученіе было безплатнымъ, обязательнымъ и свѣтскимъ. Бержере не соглашается ни съ однимъ изъ этихъ положеній.

„Правительство не только можетъ, но даже обязано запрещать преподаваніе всего, что могло бы впослѣдствіи дать поводъ къ нарушенію общественнаго порядка, нравственности и спокойствія. О полной свободѣ преподаванія не можетъ быть и рѣчи".

Затѣмъ, что касается безплатности его, то Бержере недоумѣваетъ, почему отстаиваютъ, что не должно платить за образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно платить за пищу, одежду и жилище. Ужь если обезпечивать даровое пользованіе чѣмъ-либо, такъ это тѣмъ, что прямо необходимо для существованія, — въ этомъ числѣ образованіе стоитъ, конечно, на послѣднемъ планѣ.

Оно можетъ увеличить средства къ жизни тому, у кого есть хоть какія-нибудь; нищему же оно не принесетъ никакой пользы. „Пришлось бы сдѣлать сначала такъ, чтобы не было неимущихъ — замѣчаетъ Бержере — а затѣмъ уже говорить о томъ, чтобы давать имъ образованіе".

Образованіе должно быть и всегда и бываетъ даровымъ для лицъ, особенно выдающихся по своимъ способностямъ, но всякій разъ это должно считаться особою милостью, которую правительство оказываетъ данному лицу въ виду особыхъ обстоятельствъ, но никогда не можетъ сдѣлаться правомъ.

Да и что такое даровое образованіе?

„Въ сущности, говоритъ Бержере, это собираніе средствъ на низшее образованіе въ большинствѣ съ такихъ лицъ, которыя никогда въ немъ не будутъ нуждаться".

„Кромѣ того, такое широкое распространеніе образованія (и еще какого?) не въ интересахъ государства. Для государственной жизни важно, чтобы были ученые,—знающіе техники и военные, но нѣтъ ни малѣйшаго интереса общегосударственнаго, будутъ ли всѣ его подданные грамотны или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что грамотность вовсе не ручательство за качества человѣка. Отъ грамотно-

сти люди не станутъ ни бо́льшими патріотами, не будутъ больше уважать законъ, не будутъ болѣе трудолюбивыми; словомъ, не пріобрѣтутъ ни одного изъ качествъ, могущихъ способствовать національному преуспѣянію; если же они найдутъ въ этомъ личную для себя выгоду или удовольствіе, то вполнѣ естественно, чтобы за это, какъ и за всякое другое удовольствіе или выгоду, они платили изъ своего кармана".

Съ этой же точки зрѣнія осуждаетъ авторъ и обязательность образованія. Говорятъ, что оно вводится для блага народа. „Но вѣдь столь же успѣшно можно было бы доказывать необходимость обязательно заставить всѣхъ жениться и имѣть дѣтей, обязательно играть на какомъ-нибудь инструментѣ или ежедневно ходить столько-то верстъ потому, что все это несомнѣнно полезно или пріятно".

„Въ дѣйствительности, замѣчаетъ Бержере, подъ всѣми этими предлогами свободы, безплатности и обязательности образованія—поборники ихъ добиваются совсѣмъ иной цѣли; они хотятъ достичь извѣстной умственной нивелировки, проведенія въ сферѣ интеллектуальнаго развитія идеи равенства, которую они также стремятся провести въ области соціальной, административной и политической".

Переходя наконецъ къ вопросу объ исключеніи вліянія духовенства изъ программы низшаго образованія, онъ находитъ это совершенно нелогичнымъ и вполнѣ неосуществимымъ.

„Нелогично это потому, что требуетъ, чтобы образованіе не навязывало тѣхъ или иныхъ предвзятыхъ идей воспитаннику, не давало бы юному уму заранѣе направленія".

„Но это значило бы отрицать *воспитаніе вообще*. Всякое связное изложеніе чего-либо есть уже своего рода давленіе на умъ. Между тѣмъ устранить всякое связное изложеніе и ограничиться однимъ только усвоеніемъ отрывочныхъ и безсмысленныхъ фактовъ значило бы совсѣмъ не воспитывать, а напротивъ идіотизировать ребенка".

„Разъ уже если признать, что воспитаніе должно имѣть и имѣетъ вліяніе на направленіе ума и характера, смѣшно требовать отъ правительства, чтобы оно выпустило изъ своихъ рукъ самую высшую и благородную изъ своихъ обязанностей—формировать подростающія поколѣнія на благо государству, а не исключительно личности".

„Ничѣмъ нельзя въ такой степени вліять нравственно, какъ ученіемъ религіи, и поэтому каждое правительство, отказавшись

отъ религіознаго характера низшаго образованія, само прерываетъ ту нить, которая могла бы соединить его умъ и духъ съ умомъ и духомъ народной массы".

Въ слѣдующей части авторъ говоритъ о политическомъ устройствѣ, о власти исполнительной и законодательной, о парламентаризмѣ, и наконецъ, о революціонныхъ движеніяхъ.

VI.

Вся эта часть носитъ прямо критическій характеръ. Всѣ начала, которыя критикуетъ авторъ, впервые проявились во Франціи и тамъ же нашли себѣ наиболѣе полное примѣненіе. Поэтому доказывая ихъ несостоятельность и непригодность, Бержере прежде всего имѣетъ въ виду государственныя установленія собственнаго своего отечества.

Прежде всего онъ указываетъ на ту стихійную борьбу, которая вѣчно происходитъ во Франціи между властью исполнительной и законодательной. Правительственная власть должна полностью имѣть въ своихъ рукахъ власть исполнительную, кромѣ того въ области законодательной ей должно принадлежать право иниціативы, право обсужденія и наконецъ право veto.

„Власть же законодательная въ смыслѣ разработки и изданія закона принадлежитъ избраннымъ представителямъ народа; но и такое раздѣленіе областей дѣятельности не нравится улицѣ; она стремится цѣликомъ захватить всю власть законодательную и еще наблюдать за исполненіемъ законовъ, и вотъ здѣсь-то завязывается борьба между двумя элементами государственной жизни. Ареной этой борьбы является парламентъ".

Прежде чѣмъ перейти къ обсужденію системы парламентаризма, авторъ касается выборнаго начала и разбираетъ, насколько составъ избранной камеры является дѣйствительнымъ представительствомъ страны.

„Изслѣдуя всѣ системы выборовъ, вездѣ приходишь къ заключенію, что никогда избранный не является истиннымъ представителемъ избирающаго, даже если избирающій и подавалъ за него голосъ. *Жизнь* ставитъ непреодолимыя препятствія правильному примѣненію *теоріи* выборовъ. Число кандидатовъ всегда неизбѣжно ограничено, такъ что зачастую приходится

подавать голосъ за того изъ кандидатовъ, чье имя сумѣли прокричать, потому что всѣ они въ одинаковой степени неизвѣстны и не могутъ быть извѣстны массѣ выборщиковъ. Затѣмъ, разъ кандидатъ избранъ, выборщикъ теряетъ надъ нимъ всякій контроль, и зачастую депутатъ вспоминаетъ о томъ, что онъ наобѣщалъ на мѣстѣ лишь тогда, когда приближается срокъ новыхъ баллотировокъ".

„Это еще если взять выборщиковъ, оказавшихся въ большинствѣ; но каково меньшинству, не желавшему этого кандидата, выносить это прямо нежелательное имъ представительство собственныхъ ихъ интересовъ?".

Это приводитъ автора къ вопросу о большинствѣ. Онъ не находитъ словъ, чтобы выразить презрѣніе къ этому нелѣпому, по его выраженію, началу *большинства*, положенному въ основаніе всѣхъ государственныхъ установленій новѣйшаго времени.

„Трудно понять, какимъ образомъ родилась эта идея большинства? Отчего мнѣніе шести человѣкъ должно непремѣнно быть правильнѣе мнѣнія пяти?—Не потому же, что большинство является болѣе умнымъ или просвѣщеннымъ, болѣе понимающимъ общее дѣло? Никогда! Мы видѣли не разъ, какъ одинъ человѣкъ боролся противъ предразсудковъ или воззрѣній цѣлой эпохи и оказывался правъ. Не оттого же, что большинство является силой, передъ которой нужно преклоняться; хорошо устроенная стотысячная армія разгромитъ милліонныя сборища народа. Такъ отчего же наконецъ?—*Оттого, что это большинство*, отвѣтятъ вамъ защитники этого начала и больше не могутъ привести ничего".

„Нѣтъ! выходящее изъ обыкновеннаго уровня и истинно справедливое мнѣніе всегда въ меньшинствѣ. Да оно и не можетъ быть иначе. Новыя и высшія воззрѣнія не могутъ быть достояніемъ массы; они первоначально зарождаются въ исключительно выдающихся умахъ и затѣмъ уже получаютъ повсемѣстное распространеніе".

„Совокупность такимъ образомъ избранныхъ лицъ, въ видѣ одной или двухъ палатъ, противупоставляютъ правительственной власти. Но тутъ происходитъ чрезвычайно любопытное явленіе: между правительственной властью и народомъ втирается третій элементъ, который, при полной невозможности быть органомъ народной воли, начинаетъ жить самостоятельной жизнью, своими собственными интригами и интересами — именно палата".

„Толпа—смотря по тому, въ движеніи она или на мѣстѣ, въ закрытомъ помѣщеніи или на чистомъ воздухѣ, стѣсненная внѣшними препятствіями или свободно сгруппировавшаяся около какого-нибудь центра,—подчиняется тѣмъ же непреложнымъ законамъ, какъ и всѣ живущія существа. Толпа тѣмъ впечатлительнѣе, чѣмъ она тѣснѣе сплочена, какъ какая-нибудь часть тѣла болѣе чувствительна, когда воспалена; чтобы охладить толпу, стоитъ только ее разсѣять и сдѣлать выходъ изъ нея свободнымъ—въ каждой толпѣ есть инертная масса и элементъ иниціативы, но эта инертная масса чрезвычайно способствуетъ все болѣе и болѣе сильному наэлектризованію элемента энергіи и иниціативы".

„Когда собравшіеся вмѣстѣ люди сидятъ, это уже не толпа, а собраніе—организмъ высшаго порядка, но и у него есть своя психологія и патологія. Самые волнующіе ораторы тѣ, которые умѣютъ улавливать эти различія и пользоваться настроеніями толпы; съ толпой, тѣсно сидящей, надо говорить иначе, чѣмъ съ собраніемъ, сидящимъ просторно; съ однимъ и тѣмъ же собраніемъ надо иначе говорить при началѣ засѣданія, чѣмъ при концѣ, днемъ иначе, чѣмъ вечеромъ и т. д. Всѣ эти оттѣнки отлично знаютъ лучшіе парламентскіе актеры".

„Вліяніе среды до такой степени сильно, что отъ него никакъ нельзя отдѣлаться, какъ бы кто этого ни желалъ. Не проходитъ двухъ-трехъ засѣданій, какъ уже отдѣльные депутаты теряютъ свой мѣстный характеръ и по мѣрѣ того, какъ засѣданія тянутся, они обезличиваются и все менѣе и менѣе являются представителями интересовъ и нуждъ своихъ выборщиковъ, впадая въ общую колею".

„Одинъ уже фактъ общенія съ такой массой людей измѣняетъ настроеніе и воззрѣнія человѣка. Сто человѣкъ—если предположить, что они на чемъ-нибудь согласились—иначе начнутъ думать объ томъ же вопросѣ, чѣмъ каждый изъ нихъ порознь".

„Кромѣ того, съ первой же подачи голосовъ собраніе распадается на двѣ стороны: большинство и меньшинство, и съ этого момента эти двѣ стороны невольно начинаютъ враждебно относиться другъ къ другу".

„Каждый членъ палаты перестаетъ принадлежать своей провинціи и самому себѣ; онъ уже лишается свободы вотировать по каждому вопросу сообразно собственному желанію; если же онъ это сдѣлаетъ, то становится однимъ изъ единичныхъ де-

путатовъ, остающихся при отдѣльномъ мнѣніи и служащихъ мишенью для остротъ и каламбуровъ товарищей. Поэтому, чтобы не ронять достоинства избравшаго его округа, ему слѣдуетъ вотировать съ большинствомъ или меньшинствомъ, т. е. зачастую рѣшительно противъ своего убѣжденія и даже противъ интересовъ своихъ выборщиковъ".

„Вслѣдствіе такихъ своихъ свойствъ парламентъ пріобрѣтаетъ обособленное положеніе и свою отдѣльную жизнь".

„Такое вторженіе третьяго элемента можетъ только осложнить и задержать ходъ правительственной машины, а не помочь ей. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ установился такой порядокъ вещей, мы исключительно видимъ революціи и государственные перевороты".

„Иногда правительство и палата соединяются противъ народа и насильственно навязываютъ ему ту или иную форму закона; иногда палата и народъ, соединившись, ниспровергаютъ правительство; случается, что правительство и народъ соединяются противъ палаты и давленіемъ плебисцита уничтожаютъ и распускаютъ ее".

Относительно революцій Бержере говоритъ, что движенія ихъ нельзя задержать и остановить. Это своего рода геологическія движенія, которыя не прекратятся, пока они не завершатъ полностью своего отправленія. Это бродящія, ищущія исхода излишнія силы, и ихъ нельзя уничтожить — они сами собой непремѣнно изсякаютъ.

„Послѣ каждаго переворота правительственная власть становится слабѣе и должна принимать мѣры къ своему укрѣпленію".

„Съ другой стороны, однако, если вспомнить исторію самыхъ бурныхъ революцій, нельзя не подивиться, какъ малы и ничтожны измѣненія, которыя онѣ внесли во взаимныя отношенія отдѣльныхъ слоевъ общества. Политика подвержена быстрымъ перемѣнамъ, но общественной организаціи эти перемѣны не касаются, и если иногда революція и внесла когда-нибудь временное видоизмѣненіе въ соціальныхъ отношеніяхъ, она все-таки никогда не коснулась коренныхъ основъ общественнаго склада".

„До 1789 года во Франціи было три сословія: духовенство, дворянство и буржуазія. Тѣ же три сословія во Франціи и теперь, они измѣнили лишь свой составъ, но не измѣнили

своихъ отличительныхъ признаковъ. Чиновничество стало теперь тѣмъ, чѣмъ было прежде католическое духовенство—замкнутымъ и дисциплинированнымъ классомъ людей, слѣпо повинующихся велѣніямъ власти".

„Вмѣсто потомственнаго дворянства—явились крупные собственники, что, конечно, послужило лишь къ пониженію общественнаго уровня. Буржуазію замѣняютъ коммерсанты и ремесленники. И, наконецъ, внизу, по-прежнему, рабочій классъ, зависимый и трудящійся, какъ и во всѣ времена до революцій. Это чистая фикція. Никогда никому не удастся измѣнить существенныя основы общественной жизни, какъ и организмъ отдѣльнаго человѣка. Очень медленно, соединенными усиліями, удается человѣчеству внести кое-какія измѣненія въ теченіе своей жизни, и измѣненія эти неизбѣжно придутъ, будетъ ли миръ или война, революція или спокойствіе, будутъ ли этому помогать или противиться. Поэтому не съ соціальной, а съ политической точки зрѣнія государству желательно предотвратить революціонныя движенія. Съ этой только цѣлью и обсуждаются съ незапамятныхъ временъ различныя формы правленія".

VII.

Исходя все изъ той же своей исключительной идеи — розни между правительственной властью и толпою, Бержере, при изложеніи и изслѣдованіи различныхъ формъ правленія, строитъ ихъ въ рядъ сообразно тому, какой изъ этихъ двухъ элементовъ является господствующимъ. Въ началѣ ряда онъ ставитъ абсолютную монархію, въ концѣ—абсолютную демократію. Между этими двумя крайностями, онъ помѣщаетъ конституціонную монархію, представительную республику и конституціонную республику.

„Абсолютная монархія—форма правленія, которая можетъ быть наиболѣе продолжительной; движеніе ея впередъ медленно, но за то очень вѣрно; она пользуется всѣми средствами страны. Она во внѣшней политикѣ можетъ заключать союзы, придерживаться твердо какого-нибудь разъ принятаго направленія и даже при военныхъ неудачахъ способна оказывать внѣшнему врагу долгое и упорное сопротивленіе; для монархіи не существуетъ непоправимыхъ бѣдствій — поэтому тѣ, кто ищетъ твердой власти, — видятъ свой идеалъ въ монархіи".

Затѣмъ, широкими штрихами набросавъ отличительныя черты другихъ формъ правленія, онъ отмѣчаетъ, какъ постепенно правительственная власть, съ каждой послѣдующей ступенью государственной организаціи, постепенно уступаетъ по частямъ свои прерогативы народу.

„Въ абсолютной монархіи если случится столкновеніе между правительствомъ и толпою, оно разрѣшается подчиненіемъ толпы верховной власти".

„Толпа, распустившись, начинаетъ тяготиться этой зависимостью и на первый разъ удовлетвореніе находитъ въ ограниченіи личныхъ правъ монарха конституціей. Представительная республика дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ направленіи, устранивъ наслѣдственность верховной власти, но она все-таки не посягаетъ на самую власть и поэтому, пока она существуетъ, толпа наталкивается на довольно твердое сопротивленіе; власть нѣсколько ослабла, она съ меньшими силами борется противъ притязаній массъ; но борьба еще существуетъ".

Наконецъ въ конституціонной демократіи снова прекращается борьба, но съ иными результатами: правительственная власть здѣсь оказывается подчиненной толпѣ—власть исполнительная цѣликомъ подчиняется палатѣ, а палата—толпѣ.

Однако и здѣсь мы не имѣемъ еще полной демократіи, потому что воля народа находится въ границахъ конституціонныхъ формальностей. Но толпа не можетъ на этомъ остановиться. Въ конституціонной демократіи она издаетъ законы не непосредственно, а черезъ избранныхъ лицъ; между тѣмъ стремится имѣть прямое воздѣйствіе на ходъ государственной жизни, и вотъ дѣлается еще шагъ, и переходятъ къ абсолютной демократіи, сущность которой та, что толпа по каждому вопросу прямо излагаетъ свою волю и, такимъ образомъ, достигаетъ того, что управляется сама. При этомъ масса людей спокойныхъ и трудящихся устраняется добровольно отъ этого и должна выносить дѣйствія лицъ, выдвигающихся по безпокойству характера или честолюбію.

„Но каковы же послѣдствія такого порядка вещей? Не говоря уже, что такіе частые плебисциты представляютъ почти непреодолимыя практическія затрудненія, мѣшаютъ ходу народной жизни и народнаго труда, абсолютная демократія имѣетъ неудержимое стремленіе къ федерализму. Она разбиваетъ страну сначала на крупныя, затѣмъ все на болѣе и болѣе мелкія части, по мѣрѣ того, какъ продолжается такая

форма управленія. Каждая мѣстность, каждая община начинаетъ жить своей самостоятельной жизнью, постепенно утрачивая чувство единенія съ остальными частями государства. Власть военная исчезаетъ почти совершенно. Каждая община слишкомъ зарывается въ свою самостоятельность, чтобы поручить какой-нибудь внѣшней власти завѣдываніе ея вооруженными силами, и поэтому хотя бытъ отдѣльныхъ общинъ и можетъ временно улучшиться, но за то государство неизбѣжно должно распасться или подпасть подъ власть другаго, болѣе сильнаго".

„Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, исторія постепеннаго усиленія давленія болѣе безпокойной массы надъ центральной правительственной властью есть въ то же время исторія распаденія государства".

VIII.

Въ послѣдней, заключительной части своего труда Бержере говоритъ о верховной власти.

Сторонники правительственной власти утверждаютъ, что власть тогда клонится къ наибольшему соціальному благу, когда она находится въ рукахъ лучшихъ, т. е. наиболѣе образованныхъ, наиболѣе сильныхъ и богатыхъ, потому что въ ихъ прямыхъ интересахъ охраненіе неприкосновенности соціальнаго организма, въ которомъ они сами занимаютъ первыя мѣста.

„Наиболѣе заинтересованными въ странѣ являются старшіе въ семьѣ, высшее сословіе въ государствѣ и высшіе чины церкви".

„Въ ихъ рукахъ должна находиться верховная власть, потому что они сильнѣе другихъ заинтересованы и по своему развитію способнѣе другихъ направить страну ко всеобщему благу".

„Самые ученые мужи на яхтѣ ввѣряютъ свою судьбу неучу-матросу, который однако лучше ихъ знаетъ мели, теченія и пороги. Достиженіе возможной суммы всеобщаго блага есть такая же спеціальность и способность, какъ и всякая иная отрасль труда, поэтому одинаково смѣшно — ждать отъ ремесленника умѣнія рѣшать государственные вопросы, какъ поручить филологу постройку дома или исправленіе часоваго механизма".

„Чтобы управлять страной, правитель обращается къ помощи высшаго сословія т. е. аристократіи, которую онъ избираетъ, пользуясь тремя методами правительственной власти: іерархіей, привилегіями и естественнымъ подборомъ".

„Аристократія бываетъ такимъ образомъ трехъ родовъ—денежная—самая элементарная ея форма, затѣмъ—родовая или дворянство и аристократія таланта". Здѣсь Бержере замѣчаетъ, что ничто такъ не ненавистно толпѣ, какъ идея дворянства и даже между болѣе развитыми и просвѣщенными классами интеллигенціи общераспространенное мнѣніе, что привилегія рожденія—пустой звукъ. Между тѣмъ, она въ гораздо болѣе значительной мѣрѣ, чѣмъ что-либо, содержитъ въ себѣ возможностей *нравственнаго достоинства лица*. При равномъ трудѣ и способностяхъ тотъ, чей отецъ уже былъ чѣмъ-нибудь, пойдетъ дальше или въ большинствѣ не упадетъ такъ низко, какъ тотъ, который самъ долженъ составлять себѣ положеніе. Можетъ быть, это теоретически несправедливо, но вѣдь красота лица, сила мышцъ и сильный умъ также въ высшей степени несправедливы, тѣмъ не менѣе они являются неизбѣжными преимуществами въ жизни".

„Толпа всегда съ злорадствомъ старается указать на случаи паденія лицъ аристократіи, даже тогда, когда своимъ воздѣйствіемъ поставитъ ихъ въ невозможность существованія. Все-таки эти указанія ничего не доказываютъ, такъ какъ паденія лицъ изъ этой видной среды громче, замѣтнѣе и съ большимъ усердіемъ раздуваются, чѣмъ паденія массы лицъ никому неинтересныхъ".

Наконецъ третья аристократія—аристократія таланта—самая высокая аристократія, къ сожалѣнію, весьма ограниченная въ числѣ.

Послѣ этого Бержере намѣчаетъ программу аристократической партіи. „Она должна способствовать охраненію естественныхъ группировокъ въ государствѣ; развивать семейное начало, патріотизмъ и религіозное чувство; въ администрацію должна вносить свои, присущіе ей, методы и чувство чести и патріотизма;—при собираніи налога вводить систему болѣе или менѣе пропорціональной поголовной уплаты, чтобы изъ налога сдѣлать средство пополненія государственнаго казначейства, а не орудіе проведенія въ жизнь уравнительныхъ идей собственности; въ области военной должна стремиться отстранить отъ воинскаго дѣла тѣхъ, кто можетъ принести большую пользу

въ иной области и возможно большимъ увеличеніемъ срока службы должна стремиться создать сильную постоянную армію; въ области судебной она должна творить судъ отъ имени верховнаго правителя черезъ посредство спеціальныхъ судей и отъ власти зависимыхъ, должна стремиться къ административной централизаціи и къ подчиненію мѣстныхъ органовъ управленія центральной власти, наконецъ, въ области образованія преимущественно должна благопріятствовать высшему и техническому образованію, особенно въ своей средѣ, передъ низшимъ и всеобщимъ".

„Идеаломъ аристократической партіи является естественно неограниченная монархія. Иную программу рисуютъ приверженцы демократіи".

„Толпа не можетъ никогда понять, какъ это въ собственномъ ея интересѣ хотятъ ее исключить изъ вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, такъ какъ никто не можетъ и не хочетъ въ большинствѣ признать своей некомпетентности въ обсужденіи этихъ дѣлъ".

„Толпа говоритъ, что аристократіи нѣтъ, ибо всѣ родятся равными; если есть лучшіе, то не сами они должны почитать себя таковыми, а должны быть признаны лучшими опять-таки всеобщимъ признаніемъ, т. е. большинствомъ".

„Толпа полагаетъ, что лучше всѣхъ знаетъ, что̀ ей нужно, и чѣмъ больше голосовъ раздается за то или иное требованіе, тѣмъ будто-бы оно справедливѣе и основательнѣе. Поэтому все искусство управленія сводится, по ея мнѣнію, къ опредѣленію воли большинства".

„Придерживаясь фальшивыхъ методовъ свободы, равенства и братства, толпа всюду стремится къ той же цѣли — благу большинства въ ущербъ меньшинству, т. е. благу массы худшихъ въ ущербъ немногимъ лучшимъ—она старается исправить природныя неравенства, *подавляя все выходящее изъ ряду* обыкновенной пошлости и подымая низшихъ до уровня посредственности, наконецъ, толпа готова жертвовать всякой организаціей въ пользу индивидуальнаго интереса".

„Такъ въ семьѣ добиваются освобожденія дѣтей отъ зависимости отца; въ области собственности—стремятся отнять все у болѣе имущаго для менѣе имущаго; въ религіи возстаютъ противъ догматовъ вѣры, всецѣло отстаивая принципъ свободы совѣсти".

„Въ области административной толпа вноситъ тѣ же начала;

въ налогѣ видятъ орудіе имущественной нивелировки и только; войско только между прочимъ должно охранять страну — главнымъ образомъ это институтъ для общественнаго распространенія и укорененія идей всеобщаго равенства; судъ, произносимый толпой, является лишь каждый разъ оцѣнкой личности обвиненнаго; законъ устраняется, и на мѣсто его водворяется колеблющійся произволъ присяжныхъ изъ толпы и съ улицы".

„Въ области мѣстнаго управленія доходятъ до самыхъ крайнихъ выводовъ, отстаивая самостоятельность и полную независимость каждой отдѣльной кучки; наконецъ, въ области образованія, не интересуясь нисколько развитіемъ выдающихся умовъ, стремятся распространить популярные отрывки полузнанія, сбивая съ толку простыхъ людей".

„Политическій идеалъ толпы — абсолютная демократія, но такъ какъ она ведетъ къ уничтоженію коренныхъ основъ соціальнаго устройства, то поборники этихъ идей прямо включаютъ въ программу своихъ дѣйствій коренное измѣненіе существующаго строя, утверждая, что новыя основанія соціальной группировки будутъ болѣе благопріятствовать интересамъ большинства и индивидуальному развитію личности".

„Можно у насъ, во Франціи, предпочитать правительственную власть или толпу, идти къ той или другой, смотря по своимъ личнымъ наклонностямъ. Но тщетно было бы выставлять въ видѣ общаго правила, что тотъ или иной принципъ лучше другаго; это ни къ чему не послужитъ, и эти два теченія всегда будутъ существовать".

„Да, есть вещи разныя и разныя теченія, но всѣ въ одинаковой мѣрѣ необходимыя для цѣли, которая положена въ ихъ основаніе. Сердце необходимо для кровообращенія, легкія для дыханія; человѣкъ не можетъ существовать безъ того или другаго, и праздно было бы доказывать, что сердце нужнѣе легкихъ или наоборотъ. То же самое и въ природѣ; ничто не можетъ быть произвольно устранено, потому что всѣ части способствуютъ достиженію тѣхъ или иныхъ цѣлей".

„Также точно въ обществѣ нельзя устранить ни числа, ни силы—эти два элемента въ одинаковой мѣрѣ необходимы для созданія общественныхъ группъ".

„Среди всѣхъ общественныхъ перемѣнъ человѣчество неуклонно продолжаетъ идти своимъ естественнымъ ходомъ; если прослѣдить событія, происходящія и происходившія во

всей вселенной и во всѣ времена исторіи, мы видимъ много политическихъ переворотовъ, но не видимъ, чтобы произошло какое-нибудь измѣненіе въ человѣческой природѣ. Измѣняются формы общеній, но неизмѣнна индивидуальная природа человѣка, и вездѣ, во всѣ времена исторіи, мы находимъ въ ней тѣ же элементы, въ тѣхъ же сочетаніяхъ".

„Отсюда,—философствуетъ авторъ, желающій остаться на высотѣ безпристрастія—невольно рождается мысль: всѣ эти вопросы, соціальные, административные и политическіе, о которыхъ такъ горячо спорятъ и за которые было пролито столько крови, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ политическія общенія,—не являются ли они лишь неизбѣжными проявленіями соединенной дѣятельности людей?"

Такъ заканчиваетъ Бержере свою книгу. Но гдѣ же выводы—рождается невольно вопросъ? Выводовъ нѣтъ и не можетъ быть, благодаря принятой авторомъ механической точкѣ зрѣнія. На читателя производитъ довольно безотрадное впечатлѣніе его разсужденія. Изучить вопросъ такъ основательно, обладать силой логики и анализа и не найти въ изслѣдуемой области знанія ничего кромѣ сухаго и формальнаго признанія существующихъ фактовъ, ничего, что̀ могло бы выдержать натискъ его же собственнаго критическаго анализа—такой результатъ обширнаго и обстоятельнаго труда довольно страненъ.

Есть книги, которыя можно считать своего рода знаменіями времени, которыя могли появиться только при данныхъ условіяхъ. Къ такимъ произведеніямъ можно причислить и книгу Бержере. Извѣрившійся во все, сынъ болѣзненнаго общества, онъ только и могъ создать твореніе полное такихъ неотрадныхъ выводовъ. Если же вспомнить, что за нимъ стоитъ еще цѣлая группа такихъ же писателей, то это только служитъ подтвержденіемъ такой мысли. Они умомъ поняли и хотѣли бы вѣрить, но не могутъ. Они осуждаютъ все, и у нихъ достаетъ силъ выразить лишь одно: пожеланіе твердой власти. Разъ однако это стремленіе автора высказалось, помимо его воли создаются выводы изъ его труда.

Въ началѣ статьи мы назвали большой успѣхъ этой книги у насъ не вполнѣ заслуженнымъ. Не говоря уже о формальномъ и сухомъ трактованіи вопроса, авторъ въ сущности ничего не говоритъ особенно новаго. Вопросы о воинской повинности, о судѣ, о народномъ образованіи, самоуправленіи и о

выборномъ началѣ несомнѣнно лучше, полнѣе и блестящѣе были обсуждены нашими выдающимися писателями, какъ Н. Данилевскій, Катковъ, Аксаковъ, и другіе публицисты, на столько извѣстные, что нечего указывать подробнѣе ихъ труды, и недостаточнымъ знакомствомъ съ ними можно объяснить новость для многихъ у насъ книги Бержере. Значительный интересъ этого сочиненія заключается въ томъ, что авторъ его французъ и что появилось оно какъ разъ въ моментъ раздуваемаго и шумнаго празднованія во Франціи столѣтія провозглашенія идей первой французской революціи.

Фактъ столь сильнаго движенія и поворота въ мышленіи французской молодежи, выразившагося въ критическомъ отношеніи къ существующимъ на западѣ началамъ, не можетъ не остановить на себѣ вниманія.

А П—ВЪ.

* * *

На прибрежье росистое
Смотрятъ звѣзды лучистыя;
Кипарисы спокойные
Дышатъ нѣгою знойною;

Изъ фонтана отрадная,
Бьется струйка прохладная
И Яйлы очертанія
Спятъ, полны обаянія.

Дремлетъ лѣсъ невидимкою
Подъ туманною дымкою,
Напоенъ ароматами.
Замирая надъ скатами,

Тихо таютъ усталыя
Облачка запоздалыя,
И луной озаренное,
Плещетъ море безсонное....

Ялта. Л. БѢЛЬСКІЙ.

ВЪ ДАЛЕКОЙ ГЛУШИ.

Разсказъ.

I.

Какъ-то въ августѣ мѣсяцѣ я долженъ былъ представить къ пріемному экзамену въ гимназію сибирскаго губернскаго города К. своего ученика—Ваню Мѣшкова, сына енисейскаго золотопромышленника Петра Ивановича Мѣшкова.

Въ назначенный для экзаменовъ день явились мы съ нимъ въ гимназію и застали уже тамъ давно извѣстную мнѣ процедуру, къ которой пріучила меня моя профессія; но въ стѣнахъ сибирской гимназіи я былъ въ первый разъ, а потому, разумѣется, и смотрѣлъ на все съ большою наблюдательностью.

Маленькіе сибиряки, въ сопровожденіи своихъ родныхъ, съ самыми ризнохарактерными физіономіями и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, поднимались и спускались по широкой лѣстницѣ гимназіи. Въ большой классной комнатѣ громко раздавались вопросы и замѣчанія учителей и пискливые, робкіе отвѣты дѣтей. Дрожащія отъ страха ученки старательно выводили разныя каракули на черныхъ доскахъ, расположенныхъ полукругомъ около экзаменаторскаго стола. Директоръ,—длинный, старый нѣмецъ, съ очками на самомъ концѣ носа,—объяснялъ у окна почтительно стоявшему около него священнику о пользѣ и значеніи для нашего времени классическаго образованія. Священникъ не спускалъ глазъ съ директора и утвердительно въ тактъ его рѣчи наклонялъ голову. Директоръ все болѣе и болѣе приходилъ въ экстазъ, разсказывая, какое богатое наслѣдство оставили намъ греки. И священникъ все энергичнѣе дѣлалъ жесты головою, руками и даже желтымъ шелковымъ платкомъ, которымъ онъ принялся, наконецъ, отирать потъ, выступившій у него на лицѣ.

Объясненія директора прерваны были вновь вошедшею да-

мою, которая подвела къ нему худосочнаго, тщедушнаго мальчика съ мутными глазами. Директоръ торопливо раскланялся съ дамою и привѣтствовалъ ее французскою фразою съ нѣмецкимъ акцентомъ. Дама была жена крупнаго мѣстнаго чиновника.

Священникъ еще разъ вытеръ платкомъ свое здоровое румяное лицо, окаймленное русою, окладистою бородою, поправилъ густые напомаженные волосы и вдохнулъ широкою грудью столько воздуха, сколько вдыхаетъ человѣкъ, освободившійся отъ тяжелой ноши. Онъ осмотрѣлся кругомъ, замѣтилъ въ той сторонѣ комнаты, гдѣ я сидѣлъ, свободные стулья и сѣлъ рядомъ со мною. Это былъ плотный, широкоплечій средняго роста мужчина лѣтъ тридцати пяти, очень подвижной, опрятно и даже почти щеголевато одѣтый.

— Вы тоже желаете сынка пристроить въ гимназію? тотчасъ же онъ спросилъ меня.

— Нѣтъ, своего ученика, сына золотопромышленника Мѣшкова. Не знаете ли? У него пріиски въ южной енисейской тайгѣ.

— Какъ не знать Петра Ивановича. Да и я ему извѣстенъ. Котораго же сынка его изволили вы обучать? По моему разсчету, должно быть, самаго меньшаго — Ванюшу.

— Да, его.

— Вотъ такимъ еще маленькимъ видѣлъ его.

— Гдѣ же онъ! покажите. Да, позвольте, не онъ ли дѣлаетъ задачу на доскѣ?

— Онъ, онъ.

— Такъ рядомъ съ нимъ и мой сынъ экзаменуется. Я, государь мой, сынка своего тоже классикомъ до поры до времени хочу сдѣлать. А Петра Ивановича, какъ же, знаю, и въ домѣ бывалъ у него много разъ. Видите ли, государь мой, лѣтъ пять тому назадъ задумалъ я съ прихожанами села, гдѣ состою священникомъ, устроить школу въ болѣе широкихъ размѣрахъ, а чтобы не отягощать мужиковъ, взялся собрать у золотопромышленниковъ по подпискѣ деньжонокъ на это дѣло. Вотъ по этому самому дѣлу и познакомился я съ Петромъ Ивановичемъ въ Енисейскѣ. Человѣкъ онъ—расположенный ко всякому добру: не только самъ удѣлилъ намъ отъ своихъ избытковъ, но и другихъ уговорилъ подписаться. Оказалось однако жъ, что задумали мы слишкомъ много: двухъ классовъ въ училищѣ открыть не разрѣшили. Говорятъ, отступленій отъ

общихъ порядковъ для васъ дѣлать не будемъ. Впрочемъ, мы такъ повели дѣло, что этотъ отказъ не повредилъ намъ. Да-съ, не повредилъ. Я подыскалъ хорошаго учителя, которому мы, разумѣется, положили особое жалованье помимо казеннаго. Вы сами знаете, хорошаго учителя найти въ Сибири дѣло не легкое. Хорошій человѣкъ не пойдетъ учителемъ въ сельскую школу, когда онъ гораздо больше казеннаго жалованья заработаетъ въ должности писаря или приказчика. И я вамъ доложу, государь мой, какъ толково повелъ онъ дѣло: ребятишки наши такъ и лѣзутъ въ школу. Вы сами учитель и лучше меня знаете, что вся суть въ школьномъ дѣлѣ — пріохотить мальчика къ ученью... А давно ли изволите находиться въ домѣ Петра Ивановича?

— Да уже болѣе двухъ лѣтъ. Ваничку я началъ учить, что говорится, съ самой азбуки.

— Такъ-съ. И теперь, значитъ, вы его тоже въ классики направляете?

— Не я, а родители его хотятъ, чтобы онъ поближе былъ къ нимъ. Но еслибы выборъ зависѣлъ отъ меня, то я, конечно, посовѣтывалъ бы при ихъ большомъ состояніи отправить сына въ хорошій столичный частный пансіонъ, гдѣ можно было бы слѣдить за его развитіемъ.

Священникъ вдругъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Позвольте спросить васъ — вы сибирскій уроженецъ? остановилъ онъ меня.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ въ Сибирь по приглашенію Петра Ивановича.

— Ну, такъ вотъ отчего вы такъ разсуждаете. Я же, государь мой, природный сибирякъ, думаю иначе. Петръ Ивановичъ прекрасно дѣлаетъ, что оставляетъ сына въ здѣшнемъ учебномъ заведеніи... вѣдь оно же и не худо.

Послѣднюю фразу онъ сказалъ почти шопотомъ.

— Пусть онъ дольше останется у роднаго очага, пусть окрѣпнетъ, и осмыслится его любовь къ родинѣ. Вамъ, разумѣется, и въ голову не приходило, сколько молодыхъ силъ похитили у насъ столицы и вообще центры Россіи вслѣдствіе отсутствія въ Сибири учебныхъ заведеній. Родители чрезъ это теряли дѣтей, подпору въ старости, а Сибирь — полезныхъ людей. А вотъ и сынишко мой идетъ. Что, Вася, кончилъ экзаменъ?

— Совсѣмъ кончилъ. Сказали хорошо. Приняли,—прого-

ворилъ весело свѣжій, краснощекій мальчикъ съ вьющимися свѣтлыми волосами.

— Ну за это—молодецъ. Пряники за мною, съ улыбкою сказалъ ему отецъ.

Мой ученикъ тоже явился съ вѣстью, что и его приняли.

— Значитъ, наше дѣло тутъ кончено. Какъ вы думаете? обратился ко мнѣ священникъ.

Въ это время директоръ искалъ кого-то глазами и, увидѣвъ священника, подошелъ къ нему.

— Я долженъ сказать вамъ, батюшка, что сынъ вашъ прекрасно приготовленъ. Гдѣ вы его готовили? здѣсь въ городѣ?

— О, нѣтъ, господинъ директоръ, отвѣчалъ, тотъ, — я самъ его готовилъ. Кой-что еще помню изъ семинарской латыни.

— Отчетливо, очень отчетливо, отвѣчалъ на всѣ вопросы. Есть надежда, что и въ гимназіи пойдетъ хорошо. И вашъ также принятъ, добавилъ директоръ, обращаясь ко мнѣ.

Мы раскланялись съ экзаменаторами и вышли изъ гимназіи.

Разсужденія о воспитаніи и живой видъ священника произвели на меня довольно пріятное впечатлѣніе.

Когда мы вышли на улицу, мальчики наши, успѣвшіе уже познакомиться другъ съ другомъ, побѣжали впередъ по деревянному тротуару, а я пошелъ рядомъ съ священникомъ и, признаюсь, радъ былъ случаю поговорить съ нимъ подольше.

— Далеко ли вы живете, батюшка?—спросилъ я его.

— А верстахъ въ двухстахъ съ небольшимъ,—по сибирски это очень близко. Въ гости къ намъ отсюда ѣздятъ. Спасибо, не забываютъ. Село Тырбышъ прозывается. Милости просимъ къ намъ когда-нибудь. Ѣхать прямо по Иркутскому тракту, у села Рыбинскаго своротить направо, верстъ сотню проѣдете и пріѣдете въ наши палестины. Спросите отца Максима—всякій покажетъ.

— Я думаю, приходъ вашъ обширенъ, требуетъ большихъ разъѣздовъ.

— Приходъ дѣйствительно разбросанъ на большомъ пространствѣ, а по числу прихожанъ не великъ, — тысячи три душъ будетъ не болѣе; но все люди зажиточные.

— И что же? вы довольны вашимъ приходомъ?

— Я-то? Помилуйте, да мы съ прихожанами живемъ душа въ душу, вотъ уже болѣе десяти лѣтъ. Слава Богу, ничѣмъ не

обижены, земля благодатная, село на большой рѣкѣ, всего вдоволь. Живемъ мирно и смирно.

— Чѣмъ же занимаются у васъ поселяне? продолжалъ я разспрашивать отца Максима.

— Хлѣбопашествомъ, главнымъ дѣломъ хлѣбопашествомъ. Хотя и есть невдалекѣ отъ насъ золотые пріиски, но наши мужики не соблазняются ими. Нѣтъ, государь мой, это дѣло здѣсь уже испытанное: золото не обогащаетъ, а разоряетъ и развращаетъ рабочій народъ. Я вотъ уже сколько лѣтъ наблюдаю, въ какихъ округахъ лучше живутъ крестьяне. И по моимъ наблюденіемъ выходитъ, что самые богатые округи, гдѣ вовсе нѣтъ пріисковъ, а одно хлѣбопашество. Нѣтъ моего благословенія прихожанамъ ходить работать на пріиски.

— И они слушаются вашихъ совѣтовъ?

— Бываютъ и ослушники, но мало. Такихъ, государь мой, сообща стараемся образумить.

Мы пришли на главную улицу города, на которой замѣтно было и бо́льшее движеніе. Торговцы изъ лавокъ и многіе изъ попадавшихся намъ навстрѣчу привѣтливо раскланивались съ отцомъ Максимомъ. Замѣтно было, что онъ—личность извѣстная въ городѣ.

— А сбытъ для хлѣба изъ вашихъ мѣстъ есть?

— Вотъ сбытъ-то затруднителенъ. Относительно сбыта ржи винокуренные заводы выручаютъ. Эхъ, сколько развилось ихъ у насъ, благодаря евреямъ. А пшеницу на пріиски поставляемъ. Да еслибы хорошій сбытъ, можно было бы производить гораздо болѣе хлѣба. У насъ и рукъ для этого нашлось бы достаточно.

— Вы говорили, что у васъ большая рѣка.

— Рѣка дѣйствительно большая, но несудоходная, пороговъ на ней много. Хотя я такого мнѣнія, что пороги эти не помѣшали бы сплавлять лѣсъ и хлѣбъ, да смѣльчаковъ нѣтъ пробу сдѣлать. Я впрочемъ имѣю въ виду на счетъ этого дѣла кой-какіе планы, а пока я вотъ какую штуку придумалъ, чтобы поднять цѣну на нашу пшеницу. Уже семь лѣтъ, какъ началъ я, милостивѣйшій государь мой, выписывать изъ Россіи лучшіе сорта пшеницы и дѣло вышло изъ этого хорошее. Самарская пшеница стала родиться у насъ превосходно, но только на третій годъ нужно обновлять сѣмена. И самъ я не въ убыткѣ, и сосѣдямъ хорошо. Имъ самимъ не додуматься бы до такой штуки. А между тѣмъ чрезъ это у насъ засѣваютъ

подъ пшеницу теперь почти вдвое больше, чѣмъ прежде. Такъ и стала вездѣ до самаго Иркутска извѣстна наша тырбышская пшеница. Въ другой сторонѣ, къ Томску, предпочитается линейская, то-есть оттуда, гдѣ проходила сибирская линія и поселены были сибирскіе казаки. Однако жъ, не хвастаясь, скажу:—наша тырбышская и въ зернѣ крупнѣе, и въ мукѣ бѣлѣе. Вотъ тоже на счетъ овощей. Я вамъ доложу, такихъ сортовъ выписалъ! Огурцы—самые настоящіе, вязниковскіе. Отсюда даже изъ губернскаго города заказываютъ привозить нашимъ мужикамъ. Въ соленьи—прелесть. Капуста вотъ какая.

Отецъ Максимъ остановился и показалъ руками, какой величины у нихъ капуста. Говоря о своихъ хозяйственныхъ нововведеніяхъ, онъ пришелъ въ большое одушевленіе. Глаза его горѣли изъ-подъ широкихъ полей шляпы, длинной тростью своей онъ описывалъ круги въ воздухѣ и то останавливался для разъясненій, то шелъ такъ скоро, что я едва могъ поспѣвать за нимъ.

— Вотъ что насъ огорчаетъ, продолжалъ онъ,—никакъ не справимся съ арбузами.

— Папаша, теперь зайдете къ Стахѣеву за покупками? спросилъ отца Максима сынъ его Вася.

— Да, да, теперь. До обѣда еще успѣемъ всего купить. А вотъ мы и у магазина г. Стахѣева,—сибирскаго поставщика мануфактурныхъ товаровъ, а слѣдовательно и самаго большаго разорителя нашего. Да-съ. Что прикажете дѣлать? Женщины вездѣ все больше тащатъ изъ дому. И наши бабы тоже, какъ узнаютъ, что ѣдешь въ городъ, сейчасъ съ порученіями—купить имъ того, другаго, да непремѣнно у Стахѣева, да чтобы помоднѣе. Слышите? и въ нашемъ-то захолустьѣ тоже заботятся о модахъ!

Отецъ Максимъ засмѣялся такимъ полнымъ здоровымъ смѣхомъ, какъ, я замѣчалъ, смѣются люди, которые мало знали горя.

— До пріятнаго свиданія, государь мой, до пріятной вторичной встрѣчи, говорилъ онъ, прощаясь. Очень радъ съ вами познакомиться. Петру Ивановичу и семейству его прошу отъ меня поклониться. А вы вотъ чему научите меня, если можете. Я все думаю, какъ улучшить у насъ породу рогатаго скота, и не могу додуматься. Ѣздилъ я за этимъ дѣломъ и въ Томскъ, и въ Иркутскъ,—вездѣ все мелкота ужасная. И странно, какъ это никто изъ сибирскихъ богачей до сихъ поръ не подумалъ о разведеніи крупной породы скота въ Сибири.

Прощайте же, государь мой. Если же когда случится быть въ нашей сторонѣ—милости просимъ. Посмотрите, какъ мы живемъ. Живемъ, право, не дурно. Да и захолустье наше хорошій уголокъ.

Все, что говорилъ отецъ Максимъ, занимало меня потомъ. Дѣйствительно ли онъ такой ревностный дѣятель или подъ этими заботами о его прихожанахъ скрывается кулакъ, который, съ помощью разныхъ хозяйственныхъ нововведеній, устраиваетъ свои собственныя дѣлишки, или онъ просто хвастается передъ новымъ человѣкомъ и желаетъ себя выставить образцовымъ дѣятелемъ? Общее впечатлѣніе однако было въ его пользу.

На другой день рано утромъ отправился я въ аптеку купить лѣкарствъ для пріисковой больницы и опять-таки встрѣчаю тамъ вездѣсущаго отца Максима. Онъ сидѣлъ окруженный свертками разныхъ размѣровъ и съ реестромъ разныхъ медикаментовъ въ рукѣ.

— Такъ отчего же хининъ подорожалъ? спрашивалъ онъ поляка-провизора.

— А! мое почтеніе! Вы тоже за латинскою провизіею на пріиски? Да вотъ караулъ приходится кричать,—за хининъ вдвое берутъ. А у насъ безъ хинину шагу ступить нельзя, весело заговорилъ онъ.

— Для кого же вы закупаете эти лѣкарства?

— А я, государь мой, самъ лѣчу своихъ прихожанъ. Я, значитъ, ихъ врачъ—духовный, да и врачъ тѣлесный—все вмѣстѣ. Ничего, и въ лѣченіи тѣлесныхъ недуговъ кое-какъ изощрился съ помощью книжныхъ наставленій и опыта. Главнѣйшимъ образомъ опыта, государь мой. Прихожане обращаются ко мнѣ за врачеваніемъ тѣла, но я стараюсь, чтобы не забыли они и о врачеваніи души. Населенныя мѣста у насъ, въ Сибири, далеки другъ отъ друга, властямъ нашимъ и безъ этого много разнаго дѣла,—нужно же было кому-нибудь позаботиться и о лѣченіи. Вотъ я и взялъ на себя эту обязанность. Кстати же въ молодости изучалъ кой-что по части медицины.

— И у васъ на всѣ ваши разнообразныя занятія достаетъ времени?

— Достаетъ, государь мой,—отвѣчалъ съ улыбкою отецъ Максимъ, потряхивая своею густою шевелюрою.

Я попросилъ провизора приготовить къ вечеру, что̀ нужно по моему реестру, и собрался-было уже уходить, но отецъ Максимъ поспѣшно остановилъ меня.

— Государь мой, позвольте на минутку. Совсѣмъ было и забылъ. Я хотѣлъ даже къ вамъ нарочно завернуть по этому дѣльцу. Извѣстно и вѣдомо вамъ, что въ семъ просвѣщенномъ градѣ, равно какъ и въ прочихъ сибирскихъ городахъ, не имѣется ни одной книжной лавки, а потому и приходится выписывать намъ изъ Томска всѣ потребности по литературѣ. Хотѣлось бы мнѣ на этотъ разъ выписать книжекъ для чтенія нашимъ сельскимъ большимъ и малымъ грамотѣямъ, да вотъ и сталъ я въ тупикъ. Перечитываю каталоги, а остановиться ни на чемъ не могу. Почему я тамъ знаю, что хорошо или нехорошо. Отсталъ я совсѣмъ въ книжномъ дѣлѣ, чувствую, что совсѣмъ отсталъ. Вотъ я и хотѣлъ прибѣгнуть къ вамъ,— не укажете ли вы дешеваго и полезнаго умственнаго матеріала?

Я обѣщалъ отцу Максиму составить списокъ „умственнаго матеріала“. Вечеромъ, довольно поздно уже, онъ зашелъ самъ ко мнѣ и объявилъ, что всѣ дѣла въ городѣ покончилъ и на другой день рано утромъ уѣзжаетъ.

II.

Съ помѣщеніемъ сына Мѣшкова въ гимназію, занятія мои съ нимъ кончились. Я уже подумывалъ-было о пріисканіи новаго занятія, но Мѣшковъ предложилъ мнѣ, чтобы я оставался у него и занялся разборкою безчисленныхъ счетовъ его съ другими золотопромышленниками и пріисковыми поставщиками. Для окончанія нѣкоторыхъ сдѣлокъ и разсчетовъ по его дѣламъ, я долженъ былъ ѣздить въ разные, иногда весьма далекіе концы Сибири.

Одинъ изъ самыхъ старыхъ и запутанныхъ счетовъ Мѣшкова былъ счетъ съ хлѣбнымъ поставщикомъ на его пріиски, Серебряковымъ. По мѣрѣ того, какъ я приводилъ въ порядокъ этотъ счетъ, оказывалось, что поставка хлѣба на пріиски Мѣшкова производилась въ высшей степени недобросовѣстно, что пріемщики безпрестанно жаловались на дурное качество хлѣба, что цѣны на хлѣбъ назначались уже послѣ доставки его, иногда черезъ годъ и болѣе, и именно въ тѣ моменты, когда они поднимались вслѣдствіе неурожая и другихъ причинъ; а между тѣмъ, деньги Серебряковымъ забирались всегда впередъ, такъ что на Серебряковѣ оказался довольно крупный долгъ Мѣшкову.

Добродушный Петръ Ивановичъ извѣстенъ былъ своею разсѣянностью въ дѣлахъ. Получая съ пріисковъ до сорока пудовъ золота въ годъ, онъ глядѣлъ сквозь пальцы на безпорядки въ своихъ пріисковыхъ конторахъ, о которыхъ говорила вся Сибирь, а потому открытіе мое не произвело на него большаго впечатлѣнія и только вызвало съ его стороны замѣчаніе, что „Серебряковъ большой воръ-мужикъ“, что онъ уже десятки лѣтъ надуваетъ всѣхъ и каждаго.

— А поэтому,—рѣшилъ онъ,—съ этого мошенника непремѣнно слѣдуетъ истребовать долгъ. Лучше пусть эти деньги пойдутъ на какое-нибудь доброе дѣло. Попробуйте-ка съѣздить къ нему, онъ живетъ въ К—скомъ округѣ, въ селѣ Тырбышѣ. Но предупреждаю васъ,—обойдитесь съ нимъ покруче. Мягкостью съ этимъ волкомъ ничего не сдѣлаете.

Въ Сибири все населеніе страны группируется главнымъ образомъ вдоль такъ называемаго сибирскаго почтоваго тракта, который тянется непрерывною и съ малыми изгибами лентою отъ Урала до Амура. Отъ этой главной сибирской артеріи распространяются вѣтви населенія вправо и влѣво по рѣкамъ. Чѣмъ значительнѣе рѣка, тѣмъ населеніе по ней гуще и идетъ далѣе во внутрь страны. Такъ и въ хлѣбородномъ К—скомъ округѣ населеніе расположилось далеко на югъ, къ Саянскимъ горамъ, по той рѣкѣ, отъ которой онъ получилъ свое названіе. Поэтому, отправляясь въ Тырбышъ по дѣлу съ Серебряковымъ, я скоро долженъ былъ свернуть съ шоссированнаго самою природою въ восточной Сибири большаго почтоваго тракта и поѣхалъ по проселочной дорогѣ, то-есть по двумъ, едва намѣченнымъ колеямъ на пригнутой и присохшей травѣ.

Странное чувство охватывало меня всякій разъ, когда мнѣ приходилось ѣхать по такой первобытной дорогѣ. Казалось, что, оставивъ въ сторонѣ большой трактъ, я порывалъ послѣднюю нить, связывавшую меня съ цивилизованнымъ міромъ, и чѣмъ болѣе я удалялся отъ нея, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя одинокимъ и какимъ-то придавленнымъ. Такъ и въ эту поѣздку—какъ только тарантасъ мой покатился безъ шума по едва замѣтному слѣду колесъ въ высокой травѣ, — я ѣхалъ въ половинѣ іюня, — то-есть въ началѣ сибирскаго лѣта, — я вдругъ почувствовалъ себя такимъ безсильнымъ, заброшеннымъ и почему-то вообразилъ, что волкъ-Серебряковъ непре-

мѣнно заѣстъ меня въ своей трущобѣ. Тоскливое завываніе двухъ маленькихъ колокольчиковъ у дуги, громкое фырканье лошадей, да непрерывный трескъ кузнечиковъ и хрустѣнье сухихъ вѣтвей подъ колесами тарантаса, когда мы ѣхали лѣсомъ,—вотъ единственные звуки, которые сопровождали наше появленіе въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ. Непривычному человѣку особенно жутко ѣхать такими мѣстами ночью. Всевозможные страхи возстаютъ передъ нимъ: то вдругъ ему вообразится, что звуки колокольчиковъ привлекутъ къ нему хищныхъ звѣрей, то неожиданный трескъ въ лѣсу онъ принимаетъ за приближеніе медвѣдя, то кажется ему, что ямщикъ сбился съ дороги и везетъ его топкою тундрою, что вотъ-вотъ тундра поглотитъ и тарантасъ, и лошадей съ ямщикомъ, и его самого.

Отъ большаго тракта до Тырбыша на вольныхъ лошадяхъ нужно было ѣхать по такой дорогѣ не менѣе сутокъ, хотя это разстояніе не превышало ста верстъ. И такъ какъ я свернулъ на проселочную дорогу послѣ полудня, то на другое утро разсчитывалъ уже быть на мѣстѣ.

Сначала по обѣ стороны дороги видны были поля, съ зеленѣвшимъ озимымъ хлѣбомъ, и чернѣли въ разныхъ мѣстахъ заимки,—лѣтнія жилища хлѣбопашцевъ. Въ Сибири, гдѣ пахатныя поля отстоятъ отъ селъ иногда верстъ на двадцать и болѣе, немыслимо рабочему человѣку ѣздить на ночлегъ домой. Поэтому для сбереженія времени крестьяне строятъ землянки или наскоро сколоченныя избы вблизи своихъ пахатныхъ земель, куда и переселяются на лѣто всѣ рабочія силы семьи. Проѣхавъ же верстъ сорокъ, мы очутились среди совершенно дикой мѣстности, до которой почти еще не касалась рука человѣка, мѣстами открытой, но большею частью поросшей разбросанными островками довольно крупнаго березоваго лѣса. Несмотря на жаркій день, въ воздухѣ ощущалось сильное обиліе влаги и въ тѣни даже роса мочила лошадямъ ноги и хвосты, что видимо доставляло имъ удовольствіе. Мокрыми хвостами имъ удобно было отмахивать миріады микроскопическихъ мошекъ, цѣлымъ облакомъ сопровождавшихъ тарантасъ и буквально облѣплявшихъ бѣдныхъ животныхъ. И только когда тарантасъ въѣзжалъ въ лѣсную чащу, и вѣтви березъ начинали цѣпляться за тарантасъ и лошадей,—послѣднія освобождались на короткое время отъ жгучаго кусанія мошекъ. Выведенный изъ терпѣнія ямщикъ вооружался огромною вѣткою, которою онъ потрясалъ въ воздухѣ, чтобы прогонять ихъ и отъ насъ, и

отъ лошадей. Богатая сибирская растительность уже развертывалась во всей своей красѣ: между деревьями пестрѣли массами и всевозможныхъ оттѣнковъ цвѣты. То любуешься крупными, гордо державшими свои шейки, бѣлыми и желтыми лиліями, то ярко-пунцовою мѣстною любимицею сараною, то маленькими наклоненными внизъ, голубенькими колокольчиками, то сплошною бѣлою пеленою цвѣтовъ клубники, выбирающихъ всегда болѣе открытыя мѣста подъ солнечными лучами. Маленькіе, рыженькіе грызуны-колонки быстро шныряли въ травѣ или становились на заднія лапки и высовывали съ любопытствомъ свои круглыя мордочки и часто изъ-за своего любопытства и неосторожности дѣлались добычею многочисленныхъ своихъ непріятелей,—то маленькихъ копчиковъ, карауливщихъ ихъ на самой верхушкѣ высохшихъ деревьевъ, то высоко и медленно носившихся въ воздухѣ ястребовъ, то неизвѣстно откуда появлявшихся и стремительно выхватывавшихъ ихъ изъ травы большеголовыхъ орловъ. И надъ всею этою дикою, исполненною своеобразной прелести, картиною синѣло ясное небо, кое-гдѣ усѣянное серебристыми облачками, такое ярко-синее небо, какое можно видѣть только въ дѣвственной сибирской тайгѣ, въ родѣ той, по которой мнѣ пришлось ѣхать въ этотъ разъ.

Здѣсь нельзя разсчитывать на встрѣчу съ проѣзжимъ человѣкомъ; но наши лошади вдругъ насторожили уши и стали внимательнѣе, а ямщикъ тотчасъ объявилъ:

— Должно быть, кто-нибудь ѣдетъ впереди.

Вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли бѣгущаго въ травѣ по направленію къ намъ какого-то рыжаго звѣря, который еще издали принялся съ ожесточеніемъ лаять на насъ; а чрезъ нѣсколько минутъ показалась между деревьями пара лошадей и телѣга, въ которой сидѣли два человѣка въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ, въ плисовыхъ шароварахъ и съ ружьями чрезъ плечо.

— Почта съ пріисковъ, — лаконически замѣтилъ мой ямщикъ.

Проѣзжіе свернули съ дороги и привѣтствовали насъ поклонами. Ямщикъ освѣдомился о дорогѣ, перебросился съ ними нѣсколькими фразами непонятнаго для меня значенія, и мы снова остались одни. Непривычный къ ѣздѣ по сибирскимъ тайгамъ радуется даже такой мимолетной встрѣчѣ съ людьми и съ тоскливымъ чувствомъ слѣдитъ за ихъ удаленіемъ.

Подъ вечеръ мы пріѣхали въ маленькую деревушку, единственное жилое мѣсто на всемъ нашемъ пути отъ большой

дороги. Тамъ по принятому въ Сибири обычаю, тотчасъ же предложили мнѣ самоваръ, и я напился чаю, пока ямщикъ поилъ и кормилъ лошадей. А затѣмъ тарантасъ нашъ опять покатился по притоптаной травѣ и окунулся въ вечерній туманъ, поднявшійся надъ безлюдною тайгою, и въ темноту наступившей ночи.

— Тырбышъ, что это за Тырбышъ? какъ будто гдѣ-то приходилось слышать мнѣ это названіе, думалъ я, качаясь въ тарантасѣ и отмахиваясь отъ тучи комаровъ, съ наступленіемъ ночи смѣнившихъ мошекъ.

И вдругъ въ моемъ воображеніи предсталъ о. Максимъ, съ своею школою, огурцами, капустою и заваленный ворохами аптекарскихъ снадобій. Я припоминалъ подробности моей встрѣчи съ нимъ около двухъ лѣтъ тому назадъ.

— Кажется, онъ называлъ свое село Тырбышъ... тырбышская пшеница... еще говорилъ онъ... Ямщикъ, бывалъ ты въ Тырбышѣ, куда мы ѣдемъ теперь?

— Какъ не бывать, тамъ у меня дядя живетъ, материнъ сродный братъ. И кони наши то же тамъ куплены, тырбышскіе.

— А священника тырбышскаго ты знаешь?

— Батюшку-то отца Максима?

— Да, да, отца Максима,—чуть не вскрикнулъ я и обрадовался возможности новой встрѣчи съ оригинальнымъ священникомъ.

— Отца Максима да не знать! Да его у насъ на двѣсти, почитай, верстъ кругомъ отъ мала до велика всѣ знаютъ. Отецъ родной, и для своихъ тырбышскихъ, да и для чужихъ. Приди ты къ нему за чѣмъ хошь,—съ пустыми руками не уйдешь. Онъ у насъ и попъ, и лѣкарь, и кровь пущаетъ, и, какъ ее, оспу, что ли, дѣтямъ прививаетъ, и бумаги кому нужно по начальству пишетъ. Отца Максима другаго-то и не найти,—заключилъ парень и свиснулъ на лошадей.

Мы ѣхали довольно густымъ лѣсомъ. Эхо далеко повторило свистъ ямщика.

— Ну такъ ты навѣрное знаешь и Кондратія Силыча Серебрякова? продолжалъ я разспрашивать своего спутника.

Онъ медлилъ отвѣчать на мой вопросъ, и я вынужденъ былъ повторить его.

— Стоитъ ли, ваша милость, говорить о немъ? Кровопивецъ онъ, извергъ, разоритель одно слово.

— Да, говорятъ, хотя онъ и богатъ, но пользуется недоброю славою.

— Награбилъ онъ себѣ богатство, послѣднюю рубашку съ бѣднаго человѣка снималъ, притонъ для бѣглыхъ каторжныхъ держалъ, да заставлялъ ихъ ящики съ чаемъ отрѣзывать въ обозахъ на большой дорогѣ. Какъ на этого человѣка и погибели не было!

— Онъ въ самомъ Тырбышѣ живетъ?

— Такъ точно, въ самомъ Тырбышѣ. Домъ у него тамъ большущій, ровно крѣпость какая. А деньжищъ-то, деньжищъ! Да и у кого же и быть деньгамъ, какъ не у него! У насъ старики говорятъ, что онъ и фальшивыя деньги дѣлалъ. Каторжные у него тоже и для этого дѣла въ землянкахъ, въ тайгѣ жили. А когда надѣлали ему, сколько тамъ нужно было, перепоилъ онъ ихъ дурманомъ, да и концы, значитъ, въ воду.

— Я слышалъ, онъ хлѣбомъ торговалъ?

— А это уже послѣ фальшивыхъ денегъ. И старостой церковнымъ онъ былъ въ Тырбышѣ при покойномъ попѣ. А какъ отецъ Максимъ поступилъ, такъ сейчасъ его и долой. Ужь онъ потомъ и туда, и сюда, и бумаги на отца Максима писалъ, такъ нѣтъ, шалишь... Отца Максима и въ губерніи-то знаютъ, не токмо у насъ.

Ямщикъ, въ теченіе всей короткой іюньской ночи разсказывалъ мнѣ разные эпизоды изъ жизни Серебрякова, рисовавшіе этого человѣка въ самомъ некрасивомъ видѣ. Въ полудремотѣ я слушалъ ихъ, отмахиваясь обѣими руками и платкомъ отъ комаровъ, нападавшихъ на меня съ ожесточеніемъ и въ неимовѣрномъ количествѣ. О снѣ нечего было и думать.

— Язви васъ, проклятые! И откуда ихъ столько берется? приговаривалъ ямщикъ, прерывая свое повѣствованіе, когда его ужь слишкомъ жалили комары, и безпощадно хлопая себя ладонью по лицу, по затылку и по плечамъ.

— Хотя бы вѣтерокъ подулъ да разогналъ ихъ язвинскихъ, а то вонъ какая тишь стоитъ.

Желаніе ямщика исполнилось. На разсвѣтѣ подулъ свѣжій вѣтеръ, разогналъ туманъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и комаровъ.

Но за терзанія, причиненныя мнѣ комарами, я былъ съ избыткомъ вознагражденъ видомъ великолѣпнѣйшей картины при восходѣ солнца, и которой, разумѣется, не увидѣлъ бы, еслибы комары не помѣшали мнѣ спать. Прямо передъ мною, на южной окраинѣ горизонта, громоздились горы, рядъ надъ

рядомъ. Ближайшіе ряды ихъ покрыты были сплошною синею массою лѣсовъ, изъ-за которыхъ поднимались совсѣмъ голыя возвышенности фіолетово-краснаго цвѣта, а еще далѣе за ними виднѣлись уже совсѣмъ блѣдно-розовые изгибы Саянскихъ горъ, испещренные бѣлыми снѣговыми полосами, мѣстами ярко блестѣвшими отъ лучей восходившаго солнца. Впереди горъ разстилалась, въ направленіи къ намъ, постоянно понижающаяся холмистая мѣстность, перерѣзываемая кое-гдѣ, то черными зубчатыми линіями хвойныхъ лѣсовъ, то свѣтлыми пятнами многочисленныхъ озеръ, надъ которыми стоялъ туманъ. Березовая тайга смѣнилась густыми куртинами темно-зеленыхъ елей и сосенъ съ красно-коричневыми, какъ трости прямыми, стволами, изъ-за которыхъ то тамъ, то сямъ могучія лиственицы на десятки саженъ возносили свои широко-вѣтвистыя верхушки. Тарантасъ началъ подниматься и спускаться по холмамъ.

— Теперь пойдутъ все горы, объяснилъ мнѣ ямщикъ.— И чѣмъ дальше ѣхать къ Бѣлогорью, тѣмъ все больше горъ

— Къ какому Бѣлогорью?

— Да вотъ, это мѣсто по-нашему Бѣлогорьемъ зовутъ.

Ямщикъ указалъ бичемъ на далекіе горные хребты.

— Тутъ и поворотъ будетъ въ Бирюсинскую тайгу, на пріиски.

— А до Тырбыша далеко еще?

— Верстъ двадцать, а, можетъ, и побольше немного будетъ.

Поднявшись на гребень одного высокаго холма, я увидѣлъ бѣлѣвшую вдали церковь — единственное созданіе рукъ человѣческихъ на всемъ огромномъ пространствѣ, которое было открыто передъ моими глазами. Ямщикъ сказалъ мнѣ, что это тырбышская церковь. Потомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ надъ деревьями показался дымокъ и, вслѣдъ затѣмъ, направо и налѣво пошли хлѣбныя поля. Дымокъ шелъ отъ курева или маленькихъ костровъ изъ полусгнившаго дерева, дымомъ отъ которыхъ хлѣбопашцы отгоняютъ мошекъ и которые раскладываются такъ, чтобы дымъ направлялся въ сторону къ работающимъ. Но, вѣроятно, дымъ мало защищалъ работавшихъ отъ назойливыхъ насѣкомыхъ, потому что всѣ тѣ изъ нихъ, которыхъ я видѣлъ, были въ волосяныхъ сѣткахъ на головахъ. Изъ-за деревьевъ показались заимки, блеснула серебряная лента рѣки, и дорога пошла болѣе укатанная. Отъ одной изъ заимокъ понеслась къ намъ навстрѣчу цѣлая стая собакъ

и, наконецъ, тарантасъ остановился у паскотины [1]). Ямщикъ слѣзъ, отворилъ ворота, въѣхалъ и опять аккуратно притворилъ ихъ. Въ Сибири, кто изъ проѣзжихъ не притворяетъ за собою воротъ паскотины, беретъ на себя большую отвѣтственность. Скотъ и лошади, проникающія за паскотину, часто безвозвратно теряются въ тайгѣ. Добрыя, круглыя лошадки, почуявъ близость отдыха, побѣжали крупною рысью. Было около десяти часовъ утра, когда я подъѣхалъ къ Тырбышу.

— Куда прикажете, ваша милость? Къ отцу Максиму?— спросилъ смѣтливый парень-ямщикъ.

А въ ту минуту я именно и думалъ, что мнѣ слѣдуетъ непремѣнно воспользоваться совѣтомъ отца Максима въ дѣлѣ съ Серебряковымъ и, разумѣется, велѣлъ ѣхать прямо къ нему.

III.

Тырбышъ, какъ и всѣ сибирскія села, состоялъ изъ одной большой улицы, но не прямой, какъ въ селахъ по большому тракту, а поднимавшейся ломаною линіею на холмъ, гдѣ стояла церковь, и улица расширялась, образуя небольшую площадь. Село застроено было двухъ-этажными красивыми избами, и замѣтна была зажиточность жителей. Почти вездѣ на окнахъ красовались столь любимые въ восточной Сибири цвѣты—геранiумы, фуксіи, гвоздики, вервены и кактусы. Ставни и подзоры были пестро раскрашены замысловатыми узорами, а у нѣкоторыхъ домовъ выкрашены были и ворота, но, при въѣздѣ въ село, въ нѣсколькихъ окнахъ я замѣтилъ, какъ и вездѣ въ Сибири, пузыри вмѣсто стеколъ.

Домъ отца Максима легко было узнать. Онъ стоялъ поодаль отъ церкви, на пригоркѣ, красиво обсаженный пирамидальными высокими елями, отличался отъ крестьянскихъ домовъ большимъ размѣромъ и выстроенъ былъ въ одинъ этажъ.

Не успѣлъ тарантасъ остановиться у воротъ его, какъ выбѣжалъ курчавый Вася и тотчасъ узналъ меня. Онъ очень подросъ за два года, перешелъ уже въ третій классъ и пріѣхалъ домой на каникулы.

На вопросъ мой: дома ли отецъ? мальчикъ отвѣчалъ:

---

[1]) Огороженное пространство земли—вокругъ селъ и деревень, назначаемое для выгона скота.

— Дома, дома, пожалуйте. Они лѣкарство отпускаютъ больнымъ.

Я вошелъ въ обширную, очень опрятную комнату и засталъ тамъ такую сцену. Отецъ Максимъ въ подрясникѣ изъ суровой парусины, подпоясанный широкимъ кожанымъ поясомъ съ пряжкою, стоялъ около двухъ сидѣвшихъ женщинъ. Одна была съ грудным ребенкомъ, а другая держалась рукою за щеку, покачивала головою и поминутно вскрикивала отъ боли. Въ рукѣ у него былъ ключъ, которымъ рвутъ зубы. Больная, повидимому, не соглашалась на операцію.

— А, вотъ неожиданный-то гость! Душевно радъ, премного обязали,—приговаривалъ отецъ Максимъ, троекратно лобызаясь со мною.

— Куда васъ Богъ несетъ? не на бирюсинскіе ли пріиски къ кому-нибудь?

— Нѣтъ, прямо къ вамъ, въ Тырбышъ, по одному дѣлу пріѣхалъ.

— Вотъ что!

Священникъ сдвинулъ бровя и что-то соображалъ.

— Понимаю, сказалъ онъ чрезъ минуту. Если вы отъ Петра Ивановича Мѣшкова пріѣхали, то, вѣроятно, съ порученіемъ къ здѣшнему жителю Серебрякову.

— Совершенно вѣрно.

— Кажется, онъ отлучился куда-то, но, впрочемъ, незамедлитъ пріѣхать. А до тѣхъ поръ ужь позвольте мнѣ считать васъ моимъ дорогимъ гостемъ.

Священникъ низко поклонился, а я подалъ ему руку.

— Вася, проведи гостя въ комнаты, да скажи матери, чтобы распорядилась на счетъ чаю и чтобы закусить было чѣмъ съ дороги. Охъ, ужь эти сибирскія дороги! Чай, наголодались и комары измучили васъ?..

Женщина съ больными зубами застонала и судорожно стиснула щеку обѣими руками.

Отецъ Максимъ съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ обратился къ ней.

— Пелагея, еще разъ говорю тебѣ, соглашайся вырвать зубъ. Одна секунда—и боли не будетъ.

— Боюсь, батюшка.

— Чего бояться? Вѣдь кромѣ зуба все на мѣстѣ останется.

— Да очень больно будетъ.

— За то не будешь мучиться по цѣлымъ недѣлямъ. Я вздора

говорить не люблю. Такъ знай же, если не выдернемъ зуба, еще больше мукъ натерпишься.

— Охъ, ужь лучше вырвите, только скорѣй.

— Вотъ такъ давно бы. Мы сейчасъ же съ этимъ дѣломъ и покончимъ. А вамъ, государь мой, не угодно ли будетъ омыть и отряхнуть дорожную пыль. Вася, будь хозяиномъ, покажи, гдѣ умыться.

Я прошелъ съ Васей на галлерею, выходившую во внутрь обширнаго двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ большими хозяйственными постройками, глядѣвшими тоже весьма опрятно. Въ глубинѣ двора мой ямщикъ выпрягалъ лошадей изъ тарантаса. Двѣ мохнатыя цѣпныя собаки заливались хриплымъ лаемъ на чужихъ лошадей. Нѣсколько индѣекъ съ цыплятами, вытянувъ шеи, съ недоумѣніемъ прислушивались къ шуму, нарушившему ихъ семейный покой, и вдругъ кричали громко. На другой сторонѣ двора щипала траву, но въ то же время внимательно слѣдила за происходившимъ, вороная красивая кобыла съ маленькимъ жеребенкомъ, который то и дѣло жался къ ней. Вдоль галлереи между столбами протянуты были шнуры для вьющихся растеній. Цѣпкіе стебельки ихъ уже обвили перила, а иные всползли и до половины галлерейки.

Не успѣлъ покончить я своего туалета у мѣднаго умывальника, прибитаго на галлереѣ, какъ изъ комнатъ раздался пронзительный крикъ.

— Вырвалъ папаша зубъ,—сказалъ Вася, подавая мнѣ полотенце.

Вслѣдъ затѣмъ явился на галлерею отецъ Максимъ и тоже тщательно вымылъ руки.

— Вотъ, государь мой, какія страшныя пытки производимъ мы собственноручно. Да все это ничего, лишь бы на здоровье. А сколько труда стоило добиться, чтобы ходили ко мнѣ съ больными зубами, а не къ татаркамъ, за сорокъ верстъ заговаривать ихъ.

Отецъ Максимъ провелъ меня чрезъ ту комнату, гдѣ онъ принималъ больныхъ, въ смежную съ нею, повидимому, гостинную. Тамъ было прохладно отъ тѣни елей и густыхъ кустовъ черемухи, росшихъ передъ окнами, и въ самой комнатѣ стояли кадки и горшки съ китайскими розами, олеандрами и довольно высокими лимонными и померанцовыми деревьями. Кисейныя драпировки на окнахъ колыхались отъ вѣтра, приносившаго въ комнату массу бѣлыхъ душистыхъ лепестковъ отъ цвѣтовъ

черемухи и усыпавшаго ими мебель и тюменскіе ковры на полу. На столѣ передъ диваномъ, покрытымъ вязаною бѣлою скатертью, и на столахъ передъ двумя зеркалами въ простѣнкахъ между окнами стояли въ кувшинахъ большіе букеты полевыхъ цвѣтовъ, между которыми ярко выдѣлялись завитыя пунсовыя саранки. Мебель старинная, съ деревянными спинками, вся была березовая, полированная подъ орѣхъ и крытая свѣжимъ полосатымъ тикомъ. У боковой стѣны расположенъ былъ шкафъ съ книгами. Изъ-за стеколъ его видны были корешки въ порядкѣ разставленныхъ книгъ въ старинныхъ, новыхъ переплетахъ и безъ переплетовъ. Передній уголъ занималъ большой кіотъ. Въ немъ за стекломъ предъ массивными образами въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ теплилась лампада, а передъ кіотомъ стоялъ небольшой аналой, и на немъ лежала свернутая епитрахиль, крестъ и евангеліе. На выбѣленныхъ известью стѣнахъ висѣло нѣсколько гравюръ, а надъ диваномъ размѣщены были фотографическіе портреты, между которыми я замѣтилъ группу царской фамиліи, двухъ архіереевъ и Васю въ гимназическомъ мундирѣ.

Какое-то особенное удовольствіе почувствовалъ я, войдя въ эту прохладную и привѣтливую комнату. Жилища людскія, какъ и ихъ хозяева, внушаютъ своего рода симпатіи и антипатіи.

— Вотъ и привелъ Богъ встрѣтиться съ вами, да еще гдѣ? Въ нашемъ захолустьѣ. Кто бы ожидалъ? Впрочемъ, у насъ, въ Сибири, такъ: несмотря на огромныя разстоянія, нѣтъ, нѣтъ, да и встрѣтишься то съ тѣмъ, то съ другимъ. Разстоянія эти заставляютъ насъ и жить заднимъ числомъ. Посмотрите, газеты я читаю еще апрѣльскія, а у насъ Петровъ постъ на дворѣ.

Отецъ Максимъ указалъ на газеты, лежавшія на столѣ передъ диваномъ.

Намъ подали чай и завтракъ или закуску. Въ Сибири, какъ у городскихъ жителей, такъ и у крестьянъ, рано утромъ пьютъ первый чай съ прикускою, т. е. съ теплымъ печеньемъ—пирожками, аладьями, шаньгами (родъ ватрушекъ), потомъ, въ одиннадцать или двѣнадцать часовъ, подается второй чай съ закускою изъ разныхъ рыбъ, соленій, водокъ и винъ. Вышла вскорѣ и супруга отца Максима,—высокая, худощавая женщина, серьезная и медленная въ словахъ и въ движеніяхъ.

Священникъ весь обратился вслухъ, когда я началъ разсказывать разныя новости, еще не дошедшія до Тырбыша.

Мое повѣствованіе прервалъ Вася, пришедшій съ извѣстіемъ, что старшина и нѣсколько человѣкъ крестьянъ пришли по какому-то дѣлу.

Отецъ Максимъ извинился, оставляя меня на нѣсколько минутъ.

Послышались тяжелые шаги и кашель въ той комнатѣ, гдѣ производилась операція надъ зубомъ.

— Здравствуйте, отцы родные, садитесь,—ласково заговорилъ священникъ. Въ самое во-время пожаловали,—къ чаю. Богъ гостя послалъ, вотъ мы и попиваемъ второй чаекъ.

Я могъ видѣть, какъ въ сосѣдней комнатѣ крестьяне одинъ за другимъ подходили къ священнику за благословеніемъ и потомъ садились.

— Желаемъ мы, батюшка, отецъ Максимъ, порѣшить на счетъ кабаковъ, пришли посовѣтоваться,—сказалъ послѣ короткаго общаго молчанія старшина.

Это былъ полный, крѣпкій, лѣтъ пятидесяти на видъ человѣкъ съ открытымъ и умнымъ лицомъ, въ черномъ суконномъ полукафтанѣ, изъ-за ворота котораго выглядывала ситцевая рубаха. Другіе крестьяне были тоже въ ситцевыхъ рубахахъ, въ суконныхъ и плисовыхъ поддевкахъ, но на ногахъ у нихъ были не сапоги, какъ у старшины, а бродни [1]). Сапоги въ сибирскомъ крестьянскомъ быту составляютъ уже нѣкоторую роскошь.

— Какъ же вы хотите порѣшить? — спросилъ ихъ священникъ.

— А вотъ какъ. Двухъ кабаковъ не надо совсѣмъ,—отвѣчалъ за всѣхъ старшина. Это Серебрякову нужно было два кабака народъ спаивать, да хлѣбъ и скотину обирать.

— Довольно уже мы мученія приняли отъ него, — сказалъ одинъ изъ крестьянъ.

— Ему, чтобы легче было спиртъ на пріиски тайкомъ переправлять, вотъ зачѣмъ нуженъ другой кабакъ, — прибавилъ другой.

— Да и пьяныхъ рабочихъ не помѣстишь въ одинъ кабакъ,—замѣтилъ самый старый изъ крестьянъ, сидѣвшій рядомъ съ старшиною.

---

[1]) Бродни,—чисто сибирская обувь, состоящая изъ двухъ частей: изъ кожанаго широкаго голенища, на которое надѣваются башмаки, имѣющіе форму лаптя и сдѣланные изъ очень толстой кожи.

— Я слышала, вы къ этому Серебрякову по какому-то дѣлу пріѣхали,—тихо спросила меня жена священника.

— Да.

— Будьте осторожны съ нимъ. Это—большой плутъ. Слышите, что говорятъ про него—говорила она мнѣ, обирая сухіе листья съ растеній, стоявшихъ около нея.

— Вотъ, батюшка, мы и желаемъ, чтобы опять по-старому у насъ было, чтобы одинъ кабакъ въ селѣ держать, — возвысилъ голосъ старшина.

— Доброе дѣло, братцы, задумали, отвѣчалъ крестьянамъ отецъ Максимъ.

— Нѣтъ нашего приговора на два питейныхъ заведенія,— заключили крестьяне.

— Что же, всѣ на это согласны?

— Есть и такіе, что тянутъ руку Серебрякова, значитъ, изъ должниковъ его.

— Ну, тѣмъ нельзя противъ него, — возразилъ старикъ-крестьянинъ.

— И безъ нихъ обойдемся, громко замѣтилъ старшина. Такъ благословите, отецъ духовный, начинать дѣло. Да у начальства, ужь не оставьте, поддержите насъ.

— Съ Богомъ, съ Богомъ. Дѣло хорошее, нужно устроить это непремѣнно,—рѣшительно закончилъ отецъ Максимъ.

Когда крестьянамъ подали чай, мы съ попадьею тоже вышли къ нимъ.

По всему замѣтно было, что у крестьянъ съ ихъ священникомъ были особыя, безцеремонныя и дружескія, отношенія. Одинъ спрашивалъ у него сѣмянъ огурцовъ и дынь, другой совѣтовался о болѣзни лошади, третій просилъ отростковъ отъ цвѣтовъ у его жены, четвертый приглашалъ Васю удить рыбу съ его ребятишками.

— Вотъ тоже, батюшка, насчетъ Настасьи,—сказалъ старшина, прихлебывая чай. Приневоливаетъ Серебряковъ дѣвку жить у него, да и только.

— А вы что же молчите въ самомъ дѣлѣ, вмѣшалась въ разговоръ матушка, — отчего не потребуете, чтобы онъ отпустилъ Настю? Дѣвка честно замужъ хочетъ выйдти, а онъ ее все держитъ. Гдѣ же это такъ водится?

— Эхъ, матушка, много онъ нашего брата слушаетъ, замѣтилъ старшина.

— Пусть отецъ и мать ея начальству жалуются.

— Начальство объ этомъ знаетъ, — какъ-то тихо и нерѣшительно промолвилъ старшина.

— Извѣстно, по-его все дѣлаютъ, послышался голосъ между крестьянами.

— Пусть-ка сунутся жаловаться, пропадутъ совсѣмъ,— началъ разъяснять дѣло старикъ-крестьянинъ. У нихъ въ избѣ и во дворѣ, на что ни посмотри, — все у него, у треклятаго, въ долгъ взято. Ну, какъ онъ отберетъ и лошадокъ, и скотинку... куда ужь тутъ жаловаться...

— Значитъ, пропадать должна дѣвка, съ укоромъ сказала матушка.

— Зачѣмъ пропадать? сразу раздалось нѣсколько голосовъ.

Священникъ молча слушалъ этотъ разговоръ.

— Вотъ еслибы вы, батюшка, ваше благословеніе, усовѣстили стараго грѣховодника, — вдругъ обратился къ нему старшина.

Крестьяне вопросительно взглянули на отца Максима.

— Нѣтъ, братцы, тихо, но какъ-то торжественно,— отвѣчалъ онъ имъ,—не то вы говорите. Какъ усовѣстить Серебрякова? Вы сами знаете, какая у него совѣсть? А чтобы выручить Настю, нужно подумать сначала и подумать. Да и ее нужно выручать, и стариковъ поберечь, хотя, по правдѣ, они много виноваты передъ нею, охъ, какъ много... Я подумаю, братцы, какъ лучше это сдѣлать. А не слыхали ли, когда возвратится Серебряковъ? — спросилъ онъ крестьянъ. Вотъ господинъ пріѣхалъ къ нему по дѣлу — добавилъ онъ, указывая на меня.

Крестьяне съ любопытствомъ осмотрѣли меня съ ногъ до головы.

— Работники его сказывали—вечо̀ръ долженъ быть,— отвѣтили нѣкоторые.

До обѣда отецъ Максимъ успѣлъ побывать и у больнаго старика, и въ церкви окрестилъ ребенка, и сосчитался съ пріисковымъ хлѣбнымъ пріемщикомъ.

Къ вечеру онъ пригласилъ меня погулять съ нимъ, посмотрѣть село и его хозяйство. Проходя дворомъ и увидя амбары отпертыми, мы зашли туда. У отца Максима былъ хорошій запасъ зерноваго хлѣба. Онъ поднесъ къ свѣту горсть разведенной имъ тырбышской пшеницы, просплъ внимательнѣе разсмотрѣть ее и для сравненія подалъ другую горсть обыкновенной сибирской. Горевалъ, что тырбышскіе

крестьяне не такъ богаты, чтобы устроить свою собственную мельницу-крупчатку, а должны продавать хлѣбъ въ зернѣ. Показывалъ еще какой-то особенный овесъ, но я, профанъ, не понялъ, въ чемъ заключаются его особыя качества. Потомъ пройдя мимо разныхъ кладовыхъ, ледника и другихъ построекъ и мимо бани, этой необходимой принадлежности каждаго дома въ Сибири, начиная отъ крестьянскаго деревенскаго и кончая богатыми каменными городскими палатами золотопромышленника, мы вышли на обширные огороды.

Тамъ нѣсколько женщинъ и мальчиковъ занимались поливкою грядъ. Отецъ Максимъ дѣлалъ имъ замѣчанія, самъ проворно проходилъ между грядами, поднималъ стеклянныя рамы, срывалъ зародыши огурцовъ и заставлялъ меня восхищаться ими.

— Да вы вникните только, разсмотрите. Вѣдь и у крестьянъ теперь тоже такіе. Я повывелъ у нихъ эту татарскую кислятину, эти огромные огурцы фунта по три вѣсомъ, которые такъ распространены въ Сибири.

Цѣлое отдѣленіе грядъ было засажено земляникою и клубникою, плоды которыхъ отъ особаго ухода за ними годъ отъ году увеличиваются.

— А арбузы въ этомъ году удадутся?

— Не знаю, сударь мой, не знаю еще!

Онъ подвелъ меня къ высокимъ грядкамъ, расположеннымъ на покатой подсолнечной сторонѣ.

— Вотъ здѣсь я произвожу опыты надъ арбузами...

Выйдя изъ огородовъ, мы перешли по мостику изъ досокъ, переброшенному чрезъ небольшой прозрачный ручей, и стали спускаться подъ гору по проторенной тропинкѣ въ молодомъ березнякѣ.

— Тамъ моя пасѣка, указалъ отецъ Максимъ.

Изъ-за деревьевъ начали мелькать ульи. Нѣсколько пчелъ прожужжали и пронеслись мимо меня. Старый отставной дьячекъ хозяйничалъ на пасѣкѣ. День былъ удачный, четыре роя онъ убралъ, а одного чуть-было не упустилъ. Замѣтилъ, что пчела хитра, охъ, какъ хитра; рой только тогда вылетаетъ, когда у него въ лѣсу уже мѣсто припасено въ дуплѣ какомъ-нибудь.

— Одну минуту прозѣвалъ, ну и шабашъ. Снимай шапку, да и поклонись ему на прощанье,—заключилъ онъ, провожая насъ.

Бездомному старичку этому только и осталась одна забота въ жизни—няньчиться съ пчелами. Шевеля беззубою челестью и бѣгая безпрестанно отъ улья къ улью, съ мутными, сѣрыми глазенками, онъ только о томъ и думалъ, чтобы пчела не перехитрила его.

За пасѣкою шла отлогая покатость къ рѣкѣ. На одной открытой площадкѣ священникъ остановился и, поднявъ руку къ своей широкой соломенной шляпѣ, чтобы прикрыть глаза отъ ослѣпительныхъ лучей солнца, близкаго уже къ закату, показалъ мнѣ на чрезвычайно живописный оттуда видъ. Внизу, съ лѣваго же берега рѣки, тянулось село. За нимъ разстилались холмистыя поля. А далѣе шла темная полоса лѣса, потомъ другая—посвѣтлѣе, и наконецъ сзади всего лиловые зигзаги тѣхъ горъ, которыми я такъ восхищался утромъ. Рѣка за селомъ дѣлилась на нѣсколько рукавовъ. Образуемые ими островки поросли у береговъ тальникомъ, низко наклонившимся къ водѣ, а внутри елями, отъ которыхъ видны были только верхушки самыхъ причудливыхъ формъ. На правомъ берегу, прямо передъ нами, возвышалась высокая, почти отвѣсная гора, которую круто огибала рѣка. Обращенная къ намъ покатость горы, усѣянная кустарниками и цѣлымъ ковромъ цвѣтовъ, увѣнчанная десяткомъ громадныхъ и какъ стрѣлы прямыхъ сосенъ, была замѣчательно красива при яркомъ вечернемъ солнечномъ свѣтѣ.

Мы подошли къ рѣкѣ, вдоль которой шла дорога къ селу. Отецъ Максимъ пригласилъ меня отдохнуть на скамеечкѣ, устроенной на самомъ берегу.

— Вотъ сюда мы приходимъ въ началѣ лѣта наслаждаться ароматами сибирской растительности,—сказалъ священникъ, усаживаясь на скамеечку.

Дѣйствительно, сильный ароматъ травъ и цвѣтовъ несся къ намъ волнами съ противоположнаго берега.

— А когда проходитъ время цвѣтовъ, любуемся вотъ тѣми стройными красавицами соснами на верху и мечтаемъ, глядя на быстроту теченія нашей рѣки.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ съуживается, имѣетъ ширины саженъ пятьдесятъ не болѣе и течетъ очень быстро. Голова у меня кружилась всякій разъ, когда я долго засматривался на рѣку.

— Такъ вы, батюшка, подъ часъ бываете и поэтомъ?

— Какъ же не быть въ нѣкоторой степени поэтомъ, когда

живешь среди такой величественной природы. Вотъ вы чужой человѣкъ въ этой странѣ, а скажите, гдѣ вы у себя въ Россіи найдете такой видъ, какимъ мы любуемся въ эту минуту? А сколько такихъ видовъ и такихъ благодатныхъ уголковъ, какъ нашъ Тырбышъ, найдется въ Сибири, уголковъ, нетронутыхъ еще рукою человѣка? Я часто думаю, что долженъ же когда-нибудь родиться на свѣтъ даровитый мѣстный поэтъ, который воспоетъ эту угрюмую, но щедрую, какъ нигдѣ, сибирскую природу.

— Странно однако жъ, отчего эта богатая сибирская природа не дала до сихъ поръ пищи для народной поэзіи. Мнѣ не приходилось слышать ни одной самобытной сибирской пѣсни. Или, быть можетъ, я ошибаюсь. Быть можетъ, существуютъ пѣсни чисто сибирскаго происхожденія? Вамъ, батюшка, какъ человѣку, живущему въ средѣ народа, это лучше извѣстно.

— Ваше замѣчаніе совершенно справедливо: здѣсь поются пѣсни, занесенныя съ Волги и вообще изъ Россіи. Но что говорить о прошломъ Сибири?

— Какъ? развѣ подвиги первыхъ сибирскихъ завоевателей и быстрое движеніе русской народности на востокъ не могли послужить высокими сюжетами для поэзіи и даже для сибирскаго эпоса?

— О, разумѣется. Но свободное движеніе въ Сибирь давно уже прекратилось. Съ тѣхъ поръ, какъ она превратилась въ обширную государственную тюрьму, сердце русскаго человѣка уже не лежало къ ней. Не то было бы, конечно, еслибы страна заселялась при другихъ условіяхъ. Быть можетъ, она не была бы такъ заброшена, и жизнь здѣшняго населенія дала бы лучшіе результаты даже въ матеріальномъ отношеніи. Да и теперь, когда настали другія времена, сибирскій крестьянинъ былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибы не масса разныхъ побочныхъ повинностей, которыя онъ долженъ выполнять или выплачивать. Его сравнительно не тяжелый трудъ и природа даютъ ему всего въ волю, но, чтобы заплатить свои прямыя и косвенныя повинности, онъ долженъ выручать много, что совсѣмъ здѣсь не легко. Затруднительность сбыта и тяжелыя повинности породили здѣсь вотъ это страшное зло.

Энергическимъ жестомъ священникъ указалъ на группу строеній, темнѣвшую вдали особнякомъ, въ селѣ. Я разсмотрѣлъ большой двухъ-этажный домъ, обнесенный досчатымъ за-

боромъ или заплотомъ, какъ называютъ въ Сибири, изъ-за котораго выглядывали остроконечныя крыши многихъ построекъ.

— Тамъ, государь мой, живетъ самъ Кондратій Силычъ Серебряковъ.

— Скажите однако же, батюшка,—прервалъ я священника,—я все слышу здѣсь имя Серебрякова? По всему видно, что это очень дурной человѣкъ.

— Дурной человѣкъ, только-то? Вы вотъ послушайте лучше, что я поразскажу вамъ о немъ. Видите ли вы крыши этихъ длинныхъ строеній за его домомъ? Тамъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ скоплялось до сотни тысячъ четвертей хлѣба. Туда, государь мой, вся здѣшняя волость и изъ сосѣднихъ даже волостей свозили весь хлѣбъ. Вся волость на него работала, рубила лѣсъ, косила сѣно и, несмотря на это, всѣ почти поголовно были въ долгу у этого Серебрякова. Видите ли вы въ сторонѣ отъ дома эти загоны? Они когда-то были полны лошадей и скота. Никто изъ крестьянъ не смѣлъ купить лошадь или корову, помимо его же, Серебрякова. Онъ платилъ почти за всю волость и недоимки въ казну, а потомъ раскладывалъ ихъ на крестьянъ, какъ хотѣлъ. И было время, государь мой, когда за это еще спасибо говорили, благодѣтелемъ считали. Одежда, обувь, сукно, ситцы, чай, водка—все бралось крестьянами въ кредитъ и, разумѣется, по ужаснымъ цѣнамъ изъ лавокъ и кабаковъ того же Серебрякова. И у рѣдкаго изъ крестьянъ можно было увидѣть въ то время даже хоть рубль денегъ. Вотъ въ какой кабалѣ держалъ онъ здѣшній край почти цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

— Помилуйте, это почти невѣроятно. Была же тутъ власть какая-нибудь! вырвалось у меня возраженіе въ видѣ протеста.

— Охъ, государь мой, мало вы знаете настоящую Сибирь, а прежней, то-есть той, которая была даже лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и вовсе не знаете. Всѣ власти были покорнѣйшими слугами Серебрякова. Онъ для нихъ былъ кладъ. Онъ давалъ имъ опредѣленный доходъ и очень облегчалъ ихъ трудъ. Безъ всякихъ хлопотъ вносились подати, недоимки, чего же еще лучше? Я слышалъ отъ старожиловъ, что наша волость считалась одною изъ самыхъ исправныхъ въ губерніи.

— Наконецъ, могли обратиться къ высшей власти, къ генералъ-губернатору.

— Обращались, и по ихъ жалобамъ присылались чиновни-

ки, снаряжались строжайшія слѣдствія и... все же тѣ, которые жаловались, платились за это, а Серебряковъ оставался въ прежней силѣ и стоялъ со своими темными дѣлами также твердо, какъ вотъ тотъ его мрачный домъ.

Священникъ снова указалъ на домъ Серебрякова, очертанія котораго уже стали окутывать вечерніе сумерки.

— Но это хуже крѣпостничества.

— Гораздо хуже! Тамъ былъ хотя какой-нибудь контроль надъ поступками господина, — сосѣди, свое собственное, болѣе или менѣе развитое чувство, а здѣсь въ этой глуши, ничто и никто не могъ сдерживать безграничнаго и грубаго произвола разбогатѣвшаго всѣми неправдами кулака. И дѣйствительно, произволъ Серебрякова доходилъ до ужасающихъ размѣровъ! Послушали бы вы, что разсказываютъ здѣшніе старики!

Послышался топотъ, и вслѣдъ затѣмъ мимо насъ промчался по дорогѣ къ селу довольно большой табунъ лошадей. Его сопровождалъ молодой парень верхомъ.

— Это табунъ Серебрякова, — сказалъ отецъ Максимъ. Но теперь у него нѣтъ и десятой доли лошадей, сколько онъ имѣлъ прежде. Нужно отдать ему, однако жъ, справедливость. Посмотрите, какихъ крѣпкихъ и красивыхъ лошадей развелъ онъ здѣсь. Это такъ называемая нарымская порода.

— Что же теперь крестьяне умнѣе стали, поняли, въ какой были кабалѣ? — продолжалъ я разспрашивать священника, когда лошади скрылись отъ насъ между кустарниками.

— Нѣтъ, куда имъ самимъ было до этого додуматься. Нашелся человѣкъ хорошій и растолковалъ, въ чемъ дѣло. Вразумилъ ихъ одинъ исправникъ, который лѣтъ пятнадцать тому назадъ присланъ былъ сюда. И хотя его вскорѣ смѣнили, — Серебряковъ умѣлъ это обдѣлать, — но дѣло было уже сдѣлано. Когда умеръ мой предмѣстникъ и я пріѣхалъ сюда, то засталъ уже крестьянъ въ разладѣ съ Серебряковымъ. Я, разумѣется, старался поддерживать въ средѣ ихъ это настроеніе и прежде всего устроилъ, чтобы они артелью поставляли хлѣбъ и овесъ на пріиски. Серебряковъ за это возсталъ на меня. Но пора его прошла. Власти стали относиться къ его дѣйствіямъ строже, и мужики здѣшніе начали оживать. Мало-по-малу я съ ними тоже втянулся въ хозяйство и сдѣлался, милостивѣйшій государь мой, въ душѣ истиннымъ хлѣбопашцемъ.

Темнѣло. Мелкія волны рѣки изъ сине-зеленоватыхъ сдѣ-

лались свинцовыми. Длинныя тѣни легли по крутому противуположному берегу, и только стволы сосенъ наверху горы окрасились еще въ болѣе яркій и густой красный цвѣтъ.

Мы встали и пошли по дорогѣ къ селу. Дорога вилась между тальниковымъ и березовымъ кустарникомъ и то подходила къ самому берегу, то удалялась отъ него.

— Скажите, батюшка, этотъ Серебряковъ долженъ быть богатъ, — спросилъ я священника.

— Да, говорятъ. Но какъ велико его состояніе, никто не знаетъ, даже его сыновья.

— У него есть семейство?

— Онъ вдовъ и имѣетъ двухъ сыновей. Житье ихъ тоже очень плохое. Они съ женами живутъ въ особой избѣ у него во дворѣ и вообще онъ держитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ.

— Откуда же появился у васъ этотъ Серебряковъ?

— Какъ откуда? Подобные кулаки бываютъ только изъ коренныхъ сибиряковъ. И онъ, и отецъ его, и даже дѣдъ, родились въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Я разсказалъ отцу Максиму цѣль своей поѣздки къ Серебрякову.

— Напрасно вы трудились и пріѣзжать, — сказалъ онъ, внимательно выслушавъ меня. Денегъ отъ него не получите.

— Это какимъ образомъ?

— А такъ. Не могу допустить, чтобы этотъ кулакъ, какимъ-нибудь документомъ не заручился въ свою пользу.

— Посмотримъ.

— Увидите.

Между кустарниками мелькнуло что-то бѣлое. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, мы увидѣли сидѣвшую у самой рѣки женщину въ ситцевомъ свѣтломъ платьѣ. Обнявъ руками колѣна, она, казалось, такъ внимательно слѣдила за чѣмъ-то на водѣ или на противуположномъ берегу, что даже не слышала, какъ мы подошли.

— Здравствуй, Настя, — поздоровался съ нею отецъ Максимъ.

Въ одно мгновеніе она вскочила на ноги, оправила платье и, не отвѣчая на привѣтствіе, такъ тревожно смотрѣла на насъ, какъ будто мы поймали ее на какомъ-нибудь преступномъ дѣлѣ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Хотѣла купаться, такъ мы сей-

часъ уйдемъ, не помѣшаемъ, — продолжалъ говорить ей священникъ.

— Нѣтъ, не купаться, а ищу мѣста, гдѣ бы лучше броситься въ омутъ, — вдругъ быстро и рѣзко отвѣтила она

Черные глаза ея сверкнули, губы дрогнули, но тотчасъ же она улыбнулась, какъ будто желая показать, что она шутитъ.

— Что ты, что ты, Настя. Опомнись. Развѣ можно такъ шутить, — ласково замѣтилъ священникъ.

— Куда ужь тутъ шутить. Не могу я, батюшка, больше такъ жить. Не могу оставаться у него въ домѣ.

— Богъ дастъ, уйдешь оттуда, Настя. Отчаяваться нечего. Есть люди и посильнѣе Кондратія Силыча, — успокоивалъ отецъ Максимъ Настю.

— Охъ, не дождаться мнѣ этого. Выболѣло у меня все сердце. Не могу больше терпѣть, — съ какимъ-то ожесточеніемъ проговорила дѣвушка.

Отецъ Максимъ что-то тихо началъ говорить ей.

— А, такъ это та самая Настя, о которой сегодня толковали крестьяне у священника, подумалъ я.

Дѣвушка съ безпокойствомъ посматривала на меня. Видимо ее стѣсняло присутствіе чужаго человѣка. Я отошелъ въ сторону и, на сколько позволяли сумерки, сталъ всматриваться въ нее. Сначала черты смуглаго лица ея показались мнѣ нѣсколько рѣзкими и грубоватыми, но, вглядѣвшись въ нихъ, я увидѣлъ пріятные большіе глаза, тонкій прямой носъ, румяныя полныя губы и густую массу темныхъ волосъ, заплетенныхъ въ толстую косу. Она была довольно высокаго роста, гибка и не дурно сложена. Такія красивыя съ рѣзкими чертами женскія лица приходилось мнѣ часто встрѣчать въ сибирскихъ селахъ и преимущественно въ глуши, въ сторонѣ отъ большаго сибирскаго тракта, гдѣ уже начинаетъ вырождаться этотъ чистый славянскій, новгородскій типъ. Платье на ней было чистенькое и съ нѣкоторою претензіею. Изъ-подъ нижнихъ оборокъ его выглядывала нога, обутая въ кожаный ботинокъ. Въ Сибири крестьянки особенно любятъ щеголять обувью.

Она стояла, опустя голову и полуотворотясь отъ отца Максима, который, энергически, разводя руками, что-то растолковывалъ ей. Изрѣдка она поднимала глаза и опять безпокойно смотрѣла въ мою сторону.

Я счелъ за лучшее совсѣмъ удалиться, но чрезъ нѣсколько минутъ услышалъ за собою поспѣшные шаги священника.

— Вотъ, государь мой, и у насъ безъ романовъ не обходится. Но того и гляди, чтобы романъ нашъ не закончился худо. Сильно она возбуждена и, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ бросится въ воду. Хочу на будущей недѣлѣ съѣздить въ губернскій городъ, буду лично просить губернатора обуздать Серебрякова. Пусть понудятъ оставить ее въ покоѣ. Вы догадались, вѣроятно, кто эта дѣвушка?

— Да. Но какія же права имѣетъ на нее вашъ Серебряковъ.

— Въ Сибири исторія эта очень обыкновенная. Еще покойница жена Серебрякова взяла къ себѣ въ услуженіе эту Настю, когда она была маленькой дѣвочкой. Она умерла, а дѣвочка выросла и стала красивой дѣвушкой и, вѣроятно, сама не понимая какъ, попала въ руки старика. Отецъ и мать ея, люди совсѣмъ бѣдные, пользовались страстишкою хозяина и тянули съ него, что могли. Но не они Серебрякова поймали въ ловушку, а сами попали въ нее: онъ не прочь былъ снабжать ихъ тѣмъ и другимъ, но бралъ во всемъ формальныя долговыя обязательства; а между тѣмъ дѣвка полюбила одного дѣйствительно хорошаго здѣшняго парня, увидѣла, въ какія сѣти попала, и вотъ теперь совсѣмъ теряетъ голову...

Когда мы вошли въ село, уже было темно. Коровы, лошади и овцы бродили по улицамъ. Село смотрѣло нелюднымъ. Многіе выѣхали на работы, на заимки, откуда сибирскіе крестьяне пріѣзжаютъ домой только наканунѣ праздничныхъ дней.

Подходя къ церкви, мы услышали у воротъ одного дома хоровое пѣніе. Домъ этотъ былъ школа. Но уже было поздно и темно, чтобы заходить туда.

Въ домѣ отца Максима привѣтливо и ярко свѣтились огоньки, на небѣ загорались звѣзды, отъ рѣки потянуло прохладною влажностью.

IV.

Первая вѣсть, полученная мною на другой день утромъ, была, что Серебряковъ возвратился. Вѣсть эту принесъ мнѣ Вася, который сообщилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что отецъ его уѣхалъ въ сосѣднюю деревню, верстъ за восемнадцать, по дѣлу, но что къ обѣду будетъ домой, и просилъ меня непре-

мѣнно дождаться его, каковъ бы ни былъ результатъ моего свиданія съ Серебряковымъ.

Я тотчасъ же собрался къ Серебрякову. Скажу откровенно, что я шелъ къ нему не безъ нѣкотораго волненія. Вася вызвался проводить меня, но, въ виду дома Серебрякова, предупредивъ, чтобы я остерегался собакъ, побѣжалъ отъ меня прочь. Дѣйствительно, какъ только я постучался, собаки во дворѣ загремѣли тяжелыми цѣпями и залились ожесточеннымъ лаемъ. Однако жъ никто не отпиралъ мнѣ. Я хотѣлъ постучать въ окно, но въ нижнемъ этажѣ всѣ ставни были закрыты и приперты толстыми желѣзными полосами съ желѣзными болтами, проходившими во внутрь жилья. Въ верхнемъ этажѣ ставни были открыты. Открыто было настежь и одно угловое окно. Изъ этого окна послышался мнѣ громкій разговоръ. Сначала за лаемъ собакъ я ничего не могъ разобрать, что говорилось наверху, но потомъ явственно разслышалъ пронзительный женскій голосъ, кричавшій:

— Уйду отъ тебя. Сегодня же убѣгу. Не смѣешь ты меня неволить.

— Уйдешь? ахъ, ты..., вдругъ раздался громовой голосъ,— вскормилъ, вспоилъ ее, а она—уйдти!

— Для хорошихъ дѣлъ вспоилъ да вскормилъ, посовѣстился бы хвастаться-то такими дѣлами, — послышался опять женскій голосъ.

— Ишь ты, что запѣла, замужъ. Да я твоего Алешку въ острогъ упеку. И выходи тогда замужъ. Ахъ ты гадина!..— подъ самымъ окномъ почти разразился ругательствомъ мужской густой басъ.

— Въ острогъ? что? Алексѣя въ острогъ? Нѣтъ, Кондратій Силычъ, самъ ты прежде въ острогѣ насидишься. Давно тебѣ пора туда. Кровопійца, что вздумалъ,—Алексѣя въ острогъ...

— Да, въ острогъ. Я за этимъ и ѣздилъ. У меня свидѣтели есть, какъ онъ на пріиски спиртъ продавалъ. Теперь съ поличнымъ его поймали.

— Свидѣтели? врешь, врешь, не было этого.

— А вотъ я тебѣ покажу, какъ я вру...

— Пусти,—взвизгнулъ женскій голосъ.

— Стой, говорятъ тебѣ, ни съ мѣста. Какъ муху расшибу,— неистово загремѣлъ басъ.

— Пусти, не то въ окно кинусь...

И съ этими словами Настя очутилась у открытаго окна, но, увидя меня, отшатнулась.

Я, что было у меня силъ, застучалъ желѣзнымъ кольцомъ у калитки. Въ окно выглянулъ старикъ въ розовой ситцевой рубахѣ и въ жилетѣ поверхъ ея. Онъ сурово спросилъ меня:

— Кого надо?

— Къ Кондратію Силычу, по дѣлу отъ Петра Ивановича Мѣшкова,—отвѣчалъ я.

— А, слышалъ. Сейчасъ отопрутъ.

Старикъ скрылся въ окнѣ. Вскорѣ послышались шаги по ту сторону калитки, потомъ съ визгомъ двинулся засовъ, калитка отворилась, и я очутился лицомъ къ лицу съ высокимъ, красивымъ черноволосымъ парнемъ, который тотчасъ же опять притворилъ калитку и опять задвинулъ засовъ. Отгоняя бросившихся на меня со всѣхъ сторонъ собакъ, указалъ онъ мнѣ полуотворенную дверь и лѣстницу въ верхній этажъ.

Старикъ, съ которымъ я разговаривалъ въ окно, и былъ самъ Серебряковъ. Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ уже въ длинномъ суконномъ сюртукѣ и пригласилъ войдти въ комнату. Серебряковъ былъ очень высокаго роста и очень сильнаго сложенія. Окинувъ меня проницательнымъ взглядомъ, онъ остановился посреди комнаты. Лицо его, хотя и старческое, но красивое, дышало здоровьемъ, съ румянцемъ во всю щеку. Пряди сѣдыхъ волосъ спускались на виски, но лобъ и темя были совершенно голые, что придавало еще болѣе выразительности его большому орлиному носу. Борода, тоже сѣдая и рѣдкая, длиннымъ клиномъ спускалась на грудь. Онъ стоялъ и ждалъ.

Я подалъ ему письмо отъ Мѣшкова. Тогда только онъ пригласилъ меня сѣсть и пошелъ отыскивать очки.

Когда онъ читалъ письмо,—а читалъ онъ его очень долго,—я успѣлъ осмотрѣться въ комнатѣ.

Комната была, по сибирскому обыкновенію, оштукатурена и чисто выбѣлена. Тяжелыя двери и небольшія окна выкрашены были масляною краскою въ темный какой-то неопредѣленный цвѣтъ. У каждой двери придѣланъ былъ прочный засовъ, а въ окнахъ желѣзныя внутреннія ставни. Вообще видно было, что хозяинъ, какъ говорится, жилъ крѣпко. Да иначе ему и нельзя было жить. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали, что однажды ворота въ его домѣ были уже сломаны грабителями, но ворваться въ окна и выломать двери разбойники

не смогли. Трудно было рѣшить, какое назначеніе въ домѣ имѣла комната, гдѣ мы сидѣли со старикомъ. Вся она загромождена была сундуками, стоявшими вдоль стѣнъ и одинъ на другомъ. Между сундуками стояла и постель хозяина, съ подушками въ чистыхъ, пестрыхъ ситцевыхъ наволокахъ и съ сѣрымъ байковымъ одѣяломъ. Покрытый ковромъ, рѣшетчатый деревянный диванъ, нѣсколько стульевъ и столъ, выкрашенные коричневою краскою, угольный на трехъ ножкахъ столъ подъ образами, да маленькое зеркальце надъ диваномъ,— вотъ все убранство комнаты. Образа, въ потускнѣвшихъ ризахъ и съ почернѣвшими отъ времени ликами, висѣли криво и въ безпорядкѣ. Подъ ними, на угольномъ столѣ, лежали святцы въ кожаномъ переплетѣ, счеты, кипа бумагъ и нѣсколько конторскихъ книгъ. Изъ сосѣдней комнаты слышался запахъ какой-то стряпни, и виднѣлся самоваръ на столѣ. Массы мухъ вились на потолкѣ и подъ образами.

Серебряковъ окончилъ чтеніе письма и снова смѣрялъ меня своими сѣрыми большими глазами.

— Чудакъ Петръ Ивановичъ, право чудакъ, насмѣшливо произнесъ онъ. Пишетъ, что желаетъ произвести со мною окончательный разсчетъ. Вы же, почтенный, кто у него будете?

— Я его довѣренный, и мнѣ поручено сосчитаться съ вами. Именно для этого и пріѣхалъ сюда, сказалъ я твердымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Да какъ же намъ еще считаться? Хлѣбъ по контрактамъ доставлялся исправно, деньги, кажись, я всѣ получилъ, чего же еще нужно отъ меня Петру Ивановичу?

— Деньги вы получали не по контрактамъ, а подъ ваши росписки изъ разныхъ конторъ. И вашихъ росписокъ оказывается на бо́льшую сумму противъ контрактныхъ суммъ.

— А, вотъ оно что́! Значитъ, по вашему, Петру Ивановичу съ меня еще слѣдуетъ получить,—сказалъ, смѣясь, Серебряковъ и оскалилъ остатки своихъ зубовъ.

— Да. Не угодно ли взглянуть, тутъ всѣ ваши счеты, начиная съ самой первой вашей поставки.

При этихъ словахъ я вручилъ ему выписку изъ конторскихъ книгъ и выведенный мною итогъ. Не развертывая, онъ положилъ ихъ передъ собою на столѣ и опять засмѣялся.

— Эхъ, куда вы хватили, съ первой поставки,—сказалъ онъ. Да вѣдь эта первая поставка была лѣтъ двадцать тому назадъ.

— Все это сдѣлано для большей ясности и чтобы васъ убѣдить въ вѣрности представленнаго вамъ разсчета.

— Это по-вашему, почтенный, выходитъ такъ. А по-моему не резонъ затѣялъ Петръ Ивановичъ подымать старые счеты. Не слѣдъ было бы ему, такому богачу, пустяками эдакими заниматься. Ну, да ладно. Я вотъ посмотрю вашъ счетъ и дамъ отвѣтъ Петру Ивановичу на письмо. Денекъ-то я васъ здѣсь задержу за этимъ дѣломъ. Погостите у батюшки, у отца Максима,—вѣдь вы у него, сказываютъ, остановились,—а завтра же, кстати, день воскресный, такъ милости прошу пожаловать ко мнѣ послѣ обѣдни на чашку чаю. Чайку накушаетесь и обстоятельный отвѣтъ получите.

Все это Серебряковъ проговорилъ такъ, какъ будто отдавалъ мнѣ приказанія и имѣлъ право распоряжаться моимъ временемъ. И говорилъ онъ такъ просто, какъ будто съ сознаніемъ права на своей сторонѣ. Я даже на минуту забылся-было: сижу ли я лицомъ къ лицу съ тѣмъ Серебряковымъ, о которомъ со всѣхъ сторонъ доходили до меня самыя ужасныя повѣствованія. Вдругъ мнѣ припомнился крикъ Насти, и я какъ-бы отъ электрическаго удара вскочилъ на ноги. Онъ тоже приподнялся со стула, и тутъ только я увидѣлъ, что онъ цѣлою головою выше меня. Вообще вся его массивная фигура производила какое-то подавляющее впечатлѣніе и въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ высказывалась громадная сила, громадный характеръ. Для меня уже не было удивительнымъ, что человѣкъ этотъ могъ прибрать къ рукамъ цѣлую волость. Когда онъ провожалъ меня, я замѣтилъ, что онъ хромалъ на лѣвую ногу. Толковъ объ его хромой ногѣ я слышалъ потомъ много. Иные говорили, что еще въ молодости помяли его извозчики на большой дорогѣ, когда онъ промышлялъ отрѣзываніемъ товарныхъ тюковъ изъ обозовъ. Другіе разсказывали, что онъ получилъ это поврежденіе въ схваткѣ съ напавшими на него грабителями, которыхъ онъ въ свою очередь такъ изувѣчилъ, что послѣ уже не осмѣливались нападать на него, даже когда онъ ѣздилъ одинъ.

Я возвращался отъ Серебрякова въ самомъ скверномъ настроеніи. То я почему-то терялъ увѣренность въ правильности сведенныхъ мною счетовъ и былъ озлобленъ за это на самого себя, то вдругъ мерещилось мнѣ изступленное лицо Насти, и раздавались въ ушахъ угрозы и ругательства старика, и озло-

бленіе переходило на него, на этого легендарнаго въ той мѣстности Серебрякова.

Аккуратный отецъ Максимъ не заставилъ себя ждать. Къ самому обѣду подкатилъ онъ на рыженькой лошадкѣ, въ легкой телѣжкѣ, къ своему дому и весело пожалъ мнѣ руку.

— По лицу вашему вижу, что вы, государь мой, не слишкомъ довольны вашимъ сегодняшнимъ свиданіемъ съ Серебряковымъ,—сказалъ онъ мнѣ, садясь за столъ.

Я разсказалъ ему о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ человѣкомъ, и о томъ, что разсчетъ онъ отложилъ на завтра. Упомянулъ и о той сценѣ, которую пришлось мнѣ, если не видѣть, то слышать изъ окна.

Отецъ Максимъ задумался.

— О томъ, что у Алексѣя, то-есть у парня, за котораго хочетъ выйдти замужъ Настя, на дняхъ отобранъ на пріискахъ боченокъ спирту, дѣйствительно я слышалъ. Зная же хорошо Алексѣя, вѣры большой этому слуху не придаю. Но еслибы это и было такъ, то старикъ воспользуется непремѣнно случаемъ, чтобы отомстить ему за Настю. Это похоже на него. Такъ разсуждалъ священникъ за обѣдомъ.

Матушка страшно встревожилась разсказанной мною сценой. Она поминутно вопросительно поглядывала на мужа, и сама составляла планы, какъ выручить изъ бѣды Алексѣя и Настю. Отецъ Максимъ тоже сталъ невеселъ. Добрые люди эти, не знавшіе своего горя, живо чувствовали чужое горе и радовались чужимъ радостямъ.

V.

Раннимъ утромъ въ воскресенье маленькій колоколъ на тырбышской колокольнѣ звонилъ къ обѣднѣ. Я присоединился къ отцу Максиму и Васѣ, которые отправились въ церковь съ первыми ударами колокола.

Деревянная еще не старая церковь, съ зеленою крышею, выкрашенная снаружи и внутри сѣроватою масляною краскою, смотрѣла очень чисто и нарядно. Вездѣ въ ней видны были своеобразныя заботы отца Максима, начиная отъ круглыхъ печей особаго устройства и кончая вентиляціей его собственнаго изобрѣтенія, о которой онъ говорилъ мнѣ еще дорогою, и не вытерпѣлъ, чтобы не показать ее до обѣдни.

Въ церкви мы застали уже довольно много народу и осо-

бенно женщинъ и дѣтей. Учитель мѣстной школы въ праздничномъ платьѣ и съ праздничной физіономіей стоялъ уже на клиросѣ съ своимъ небольшимъ хоромъ.

Началось богослуженіе. Четко и внятно отецъ Максимъ произносилъ молитвы и слова святаго писанія. Стройно, хотя и съ преобладаніемъ пискливыхъ голосовъ, раздавались подъ сводомъ сельской церкви дорогія всему православному міру молитвы. Усердно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и клали земные поклоны прихожане отца Максима. Пламя желтыхъ восковыхъ свѣчей трепетало отъ легкаго вѣтерка, врывавшагося въ открытыя окна. Смотрѣла во всѣ окна и отцвѣтшая уже рябина. Немилосердо въ вѣтвяхъ ея чирикали воробьи, а сквозь зеленыя вѣтки синѣло небо, и ярко свѣтилась отъ утреннихъ лучей солнца розовая полоса отроговъ Саянскихъ горъ. И видъ этихъ далекихъ горъ изъ оконъ церкви напомнилъ мнѣ, что я въ глубинѣ Азіи, на другомъ концѣ своего отечества. При мысли, что тутъ, въ этихъ малолюдныхъ мѣстахъ Сибири, также какъ и далеко въ обѣ стороны, на западъ и на востокъ, на всей обширной и непрерывной полосѣ земли, составляющей почти треть всего сѣвернаго полушарія, народъ въ эти часы также осѣняетъ себя однимъ и тѣмъ же православнымъ крестомъ, я проникнулся весь религіознымъ чувствомъ и молитвою. Въ тѣ минуты я думалъ: этому народу, занявшему столько мѣста на землѣ, суждено отмѣтить свое существованіе чѣмъ-нибудь великимъ и полезнымъ для всего міра... Какой-то голосъ внутри меня твердилъ мнѣ: прійдетъ время для дѣлъ русскаго народа. А отецъ Максимъ, отворивъ царскія врата, воздѣвалъ руки къ небу и, мнѣ казалось, молилъ о помощи свыше своей духовной паствѣ, родной странѣ и всему міру. Облако кадильнаго дыма окружило его всего въ алтарѣ, полосы солнечныхъ лучей прорѣзывали это облако и ослѣпительно освѣщали престолъ и парчевое облаченіе священника.

Мысли мои прерваны были движеніемъ въ церкви. Народъ давалъ дорогу Серебрякову. Монументальная фигура его, присѣдая на хромую ногу, подвигалась впередъ съ пукомъ свѣчей въ рукѣ. Поставивъ свѣчи предъ образами и положивъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, онъ сталъ къ южнымъ дверямъ и во время всей обѣдни губы его не переставали шевелиться и произносить молитвы.

Отецъ Максимъ сказалъ короткую проповѣдь, безъ всякой

тетрадки и въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ. Народъ со вниманіемъ слушалъ его. Видно было, что прихожане привыкли къ такимъ поученіямъ своего священника. На этотъ разъ онъ говорилъ о томъ, что лучшее украшеніе человѣка — внутренняя его чистота, чистота строя его дома и семейныхъ отношеній. Семейство благословлено и освящено Богомъ, а потому нарушеніе семейной чистоты всегда внушаетъ намъ отвращеніе. Нужно стараться помогать ближнему, устраивать семейство, а не разрушать его; нужно побуждать женщинъ къ чистой семейной жизни, а не соблазнять ихъ и не лишать величайшаго для нихъ счастія—быть матерями хорошихъ, честныхъ тружениковъ и достойныхъ слугъ отечества.

Подъ конецъ проповѣди много глазъ покосилось въ ту сторону, гдѣ стоялъ Серебряковъ. Значеніе проповѣди было понятно. Добрый отецъ Максимъ, отрицавшій въ Серебряковѣ всякіе слѣды совѣсти, все же считалъ необходимымъ исполнить до конца свои пастырскія обязанности. А Серебряковъ, опираясь на палку, казалось, не проронилъ ни одного слова изъ проповѣди, и даже въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ особое умиленіе выражалось на его лицѣ. Ни однимъ движеніемъ, ни однимъ взглядомъ онъ не далъ замѣтить присутствующимъ, что онъ хотя сколько-нибудь относитъ эту проповѣдь къ себѣ.

Выйдя изъ церкви и поджидая отца Максима, я подъ руководствомъ Васи занялся разсматриваніемъ памятниковъ и могилъ въ церковной оградѣ. Вася указалъ мнѣ каменную плиту, заросшую травою, надъ могилою старика священника, предмѣстника его отца; а я обратилъ вниманіе на небольшую колонку изъ сѣраго мрамора, обнесенную желѣзною рѣшеткою. Еще несовсѣмъ потускнѣвшая золоченая надпись на ней тотчасъ объяснила мнѣ, чья была эта могила.

„Памятникъ сей воздвигнутъ иждивеніемъ торгующаго крестьянина Кондратія Серебрякова надъ погребеннымъ здѣсь тѣломъ дражайшей супруги его, Анфисы Ивановой Серебряковой, бывшей съ нимъ въ супружествѣ тридцать два года“. На другой сторонѣ памятника былъ написанъ годъ смерти покойницы. Она умерла всего пять лѣтъ тому назадъ.

— И тутъ виденъ человѣкъ, — подумалъ я, — и тутъ непремѣнно нужно было упомянуть объ иждивеніи.

У воротъ церковной ограды стоялъ кучками народъ, и слышно было, что крестьяне о чемъ-то горячо разсуждали.

Вдругъ мое вниманіе привлечено было слѣдующими словами.

— Алексѣя-то сегодня чуть свѣтъ въ волость увезли.

— А вѣдь, братцы, это Кондратій постарался, — замѣтилъ кто-то между крестьянами.

Не трудно было догадаться о какомъ Алексѣѣ и о какомъ Кондратіи шла рѣчь. Я подошелъ поближе къ кучкѣ, гдѣ шелъ этотъ разговоръ.

— Чего добраго, пропадетъ парень, — продолжали въ ней говорить.

— Пропасть—не пропадетъ, а всю рабочую пору продержатъ въ волости.

— Значитъ, всего оберутъ и раздѣнутъ.

— Вотъ бѣда-то свалилась на Алексѣя.

— Еще какая бѣда. Совсѣмъ безвинно терпитъ парень.

— Говорятъ, дядю покрылъ на пріискахъ.

— Спиртъ-то дядинъ былъ. Вишь, куча дѣтей, хотѣлъ поживиться. Ну, Алексѣй и пожалѣлъ.

— А каковъ старый, Кондратій-то? Туда же вздумалъ дѣвку отбивать.

Крестьяне засмѣялись.

— Что-то станется теперь съ Настей?

— Погубилъ дѣвку, и какую еще дѣвку.

— Вѣдь вотъ, прости Господи, что̀ наровитъ, — ни себѣ, ни людямъ.

Къ концу разговора вышелъ изъ церкви и отецъ Максимъ. Крестьяне почтительно сняли предъ нимъ шапки и сообщили ему о происшествіи съ Алексѣемъ. Священника взволновало ужасно это извѣстіе.

— Вы поймите только, что значитъ оторвать крестьянина отъ работъ въ такую пору,—сказалъ, онъ обращаясь ко мнѣ и стуча своею длинною палкою о землю. Вотъ что̀, государь мой, терять времени нечего. Отправляйтесь къ Серебрякову, кончайте съ нимъ дѣло,—я не сомнѣваюсь въ томъ, что толку вы отъ него не добьетесь и судомъ даже трудно будетъ вамъ вырвать ваши деньги, — потомъ пообѣдаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, и довезите вы меня, пожалуйста, до губернскаго города. Мѣсто для меня въ вашемъ тарантасѣ найдется. По всему вижу, что вмѣшательство губернатора въ тѣ дѣла, которыя у насъ затѣялись, необходимо.

Крестьяне съ благодарностью проводили священника, а я направился селомъ къ Серебрякову.

На этотъ разъ на стукъ мой у калитки тотчасъ ее отво-

рили. Я засталъ Серебрякова, сидѣвшаго въ очкахъ надъ бумагами. Пальцемъ лѣвой руки онъ водилъ по какимъ-то цифрамъ, а правою клалъ ихъ на счетахъ.

— Покорно прошу садиться. Вотъ мы съ вами, почтенный, теперь и потолкуемъ. Да, потолкуемъ, — сказалъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ и смотря на меня чрезъ очки своими сѣрыми хищническими глазами. Но это уже потомъ дѣло будетъ, а теперь давайте чай пить. Настасья, подай намъ съ гостемъ чаю,—вдругъ громко забасилъ онъ.

Чрезъ двѣ-три минуты Настя вышла изъ сосѣдней комнаты съ большимъ подносомъ въ рукахъ. Она была въ праздничномъ нарядѣ и показалась мнѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда я видѣлъ ее у рѣки. Не поднимая глазъ, поставила она подносъ съ чаемъ и съ свѣжимъ горячимъ печеньемъ на столъ и тотчасъ удалилась.

— Вотъ странность,—подумалъ я, вчера была у нихъ такая буря, а сегодня она смотритъ какимъ ягненкомъ. Навѣрное еще не знаетъ объ Алексѣѣ.

Старикъ пилъ чай въ прикуску и разспрашивалъ меня о Мѣшковѣ и другихъ знакомыхъ ему золотопромышленникахъ.

Когда Настя принесла мнѣ другой стаканъ чаю, мнѣ показалось, что руки ея дрожали, и около губъ мускулы какъ-то скверно подергивались.

— Теперь оно и лучше будетъ толковать,—сказалъ Серебряковъ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ чаю и надѣвая очки. Ну, такъ какъ же по-вашему? Такъ и выходитъ, что съ меня слѣдуетъ получить Петру Ивановичу цѣлый капиталъ? Ужь полно, такъ ли?

— Да вы провѣряли переданные вамъ мною вчера счета?

— Провѣрялъ, почтенный, провѣрялъ,—съ ироніей отвѣчалъ старикъ.

— И вы находите, что все сосчитано вѣрно,—рѣшился я сразу и категорически объясниться съ Серебряковымъ,—что полученныя вами суммы сличены правильно съ контрактами.

— Съ контрактами?

— Да.

— Съ какими? съ тѣми, что у васъ, или съ тѣми, что у меня?—рѣзко спросилъ онъ и уставился на меня глазами.

— Подлинные контракты и копіи, которыя вы имѣете, должны быть во всемъ одинаковы.

— Одинаковы, не спорю, почтенный. Какъ не быть имъ

одинаковыми. Да только приписки разныя на моихъ копіяхъ есть. Вотъ дѣло въ чемъ.

— Какія и чьи приписки?—спросилъ я, возвышая голосъ.

— Не горячись, почтенный,—вдругъ онъ началъ говорить мнѣ ты, но я счелъ за лучшее не обращать на это вниманіе.— Не горячись, все узнаешь. Дай только толкомъ поговорить съ тобою. Съ какихъ же контрактовъ начнемъ мы считаться?

— Разсчетъ вашъ выведенъ за послѣдніе семь лѣтъ, въ которые вы именно и перебрали излишнія суммы.

— За семь только. Почему же не за двадцать? А?—и онъ засмѣялся, широко открывая свой беззубый ротъ и потрясая клинообразною бородою. Ай да Петръ Ивановичъ! Вздумалъ старые счеты поднимать. И кто это его надоумилъ? Ужь не ты ли, молодецъ? Мнѣ сдается, что ты.

Онъ опять засмѣялся.

— Послушайте,—сказалъ я ему самымъ спокойнымъ тономъ,—вы получили письмо отъ Петра Ивановича Мѣшкова, въ которомъ онъ указалъ на меня, какъ на своего довѣреннаго. И въ качествѣ довѣреннаго я прошу васъ дать мнѣ положительный отвѣтъ. Признаете ли вы предъявленный вамъ разсчетъ или нѣтъ?

— Дамъ и отвѣтъ. Имѣй терпѣніе. Э, да, я вижу, ты и дѣлъ-то не умѣешь дѣлать. Въ коммерческихъ дѣлахъ горячиться вздумалъ. Мы вотъ съ чего начнемъ.

Онъ началъ рыться въ бумагахъ и, отыскавъ одинъ изъ контрактовъ, сказалъ.

— Вотъ тутъ, по этому контракту, у тебя значится одно, а у меня сдѣлана приписка, что принято отъ меня хлѣба на пять тысячъ пудовъ болѣе.

— Если эта приписка есть въ копіи, то отчего же ея нѣтъ въ подлинномъ контрактѣ? замѣтилъ я.

— А ужь это не мое дѣло. Каждый думай о себѣ.

— Кто же дѣлалъ эту приписку?

— Кто? Извѣстно, кто принималъ хлѣбъ.

— Значитъ, управляющій пріискомъ. Онъ не имѣлъ права принимать у васъ хлѣбъ сверхъ законтрактованнаго количества. Вамъ извѣстно, что дѣйствія пріиска и всѣ потребности на эти дѣйствія разсчитываются впередъ. Зачѣмъ же понадобилось излишнее количество хлѣба? Это что-то не такъ,—возразилъ я Серебрякову.

— Что ты говоришь?—не такъ. Ужь если принялъ хлѣбъ,

да сложилъ его въ пріисковые амбары,—значитъ, имѣлъ право принять. Принялъ хлѣбушекъ и росписался. А Петръ Ивановичъ денежки заплати. Вотъ какъ по-нашему. Да у меня почитай на всѣхъ контрактахъ есть такія приписки. Я высчиталъ сегодня, такъ не мнѣ приходится платить Петру Ивановичу семнадцать тысячъ, какъ вы ему тамъ въ конторахъ насчитали, а съ него еще мнѣ нужно получить тысченки двѣ. Такъ-то. Ну, да я не изъ такихъ,—старыхъ счетовъ поднимать не буду. А то ты съ своимъ счетомъ сбилъ меня съ толку совсѣмъ. Шутка сказать, — семнадцать тысячъ. Однако жъ, я хоть и малограмотный, а лучше васъ сосчиталъ. Вотъ смотри.

И онъ съ самою нахальною улыбкою придвинулъ къ себѣ счеты, началъ громко произносить цифры и считать ихъ. Разумѣется, процессъ этотъ только забавлялъ меня. По словамъ отца Максима и по той самоувѣренности, съ которою встрѣтилъ меня Серебряковъ, я полагалъ, что у него найдутся какія-нибудь вѣскія опроверженія правильности выведеннаго мною счета, но ссылки его на какія-то темныя приписки въ контрактахъ разсѣяли мои сомнѣнія. Я убѣдился, что имѣю дѣло съ плутомъ, привыкшимъ къ разнымъ уловкамъ въ денежныхъ разсчетахъ.

Пока онъ возился со счетами,—что̀ заняло не мало времени, потому что нѣсколько разъ сбивался и пересчитывалъ все снова,—я съ любопытствомъ оглядывалъ его своеобразное, укрѣпленное жилище и совершенно машинально взглянулъ въ сосѣднюю комнату. Я увидѣлъ тамъ Настю, сидѣвшую на сундукѣ, и вздрогнулъ. Вздрогнуть меня заставилъ ея взглядъ, обращенный на Серебрякова. Какъ теперь помню эти двѣ складки между густыми сдвинутыми вмѣстѣ бровями, стиснутые зубы и сжатыя губы, эти налитыя кровью жилы на шеѣ и на вискахъ, эти пальцы, готовые сломаться одинъ о другой, и глаза, эти ужасные глаза, метавшіе искры и направленные на старика. Въ одно мгновеніе я понялъ, что исторія съ Алексѣемъ извѣстна ей, и что дѣвушкою овладѣло отчаяніе.

Серебряковъ кончилъ считать.

— Вотъ это вѣрно будетъ,—сказалъ онъ, указывая мнѣ на счеты. Двѣ тысячи сто сорокъ одинъ рубль, восемьдесятъ четыре копѣйки слѣдуетъ мнѣ съ Петра Ивановича.

— Все это вздоръ. Никакихъ излишнихъ поставокъ на пріиски вы не дѣлали. Подумайте хорошенько, по-вашему, вы

каждый годъ поставляли излишнее количество хлѣба, кто же съѣдалъ этотъ хлѣбъ?—отвѣчалъ я ему какъ можно спокойнѣе.

— Кто съѣдалъ? Да мнѣ-то что-за дѣло. Чудаки!—забасилъ старикъ и принужденно засмѣялся.

— По всему я вижу, что вамъ нежелательно миролюбиво покончить разсчетъ съ Петромъ Ивановичемъ, но если дѣло дойдетъ до суда...

— Что? ты грозишь мнѣ судомъ? Вотъ какого стрекулиста прислалъ Петръ Ивановичъ,—крикнулъ старикъ, перебивая меня. Да я послѣ этого разговаривать съ тобою не хочу.

Онъ всталъ и выпрямился во весь свой огромный ростъ.

Я тоже всталъ и, сдерживая охватившую меня злобу на кулака, сказалъ ему, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Послушай, Кондратій Силычъ, всему есть мѣра. Я имѣлъ терпѣніе выслушать всѣ твои дерзкія выходки, желая только мирно покончить дѣло моего довѣрителя. Но теперь вижу, что напрасно былъ къ тебѣ снисходителенъ. Ты не считаешься со мною, а плутуешь.

При послѣднемъ словѣ, я бросилъ взглядъ въ сосѣднюю комнату. Глаза Насти, устремленные на старика, готовы были выкатиться изъ орбитъ и, казалось, вотъ-вотъ, какъ хищный звѣрь, бросится она на него.

Серебряковъ снялъ очки и, протирая ихъ, съ минуту, молча, смотрѣлъ на меня.

— Поѣзжай къ Петру Ивановичу и скажи ему отъ меня,—совершенно хладнокровно вдругъ заговорилъ онъ,—да, такъ и скажи, что присланный счетъ невѣренъ. Только и скажи. А по невѣрнымъ счетамъ Кондратій Серебряковъ платить не будетъ. Онъ это знаетъ и судиться со мною не станетъ.

— Это твое послѣднее слово, Кондратій Силычъ? — счелъ я обязанностью спросить.

— Какое тамъ еще послѣднее слово. Сказано тебѣ, ну и шабашъ, и весь разговоръ конченъ.

Я направился къ двери.

— Прощай, почтенный. Молодъ ты еще учить стариковъ,—приговаривалъ онъ мнѣ вслѣдъ. Настасья, поди проводи гостя и запри за нимъ.

Настя вышла провожать меня съ такимъ же скромнымъ и спокойнымъ лицомъ, съ какимъ подавала чай, и я снова пораженъ былъ этою перемѣною.

Когда она отпирала мнѣ калитку, я успѣлъ шепнуть ей.

— Чрезъ пять-шесть дней положеніе ваше измѣнится. Алексѣй будетъ свободенъ, потому что не виноватъ. Отецъ Максимъ выручитъ и его, и васъ. Для этого онъ ѣдетъ со мною сегодня же въ городъ.

Настя быстро взглянула на меня своими воспаленными глазами, губы у нея затряслись, и лицо поблѣднѣло и, не вымолвивъ ни одного слова, она заперла за мною калитку.

VI.

Отецъ Максимъ неожиданно задержалъ мой отъѣздъ, а его самого задержала опасно больная старуха на селѣ.

— Завтра, государикъ мой, завтра утречкомъ по холодку и поѣдемъ. Что прикажете дѣлать, нельзя бросить и больнаго человѣка,—успокоивалъ онъ меня.

А я такъ и порывался ѣхать и ѣхать. Опасенія за Настю не оставляли меня. Безпрестанно припоминалось мнѣ ея лицо, полное отчаянія и горя, и я десятки разъ говорилъ отцу Максиму:

— Смотрите, торопитесь, не выдержитъ женщина, наложитъ на себя руки.

Усталый отецъ Максимъ только какъ-то сомнительно поглядывалъ на меня и отиралъ потъ на своемъ раскраснѣвшемся лицѣ. Ему много было возни въ тотъ день.

Къ вечеру начала портиться погода. Небо заволокло тучами, и пошелъ мелкій дождь.

— Тѣмъ лучше. Мошекъ и комаровъ будетъ меньше. Да и для хлѣбовъ благодать, — приговаривалъ отецъ Максимъ, дѣлая распоряженіе, чтобы лошади для насъ на разсвѣтѣ были готовы, и приказывая женѣ и Васѣ, какъ ухаживать за больной и когда давать ей лѣкарства.

— Ну, теперь пойдемте спать, а утромъ, чуть свѣтъ, я разбужу васъ,—сказалъ онъ мнѣ послѣ ужина.

Я отправился въ комнату Васи, отведенную въ мое распоряженіе. Комната эта выходила окномъ на улицу и находилась рядомъ съ рабочею, а вмѣстѣ и спальною комнатою отца Максима. Скоро и весь домъ отца Максима успокоился.

Тяжелыя впечатлѣнія дня привели меня въ возбужденное состояніе, и я не могъ долго заснуть. Слышалъ я, какъ раздѣвался и ворочался на кровати отецъ Максимъ, и какъ онъ вскорѣ захрапѣлъ. Слышалъ я, какъ пробили часы двѣнадцать и

затѣмъ часъ. Потомъ предсталъ предо мною великанъ Серебряковъ съ своею хромою ногою и беззубымъ ртомъ, скривленнымъ въ злую насмѣшку надо мною и надъ моею слабостью въ сравненіи съ нимъ. Образъ Серебрякова смѣнился горящими, какъ раскаленные угли, глазами Насти. И какъ-будто эти глаза съ ужаснѣйшею ненавистью смотрѣли уже на меня и упрекали въ моемъ равнодушіи, въ моей безъ участности къ ея страданіямъ.

Вдругъ мнѣ почудилось во снѣ, какъ будто кто-то стучитъ въ окно той комнаты, гдѣ я спалъ. И я проснулся. Но стукъ послышался уже на яву. Я сталъ прислушиваться, и стукъ раздался еще сильнѣе, а вмѣстѣ и чей-то голосъ:

— Батюшка и матушка, отоприте, скорѣе отоприте.

Я постучалъ въ стѣну къ отцу Максиму. Онъ проснулся и торопливо проговорилъ:

— Кто тамъ? чего надо?

— Кто-то стучитъ въ окно,—сказалъ я чрезъ стѣну.

— Гдѣ стучатъ? переспросилъ отецъ Максимъ.

— Отоприте,—пронзительно закричалъ голосъ въ окно.

Не было сомнѣнія, кричала женщина. Священникъ услышалъ этотъ крикъ, въ одну минуту одѣлся и пошелъ отпирать.

Я поспѣшно набросилъ платье и тоже вышелъ въ переднюю.

— Настя, вскрикнулъ у двери священникъ,—что съ тобою?

— Охъ, пустите меня, я падаю,— отвѣчала она какъ-то растерянно и проскользнула, вся мокрая, мимо насъ въ рабочую комнату священника.

Мы съ отцомъ Максимомъ поспѣшили за нею. Какъ только вспыхнула спичка въ рукахъ у отца Максима, ужасъ объялъ насъ: у Насти руки и все платье были въ крови.

Священникъ выронилъ спичку изъ рукъ, и мы остались въ темнотѣ.

Дрожащею рукою отецъ Максимъ зажегъ другую спичку и поднесъ ее къ свѣчѣ.

Когда свѣча освѣтила комнату, Настя уже сидѣла на стулѣ и безсознательно смотрѣла внизъ. Вода струилась по ея платью, размывала кровавыя пятна, и красная лужа образовалась на полу.

— Настя, кто это тебя? гдѣ рана?—бросился къ ней отецъ Максимъ.

Дѣвушка отстранила его рукою и подняла на него свои воспаленные глаза.

— Это не моя кровь,—сказала она какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Какъ не твоя? чья же? какъ попала она на твое платье?— отрывчатыми фразами спрашивалъ ее отецъ Максимъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Его кровь, прошептала Настя.

— Чья!—переспросилъ священникъ.

— Его, Кондратія,—еще тише проговорила она.

Я вдругъ почувствовалъ холодъ въ рукахъ и ногахъ.

Отецъ Максимъ пошатнулся и схватился рукою за столъ.

— Я его соннаго ножомъ, тѣмъ, что рѣжутъ мясо. Схватился, облилъ меня кровью и упалъ. Страшно мнѣ стало. Сбѣгла внизъ, крикнула въ окно сыну: зарѣзала отца! и сюда...—едва шевеля блѣдными, запекшимися губами, произнесла дѣвушка, и голова ея упала на грудь.

Священникъ стоялъ съ минуту, какъ ошеломленный, потомъ вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Настя не шевелилась и какъ будто замерла въ одной позѣ. Только вода, смѣшанная съ кровью, капала съ нея на полъ.

Испуганная, курчавая головка Васи просунулась въ дверь. Изъ заднихъ комнатъ послышалось оханье матушки. Не прошло и четверти часа, какъ весь домъ отца Максима былъ на ногахъ.

Мнѣ показалось вдругъ, что въ комнатѣ мало воздуха, и я поспѣшилъ открыть окно. Оно выходило во дворъ. Начинало разсвѣтать, и сильный дождь лилъ на дворѣ. Въ глубинѣ двора стояла тройка лошадей въ хомутахъ, съ подвязанными хвостами. Ямщикъ собирался мазать мой тарантасъ.

Я пошелъ отыскивать отца Максима, но матушка и Вася сказали, что онъ ушелъ изъ дому.

Когда совсѣмъ разсвѣло, народъ началъ собираться къ дому священника. Иные входили во дворъ, другіе стояли у воротъ. Видно было, что новость уже разнеслась по селу. Старшина прибѣжалъ, запыхавшись. Куда дѣвалась его важность. Онъ освѣдомился о преступницѣ, даже взглянулъ на нее черезъ дверь и остолбенѣлъ.

Настя все въ томъ же безчувственномъ состояніи сидѣла на стулѣ. Казалось, она никого не видѣла и ничего не слышала.

Отецъ Максимъ, измоченный дождемъ и весь въ грязи, вдругъ выросъ предъ моими глазами.

Онъ сильно схватилъ меня за руку и повлекъ въ гостинную. Тамъ въ изнеможеніи опустился онъ на кресло.

— Былъ сейчасъ у Серебрякова,—едва переводя духъ, проговорилъ онъ, — въ надеждѣ, что порѣзъ не смертеленъ. Думалъ, куда справиться дѣвченкѣ съ такою махиною.

— Что же?—торопливо спросилъ я.

— Мертвъ. Всю шею отхватила ему. И ножъ тамъ же лежитъ. Остеръ, какъ бритва. Должно быть, заранѣе отточила его. Боже мой! сколько ненависти нужно имѣть къ человѣку, чтобы такъ зарѣзать его. А что же Настя?

Отецъ Максимъ быстро вскочилъ съ своего мѣста, и мы пошли къ ней.

Тихо перешагнулъ онъ порогъ комнаты, гдѣ она сидѣла, и долго смотрѣлъ на нее. Дѣвушка вздохнула.

— Ахъ, Настя, Настя, какой ты грѣхъ...

Священникъ спохватился и замолчалъ.

Дѣвушка взвела на него своими большими глазами.

— Батюшка! умоляющимъ голосомъ прошептала она.

Я какъ угорѣлый отшатнулся отъ двери.

Около полудня въ то же утро измоченный мой тарантасъ, съ измоченными лошадьми и ямщикомъ, съ головою прикрытымъ азямомъ, стоялъ у воротъ дома отца Максима.

Добрый священникъ, встревоженный до глубины души печальнымъ происшествіемъ въ его приходѣ, невесело прощался со мною, лицо его, всегда такое здоровое и довольное, какъ-то вдругъ похудѣло и потемнѣло, а на лбу протянулись двѣ глубокія морщины.

Потряхивая своими кудрями и по своей привычкѣ разводя руками, онъ все повторялъ:

— О горькое, какое горькое дѣло! Боже мой! Боже! Вотъ нашъ сибирскій самосудъ и наше неустройство государь мой!

С. ПЕТРОВЪ-БАТУРИЧЪ.

*

ДЕПУТАТЫ ВТОРАГО ПРИЗЫВА[1].

(Изъ исторіи крестьянскаго дѣла).

30-го апрѣля, суббота, отъ 12 часовъ 40 минутъ до 4 часовъ 45-ти минутъ пополудни. Журналъ Общаго присутствія № 99. Совѣщаніе съ депутатами: Виленскаго генералъ-губернаторства: Виленскимъ, Ковенскимъ и Минскимъ; съ Витебскимъ (по Инфляндскимъ уѣздамъ) и Могилевскими.

Общее присутствіе къ 12 часамъ утра[2]). Пріѣхавъ, я засталъ уже многихъ членовъ коммисій, которые завтракали. За завтракомъ Милютинъ сказалъ Гечевичу: „вашъ бенефисъ сегодня", потому что имѣли принять участіе въ совѣщаніяхъ депутаты отъ Виленской общей коммисіи, члены губернскихъ комитетовъ: *Виленскаго*—Александръ Ѳадеевичъ *Домейко* и *Ковенскаго*—графъ Райнольдъ Константиновичъ *Тызенгаузъ*; сверхъ того члены губернскихъ комитетовъ: *Витебскаго*, по Инфлянскимъ уѣздамъ,—графъ Станиславъ Михайловичъ *Платеръ-Зиберъ*; *Минскаго*—Александръ Владиславовичъ *Оскерко* и *Могилевскаго*—князь Степанъ Евгеньевичъ *Любомірскій* и Эдуардъ Ивановичъ *Жуковскій*. Предсѣдатель прибылъ въ 12 часовъ 12 минутъ. Разсѣлись противъ предсѣдателя, возлѣ Соловьева—Тызенгаузъ, Домейко и Оскерко. Направо отъ предсѣдателя, на обычное свое мѣсто сѣлъ членъ, завѣдывавшій дѣлами коммисій, Петръ Семеновъ, и на-

[1]) См. „Р. В." кн. VIII.

[2]) Присутствовали 19 членовъ: графъ Панинъ, Булгаковъ, Бунге, Галаганъ, Гечевичъ, князь Голицынъ, Грабянка, Желтухинъ, Железновъ, Жуковскій, Любощинскій, Павловъ, Самаринъ, Николай Семеновъ, Петръ Семеновъ, Соловьевъ, Тарновскій, Татариновъ и князь Черкасскій и 6 депутатовъ: отъ Виленской общей коммисіи, губерній: Виленской, Ковенской и Минской — 3. Отъ губерній — Витебской—1 и Могилевской — 2.

право отъ него—Булгаковъ, а по лѣвую руку, возлѣ предсѣдателя, князь Черкасскій, который взялъ на себя давать отвѣты депутатамъ. Обращаясь къ нимъ, онъ сказалъ: „изъ частныхъ замѣчаній я могу обратить ваше вниманіе на слѣдующія: графа Платера о наслѣдственности Erbpacht. Мы приняли порядокъ наслѣдованія, указанный въ постановленіяхъ Виленской общей коммисіи, не опредѣляя этого ближе. Вы предполагаете ввести минорать. Я не знаю, въ какой степени онъ соотвѣтствуетъ мѣстному обычаю, и какъ это дѣлается въ другихъ, сосѣднихъ губерніяхъ".

Оскерко: Я не знаю, какой существуетъ обычай; но если признать за старшимъ право наслѣдованія, то онъ не будетъ нести обязанности содержать младшаго, пока послѣдній дорастаетъ.

Князь Черкасскій: Здѣсь неудобство въ томъ отношеніи, что младшій можетъ быть малолѣтній, и изъ него трудно сдѣлать хозяина дома. По обычаю мать всегда пеклась о малолѣтнемъ и имѣла на него вліяніе; не впадемъ ли мы въ ошибку, связывая и стѣсняя обычай. Не предоставить ли это жизни?

Оскерко: Если допустить крайній предѣлъ, minimum дробимости земли, неизвѣстно будетъ—кто жъ изъ семьи останется безъ участка?

Князь Черкасскій: Не будетъ ли осторожнѣе придержаться того, что сдѣлала Виленская центральная коммисія.

Графъ Панинъ: Изъ многихъ резолюцій Государя слѣдуетъ, что не надо стѣснять обычая. Предрѣшеніе дѣла было бы здѣсь опасно; надо это обдумать въ хозяйственномъ отношеніи.

Булгаковъ: Если минорать есть, то онъ будетъ продолжаться и у освобожденныхъ крестьянъ.

Графъ Панинъ: Гг. депутаты видятъ важное неудобство въ раздробленіи земель.

Князь Черкасскій: Общая коммисія приняла извѣстную мѣрку недробимости, (*депутатамъ*) вы возражаете, что мы приняли уменьшеніе участка. При выкупѣ число участковъ остается неизмѣннымъ; вы говорите на это, что такое запрещеніе уменьшать число участковъ при выкупѣ помѣшаетъ развиваться благосостоянію фермеровъ. Мы приняли для пользованія участки въ 20 десятинъ и менѣе, придерживаясь указаній Виленской центральной коммисіи, которая установляетъ для пользованія участки въ 20 десятинъ, а для выкупа въ 10 деся-

тинъ, затѣмъ она идетъ далѣе насъ—участки менѣе 5 десятинъ она уничтожаетъ, поэтому мы прямо приняли то, что указываетъ намъ Виленская коммисія, которая боится скопленія участковъ въ однѣхъ рукахъ. Вотъ 159-ый параграфъ положеній Виленской коммисіи (*прочелъ его*). Мы позволили себѣ расширить это правило—не соединять вмѣстѣ болѣе трехъ участковъ, иначе мы отступили бы совершенно отъ указанія самой Виленской коммисіи.

Оскерко: Въ положеніяхъ Виленской коммисіи постановлено, чтобъ участки не дробились менѣе, какъ въ 20 десятинъ; въ проектѣ редакціонныхъ коммисій сказано, что надѣлъ не можетъ быть уменьшенъ при раздробленіи ниже 10 десятинъ.

Князь Черкасскій: Виленская коммисія тоже постановила.

Графъ Панинъ потребовалъ объясненія.

Оскерко: Тамъ у насъ въ коммисіи участки не должны дробиться ниже указаннаго, въ случаѣ наслѣдства, а здѣсь у васъ участокъ не можетъ уменьшиться и по добровольному соглашенію. Въ томъ разница.

Князь Черкасскій: Тутъ двѣ различныя теоріи. Мы придерживались только того, что говоритъ Виленская коммисія. Теперь слѣдовало бы опровергнуть указанія вашей коммисіи, а опровергать ихъ здѣсь трудно.

Домейко: Я считаю долгомъ объяснить, что предположенія редакціонныхъ коммисій одно, а Виленской общей коммисіи совсѣмъ другое. Виленская общая коммисія ставила полюбовныя соглашенія на первомъ планѣ, выше регламентацій и предоставляла правительству сдѣлать таксацію и ввести регламентацію только на 12-ть лѣтъ. Генералъ-губернаторъ нашелъ это неудобнымъ. Вотчинныя права не нарушимы. Здѣсь въ коммисіяхъ даются вотчинныя права крестьянамъ, дается имъ право субарендовать земли помѣщиковъ, дѣлать переказы, дается право охоты на нихъ, право на ископаемыя, а потому тутъ съ нашими положеніями разница огромная. Имѣніе помѣщика отдается въ вѣчное владѣніе крестьянамъ. Виленская общая коммисія не приняла существующаго факта владѣнія, а сдѣлала свои предположенія; все это устранено редакціонными коммисіями. Мы не видимъ въ Высочайшемъ рескриптѣ ни вотчинныхъ правъ крестьянъ, ни *безсрочнаго* пользованія. Это вынудило меня подать мое мнѣніе, на которое я и ссылаюсь.

Графъ Панинъ: Но положимъ, что *безсрочное* пользованіе

было бы принято правительствомъ, можно ли оставить тогда размѣры надѣловъ, которые предполагаютъ установить редакціонныя коммисіи?

Оскерко: Тогда крестьянинъ, можетъ быть, не будетъ въ состояніи обработать 10-ти десятинъ. Зачѣмъ же не позволять крестьянамъ уменьшать такого участка?

Князь Черкасскій: Если они согласятся между собою, то какъ хотятъ; но только лишняя затѣмъ мірская земля остается у нихъ въ пользованіи. Я буду имѣть смѣлость и надѣюсь впослѣдствіи, при разборѣ, что̀ такое Bauerland, доказать, что различіе между нами самое незначительное, микроскопическое. Позвольте мнѣ имѣть честь разсмотрѣть это вмѣстѣ въ вами, потомъ. Затѣмъ (*обращаясь къ Оскерко*) одно частное замѣчаніе встрѣчается у васъ и у его превосходительства, господина Домейко—это о высшемъ размѣрѣ надѣла. Мы старались придержаться существующаго факта, чтобъ не впасть въ бо̀льшія погрѣшности. Мы приняли въ основаніе инвентари и скидку повинности до 10% послѣ долгаго размышленія. Затѣмъ мы остановились на томъ фактѣ, что все-таки встрѣтятся имѣнія, гдѣ повинность будетъ еще огромная. По статистическимъ свѣдѣніямъ оказывалось, что есть имѣнія, гдѣ и по разсчету приходилось бы до 28 дней повинности съ десятины; но нѣтъ самой черноземной мѣстности въ Россіи, гдѣ такая повинность была бы принята губернскими комитетами. Затѣмъ мы приняли соображенія Кіевской общей коммисіи. Тамъ высшая повинность въ годъ 78 дней съ 4-хъ пѣшихъ десятинъ—это, слѣдовательно, 19½ дней съ десятины. Мы не могли усомниться, что самая дорогая земля въ западныхъ губерніяхъ имѣетъ цѣнность равную съ Кіевской лучшей землей, мы однако жъ приняли не 19½, а 23 дня съ десятины для вашихъ губерній.

Оскерко: Я не полагаю, чтобъ такое правило подходило къ расчисленію повинности за моргъ, который отдается у насъ въ наймы за 6 рублей, что̀ равняется 30 рабочимъ днямъ, когда еще земля бываетъ и хуже.

Князь Черкасскій: Едва-ли вся земля можетъ быть роздана за эту цѣну. То же самое встрѣчается и въ Кіевской губерніи; центральная коммисія тамъ однако сама нашла, что въ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ такая повинность достаточна за землю, которая есть самая лучшая въ цѣлой губерніи. Мы нашли, что въ западныхъ губерніяхъ земля сто̀итъ того же.

Оскерко: Я не буду спорить о Кіевской коммисіи, но въ западныхъ губерніяхъ это можетъ быть иначе.

Домейко: Вы соединили Кіевскую центральную коммисію съ Виленской. Мы сдѣлали уступку, пожертвовавъ 10% съ повинности, по усмотрѣнію повѣрочныхъ коммисій; редакціоннымъ коммисіямъ было угодно соединить наши уступки съ уступками Кіевской коммисіи; но такъ какъ редакціонныя коммисіи установляютъ ренту неизмѣнною, то я протестую противъ этого, какъ противъ экспропріаціи. Какъ же соединить въ одно всѣ различныя уступки, сдѣланныя всѣми губернскими комитетами, и распространить это на всѣ края Россіи? Мы почитаемъ себя обиженными.

Князь Черкасскій: Наши коммисіи были въ затруднительномъ положеніи. Еслибы всѣ губерніи помѣнялись своими положеніями, то какъ примѣнить ихъ тогда къ настоящему случаю?

Домейко: Только мы много потеряли бы, еслибъ рента осталась неизмѣнною. Она должна быть установлена по справедливости. Мѣстности такъ различны, что нельзя опредѣлять здѣсь общаго наивысшаго (maximum) размѣра надѣла. Повѣрочная коммисія должна удостовѣриться на мѣстѣ и разсчитать, что̀ стоитъ земля. Иначе какія же будутъ между крестьянами и помѣщиками отношенія одного свободнаго человѣка къ другому свободному?

Графъ Панинъ: Этотъ вопросъ о неизмѣнности подвергнется пересмотру. Если оно несправедливо, то несправедливо для всей Россіи. Я желалъ его отдѣлить.

Князь Черкасскій: Тутъ вопросъ объ опредѣленіи повинности въ настоящую минуту. Мы говоримъ, что та же повинность, какая значится въ инвентаряхъ, теперь и остается за скидкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ 10%.

Домейко: За добавочныя повинности.

Князь Черкасскій: Затѣмъ мы откидываемъ обязанность снабжать крестьянъ топливомъ. Въ вашихъ губерніяхъ лѣсовъ вездѣ много: въ Гродненской губерніи, въ Мозырскомъ уѣздѣ.

Графъ Тызенгаузъ: Ковенская губернія лишена совершенно лѣсовъ.

Князь Черкасскій: Мы имѣемъ свѣдѣнія о безлѣсныхъ мѣстахъ.

Графъ Тызенгаузъ: Я жилъ тамъ 30 лѣтъ и знаю хорошо, что во всей губерніи очень мало лѣса.

Князь Черкасскій: Очень мало—это относительно. По инвентарямъ обязательство снабжать крестьянъ лѣсомъ было возложено на помѣщика, за уничтоженіе этой обязанности нуженъ эквивалентъ. Въ Минской губерніи очень много лѣса; а засимъ вопросъ о 23-хъ-дневной барщинѣ не связывается съ уменьшеніемъ повинности. Это есть только избавленіе отъ тяжелой повинности. Въ лучшихъ уѣздахъ Великой Россіи такая повинность отмѣняется.

Домейко: Вы говорите, что крестьянинъ платилъ повинности за то, что снабжался топливомъ. Въ дѣйствительности это не такъ, доходъ былъ исчисленъ съ земли.

Предсѣдатель въ это время велъ отдѣльный разговоръ съ Петромъ Семеновымъ и Булгаковымъ.

Князь Черкасскій: Это все равно, въ счетъ ли одной повинности или другой крестьяне снабжались топливомъ, надо же это класть въ счетъ. Однѣ постоянныя ссуды, разсрочки уплаты ихъ дворянамъ, чтобъ крестьяне могли продовольствоваться въ голодное время, показываютъ, что снятіе съ помѣщика всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ будетъ довольно большимъ облегченіемъ для дворянства.

Домейко: Это ужь наши домашнія дѣла.

Князь Черкасскій: Я именно выставляю только заботливость дворянства. Сложеніе помянутыхъ обязанностей должно быть дисконтировано. Нельзя не принять этого во вниманіе, когда идетъ рѣчь объ улучшеніи быта крестьянъ. Наше дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы отыскать самые яркіе случаи обременительной повинности.

Оскерко: Эти 23 рабочихъ дня тѣмъ отяготительны для помѣщиковъ западнаго края, что они для нихъ однихъ составляютъ норму, тогда какъ все другое въ пользу крестьянъ измѣняется или сохраняется.

Князь Черкасскій: Намъ казалось, что это самая большая повинность, далѣе которой идти нельзя. Это не норма, а указаніе. Для исправленія нашихъ основаній мы положили, что повѣрочныя коммисіи будутъ провѣрять дѣло на мѣстѣ. Мы не обязываемъ ихъ понижать повинности, но мы нашли, что выше той цифры, которая существовала, нельзя увеличить платы. Мы не могли предположить, чтобъ можно было увеличивать ее противъ прежняго положенія. Мы были бы очень

благодарны за указаніе, какой составъ повѣрочныхъ коммисій намъ лучше принять. Эти указанія были бы чрезвычайно полезны.

Оскерко: Эти коммисіи ничего сдѣлать не могутъ, когда имъ не будетъ позволено возвышать повинности.

Князь Черкасскій: Это другое дѣло.

Графъ Панинъ: Я воспользуюсь вашимъ указаніемъ и попрошу господина Домейко, по возвращеніи въ Вильно, прислать мнѣ записку о составѣ повѣрочныхъ коммисій и образецъ ихъ дѣйствій (*обращаясь къ Домейко*), вы можете показать ее Владиміру Николаевичу Назимову (который былъ въ то время генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ); но я прошу доставить мнѣ ее не позже, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ вы пріѣдете къ себѣ.

Домейко: Здѣсь дѣлаются двѣ скидки—это не раціонально.

Графъ Панинъ: Это обсудится.

Оскерко: Инвентарной денежной повинности не существуетъ, съ ней никто не сообразовался. Платили больше или меньше по достоинству земли.

Князь Черкасскій: Мы держались правила, что существующаго оброка нельзя поднимать.

Графъ Панинъ: Если отдѣлимъ вопросъ о неизмѣняемости повинности, раціональность того, что говоритъ князь, остается. Этотъ фактъ, что платилось столько-то, однако, существовалъ. Поднимать повинности нельзя.

Князь Черкасскій: Мы рабски слѣдовали постановленіямъ Виленской общей коммисіи.

Оскерко: Однако жъ, это виленское положеніе было обставлено другими условіями.

Князь Черкасскій: Вотъ объ нихъ мы и будемъ говорить. Господа Скирмундъ (депутатъ Минской губерніи) и Оржешко (депутатъ Гродненской губерніи) отдѣляются и опровергаютъ положенія Виленской общей коммисіи почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ вы наши. Вопросъ о выкупѣ усадьбы трудно теперь разсматривать, а займемся частнымъ, объ односельяхъ—должны ли они входить въ составъ крестьянской земли и подлежать выкупу? (*Обращаясь къ Домейко*) Вы и графъ Тызенгаузъ полагали уменьшить надѣлъ до $^1/_6$ части. Можетъ быть, у васъ это ошибка, я не говорю.

Домейко: Bauerland, при полюбовныхъ отношеніяхъ, не

то, что безсрочное пользованіе. При добровольномъ договорѣ мы допускаемъ уменьшеніе до $^1/_6$ части надѣла, а тамъ въ положеніяхъ до половины—это не ошибка.

Графъ Тызенгаузъ: Я просилъ бы дозволенія говорить по-французски, я не могу объясняться по-русски такъ свободно.

Князь Черкасскій: Сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно, намъ все равно. Слишкомъ пространно говорить объ основаніяхъ заняло бы много времени. Теперь намъ любопытно было бы знать нѣкоторыя подробности. (*Тызенгаузу*): Quelle est la quantité des односелья dans le gouvernement de Kowno?

Графъ Тызенгаузъ: C'est une culture tout à fait à part, qui n'a pas de definition. On en fait de nouvelles dans les forêts. Il serait hors d'apropos de réglementer cela.

Князь Черкасскій: Croyez vous que la même règle soit applicable aux застѣнки et aux односелья?

Графъ Тызенгаузъ: Si la pièce de terre était cultivable derrière le mur du village, on se serait emparé d'elle et c'est le застѣнокъ. S'il y avait plusieures cabanes de ce genre derrière le village tout doucement on oublierait que c'etait un застѣнокъ, cela ferait un village—un односелье. Quand le propriétaire ne pouvait favoriser une grande culture, c'était un односелье. La dans nos comités on parlait quelquefois de застѣнки, ou il y a quatre cabanes. C'est une mouvaise términologie.

Князь Черкасскій (*обращаясь къ Оскерко и Домейко*): Я бы желалъ слышать, какъ вы разумѣете застѣнокъ?

Домейко объяснилъ почти такъ же, какъ и графъ Тызенгаузъ.

Оскерко: Перенести односелье въ деревню значитъ уничтожить его хозяйство; застѣнокъ же можно переселить.

Князь Черкасскій: Сколько у васъ застѣнковъ, хотя приблизительно?

Графъ Тызенгаузъ: Il n'y a aucune donnée pour cela; il y a des endroits ou il n'y en a pas.

Князь Черкасскій (*обращаясь къ Домейко*): Это въ видахъ приложенія и сокращенія. Еслибъ подчинить особымъ правиламъ уменьшеніе крестьянской земли относительно застѣнковъ и односелья, то это коснулось бы всей сѣверной Россіи, гдѣ большинство крестьянъ разселено на манеръ вашихъ застѣнковъ и односелій. Еслибъ можно было уничто-

жить застѣнки, я не разумѣю истребленія ихъ огнемъ и мечемъ, то тамъ, въ сѣверной Россіи, пришлось бы подвергнуть перестройкѣ весь хозяйственный бытъ крестьянъ.

Графъ Тызенгаузъ: Mais permettez moi de dire quelques mots. Je ne peux pas me specialiser quand cela touche le gouvernement de Kowno. Dans le réscrit Imperial il est dit: „для примѣненія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ", il n'y a pas possibilité d'éluder cette question. Pardon encore une observation, c'est que votre employé m-eur Соколовъ a dit et pris cela en considération.

Князь Черкасскій: Oui sous une forme très dubitative, voilà pourquoi j'ai fait une question pour ainsi dire statistique. C'est la dimension de la chose seulement que peut présenter des difficultés. Nous ne craignons pas pour le chiffre de quelques centaines.

Графъ Тызенгаузъ: Dans les trois cahiers que j'ai presenté aux Commissions j'ai expliqué la matière et si mes arguments sont bons ils n'ont pas besoin d'être soutenus. Je sais que le propriétaire ne peut pas laisser en fermage ces morçeaux de terrain à un autre qu'au paysan qui les occupe. Il sont tous égaux. Si la protection les touche, les propriétaires demanderont la permission de les renvoyer comme cela a eu lieu avec les Tatares de la Crimée [1]). Un fermier qui ne risque pas de rester avec 30 pièces de betail, quand il sera transporté sera ruiné. C'est une question sociale plutôt.

Графъ Панинъ: A commencer par là que la question de la Crimée n'est pas encore decidée. Mais quelque principe qui soit établi, s'il y a dérogation sur les raisons sur les quelles vous fondez vos observations, elles sont purement économiques.

Графъ Тызенгаузъ: Dans la commission de Kief trois comités se sont réunis pour decider la chose. C'était une difficulté. En parlant du Bauerland, les *застѣнки* peuvent en être très bien exclus. Le *застѣнокъ* fait une question tout à fait à part. Il n'a besoin d'aucune protection. Si c'est pour garantir le paysan, je propose une prime du revenu de trois ans.

Князь Черкасскій: Это, вѣроятно, будетъ сказано у васъ въ заключеніи, но въ вашей запискѣ этого нѣтъ.

---

[1]) Графъ Тызенгаузъ сдѣлалъ намекъ на поднятый тогда въ правительствѣ вопросъ объ извѣстномъ выселеніи нашихъ татаръ изъ Крыма въ Турцію.

Графъ Тызенгаузъ: J'ai eu huit jours pour donner ma réponse à toutes les questions. Cette observation se trouve pourtant à troisième page du troisième cahier.

Графъ Панинъ: Si cette observation ne s'y trouvait pas, vous pouvez nous la communiquer par écrit plus tard.

Князь Черкасскій: Pour le gouvernement de la Tauride, dans la Crimée l'individu qu'on renvoie n'était pas l'usufruitier de la terre. Les gens renvoyés étaient dans la position de nos *дворовые*, et servaient en qualité de jardiniers, cuisiniers etc. Tout ce que j'ai entendu dire en faveur des *односельцы* prouve qu'il faudrait leur conserver la terre sur le pied de l'Erbpacht, comme chez les riches paysans de Vologda. Le gouvernement doit leur accorder sa protection. La garantie que vous proposez est insuffisante, c'est une prime que vous reconnaissez à une certaine part dans le bâtiment.

Графъ Тызенгаузъ: Pardon il n'y a pas un mot ladessus. Pour ne pas perdre de temps quand à ce qui regarde le paysan, je ne voulais pas de protection en sa faveur qui empêche de l'expulser. Voilà pourquoi la commission de Vilno et pour cause a changé ce que m-eur le maréchal vient de dire. La commission de Vilno en faisant une maximum n'a pas voulu confirmer le *существующій фактъ*. La commission de rédaction déshérite la noblesse au moins pour trois districts du gouvernement de Kowno en répandant le *существующій фактъ* sur toutes les terres, parceque toutes les terres sont aux usufruits des paysans. Si la commission de Vilno a dit $^1/_3$ *удобныхъ земель* c'est une faute de rédaction. Bien souvent, dans les papiers officiels les mots *удобныя пахатныя земли* sont très mal employés chez nous. Il s'agit d'un tiers des terres veritablement cultivées; les forêts surpassent quelquefois un tiers des terres. Quand nous parlons du *топливо* nous trouvons des objections qu'il n'y a pas de bois.

Въ это время, въ $2^1/_2$ часа по полудни вошли депутаты: князь Любомірскій и Жуковскій и графъ Платеръ-Зибергъ. Соловьевъ уступилъ имъ свое мѣсто противъ предсѣдателя.

Князь Черкасскій (*графу Тызенгаузу*). La question du bois de chauffage sera discutée. Cette question touche toute la Russie. Vous nous avez donné une indication précieuse, m-eur le comte. J'ai épuisé mon ordre du jour, il s'agirait de passer à la question du Bauerland. Систему Erbpacht вы опровергли и приняли нашу, съ уменьшеннымъ надѣломъ и измѣняемой

повинностью. Мы приняли существующій надѣлъ съ неизмѣнной повинностью. Правительство можетъ распространить право наслѣдственнаго пользованія на участки и на выкупаемыя усадьбы. Я ни мало не скрываю различія между двумя системами; но принципъ у нихъ одинъ и тотъ же (*прочелъ §§ 22, 29 и 57 положеній Виленской общей коммисіи*).

Домейко: У насъ временно ограничивается право помѣщика относительно надѣла. У насъ черезъ 12 лѣтъ пріѣзжаетъ коммисія и оцѣниваетъ землю, на счетъ существующаго факта; приметъ ли правительство уменьшенный размѣръ, тотъ или другой, это особое обстоятельство (*прочелъ опять § 22 виленскихъ положеній*); но редакціонныя коммисіи передаютъ надѣлъ крестьянамъ въ вѣчное владѣніе.

Князь Черкасскій: Вопросъ въ томъ, дѣлаетъ ли переказы помѣщикъ? У насъ противорѣчіе только въ томъ, что вы предполагаете отдать землю на переходное время, а мы въ постоянное пользованіе. Это объясняется 53-ю и 57-ю статьями виленскаго положенія. Вы не будете спорить о томъ, что вся разница собственно въ правѣ переоцѣнки.

Домейко: Но характера вѣчнаго владѣнія Виленская коммисія не предполагала. Здѣсь всѣ вотчинныя права крестьянъ, помѣщикамъ же позволяется только добывать ископаемыя.

Князь Черкасскій: Здѣсь дозволяется крестьянамъ снабжаться только пескомъ и глиной. Мы потомъ въ редакціи исключили минеральныя богатства. За тѣмъ собственно существенную разницу у насъ представляютъ только переоцѣнка, пространство надѣла и право переказа.

Графъ Тызенгаузъ: Permettez moi de donner des eclaircissements. A la commission de Vilno j'avais la même idée que j'ai présentée ici, la majorité n'existant pas, la commission devrait cesser d'exister. Or j'ai été obligé de signer avec les autres pour qu'elle existe. Onze mois écoulés j'ai pu changer mon opinion. Ce n'est pas que je veulle priver les paysans de protection. J'ai fait des contrats chez moi avec les paysans, signés des deux cotés. Leur coutumes fermières depuis des temps immémoriaux, que l'histoire ne contient pas dans ses cadres, se sont formées. Il m'a semblé nécéssaire pour le gouvernement que ces coutumes soient prolongées, et j'ai des preuves palpables jusqu'à quel point la propriété héréditaire parmi les paysans estimpossible Tout est confondu, tout a disparu. Les paysans

n'étaient pas assurés des procès entre les membres de leur famille. Personne n'aurait su jusqu'à présent ce que c'est, si la question n'était pas sur le tapis. J'ai trouvé que la question légale, qui donnait une autre habitude contrecarrait ce qui a été. Si je ne me trompe pas, si je connais l'histoire de l'Occident, c'était en Europe la cause des guèrres des paysans, excepté en Angleterre où il n'y avait pas de guèrre pour cela.

Князь Черкасскій: C'est une opinion toute personnelle.

Графъ Панинъ (*обращаясь къ Домейко*): Угодно вашему превосходительству еще что-нибудь сказать? (*Обратясь къ Оскерко и графу Тызенгаузу*) Вамъ?

Спрошенные отказались и встали. Предсѣдатель, тоже вставъ, подалъ каждому изъ нихъ руку, и они удалились изъ собранія.

Князь Черкасскій: Графъ Тызенгаузъ говорилъ съ національной точки зрѣнія. Теперь частные вопросы. Насчетъ наслѣдованія участковъ намъ представляется Erbpacht безъ опредѣленія. (*Обращаясь къ графу Платеру*): вы за минорать?

Графъ Платеръ: Если позволите мнѣ говорить по-французски, я лучше могъ бы объяснить.

Графъ Панинъ: Сдѣлайте одолженіе, если вамъ угодно.

Графъ Платеръ: Nous ne sommes pas d'accord dans les principes. Il est très difficile qu'un des fils, celui qui est le plus capable prenne la cabane du père. Enfin in n'y a pas d'usage de l'Erbpacht avec la permission du propriétaire.

Графъ Панинъ: Pardon m-eur le comte, l'usage et les lois civiles en Russie sont deux choses différentes. La loi n'est pas toujours d'accord avec les usages, mais cela ne les empêche pas d'exister. Les paysant suivent leurs usages quand ils n'en sont pas empêches.

Князь Черкасскій: En admettant que la constatation des usages trouve des difficultés pour les juges de paix, je crois qu'on pourrait trouver une forme légale pour constater les usages exsistants.

Графъ Панинъ. Une coutume pour ne pas être consacrée n'existe pas moins. Je ne tenais qu'à prouver cela. Il me semble, sans préjuger la question, que l'idée de conserver la coutume même chancelante est une bonne voie, c'est le système que suit notre commission.

Графъ Платеръ: Quand le père mourait, le bétail se

gardait pour les enfants. Il marierait une fille pour avoir un homme capable, dans le cas ou il n'aurait pas de fils. On laissait toujours à l'usage le soin de décider qui doit hériter.

Графъ Панинъ: Il y a une question parallèle, celle du morcellement, tandis que la question de l'héritage est une autre question. A présent faut-il donner sur l'héritage une règle précise. Quel est le système que vous soutenez m-eur le comte?

Графъ Платеръ: Je ne sais pas vraiment. Quand il y a un téstament, que la loi du pays agisse.

Графъ Панинъ: Si le droit du propriétaire réstait il s'en mêlerait pour arranger la chose, et il empêcherait de suivre les coutumes.

Князь Черкасскій: L'hérédité est une très grande prime. Nous disons que le propriétaire ne pourra revendiquer la terre que quand le lot ne sera pas moindre de 20 arpents de terre.

Графъ Платеръ: Cela entrave excéssivement la possibilité d'acheter la terre. У насъ приняли существующій фактъ.

Князь Черкасскій: Мы вовсе не желаемъ устроить такъ, чтобъ у крестьянъ было болѣе земли, чѣмъ у помѣщика; но часть надѣла, отъ которой отказался крестьянинъ, должна оставаться въ обществѣ.

Графъ Платеръ: Je ne comprends pas comment (*quand il y a un champ et des prairies*) on peut separer l'*участокъ*, alors il y aurait deux fermiers. La commission de rédaction dit aux paysans que si quelqu'un de vous trouve qu'il a trop de terrain il peut s'en décharger, mais cette terre ne rentrera pas dans les terres du *помѣщикъ*, et il devra la laisser a l'*общество* qui trouvera un autre fermier pour cette terre. Dans notre projet ce n'est pas le Bauerland, mais c'est l'Erbpacht. Quand l'*участокъ* du paysans sera livré aux enchéres, celui qui est le plus riche pourra l'acquérir. Le fermier doit connaitre son état, il doit être fermier, mais chacun peut acquérir à l'enchére et il y a des hommes dangeureux.

Князь Черкасскій: Les brigands qui thésaurisent sont assez rares. La commune les chassera.

Графъ Платеръ: Il est difficile de permettre à la commune de renvoyer tout le monde. Si on accepte l'Erbpacht, il faut en accepter aussi toute les conséquences, le bétail doit être rompu quand le fermier ne remplit pas ses conditions, le cont-

rat de la commune est alors rompu parceque quelques uns n'ont pas rempli leurs conditions.

Петръ Семеновъ. Il y a une autre raison pour désirer que les parcelles de terrain, dont les paysans par un revirement de fortune ou de leur état économique ne peuvent plus conserver l'usifruit, reviennt à la disposition de la commune et non à celle du propriétaire. C'est que la position économique de chaque ménage individuel est sujet à des hausses et des baisses ayant pour résultat que si quelques ménages en perdant une partie de leurs ouvriers et de leur bétail ont un besoin de se rétrécir il y a dans la commune d'autres ménages qui par l'agrandissement de la quantité de leurs ouvriers et de leur bétail sentent le besoin de s'élargir et ces revirements économiques ne pourront alterer le bien-être général de la commune, si le chiffre total du terrain concédé à la commune ne s'amoindrit pas.

Графъ Панинъ вступилъ въ разговоръ съ графомъ Платеромъ, въ которомъ послѣдній возставалъ противъ общиннаго устройства и круговой поруки, утверждая, что крестьяне платить не будутъ. Свои разсужденія графъ Платеръ заключилъ такъ: La disposition du terrain a été faite en vue de la corvée, maintenant les relations changent, ce qui a été avantage sera désavantage. Il faudra déplacer les paysans, c'est excessivement difficile de les transporter. Le paysan est attaché à son endroit, il y aura peut-être beaucoup à transporter, la propriété ne pourra pas offrir à l'instant même désavantages à tout le monde pour les contenter.

Князь Черкасскій: Nous ne disons pas à l'instant.

Графъ Панинъ: En général les transports seront nécessaires à la séparation définitive.

Князь Черкасскій: Кажется, нашими объясненіями подняты всѣ затрудненія, о которыхъ вы возбуждали вопросы.

Графъ Платеръ: Si on établit les contrats libres, nous avons beaucoup de terrain, les paysans n'en souffriront pas. Plus le paysan est attaché à sa cabane, moins il y a de chances qu'il veuille abandonner la culture de cette terre qui l'a vu naître. Pour les застѣнки, c'est une prime très grande que nous proposons.

Князь Черкасскій и графъ Платеръ, съ участіемъ предсѣдателя, стали говорить о томъ, будетъ ли крестьянинъ обезпеченъ этой преміей, такъ тихо, что я не могъ всего разслышать.

Князь Черкасскій доказывалъ, что нѣтъ; графъ Платеръ утверждалъ противное, потомъ разсужденіе перешло на безвозмездную уступку крестьянамъ строеній. Князь Черкасскій въ заключеніе развивалъ мысль, что, при оставленіи крестьянскихъ строеній за помѣщикомъ, когда крестьянинъ улучшитъ строеніе, его прогонятъ, и тогда обезпечитъ ли его премія? Разговоръ велся по-французски.

Графъ Платеръ: Le *безсрочное пользованіе*, c'est la vente sans toucher le capital.

Говорили еще о различіи между *Erbpacht* и собственностью, при чемъ Самаринъ приводилъ въ примѣръ, для сравненія и поясненія, коммунальное управленіе швейцарскаго кантона Граубиндена.

Графъ Платеръ объяснялъ, что при *Erbpacht* помѣщикъ будетъ давать крестьянину, на поддержку строенія, пособіе въ продолженіе 36 лѣтъ, и заключилъ свои разсужденія слѣдующимъ: Je suppose que notre comité [1]) a pu commettre des erreurs, mais je pense que nous avons le droit d'expliquer ici l'ésprit général de ses décisions, c'est notre droit même comme représentants.

Князь Черкасскій прочелъ выдержку изъ письменныхъ соображеній, доставленныхъ графомъ Платеромъ въ редакціонныя коммисіи, о томъ, что Витебскій губернскій комитетъ ошибся въ оцѣнкѣ земли. По этому предмету произошло объясненіе, котораго по причинѣ не довольно громкаго разговора мнѣ не удалось разслышать.

Князь Черкасскій: Vous même vous ne trouvez qu'une seule manière de sortir de là (*прочелъ выдержку изъ устава коммисій для пересмотра инвентарей*): и такъ, по-вашему самый главный аргументъ...

Графъ Платеръ: Voilà ma proposition: faire une vérification sur les lieux.

Князь Черкасскій доказывалъ, что это невозможно.

Графъ Платеръ: Je ne pense pas que loin des lieux, ici à Pétersbourg on puisse fixer les redevances. Vous avez arrangé de manière que ce soit mal pour les paysans comme pour les propriétaires. Pour les premiers les *повпрочныя* коммисіи peuvent encore réparer, pour les propriétaires, non.

Жуковскій (депутатъ) сталъ говорить о батракахъ. Справ-

---

[1]) Витебскій губернскій комитетъ.

лялись съ подлинными свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Гечевичъ принималъ участіе въ разговорѣ. Предсѣдатель въ это время велъ особо бесѣду съ Булгаковымъ.

Жуковскій (депутатъ) говорилъ, что въ юго-западныхъ губерніяхъ поля меньше, и обработка ихъ небольшая.

Графъ Платеръ: C'est autre chose. Demandez à monsieur Getschewitsch, il sait comment c'est chez nous.

Князь Черкасскій возбудилъ пренія о неизмѣнности повинности.

Графъ Платеръ: A présent le *надѣлъ* est fait de manière qu'il est tout à fait antiéconomique. Онъ продолжалъ еще говорить о томъ, что въ первые годы крестьянинъ будетъ, можетъ быть, стыдиться, что онъ на барщинѣ, что для помѣщика худо, что онъ не можетъ въ эти два года перевернуть хозяйства, что барщина будетъ дурна, потому что правилъ для ея отбыванія не будетъ, и что помѣщикъ долженъ будетъ стараться всѣми силами, чтобъ крестьяне переходили на оброкъ.

Князь Черкасскій: Напротивъ, мы заставляемъ крестьянъ оставаться два года на барщинѣ.

Графъ Панинъ: Ce sont des faits qu'on pourra prendre en considération dans le *Хозяйственное Отдѣленіе (князю Любомірскому)*: вы понимаете по-французски?

Князь Любомірскій отвѣчалъ утвердительно.

Графъ Панинъ: Имѣте ли вы что сказать?

Князь Любомірскій промолчалъ.

Жуковскій (членъ коммисій) завелъ разговоръ о томъ, что статистическія свѣдѣнія, доставленныя изъ губерній, не вѣрны.

Князь Любомірскій: Если считать удобную землю, то у насъ (въ Могилевской губерніи) не болѣе 3½ десятинъ придется на душу.

Жуковскій (членъ коммисій): Но вы не вводите въ разсчетъ луговъ и пастбищъ.

Князь Любомірскій: Все входитъ. Паръ въ поляхъ составляетъ у насъ пастбища. Позвольте удостовѣриться по нѣсколькимъ уѣздамъ.

Жуковскій (членъ коммисій) прочелъ выдержки изъ свѣдѣній, доставленныхъ общимъ присутствіемъ Виленской центральной коммисіи, присовокупивъ: „это составляли дѣлопроизводители; но эти свѣдѣнія не согласуются съ свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ—они не вѣрны“.

*

Жуковскій (депутатъ): Помѣщикамъ говорили: пиши, больше ничего они не знали, а какъ показать 6 десятинъ на душу, когда ихъ въ натурѣ быть не можетъ. Произвольно можно назначить и 20 десятинъ, а мы говоримъ, какъ есть въ натурѣ.

Князь Любомірскій: Я протестую и утверждаю, что нѣтъ у насъ земли болѣе того, что показано, что эти свѣдѣнія составляло само присутствіе, а не дѣлопроизводители. Есть дворы, которые имѣютъ и 20 и 30 десятинъ, а рядомъ съ ними — 5 десятинъ.

Жуковскій (членъ коммисій): При вашихъ предположеніяхъ будетъ чрезвычайно много отрѣзокъ у крестьянъ.

Князь Любомірскій: Весьма мало.

Жуковскій (членъ коммисій): Надо тогда опять собирать свѣдѣнія.

Жуковскій (депутатъ): И опять будетъ невѣрно, когда не будетъ сказано, зачѣмъ. Если допустить отрѣзку, то это составитъ едва и 10-ю часть.

Между княземъ Любомірскимъ и членомъ коммисій Жуковскимъ продолжался еще нѣкоторое время споръ о вѣрности доставленныхъ правительству свѣдѣній. Затѣмъ князь Любомірскій отвергалъ справедливость обязательнаго снабженія крестьянъ топливомъ.

Жуковскій (членъ коммисій) ссылался на свѣдѣнія о количествѣ лѣсовъ въ Рогачевскомъ уѣздѣ.

Князь Любомірскій: Это подлинныя свѣдѣнія?

Жуковскій (членъ коммисій): Нѣтъ, выписка. Подлинныя свѣдѣнія — это фоліанты.

Князь Любомірскій: Подворнаго хозяйства нѣтъ въ Рогачевскомъ уѣздѣ. Тамъ подворная система только въ томъ, что участки на дворы распредѣлены равные.

Жуковскій (членъ коммисій): Позвольте, что пишетъ начальникъ Волынской губерніи. Онъ находитъ, что барщинную повинность нужно понизить, и понижаетъ ее значительно — на 92 дня.

Графъ Панинъ (*депутатамъ*): Такъ не угодно ли вамъ условиться съ Степаномъ Михайловичемъ (Жуковскимъ, членомъ коммисій) относительно повѣрки свѣдѣній. Вы не имѣете больше ничего?

Депутаты: Ничего.

Графъ Панинъ всталъ, пожалъ имъ руки и отпустилъ

въ 4 часа 40 минутъ пополудни, затѣмъ, обратясь къ членамъ коммисій: „Если опять на понедѣльникъ, то пригласимъ самарскихъ и оренбургскихъ депутатовъ“.

Самаринъ, какъ членъ редакціонныхъ коммисій и самъ депутатъ отъ Самарскаго губ. комитета, просилъ отложить совѣщаніе по Самарской губерніи, чтобъ имѣть время приготовиться.

Графъ Панинъ: „Тогда не очистить ли намъ землю Донскую?“ и назначилъ Донскимъ депутатамъ понедѣльникъ 2-го мая къ 12 часамъ, а Самарскимъ тотъ же день, въ 2 часа пополудни. Середу 4 мая — Оренбургскимъ и Пензенскимъ. Этимъ окончилось засѣданіе.

Въ журналъ этого Общаго присутствія 30 апрѣля, № 99, было внесено:

„Въ настоящее засѣданіе Общее присутствіе имѣло совѣщаніе, на основаніи 7-го пункта Высочайшей инструкціи 11 августа 1859 года, съ членами отъ комитетовъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ губерній. Высказанныя ими объясненія, вмѣстѣ съ письменными ихъ замѣчаніями, будутъ приняты въ соображеніе, въ свое время, при пересмотрѣ заключеній редакціонныхъ коммисій“.

---

2 мая, понедѣльникъ, отъ 12 час. 20 м. до 4 час. 40 м. пополудни.

Журналъ Общаго Присутствія, № 100.

Совѣщаніе съ депутатами земли войска Донскаго и самарскими.

Общее Присутствіе въ 12 часовъ утра [1]). Завтракали. Въ совѣщаніи принимали участіе депутаты: сначала *земли войска Донскаго*—Алексѣй Кондратьевичъ *Мелеховъ* и Дмитрій Григорьевичъ *Калиновскій*, а потомъ члены Самарскаго губ. комитета—Юрій Федоровичъ *Самаринъ* и Борисъ Петровичъ *Обуховъ*. Предсѣдатель вошелъ въ 12 часовъ 15 минутъ. Вскорѣ заняли мѣста. Предсѣдатель сидѣлъ между *Милютинымъ* справа и Петромъ *Семеновымъ* слѣва. Донскіе депутаты помѣстились противъ предсѣдателя—*Мелеховъ* возлѣ князя *Черкасскаго* и рядомъ съ нимъ *Калиновскій*, имѣя по правую руку *Самарина*.

---

[1]) Присутствовали 20 членовъ: графъ *Панинъ*, *Арапетовъ*, *Булыгинъ*, *Гечевичъ*, *Гирсъ*, *Грабянка*, *Желтухинъ*, *Жемзиновъ*, *Жуковскій*, *Калачевъ*, *Любощинскій*, *Милютинъ*, *Павловъ*, *Самаринъ*, *Николай Семеновъ*, *Петръ Семеновъ*, *Соловьевъ*, *Тарновскій*, *Татариновъ* и князь *Черкасскій*, и 4 депутата: отъ земли войска Донскаго—2 и отъ Самарской губерніи—2.

Петръ Семеновъ (*принявшій на себя давать отвѣты донскимъ депутатамъ*) заявилъ, что докладъ объ устройствѣ крестьянъ земли войска Донскаго не былъ еще напечатанъ и что потому объясненія съ представителями войска Донскаго должны принести особую пользу, и сказалъ: „Я буду говорить объ особенностяхъ вашего края. Онъ имѣетъ сходство съ Новороссійскимъ, и оно заключается въ господствѣ залежной или переложной системы хозяйства, въ совершенной неопредѣлительности разграниченія угодій между крестьянами и помѣщиками, присоединенной съ переложною системою непрерывной перемѣнѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, въ скудности населенія края, дороговизнѣ рабочихъ рукъ и, наконецъ, во влеченіи крестьянъ, принадлежащихъ преимущественно къ малороссійскому племени, къ семейному или подворному пользованію землею.

„Особенности же земли войска Донскаго заключаются въ установленныхъ правительствомъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ землѣ, принадлежащей имъ нынѣ. Земля, которою пользовались помѣщики и крестьяне до 1835 года, считалась войсковою собственностью. Законъ 1835 г., надѣливъ помѣщичьихъ крестьянъ 15-ти-десятинною пропорціею земли на душу, предоставилъ ее въ собственность помѣщиковъ. Нарѣзка этой земли произошла по ревизіи 1838 года. Въ то время крестьянъ числилось 103.438 душъ; нынѣ населеніе увеличилось до 143.318 душъ, такъ что 15-ти-десятинная пропорція составляетъ среднимъ числомъ 11-ти-десятинную; но такъ какъ прибыль населенія была весьма различна, то, по показанію вашего комитета, пропорція принадлежащей помѣщику земли колеблется въ разныхъ имѣніяхъ между 15-ю и 4-мя десятинами. Въ послѣднемъ случаѣ залежное хозяйство было бы для крестьянъ невозможно, еслибы помѣщики, принадлежащіе къ штабъ и оберъ-офицерамъ земли войска Донскаго, не получали еще въ пользованіе дополнительныхъ участковъ изъ войсковыхъ земель, или не снимали у войска его оброчныхъ земель и не переводили безразлично и крестьянскіе и помѣщичьи пахатные участки съ земель, принадлежащихъ помѣщикамъ въ собственность, на земли, состоящія въ ихъ пользованіи. При такомъ кочеваніи крестьянскихъ полевыхъ надѣловъ несомнѣнно то, что нѣтъ возможности опредѣлить существующихъ нынѣ крестьянскихъ надѣловъ, и это обстоятельство и привело Донской комитетъ къ предположенію о надѣленіи крестьянъ

нормальными надѣлами, размѣръ которыхъ комитетъ старался соразмѣрить съ малоземельностью и среднеземельностью или многоземельностью помѣщичьихъ имѣній, въ коихъ пропорція всей помѣщичьей земли, однако же, не превосходитъ 15-ти десятинъ на душу.

„Въ отношеніи юридическихъ правъ пользованія крестьянами надѣльною землею первый вопросъ состоитъ въ томъ, должны ли земли быть предоставлены въ пользованіе крестьянъ на срокъ, или безъ срока? Вашъ комитетъ имѣлъ въ виду предоставить ихъ въ постоянное пользованіе крестьянъ. Я выписалъ всѣ статьи, которыя сюда относятся, изъ положенія войсковаго комитета §§ 92, 94, и сдѣлалъ выписки изъ обзора основаній. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на срокъ, по прошествіи котораго эти земли возвращались бы помѣщикамъ; §§ 53, 56 и 65 устраняютъ всякія въ этомъ отношеніи недоразумѣнія. Усадебныя строенія вы отдаете безплатно, какъ даръ, въ вѣчную собственность міра, въ § 65 повинности за нихъ сняты. Хозяйственное Отдѣленіе не можетъ понимать предположеній комитета иначе, какъ такъ, что земли поступаютъ въ постоянное пользованіе крестьянъ“.

Калиновскій: Но комитетъ нашъ отдавалъ условно, не съ нарушеніемъ правъ собственности.

Петръ Семеновъ: Мы еще положеній не писали, слѣдовательно, не могли этихъ правъ нарушить.

Графъ Панинъ: Однако жъ, въ приведенныхъ трехъ параграфахъ нѣтъ нигдѣ *безсрочнаго* пользованія (*Петръ Семеновъ прочелъ ихъ*). Да, тамъ есть выраженіе: *постоянное пользованіе*; можно понять, какъ вы говорите, можно и отрицать это.

Петръ Семеновъ: Что относится до административныхъ отношеній, то, кромѣ вопроса о нормальномъ размѣрѣ сельскихъ обществъ (волостей), у васъ нѣтъ въ виду никакихъ другихъ особенностей противъ другихъ губерній Россіи.

Калиновскій: Мы приняли 3.000 душъ, придерживаясь нашихъ понятій о станицахъ.

Петръ Семеновъ: Ваша норма, конечно, будетъ принята въ соображеніе, но удобна ли такая крупная сборная единица по отношенію къ пространству. Перейдемъ теперь къ вопросу о размѣрахъ надѣловъ. По выраженнымъ мною уже причинамъ вы считаете примѣненіе къ Донской землѣ системы оставленія за крестьянами существующихъ надѣловъ невозможнымъ и устанавливаете норму. Не предрѣшая вопроса, я ду-

маю, что Отдѣленіе придетъ къ нормѣ для всей степной полосы, т. е. для васъ, какъ и для Новороссійскаго края. Въ вашемъ положеніи вы раздѣляете мѣстности на многоземельныя, назначая въ нихъ $3^{3}/_{4}$ десятины на душу, среднеземельныя—3 и малоземельныя $2^{1}/_{4}$ десятины, къ этому причисляете усадьбы и $^{1}/_{4}$ десятины кладете на стариковъ.

Калиновскій: Это только на переходное время.

Петръ Семеновъ: Такого вывода мы, признаюсь, изъ вашего проекта сдѣлать не могли. Въ § 68-мъ, которымъ вы устанавливаете пользованіе крестьянъ землею, сказано: „крестьянамъ, водвореннымъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обезпеченія ихъ быта и выполненія повинностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, отводится надлежащее количество пахатной, сѣнокосной и выгонной земли". О томъ же, чтобъ этотъ надѣлъ отводился только на переходное время, а по истеченіи его подлежалъ возврату помѣщику, во всемъ проектѣ нѣтъ и рѣчи, слѣдовательно я возвращаюсь къ вопросу о размѣрѣ надѣла: еслибъ редакціонныя коммисіи согласились на нормальный надѣлъ въ Донской области, то едва-ли онѣ могли бы принять, чтобъ нормы надѣловъ были согласованы съ тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, сколько владѣльческой земли приходится вообще на ревизскую душу. Очевидно, что надѣлъ, для того, чтобъ быть *нормальнымъ*, долженъ быть соразмѣренъ съ тѣмъ, сколько въ данной мѣстности необходимо земли для обезпеченія быта крестьянъ. Если же у помѣщика за надѣленіемъ крестьянъ осталось бы слишкомъ мало земли, то его интересы ограждаются тѣмъ, что болѣе половины всей принадлежащей ему земли поступить въ надѣлъ не должно. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Хозяйственное Отдѣленіе можетъ согласиться на три или четыре разныя нормы, смотря по мѣстностямъ Донской земли. Такъ, Хозяйственное Отдѣленіе предполагаетъ раздѣлить Донскую землю на 4-ре мѣстности. *Первую* составить изъ части Черкасскаго округа, охватываемой Ростовскимъ уѣздомъ, и ближайшей къ нему, и Азовскимъ портомъ части Міусскаго округа; *вторую* изъ остальной части Міусскаго и Черкасскаго округовъ и Донецкаго; *третью* изъ Новохоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округа, и *четвертую* изъ 1-го и 2-го Донскаго округовъ. Нормы надѣловъ должны быть назначены по соображеніи съ таковыми же принятыми для сосѣднихъ частей Новороссійскаго края, но съ нѣкоторымъ ихъ уменьшеніемъ противъ этихъ нормъ, въ виду относитель-

наго малоземелія помѣщичьихъ имѣній Донской земли, а именно: въ 1-й мѣстности $2^3/_4$ десятины; во 2-й — $3^1/_4$; въ 3-й — 4; въ 4-й — $4^1/_2$ десятины на душу.

Калиновскій: Но эти разныя нормы повредятъ помѣщичьимъ крестьянамъ — будетъ разная цѣнность земель.

Графъ Панинъ: Не такъ ли это и для Новороссійскаго края.

Петръ Семеновъ: Совершенно такъ же; только въ Донской землѣ нормы надѣловъ предположены меньше, а, кромѣ того, ни въ какомъ случаѣ помѣщику не оставляется менѣе половины всей его земли, какое бы ни было ея количество, хотя пришлось бы ея въ надѣлъ менѣе нормы. Происходящая же отъ разныхъ нормъ разная цѣнность земли есть аргументъ въ пользу предположенныхъ нормъ. Очевидно, что и при одинаковомъ качествѣ чернозема, земли въ Донской области тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ ближе къ Азовскимъ портамъ.

Графъ Панинъ (*депутатамъ*): Васъ эти нормы удовлетворяютъ?

Калиновскій: Хоперскій округъ примыкаетъ къ Воронежской и Саратовской губерніямъ. Вообще нормы во 2-й и 3-й мѣстности предположены слишкомъ высокія.

Графъ Панинъ: Вы разумѣете въ уѣздахъ, прилежащихъ не къ Новороссійскому краю?

Милютинъ: Къ Харьковской губерніи, къ Воронежской.

Графъ Панинъ: Хорошо, а нѣтъ ли затрудненій къ тому, чтобъ у васъ были примѣнены нормы сосѣднихъ губерній. Я не предрѣшаю вопроса.

Петръ Семеновъ: То-есть, нормы не губерній, а смежныхъ съ Донскою областью уѣздовъ другихъ губерній.

Графъ Панинъ: Да, я понимаю.

Соловьевъ: Не будетъ ли это обидно именно для самихъ помѣщиковъ? Въ землѣ войска Донскаго помѣщикъ получаетъ доходъ по числу душъ. Мы принимали въ соображеніе густоту населенія.

Графъ Панинъ: Намъ надо выйти изъ этого затрудненія (*потребовалъ объясненія о предположенной нормѣ въ уѣздахъ, прилегающихъ къ Донской области*).

Соловьевъ: Въ округахъ, прилегающихъ къ Ростовскому уѣзду, мы предположили $2^3/_4$ десятины на душу, между тѣмъ, какъ въ Ростовскомъ уѣздѣ 3 десятины; въ округахъ, прилежащихъ къ Старобѣльскому, Харьковской губерніи и

къ Воронежской, предположены нами 4 десятины, тогда какъ въ этихъ уѣздахъ оставляются существующіе надѣлы, если они не превышаютъ $4^1/_2$ десятинъ на душу.

Графъ Панинъ: Я понимаю, но оно было бы несправедливо относительно помѣщиковъ разныхъ округовъ. Несправедливость устранится, если надѣлъ количества земли будетъ равный. Я нахожу, что между minimum и maximum есть средній путь; но я полагаю, что лучше ко всей Донской области примѣнить норму одной мѣстности, напримѣръ, Новороссійскаго края. Тутъ не будетъ большаго различія въ количествѣ земли.

Калиновскій: Но есть разница въ ея цѣнности.

Графъ Панинъ: Я нахожу, что помѣщики могутъ имѣть меньше поводовъ жаловаться, если принять одну норму для всей области.

Князь Черкасскій: Любопытно было бы выслушать мнѣніе гг. донскихъ депутатовъ о различіи цѣнъ на земли, въ которыхъ уѣздахъ онѣ у нихъ дороже и въ которыхъ дешевле?

Калиновскій: Въ Міусскомъ округѣ, лежащемъ къ морю,—съ рыбной ловлей земли дороже; въ сѣверныхъ округахъ дешевле.

Князь Черкасскій: А въ какомъ изъ остальныхъ округовъ дороже.

Калиновскій: До сихъ поръ въ Донецкомъ.

Князь Черкасскій: Какія причины увеличивали у васъ благосостояніе народонаселенія?

Калиновскій: Оно увеличилось со времени 8-й ревизіи.

Князь Черкасскій: Покупки земель съ переселеніемъ не было?

Калиновскій: Да она была запрещена. Съ увеличеніемъ населенія Донецкаго округа земли должны были подняться въ цѣнѣ.

Соловьевъ (*прочтя нѣкоторыя справки изъ имѣвшихся свѣдѣній о цѣнахъ на земли*): $2^3/_4$ десятины въ Міусскомъ округѣ будутъ ли равняться по цѣнности 4 десятинамъ въ сѣверныхъ уѣздахъ?

Калиновскій: Непремѣнно будутъ.

Мелеховъ: Теперь земли отдаются тамъ дороже, ужь за 1 р. 40 к. десятина.

У предсѣдателя съ Милютинымъ и Петромъ Семеновымъ

зашелъ особый разговоръ. Князь Черкасскій завелъ отдѣльную бесѣду съ Мелеховымъ, къ нимъ присоединился Соловьевъ. Самаринъ объяснялся съ Калиновскимъ. Павловъ говорилъ особо о чемъ-то съ Желѣзновымъ.

Самаринъ (*Калиновскому*): Изъ того, что вы говорите, видно, что участіе въ рыбной ловлѣ входило какъ-бы въ надѣлъ, тогда надо замѣнить его землей. Какимъ способомъ это сдѣлать?

Петръ Семеновъ (*депутатамъ*): Намъ необходимы ваши свѣдѣнія о мѣстностяхъ. Нельзя подвести Міусскій округъ подъ одинъ надѣлъ съ другими—онъ прилегаетъ къ Азовскому морю и близокъ къ Азовскимъ портамъ.

Князь Черкасскій: Донецкій округъ узкой полосой прилегаетъ къ Дону.

Калиновскій: Тамъ есть минеральныя богатства — каменный уголь.

Князь Черкасскій: Помѣщики имъ не пользовались, а крестьяне и подавно не будутъ имъ пользоваться.

Калиновскій: Помѣщики не могутъ сами добывать его, а крестьяне будутъ участвовать въ его добычѣ, и это представитъ для нихъ новую отрасль промышленности.

Петръ Семеновъ: Можно ли отнести Міусскій и Черкасскій округи къ одной мѣстности?

Калиновскій: Непремѣнно.

Петръ Семеновъ: У самаго Азовскаго моря есть ли помѣщичьи имѣнія?

Калиновскій: Есть.

Петръ Семеновъ: Какое можно сдѣлать сравненіе между Черкасскимъ и Міусскимъ съ одной стороны и Новохоперскимъ и Медвѣдицкимъ округами съ другой?

Калиновскій: Медвѣдицкій представляетъ также особыя удобства.

Петръ Семеновъ: Медвѣдицкій и Хоперскій округа находятся ли въ одинаковыхъ условіяхъ?

Калиновскій: Медвѣдицкій лучше.

Петръ Семеновъ: Теперь перейдемъ къ вопросу о повинностяхъ. Вы противъ системы градаціи, такъ какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Донской земли нѣтъ большаго различія въ качествѣ земель. (*Предсѣдатель велъ въ это время довольно громко разговоръ съ Милютинымъ*). Но собственно разсчитывая за опредѣленную для каждой мѣстности норму надѣла одинъ и тотъ же оброкъ, мы и не примѣняемъ къ вамъ градаціи. Гра-

дація будетъ примѣняться только въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ по малоземелію помѣщики не будутъ въ состояніи отвести крестьянамъ нормальнаго количества надѣла. Въ этомъ случаѣ градація является преміею въ пользу малоземельныхъ помѣщиковъ. Считаете ли вы это въ отношеніи къ нимъ несправедливымъ?

Калиновскій (*уклонившись отъ прямаго на это отвѣта*): Каждая мѣстность имѣетъ свои особыя условія. Гдѣ положеніе къ морю, земли чрезвычайно дороги. Есть такія, что отдаются за 10 рублей десятина. Оброчныхъ имѣній у насъ не было, вездѣ земля цѣнилась по доходу.

Петръ Семеновъ: Теперь перейдемъ къ вопросу о барщинѣ. Для сохраненія ея вы назначаете шести-лѣтній срокъ, мы полагали двухгодичный. Разница значительная. Военный министръ находилъ, что вашъ срокъ великъ.

Калиновскій: Мы, не стѣсняясь мнѣніемъ войсковаго комитета, отвергаемъ всякій срокъ.

Петръ Семеновъ: Мы, значитъ, сходимся. Вы полагали 90 дней въ году и также какъ мы, съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ, именно 50 дней на лѣто и 40 на зиму; мы полагаемъ 100 дней—60 на лѣто и 40 на зиму, но уменьшаемъ женскую барщину. Относительно цифры повинности мы расходимся—вы раскладываете ее по-десятинно,—мы за весь душевой надѣлъ. Если будетъ установлена норма надѣла, то въ системѣ исчисленія не будетъ разницы. Вы можете раздѣлить души на десятины—эти величины соизмѣримы. Вы считаете по 3 р. 65 к. за десятину. Военный министръ въ своихъ замѣчаніяхъ находилъ этотъ оброкъ высокимъ.

Мелеховъ: Нѣтъ, онъ не высокъ.

Петръ Семеновъ (*прочтя бывшую у него подъ руками справку*) сказалъ, что цифра повинности, выведенная изъ суммы 10-ти-лѣтнихъ доходовъ, произвольна, это эта цифра притомъ различна для разныхъ округовъ войска, и спросилъ: По какимъ цѣнамъ отдаются у васъ въ наемъ свободныя земли?

Калиновскій: По 1 р. 80 к. за десятину въ Хоперскомъ округѣ.

Петръ Семеновъ: А къ чему относится законъ объ отдачѣ земель по 7 копѣекъ за десятину?

Мелеховъ: Это подъ кладбища.

Петръ Семеновъ: Если принять въ соображеніе существующія нынѣ наемныя цѣны на землю, то предположенные

вамп оброки непомѣрно высокіе; но есть и другія основанія къ уменьшенію повинности.

Мелеховъ: Откупщики берутъ землю дешевле; но сами сдаютъ такъ, какъ у насъ показано.

Соловьевъ: Какая у васъ преобладаетъ система хозяйства—трехпольная или переложная?

Мелеховъ: У насъ нѣтъ одной системы. У меня есть выводы относительно хозяйства (*вынулъ изъ своей шапки и подалъ бумагу*).

Соловьевъ сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ.

Князь Черкасскій: У васъ въ шесть лѣтъ снимаются четыре хлѣба?

Тутъ начались отдѣльные разговоры у предсѣдателя и Самарина съ Калиновскимъ.

Петръ Семеновъ: Вотъ ваши собственныя свѣдѣнія—2 года сѣется просо, 3 года пшеница.

Самаринъ: 5 лѣтъ къ ряду хлѣбъ. Полные 4 года ячмень.

Князь Черкасскій: Вотъ любопытныя свѣдѣнія. Изъ 30 десятинъ земли—6 десятинъ у васъ подъ хлѣбомъ,—16 подъ толокой,—8 подъ покосами. Весьма любопытно, что̀ съемщикъ заплатилъ бы за землю, еслибы снималъ цѣлый участокъ.

Мелеховъ: Мы считаемъ нашъ доходъ. Намъ до съемщиковъ нѣтъ дѣла. Разумѣется, и онъ захочетъ имѣть свои выгоды. Это положеніе относится къ землѣ, остающейся за помѣщикомъ. Можно опредѣлить изъ 30 десятинъ, за пашню по 3 рубля съ десятины; за покосы 8-ми десятинъ по 2 рубля; за 16 десятинъ толоки по 1 руб. 50 копѣекъ.

Князь Черкасскій: Значитъ, 16 десятинъ находятся подъ нагуломъ скота.

Графъ Панинъ: А 8 десятинъ сѣнокоса подходятъ также подъ толоку?

Мелеховъ: Какъ же.

Князь Черкасскій: Въ вашей справкѣ очень дорого положена земля подъ нагулъ. Такихъ цѣнъ нѣтъ у насъ и въ Тульской губерніи.

Графъ Панинъ: Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что на толокѣ произростаетъ очень много травъ.

Князь Черкасскій: Тому, который снимаетъ у меня землю въ Тульской губерніи подъ нагулъ, надо прогнать скотъ 300 верстъ до Москвы и 1.300 верстъ до столицы.

Мелеховъ: Такъ у насъ снимаютъ землю купцы.

Князь Черкасскій (*сдѣлавъ тутъ же разсчетъ по донскимъ цѣнамъ и выведя 58 рублей за 30 десятинъ*): Значитъ, 2 рубля за десятину. Для съемщика это достаточно заплатить за землю.

Мелеховъ (*надѣвъ очки*): Это для вывода цѣнности земли, а затѣмъ это капитализуется въ 6% и выходитъ то, что мы показали.

Соловьевъ съ Калиновскимъ, а князь Черкасскій съ Мелеховымъ завели одновременно отдѣльные разговоры.

Петръ Семеновъ: А какъ велики у васъ, по вашимъ разсчетамъ, наемныя цѣны рабочихъ?

Мелеховъ: Весною 20 копѣекъ въ день, лѣтомъ копѣекъ 50, осенью также 20 копѣекъ.

Князь Черкасскій: Косари у васъ изъ Новороссійскаго края. Коса бываетъ и 75 копѣекъ.

Мелеховъ: Да, бываетъ.

Калиновскій: Но между подъемною работой и урочною разница большая.

Мелеховъ: У меня приготовлена и оцѣнка рабочаго дня (*вынулъ изъ своей шапки бумагу и вручилъ ее князю Черкасскому*).

Князь Черкасскій: Ахъ, вотъ это прекрасно. Какъ у васъ отдачи?

Мелеховъ: На 20 лѣтъ.

Князь Черкасскій: А когда были сдѣланы?

Мелеховъ: Въ прошломъ году.

Князь Черкасскій выразилъ желаніе получить и другія, разныя свѣдѣнія и дѣлалъ еще разспросы.

Петръ Семеновъ: Перехожу къ вашему замѣчанію о томъ, что оцѣнки рабочихъ дней получились у насъ небывалыя на практикѣ. Тутъ недоразумѣніе. За душевой надѣлъ полагается или 100 рабочихъ дней въ году или 8 рублей оброка. Черезъ нѣкоторое время крестьяне должны получить право перехода на оброкъ безъ согласія помѣщика. Вы допускаете смѣшанную повинность. Мы хлопотали о томъ, чтобъ она не превышала общей нормы повинности. Положимъ, что вы согласились бы съ крестьянами на замѣну половины ихъ натуральной повинности денежною; тогда взамѣнъ 50-ти рабочихъ дней вы получили бы 4 рубля оброка. Мы знаемъ, что рабочій день не можетъ быть оцѣненъ въ 8 копѣекъ. Эти 8 копѣекъ представляютъ только эмпирическую оцѣнку отношенія повинностей, изъ коихъ натуральная не переоцѣнивается въ денежную, а упраздняется въ силу упраздненія крѣпостнаго права,

а денежная не представляетъ полнаго вознагражденія за отошедшій трудъ, вознагражденіе же за отходящую землю скорѣе значительно усилено, чѣмъ уменьшено противъ нынѣшнихъ, не только продажныхъ, но и наемныхъ цѣнъ на землю. Обращаюсь къ вопросу о переселеніяхъ. У васъ предстоятъ обязательныя для васъ переселенія крестьянъ вслѣдствіе условій размежеванія войсковыхъ земель. Я согласенъ съ вами, что несправедливо, когда переселеніе дѣлается по распоряженію правительства, возлагать его расходы на помѣщика, но я думаю, что справедливость требовала бы возвысить для переселяемымъ крестьянъ норму надѣла, потому что въ имѣніяхъ, подлежащихъ переселенію, самимъ помѣщикомъ нарѣзывается въ собственность изъ войсковыхъ земель, вмѣсто 15-ти десятинной, 20-ти десятинная пропорція.

Калиновскій: У насъ переселялись на счетъ помѣщика.

Петръ Семеновъ: Если переселеніе будетъ производиться на счетъ помѣщиковъ, то мой вопросъ падаетъ.

Калиновскій: Теперь предполагается пріостановить у насъ переселенія.

Князь Черкасскій: Зачѣмъ собственно повелѣно было дѣлать у васъ переселенія?

Калиновскій: Для уничтоженія черезполосности.

Князь Черкасскій: А вы не ходатайствовали объ остановленіи переселенія?

Калиновскій: Войсковой комитетъ только частнымъ образомъ представлялъ объ этомъ.

Князь Черкасскій: Если правительство прекратитъ переселенія, не будетъ ли это вредно для помѣщиковъ?

Калиновскій: Напротивъ, они получатъ лучшія земли.

Графъ Панинъ: Это можно намъ такъ выразить, что крестьяне должны переселяться въ случаѣ необходимости для избѣжанія черезполосности, что когда помѣщикъ переноситъ усадьбы крестьянъ на свой счетъ, то никакого вознагражденія не нужно, а когда на счетъ крестьянъ, то должна имъ послѣдовать прибавка земли.

Петръ Семеновъ: Вы находите, что невошедшихъ въ ревизію крестьянъ и дворовыхъ надо подвести подъ одно положеніе. Не будетъ ли это опасно?

Мелеховъ: Эти крестьяне большею частію изъ вдовъ и сиротъ и не имѣютъ надѣла.

Петръ Семеновъ: Вы говорите, что выкупу должны

подлежать сверхъ усадьбъ доходныя статьи. Предоставляете ли вы крестьянамъ право, когда они пріобрѣли землю въ собственность, возводить на ней свои строенія?

Калиновскій: Да, послѣ того какъ пріобрѣтутъ ее въ собственность. Оброчныя статьи мы считаемъ принадлежностью помѣщика.

Петръ Семеновъ: Вотъ военный министръ не находитъ это возможнымъ.

Мелеховъ: Тогда надо отстранить наши права.

Петръ Семеновъ: Но крестьянская реформа предоставляетъ вамъ существенныя выгоды, расширяетъ вамъ права на вашу землю, напримѣръ, предоставляетъ вамъ и добываніе изъ нея минеральныхъ богатствъ, чего прежде не было. Однимъ словомъ, закрѣпляетъ полученныя вами въ надѣлѣ войсковыя земли въ вашу полную собственность.

Калиновскій: Еслибы мы имѣли эти права и прежде, то не пользовались бы ими, потому что не могли.

Графъ Панинъ: Было ли у васъ ограничено право переселяться на ваши земли другимъ лицамъ?

Калиновскій: Не было, имѣли право и другіе.

Графъ Панинъ: Это собственно ваше ходатайство о прикрѣпленіи крестьянъ къ мѣсту?

Калиновскій: Да.

Графъ Панинъ: Не угодно ли вамъ подписать доставленныя вами свѣдѣнія, чтобы вы могли на нихъ сослаться.

Петръ Семеновъ: Затѣмъ, кажется, всѣ вопросы исчерпаны.

Графъ Панинъ: Вы не имѣете ли еще что сказать?

Депутаты промолчали; тогда послѣ пожатія имъ рукъ предсѣдатель отпустилъ ихъ въ 2 часа безъ 5 минутъ [1]). Не задолго передъ тѣмъ прибылъ депутатъ Самарской губерніи Обуховъ.

Графъ Панинъ (*обратившись къ нему*): Не угодно ли вамъ сѣсть?

Произошло перемѣщеніе — *Обуховъ* сѣлъ противъ предсѣда-

---

[1]) Послѣ засѣданія Тарновскій сдѣлалъ Гирсу слѣдующее замѣчаніе о войсковыхъ депутатахъ: „Ей Богу, премилѣйшій народъ эти донцы. Никакихъ такихъ у нихъ не было превыспренныхъ фразъ, ни грандъ-культуръ, ни патримоніальной юрисдикціи, ни феодальнаго устройства—ничего такого. Имъ говорятъ: крестьянамъ мало земли, они говорятъ: на-те, берите".

теля. *Самаринъ*, принявшій на себя обязанности оппонента, перешелъ съ портфелемъ на другую сторону и занялъ мѣсто между мною и Милютинымъ, сидѣвшимъ рядомъ съ предсѣдателемъ. Соловьевъ сказалъ что-то на ухо Милютину.

Самаринъ (*оговорившись, что въ рукописи отзыва депутата, т. е. Обухова, всего онъ прочесть не могъ, потому что она въ печати*): Я буду отвѣчать на ваши возраженія по юридическому и хозяйственному отдѣленіямъ. Собственно по административному нѣтъ разномыслія. Вы хотите лишь скорѣйшей развязки крестьянъ съ помѣщиками, къ этому и мы стремимся. Первое ваше возраженіе въ томъ, что раздѣленіе права собственности помѣщика на его земли, на полное и неполное, не точно. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ защиту собственное постановленіе Самарскаго губернскаго комитета, 22-я статья III-й главы вашего положенія. Мы этимъ пользовались. Правительство, отводя крестьянамъ земли въ безсрочное пользованіе, создаетъ новыя права. Подвести ихъ подъ законъ нельзя. Мы отыскивали общую статью.

Обуховъ: Позвольте мнѣ сообщить мои взгляды на крестьянскій вопросъ, чтобъ мои отвѣты были ясны. Еслибъ реформа совершалась постепенно, тогда можно было бы видѣть что̀ нужно, но реформа дѣлается вдругъ. Крестьяне получаютъ полную свободу, обязательный трудъ сдѣлается для нихъ несносенъ. Затѣмъ возникаютъ вопросы, слѣдуетъ ли надѣлить крестьянъ землею? На помѣщиковъ ли это возлагается или на государство? Если будетъ признано, что помѣщикамъ надо отдѣлить на крестьянъ землю, то первымъ придется отказаться отъ этой земли (*смѣшался и остановился* [1]); *но послѣ небольшой паузы*): Виноватъ, я имѣю честь говорить въ первый разъ передъ такимъ собраніемъ, и мое одиночество, такъ какъ со мной нѣтъ другаго депутата отъ Самарской губерніи, смущаетъ меня [2]). Извините, я позабылъ, на чемъ остановился...

[1]) Обуховъ объяснилъ мнѣ потомъ, что онъ смѣшался главнѣйшимъ образомъ отъ того, что наканунѣ далъ графу Панину обѣщаніе только не говорить о томъ, что помѣщиковъ принуждаютъ насиліемъ къ отчужденію ихъ земель въ пользу крестьянъ, и что это обѣщаніе пришло ему въ голову, какъ онъ началъ говорить, и сбило ходъ его мысли.

[2]) Смущеніе Обухова въ этомъ мѣстѣ его рѣчи относилось къ тому, что, вмѣсто сотоварища по Самарскому губернскому комитету, онъ нашелъ въ Самаринѣ, который былъ другимъ депутатомъ того же комитета, противника, принявшаго даже на себя въ редакціонныхъ коммисіяхъ роль оппонента ему.

Графъ Панинъ: Вспомните послѣ, а теперь сообщите другія ваши замѣчанія.

Обуховъ: Да, другое, что я хотѣлъ сказать—это то, что надо предоставить крестьянамъ полную свободу войти въ добровольныя сношенія съ помѣщиками относительно количества надѣльной земли и условій пользованія ею, а затѣмъ установить выкупъ земель и объявить участіе въ немъ правительства, при уступкѣ со стороны помѣщиковъ въ цѣнѣ земли, отходящей отъ нихъ къ крестьянамъ. Поэтому въ вопросѣ освобожденія крестьянъ два исхода: или полное ихъ освобожденіе, безъ прикрѣпленія къ землѣ, или выкупъ. Когда вопросъ былъ намъ вдругъ поставленъ, тогда относительно снабженія крестьянъ землей возникло недоразумѣніе. Намъ нечего входить въ юридическое опредѣленіе временныхъ отношеній срочно-обязательнаго періода

Самаринъ: То, что вы изволили сказать, дополняетъ представленныя вами свѣдѣнія и выясняетъ личное ваше воззрѣніе на условія освобожденія крестьянъ. Это воззрѣніе весьма различествуетъ съ тѣмъ, что находится въ проектѣ какъ большинства, такъ и меньшинства Самарскаго комитета. Основанія, принятыя редакціонными коммисіями и Самарскимъ губернскимъ комитетомъ, одни и тѣ же. Предположенія редакціонныхъ коммисій различествуютъ съ вашими въ томъ, что у насъ не дается крестьянамъ полной свободы передвиженія, и что они остаются по крайней мѣрѣ на первое десятилѣтіе крѣпкими землѣ, обезпечивающей ихъ существованіе, а отношеніе ихъ къ этой землѣ опредѣляется закономъ. При такихъ условіяхъ сущность экономическихъ отношеній крестьянъ не измѣняется, не подвергается при ихъ освобожденіи коренной ломкѣ. Поэтому, если въ нѣкоторыхъ юридическихъ докладахъ и встрѣчалось, можетъ быть, выраженіе „полная свобода“, то оно имѣло совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ то, которое вы придаете этимъ словамъ, разумѣя подъ ними, какъ вы это разъяснили, освобожденіе крестьянъ съ полною утратою какихъ бы то ни было правъ на обезпеченіе ихъ быта земельными надѣлами и съ предоставленіемъ помѣщикамъ полной свободы полагать, какія имъ угодно, условія на оставленіе крестьянъ на земляхъ, искони состоявшихъ въ ихъ пользованіи. Объ оставленіи или исключеніи опредѣленій полной и неполной собственности будетъ особое разсужденіе; но въ этомъ отношеніи между нами то же разли-

чіе, какъ и въ предположеніяхъ большинства и меньшинства Самарскаго комитета.

Обуховъ: Я пользуюсь полномочіемъ своего дворянства, но не раздѣляю вполнѣ мнѣній Самарскаго губернскаго комитета. Самарскій комитетъ надѣлилъ крестьянъ землею въ количествѣ, признанномъ достаточнымъ (*Самарину*) какъ вами, такъ и всѣми начальниками губерній; положилъ, по ихъ мнѣнію, повинность весьма умѣренную, подъ обезпеченіе самое строгое, даже ужасное, въ вѣрности платежа, и такимъ образомъ обрекъ землю въ безсрочное пользованіе крестьянъ, подобно капиталу, положенному въ кредитное учрежденіе à fond perdu. Это выражено въ обзорѣ основаній. Что бы вы сказали, еслибъ кредитное учрежденіе признало вносимый вами капиталъ не въ настоящей его цѣнѣ и предложило бы вамъ проценты ниже заявленной или обѣщанной установленіемъ цифры и не дало бы вамъ никакого прежде предполагаемаго обезпеченія? Вы естественнымъ образомъ прекратили бы всѣ сношенія съ такимъ кредитнымъ учрежденіемъ и взяли бы вашъ капиталъ обратно. Редакціонныя комисіи однако такъ сдѣлали—увеличили крестьянскій надѣлъ, уменьшили повинности и не даютъ никакого обезпеченія. Не вправѣ ли мы теперь уклониться отъ нашихъ первоначальныхъ предположеній?

Самаринъ: Самарскій комитетъ соединилъ послѣдовательно съ поспѣшнымъ личнымъ освобожденіемъ и освобожденіе поземельное. Мы когда были съ вами вмѣстѣ членами этого комитета и приняли безсрочное пользованіе, какъ такую мѣру, которая поведетъ къ желательной, конечной развязкѣ дѣла, т. е. къ выкупу.

Графъ Панинъ: Тутъ вопросъ общій и частный, относящійся до Самарской губерніи. Лучше придержаться послѣдняго. (*Обухову*): Вы сдѣлаете справедливое замѣчаніе о необходимости предоставленія исхода изъ безсрочнаго пользованія посредствомъ выкупа. Безсрочное пользованіе все-таки переходный періодъ; но это общій вопросъ. Перейдемъ къ частнымъ, относящимся до Самарской губерніи; у васъ есть частныя замѣчанія, напримѣръ, по поводу запрещенія отдавать въ аренды имѣнія тотчасъ по объявленіи Положенія. Въ Польшѣ то же самое правило. Я это привожу въ примѣръ.

Обуховъ: Мы высказались противъ запрещенія отдавать въ аренду имѣнія по освобожденіи крестьянъ, вѣдь и прежде

*

управляющіе имѣніями распоряжались ими. Они были то же, что арендаторы.

Самаринъ: Это не совершенно то же. Положеніе арендатора есть положеніе человѣка, сдѣлавшагося временно помѣщикомъ. Ему надо извлечь изъ имѣнія все, что возможно, выручить свой капиталъ. Онъ, отнесется, конечно, иначе, чѣмъ помѣщикъ къ выполненію, крестьянами обязательнаго труда по урочному положенію и, руководствуясь своими временными выгодами, будетъ несравненно притязательнѣе помѣщика.

Обуховъ: Управляющіе живутъ большею частію у помѣщиковъ изъ процентовъ съ дохода, слѣдовательно, и вся ихъ выгода заключается не въ устройствѣ имѣнія, а въ увеличеніи съ него дохода.

Самаринъ: Но этотъ процентъ никогда не былъ для нихъ преміей, а отсчитывается имъ въ видѣ постояннаго жалованья. Я впрочемъ встрѣчалъ очень рѣдко такой способъ платы управляющимъ, да и то только въ западныхъ губерніяхъ. Въ замѣчаніяхъ своихъ относительно взысканія недоимокъ съ крестьянъ и публичной продажи ихъ имущества вы находите, что нужно поступать по всей строгости законовъ и не исключать изъ продажи самой необходимой для крестьянъ домашней утвари?

Обуховъ: Да, въ случаѣ неисправной уплаты она у него должна отбираться.

Самаринъ: Нѣтъ, въ законѣ это не такъ. Въ какомъ же законодательствѣ нѣтъ исключенія для необходимѣйшаго имущества? Вы сдѣлали еще замѣчаніе на 4-ю статью дополнительнаго доклада Юридическаго Отдѣленія № 10. Вотъ она (*прочелъ статью*). Въ вашемъ замѣчаніи есть недоразумѣніе. Доходъ съ мельницъ оставляется по-прежнему.

Обуховъ: Но зачѣмъ отдается крестьянину земля подъ мельницею?

Самаринъ: Тутъ, разумѣется, тотъ случай, когда мельница стоитъ на крестьянской землѣ. Затѣмъ, вы возражаете противъ нашихъ предположеній о томъ, что для открытія базара и торговли въ селеніи нужно согласіе крестьянъ. Это относится у насъ къ тому случаю, когда земля, на которой происходитъ базаръ или производится торговля, отведена крестьянамъ въ пользованіе въ чертѣ селенія. Для площадей же, остающихся въ собственности помѣщика, согласія крестьянъ на открытіе базара или торговли не нужно.

Затѣмъ Самаринъ укорялъ Обухова въ томъ, какъ онъ могъ, въ общемъ отзывѣ, подписать мнѣніе объ отобраніи помѣщиками у крестьянъ права на содержаніе мельницъ, базаровъ и т. п., если воды, базарныя площади и подобныя мѣста находились бы въ чертѣ земель крестьянскаго надѣла, тогда какъ Самарскій комитетъ положилъ противное.

Обуховъ: Самарскій комитетъ предполагалъ все это при извѣстныхъ условіяхъ, въ его проектѣ выраженныхъ, разводя помѣщиковъ съ крестьянами окончательно и отдавая имъ земли въ безсрочное пользованіе за неизмѣнную повинность т. е. на выкупъ; но когда рѣчь идетъ о переходномъ положеніи, то естественно, что за помѣщикомъ, какъ за вотчинникомъ, слѣдуетъ оставить право пользованія и водами, и базарными площадями, и всѣми другими оброчными статьями. Все это отъ того не ясно, что земельныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ отдѣлены въ особыя статьи и, какъ его сіятельство (*графъ Панинъ*) изволилъ замѣтить, на переходное время нельзя развести оба сословія. Право разграниченія въ это время должно принадлежать помѣщику. Еслибъ ужь вся земля была отдѣлена, то помѣщикъ все-таки главный вотчинникъ.

Самаринъ: Не только главный, а и единственный. Но здѣсь или съ согласія крестьянъ отбираются у нихъ площади, тогда и нѣтъ имъ вознагражденія, или же если они не согласны, и помѣщикъ требуетъ разграниченія, то половина отходитъ крестьянамъ.

Графъ Панинъ: Я думаю, тутъ есть одно обстоятельство, оно не приведено въ ясность, какъ будетъ съ площадями. Теперь вопросъ этотъ разрѣшить трудно. (*Обухову*): Ваше мнѣніе будетъ принято въ соображеніе.

Самаринъ: По проекту Самарскаго комитета крестьянамъ переданы всѣ тѣ права, противъ которыхъ вы возражаете.

Обуховъ: Да, я имѣлъ честь доложить, что въ самарскомъ положеніи предполагается разграниченіе и полный разводъ, а теперь, какъ вы это представляете, будетъ *переходное состояніе*. Мы и хозяйственное и административное управленіе все предоставляемъ крестьянамъ, по развязкѣ отношеній между ними и помѣщиками, но если эти отношенія не будутъ развязаны, то все должно быть предоставлено хозяину т. е. помѣщику, какъ это случается и въ городахъ, когда цѣлый

городъ принадлежитъ одному лицу; оно тогда и получаетъ доходы за все.

Самаринъ: Я вамъ доказывалъ нашимъ самарскимъ положеніемъ, что мы не выдумывали въ этомъ отношеніи ничего новаго въ коммисіяхъ.

Обуховъ: Пожалуйста, Юрій Федоровичъ, оставимъ Самарскій комитетъ. Теперь все другое. Мы такъ другъ друга понимать не будемъ.

Милютинъ: Гдѣ же другое? Депутаты жаловались, напримѣръ, на то, что мы все предоставляемъ крестьянамъ, что мы все сами разграничили.

Самаринъ (*Обухову*): Переходя къ дальнѣйшимъ вашимъ замѣчаніямъ, вопросъ объ укосѣ далеко нельзя считать разрѣшеннымъ въ средѣ коммисій. О чертѣ усадебной осѣдлости и о выгонахъ у насъ тоже не ясно выражено. Затѣмъ относительно системы оцѣнки усадьбъ въ редакціонныхъ коммисіяхъ постановлено то же, что и въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ. Комитетъ положилъ отчислять за усадебную осѣдлость не болѣе 2-хъ рублей на душу повинности. У насъ дано болѣе простора помѣщику, отъ 1 р. 50 к. до 3 руб.

Обуховъ: По моему мнѣнію, нужно цѣнить усадьбы по совѣсти.

Самаринъ: Да при такомъ способѣ оцѣнки, такъ какъ тутъ двѣ заинтересованныя стороны, то и явятся двѣ совѣсти. Что вы говорите,—просто не осуществимо. Строенія мы ужь предоставили крестьянамъ даромъ.

Обуховъ. Есть усадьбы, гдѣ все составляетъ особую цѣнность.

Самаринъ: Самарскій комитетъ признавалъ норму для усадебныхъ земель. Мы полагали по одной десятинѣ на дворъ, а редакціонныя коммисіи полагаютъ меньше.

Обуховъ: Тутъ десятины различны по цѣнности ихъ.

Князь Черкасскій: У насъ принята градація. Мы первую десятину оцѣниваемъ въ Самарской губерніи дороже только потому, что въ ней находится усадьба.

Обуховъ: У насъ въ Положеніи предоставляется на волю помѣщика давать подъ усадьбу отъ 600 до 2400 квадр. сажень, какъ онъ пожелаетъ.

Самаринъ: Нѣтъ-съ.

Графъ Панинъ: Это можно провѣрить.

Прочли § 45 на 16 стр. проекта Самарскаго губернскаго комитета.

Графъ Панинъ: А какъ у васъ въ хозяйственномъ докладѣ?

Самаринъ, Милютинъ и князь Черкасскій стали рыться. Павловъ напомнилъ, что это во 2-мъ докладѣ хозяйственнаго отдѣленія, а Гирсъ, что это слѣдуетъ искать въ 4-й книгѣ трудовъ коммисій. Обуховъ объяснялся отдѣльно съ Соловьевымъ, возлѣ котораго сидѣлъ.

Самаринъ прочелъ отысканную 7-ю статью дополнительнаго доклада хозяйственнаго отдѣленія № 2: „усадьбы остаются въ существующемъ размѣрѣ, если не переносятся на новыя мѣста, по правиламъ, которыя для того установлены будутъ; существующими же усадьбами должны быть признаваемы всѣ тѣ, въ которыхъ будутъ зимовать крестьяне въ 1859—1860 году".

Обуховъ: Это относится только до переносимыхъ усадьбъ.

Графъ Панинъ: А когда переселенія нѣтъ?

Самаринъ: Тогда усадебныя земли остаются все-таки въ существующемъ размѣрѣ.

Князь Черкасскій: И нами принятъ тотъ же maximum 1.800 квадратныхъ саженъ.

Графъ Панинъ: Тогда это какъ есть теперь?

Обуховъ: Тогда тамъ, гдѣ будутъ большія усадьбы, это въ ущербъ надѣла.

Графъ Панинъ: А какъ при отдѣльномъ выкупѣ усадьбъ?

Самаринъ: Тогда выкупается количество земли подъ усадьбой, какъ оно есть. У насъ предѣльный размѣръ постановленъ на тотъ случай, гдѣ нѣтъ черты селенія и возникъ бы споръ.

Графъ Панинъ: Хорошо; но гдѣ именно нѣтъ черты въ натурѣ? Эти случаи часты, напримѣръ, усадьба на краю селенія, другая отъ нея далеко, тутъ лугъ, черты нѣтъ. Тогда надобно же какое-нибудь опредѣленіе.

Самаринъ: У насъ принято за правило, что одинъ крестьянинъ выкупаетъ только то пространство, которое въ тѣсномъ смыслѣ слова было у него въ подворномъ пользованіи, а выгонъ входитъ въ усадебную осѣдлость тогда, когда всѣ усадьбы выкупаются въ общее пользованіе. Ваше возраженіе можетъ

относиться къ двумъ случаямъ: къ тому, когда черта селенія не будетъ ясна или къ переселенію.

Графъ Панинъ: Но и этотъ случай частный. Когда нѣтъ черты селенія, значитъ, тогда и придется эта десятина, оцѣненная дороже?

Самаринъ: Точно такъ.

Обуховъ: Да тутъ идетъ одна только десятина дорого, другія всѣ дешевы. Если отнимется земля отъ усадебной осѣдлости, то первая десятина и отойдетъ.

Самаринъ: Это зависитъ отъ помѣщика—отдать однѣ усадьбы или надѣлить крестьянъ землей.

Графъ Панинъ: Позвольте выяснить, здѣсь недоразумѣніе. Когда все пріобрѣтается вмѣстѣ, тогда нѣтъ затрудненія; но изъ многихъ сужденій я вижу, что въ отдѣльной десятинѣ не смежной съ первой бываетъ иногда цѣнность, которая не вознаграждается особой оцѣнкой первой десятины.

Самаринъ: Мы не принимаемъ при этомъ въ соображеніе географическаго положенія десятины. Пользованіе половиной надѣла, со включеніемъ усадебной земли, не соотвѣтствуетъ дѣйствительной половинѣ. Такое же количество земли безъусадебной не можетъ имѣть той же цѣнности (*Обухову*). Кто же не велитъ вамъ раскладывать общую оцѣнку на все, по вашему усмотрѣнію.

Графъ Панинъ: Позвольте, не для разрѣшенія дѣла, а для уясненія. Есть дальнія десятины, не нужныя крестьянамъ и болѣе дорогія. Цѣнность такой десятины не уничтожается.

Самаринъ: Эту десятину помѣщикъ можетъ оцѣнить какъ усадебную.

Графъ Панинъ: Гдѣ же это? выражено ли оно у васъ? Я этого не видалъ.

Самаринъ: Тогда онъ не будетъ придавать этой десятины къ надѣлу, да у насъ не за первую ближайшую десятину полагается бо̀льшая оцѣнка.

Желтухинъ: У насъ не за первую ближайшую въ географическомъ отношеніи, но за первую десятину изъ отходящихъ въ надѣлъ—это все равно.

Самаринъ: Градація необходима для того, чтобъ установить повинности тамъ, гдѣ отходитъ въ пользованіе или на выкупъ земли менѣе, чѣмъ установленный Положеніемъ высшій надѣлъ.

Графъ Панинъ: Надо бы яснѣе выразить вашу мысль.

Самаринъ (*Обухову*): Гдѣ, напримѣръ, одна десятина отдается въ пользованіе, близкая или отдаленная, все равно, за 3 рубля, за всякую вторую придется 2 р. 25 к. и за третью близкую или отдаленную,—это ваше дѣло—1 рубль, за тѣмъ предоставляется обложить четвертую и всѣ остальныя по-ровну, Это, очевидно, выгода помѣщика.

Обуховъ: Теперь это объясняется, надо только это выразить. Если подъ усадьбой 300 квадратныхъ саженъ, то изъ 4 рублей оброка сколько же я получу за 300 саженъ.

Самаринъ: До 3 рублей за десятину въ примѣръ, который былъ приведенъ мною.

Обуховъ: Какъ же это?

Самаринъ: Мы не опредѣляемъ размѣра усадьбъ; мы предоставляемъ откинуть на усадьбу 3 рубля, а Самарскій губернскій комитетъ полагалъ 2 рубля, слѣдовательно мы прибавили лишній рубль. Вы полагали оброкъ въ 25 рублей съ тягла, редакціонныя коммисіи въ 23 рубля. Въ это включается все. Затѣмъ при капитализаціи оброка предоставляется редакціонными коммисіями право откидывать на усадьбу изъ 23 руб. 3 руб., а вы изъ 25 руб. полагаете 2 рубля. Это совершенно все равно.

Обуховъ: Это меня и сбивало.

Петръ Семеновъ: Положимъ, что наши оброки были бы равны, такъ у насъ выходилъ бы одинъ лишній рубль на усадьбу. Во всякомъ случаѣ разномысліе между нами можетъ быть только въ общемъ размѣрѣ оброка.

Обуховъ: Я говорилъ, что прибавка на одну усадьбу будетъ въ ущербъ другой усадьбѣ, потому что одна усадьба можетъ быть на два тягла, а на оборотъ двѣ усадьбы на одно тягло.

Самаринъ: Да тутъ нѣтъ никакого ущерба.

Петръ Семеновъ: Градація повинности не есть оцѣнка. Еслибъ вездѣ былъ одинъ и при томъ высшій надѣлъ, то градація не имѣла бы никакого примѣненія. Градація примѣняется только тамъ, гдѣ существующіе надѣлы ниже высшихъ надѣловъ, и въ этомъ случаѣ это только премія въ пользу помѣщиковъ, которые не могутъ дать большаго надѣла, и премія справедливая, потому что цѣнность пріобрѣтаемой крестьянами усадебной осѣдлости разлагается, при меньшихъ надѣлахъ, на меньшее число десятинъ.

Графъ Панинъ: Такъ какъ мы достигли разъясненія,

то я и полагалъ бы прибавить въ дополненіе, что не принимается въ соображеніе разстояніе десятинъ надѣла отъ поселенія.

Самаринъ: Позвольте намъ обсудить это особенно, называть ли эту десятину первою или просто это отстранить.

Графъ Панинъ: Тогда надо обсудить и другой вопросъ—отдаленная десятина, хотя и дорогая, имѣетъ ли значеніе для крестьянина?

Самаринъ: Но помѣщикъ одинъ имѣетъ право требовать разграниченія земель и угодій съ крестьянами. (*Обухову*) Теперь о неизмѣнности повинности мы были согласны съ вами. Вы были за неизмѣнность.

Обуховъ: Да, но это связывается съ другими вопросами.

Самаринъ: Тутъ есть ваша подпись. Это такой коренной вопросъ, который не можетъ измѣниться ни при какомъ другомъ—значитъ, вы заявляете, что отбрасываете ваши собственныя мнѣнія, выраженныя вами въ губернскомъ комитетѣ. Позвольте напомнить вамъ, что неизмѣнность повинности принята въ положеніи Самарскаго комитета, при тѣхъ же условіяхъ, которыя были здѣсь объяснены въ началѣ засѣданія т. е. при окончательномъ разводѣ помѣщиковъ съ крестьянами. Въ отношеніи размѣра повинности мы предположили натуральную повинность выше Самарскаго комитета.

Обуховъ: Я объявилъ и дворянству, что я не принимаю на себя защищать положеніе Самарскаго губернскаго комитета. Я вообще противъ барщинной повинности, я считаю ее нулемъ. Дайте четыре и пять дней въ недѣлю, она ничего не будетъ значить.

Графъ Панинъ: Это общій вопросъ, будемте лучше такъ разсуждать, сколько рабочихъ дней полагаетъ Самарскій комитетъ и сколько редакціонныя коммисіи?

Обуховъ: Я не могу ничего сказать о количествѣ дней, это для меня все равно.

Графъ Панинъ: Да; но для тѣхъ, которые полагаютъ барщину возможною.

Самаринъ прочелъ выдержки для сравненія и доказательства того, что въ положеніи Самарскаго комитета и въ проектѣ редакціонныхъ коммисій то же самое и присовокупилъ: „только у насъ $^3/_5$ общей барщинной повинности переводится на лѣто“.

Обуховъ: Только тутъ у васъ маленькая разница въ средствахъ взысканія и обезпеченія этой повинности противъ Самарскаго губернскаго комитета.

Самаринъ: Въ редакціонныхъ коммисіяхъ все то же, что у васъ; у насъ только прибавка рекрутскихъ квитанцій.

Обуховъ: Вы мнѣ предложили вопросъ изъ доклада Хозяйственаго Отдѣленія № 16.

Самаринъ: Я не читалъ вашихъ замѣчаній на докладъ № 16.

Обуховъ: Да-съ, а они очень важны. Это обстановка барщины. Тамъ у васъ въ докладѣ сказано: если работы вредны — напримѣръ мочка конопли, то не допускать до ихъ отправленія, а эти работы всѣ вредныя. Потомъ вы предоставляете наказывать людей, мы не предоставляли.

Самаринъ: Значитъ, что по предположеніямъ Самарскаго комитета помѣщикъ не имѣетъ права требовать взысканія. Тогда вы сами лишили помѣщиковъ средствъ къ отбыванію на нихъ барщины.

Татариновъ: Нѣтъ, ни вы и никто не отказываетесь отъ права взысканія.

Обуховъ: Тѣ, которые не желали барщины, отказались.

Татариновъ: Да чтожъ говорить о тѣхъ, кто не желалъ. Мало ли что! Барщина есть. Я, можетъ быть, желалъ бы отказаться теперь отъ владѣнія собственнымъ имѣніемъ.

Н. СЕМЕНОВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МОЛОДЕЖЬ. [1])

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

IV.

Ровно двѣ недѣли спустя, въ одно изъ двадцатыхъ чиселъ мая, кучка крестьянъ, шумно разсуждая, двигалась по узкому проселку, выходившему на большую дорогу изъ уѣзднаго города Ч. въ уѣздный городъ Н. Тульской губерніи. Впереди нея шелъ рослый молодой человѣкъ съ сильно загорѣвшимъ лицомъ и густой, бѣлокурой бородой, одѣтый въ просторное лѣтнее платье съ широкополой, соломенной шляпой на головѣ. За ними по проселку, ведущему къ помѣщичьей усадьбѣ, ѣхалъ шагомъ тарантасъ, запряженный тройкою сытыхъ саврасокъ.

— Такъ вотъ, братцы, слышали,—рѣшительно сказалъ молодой человѣкъ, указывая тростью на межникъ, тянувшійся среди полей съ густою, уже колосившейся рожью,—все это по правую руку ваше, и никто этого у васъ не отнимаетъ. Только чтобы у васъ все было спокойно впередъ, а на счетъ той земли, что налѣво отъ межника, вы лучше съ Порфиріемъ Никитичемъ не спорьте, потому что эта земля его, и вашей никогда не будетъ.

Крестьяне нерѣшительно переглянулись, кое-кто изъ нихъ почесывалъ затылокъ. По выраженію лицъ было однако видно, что рѣшеніемъ они въ сущности довольны.

— Слышали?!—громко повторилъ молодой человѣкъ.

— Слышимъ-то, слышимъ,—сказалъ одинъ коренастый му-

---

[1]) См. „Р. В.“ Кн. 8-я, 1889 г.

жичекъ сиповатымъ голосомъ,—только больно обидно то намъ будетъ, ваше благородіе!

— Ну, обидно тамъ, или нѣтъ, а инаго рѣшенія вамъ не получить, потому что такъ оно выходитъ по совѣсти. А коли вы этимъ недовольны... Сказано это было повелительнымъ тономъ, но весело и добродушно, потому что говорившій это хорошо зналъ, что законныя требованія крестьянъ удовлетворены вполнѣ, и протестуютъ они только для виду.

— Нѣтъ, что и говорить,—послышалось изъ кучки,—очинно мы вами довольны, ваше благородіе! Разсудили вы насъ какъ есть по-Божескому съ новымъ помѣщикомъ.

Молодой человѣкъ, разсуждавшій съ крестьянами, былъ Гриша Непрядвинъ, за полгода передъ тѣмъ выбранный непремѣннымъ членомъ своего уѣзда. Пріѣхалъ онъ сюда разбирать дѣло села Юдина съ Порфиріемъ Никитичемъ Хмуровымъ, недавно купившимъ это имѣніе у Сергѣя Ивановича Коромыслова. Едва осмотрѣлся въ новомъ владѣніи Порфирій Никитичъ, какъ завелъ съ крестьянами тяжбу о землѣ, которой они издавна пользовались, хотя не имѣли на нее документовъ. Оказалось, что часть этой земли была куплена крестьянами на свои деньги еще при крѣпостномъ правѣ, а они вдобавокъ прихватили къ ней добрый участокъ благодаря добродушію Сергѣя Ивановича. Новый владѣлецъ, добродушіемъ не отличавшійся, не захотѣлъ признавать ихъ права ни на тотъ, ни на другой участокъ. Село заволновалось не на шутку, и спорный вопросъ пришлось разрѣшить Гришѣ. Потолковавъ съ крестьянами еще съ четверть часа и отпустивъ ихъ, онъ собирался уже сѣсть въ экипажъ, какъ со стороны усадьбы показались бѣговыя дрожки, которыми правилъ самъ Порфирій Никитичъ.

— Что, кончили благополучно?—съ притворной усмѣшкой заговорилъ онъ своимъ жирнымъ голосомъ, поровнявшись съ тарантасомъ.—Только, воля ваша, Григорій Михайловичъ, право, не знаю, на какихъ основаніяхъ вы такъ изволили рѣшить. Купилъ я это имѣніе цѣликомъ, со всѣми угодьями, а теперь часть моей земли должна отъ меня отойти...

— Та самая часть,—оборвалъ его Гриша,—которая еще до Положенія куплена мужиками! Кажется, на этотъ счетъ сомнѣнія нѣтъ!

Кислая усмѣшка на лицѣ Порфирія Никитича еще усилилась.—А документы-то гдѣ у нихъ? Гдѣ документы?!..—почти

завопилъ онъ, совсѣмъ забывая въ эту минуту про свою наклонность заступаться за меньшую братію.

— Сами вы очень хорошо знаете,—съ нѣкоторою гадливостью отвѣтилъ Гриша,—что этихъ документовъ у крестьянъ быть не можетъ. Ваши же люди всѣ, какъ одинъ человѣкъ, показали, что этою землею крестьяне владѣютъ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Вы и за то будьте благодарны, что другой участокъ они вамъ безъ суда возвращаютъ. Думаете вы, легко для мужика съ землей разставаться, которой онъ привыкъ владѣть, хотя бы и самовольно!

— А... а! Вотъ вы какъ!—ехидно возразилъ Порфирій Никитичъ.—Мои-то законныя права и денежки, что я заплатилъ Коромыслову, по-вашему ничего не значатъ?! Или вы тоже въ либералы записались, Григорій Михайловичъ?! Только по нынѣшнимъ временамъ это какъ-будто не приходится!

Но Гриша его больше не слушалъ и, усѣвшись въ тарантасъ, принялся застегивать кожанный фартукъ.

— Никуда я не записывался, Порфирій Никитичъ,—сказалъ онъ на прощаніе, не протягивая руки,—а по-моему правое дѣло ни отъ какихъ временъ не зависитъ. До свиданья! Трогай!—приказалъ онъ кучеру, не обращая болѣе вниманія на слегка опѣшившаго Хмурова.

Лошади бойко подхватили, и тарантасъ понесся по гладкой дорогѣ, поднимая густое облако сѣрой пыли, которая тутъ же разсыпалась въ совершенно тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ. День склонялся къ вечеру; длинными тѣнями раскидистыя, старыя ракиты, стоявшія вдоль дороги, ложились на землю, точно протягивая куда-то вдаль свои размашистыя вѣтви. Низкое солнце наполовину спряталось за длинное, розоватое облако, а багряные его лучи точно украдкою выглядывали оттуда, золотыми волнами окрашивая густо зеленѣвшія поля. Погода всю эту весну стояла чудесная, такая ровная, теплая; какой-то сладостный привѣтъ слышался въ проснувшейся природѣ, и богатую жатву обѣщала земля. Свѣтло и радостно глядѣло прозрачно-голубое небо, на которомъ точно разбросаны были пушистыя, бѣлыя волокна.

Весело зеленѣли поля, уходившія куда-то вдаль длинными, мягкими волнами; нескончаемыми казались эти волны, и тамъ только скрывались онѣ отъ глаза, гдѣ будто сливался съ ними, подернутый лиловатой дымкой, опустившійся къ землѣ, край небеснаго свода. Счастьемъ, просторомъ и радостью дышало

фовъ трудъ надъ бумажными канцелярскими глыбами. Онъ не переставалъ быть подъ обаяніемъ живаго ума Павла Александровича, даже когда охладѣла къ нему благосклонность начальника. Но времена перемѣнились, какъ туманъ разсѣялись всѣ проекты, отъ которыхъ Гриша ожидалъ чуть не обновленія родины. Первое марта отрезвило его разъ навсегда. И вотъ появились новыя задачи и новые люди. Гриша понималъ, что теперь пойдутъ уже не блестящіе проекты, которые писались такъ легко, а потребуется черствая, усидчивая работа, и онъ этой работы не боялся. Но, къ удивленію своему, онъ и тутъ ошибся. Не смотря на крутой поворотъ въ направленіи, вокругъ него, въ его служебномъ міркѣ все осталось по-прежнему. Огромная бюрократическая машина по-прежнему выпускала каждый день урочное число исписанныхъ листовъ и невозмутимо поглощала притекавшія къ ней со всѣхъ сторонъ Россіи исписанныя громады бумаги. И, какъ настоящая машина, ей по-прежнему было все равно, зерно или одна пустая солома выбрасывается отъ ея правильныхъ розмаховъ. Продолжалось все то же бездушное строченіе записокъ; шли все тѣ же заботы о томъ, когда откроется вакансія и кѣмъ ее замѣстить, а настоящія дѣла, касавшіяся живыхъ людей и въ разрѣшеніи которыхъ нуждалась страна, по-прежнему невозмутимо дремали въ длинныхъ рядахъ министерскихъ картоновъ. Перваго марта какъ-будто и не бывало. Личный составъ, правда, измѣнился немножко; Варсонофьевъ не усидѣлъ-таки при четвертомъ министрѣ. Холодная, европейская вѣжливость Коловратскаго смѣнилась при генералѣ Суматохинѣ притворно-добродушной шутливостью. Но на самомъ днѣ Министерства, гдѣ работали, а не разговаривали только, какъ на днѣ моря, все оставалось неизмѣнно спокойнымъ. Исчезло даже то кажущееся возбужденіе, та поверхностная зыбь, что принесло съ собою управленіе Павла Александровича. Гришѣ казалось, что у его сослуживцевъ еще прибавилось равнодушнаго цинизма, и что этотъ сложный механизмъ управленія какая-то громадная насмѣшка надъ Россіей. Да, вопросы были на лицо, настоящіе, живые вопросы! Не разъ они вызывали интересъ или даже негодованіе Гриши, доходя до него въ холодной оболочкѣ донесеній изъ провинцій. Но въ Министерствѣ они исчезали безслѣдно, словно камень, брошенный въ воду. И по мѣрѣ того какъ онъ дѣлался старше и лучше знакомился съ жизнью, со всѣхъ сторонъ, изъ чтенія газеты, изъ разговоровъ, эти вопросы обступали его,

вызывая въ немъ горячее желаніе хоть на чуточку ихъ подвинуть, а въ то же время горькую увѣренность, что на службѣ ему этого не сдѣлать. Да и семейныя его дѣла все громче требовали его участія, какъ-бы укоряя его за то, что онъ про нихъ забывалъ. Послѣдствія финансоваго разгрома его отца сказались очень скоро. Жизнь въ Петербургѣ становилась Непрядвинымъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что въ имѣніи все быстро шло по наклонной плоскости. Михаилъ Андреевичъ понялъ, что трехтысячное жалованье далеко не покрываетъ недочета по Солнцеву, и скрѣпя сердце въ слѣдующую зиму рѣшился покинуть Петербургъ. Но силы его были надломлены сразившею его катастрофою, и въ его дряхлѣвшихъ рукахъ управленіе Солнцевымъ не спорилось. Чуть не каждую недѣлю Гриша получалъ оттуда неутѣшительныя вѣсти. Отецъ звалъ его на помощь, сознаваясь, что ему одному не справиться съ затрудненіями. И какъ на зло, въ это лѣто Гришу продержали въ Петербургѣ, не разрѣшивъ ему даже кратковременнаго отпуска. Никогда еще канцелярская работа не казалась ему такою постылою. Глотая душную пыль петербургскихъ мостовыхъ, да просиживая длинные часы за своимъ столомъ въ Министерствѣ, гдѣ все спало лѣтней, бюрократической дремотой, онъ проклиналъ свою безцѣльную зависимость, мѣшавшую ему взяться за настоящія свои обязанности, за помощь семьѣ въ живомъ, близкомъ для него дѣлѣ. И въ то же время, онъ сознавалъ все яснѣе, все горестнѣе, что самъ онъ куда какъ плохо подготовленъ къ этому дѣлу, что Россіи онъ не знаетъ совсѣмъ, и четыре года, проведенные имъ за канцелярскимъ столомъ, оказались для него плохою школой. Искусственный петербургскій міръ заслонилъ собою передъ нимъ настоящую Россію, скромно живущую совсѣмъ иною жизнью, чѣмъ презиравшій ее Петербургъ. „Я началъ жизнь не съ того конца!“ раздумывалъ онъ, все сильнѣе порываясь туда, въ родное гнѣздо, къ скромной работѣ въ деревнѣ. „Мнѣ казалось, что нивѣсть какою мудростью меня снабдилъ университетъ, а на повѣрку-то выходитъ, что я не знаю почти ничего изъ того, что знать всего нужнѣе. Всѣ вѣдь дѣлаютъ, какъ я! Мечтаютъ о карьерѣ, точно можно страной управлять, не зная ея. И все это потому только, что сторонимся мы отъ настоящаго дѣла, отъ сѣрой работы. А въ сущности это нелѣпо и позорно!..“ Гриша понялъ теперь, что нельзя кроить себѣ обязанности по вкусамъ, а надо браться за то дѣло, ка-

кое укажетъ сама жизнь. Какъ ни старайся, отъ нея не увернешься! Тотъ, кто пробуетъ ее направлять по-своему, навѣрняка собьется съ дороги. И все сильнѣе въ немъ сказывалось рѣшеніе покончить съ мишурой петербургской службы и вернуться къ себѣ въ Солнцево, откуда бы и уходить ему не слѣдовало. Какъ водится, случайное, мелкое обстоятельство побудило его исполнить это рѣшеніе. Въ департаментъ, гдѣ онъ состоялъ, поступила изъ одной захолустной губерніи бумага, усиленно напоминавшая про ходатайство, пришедшее оттуда уже три года тому назадъ и до сихъ поръ не разрѣшенное. Директоръ этого департамента, тайный совѣтникъ Пресмыкаевъ, сильно всполошился по этому дѣлу, про которое совершенно забылъ, потому что отъ высшаго начальства ему довелось получить изрядную головомойку. Дѣло это три года тому назадъ было поручено Гришѣ. Онъ принялся за него съ большимъ рвеніемъ и давнымъ давно передалъ директору свою работу. Гриша наивно воображалъ, что ходатайство разрѣшено. И когда его позвали къ министру, въ отвѣтъ на грозный вопросъ генерала, какъ можно цѣлыхъ три года не исполнять порученія, онъ не задумался разсказать, какъ все было, прямо обвиняя начальника. Генералъ Суматохинъ любилъ аккуратность и быстроту, и напустился на Пресмыкаева.

— Это очень, очень непріятно! сказалъ онъ. — Власть никогда не должна казаться неправою! Цѣлыхъ три года по такому пустому вопросу!.. Разрѣшить даже какъ-будто неловко теперь!

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, отозвался Пресмыкаевъ,—намъ всего лучше отвѣтить, что въ виду трехлѣтняго срока, истекшаго послѣ ходатайства, мы его разрѣшить затрудняемся, такъ какъ обстоятельства могли измѣниться, и потому мы будемъ ожидать дальнѣйшихъ свѣдѣній.

— Да, да, послѣ минутнаго раздумья произнесъ генералъ,— вы правы! Вы такъ и сдѣлайте! Это по крайней мѣрѣ насъ не компрометтируетъ.

И двумя кивками головы, любезнымъ по адресу Пресмыкаева, равнодушнымъ въ сторону Гриши, генералъ отпустилъ обоихъ. Нечего и говорить, какимъ уничтожающимъ взглядомъ директоръ департамента подарилъ Гришу, когда они оба вышли изъ кабинета министра. Это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру терпѣнія Гриши. Онъ ясно видѣлъ теперь, что ему не ужиться съ этими людьми, и на слѣдующій день

подалъ въ отставку. Двѣ недѣли спустя онъ былъ въ Солнцевѣ; но пріѣхалъ онъ туда въ этотъ разъ совсѣмъ съ иными чувствами, чѣмъ прежде. Теперь у него было не высокомѣрное желаніе все пересоздать по своей книжной мудрости, а твердое намѣреніе учиться. И странное дѣло, отъ того, быть можетъ, что онъ не такъ ужь довѣрялъ себѣ, не такъ презрительно относился къ чужимъ промахамъ, даже къ самому Данилычу, успѣхъ ему дался лучше прежняго. Отецъ ему теперь не мѣшалъ. Онъ радъ былъ сдать возжи другому не отъ того, что онъ физически опустился, а скорѣе отъ какой-то нравственной, скорбной безпомощности, охватившей его послѣ банковаго крушенія. Да и Гриша бережно щадилъ самолюбіе отца, постоянно совѣтуясь съ нимъ и оставляя ему всѣ признаки власти. И Михаилъ Андреевичъ мало-по-малу научился смотрѣть на все глазами сына, не примѣчая даже, что хозяиномъ онъ сталъ только по имени.

Гриша совсѣмъ ушелъ въ свои воспоминанія. Какъ далекимъ казалось теперь это недавнее прошлое, какимъ далекимъ и блѣднымъ сталъ даже такъ дорогой ему нѣкогда образъ Нелли. Онъ все еще живо помнилъ, какою жгучею, нестерпимою болью отозвалось въ немъ послѣднее объясненіе съ ней, и теперь еще, когда эта сцена мелькала въ его воображеніи, точно лихорадочное ощущеніе пробѣгало по всему его существу, и брови его болѣзненно сдвигались. Но все-таки это былъ теперь лишь далекій отзвукъ прежняго чувства, какъ слабое мерцаніе зарницы послѣ разсѣявшейся грозы. И Гриша вспоминалъ про Нелли и про Двинскаго безъ горечи. За годъ передъ тѣмъ, когда онъ еще былъ въ Петербургѣ, онъ видѣлъ молодую женщину только разъ, мелькомъ на улицѣ, и встрѣча эта, такъ ему показалось, не вызвала въ немъ ни раздраженія, ни боли. Къ нимъ онъ однако не поѣхалъ. Къ чему было возобновлять такъ рѣзко порвавшіяся отношенія. Вѣдь жизни ихъ пошли совсѣмъ иными дорогами, и все-таки, даже теперь, когда въ немъ улеглось прежнее чувство, и онъ такъ привязался къ своей новой, будничной работѣ, прежніе образы иногда носились передъ нимъ, дразня и прельщая его воображеніе. Онъ снова видѣлъ себя на пути къ почестямъ и власти, снова упивался мечтою о громкой пользѣ, какую принесла родинѣ его безкорыстная дѣятельность. Онъ усердно борется съ интригами и хищеніемъ, его честный голосъ доходитъ до престола, его имя произносится съ благодарностью Кто не думалъ обо

*

всѣмъ этомъ въ молодые годы! И теперь даже, когда его протрезвила жизнь, эти мечты, какъ образы изъ волшебной сказки, не утратили для Гриши своей прелести, и, упиваясь ими, онъ забылъ на мигъ про дѣйствительность. Гриша не глядѣлъ уже по сторонамъ дороги на однообразную картину смѣнявшихся пригорковъ и луговъ, полей и перелѣсковъ, хотя столько было тихой ласки въ этой картинѣ, по которой будто скользили заходившіе лучи весенняго солнца. Невольно даже онъ закрылъ глаза, совсѣмъ не примѣчая, какъ верста уходила за верстой, и тарантасъ давно свернулъ съ большака на проселокъ, а усталыя лошади мало-по-малу перешли на шагъ. Тогда только онъ очнулся, когда обернувшійся кучеръ, будто извиняясь, проговорилъ, указывая кнутовищемъ на тройку:

— Надо имъ вздохнуть дать маленько, баринъ! Измаялись совсѣмъ. Ишь, какъ паритъ!

Дневной жаръ въ самомъ дѣлѣ еще не спадалъ, хотя солнце уже совсѣмъ низко опустилось къ небосклону, и легкій туманъ уже носился надъ лугомъ, по которому они проѣзжали. Словъ кучера было достаточно, чтобы совсѣмъ протрезвить Гришу.

— Ладно, дай имъ пройти шагомъ, отвѣтилъ онъ, слегка усмѣхнувшись вслѣдъ разлетѣвшимся грезамъ. „Не надо распускать себя, не надо!“ подумалъ онъ. „Мнѣ вѣдь некогда мечтать“. И въ самомъ дѣлѣ слѣдовало подумать о завтрашнемъ днѣ, о предстоявшихъ работахъ. У него на рукахъ, кромѣ служебныхъ обязанностей, было вѣдь цѣлое крупное хозяйство. И Гриша сталъ прикидывать въ умѣ, какъ устроить, чтобы хватило народу на завтрашнія полевыя работы. А тутъ вдобавокъ у околицы деревни, въ которую они въѣзжали, его остановилъ мужичокъ и подалъ прошеніе по какому-то дѣлу. Будничная жизнь стерегла его, не давая времени для грезъ. Онъ сказалъ себѣ это съ какимъ-то оттѣнкомъ горечи, но тутъ же осилилъ въ себѣ это несовсѣмъ хорошее чувство. И вдругъ на него пахнуло свѣжестью: тройка въѣзжала въ березовую рощу. Солнце почти совсѣмъ закатилось, но молодая листва, сморщенная и нѣжная, отливала еще золотистымъ блескомъ. Сильно запахло вдругъ молодой распустившейся почкой, и съ полей и луговъ тоже поднимались сладкія, пахучія волны. Истомой и нѣгой дышалъ чуть колыхавшійся воздухъ, листъ едва лѣниво шевелился, но въ этой усталости, въ этой лѣни, чувствовалась свѣжесть и сила молодой природы, утомленной

отъ избытка жизни. Гриша жадно вдохнулъ въ себя ароматическій воздухъ и совсѣмъ уже съ инымъ чувствомъ оглянулся кругомъ. На небѣ одна за другой слабо загорались звѣзды, ночной мотылекъ порхнулъ мимо, едва не задѣвъ лицо Гриши своими пугливыми крыльями. Гдѣ-то вдали осторожно защелкалъ соловей. „Нѣтъ, я былъ несправедливъ!“ подумалъ Гриша. „И здѣсь хорошо. И у этой скромной природы есть своя краса“.

— Пошелъ, теперь посвѣжѣло! крикнулъ онъ кучеру. Ему захотѣлось въ Солнцево, домой, къ семьѣ, которую онъ не видѣлъ три дня, разъѣзжая по уѣзду. И старинный домъ съ своей тихой, застывшей жизнью точно улыбнулся ему издали. Въ этомъ домѣ жило теперь еще одно существо, на которомъ съ особеннымъ удовольствіемъ остановилось воображеніе Гриши. Это была Олли Столѣнина, теперь уже восемнадцатилѣтняя, стройная дѣвушка. За три мѣсяца тому назадъ она стала круглой сиротой. Жизнь Владиміра Валерьяновича окончилась такъ же безсмысленно, какъ велась она прежде. Сперва, послѣ смерти жены, онъ-было остепенился, убавилъ расходы и могъ надѣяться со временемъ поправить дѣла. Но скоро въ немъ снова зашевелился неугомонный бѣсъ, руководившій всѣми его поступками. Онъ вернулся къ старымъ привычкамъ, сталъ по-прежнему вести большую игру, и какъ всегда повелъ ее несчастно. Но прежняго джентльменскаго самообладанія въ немъ уже не было. Неудачи раздражали его, и разъ, много проигравъ Дмитрію Албанову, онъ позволилъ себѣ рѣзкую, оскорбительную выходку. Онъ тотчасъ извинился бы охотно, и дѣло легко можно было бы замять, но свидѣтелей происшествія на бѣду оказалось много, и самолюбіе сдѣлало то, на что бы не хватило настоящей гордости. Владиміръ Валерьяновичъ назадъ своихъ словъ не взялъ. Дуэль состоялась два дня спустя, а Албановъ, вовсе не желавшій убить своего противника—кто же убиваетъ карточнаго должника—совершенно невольно всадилъ ему пулю въ самое сердце. Владиміръ Валерьяновичъ отошелъ въ вѣчность мгновенно безъ страданій. Надъ его дочерью надо было учредить попечительство, и Олли, не обинуясь, избрала своимъ попечителемъ Михаила Андреевича. Съ тѣхъ поръ какъ Нелли была замужемъ, Олли уже не имѣла причинъ сторониться отъ Непрядвиныхъ. И вотъ она уже третій мѣсяцъ жила въ Солнцевѣ, оживляя его сѣренькую жизнь своей расцвѣтшей молодостью. Измѣнилось въ ней очень немногое, и

совсѣмъ почти незамѣтно изъ ребенка она превратилась въ взрослую дѣвушку. Съ очень раннихъ лѣтъ въ ней развилась и воля, и наблюдательность, и нелегкая жизнь наложила почти суровую печать на ея дѣтство. За то она и до сихъ поръ сохранила дѣтскую способность быстро мѣнять впечатлѣнія, и на ея личикѣ, какъ тучи и солнце на весеннемъ небѣ, серьезная, а порой и грустная мысль быстро уступали мѣсто звонкому, даже задорному смѣху.

У самаго въѣзда въ усадьбу Гриша увидалъ отца, толковавшаго съ какими-то двумя мужиками. Михаилъ Андреевичъ глядѣлъ озабоченнымъ, почти унылымъ. Онъ ходилъ съ видимымъ трудомъ, опираясь на трость. За послѣднее время у него завелась подагра. И этотъ благородный недугъ, свидѣтельствовавшій о былыхъ подвигахъ, порой давалъ-таки себя чувствовать. Гриша выскочилъ изъ тарантаса и подошелъ къ отцу.

— Что папа?—спросилъ онъ, поздоровавшись съ нимъ и примѣтивъ его усталый, озабоченный видъ.—Все дѣла?

— Да вотъ, сладиться никакъ не можемъ!—безпомощно отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ.—Цѣну просятъ невозможную!

Плотники тотчасъ обратились къ Гришѣ, зная по опыту, что онъ настоящій хозяинъ, и принялись увѣрять его, что меньше пятисотъ рублей никакъ нельзя. Михаилъ Андреевичъ заволновался. Дѣло шло о починкѣ скотнаго двора.

— Ну, приходите послѣ, такъ черезъ часъ!— объявилъ Гриша рядчикамъ.—Потолкуемъ и, дастъ Богъ, сладимся какъ-нибудь.

Гриша взялъ отца подъ руку и направился съ нимъ къ дому.

— Что, братъ,—принялся разспрашивать Михаилъ Андреевичъ,—много было у тебя возни за эти три дня, утомился, небойсь?

— Ничего, папа, что мнѣ дѣлается!—весело отвѣтилъ Гриша, смекнувшій тотчасъ, что у отца было на умѣ что-то, чего онъ высказать сразу не рѣшался.—Всѣ здоровы?

— Всѣ, всѣ, только я вотъ инвалидомъ сталъ.—Михаилъ Андреевичъ попробовалъ засмѣяться и постарался придать бодрости своей походкѣ.—Вотъ что я тебѣ скажу, Гриша,—началъ онъ, немного помолчавъ.—Я думаю, придется моховой лѣсъ продать. Безъ тебя являлся купецъ, давалъ за десятину триста пятьдесятъ рублей. Я безъ тебя не рѣшился... И на лицѣ Михаила Андреевича показалось виноватое, боязливое выраженіе, то самое, какое видѣлъ на немъ Гриша въ день бан-

коваго разгрома, и потомъ, въ другой разъ, когда, пріѣхавъ въ деревню, онъ узналъ, что проданъ на срубъ, и проданъ за безцѣнокъ, самый лучшій лѣсъ въ Солнцевѣ, чтобы расплатиться съ долгами.

— Триста пятьдесятъ рублей, какъ можно!—воскликнулъ Гриша.—Моховой лѣсъ стоитъ вдвое дороже. Да мы и безъ этого обойдемся! Зачѣмъ продавать?!

— Ты думаешь?!—нерѣшительно сказалъ Михаилъ Андреевичъ, понимавшій лишь тотъ способъ хозяйничанья, который заключается въ продажѣ лѣсовъ и закладываньи имѣнія.

Они вошли въ домъ. На террасѣ все общество было за чаемъ. Варвара Петровна не только съ нѣжностью, но и съ какимъ-то оттѣнкомъ уваженія поцѣловала сына. Она гордилась имъ, хоть и сѣтовала на него за то, что блестящіе виды на карьеру онъ промѣнялъ на захолустную должность въ провинціи. Наташа тоже звонко поцѣловалась съ братомъ. Они теперь окончательно спѣлись. И думали они, и чувствовали совсѣмъ за-одно, хоть и доводилось имъ по-прежнему спорить часто. Олли не совсѣмъ рѣшительно протянула Гришѣ руку, и въ отвѣтъ на какой-то шутливый вопросъ слегка покраснѣла. Сидѣвшій за концомъ стола младшій братъ, Митя, замѣтилъ это и, вскинувъ на нее глазами, тотчасъ опустилъ ихъ. Онъ тоже покраснѣлъ почему-то. Митя былъ безнадежно влюбленъ въ молодую дѣвушку робкой любовью шестнадцатилѣтняго юноши и тщательно это скрывалъ. Онъ много измѣнился за послѣднее время, вытянулся, похорошѣлъ, но остался по-прежнему молчаливымъ нелюдимомъ. Въ тайнѣ онъ пописывалъ стихи довольно плохіе и очень восторженные. Старшаго брата, Андрюши, въ Солнцевѣ не было. Въ Университетъ онъ не поступилъ, а окончивъ съ гимназіей пошелъ вольноопредѣляющимся въ конную артиллерію. Военная служба и, чего грѣха таить, кутежи съ товарищами пришлись ему очень по вкусу.

Варвара Петровна между тѣмъ принялась журить мужа за то, что онъ такъ неосторожень и ходитъ съ больной ногой, хотя докторъ это запретилъ. Она говорила немного рѣзко съ оттѣнкомъ пренебреженія къ мужу.

— Да какъ же, матушка, дѣла!—оправдывался Михаилъ Андреевичъ.

— Какія тамъ дѣла, и что ты въ нихъ понимаешь!—оборвала его Варвара Петровна.—Ты бы лучше свое здоровье берегъ, а Гриша и безъ тебя все уладитъ.

Михаилъ Андреевичъ смолчалъ и все съ тѣмъ же виноватымъ видомъ попросилъ у Наташи чаю. Варвара Петровна, сама, быть можетъ, того не сознавая, усвоила себѣ этотъ тонъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Михаилъ Андреевичъ поневолѣ долженъ былъ отказаться и отъ юношескихъ проказъ, и отъ руководства надъ семьей. Прежде, когда ей приходилось его ревновать, она любила его и въ тайнѣ преклонялась передъ нимъ, а съ ревностью незамѣтно прошла и любовь. Въ сущности она всегда находилась подъ обаяніемъ того самаго, за что она такъ часто жаловалась на мужа. Ее прельщалъ въ немъ блескъ сорокалѣтняго повѣсы, сорившаго деньгами, и охотника покутить. Разбитый нравственно, Михаилъ Андреевичъ, подавшій въ отставку отъ любовныхъ похожденій, внушалъ ей одну слегка презрительную жалость.

— Гриша, къ тебѣ есть письмо,—сказала брату Наташа, подавая ему конвертъ.—Должно быть отъ Павла Павловича.— На конвертѣ значилось клеймо сосѣдняго уѣзднаго города.

Гриша принялся читать. Паша, цѣлый годъ проживший въ отцовскомъ имѣніи, въ селѣ Отрадномъ, сообщалъ, что на лѣто онъ переѣдетъ къ сестрѣ въ Набережное, гдѣ она съ мужемъ поселится тотчасъ послѣ коронаціи. „И мы, конечно, будемъ часто видѣться!“ говорилъ Паша. „У меня есть очень, очень многое, о чемъ съ тобою переговорить, много новыхъ мыслей и сомнѣній“. Странное дѣло, Гришу не обрадовало письмо товарища. Его смущала мысль, что, чего добраго, ему придется увидѣть Нелли, и непонятное волненіе, котораго онъ не въ силахъ былъ скрыть отъ себя, охватывало его при этой мысли. Да и было еще нѣчто другое, слегка его безпокоившее. Онъ прочелъ письмо вслухъ, и все время украдкою всматривался въ лицо Олли. Онъ зналъ про давнишнюю любовь Паши къ молодой дѣвушкѣ. Прежде, три года тому назадъ, она оставалась совсѣмъ равнодушной къ этому чувству. Но тогда Олли была еще ребенкомъ. А теперь, если Паша не пересталъ любить ее, кто знаетъ, какъ отзовется она на эту любовь? На лицѣ молодой дѣвушки Гриша однако не успѣлъ уловить и тѣни смущенія. Разговоръ о Пашѣ и о Двинскихъ какъ-то оборвался самъ собой. Обѣ дѣвушки продолжали толковать, какъ ни въ чемъ ни бывало, про свои маленькія дѣла, про романъ, который онѣ прочли недавно вмѣстѣ, про новую школу, строившуюся въ Солнцевѣ. Послѣ чаю онѣ встали и пошли въ садъ. Спустя нѣсколько минутъ Гриша пошелъ туда вслѣдъ

за ними и догналъ ихъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать Олли, но какъ-то не рѣшался въ присутствіи сестры. Наташа это замѣтила и подъ какимъ-то предлогомъ оставила ихъ вдвоемъ. Онъ хотѣлъ заговорить съ ней о Пашѣ, но заговорилъ совершенно о другомъ.

— Ольга Владиміровна,—началъ онъ. До сихъ поръ онъ называлъ ее просто Олли,—отчего вы меня никогда не разспрашиваете, какъ идутъ дѣла въ вашемъ имѣніи, когда я возвращаюсь изъ моихъ поѣздокъ? Вѣдь вы имѣете полное право меня требовать къ отчету.

Онъ былъ въ сущности ея настоящимъ попечителемъ, и она это ему разъ въ шутку сказала.

— Неужели это васъ нисколько не интересуетъ?—продолжалъ онъ.

— Интересуютъ меня,—отвѣтила она своимъ твердымъ, звонкимъ голоскомъ,—домъ нашъ, садъ и разные пустяки, которые напоминаютъ мнѣ про мое дѣтство, но которые въ вашихъ глазахъ не имѣютъ никакого значенія.

— Положимъ, имѣютъ, и очень большое!—отвѣтилъ Гриша, стараясь разглядѣть ея лицо подъ темнымъ навѣсомъ старыхъ липъ.—Но вамъ не мѣшало бы знать и про остальное. Вѣдь вы не по лѣтамъ серьезная дѣвушка.

— Вотъ какъ?!.. попробовала она разсмѣяться.—И все-таки, не смотря на мою серьезность, я во всемъ этомъ остальномъ ничего не понимаю, и вполнѣ довѣряюсь вамъ и Михаилу Андреевичу.

— Но вѣдь наша власть,—продолжалъ Гриша,—все-таки только временная. Вы можете отъ насъ уѣхать, можете наконецъ выйти за-мужъ....

Они вышли на открытое мѣсто, и бѣлый лучъ поднявшагося мѣсяца упалъ на лицо молодой дѣвушки. Это лицо показалось Гришѣ необыкновенно блѣднымъ.

— Ну, до этого еще далеко!—отвѣтила она все съ тѣмъ же притворнымъ смѣхомъ, и слегка отвернулась отъ его упорнаго взгляда.—Пока мнѣ и такъ хорошо.

— Ну, а что,—спустя минуту заговорилъ опять Гриша,—если нашъ общій другъ, Паша Коловратскій, вздумалъ бы... Онъ вѣдь будетъ сюда на дняхъ, вы слышали.

— Паша Коловратскій?!.. она посмотрѣла на него съ откровеннымъ удивленіемъ.

— Полноте, Ольга Владиміровна, не скрытничайте!—И го-

лось молодаго человѣка слегка дрогнулъ.—Какъ-будто вы не знаете, что Паша...—онъ немного запнулся,—восхищался вами, когда вы были еще совершеннымъ ребенкомъ!?

Она не отвѣтила.—Или вы находите, можетъ быть,—настаивалъ онъ,—что я не имѣю права заговаривать съ вами объ этомъ? Не скрою отъ васъ,—добавилъ онъ не совсѣмъ твердо,—это важно не для васъ одной, но и... для меня.

Молодая дѣвушка опустила голову, хотя слова Гриши подняли въ ея сердцѣ волну счастливаго чувства. Она истолковала ихъ въ такомъ смыслѣ, котораго, быть можетъ, онъ самъ не хотѣлъ имъ придать.

— Павелъ Павловичъ,—сказала она, спустя минуту,—очень добрый и милый, и я рада его увидать, но... но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете. И я не вѣрю тому, что вы сказали про него, и не хочу вѣрить!

— Бѣдный Паша! весело отозвался на это ея спутникъ.—А онъ, я думаю, надѣется....

— Ахъ, какіе пустяки, какъ вамъ не стыдно!—И въ ея голосѣ послышались опять обычныя звонкія нотки.—Слышите, соловей защелкалъ! Ахъ, какъ хорошо!—И она притворилась, будто все ея вниманіе сосредоточилось на пѣніи соловья, заливавшагося среди тишины неподвижной ночи.

Когда они вернулись домой, Наташа тотчасъ примѣтила на лицѣ своей молоденькой подруги какое-то особое, почти торжественное выраженіе.

— Мы соловья заслушались тамъ, въ липовой аллеѣ,—сказала Олли не совсѣмъ искренно.

— Ну, я думаю, не одного соловья!—улыбаясь, отвѣтила Наташа.

И въ эту самую ночь Наташа узнала всю тайну молодой дѣвушки. Она давно догадывалась про зародившееся чувство Олли къ ея брату и видѣть ее современемъ женою Гриши было одною изъ ея лучшихъ надеждъ на будущее.

V.

Гришѣ до сихъ поръ отчетливо не представлялась мысль о возможности его женитьбы на Олли Столѣниной. Часто, правда, взглядъ его ласково, почти нѣжно останавливался на ея миломъ личикѣ. Онъ любилъ ея лучистые глаза, любилъ въ особенности ея нравъ открытый и прямой, хоть и вспыль-

чивый немножко. Онъ давно зналъ какимъ-то чутьемъ, что натура ея въ высшей степени честная, что на нее положиться можно. Но все-таки привязанность его къ ней была скорѣе братская. Онъ привыкъ заботиться о ней почти какъ о ребенкѣ, и въ своихъ хлопотахъ объ устройствѣ запутаннаго наслѣдства ея отца онъ думалъ, что исполняетъ только случайно выпавшую на его долю обязанность. Теперь, послѣ его разговора съ нею въ саду, онъ впервые задумался надъ тѣмъ, что этотъ ребенокъ сталъ для него дорогимъ, и образъ его не такъ ужъ безмятежно, какъ прежде, носился передъ его воображеніемъ. И когда онъ засыпалъ въ эту ночь, впрочемъ такъ же спокойно, какъ всегда, этотъ образъ сладко улыбался ему. Но и теперь это была лишь неопредѣленная, хоть и милая мечта. И отношенія ихъ остались прежними. Чуть-чуть только прибавилось сдержанности въ его обращеніи съ ней, и болѣе церемонное „Ольга Владиміровна“ замѣнило уменьшительное „Олли“. За то сама она держалась съ нимъ не по-прежнему. Съ ея стороны былой, дѣтской непринужденности уже не было. Она смущалась почему-то, краснѣла, когда онъ заговаривалъ съ нею, и не такимъ рѣшительнымъ было пожатіе ея руки, когда они встрѣчались. На первый взглядъ могло казаться, что у нихъ произошло какое-то охлажденіе. Варвара Петровна, хорошо примѣчавшая эти мелочи, отдавала себѣ отчетъ въ ихъ истинномъ смыслѣ. Она давно рѣшила съ собой, что молодая дѣвушка, по волѣ судьбы поселившаяся подъ ихъ кровомъ, будетъ отличною партіею для ея Гриши. Не смотря на растроенныя дѣла Столѣпиныхъ, по уплатѣ всѣхъ долговъ, Вороново все-таки уцѣлѣетъ. А Вороново, если его устроить какъ слѣдуетъ, оказывалось куда какимъ завиднымъ приданымъ. И Варвара Петровна, не переставшая скорбѣть о неудачѣ съ замужествомъ Наташи, говорила себѣ, что эту невѣсту, посланную самимъ небомъ, она уже не выпуститъ изъ своихъ рукъ, и молодой дѣвушкѣ она выказывала самое старательное вниманіе.

Такъ прошли еще недѣли двѣ. Паши, не смотря на его обѣщаніе, все еще не было, хотя сестра его съ мужемъ давно пріѣхали изъ Москвы въ Набережное. Гриша все это время рѣдко оставался дома. Особенно много занимало его Вороново, куда онъ ѣздилъ почти каждый день, и гдѣ все надо было завести по-новому. Разъ, когда онъ только-что подъѣхалъ къ усадьбѣ, онъ увидѣлъ передъ крыльцомъ плетеный шарабанъ,

запряженный парою голыхъ пони. Въ шарабанѣ сидѣла молодая женщина вся въ черномъ, въ которой онъ тотчасъ узналъ Нелли. Она видимо поджидала кого-то и, услыхавъ звонъ бубенчиковъ, разомъ обернулась въ его сторону.

— А, Григорій Михайловичъ, какъ я рада!—воскликнула она самымъ непринужденнымъ тономъ.—Вотъ счастливая случайность! Подойдите сюда, подойдите!

Нельзя было не подойти и не поздороваться, хотя эта неожиданная встрѣча очень раздосадовала Гришу, особенно потому, что онъ почувствовалъ, какъ вся кровь его мигомъ прихлынула къ щекамъ. Непріятно подѣйствовалъ на него самый тонъ обращенія Нелли, преднамѣренно развязный.

— Я бы должна пожурить васъ,—продолжала она, протягивая свою маленькую, изящную ручку,—за то, что до сихъ поръ вы у насъ не были. Это ни на что не похоже, мы такіе старинные пріятели. Да что съ вами подѣлаешь, вѣдь вы на другихъ не похожи!

Гриша не совсѣмъ ловко извинился, сердясь на себя за свое глупое смущеніе. А она по-прежнему улыбалась, вполнѣ владѣя собой.

— Мы съ мужемъ пріѣхали сюда,—принялась она разсказывать,—посмотрѣть на этотъ покинутый замокъ. Говорятъ, Вороново такое великолѣпіе. Кому оно принадлежитъ теперь? Этой маленькой дѣвочкѣ, которая живетъ у васъ?

Эти послѣднія слова еще усилили раздраженіе Гриши. Но ему не пришлось отвѣтить, Нелли продолжала все такъ же развязно:—Представьте себѣ, Юрій долго не хотѣлъ сюда пріѣхать, но я его заставила! Онъ пошелъ теперь отыскивать кого-нибудь, кто бы намъ отворилъ двери и показалъ домъ. Здѣсь все какъ будто вымерло. Право, точно замокъ спящей красавицы. А она хорошенькая, эта дѣвочка?

— Если хотите, я распоряжусь, княгиня,—холодно возразилъ Гриша.

Но появленіе Юрія, за которымъ шелъ какой-то человѣкъ со связкою ключей, его избавило отъ этого труда. Юрій встрѣтилъ его съ радушной искренностью, хотя совершенно иначе, чѣмъ Нелли. У него, къ удовольствію видѣть пріятеля, съ которымъ они разошлись въ тяжелую минуту для Гриши, примѣшивалось очевидное смущеніе.

— Я очень радъ былъ узнать, что ты здѣсь, — сказалъ Юрій.—И такъ полюбилъ свое новое дѣло. Это очень хорошо,

право, гораздо лучше всего того, что мы творимъ въ Петербургѣ.

— Ну, пойдемте! — съ оттѣнкомъ нетерпѣнія перебила его Нелли, выскакивая изъ экипажа и бросая возжи жокею, не подвижно, какъ истуканъ сидѣвшему позади.

Тяжелые засовы звякнули, широкое крыльцо растворилось, изъ обширныхъ сѣней пахнуло холодомъ давно оставленнаго жилья. Не было уже роскошныхъ, тепличныхъ растеній, когда-то украшавшихъ широкую лѣстницу, многія изъ дорогихъ вещей были распроданы, но Вороновскій домъ все еще глядѣлъ внушительно и сановито. Гриша старательно оберегалъ его отъ руки времени, всегда безпощадной къ тому, что покидаетъ человѣкъ. Трудно сказать, что почувствовалъ Юрій, всходя по ступенямъ этой лѣстницы, съ которой онъ когда-то такъ часто сбѣгалъ, исполненный опьяненія незаконной любви. Только лицо его глядѣло необыкновенно сурово, да и самому дому эти нѣсколько лѣтъ словно придали что-то строгое и задумчивое, точно на немъ укоръ читался нежданнымъ посѣтителямъ. Юрій былъ очень молчаливъ, пока они втроемъ проходили по обширнымъ хоромамъ. За то молодая княгиня неумолкаемо болтала. Она, казалось, была сама непринужденность, до того безъискусственно и свободно было ея обращеніе съ Гришей. Мало-по-малу онъ пересталъ чувствовать себя стѣсненнымъ. „Глупо дичиться и глядѣть букой!“ говорилъ онъ самому себѣ. „Чего добраго, она подумаетъ, что прошлое во мнѣ еще живо...“ И онъ приневолилъ себя отвѣчать ей въ томъ же развязномъ, шутливомъ тонѣ. Да и строго говоря, тутъ не было даже принужденія. Въ ея манерѣ держать себя было столько изящной простоты, ея замѣчанія на счетъ убранства комнатъ отличались такою мѣткостью, что нельзя было не поддаться обаянію. Осмотрѣвъ домъ, Нелли захотѣла пройтись по саду и, взявъ подъ руку мужа, заговорила съ Гришей о его новыхъ занятіяхъ, и заговорила такъ задушевно, съ такимъ откровеннымъ признаніемъ своего невѣдѣнія о всемъ томъ, что касается провинціальной жизни, что подозрѣвать въ ея словахъ какую-нибудь преднамѣренность, что-нибудь похожее на заднюю мысль, очевидно, было нельзя. Ей вполнѣ удалось побѣдить то нерасположеніе, какое чувствовалось въ немъ въ минуту ихъ встрѣчи. „Вѣдь я не сожалѣю о прошломъ!“ твердилъ онъ себѣ. „Давно пересталъ ее любить, зачѣмъ же дѣлать такъ, какъ будто я сержусь?!“ При разставаніи они обмѣнялись совсѣмъ друже-

скимъ пожатіемъ руки. И Нелли взяла съ него слово, что онъ непремѣнно будетъ у нихъ въ Набережномъ на дняхъ.

Прошло однако еще цѣлыхъ десять дней, а Гриша все еще не былъ у Двинскихъ. Какая-то смутная боязнь его удерживала. Наконецъ ему Наташа напомнила про данное обѣщаніе.

— Ты знаешь,—замѣтила она ему, — что Двинскіе могутъ очень страннымъ образомъ истолковать твое поведеніе.— Наташа сказала это намѣренно, желая испытать брата.

— Ахъ, Наташа!—отвѣтилъ онъ уклончиво.—Къ чему искать сближенія съ людьми, съ которыми у насъ уже ничего не можетъ быть общаго?!.

Она не обманулась однако на счетъ истинной причины нежеланія его бывать въ Набережномъ. „Значитъ,—подумала она, тревожно вглядываясь въ брата, — все это старое не совсѣмъ еще кончено!“ И ею тоже овладѣлъ неопредѣленный страхъ за будущее.

Слѣпой случай однако все устроилъ по-своему. Разъ, когда Гриша возвращался изъ Воронова, на самомъ перекресткѣ большой дороги съ проселкомъ его тарантасъ встрѣтился съ коляской Юрія, ѣхавшаго изъ города. Двинскій тотчасъ остановилъ лошадей.

— Непрядвинъ! Гриша! — крикнулъ онъ бывшему товарищу.—Ты сердишься на меня что ли?! Отчего ты не хочешь у насъ бывать?—И въ голосѣ Юрія опять слышалась та искренняя задушевная нотка, противъ которой Гриша въ былые годы никакъ не могъ устоять. Юрій уговаривалъ его пересѣсть къ нему и поѣхать съ нимъ отобѣдать въ Набережное. Нельзя было отказаться безъ явной невѣжливости. Двинскій казался въ необыкновенно оживленномъ настроеніи. Это былъ опять прежній Юрій, ласковый и прямой, такъ умѣвшій подчинять людей своему обаянію.

— Ты знаешь, Гриша,—между прочимъ говорилъ онъ,—за послѣдніе дни, скажу тебѣ по секрету, у меня зародилась мысль идти къ вамъ сюда въ предводители. Бартуковъ болѣе не хочетъ баллотироваться. Я даже принялся уѣздъ объѣзжать. Произвожу избирательную агитацію, право! — разсмѣялся онъ. — Или, можетъ быть, этимъ я тебѣ перебиваю дорогу? Въ такомъ случаѣ, конечно...

Гриша поспѣшилъ его увѣрить, что до сихъ поръ о предводительствѣ не думалъ.

— Ну, и отлично, мой милый! — Юрій потрепалъ его по

плечу.—Мы станемъ вдвоемъ уѣздомъ править и водворимъ новую эру прогресса и порядка! Хорошо будетъ, а?... Только признайся—добавилъ онъ минуту спустя,—вѣдь скромненько это выходитъ послѣ всего того, о чемъ мы съ тобой мечтали когда-то?!

Гришу тотчасъ поразило, что въ оживленіи, съ которымъ говорилъ Юрій, было что-то напускное.

— Вотъ видишь,—отвѣтилъ онъ,—ты опять за свою вѣчную иронію! Заранѣе смѣешься надъ тѣмъ, что собираешься дѣлать! Такъ вѣдь никуда не годится!

— Правда твоя, не годится!—совсѣмъ инымъ, упавшимъ голосомъ проговорилъ Юрій. И минуты на двѣ онъ погрузился въ молчаніе.—Не заставляй меня,—началъ онъ опять,—слишкомъ пристально всматриваться въ себя. Это вѣдь тоже не хорошо! Руки отнимаются. А мнѣ надо въ себѣ энергію поддержать...

— Въ этомъ, кажется, у тебя недостатка не было!—замѣтилъ Гриша.

— Ну, да! Я и теперь остался такимъ же неугомоннымъ! Все съ разными проектами вожусь, сахарный заводъ строю, это по части серьезной, школу новую учреждаю, это по отрасли попеченія о народномъ благѣ.—Иронія опять слышалась въ голосѣ Юрія.—Ну, и вдобавокъ, садъ разбиваю по-новому, это затѣмъ, чтобы угодить женѣ.

Про Нелли до сихъ поръ не было сказано ни слова.

— А что, княгиня,—спросилъ Гриша,—ничего не будетъ имѣть противъ твоего предводительства?

Юрій пожалъ плечами.—Ничего!—сказалъ онъ какимъ-то страннымъ тономъ.—Ей здѣсь очень нравится. Да и не круглый же годъ придется жить въ деревнѣ. А впрочемъ...—Онъ не договорилъ и разомъ перешелъ на иную тему, на свои планы на счетъ завода и переустройства имѣнія.

Гриша внимательно слушалъ его оживленныя рѣчи, а между тѣмъ въ умѣ у него копошилась странная догадка. Ему показалось, что Юрій несчастливъ, хоть и не признается въ этомъ самому себѣ. „Бѣдный Юрій!“ подумалъ онъ какъ-то вдругъ.

— Ну вотъ мы и пріѣхали! — веселымъ тономъ проговорилъ Юрій, когда его кучеръ лихо подкатилъ рѣзвую четверку къ крыльцу большаго дома.—Никого нѣтъ у княгини?—спросилъ онъ у выбѣжавшаго лакея.

— Какъ же, ваше сіятельство! Петръ Петровичъ Бартуковъ здѣсь и господинъ Хмуровъ, и еще господинъ Ермолинцевъ.

— Весь персоналъ мѣстнаго управленія!—обратился Юрій къ Гришѣ, сдѣлавъ при этомъ кислую мину.—Нечего дѣлать, пойдемъ!

— А!.. Наконецъ!.. оживленно привѣтствовала Гришу молодая княгиня, протягивая руку.—Вы долго заставили себя ждать! Она усадила его возлѣ себя и осыпала любезными вопросами о всѣхъ его родныхъ. И вопросы эти были внушены, ему казалось, самымъ искреннимъ участіемъ.

— Какъ вамъ нравится нашъ домъ? продолжала она все съ тѣмъ же добродушно-веселымъ оживленіемъ.—Не правда ли, стариной отзывается?! Вся мебель чуть не прошлаго столѣтія. Но я это ужасно люблю и очень благодарна мужу, что онъ все оставилъ такъ, какъ было при его дѣдушкѣ. Только у меня вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, все по-современному.

Угловой кабинетъ, гдѣ они сидѣли, весь былъ обитъ голубымъ кретономъ, и въ четыре высокія окна, обильно вливались и свѣтъ, и прохлада. А домъ былъ поистинѣ чудесный! Одинъ изъ рѣдкихъ помѣщичьихъ домовъ, сохранившихъ нетронутымъ стиль XVIII вѣка не только въ своей архитектурѣ, но и во внутреннемъ убранствѣ. Гришѣ, хоть онъ и плохо зналъ толкъ въ разнообразныхъ стиляхъ, сразу полюбилось это убранство, при всей его немного чопорной строгости.

— Надѣюсь, вы часто будете къ намъ ѣздить, продолжала Нелли,—какъ ѣздили часто къ мужу, когда онъ жилъ здѣсь холостякомъ?!

И не одного Гришу она дарила своей любезностью. Такъ же привѣтлива она была и съ наѣхавшими къ ней провинціалами. Она сумѣла выказывать непритворный, повидимому, интересъ ко всему, что они говорили, хотя весь кругъ мѣстныхъ понятій и вопросовъ долженъ былъ казаться ей совершенно чуждымъ и нисколько не занимательнымъ. Изрѣдка она переглядывалась съ мужемъ съ доброй, счастливой улыбкой на лицѣ, точно она искала его одобренія, какъ-бы спрашивая у него, хорошо ли она исполняетъ свои обязанности хозяйки.

„Это совсѣмъ не та Нелли, которую я зналъ когда-то!“ говорилъ себѣ удивленный Гриша, вслушиваясь въ мягкій, вкрадчивый звукъ ея голоса. „Она любитъ его, искренно любитъ, это ясно!“ И Гриша чистосердечно радовался за Юрія и

за то благотворное вліяніе, какое онъ сумѣлъ оказать на молодую жену.

А представители мѣстной власти были, очевидно, совсѣмъ очарованы ею. Ободренные ея вниманіемъ, они ни чуть не боялись наскучить ей, пространно разсказывая о томъ, что дѣлалось у нихъ въ уѣздѣ. И все, что ни говорили они теперь, рѣзко отличалось отъ того, что прежде слышалъ отъ нихъ Гриша. Въ ихъ рѣчахъ и слѣда не было прежняго недовольнаго ворчанія. Петръ Петровичъ Бартуковъ, только-что вернувшійся изъ Москвы, нѣсколько тяжеловато передавалъ о своихъ тамошнихъ впечатлѣніяхъ, разглагольствуя о новой дворянской эрѣ.

— Теперь на нашей улицѣ праздникъ! говорилъ онъ.—Мы, давай Богъ, на земскомъ собраніи не услышимъ ужь такихъ рѣчей, какъ въ былое время. И смѣту поубавимъ мы непремѣнно.

— Слѣдуетъ, Петръ Петровичъ, слѣдуетъ! поддакивалъ ему предсѣдатель управы, Ермолинцевъ.

Хмуровъ попробовалъ-было робко протестовать во имя либеральныхъ началъ, но, случайно взглянувъ на Гришу, оробѣлъ и смутился. Онъ вспомнилъ, должно быть, про недавнее дѣло съ крестьянами.

— Нѣтъ, Порфирій Никитичъ, не говорите! властно замѣтилъ ему предводитель.—Насталъ конецъ всей этой фанаберіи. И на прошломъ собраніи былъ ужь замѣтенъ поворотъ. Помните, когда прежде кто-нибудь изъ насъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, пробовалъ заикнуться на счетъ экономіи, его голосъ сейчасъ заглушатъ, бывало. Да и не смѣлъ никто говорить, какъ думалъ. Стыдились чего-то, ну, а теперь не то.

— За умъ взялись! хихикнулъ Порфирій Никитичъ.—Смекнули, должно быть, что пугало ихъ—либеральное чучело, на которое садится теперь всякій воробей.

Гриша переглянулся съ Юріемъ.

— Хорошо сравненіе! шепнулъ онъ ему.—Самихъ себя въ воробьи произвели! „Да, времена точно перемѣнились!“ добавилъ онъ мысленно. „И хорошо пожалуй, что такъ. Бѣда только, что вотъ эти господа къ каждому новому теченію присасываются, какъ раковины къ кораблю. Всякая побѣда имѣетъ свою изнанку! И въ лагерь побѣдителей всегда лѣзутъ добровольцами всякіе прохвосты!..“

Нелли слушала все это, не выказывая ни скуки, ни утомленія.

— Vous voyez, je fais de la propagande pour mon mari! сказала она только вполголоса Гришѣ, улыбнувшись глазами.—Ахъ да! продолжала она громко.—Я и забыла! Вы знаете, мы ждемъ сегодня брата. Вы, конечно, будете рады его увидѣть! Онъ прогститъ у насъ все лѣто. Да, вотъ, онъ, кажется, ѣдетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, послышался жидкій звонъ надтреснутаго колокольчика. Нелли живо поднялась съ мѣста навстрѣчу брату, но это былъ не онъ. Минуту спустя явился лакей и доложилъ о пріѣздѣ Леонтія Петровича Радугина. Юрій чуть-чуть поморщился.

— Кто сей господинъ? спросилъ у Гриши Порфирій Никитичъ, замѣтивъ, что хозяинъ дома не совсѣмъ доволенъ пріѣзду гостя.

Гриша объяснилъ.

— Ага! Новая бюрократическая звѣзда! разсмѣялся Хмуровъ, припомнивъ, какъ Леонтій ораторствовалъ на вечерѣ у графини Елизаветы Андреевны.

Леонтій вошелъ свѣжій и одѣтый съ иголочки; точно онъ не по черноземной дорогѣ прокатился, а прямо вышелъ изъ уборной. Обычной развязности въ немъ однако не было. Очень не робкій человѣкъ былъ Леонтій Радугинъ, но и онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, живо вспоминая про свое послѣднее свиданіе съ Нелли. И молодая женщина, далеко не забывшая этой сцены, ничуть не помогла ему выйти изъ его слегка затруднительнаго положенія. Въ ея любезномъ привѣтѣ, въ самомъ выраженіи ея глазъ, былъ чуть-чуть замѣтный ироническій оттѣнокъ, замѣтный, конечно, для одного Леонтія. За то Юрій встрѣтилъ его почти радушно.

— Я къ вамъ, княгиня, всего на одинъ день! объявилъ Леонтій.—Меня, разумѣется, не отпустили изъ Петербурга безъ всевозможныхъ порученій.—И онъ въ короткихъ словахъ сообщилъ о предстоявшемъ ему длинномъ маршрутѣ для бѣглаго объѣзда чуть не половины Россіи.—Но потомъ, когда вся эта скучная работа будетъ исполнена, закончилъ онъ,—я вернусь къ вамъ, если позволите, уже на цѣлую недѣлю.

— Вамъ дали важное порученіе? все съ тѣмъ же насмѣшливымъ оттѣнкомъ проговорила Нелли.—Вы, я вижу, совсѣмъ государственнымъ человѣкомъ становитесь. Что жъ! И за одинъ

день спасибо, пока вы освободитесь отъ своихъ важныхъ обязанностей!—Ей, очевидно, доставляло удовольствіе его помучить.

Леонтій внутренно бѣсился, но не хотѣлъ подать вида, что примѣчаетъ несовсѣмъ дружелюбный пріемъ хозяйки. Онъ вскорѣ поборолъ свое неловкое ощущеніе, но, какъ водится съ людьми, которые силятся придать себѣ развязность, онъ ударился въ противуположную крайность, и черезчуръ самоувѣренными выходили его гладкія, точно вылощенныя рѣчи. Гришѣ, съ которымъ онъ поздоровался, какъ-будто они попрежнему оставались близкими пріятелями, онъ даже почти жалкимъ показался. „Умный онъ человѣкъ,—подумалъ Гриша, слушая, какъ Леонтій ораторствовалъ во время обѣда,—а вѣдь не догадывается, что дѣлается смѣшнымъ, бросая намъ въ глаза свою бюрократическую пыль!..“ И въ самомъ дѣлѣ, даже заплывшіе, глазки Порфирія Никитича Хмурова не разъ насмѣшливо поглядывали на самоувѣреннаго молодаго бюрократа.

Послѣ обѣда Леонтій завелъ рѣчь о задуманныхъ новыхъ правительственныхъ мѣрахъ, исходившихъ отъ генерала Суматохина. И онъ тутъ же далъ почувствовать, что однимъ изъ вдохновителей этихъ мѣръ былъ онъ самъ. Всего коснулся онъ въ своемъ бѣгломъ обзорѣ всероссійскихъ нуждъ и придуманныхъ средствъ прійти къ нимъ на помощь,—и обѣднѣнія крестьянъ, и питейной реформы, и переселенческаго вопроса, и необходимости придти на помощь земледѣлію. Словомъ, цѣлую обширную программу набросалъ онъ бойкимъ штрихомъ. Легко и просто, какъ разноцвѣтные мыльные пузыри, которые пускаетъ ребенокъ, складывалось у него рѣшеніе государственныхъ вопросовъ. А Гришу, у котораго еще свѣжо въ памяти было министерское водотолченіе, такъ и подмывало отвѣтить ему и разсѣять эти мыльные пузыри.

— Прежде, въ эпоху диктатуры сердца,—закончилъ Леонтій,—много было рѣчи о расширеніи свободы. Ожидали почина отъ общества, но теперь убѣдились, что общество себѣ помочь не въ состояніи, и вмѣсто прежняго лозунга свободы явился новый—попеченіе о нуждахъ этого общества!

Этого было уже слишкомъ даже для скромныхъ провинціаловъ.—Видали мы это попеченіе!—сказалъ Петръ Петровичъ Бартуковъ.—Собираніе свѣдѣній черезъ волостныхъ писарей, да циркуляры о томъ, чтобы народъ благоденствовалъ.

Но Леонтій не унялся.—Ошибки были, конечно!—произнесъ

онъ.—Онѣ неизбѣжны въ такой обширной странѣ, какъ наша. Но теперь мы съ нею познакомились, и повѣрьте, знаемъ ее лучше, чѣмъ вы, господа! Орудія, пріемы администраціи усовершенствовались.

Гриша не вытерпѣлъ и принялся возражать, слишкомъ ужь хорошо онъ зналъ эти орудія и пріемы. Онъ напомнилъ Леонтію, какія забавныя ошибки дѣлались въ министерствѣ, гдѣ оба они служили, напомнилъ и про ходатайство, пролежавшее три года позабытымъ.

— Что значатъ эти случайные, мелкіе промахи?—нетерпѣливо возразилъ Леонтій. Да и все это прошлое, теперь уже не то!

— Не то?!—остановилъ его Гриша.—Да ты вотъ сейчасъ такъ красно говорилъ о переселенческомъ вопросѣ и разрѣшилъ его, кажется, въ двухъ словахъ, а вѣдь ты даже самъ не знаешь, изъ какихъ собственно мѣстностей идетъ переселеніе.

И Гриша спокойно доказалъ ему, сколько крупныхъ ошибокъ и сколько незнанія Россіи было въ его самоувѣренной программѣ. Полгода, проведенныхъ въ деревнѣ за живымъ дѣломъ, давали ему несомнѣнный перевѣсъ надъ умнымъ и ловкимъ канцелярскимъ дѣльцомъ. Леонтій сталъ возражать и горячился, чувствуя себя сбитымъ со позиціи. Нелли слушала ихъ съ явнымъ удовольствіемъ. Ее интересовалъ не столько предметъ спора, о которомъ она имѣла слабое понятіе, сколько занимали ее сами спорящіе. Она сразу поняла, что побѣда остается за Гришей, и, какъ всѣ женщины, стала на сторону побѣдителя. Она смотрѣла на него совсѣмъ иными глазами, чѣмъ прежде. Это былъ уже не робкій юноша, краснѣвшій передъ нею, а вполнѣ созрѣвшій человѣкъ, говорившій отчетливо и твердо. Да и лицо его, загорѣвшее на деревенскомъ воздухѣ, съ обрамлявшей его бородой, нравилось ей гораздо болѣе прежняго молодаго лица, въ которомъ было еще столько незаконченнаго.

Леонтій вскорѣ понялъ, что слушатели не на его сторонѣ. Юрій, правда, вѣрный обязанностямъ гостепріимства, не принималъ участія въ спорѣ, но глаза его говорили за него, что симпатія его на сторонѣ Гриши.

— Я вижу,—сказалъ Леонтій, стараясь прикрыть свое отступленіе притворной веселостью,—что я здѣсь одинъ своего

мнѣнія. При такихъ условіяхъ спорить трудно, всѣхъ одному не переубѣдить.

Въ эту самую минуту послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа.—А вотъ и братъ, кажется!—поднялась Нелли съ своего мѣста. Это послужило сигналомъ для разъѣзда. Мѣстныя власти раскланялись, хотѣлъ взяться за свою шляпу и Гриша, но молодая княгиня его задержала.—Куда вы? куда вы? Я васъ не отпущу! Неужели вы не хотите съ Пашей повидаться? Да и мнѣ съ вами еще поговорить надо.

Гриша не видалъ своего пріятеля болѣе года, и перемѣна въ немъ его поразила. Паша смотрѣлъ рослѣе и крѣпче, но выраженіе лица не соотвѣтствовало укрѣпленію физическихъ силъ. Черты какъ-то болѣзненно удлиннились, когда-то красивая линія губъ получила непріятное, горькое выраженіе, глаза то безпокойно блуждали, то становились вдругъ неподвижными. Онъ, повидимому, совсѣмъ не былъ радъ повидаться съ родными.

— Ты спрашиваешь, усталъ ли я?!. разсѣянно сказалъ онъ сестрѣ, и странная усмѣшка скривила его губы.—Да, кажется, усталъ. Должно быть... пятьдесятъ верстъ не шутка.

На разспросы онъ отвѣчалъ коротко и неохотно.—Будто, Нелли, тебѣ такъ ужь любопытно узнать, былъ одинъ изъ его нелюбезныхъ отвѣтовъ,—что я тамъ дѣлалъ, въ Отрадномъ?! Успѣю все разсказать, вѣдь я къ вамъ надолго.

За ужиномъ онъ ѣлъ торопливо, едва прикасаясь къ блюдамъ. Когда встали изъ-за стола, онъ тотчасъ взялъ Гришу подъ руку. Ну, милый мой, сказалъ онъ, пойдемъ-ка въ садъ, мнѣ съ тобой потолковать надо!

Они пошли, но Паша долго не говорилъ ни слова, упорно всматриваясь въ густую тѣнь, на которой слабо дрожалъ блѣдный лучъ молодаго мѣсяца.

— Что съ тобой? заговорилъ Гриша. Ты странный какой-то, кислый, почти злой, и словно даже непріязненно держишь себя съ родными.

Паша грузно опустился на скамейку и протянулъ впередъ ноги.

— Эхъ, братецъ мой, началъ онъ вполголоса, по неволѣ станешь такимъ, когда все одна неудача, и сама жизнь опостылѣла. Вокругъ себя я вижу одинъ мракъ, да пустоту, и все, чему я вѣрилъ когда-то... Онъ махнулъ рукой и молча откинулъ голову на спинку.

— Да что же случилось такого? Разскажи! Ты вѣдь все мечталъ о деревнѣ. Ну, тебѣ дали вдоволь тамъ пожить, слишкомъ годъ...

— Да, вдоволь!.. Не разспрашивай лучше!

Но Паша все-таки понемногу разсказалъ. Павелъ Александровичъ, когда младшій сынъ вышелъ изъ университета и рѣшительно не захотѣлъ жить въ Петербургѣ, уступилъ его просьбамъ и отдалъ въ его завѣдываніе свое тульское имѣніе, Отрадное. Онъ зналъ очень хорошо, что приноситъ это имѣніе въ жертву прихоти сына. Паша не скрылъ отъ него странной системы управленія, которой онъ намѣренъ былъ держаться. Но Павелъ Александровичъ, давно махнувшій рукой на сына, не захотѣлъ помѣшать исполненію его завѣтной мечты. Онъ только подъ рукой велѣлъ управляющему за нимъ исподволь наблюдать. И вскорѣ получились изъ Отраднаго самыя удивительныя извѣстія. Молодой человѣкъ поселился въ простой избѣ, гдѣ прежде жили рабочіе, отказывая себѣ во всемъ, употреблялъ грубую пищу и одѣвался по-крестьянски. Всю землю онъ роздалъ мужикамъ на невѣроятно льготныхъ условіяхъ, и получаемыя за нее деньги исключительно обратилъ на пользу этихъ же мужиковъ. Дарилъ нуждающимся скотъ и лошадей, помогалъ въ покупкѣ нужныхъ вещей, давалъ лѣсъ для построекъ. Себѣ онъ оставилъ лишь участокъ въ какихъ-нибудь пятьдесятъ десятинъ и охотно сталъ бы пахать на нихъ самъ, еслибы въ силахъ былъ это сдѣлать. Но первая же попытка взяться за крестьянскую работу вышла такъ неудачна и смѣшна, что Паша отказался отъ своей первоначальной мысли, и предложилъ Отрадновскимъ крестьянамъ войти съ нимъ въ ассоціацію, и всю отцовскую землю обработывать въ качествѣ пайщиковъ. Мужики стали почесывать затылокъ, удивляясь мудреной затѣѣ молодаго барина. Слово „ассоціація“ они, разумѣется, не поняли, а когда имъ объяснили, что это то же артель, они еще менѣе поняли, съ какой стати Павелъ Павловичъ вздумалъ ихъ такъ облагодѣтельствовать. Поклонились они ему однако въ поясъ и условіе-таки заключили, хоть и выпросили себѣ тутъ же какой-то лужокъ, оставленный-было для барской экономіи. Медовый мѣсяцъ хозяйничанья Паши прошелъ очень скоро. Во-первыхъ, до него стали доходить нелестныя прозвища, которыми окрестила его меньшая братья. Его называли „блаженнымъ“, „юродивымъ“ даже и крѣпко

выражали сомнѣніе на счетъ прочности заведенныхъ имъ порядковъ. Нѣкоторые изъ сельскихъ воротилъ даже справлялись на этотъ счетъ у мѣстнаго аблаката. Потомъ начались ссоры между пайщиками: ни за что не хотѣли обработывать пашни за-одно всей артелью, требовали раздѣла ее по душамъ.—Какъ угодно, Павелъ Павловичъ,—говорили ему старики,—а у насъ выйдутъ непорядки! Неохота намъ на другаго работать, потому онъ лѣнтяй и дѣла не смыслитъ. Вотъ Тришка, напримѣръ, Ивановъ-то, изволите знать! Пропойца настоящій, такъ что намъ на него пахать?! А на повѣрку-то выходитъ, артелью-то, что худо, что хорошо сработалъ, все едино! Дѣли все, значитъ, поровну.

И непорядки въ самомъ дѣлѣ вышли большіе. Земля была обработана дурно, хлѣбъ оказался плохимъ, не смотря на повсемѣстный урожай. А въ прошлую осень во время уборки Паша на свою долю не дополучилъ нѣсколько десятковъ копенъ, на которые обсчитала его меньшая братья. Но все было бы еще ничего, еслибы не случилось въ самомъ началѣ мая двухъ обстоятельствъ, окончательно убившихъ въ Пашѣ охоту къ затѣянному дѣлу. Во-первыхъ, онъ узналъ, что отцомъ былъ учрежденъ надъ нимъ контроль въ лицѣ главнаго управляющаго, и обидѣлся этимъ до крайности. Во-вторыхъ, къ нему изъ села явилась депутація отъ наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ съ неожиданной отповѣдью.

— Какъ хотите, Павелъ Павловичъ,—сказали они,—а такъ мы далѣе не согласны! Только землю даромъ болтаемъ. Вы либо отдайте ее намъ совсѣмъ, на все, значитъ, село, а мы ее по-своему разложимъ, либо по-старинному, вы ее по десятинамъ раздавайте и цѣну опредѣлите какую! А мы ваши съемщики будемъ! А голытьбу-то, пропойцу, на что ее къ землѣ-то припускать, на что она намъ!?

Тутъ у Паши окончательно руки опустились. Онъ пересталъ вѣрить не только въ себя, но и въ людей вообще и въ самыя тѣ начала, въ которыхъ видѣлъ до тѣхъ поръ осуществленіе правды и добра.

— Ты самъ поставилъ себя въ фальшивое положеніе, милый мой!—заговорилъ Гриша, выслушавъ товарища.—Не мудрено, что твои надежды не сбылись. Трудно въ самомъ дѣлѣ, имѣя какія-нибудь сто тысячъ дохода, увѣрить себя, что работаешь для насущнаго хлѣба, а еще труднѣе увѣрить въ этомъ простой народъ. Ты хотѣлъ произвести надъ собой лю-

бопытный опытъ и требовалъ, чтобы другіе къ этому опыту отнеслись серьезно. Ты вотъ попробуй въ самомъ дѣлѣ отказаться отъ всего, что имѣешь, и сдѣлаться настоящимъ работникомъ. Только врядъ-ли силы и выдержки на это хватитъ.

Паша молча понурилъ голову.

— Утѣшься, милый мой! — продолжалъ Гриша. — Не тебѣ одному это бы не удалось. Вѣдь это невыполнимая задача!

— Можетъ быть!—глухо отвѣтилъ Паша.—Только вотъ что я тебѣ скажу. Если все то, во что я вѣрилъ, пустая мечта, то вѣдь, право, не стоитъ и жить. А если это не мечта, и я только не сумѣлъ справиться съ задачей, то не стоитъ и подавно!..

По песку дорожки послышался шелестъ женскаго платья.

— Это сестра!—сказалъ Паша, прислушиваясь.

Нелли подошла.—При ней объ этомъ ни слова! Я пойду къ себѣ, Нелли!—обратился онъ къ ней.—Я ужасно усталъ!

Паша удалился.

— Григорій Михайловичъ!—заговорила молодая женщина, когда они остались вдвоемъ.—Вы замѣтили, какимъ страннымъ сталъ Паша? Мы съ Юріемъ за него очень безпокоимся. И я хотѣла попросить васъ, вы имѣете на него вѣдь такое вліяніе, постарайтесь его успокоить и образумить.

Они пошли рядомъ по дорожкѣ, и Нелли въ свою очередь передала Гришѣ про неудачу, постигшую затѣю брата.

— И вотъ что я вамъ еще должна сказать,—добавила она.—Онъ, кажется, безъ памяти влюбился въ эту дѣвочку, которая живетъ у васъ. Конечно, они еще молоды оба, но, можетъ быть, въ этомъ найдется спасеніе для Паши...

Недавно еще, когда Гриша получилъ письмо товарища, почти ревнивое чувство охватило его. Теперь это чувство молчало. Онъ слушалъ молодую женщину совершенно спокойно, готовый даже содѣйствовать ея видамъ на женитьбу брата. Нѣтъ, впрочемъ, настоящаго спокойствія въ немъ и теперь не было, только причина его тревоги была совершенно иная. Съ полчаса они ходили взадъ и впередъ по дремлющему саду, и голосъ молодой женщины какимъ-то очарованіемъ звучалъ въ его ушахъ, сливаясь какъ-бы съ таинственными звуками ночи, съ задумчивымъ шелестомъ листьевъ, съ пугливымъ щебетаньемъ какой-то птицы въ кусту.

И когда онъ уѣхалъ изъ Набережнаго, и тихая іюньская ночь будто обхватила его въ свои нѣжныя, точно млѣющія объ-

ятія, впечатлѣнія этого дня носились въ его воображеніи, убаюкивая его какой-то неизъяснимой прелестью. „Я былъ несправедливъ къ ней“, думалъ онъ. „Она такая милая и простая. И непонятно, отчего Юрій кажется все-таки не совсѣмъ счастливымъ... Да, рѣшилъ онъ, я стану у нихъ бывать. Зачѣмъ мнѣ избѣгать ея общества? Какъ-будто я на нее сержусь за прошлое. А вѣдь я напротивъ совершенно равнодушенъ къ ней теперь! И нахожу только, что она стала лучше прежняго!..“

Гриша ощущалъ уже потребность быть неискреннимъ съ собой.

VI.

Не прошло и недѣли, какъ Гришу опять неудержимо потянуло въ Набережное.—Съ Пашей надо повидаться, счелъ онъ нужнымъ объяснить сестрѣ, усаживаясь въ экипажъ, и тутъ же слегка покраснѣлъ, сознавая, что говоритъ неправду. За послѣдніе дни Паша успѣлъ два раза побывать въ Солнцевѣ, и пріятели могли бы наговориться досыта. Но прежней живой потребности во взаимномъ общеніи у нихъ уже, повидимому, не было: молодой Коловратскій даже какъ-будто недовѣрчиво сторонился отъ своего друга. Его подозрительная чуткость угадала въ немъ соперника. Пріѣзжая въ Солнцево, Паша втайнѣ лелѣялъ надежду, что давнишнее его полуребяческое чувство къ Олли Столѣниной найдетъ себѣ теперь отголосокъ. „Она, вѣдь, такая же одинокая, какъ и я, думалъ онъ.—Что тамъ ни говори, а въ чужомъ домѣ тяжело живется“... И Паша разсчитывалъ, что сходство ихъ судьбы сблизитъ его съ маленькой Олли. Но это была неувѣренная, робкая надежда, какая бываетъ у людей, привыкшихъ къ разочарованію, а робкому чувству рѣдко дается успѣхъ. И когда онъ увидѣлъ Олли, совершенно какъ родную въ Непрядвинской семьѣ, когда онъ услыхалъ ея ровный, звонкій голосокъ, отъ котораго уже совсѣмъ не вѣяло грустью, эта послѣдняя искра стала въ немъ меркнуть. И невольное чувство озлобленія поднялось въ немъ противъ Гриши, которому стоило только протянуть руку, чтобы овладѣть этимъ сокровищемъ. Олли встрѣтила Пашу, какъ стариннаго пріятеля, откровенно и мило, но чутье подсказало бѣдному малому, что его больному сердцу не вызвать въ бодромъ и живомъ сердечкѣ Олли инаго чувства, кромѣ развѣ

состраданія. И Паша сталъ дичиться ея. Легко ему говорилось съ одной только Наташей: она охотно выслушивала его горькія рѣчи, иной разъ вызывавшія у Олли нетерпѣливое движеніе. Даже ея глубокое религіозное чувство не возмущалось, когда Паша ей открыто признавался въ полномъ своемъ безвѣріи. Она догадывалась, сколько было тайныхъ, наболѣвшихъ страданій въ этомъ безвѣріи, и что стоило его ожесточенное сердце смягчить доброю лаской, чтобы воскреснула въ немъ опять прежняя жажда вѣрить и любить. Но вниманіе Наташи плохо утѣшало молодаго человѣка, и съ каждымъ новымъ днемъ онъ становился все сумрачнѣе и безнадежнѣе. Гриша съ своей стороны ничего не дѣлалъ, чтобы разсѣять мрачное настроеніе пріятеля: онъ и не подозрѣвалъ, что отчуждало отъ него Пашу, а у него самого было слишкомъ много собственныхъ мыслей и тревогъ, чтобы онъ могъ по-прежнему заботливо вникать въ туманный внутренній міръ своего младшаго товарища.

„Странное, право, дѣло, раздумывалъ онъ, пока добрые кони бѣжали по ровной, пыльной дорогѣ, мнѣ совѣстно будто сознаваться, что я опять къ Двинскимъ собираюсь, а вѣдь стыдиться тутъ, кажется, нечего... Развѣ я не имѣю права туда ѣздить? Она меня приглашала такъ радушно, и Юрія я такъ люблю“...

А внутренній голосъ твердилъ между тѣмъ, что манитъ его въ Набережное совсѣмъ не дружба къ Юрію, и что не трудно было бы разгадать причину его смущенія. Но Гриша не былъ расположенъ внимать этому голосу.

Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ Набережному, тѣмъ сильнѣе его охватывало возбужденное, праздничное чувство, и счастливыми глазами онъ глядѣлъ на разстилавшіяся сочныя поля, гдѣ тоже словно праздникъ какой-то совершался,—праздникъ близкой уже, богатой жатвы. Въ Набережномъ ему сказали, что князь и княгиня въ саду. Онъ пошелъ туда, и глазамъ его представилось неожиданное зрѣлище. На освѣщенной солнцемъ широкой площадкѣ передъ террасой онъ увидѣлъ Юрія, наклонившагося къ маленькой дѣтской колясочкѣ и нѣжно повторявшаго какія-то безсвязныя слова сидѣвшему въ немъ крошечному, розовому существу; дѣвочка вся въ кружевахъ и лентахъ, лепетала что-то въ отвѣтъ, звонко смѣясь дѣтскимъ хохотомъ и протягивая къ нему свои пухленькія ручонки. И вотъ въ ту самую минуту, когда Гриша подошелъ уже совсѣмъ

близко, Юрій, обхвативъ маленькое существо обѣими руками, высоко поднялъ его на воздухъ къ неописанной радости дѣвочки и къ очевидному ужасу бонны-англичанки, смотрѣвшей на него съ явнымъ недовѣріемъ. Юрій весело пробѣжалъ нѣсколько шаговъ со своею драгоцѣнной ношей и тутъ только замѣтилъ пріятеля. Онъ почти застыдился, что Гриша засталъ его въ такую минуту, словно къ нему не шли эти выраженія отеческой нѣжности. Но добрая, счастливая улыбка не успѣла еще слетѣть съ его губъ, когда онъ протянулъ товарищу руку, сдавъ ребенка англичанкѣ. „Спасибо, что пріѣхалъ, сказалъ онъ Гришѣ, а то, право, я думалъ, что ты не перестанешь на меня дуться“...

Отъ этихъ немногихъ словъ имъ обоимъ сдѣлалось какъ-то неловко, хотя оба не знали хорошенько почему. Но Юрію тотчасъ удалось отогнать это смутное ощущеніе—неловкости съ нимъ долго не чувствовалъ никто.—Да, милый мой, видишь, какимъ я сталъ, весело говорилъ онъ, прохаживаясь съ Гришей по дорожкѣ, извивавшейся среди причудливыхъ цвѣтниковъ и красиво разсаженныхъ деревьевъ,—остепенился, сталъ настоящимъ папашей, земствомъ интересуюсь, хозяйничаю... словомъ, un honnête bourgeois retiré des affaires... А ты не повѣришь, какъ счастливо и хорошо чувствуешь себя при этомъ, спокойно такъ, и совѣсть чиста, и тревогъ никакихъ: сдается мнѣ—это мое настоящее призваніе... Я точно лодка, которой все въ открытое море хотѣлось, а стоять ей пришлось у берега совершенно гладкаго пруда... И куда какъ лучше ей тамъ, не правда ли?

Но какъ ни добродушно говорилъ это Юрій, Гришу опять взяло недоумѣніе, нѣтъ ли чего чуть-чуть принужденнаго въ его веселомъ тонѣ и подлинно ли такъ онъ счастливъ, какъ увѣряетъ себя и другихъ... Такъ прошло съ полчаса. Они опять были, казалось, такими же друзьями, какъ прежде, и Гришу радовало, что опять имъ можно говорить другъ съ другомъ такъ искренно. И все-таки къ этому радостному чувству будто подкрадывалось что-то иное, несовсѣмъ хорошее, что-то похожее на угрызенія совѣсти.

— А вотъ и жена, воскликнулъ вдругъ Юрій, увидѣвъ изъза деревъ свѣтлое платье подходившей Нелли. Ты меня извини, мой милый,—мы вѣдь не церемонимся, я васъ оставлю вдвоемъ не много и пойду по хозяйству... Je prends mon métier au sérieux, улыбнулся онъ.

— Что̀, опять дѣла? чуть-чуть насмѣшливо проговорила Нелли, когда мужъ объявилъ, что ему надо заглянуть на заводъ, и, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ подъ тѣнью клена англичанка остановилась съ коляской, она тоже нагнулась къ ребенку и потомъ въ короткихъ словахъ дала какое-то приказаніе боннѣ; но у нея—и Гриша почувствовалъ это тотчасъ—вышло это совсѣмъ иначе, чѣмъ у Юрія: была словно поспѣшность какая-то, даже оттѣнокъ равнодушія въ ея обращеніи съ ребенкомъ... Только Гришѣ было не до того, чтобы разбирать это мимолетное впечатлѣніе: онъ былъ уже весь охваченъ чувствомъ какого-то невольнаго восхищенія къ этому свѣтлому, молодому существу, будто проникнутому сіяніемъ лѣтняго дня. И въ поступи ея, и въ одеждѣ, и въ выраженіи лица словно отражалось радостное, прозрачное небо и радостный блескъ іюньскаго солнца,—до того это было все молодо и живо, до того вся Нелли будто сливалась въ одно чудное впечатлѣніе съ этимъ праздничнымъ, лѣтнимъ днемъ. „Да она совсѣмъ даже не измѣнилась, думалъ онъ, глядя на нее очарованными глазами, за два слишкомъ года замужества“. И въ самомъ дѣлѣ что-то легкое, воздушное, дѣвическое было во всемъ ея существѣ. Гришѣ казалось, что передъ нимъ прелестная Нелли, почти еще дѣвочка, въ которой невинная прелесть такъ очаровательно сочеталась съ бойкимъ, задорнымъ оживленіемъ. Послѣдніе годы точно исчезли куда-то, и на него хлынуло, будто свѣжая волна, воспоминаніе о томъ миломъ прошломъ, когда онъ ее такъ довѣрчиво любилъ. Да и могъ ли онъ развѣ устоять противъ очарованія, выслушивая ея внимательные разспросы о семьѣ его и о немъ самомъ, о его занятіяхъ и видахъ на будущее.

Они долго просидѣли рядомъ подъ развѣсистою тѣнью могучаго вяза, не то ласково, не то насмѣшливо шевелившаго надъ ними свои старческія вѣтви: точно самому себѣ бормоталъ онъ что-то, всматриваясь въ ихъ оживленныя лица. И Гриша не примѣчалъ, какъ бѣжало время, какъ шевелились и ползли все дальше солнечные кружки на пескѣ дорожки, и все дальше впередъ разстилалась обдававшая ихъ мягкая тѣнь. Каждое слово Нелли звучало въ его ушахъ, какъ отголосокъ давно забытаго, но дорогаго напѣва, и словно пробуждались въ немъ, одна за другой, старинныя мечты, которыя онъ давно считалъ увядшими... Онъ не могъ даже бороться противъ очарованія, до того охватывало оно его незамѣтно и ласково, точно

усыпляя въ немъ и разумъ, и совѣсть, и волю. Только глаза его разгорались все ярче, невольно останавливаясь на знакомыхъ чертахъ, возвратившихъ себѣ свою прежнюю волшебную силу. А Нелли, склонивъ немного голову, словно подъ тяжестью густой, блестящей косы, просто закрученной какъ въ былые годы, говорила съ нимъ такъ непринужденно-весело, какъ будто въ самомъ дѣлѣ она была еще шаловливою дѣвочкой, какою онъ зналъ ее нѣкогда, а не избалованной свѣтской женщиной, умѣвшей такъ хорошо и обдуманно кружить головы. Ей доставляло жуткое наслажденіе чувствовать себя такою, точно и на нее пахнуло обаятельною свѣжестью молодости. Правда, она вполнѣ сознавала, что дѣлала. Съ первой же ея встрѣчи съ Гришей ей неудержимо захотѣлось опять привлечь его къ себѣ и подчинить своей власти; ее дразнило желаніе испробовать, сумѣетъ ли она разогнать недобрыя воспоминанія, оставленныя въ немъ прошлымъ. Именно потому, что на лицѣ Гриши она тогда прочла такое холодное осужденіе себѣ, что жизнь его, повидимому, такъ мирно сложилась, надо было научить его, какъ обманчиво это кажущееся спокойствіе и какъ легко прощаетъ оскорбленная любовь. Но былъ въ ней и не одинъ разсчетъ,—въ ней самой заговорило искреннее чувство, въ ней проснулось горькое сожалѣніе о прошломъ, точно теперь она только поняла, какъ ошиблась она въ своемъ выборѣ, какъ далека отъ настоящаго счастія ея раззолоченная жизнь. Передъ нею уже былъ не тотъ Гриша, котораго она знала прежде—неопытный, робѣвшій юноша, а вполнѣ созрѣвшій человѣкъ съ твердо сложившейся волей и съ ясно опредѣленной дорогой впереди. Она сразу, съ первыхъ же словъ, почувствовала это и сказала себѣ, что еслибы такимъ знала его прежде, она бы не пожертвовала имъ ни для какого свѣтскаго блеска. И когда она припоминала теперь, какою блѣдною оставалась ея любовь къ мужу, даже въ тѣ рѣдкія минуты, когда она воображала, что любитъ его, ей отчетливо рисовалось то счастье, котораго она сама себя лишила, и жадно заструившаяся кровь говорила ей, что-за жалкія радости принесло ей до сихъ поръ двухлѣтнее замужество.

— Ну, а что, скажите? вдругъ спросила она, засмѣявшись,—вы еще не собираетесь... она остановилась на мигъ, какъ-бы подыскивая слово,—обзаведетесь своимъ домомъ? Ей казалось, что этотъ длинный разговоръ, сблизившій ихъ опять, далъ ей право на этотъ нескромный вопросъ. А ей такъ хотѣлось

узнать, занялъ ли кто другой въ его сердцѣ мѣсто, принадлежавшее прежде ей.

— И не думалъ объ этомъ, Елена Павловна, рѣшительно отвѣчалъ на это Гриша, весь вспыхивая, должно быть отъ воспоминанія того, что такъ недавно еще происходило между нимъ и Олли Столѣниной. „Про это вѣдь нельзя говорить ей“, успокоивалъ Гриша свою совѣсть, „тѣмъ болѣе, что въ сущности я и взаправду не думалъ о женитьбѣ...“

— Какъ?! продолжала Нелли,—цѣлый годъ почти этой строгой жизни, и никакого даже намека на романъ... Потому что здѣшніе романы всѣ вѣдь, я думаю, кончаются въ церкви!..

Гришѣ стало вдругъ почему-то очень неловко, и совсѣмъ неестественнымъ показался ему смѣхъ, которымъ онъ отвѣтилъ на замѣчаніе Нелли. Какъ разъ на этомъ ихъ разговоръ былъ прерванъ возвращеніемъ Юрія. На лицѣ его было то довольное выраженіе, какое всегда, хоть и не надолго, оставляла на немъ только-что оконченная работа. Юрій тутъ же принялся оживленно толковать Гришѣ про свои планы. На этотъ разъ онъ не вызвалъ однако у пріятеля обычнаго внимательнаго сочувствія.

Гриша не былъ въ состояніи сразу оторваться отъ заколдованнаго міра, среди котораго протекло для него время, проведенное съ Нелли. Онъ слушалъ пріятеля разсѣянно, и Юрій это тотчасъ замѣтилъ.

— Что съ тобою? спросилъ онъ, удивленный какимъ-то отвѣтомъ Гриши, сдѣланнымъ совершенно невпопадъ.—О чемъ ты думаешь?

Гриша покраснѣлъ и вскинулъ на пріятеля смущенными глазами: совѣсть опять заговорила въ немъ, и на этотъ разъ заговорила уже громче.

— Куда Паша дѣвался? спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь, и тутъ же поймалъ себя на очевидной неискренности: до этой самой минуты Паша не приходилъ ему и въ голову. „Что же это я однако?“ спрашивалъ онъ себя съ безпокойствомъ, „я лгать принимаюсь, кажется, и что̀ хуже всего, лгать самому себѣ“.

И все явственнѣе просыпалось въ немъ сознаніе, что было что-то нехорошее въ этомъ радостномъ чувствѣ, какое онъ испытывалъ сейчасъ, оставаясь вдвоемъ съ женою товарища. Но онъ снова попробовалъ заглушить это чувство и загово-

рилъ съ усиленнымъ, неестественнымъ оживленіемъ. Нелли понимала лучше его самого, что происходило въ немъ въ эту минуту: она и радовалась своей несомнѣнной побѣдѣ, и пугало ее немного, какъ-бы не выдалъ онъ себя передъ Юріемъ. За то сама она постаралась выказывать мужу въ этотъ день особенную нѣжность. Когда она оперлась на его руку, чтобы идти къ столу, въ этомъ простомъ движеніи было что-то искреннее и близкое, что-то говорившее о довѣрчивой любви.

Паша явился къ самому обѣду: онъ опять побывалъ въ Солнцевѣ и дорогою туда разъѣхался съ Гришею. На вопросъ товарища: что дѣлалъ онъ въ Солнцевѣ, отчего не остался тамъ?—онъ сумрачно отвѣтилъ, что было все какъ всегда, и не остался онъ оттого, что „вѣдь нельзя же навязывать себя людямъ чуть не каждый день“.

— Ольга Владиміровна, сказалъ Гриша, — онъ намѣренно не назвалъ ее Олли — собиралась верхомъ... Ты съ нею не поѣхалъ?

— Нѣтъ, коротко отвѣтилъ Паша. Я все время бесѣдовалъ съ Натальей Михайловной. Затѣмъ онъ погрузился въ упорное молчаніе, и Гришѣ казалось, что съ яснымъ недружелюбіемъ смотрятъ на него большіе, задумчивые глаза пріятеля. Только подъ самый конецъ обѣда, когда Гриша разговорился про одно недавно случившееся дѣло, въ которомъ онъ горячо принялъ къ сердцу интересъ обиженныхъ крестьянъ, Паша перебилъ его вдругъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ:

— Вотъ тоже, не понимаю! Охота изъ кожи лѣзть ради грошей какихъ-то, да еще совсѣмъ чужихъ грошей, а потомъ хвастаться этимъ, точно это невѣсть какой подвигъ!

Слова эти такъ мало походили на обычный складъ мысли Паши, что Гриша разсмѣялся, принимая ихъ за вспышку случайнаго раздраженія.

— Ты ли это, Паша? шутливо отвѣтилъ онъ,—ты, который еще такъ недавно распинался за младшую братію.

— Ну, да, распинался... пропустилъ сквозь зубы молодой Коловратскій. Что же изъ этого? Мало ли какія дѣлаешь глупости! Теперь, за то слышать не могу, когда говорятъ при мнѣ пошлости эти приторныя о какихъ-то обязанностяхъ, о братьяхъ какихъ-то... Хороши братья... Да и передъ настоящею семьей, коли правду сказать, никакихъ, въ сущности, обязанностей нѣтъ... И все это чепуха одна, и къ тому же давно избитая чепуха...

Гриша не сталъ возражать: онъ хорошо понималъ, что въ Пашѣ говорила болѣзненная желчность. Да и не хотѣлось ему впутываться въ споръ, чтобы не разсѣять блаженнаго настроенія, среди котораго для него прошелъ весь этотъ день.

Но послѣ обѣда, когда всѣ были въ саду, онъ улучилъ минуту, чтобы отвести товарища въ сторону.

— За что ты на меня сердишься, Паша?—спросилъ онъ ласково.

— И не думаю сердиться... Приснилось тебѣ что ли?—съ плохо скрытой досадой отвѣтилъ тотъ.

Гриша покачалъ головой и, взявъ товарища подъ руку, сталъ бережно уговаривать его не поддаваться охватывавшему его озлобленному чувству.

— Ты имѣешь полное право, говорилъ онъ, жаловаться на свои неудачи, но согласись—вѣдь прочіе люди въ томъ не виноваты, что твои сосѣди-мужики оказались такими неблагодарными. Да и ты не ради благодарности, а совсѣмъ безкорыстно хотѣлъ жертвовать собою. На зачѣмъ же портить такое хорошее чувство, зачѣмъ въ особенности противъ Бога возмущаться?..

Паша слушалъ молча, хоть и съ явнымъ нетерпѣніемъ, но послѣдніе слова вызвали его на запальчивый отвѣтъ, точно [illegible] онъ не могъ выслушать спокойно.

— Ты правъ, возмущаться здѣсь нечего. Противъ того, что не существуетъ, разумные люди не возстаютъ. Богъ! Провидѣніе!.. Я самъ вѣдь ему когда-то молился и горячо, ты знаешь, слишкомъ горячо. „Ни волоса, сказано вѣдь, не упадетъ съ нашей головы безъ воли Его!“ И стало быть, за все, что ни совершается на свѣтѣ дурнаго, Онъ принимаетъ на себя отвѣтственность... И все-таки Онъ благъ и премудръ, хоть и всѣ страданія, всѣ нелѣпости, весь развратъ, которымъ наполненъ міръ, отъ Него же происходятъ. Ахъ, полно! хотѣлось бы вѣрить, да нельзя... слишкомъ ужь все это соткано изъ противорѣчій.

Паша ушелъ къ себѣ и весь вечеръ уже потомъ не показывался. Передъ отъѣздомъ Гриша хотѣлъ еще разъ съ нимъ повидаться: совѣсть ему говорила, что нельзя оставлять бѣднаго малаго наединѣ съ его мрачнымъ отчаяніемъ. Но дверь его комнаты оказалась запертою и, какъ ни стучался въ нее Гриша, отвѣта ему не удалось получить.

На пути домой Гриша крѣпко призадумался о бѣдномъ

маломъ, виня себя за то, что до сихъ поръ не обратилъ вниманія на душевное разстройство Паши. „У него давно это подготовлялось“, думалъ онъ, „а съ тѣхъ поръ, какъ матери его не стало, некому его пригрѣть, бѣдняжку... Вотъ именно пригрѣть надо, пригрѣть!“.. машинально твердилъ онъ себѣ нѣсколько разъ, не сознавая, что мысль его уходила совсѣмъ въ другую сторону, рисуя передъ нимъ совсѣмъ иные, улыбающіеся образы. „Какіе у ней чудные глаза“, носился передъ нимъ этотъ иной рядъ плѣнительныхъ образовъ. „И какъ она это мило сказала“, припомнилъ онъ вдругъ какой-то отрывокъ изъ своего длиннаго разговора съ Нелли. И надолго онъ унесся въ этотъ міръ волшебныхъ грезъ, хотя и воображалъ, что не перестаетъ думать о судьбѣ Паши. Онъ очнулся тогда только, когда колеса его тарантаса застучали по мосту передъ самымъ Солнцевымъ. „Да что же это я однако“, остановилъ онъ себя вдругъ, ужаснувшись передъ тѣмъ, что ясно понялъ теперь его внезапно отрезвившійся умъ. „Никакъ ужь я въ самомъ дѣлѣ... полюбилъ ее... жену моего лучшаго друга“... И, почувствовавъ, какъ отъ одной этой мысли вся кровь бросилась ему въ лицо, онъ громко воскликнулъ, встряхнувъ головою: „Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ и не будетъ никогда!“..

Въ домѣ всѣ давно улеглись, кромѣ Наташи. [illegible] примирялъ

— Ты засидѣлся-таки въ Набережномъ! встрѣтила она брата въ сѣняхъ, полуосвѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ недалекой зари. Было уже за два часа ночи.

Гриша былъ почти непріятно пораженъ, увидавъ сестру, точно передъ нимъ стояла не она, а воплощенный образъ его собственной проснувшейся совѣсти.

— Неужели ты меня дожидалась? спросилъ онъ, проходя съ сестрой въ залу. Половица скрипнула подъ его ногами, и этотъ слабый звукъ заставилъ его вздрогнуть.

— Да, мнѣ съ тобою поговорить хотѣлось... на счетъ Паши... Ты знаешь, онъ опять былъ здѣсь.

— И увезъ отсюда, кажется, очень невеселыя впечатлѣнія?..

— Я просто за него боюсь, Гриша, продолжала она, усаживаясь возлѣ брата.—Онъ странный такой... желчный, озлобленный... Точно нанесъ ему кто-нибудь глубокую, тяжкую обиду... и особенно не нравится мнѣ въ немъ эта горькая иронія... Знаешь, что онъ мнѣ сказалъ между прочимъ—онъ

все время и говорилъ почти только со мною—я старалась его ободрить, какъ могла: ахъ, Наталья Михайловна, отвѣтилъ онъ мнѣ разъ, напрасно вы меня стараетесь утѣшить... Будущаго у меня уже никакого нѣтъ, да и нѣтъ его ни для кого, кто разъ заглянулъ въ себя поглубже и не живетъ однимъ сегодняшнимъ днемъ... потому что все это, чѣмъ тѣшатъ себя люди, идеалы тамъ разные, любовь къ человѣчеству, вѣра въ Бога—это побрякушки однѣ. И вся наша жизнь — ненужная случайность, у которой ни разумной причины нѣтъ, ни цѣли настоящей... Я, можетъ быть, не такъ тебѣ передаю, Гриша, но помню, онъ говорилъ мнѣ въ этомъ родѣ... И онъ глубоко, глубоко несчастенъ...

— Онъ просто сбитъ съ толку, отозвался на это Гриша,— сожалѣетъ о прежнихъ ребяческихъ иллюзіяхъ и не въ силахъ на мѣсто ихъ поставить что-нибудь попрочнѣе.

Наташа пристально взглянула на брата и положила къ нему руки на колѣни.—И ты не считаешь себя обязаннымъ, сказала она съ упрекомъ, помочь ему встать на ноги, стряхнуть съ себя это отчаяніе. Вѣдь ты бы могъ на него повліять, Гриша...

— И радъ бы, не совсѣмъ увѣренно отвѣтилъ ей братъ,— да что съ нимъ подѣлаешь? онъ сталъ какъ-будто меня чуждаться... избѣгаетъ даже со мною говорить...

— Онъ тебя ревнуетъ... Неужели ты не догадываешься?

Гриша сознавалъ, что сестра почему-то считаетъ его несовсѣмъ правымъ передъ товарищемъ. И оттого, можетъ быть, что онъ внутренно соглашался съ нею, онъ хотѣлъ увѣрить и себя, и Наташу, что ему не въ чемъ себя упрекнуть.—Согласись, отвѣтилъ онъ, улыбнувшись, что этой бѣдѣ я помочь не могу...

— Нѣтъ, Гриша, нѣтъ! горячо возразила она, покачавъ головой. Ты можешь и обязанъ помочь. Неужели ты не видишь, что отъ тебя зависитъ распутать эти сложныя отношенія, какія всѣ вы себѣ поставили, и Паша, и Олли, и ты самъ тоже... Онъ любитъ ее, ты знаешь, болѣзненной, робкой любовью, и не рѣшается сказать ей объ этомъ, потому-что боится ея отвѣта... И надо—либо вырвать у него съ корнемъ бережною, но твердою рукою эту мучительную надежду, либо все такъ устроить, чтобы она согласилась... Отъ тебя одного это зависитъ, Гриша, потому-что Олли, вѣдь... тебя любитъ, хотя, можетъ быть, и не знаетъ про это сама... И ты не

имѣешь права безучастно молчать, точно ты не знаешь про ея чувство.

Гриша всталъ и нервной, торопливой походкой зашагалъ по комнатѣ.—Да что же мнѣ ей сказать надо, воскликнулъ онъ, остановившись вдругъ передъ сестрой,—и чего ты отъ меня требуешь? Олли славная, славная дѣвочка, и я къ ней очень привязанъ—и всѣ вы давно про это знаете—но...

— Но ты, запальчиво перебила его сестра, не далъ еще себѣ труда рѣшить, любишь ли ее самъ, по крайней мѣрѣ, достаточно ли сильно любишь, чтобы на ней жениться... Ты поступаешь нехорошо, Гриша: вѣдь одно изъ двухъ — если ты женишься на ней, тогда надо рѣшиться и положить конецъ этой пыткѣ для бѣднаго Паши, или нѣтъ—и въ такомъ случаѣ ты обязанъ, какъ честный человѣкъ, вывести ее изъ заблужденія... Я знаю Олли,—она справится со своимъ чувствомъ—воля у нея крѣпкая, и, кто знаетъ, можетъ быть, она современемъ найдетъ иное счастье... хотя бы съ Пашей... Гриша не отвѣтилъ ни слова и опять заходилъ взадъ и впередъ.

— Трудно это, что ли?—неумолимо продолжала Наташа.—Признайся лучше—тебѣ пріятно сознавать, что отъ тебя зависитъ выбрать то или другое, и ты не торопишься рѣшеніемъ... Но Олли горда... если она догадается...

— Да въ чемъ же я виноватъ наконецъ?—нетерпѣливо возразилъ Гриша,—развѣ я создалъ это положеніе, и почему я обязанъ?.. Тебѣ легко такъ говорить, Наташа...

— Легко?! Развѣ я мало перенесла? И когда мнѣ пришлось разстаться съ дорогою мечтою, мнѣ это не стоило труда?.. А вотъ, видишь, я не ропщу на судьбу, горечи во мнѣ нѣтъ никакой... я даже въ жизни не разочаровалась, хотя въ будущемъ у меня ничего больше нѣтъ... Я сказала себѣ, что надо жить для другихъ и въ этомъ находить для себя счастье...

— Полно, Наташа,—попробовалъ засмѣяться ея братъ,—у тебя будущаго нѣтъ, въ двадцать три года? Рано что-то въ старыя дѣвы записываться!..

— Не обо мнѣ рѣчь,—спокойно возразила Наташа.—Я только хотѣла тебѣ напомнить, что со всякимъ чувствомъ можно справиться... И коли ты, вотъ теперь, отворачиваешься отъ своего прямаго дѣла, такъ это только оттого, что тебѣ жаль разстаться съ дурными мыслями, которыя у тебя завелись въ послѣднее время... Она встала и протянула брату руку.—Прощай, Гриша, спать пора... А ты подумай объ томъ, что я тебѣ ска-

зала. Вѣдь добра ты не дождешься, если дашь увлечь себя этой женщинѣ.

Гриша, едва вышла сестра, такъ и опустился разомъ на кресло и, облокотившись на столъ, уткнулся разгоряченною головой въ обѣ приподнятыя руки. Долго онъ просидѣлъ такъ въ полной каменной неподвижности. Слова Наташи будто стучали у него въ мозгу и — странное дѣло — хотя онъ и сознавалъ, что она права, хоть и самъ онъ, подъѣзжая съ Солнцеву, твердилъ себѣ, что не уступитъ наплыву своей грѣшной страсти, теперь все существо возмущалось противъ неумолимаго голоса долга. До этого вечера онъ не хотѣлъ видѣть, что происходило въ немъ, и овладѣвшее имъ чувство хлынуло теперь ему въ грудь, какъ потокъ, опрокинувшій плотину. И это было уже не то чистое юношеское чувство, какое онъ въ былые года испытывалъ къ Нелли,— теперь въ немъ проснулось алчное желаніе, нетерпѣливое и кипучее. Нелли предстала передъ нимъ въ своемъ прежнемъ дѣвственномъ обликѣ, но теперь онъ словно разгадалъ ея настоящую натуру, и глаза ея—эти невинные, лучистые глаза — заговорили для него незнакомымъ прежде, обольстительнымъ языкомъ. Да, онъ не могъ усумниться въ томъ, что требовала его забившаяся кровь... Ему хотѣлось посягнуть на счастье, на честь своего лучшаго друга... Вотъ зачѣмъ его тянуло въ Набережное! Что жъ? Было въ этомъ, пожалуй, что-то похожее на законную отмстку. Вѣдь онъ лишь то бралъ себѣ назадъ, что прежде отнялъ у него товарищъ. И отъ этой мысли какое-то злое, торжествующее чувство подымалось въ сердцѣ Гриши, и казалось ему, что не самъ онъ такъ думаетъ, а кто-то со стороны нашептываетъ ему недостойныя, почти преступныя надежды.

Но это навожденіе было непродолжительно. Вся честная природа Гриши пришла въ негодованіе отъ овладѣвшей имъ мечты. Ему живо припомнилось, какъ самъ онъ въ то утро, когда Юрій признался ему въ своей любви къ Нелли, добровольно отрекся отъ нея. И теперь онъ взялъ бы назадъ данное тогда слово, сталъ бы мстить за прошлое запоздалою местью?! Нѣтъ, никогда, ни за что! Онъ не запятнаетъ себя этимъ недостойнымъ чувствомъ, онъ сумѣетъ принудить его къ молчанію...

Но вѣдь не одна потребность мести въ немъ говорила: онъ слышалъ иной вкрадчивый голосъ, усыплявшій въ немъ тревоги совѣсти, и голосъ этотъ манилъ его обѣщаніями какого-

то свѣтлаго, чуднаго блаженства. Развѣ нельзя было, въ самомъ дѣлѣ, наслаждаться обществомъ этого милаго существа, обмѣниваться съ нимъ откровенными рѣчами и ничѣмъ все-таки не нарушать обязанностей чести. И чѣмъ громче онъ увѣрялъ себя, что не поддастся искушенію, чѣмъ онъ цѣплялся отчаяннѣе за свою рѣшимость остаться вѣрнымъ старой дружбѣ къ Юрію, тѣмъ упрямѣе вѣяло на него чарующими воспоминаніями, только-что вынесенными изъ Набережнаго, и воля его, едва одержавъ побѣду, снова заслушивалась плѣнительнаго шопота страсти.

Трудные дни наступили для Гриши. Онъ твердо сказалъ себѣ, что не повторитъ своихъ поѣздокъ въ Набережное, и снова вернется къ дорогой ему, ровной, спокойной жизни. Вѣдь такъ еще недавно онъ ничего инаго и не желалъ, и воображеніе рисовало ему въ будущемъ тихое семейное счастіе. Да, онъ вернется къ этимъ чистымъ, хорошимъ мечтамъ, онъ опять уйдетъ весь въ работу и найдетъ отрезвленіе въ томъ прозрачномъ, словно хрустальномъ чувствѣ, какое влекло его прежде къ маленькой Олли. И передъ ней тоже онъ сознавалъ себя виноватымъ, и часто онъ заглядывалъ въ ея ясные глаза, какъ-бы вопрошая ихъ, не догадалась ли она о его измѣнѣ. Олли не опускала своихъ глазъ передъ его взглядами. На ея личикѣ по-прежнему свѣтилась откровенная улыбка, изъ-за которой чуялась спокойная твердость, умѣнье постоять за себя и не поддаться малодушію. А Олли въ самомъ дѣлѣ чутьемъ поняла, что̀ вызвало перемѣну въ обращеніи съ ней Гриши, что̀ придаетъ этотъ необычайный, тревожный блескъ его глазамъ, что̀ заставляетъ его иной разъ отворачиваться отъ нея почти съ испугомъ. Ей было невыразимо горько и больно отъ этого, но ея неробкое сердце не выдало своего разочарованія. И разъ только, оставшись наединѣ съ Наташей, она тихо обняла ее и со слезами на рѣсницахъ вполголоса спросила: — „Что, скажи! вѣдь онъ опять полюбилъ ее, да? Скажи правду! Я вѣдь и безъ того все знаю, все“...

Наташа постаралась успокоить ее и утѣшить. Но старанія эти были напрасны. Утѣшить свою подругу она не могла, а успокоивать ее было не за чѣмъ. Олли и сама твердою рукою отерла себѣ глаза, и въ тотъ же вечеръ за чайнымъ столомъ ея звонкій смѣхъ звучалъ также серебристо, какъ всегда.

К. ОРЛОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ исторіи русской литературы 60-хъ годовъ.

Вмѣсто введенія.

Въ настоящее время нерѣдко можно слышать мнѣніе (въ значительной части справедливое) объ оскудѣніи и объ измельчаніи талантовъ, о томъ, что газета занимаетъ теперь главенствующее мѣсто, а толстые журналы теряютъ кредитъ у общества, теряютъ живое значеніе, и при этомъ указываютъ на 60-е года, какъ на время талантовъ, особеннаго оживленія въ критикѣ и публицистикѣ и вліянія журнала. Словомъ, паденію нынѣшней журналистики противопоставляютъ пышный расцвѣтъ и авторитетное вліяніе на общество журналистики шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь есть много справедливаго, но въ этомъ мнѣніи необходимо разобраться; теперь для движенія того времени уже наступила исторія, и можно обозрѣвать это время болѣе безпристрастно и спокойно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наше время обѣднѣло крупными литературными дарованіями, сошедшими и сходящими со сцены; молодое поколѣніе беллетристовъ и поэтовъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ именъ, не представляетъ ничего сколько-нибудь выдающагося. Но начиная со счета подписки, который принято теперь брать при опредѣленіи успѣха— сумма подписки на всѣ толстые журналы теперь почти втрое выше суммы 60-хъ годовъ. Но не въ томъ дѣло. Представляли ли нравы литературы и журналы того времени явленіе дѣйствительно свѣтлое и чему должно приписывать успѣхъ журналовъ 60-хъ годовъ, кромѣ беллетристики? Была ли наша „эпоха возрожденія“ дѣйствительно золотымъ вѣкомъ русской изящной литературы и русской критики? При опредѣленіи этого въ одну кучу валятъ и Тургенева, и Писарева, и Майкова, и Островскаго,

и Чернышевскаго, и Л. Толстаго, и Добролюбова, и Писемскаго, и Зайцева, и Достоевскаго, и пр. и пр. Если можно и должно отмѣтить силу крупныхъ беллетристическихъ дарованій 40-хъ годовъ, для которыхъ въ 60-хъ годахъ наступила пора мужественной зрѣлости, то, съ другой стороны, нужно удивляться, какъ до сихъ поръ, рядомъ съ именами первоклассныхъ художниковъ, могутъ, даже люди благоразумные, ставить имена отрицателей публицистовъ, дѣятелей революціонной и соціалистической пропаганды, взявшихъ на себя лишь роль критиковъ. Дѣятельность названныхъ выше художниковъ является расцвѣтомъ русскаго нравоописательнаго романа и поэзіи, а дѣятельность публицистической критики нельзя же назвать иначе, какъ упадкомъ истинной критики. Рѣдко когда общество съ такою воспріимчивостью и оживленною готовностью прислушивалось къ голосу печати—и чѣмъ же ему отвѣтили и что изъ этого вышло? При томъ надо вспомнить, что беллетристика именно по главнымъ пунктамъ становилась почти вся въ разрѣзъ со взглядами шумливыхъ критиковъ-прогрессистовъ, отдавшихъ свои несомнѣнныя способности на службу крайнимъ и грубымъ тенденціямъ, прошедшимъ въ нашу литературу,—какъ это ни странно—подъ предварительной цензурой, со взглядами мнимокритиковъ, писавшихъ лишь по поводу литературныхъ произведеній и подъ ихъ прикрытіемъ политическіе манифесты. Такимъ образомъ, беллетристика, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, и критика 60-хъ годовъ являются двумя какъ-бы противоположными теченіями въ нашей умственной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь припомнить „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева, „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго, „Взбаламученное море“ Писемскаго, наконецъ знаменитый романъ „Войну и миръ“ гр. Толстаго, построенный на совсѣмъ иныхъ началахъ, чѣмъ эта критика; „Некуда“ Лѣскова, романы Вс. Крестовскаго— чтобы понять, какъ относились талантливые художники къ крайнему движенію, начавшемуся еще въ половинѣ 50-хъ годовъ въ „Современникѣ“ и продолжавшемуся въ этомъ журналѣ вплоть до 1866 года, года запрещенія этого органа. Въ 1859 году появилось „Русское Слово“ и, перейдя къ Благосвѣтлову, довело тенденціи „Современника“ до абсурда. Здѣсь предавались настоящимъ сатурналіямъ Писаревъ съ Варѳоломеемъ Зайцевымъ, занимая амплуа литературныхъ критиковъ. Несомнѣнно, что „Современникъ“ и „Русское Слово“, въ лицѣ своихъ критиковъ, имѣли большое вліяніе на русское обще-

ство, особенно на молодежь, но какое? Теперь, конечно, всякій видитъ, что внесены были только полная смута и полный разладъ въ молодое русское общество. Наша заря возрожденія была вмѣстѣ съ тѣмъ разгаромъ концессіоннаго и опереточнаго бѣшенства, кончилась тѣмъ, что разыгрались студенческія исторіи, начали появляться прокламаціи, взывавшія къ бунту и разрушенію, за прокламаціями послѣдовали пожары, за пожарами польское возстаніе, затѣмъ ужасныя событія, всѣмъ извѣстныя и ужь не имѣвшія никакого отношенія къ критикѣ, литературѣ и даже къ здравому смыслу, что уже признаютъ иные изъ дѣятелей того времени.

Русская критика приходитъ въ состояніе упадка послѣ смерти Бѣлинскаго. Появляются два направленія—эстетическое съ различными развѣтвленіями и публицистическое, преувеличивавшее значеніе злобы дня и впадавшее въ безумныя крайности утилитаризма. Представителями эстетической критики, между прочимъ, были Дружининъ, Ахшарумовъ, Ник. Соловьевъ, Эдельсонъ. Особнякомъ стоитъ Ап. Григорьевъ съ его „органической“ критикой, т. е. критикой, разсматривающей искусство, какъ органическій результатъ народной жизни, и Н. Н. Страховъ. Но о нихъ мы скажемъ особо. Ни то, ни другое направленіе не могли быть долговѣчны и особенно плодотворны. Воодушевленная однимъ лишь искусствомъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, эстетическая критика могла создать прекрасную, но мертвую мраморную Галатею; критика публицистическая, прямолинейная и узкая, приписывала литературѣ только служебную пропагаторскую роль проповѣдницы извѣстныхъ идей. Конечно, и исключительно эстетическая критика односторонняя; но публицистическая не можетъ быть даже и названа критикой, ибо она всегда толковала лишь по поводу литературныхъ произведеній, а вовсе не о нихъ самихъ.

И у Бѣлинскаго въ послѣдніе годы дано было мѣсто публицистическому направленію критики. Но рѣшительнѣе положилъ ему начало Чернышевскій въ своей извѣстной диссертаціи: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, сдѣлавшейся алкораномъ для правовѣрныхъ прогрессистовъ. Провозглашалось, что искусство ниже дѣйствительности, что прекрасное есть жизнь, хотя прекрасное въ природѣ и прекрасное въ искусствѣ—двѣ вещи совершенно несравнимыя. Затѣмъ Чернышевскій укорялъ Пушкина въ безсодержательно-

сти, написалъ еще нѣсколько критическихъ статей и принялся трактовать подъ извѣстнымъ угломъ о вопросахъ экономическихъ, разрѣшившись наконецъ въ 1863 году соціалистическимъ трактатомъ на тему: *Что дѣлать?* Критическое перо было предоставлено Добролюбову, который, будучи талантливѣе своего товарища, началъ подъ теорію послѣдняго подводить и пригибать различныхъ писателей, оговариваясь, что эстетическую критику онъ „оставляетъ на долю чувствительныхъ барышень“. Такимъ образомъ, пренебрегая художественной стороной произведенія, Добролюбовъ навязывалъ свои излюбленныя тенденціи то одному, то другому писателю. У Островскаго онъ отыскалъ лишь „темное царство“, и одинъ лучъ свѣта въ этомъ темномъ царствѣ; нашелъ, что Островскій изображаетъ только самодуровъ и жертвъ, людей приниженныхъ и забитыхъ, — что поэтому только Островскій и имѣетъ значеніе и т. д. Обломова критикъ возвеличилъ до всероссійскаго значенія, ибо, молъ, мы всѣ Обломовы: и Онѣгины, и Печорины, и Рудины—все это Обломовы и что романъ написанъ для „пробужденія“ общества... Что это за „пробужденіе“ мы теперь знаемъ... Изъ всѣхъ произведеній Тургенева взята только повѣсть „Наканунѣ“, ибо здѣсь былъ будто-бы поставленъ вопросъ о томъ, когда народятся „настоящіе русскіе дѣятели“ и т. д. Писаревъ заявлялъ, что поэтомъ можно сдѣлаться такъ же, какъ адвокатомъ, профессоромъ, публицистомъ, сапожникомъ и часовщикомъ, что сапоги выше Шекспира, что въ Россіи нѣтъ писателей, ибо всѣ эти Пушкины, Жуковскіе, Крыловы, Гоголи или зародыши писателей, или пародіи на нихъ. Критикъ долженъ быть проповѣдникомъ Базаровской нигилистической морали, въ основѣ которой лежатъ математика и естествознаніе: внѣ послѣднихъ нѣтъ спасенія, всѣ философіи недостойны „мыслящаго реалиста“. Критическія упражненія Писарева достаточно извѣстны, и мы не будемъ о нихъ распространяться. Писаревъ въ „Что дѣлать“ нашелъ свой идеалъ, прикрасивъ его, кромѣ того, базаровщиной. Онъ до такой степени упростилъ точку зрѣнія публицистической критики (отказывая критикѣ въ самостоятельномъ значеніи и утверждая, что она есть лишь выраженіе личнаго вкуса и мнѣнія), что ея полнѣйшая несостоятельность сказалась во всей своей очевидности. Въ этомъ можетъ быть главнѣйшая его заслуга.

Такова прогрессивная критика 60-хъ годовъ, которая до сихъ поръ въ иныхъ крайнихъ органахъ превозносится,

причемъ представителей ея называютъ „устоями русской жизни“, „столбами русской мысли“, „двигателями общественнаго самосознанія“, „свѣточами истины“ и прочими высокопарными эпитетами. Когда умираетъ какой-нибудь крупный писатель, котораго они такъ или иначе могутъ пристегнуть къ своему толку, эти хвалители очень суетятся; они же замалчиваютъ другихъ крупныхъ писателей, которымъ нельзя наклеить своего ярлыка. Замалчиваютъ ихъ при жизни, хранятъ гробовое молчаніе и при ихъ смерти. Такихъ явленій въ русской литературѣ каждый видитъ цѣлый рядъ. Такъ, напримѣръ, умеръ Тургеневъ. Забыты были и „Новь“, и Базаровъ—какой поднялся шумъ! Умерли Писемскій, Островскій, Мельниковъ—ни пышныхъ похоронъ, ни вѣнковъ, ни рѣчей, ни воспоминаній они не удостоились, между тѣмъ какъ по смерти, напримѣръ, Гаршина или Надсона появилось стиховъ, всякихъ замѣтокъ и воспоминаній о нихъ въ десять разъ больше того, что они сами написали во всю свою жизнь. Очевидно, здѣсь наиболѣе суетливая часть нашей печати имѣетъ нѣкоторую систему, ибо сравненіе названныхъ писателей произвело бы почти комическое впечатлѣніе. Распредѣляя по этой системѣ посмертныя сочувствія къ разнымъ писателямъ, наша печать, и при жизни ихъ тоже вела себя по отношенію къ нимъ по системѣ. Поэтому зачастую какое-нибудь ничтожное произведеніе превозносилось, а настоящія художественныя работы или замалчивались, или истолковывались превратно, или, просто вышучивались и высмѣивались. Такимъ образомъ, со стороны критики не удостоились обстоятельныхъ разборовъ и объясненій ихъ истиннаго значенія ни наши поэты—Майковъ, Мей, Полонскій, Тютчевъ, А. Толстой, ни наши беллетристы-художники—Писемскій, Островскій, Мельниковъ-Печерскій, Лѣсковъ, Крестовскій и Крестовскій-псевдонимъ и многіе другіе выдающіеся русскіе писатели, расцвѣтъ таланта которыхъ принадлежитъ шестидесятымъ годамъ.

Мы желали бы въ рядѣ очерковъ напомнить читателю дѣятельность этихъ писателей, недостаточно или совсѣмъ неоцѣненныхъ критикой, и постараемся посильно выяснить значеніе ихъ произведеній по отношенію къ обществу и ихъ самостоятельныя достоинства. Художественное творчество есть психологическая сила, глубоко проникающая человѣческую натуру, не знающая никакихъ принциповъ полезности и утилитаризма, и развивающаяся самостоятельно, какъ потребность психическаго орга-

низма. Но такъ какъ она живетъ въ пространствѣ и во времени, выражаясь въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, человѣка—къ обществу, человѣка—къ природѣ, то поэтому всѣ вопросы человѣческой жизни, человѣческаго общества, природы и тайнъ міросданія встрѣчаютъ въ ней естественное выраженіе. Искусство не даетъ научнаго рѣшенія вопросовъ человѣческой жизни, но въ образахъ и представленіяхъ живую картину того, какъ эти вопросы отражаются въ человѣческомъ сознаніи въ данную эпоху и въ данной культурѣ. При такомъ опредѣленіи искусства, критика, по существу своему, является анализомъ, который раскрываетъ—какимъ образомъ величайшіе вопросы человѣческой жизни и міра отражаются въ данномъ произведеніи искусства. Искусство есть только выраженіе жизни: вся исторія его есть краснорѣчивое доказательство этого положенія. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что искусство не можетъ жить отрѣшенною отъ общества жизнью; художественное произведеніе тѣмъ цѣннѣе и выше, чѣмъ глубже, искреннѣе и правдивѣе обнаруживается въ немъ, психическое состояніе даннаго общества и данной эпохи на ряду съ элементами бытовыми и народными

Что касается другихъ сторонъ этого движенія, то оно вовсе не было такъ единодушно и искренно, какъ можно было бы предполагать, и вовсе не имѣло такого значенія даже въ глазахъ самихъ его дѣятелей. Многіе теперь все это умышленно или искренно забываютъ; исторію же всего этого, для правильнаго сужденія о томъ времени, вовсе не безъинтересно напоминать.

На первый случай мы хотимъ напомнить эпизодъ съ левіаѳаномъ тогдашняго вліятельнаго „Современника“, недавно умершимъ писателемъ М. Е. Салтыковымъ. Эпизодъ этотъ характеренъ и для исторіи тогдашняго „движенія“, и для недавно скончавшагося талантливаго сатирика, столкнувшагося весьма рѣзко съ представителями именно той „крайней лѣвой“, для которой работалъ онъ самъ. Полемика, возникшая въ 1864 году между „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“, ясно убѣждаетъ, что Салтыкова совершенно напрасно теперь старались всячески пріурочить къ извѣстной партіи, а по свойству его таланта и по его несомнѣнно крупнымъ размѣрамъ сдѣлать это можно было только съ большой натяжкой. Покойный сатирикъ глумился и очень зло надъ тѣми, кто теперь такъ старается пріурочить его къ своему толку. Вообще, эти господа забываютъ, что Салтыковъ прежде всего все-таки былъ художникъ. Онъ могъ

пристроивать иногда свой талантъ на службу крайней тенденціи, могъ наспловать его до поры до времени; но когда какое-нибудь явленіе, хотя бы и его стороны, слишкомъ уже металось въ глаза, Салтыковъ не выдерживалъ и начиналъ говорить, уже не разбирая сторонъ. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, а какъ писатель съ довольно безотраднымъ и мрачнымъ, но неопредѣленнымъ міровоззрѣніемъ предавался вообще глумленію и отрицанію. Въ этомъ вѣчномъ его отрицаніи есть какая-то болѣзненность, изломанность и дѣланность; въ этой безъисходной сатирѣ много подчасъ каррикатуры и шаржа. Самъ всю почти жизнь чиновникъ,—Салтыковъ безпощадно клеймилъ чиновничество; убѣжденный либералъ, какъ его называютъ,—онъ осмѣивалъ и земское самоуправленіе, и свободное судоговореніе (адвокатовъ), и судъ присяжныхъ; выразитель тенденцій молодаго поколѣнія, онъ показалъ такіе обращики этого поколѣнія, что самъ отвернулся отъ нихъ и вспоминалъ съ сожалѣніемъ то время, когда, по его словамъ, онъ описывалъ „только старыхъ драбантовъ“. Радѣтель народа, — онъ въ дореформенное время не нашелъ въ народѣ и своей странѣ ничего лучшаго кромѣ глуповцевъ и идіотскаго города Глупова.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы видимъ Салтыкова, печатавшаго раньше въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ самое лучшее изъ всѣхъ своихъ произведеній „Губернскіе Очерки“,—видимъ его уже въ „Современникѣ“, послѣ принятія Катковымъ „Москов. Вѣд.“ и начала его патріотической дѣятельности. Въ „Современникѣ“ одинъ за другимъ появляются очерки, составившіе потомъ книгу „Невинныхъ разсказовъ“. Въ то время, кромѣ „*Современника*“ и „*Русскаго Слова*“, въ Петербургѣ издавались еще „*Библіотека для чтенія*“ г. Боборыкина, „*Отечественныя Записки*“ Краевскаго и „*Время*“ М. М. Достоевскаго, гдѣ работалъ и Ѳ. М. Достоевскій. Не смотря на то, что „*Время*“, хотя не очень опредѣленно, было по инымъ вопросамъ антиподомъ „*Современника*“, Салтыковъ въ 1862 году и тамъ помѣщалъ свои произведенія. Въ возникшей черезъ годъ полемикѣ онъ нашелъ нужнымъ въ этомъ оправдываться, говоря, что въ 1862 году „Современникъ“ былъ запрещенъ на 8 мѣсяцевъ, а „литератору не всегда удобно налагать на свои уста молчаніе“; въ отвѣтъ на это Ѳ. М. Достоевскій доказалъ однако, что это неправда, что Салтыковъ началъ печатать свои произведенія во „Времени“ задолго до запрещенія „Современника“.

Когда въ наступившемъ 1863 году „Современникъ“ лишил-

ся двухъ главныхъ своихъ вождей — Добролюбовъ умеръ, а Чернышевскій былъ сосланъ,—то Некрасовъ рѣшилъ пригласить Салтыкова въ качествѣ соредактора и вообще предложилъ ему принять болѣе близкое участіе въ журналѣ.

Въ 1863 году Салтыковъ писалъ и помѣщалъ въ „Современникѣ“, кромѣ обычныхъ разсказовъ, замѣтки о новыхъ книгахъ, писалъ и о театрахъ, писалъ и фельетоны подъ заглавіемъ: „*Наша общественная жизнь*“, выступая подъ различными псевдонимами: Н. Щедринъ, Гуринъ, Непановъ, М. С. Nemo, Михаилъ Зміевъ-Младенцевъ и пр. Кромѣ того, былъ возобновленъ и Добролюбовскій *Свистокъ*, который выходилъ, впрочемъ, очень рѣдко и ничѣмъ особеннымъ не отличался; большинство писавшихъ въ немъ не отличались въ этомъ родѣ дѣятельности. Тамъ помѣщалъ и тяжелыя пародіи иногда самъ Некрасовъ, подъ неудачнымъ псевдонимомъ „Саввы Намордникова“. Эти стихотворенія или не попали въ полное собраніе его сочиненій, или попали въ совсѣмъ неузнаваемомъ и измѣненномъ видѣ. Писалъ тутъ стихи и самъ Салтыковъ, не смотря на свое утвержденіе въ автобіографіи, составленной имъ для пресловутаго „Альбома“ г-на Семевскаго, что послѣ выхода изъ Лицея стиховъ не писалъ. Между прочимъ, въ № 4 „*Современника*“ 1863 г., въ „*Свисткѣ*“ помѣщена „пѣснь московскаго дервиша“, за подписью Зміева-Младенцева, начинавшаяся такими стихами:

Ужь я русскому народу
Показалъ бы воеводу,
Только дали бы мнѣ ходу.
Ходу! ходу! ходу! ходу!
Покатался бъ! наигрался бъ!
Наломался бъ! наплясался бъ!
Наругался бъ, насосался бъ!
Насосался бъ! насосался бъ!

„Свистокъ“ совсѣмъ потерялъ то особое значеніе, какого онъ достигъ при несомнѣнномъ остроуміи Добролюбова, и вскорѣ прекратился.

Интереснѣе была по общественному значенію фельетонная дѣятельность Салтыкова, вскорѣ совсѣмъ исключительно отдавшагося срочному журнальному фельетону и расточавшаго на эту легковѣсную работу свое художественное дарованіе. Въ фельетонахъ „Наша общественная жизнь“ Салтыковъ цѣлый годъ старался поддерживать традиціи Добролюбова. Нѣтъ надобности здѣсь всего этого повторять. Само собою разумѣется

что такое ревностное поддерживаніе вооружило противъ него людей той стороны, гдѣ онъ такъ недавно еще подвизался. Въ самомъ дѣлѣ, если прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ Салтыковъ писалъ въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“, то вѣдь всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ онъ помѣщалъ свои статьи во „*Времени*“. И вотъ по поводу статейки Салтыкова „Литературная подпись“ гдѣ онъ задѣлъ А. Скавронскаго (Г. П. Данилевскаго, печатавшаго тогда во „*Времени*“ подъ этимъ псевдонимомъ), возгорѣлась полемика. Ѳ. М. Достоевскій самъ пустился въ эту полемику и спорилъ хотя справедливо, но слишкомъ пространно, не отличился здѣсь, нужно сказать, остроуміемъ и не могъ выдерживать сравненія съ тогдашними „свистунами“. Достоевскій горячо негодовалъ по поводу „этого либерала, перепеченнаго по редакціонной надобности въ нигилисты“, и напоминалъ ему, чтобы онъ „берегъ честь съ молоду“.

Въ слѣдующихъ отвѣтныхъ замѣткахъ Достоевскій началъ даже подражать *Свистку* и пустился въ сочинительство юмористическихъ стиховъ, совершенно неудачныхъ.

Второй свой отвѣтъ, озаглавленный „Опять молодое перо“ („Время“ 1863 г., №№ 3 и 4) Ѳ. М. кончилъ слѣдующимъ „юмористическимъ“ четверостишіемъ:

Ро-ро-ро, ро-ро, ро-ро
Молодое перо,
Усь-усь, усь-усь-усь,
Ахъ какой же это гусь!

Но полемика Салтыкова съ почвенниками (какъ ихъ тогда называли) „*Времени*“ была только началомъ раздоровъ.

Въ началѣ 1863 года въ „Современникѣ“ былъ напечатанъ извѣстный quasi-романъ „*Что дѣлать?*“ произведеніе, имѣвшее среди тогдашней, сбитой съ толку, молодежи шумный успѣхъ. „*Русское Слово*“ превозносило его до небесъ. Ему слегка подтягивалъ и „*Современникъ*“. И вдругъ въ томъ же самомъ „*Современникѣ*“ раздалось по адресу „птенцовъ“ (молодаго поколѣнія, представителями котораго считали себя публицисты „Слова“) такое „крылатое слово“:

...«И такъ, о птенцы, внемлите мнѣ! Вы, которые еще полагаете различіе между старыми и новыми годами не безъ нѣкоторыхъ, конечно, любострастныхъ въ вашу собственную пользу надеждъ, вы, которые надѣетесь, что откуда-то сойдетъ когда-нибудь какая-то чаша, къ которой прикоснутся засохшія отъ жажды губы ваши, вы всѣ, стучащіе и ни до чего не достукивающіеся, просящіе и не получающіе,—всѣ вы можете успокоиться и прекратить вашу игру.

стучать и просить вы будете по-прежнему (такое ужь крохоборническое назначеніе ваше) и по-прежнему ничто не отворится передъ вами, и ничто не будетъ вамъ дано, потому что жизнь даетъ только тѣмъ, кто подходитъ къ ней прямо и притомъ въ «благопристойной» одеждѣ (такъ по крайней мѣрѣ всегда заявляется въ афишахъ, приглашающихъ почтеннѣйшую публику въ танцклассы»). Ждите же, птенцы, и помните, что на человѣческомъ языкѣ есть прекрасное слово «со временемъ», которое въ себѣ одномъ заключаетъ всю суть человѣческой мудрости.

«Повѣрьте мнѣ, это великое слово, которое можетъ принести не мало утѣшеній тому, кто сумѣетъ кстати употребить его. Когда я вспомню, напр., что «со временемъ» дѣти будутъ рождать отцовъ, а яйца будутъ учить курицу, что «со временемъ» Зайцевская хлыстовщина утвердитъ вселенную, что «со временемъ» строгія нигилистки будутъ безстрастною рукой разсѣкать человѣческіе трупы, и въ то же время подплясывать и подпѣвать: „ци о чемъ я, Дуня, не тужила“ (ибо со временемъ, какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ), то спокойствіе окончательно водворяется въ моемъ сердцѣ».

«Еще надавно одна нигилистка, вся содрогаясь отъ негодованія, разсказывала мнѣ, что была она въ оперѣ (давали, конечно, *Карла Смѣлаго*) и по обыкновенію обитала въ 5 ярусѣ, а между тѣмъ въ это самое время пресловутая Шарлотта Ивановна, вся блестящая и благоухающая, роскошествовала въ бель-этажѣ и безстыдно предъявлялась алкающей публикѣ».

— И какъ она смѣетъ, эта скверная! визгливо заключила разскащица, топая ножкой.

— Да вамъ-то что до этого? спросилъ я, пораженный нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Помилуйте, я, честная нигилистка, задыхаюсь въ 5 ярусѣ, а эта дрянь, эта гадость, жертва общественнаго темперамента... смѣетъ всенародно показываться... гдѣ же тутъ справедливость?.. и неужели правительство не обратитъ, наконецъ, на это вниманія?

Во мнѣ въ это время уже созрѣла теорія чистой совѣсти, и я могъ возражать моей взволнованной собесѣдницѣ. Если Шарлотта Ивановна имѣетъ возможность сидѣть въ бель-этажѣ, то, взамѣнъ того, она не обладаетъ чистой совѣстью; что напротивъ того, она, нигилистка, обладаетъ чистой совѣстью и, въ видѣ поправки, осуждена на сидѣніе въ 5 ярусѣ.

— Ну, согласились ли бы вы промѣнять вашу чистую совѣсть на ложу въ бель-этажѣ? спросилъ я въ заключеніе.

— Конечно, нѣтъ! отвѣчала она, но какъ-то такъ невнятно, что я долженъ былъ повторить свой вопросъ.

Не знаю, убѣдилась ли юная нигилистка моими доводами, но я увѣренъ, что большинство нигилистовъ думаетъ именно такъ, какъ я. Нѣкоторые изъ нихъ уже начинаютъ поговаривать исподволь о «скромномъ служеніи» наукѣ, а къ «жизненнымъ трепетаніямъ» относятся ужь съ нѣкоторою игривостью, какъ къ чему-то неимѣющему

никакой солидности и приличному только дѣтскому возрасту» («Совр.» 1864 г. № 1 «Наша общ. жизнь».)

Все это очень, конечно, умѣренно. Но по тогдашнему времени это казалось преступленіемъ. Самое упоминаніе слова „нигилистка“ равнялось измѣнѣ. Смѣяться надъ „аллюминіевыми дворцами“, надъ „пѣніемъ и пляской“ вообще надъ романомъ *Что дѣлать?* ставшимъ тогда положительно катехизисомъ многихъ—это уже была сугубая измѣна. Салтыкова предупреждали, но онъ не остановился, онъ пошелъ далѣе и заговорилъ о литературныхъ меценатахъ того же „лагеря“.

„Одного такого мецената, пишетъ Салтыковъ, я зналъ въ Петербургѣ, и хотя былъ у него всего разъ, но видѣлъ достаточно, чтобы не желать повторенія посѣщеній! Я видѣлъ, какъ мрачный философъ (Philosopho di forza) Ризположенскій пожиралъ фазана на тарелкѣ vieux saxe. Я видѣлъ, какъ легкій философъ (Philosopho di grazia) Сѣмячкинъ выпилъ разомъ три рюмки изъ богемскаго хрусталя и жадно искалъ ополоумѣвшими глазами колбасы, но не находилъ ничего кромѣ страсбургскаго пастета и разныхъ сыровъ; я видѣлъ, какъ „Шекспирска стерлядь золотая“ сдѣлалась жертвою плотоядности критика Кроличкова; я видѣлъ, какъ страдалъ мажордомъ мецената, стоя за стуломъ публициста Бенескриптова и чуть-чуть не вслухъ восклицалъ: „Embourbé! Embourbé!“ — я видѣлъ все это и страдалъ не менѣе самого мажордома.

Да, это картина! Представьте себѣ развалившагося въ креслахъ маленькаго, преждевременно, отъ глупости оплѣшивѣвшаго мецената и передъ нимъ согбеннаго въ дугу философа Ризположенскаго.

— Мнѣ было бы необходимо тысячъ двадцать для продолженія моего дѣла, заискивающимъ голосомъ говоритъ философъ.

— Хорошо, я дамъ ихъ вамъ; но надѣюсь, что вы будете проводить мои идеи! отвѣчаетъ меценатъ, граціозно помахивая своей прозрачной головкой.

— Какія такія это идеи! секретно думаетъ Ризположенскій, но вслухъ вѣщаетъ такъ: ужь это само собой разумѣется... тѣмъ болѣе, что наши идеи и ваши...

— Ну да, ну да, а то меня Бенескриптовъ однажды уже надулъ... И если вы будете хорошо вести дѣло, будете проводить мои идеи, то я не ограничусь.... я еще.... Ризположенскій блѣднѣетъ и краснѣетъ; у него, что называется, „отъ радости въ зобу дыханье спорло“. Онъ спѣшитъ откланяться, ибо опасается, чтобы меценатъ не раздумалъ, не обратилъ своихъ милостей на кого нибудь другаго и вообще не перевершилъ своего великодушнаго рѣшенія (иногда и это случается).

— Петръ! говоритъ меценатъ своему камердинеру:—поди, догони Ризположенскаго и поднеси ему рюмку водки!“

Это было уже слишкомъ. Всякій, кто зналъ въ Петербургѣ исторію пріобрѣтенія покойнымъ Благосвѣтловымъ, имѣвшаго

столь большое вліяніе, журнала „*Русское Слово*“ у графа Кушелево-Безбородко, могъ подставить къ этой статьѣ соотвѣтствующія имена. Это Салтыкову не прошло даромъ.

Въ слѣдующемъ же № „*Русскаго Слова*“ появилось 2 статьи: Зайцева, главнаго критика журнала убѣжденныхъ нигилистовъ, и Писарева. Писаревъ въ своей довольно злой статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора“ отчасти справедливо обвинялъ Салтыкова въ смѣхѣ ради смѣха, посовѣтовалъ бросить безплодныя пересмѣиванья и—какъ бы выдумали что?—сдѣлаться *популяризаторомъ естественныхъ наукъ* (!!). Зайцевъ же писалъ между прочимъ слѣдующее:

„...Цѣлый годъ фельетонистъ „Современника“ носилъ костюмъ Добролюбова, прежде чѣмъ рѣшился предстать предъ публикой въ своемъ собственномъ рубищѣ. А между тѣмъ костюмъ этотъ давно уже тяготилъ его, потому что былъ слишкомъ великъ для него; давно уже путался онъ въ его складкахъ, спотыкался и ронялъ его, обнаруживая при этомъ, то свѣтлую пуговицу, то золотое шитье своего сановничьяго мундира. Но цѣлый годъ упорный фельетонистъ не рѣшался разстаться съ этимъ костюмомъ и тщательно припрятывалъ выдающее его шитье. Теперь наконецъ онъ является намъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ: Да это онъ, тотъ самый, который „благоденствовалъ въ Твери и Рязани“ и который съ тѣхъ поръ, впродолженіе цѣлаго года, представлялъ собою зрѣлище будирующаго чиновника.

„Нельзя равнодушно смотрѣть, какъ онъ администраторствуетъ на тѣхъ самыхъ страницахъ, гдѣ еще такъ недавно мы прочли „Что дѣлать?“

„Омерзительно видѣть самодовольнаго балагура, дошедшаго изъ любви къ безпричинному смѣху до осмѣиванія того, чѣмъ былъ вчера, и провозглашающаго глуповскую мораль“.

„Ну, что жъ, читатели „Современника“, бросайте Добролюбова, отворачивайтесь отъ него, вѣдь онъ принадлежалъ къ числу птенцовъ и осмѣливался учить и даже проучивать такихъ почтенныхъ куръ, какъ г. Щедринъ, который не можетъ до сихъ поръ простить ему и въ отместку старается ущипнуть его въ своемъ курятникѣ“!

„Мы признаемъ себя вправѣ быть требовательнѣе относительно „Современника“, чѣмъ относительно какой-нибудь „Библіотеки для чтенія“. Поэтому обращаю вниманіе сотрудниковъ „Современника“ на направленіе, придаваемое этому журналу г. Щедринымъ; прошу ихъ запомнить обличенія, которыми онъ преслѣдовалъ литературное ренегатство, и замѣтить, что „Современникъ“ на весьма скользкомъ пути. Послѣ Добролюбова, послѣ „Что дѣлать?“ въ которомъ не видно ни малѣйшаго желанія лизоблюдничать (?), непріятно видѣть „Современникъ“ подражающимъ Каткову въ брани и злобѣ на все, что старается мыслить по-человѣчески (!). Теорія: „со временемъ“, проповѣдуемая фельетонистомъ, могла бы особенно ловко красоваться на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, не становясь въ явный

разрѣзъ съ противоположной теоріей Добролюбова; насмѣшки надъ „Что дѣлать?“ могли бы съ успѣхомъ отличаться гдѣ-нибудь въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ или „Развлеченіи“.

„Скажу прямо: совмѣстить въ себѣ тенденціи фельетониста съ идеями Добролюбова журналъ, уважающій себя, не можетъ. Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за авторомъ „Что дѣлать?“ или смѣяться надъ нимъ“.

„Посмотримъ, какъ-то вы выйдете изъ этого глуповскаго положенія“.

По поводу *Обѣда у мецената* г. Зайцевъ говоритъ:

„Не знаешь, чему болѣе удивляться: подлости или трусости того, кто желаетъ укусить въ потьмахъ“!

„Не робѣйте и объяснитесь попрозрачнѣе: авось въ верхушкахъ и хвостикахъ вашей клеветы вы узнаете себя скорѣе, чѣмъ тѣхъ, на кого мѣтите“.

„Мы надѣемся, что вы потрудитесь нѣсколько раскрыть свои намеки, дабы ихъ можно было опредѣлительно назвать соотвѣтствующимъ именемъ“. („Русское Слово“ 1864 г. № 2, „Глуповцы въ *Современникѣ*“).

Салтыковъ всегда былъ очень чувствителенъ къ критикѣ, хотя и старался не показывать вида, что его сердятъ какія-нибудь нападки. Несомнѣнно, что его глубоко обидѣла статья Зайцева, и онъ въ своемъ отвѣтномъ фельетонѣ даетъ, наконецъ, полную волю негодованію. Этотъ фельетонъ и былъ послѣдней, лебединой пѣснью Салтыкова въ „*Современникѣ*“. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, „о вислоухихъ и юродствующихъ“:

„Всего болѣе содѣйствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующіе, которые съ ухарскою развязностью командировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ (!?) и, схвативъ одни наружные признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то вся и сила. Эти люди считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодаго поколѣнія, забывая, что дрянь есть явленіе общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ и что совершенно несправедливо и даже недозволительно навязывать ее исключительно современному русскому молодому поколѣнію“.

„Въ позапрошломъ году пущено было въ ходъ слово „нигилизмъ“, слово, не имѣющее смысла. Между тѣмъ слово пошло въ ходъ, а именно благодаря тѣмъ вислоухимъ, которые ухватились за него, какъ утопающіе за соломенку, стали драпироваться въ него какъ въ нѣкоторую златотканую мантію и изъ безсмыслицы сдѣлали себѣ знамя“.

„Другой примѣръ: въ прошломъ году вышелъ романъ *Что дѣлать?... Всякій разумный человѣкъ*, читая упомянутый выше романъ, сумѣетъ отличить *живую и разумную его идею* (!) отъ сочиненныхъ и только портящихъ дѣло подробностей. Но вислоухіе понимаютъ дѣло иначе:

они обходятъ *существенное содержаніе* (!) романа и пріударяютъ насчетъ подробностей, а изъ этихъ подробностей всего болѣе соблазняетъ ихъ перспектива работать съ пѣніемъ и плясками. *Точно также* напр. *в сочиненіяхъ Фурье ихъ увлекала бы не теорія страстей, положенная въ основаніе его универсальной ассоціаціи, не плодотворная концепція гармоническаго воспитанія*, а какія-нибудь anti-lions и anti-requins, а какія-нибудь когорты мальчишекъ, съ самоотверженіемъ предающихся очищенію мѣстъ уединенія и т. п.

Послѣ этой статьи примиреніе было уже не возможно. Салтыковъ слишкомъ больно укололъ и указалъ смѣшныя стороны народившагося нигилизма, гордо расцвѣтшаго въ „Русскомъ Словѣ“. Обида была невыносима; но публицисты *Русскаго Слова* не нашли ничего лучшаго, какъ науськивать редакцію *Современника* на ея сотрудника (по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и зная характеръ Некрасова, это было всего удобнѣе). Въ № 4 *Русскаго Слова*, Зайцевъ такимъ торжественнымъ предостереженіемъ заканчиваетъ свою статью: „Кающійся, но не раскаявшійся фельетонистъ *Современника*“:

„Насъ удивляетъ, какимъ образомъ редакція журнала, всегда отличавшагося тактомъ, позволила открыть у себя вмѣсто легкаго литературнаго отдѣла какой-то балаганъ, наполненный кривляньями и буфонствомъ. Мы еще разъ предупреждаемъ „Современникъ“, что есть границы униженія. Нашло же „Русское Слово“ возможность не смѣшивать уважаемыхъ нами сотрудниковъ „Современника“ съ чужой овцой, попавшей въ ихъ кругъ“.

Эти наговоры подѣйствовали. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, полемика велась только противъ одного сотрудника, а самый журналъ оставался въ сторонѣ и назывался *почтеннымъ и уважаемымъ*. Полемическія крайности разыгрались позже. Статья Писарева, зло осмѣивавшая Щедрина, только подлила масла въ огонь. Некрасовъ, очень чуткій къ подобнымъ отзывамъ, ловкій „литературный практикъ“, какъ его называли, рѣшилъ сразу произвести своего рода coup d'état. Фельетонистъ, долго „призывавшійся изъ-за моря“, какъ острило *Время*, вдругъ исчезъ и не появлялся больше на страницахъ *Современника*. Исчезъ и „сатирикъ“, подписывавшійся Щедринымъ и помѣщавшій въ томъ же „Современникѣ“ „Невинные разсказы“. Съ этого времени и вплоть до прекращенія *Современника* въ этомъ журналѣ появились только двѣ вещицы Щедрина: Статьи, очевидно, изъ прежде сданныхъ въ редакцію. Такое внезапное прекращеніе весьма рѣзкой полемики породило много толковъ. Говорили печатно (и это не было опровергнуто), что Некрасовъ запретилъ Салтыкову писать противъ *Русскаго Слова*,

и фельетонъ поэтому прекратился; но молодежь не удовольствовалась этимъ и послала депутацію къ Некрасову съ требованіемъ, чтобъ Салтыковъ совсѣмъ болѣе не участвовалъ въ *Современникѣ*, что Некрасовъ, заискивавшій вообще передъ молодежью, уважилъ этотъ „протестъ“ и т. д. (Эпоха 1864 г. № 5 статья: „Г. Щедринъ или расколъ въ нигилистахъ“).

Чтобы положить конецъ всѣмъ толкамъ, и чтобы хоть отчасти сдѣлать „bonne mine au mauvais jeu“ въ № 11—12 „Современника“ за 1864 г., т. е. *черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ* „инцидента“, въ этомъ журналѣ появилось слѣдующее письмо Салтыкова къ Некрасову:

М. г. Николай Алексѣевичъ!

Оставляя Петербургъ, я могу на будущее время быть только сотрудникомъ издаваемаго вами журнала, не принимая болѣе участія въ трудахъ по редакціи.

Примите увѣренія и пр. М. Салтыковъ.

„Либеральная“ журналистика, которая теперь притягиваетъ къ себѣ Салтыкова, вовсе его не жаловала. Одинъ изъ обращиковъ такой критики мы можемъ видѣть въ „Русскомъ Словѣ“ въ извѣстной статьѣ Писарева: „Цвѣты невиннаго юмора“. Все это теперь стараются затереть. Писаревъ, сидѣвшій тогда въ Петропавловской крѣпости (почти всѣ статьи Писарева, напечатанныя въ „Русскомъ Словѣ“, были написаны имъ въ крѣпости) безъ сомнѣнія преувеличивалъ, но въ общемъ довольно вѣрно оцѣнилъ тогдашнюю дѣятельность Салтыкова.

„Много есть добродушныхъ и довѣрчивыхъ читателей, которые, зная г. Щедрина, какъ весьма передоваго прогрессиста, будутъ искать въ его шуткахъ какого-нибудь высшаго и таинственнаго смысла, и, разумѣется, каждый найдетъ все, что захочетъ найти.

Въ безсмыслицѣ всегда можно увидать какой угодно смыслъ, именно потому, что нѣтъ въ ней своего яснаго и опредѣленнаго смысла. Иногда каждый найдетъ все, что захочетъ найти, то, конечно, слава г. Щедрина, какъ передоваго прогрессиста, соединяющаго глубокомысліе съ остроуміемъ, упрочится и распространится пуще прежняго. Тутъ весь секретъ тактики состоитъ въ томъ, чтобы говорить неясно и игриво, не договаривая до конца, а давая чувствовать, что и радъ бы, да нельзя. Это была всегдашняя тактика всѣхъ дипломатовъ, но такъ какъ наша читающая публика до сихъ поръ еще особенно довѣрчива, то морочить и дразнить ея ребяческое любопытство іероглифическими шутками несравненно легче, чѣмъ водить за носъ ту европейскую публику, передъ которою Талейранъ и Меттернихъ умѣли прикидываться міровыми геніями. Для этого

достаточно усвоить себѣ извѣстную снаровку и жаргонъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ г. Щедрина безъ исключенія нѣтъ ни одной идеи, которая бы въ наше время не была извѣстна и переизвѣстна каждому 15-лѣтнему гимназисту и кадету; но такъ какъ эта идея показывается изъ-подъ полы, съ таинственными предосторожностями и лукавыми миганіями, то публика и хватаетъ ее, какъ самую новѣйшую диковинку.

Мнѣ кажется, что вліяніе г. Щедрина на молодежь можетъ быть только вредно и на этомъ основаніи я постараюсь разрушить пьедесталъ этого маленькаго кумира и произвожу эту отрицательную работу съ особеннымъ усердіемъ, именно потому, что тутъ дѣло идетъ о симпатіяхъ молодежи.

Г. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣятельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства; принимаясь за перо, онъ также не отдаетъ себѣ вопроса о томъ, куда хватитъ его обличительная стрѣла, — въ своихъ (!) или чужихъ, „въ титулярныхъ совѣтниковъ“ или *въ нигилистовъ*. Онъ пишетъ разсказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшиться надъ этими диковинками. Г. Щедринъ всегда смѣется отъ чистаго сердца и смѣется не столько надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, сколько надъ тѣмъ, какъ онъ самъ разсказываетъ и описываетъ событія и положенія; измѣните слегка манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ выдохнется. Чтобы разсмѣшить читателя, г. Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе salto-mortale, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ разсказовъ и т. д. („Русское Слово“ 1864 г. № 2. Статья „Цвѣты невиннаго юмора“).

Въ другомъ либеральномъ журналѣ, который недавно особенно пристегивался къ Салтыкову—въ „Вѣстникѣ Европы“—по поводу „Исторіи одного города“ тоже порядочно и довольно справедливо достается тому же Салтыкову. Авторъ статьи,—А. Б—овъ между прочимъ говоритъ:

„Прочитавъ одно предисловіе, можно подумать, что это просто шутка, смѣхъ для смѣха, но потомъ мы видимъ, что это уже не пародія, что сатирикъ готовъ подписаться подъ взглядами архиваріусовъ, или онъ опять шутитъ беззаботно, смѣется и надъ архиваріусомъ, и надъ читателемъ, и надъ господами Шубинскими.

Читаете дальше, и передъ вами возникаетъ новый вопросъ: не захотѣлъ ли г. Салтыковъ посмѣяться и надъ самимъ собой?

Недоумѣнія преслѣдуютъ читателя черезъ всю книгу, мѣшаютъ и путаютъ его относительно воззрѣній автора на событія и лица. Путаницѣ этой способствуетъ поверхностное знакомство автора съ исторіей XVIII вѣка и вообще съ исторіей русскаго народа.

Его глуповцы такъ глупы, такъ легкомысленны, такъ идіотичны

и ничтожны, что самый глупый и ничтожный начальникъ является существомъ высшимъ, равнаго которому изъ среды себя глуповцы не могли бы представить. Естественно рождается мысль, что глуповцы должны благодарить Бога и за такихъ начальниковъ.

Хотѣлъ ли это сказать г. Салтыковъ или это вышло противъ его воли, или все это онъ шутитъ, все хохочетъ, желая во что бы то ни стало потѣшить соотечественниковъ и на счетъ начальства, и на счетъ его подчиненныхъ, такъ чтобы не было обидно ни тѣмъ, ни другимъ? Рѣшеніе затруднительно. („Вѣстникъ Европы“ 1871 г. Апрѣль. Статья „Историческая Сатира“).

Затѣмъ та же критика и тѣ же журналы стали уже пѣть панигирики Салтыкову.

Что касается пріемовъ полемики того вліятельнаго времени, то приведемъ также образцы изъ тѣхъ же журналовъ.

Полемика между „молодыми“ и „либеральными“ журналами продолжалась и послѣ выхода Щедрина изъ „Современника“ вплоть до закрытія обоихъ журналовъ (въ началѣ 1866 г.) скоро дошла до геркулесовыхъ столбовъ неприличія и даже перешла за нихъ, причемъ журналы отрицали взаимно всякое значеніе другъ друга и сообщали невозможныя откровенія. Вотъ напр. что говоритъ „Современникъ“ въ іюлѣ 1865 г. по адресу сотрудниковъ „Русскаго Слова“.

„Доказывать какой-нибудь ракаліи, что ея пріемы не хороши и не деликатны,—дѣло трудное, доказательствами ея не проймешь; а гораздо лучше каждую ракалію заставить на ея же собственной спинѣ почувствовать прелесть ея полемическихъ пріемовъ. („Совр.“ 1865 г. Іюль „Литературные мелочи“).

Въ другой разъ этотъ журналъ прямо обращается къ издателю „Русскаго Слова“ Благосвѣтлову.

„Вы, г. Благосвѣтловъ, нѣкогда, въ графской передней, почивали вмѣсто лавровъ, на связкѣ парадныхъ гербовыхъ ливрей...“ и т. д. на что Благосвѣтловъ отвѣчалъ, что онъ согласится лучше спать въ передней, чѣмъ быть въ обществѣ такихъ негодяевъ, какъ сотрудники „Современника“. Тогда ему отвѣчали: „г. Благосвѣтловъ до послѣдняго времени не сознавалъ того, что говорить поносныя слова въ глаза другому неприлично и *для собственной физіономіи убыточно*“.

Наконецъ возмутились этой полемикой даже терпѣливые подписчики, и въ маѣ 1865 г. было напечатано нѣсколько ихъ писемъ въ „Современникѣ“, гдѣ они требовали, чтобы редакція прекратила полемику, такъ какъ они не для того заплатили подписныя деньги, чтобъ слушать неприличную брань журналистовъ другъ противъ друга.

Впрочемъ это не помогло и въ сентябрѣ 1865 г. „Русское Слово“ помѣстило слѣдующій вызовъ, дальше котораго въ смыслѣ полемики идти некуда:

Маску долой!

Вызовъ редакціи „Современника“.

Гг. Некрасовъ и Пыпинъ, хозяева „Современника“, заставьте вашихъ молодцовъ подписываться подъ своими скандальными статейками.

Если ваши молодцы — люди не помнящіе родства, безъ имени и фамиліи, то дайте имъ какія-нибудь клички. Если же они только носятъ маску, то сорвите ее, сорвите непремѣнно изъ уваженія къ публикѣ.

Пора однако прекратить ту игру въ жмурки и пятнашки, которую ведутъ ваши безподписные, безстыжіе гаіеры. Кто изъ нихъ, спрашиваемъ васъ, настрочилъ на насъ шельмецкій пасквиль подъ предлогомъ оправдать Милля? Этотъ пасквилянтъ долженъ теперь объявить свое имя. Чего онъ боялся, гласнаго объясненія? Да мы вызываемъ его на это объясненіе и прежде всего просимъ васъ, гг. редакторы, сообщить его имя. Надѣемся, что вы не откажете въ этой просьбѣ. Въ противномъ случаѣ мы поступимъ съ анонимомъ какъ слѣдуетъ.

Полемика съ „врагами“ была окончена, такъ какъ дальше оставалась дѣйствительно только „собственная спина“. Но за то полемика устремилась, если можно такъ выразиться, „во внутрь“, явилась въ нѣдрахъ самихъ редакцій. Представители „молодаго поколѣнія“ не уживались даже другъ съ другомъ. Сначала обнаружился расколъ въ редакціи „Русскаго Слова“. Главные столбы и „соредакторы“ этого журнала гг. Зайцевъ и Соколовъ, послѣ ссоръ изъ-за денежныхъ разсчетовъ, ушли оттуда, увлекши съ собой и Писарева, а на прощанье помѣстили въ „Голосѣ“ разныя ругательства противъ Благосвѣтлова. „Только теперь, говорили они, мы его узнали“ (?). Конечно, Благосвѣтловъ не остался въ долгу и отвѣчалъ имъ въ своемъ журналѣ тѣмъ же, т. е. что онъ теперь только раскусилъ ихъ, „что они за гуси“.

Въ „Современникѣ“ распря началась позже. Журналъ уже былъ закрытъ. Некрасовъ съ 1868 г. „заарендовалъ“ „Отеч. Записки“, и тогда обнаружились истинныя отношенія членовъ редакціи вліятельнаго журнала другъ къ другу. Брошюра г. Антоновича и Ю. Жуковскаго „Матеріалы для исторіи современной русской литературы“ проливаетъ самый странный свѣтъ въ этомъ отношеніи. Некрасова укоряли въ эксплоатаціи, въ недостаточности и фальшивости его либерализма, даже въ томъ, что

онъ „принимаетъ генераловъ“. Г. Антоновичъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Современника“. Подъ псевдонимомъ „посторонняго сатирика“ (этотъ псевдонимъ былъ раскрытъ во время полемики его съ г. Зайцевымъ и друг.), онъ велъ всю полемику, о которой мы говорили выше. Въ своей брошюрѣ Жуковскій и Антоновичъ уже обращаются къ своему издателю слѣдующимъ образомъ:

„Пришло время испытанія для вашего либерализма и вашего гражданскаго мужества. Въ эту минуту ваше мужество, говорятъ, поколебалось. Разсказываютъ, что вы въ одномъ собраніи формально отреклись отъ вашихъ сотрудниковъ, высоко поднявшихъ вашъ журналъ (!), утверждали, что вы ни душой, ни тѣломъ неповинны въ томъ, что дѣлалось въ вашемъ журналѣ, что *они держали васъ въ рукахъ, что они разстроили даже матеріальную часть журнала*, что вы давно хотѣли, но не могли отдѣлаться отъ нихъ, что вы рады, что наконецъ были избавлены отъ нихъ *хоть такимъ образомъ* и т. д. въ этомъ родѣ“...

Сотрудники, между прочимъ, желали контролировать издателей. Въ брошюрѣ г. Антоновича и Жуковскаго приведены курьезныя подробности о томъ, какъ сотрудники „Современника“ хотѣли „учесть“ Некрасова, а въ „объясненіи гг. Зайцева и Соколова еще болѣе подробно разсказано, какъ предполагалось заставить г. Благосвѣтлова дѣлиться съ участвующими своими барышами, укоряя его притомъ, что онъ безчестно наживается вмѣстѣ съ Некрасовымъ, на либерализмѣ... Но барышей не оказалось, и они разошлись...

Вотъ подлинныя слова давняго и близкаго сотрудника „Современника“ г. Ю. Жуковскаго:

„Въ свое время догадались, что либерализмъ можетъ давать доходъ. Прежніе издатели лубочныхъ или соблазнительныхъ книгъ стали издавать книжки естественнаго или радикальнаго политическаго содержанія. Множество набѣжало моралистовъ, философовъ и литературныхъ критиковъ. Каждый, какъ истый снигирь, подхватилъ какую-нибудь нотку—въ модѣ было только обличать и нести наружу всякій соръ—всякій несъ соръ. Стали всходить неожиданные ростки, слагаться философскія сентенціи, переступавшія предѣлы всякой возможности и всякаго смысла. Пошли въ ходъ сентенціи въ родѣ того, что заниматься искусствомъ подло, кончившіяся чуть-ли не тѣмъ, что подло трудиться. Весь этотъ возмутительный и безнравственный вздоръ могъ приводить только въ озлобленіе людей со смысломъ“.

„Какое чувство было здѣсь торжествующимъ, руководило всѣмъ этимъ процессомъ и мѣшало либерализмъ съ возмущающею пошлостью. Что, кромѣ лицемѣрія и раболѣпства передъ модой минуты могло объяснить такое явленіе? Не зная, какъ и куда идти, боясь

постоянно оступиться, показаться нелиберальнымъ, нашъ либералъ могъ попадать въ самыя непроходимыя дебри. Общество очень хорошо понимало, что оно можетъ и что нѣтъ, но оно конфузилось, отвѣчало утвердительнымъ покачиваньемъ головы и наконецъ доходило до того, что начинало стыдиться и отпираться отъ того, что оно любитъ искусство, носитъ въ себѣ еще долю семейныхъ добродѣтелей— словомъ на вздорныя и невѣжественныя выходки лицемѣрнаго празднословія оно отвѣчало такимъ же лицемѣріемъ".

„Просто страшно и стыдно подумать, что грозное и гордое обличительное зданіе, которымъ такъ тщеславилась наша литература, было выведено на такомъ зыбкомъ и некрасивомъ основаніи!" (Антоновичъ и Жуковскій, стр. 56 и 145).

Такое значеніе даетъ и такую картину вліянія тогдашней журналистики рисуетъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ ея участниковъ и дѣятелей. Мы не станемъ продолжать разсмотрѣніе этой эпохи, ибо для нашей задачи достаточно и этихъ краткихъ указаній, которыя можно бы продолжать безконечно. Вовсе не желали мы здѣсь обвинить кого-нибудь, мы констатировали фактъ, разсматривали мнѣніе, въ которомъ, какъ мы сказали, необходимо было разобраться, начиная рядъ очерковъ о писателяхъ того времени.

Мы не будемъ болѣе тревожить тѣней прошлаго, оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ этого рода журналистику и обратимся къ разсмотрѣнію крупныхъ художественныхъ дарованій той эпохи – цѣлаго ряда писателей, которыми могла бы гордиться всякая литература.

Н. Б—ВЪ.

НЕМУДРЕНЫЕ.

Разсказъ.

Странная участь постигаетъ иногда нашихъ русскихъ артистовъ. Часто гремятъ имена самыхъ жалкихъ посредственностей, дѣлающихъ себѣ карьеру, благодаря протекціямъ, рекламамъ и счастливымъ случаямъ, и затериваются въ полной неизвѣстности люди, обладающіе порой дѣйствительнымъ талантомъ. И между ними встрѣчаются даже многіе, которые и сами почти не сознаютъ таящейся въ нихъ силы и не только не развиваютъ ея, но относятся къ ней, одни—съ застѣнчивой недовѣрчивостью, другіе же почти пренебрежительно.

Нѣкоторые же хотя и начинаютъ горячо, энергично, страстно, вѣря и въ свой талантъ, и въ будущую славу и удачу, но мало-по-малу, затянутые мелкой заурядной жизнью, съ вѣчной нуждой и неудачами, — охлаждаются, устаютъ, теряютъ вѣру и энергію, спиваются съ горя и гибнутъ...

Изъ принадлежащихъ къ первой категоріи, помню я напримѣръ Ивана Яковлевича Каливочкина.

Былъ онъ небольшой чиновничекъ, служившій гдѣ-то въ канцеляріи и несмотря на добрые 20 лѣтъ службы, находился по неспособности почти въ томъ же чинѣ и окладѣ, на который и поступилъ когда-то. Нѣсколько улучшалъ его благосостояніе крашеный деревянный домишка, полученный имъ еще въ приданое за женой, и въ которомъ онъ жилъ со всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ.

Ивану Яковлевичу было, вѣроятно, лѣтъ за 50, а можетъ быть и больше, но на видъ онъ казался еще совсѣмъ молодцомъ, роста онъ былъ довольно высокаго, сложенія скорѣй

плотнаго, чѣмъ худощаваго, волосы его, правда, совсѣмъ уже побѣлѣли или вѣрнѣе посеребрились, но были еще густы и вились, и Иванъ Яковлевичъ видимо дорожилъ ими и расчесывалъ ихъ, пробирая проборъ на боку всегда особенно тщательно. Лицо у него было полное, румяное и очень пріятное, но что лучше всего было въ немъ, это его глазки, небольшіе, свѣтло-голубые, совсѣмъ не сіявшіе, положимъ, артистическимъ огнемъ и вдохновеніемъ, которое обличало бы въ немъ душу высшаго порядка, но за то такіе добродушные и чистые, что невольно чувствовалось, что если въ нихъ и не блещетъ умъ, за то и не бываетъ никогда какой-нибудь лукавой, скрытой мысли.

Говорилъ Иванъ Яковлевичъ мало и какъ-то заманчиво, точно неохотно, но улыбался часто и прекрасно улыбался, такой улыбкой, какая бываетъ только у дѣтей, да у тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя до старости сохраняютъ эту изумительную непорочность и простоту чувствъ и мыслей.

Квартира у Ивана Яковлевича была чистенькая и веселенькая съ маленькими окошечками, выходившими на „прошпектъ“ и заставленными густо разросшимися душистыми геранiями и фукціями, среди зелени которыхъ, по цѣлымъ днямъ распѣвали желтогрудые чижи.

Иванъ Яковлевичъ чаще всего сидѣлъ въ такъ называемой „залѣ“, которая, впрочемъ, была и столовой, и гостиной, и кабинетомъ, а по ночамъ даже и спальней для двухъ его старшихъ мальчиковъ.

Здѣсь ему было свѣтлѣе и удобнѣе раскалывать на булавочки своихъ жучковъ и бабочекъ, до которыхъ Иванъ Яковновичъ былъ страшный охотникъ, и умѣлъ составить себѣ даже цѣлую коллекцію, украшавшую своими коробочками и ящиками одну изъ стѣнъ гостиной.

Если Иванъ Яковлевичъ не занимался жучками, онъ глядѣлъ на улицу, примащиваясь подлѣ окошка и покуривая свою трубочку, служившую ему уже лѣтъ 20, или пересвистывался съ чижами, удивительно подражая имъ и выводя на своихъ губахъ цѣлыя трели, къ которымъ, склонивъ голову на бокъ и закрывъ глаза, и самъ прислушивался съ видимымъ удовольствіемъ, отъ котораго лицо его дѣлалось еще добродушнѣе и милѣе.

Мебель въ залѣ была самая простая, старинная съ жесткими спинками краснаго дерева и покрытая слегка уже вы-

цвѣтшимъ корпчневымъ ситцемъ съ пестрыми цвѣтами. Но посреди одной изъ стѣнъ возвышался большой стеклянный шкапъ, невольно привлекавшій вниманіе являвшагося въ первый разъ посѣтителя и поражавшій его своимъ богатствомъ.

Всѣ полки его сверху до низу были заставлены прекрасными, дорогими вещами, въ родѣ серебряныхъ кубковъ, подстаканниковъ, портсигаровъ, чайниковъ и тому подобными вещами. Когда удивленный посѣтитель спрашивалъ Ивана Яковлевича—откуда это у него все. Иванъ Яковлевичъ улыбался какъ-то особенно хорошей благодарной улыбкой и пояснялъ по своему обыкновенію довольно коротко:

— За музыку мою все удостоиваютъ! и прибавлялъ уже съ нѣкоторой скромной гордостью.—Дочерямъ-съ въ приданое будетъ. И дѣйствительно, всѣ эти вещи получались имъ въ продолженіи его многолѣтней жизни отъ разныхъ почитателей его таланта, между которыми были, по собственному его застѣнчивому признанію, „даже очень значительно и можно сказать высоко-поставленныя особы“.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Яковлевичъ игралъ на гитарѣ! Ну, что кажется за инструментъ гитара, и какъ это ужь такъ особенно можно играть на ней, такъ развѣ романсы цыганскіе какіе-нибудь. Но Иванъ Яковлевичъ игралъ, хотя никто никогда его этому не училъ да и нотъ онъ почти не зналъ и игралъ такъ, что слушать его пріѣзжали съ разныхъ концовъ Петербурга.

Во многихъ и самыхъ разнообразныхъ кружкахъ имя его (его всѣ звали какъ-то больше Иванъ Яковлевичъ да Иванъ Яковлевичъ, а фамиліи его многіе даже и не знали) было очень популярно, не смотря на то, что Иванъ Яковлевичъ ни концертовъ никогда не давалъ, ни на публичныхъ вечерахъ никогда въ жизни не участвовалъ, а если и предлагали ему это, то при одной подобной мысли его охватывалъ страхъ и смущеніе и подбить его на это не было никакой возможности.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ съ застѣнчивой робостью, — куда ужь мнѣ концерты... такъ вотъ, въ комнатѣ если, это я съ полнымъ удовольствіемъ... а концерты... добрые люди засмѣютъ пожалуй на старости, вотъ скажутъ, музыкантъ какой нашелся... нѣтъ ужь... куда мнѣ старому...

— Да полноте, Иванъ Яковлевичъ, кто васъ засмѣетъ! Вѣдь вы художникъ просто въ своемъ дѣлѣ; да если вы дадите концертъ, то успѣхъ будетъ громадный, вѣдь это нѣчто совсѣмъ

новое, оригинальное, вѣдь какія вы деньги на этомъ заработать можете!

Иванъ Яковлевичъ слушалъ съ удовольствіемъ, видимо наслаждаясь въ душѣ возможностью подобнаго для него торжества и заранѣе умиляясь отъ него, но все-таки продолжалъ недовѣрчиво покачивать головой.

— Нѣтъ ужь, и не уговаривайте! говорилъ онъ, наконецъ со вздохомъ, но рѣшительно—не дерзну...

И не дерзалъ не смотря на всѣ просьбы и уговоры его многочисленныхъ друзей и поклонниковъ, заранѣе обезпечивавшихъ ему успѣхъ и полный сборъ.

Но играть въ довольно большомъ обществѣ, человѣкъ въ 20, а иногда даже больше—Иванъ Яковлевичъ не только не тяготился, но даже любилъ. Когда онъ чувствовалъ, что всѣ присутствующіе замолчали при первыхъ же его аккордахъ и слушали его, почти затаивъ дыханіе, съ разгорѣвшимися лицами и глазами, Ивана Яковлевича охватывало вдохновеніе артиста, и онъ начиналъ играть еще лучше, и гитара его то плакала, надрывая сердца слушателей какой-то и сладкой, и щемящей, въ то же время, тоской, то вдругъ разсыпаясь мелкой дробью плясовой камаринской или казачка—и всѣхъ, кто былъ въ залѣ, охватывало вдругъ одно страшное желаніе пуститься въ плясъ—плечи и ноги какъ-то сами по себѣ ходили и подергивались... Иванъ Яковлевичъ игралъ только русскія пѣсни, игралъ ихъ такъ, что и самъ народъ выплясывалъ какъ живой, со всѣмъ его горемъ, радостями, нуждой, удалью, тоской и становился вдругъ близокъ и понятенъ даже тѣмъ, кто и не зналъ его... Часто за Иваномъ Яковлевичемъ пріѣзжалъ кто-нибудь изъ его знакомыхъ и увозили его къ себѣ „поиграть“.

Иванъ Яковлевичъ, самъ страстно любя „играть“, ѣздилъ всегда очень охотно, но денегъ за это никогда не бралъ, хотя отъ подарковъ въ день своихъ имянинъ не отказывался, чѣмъ и объяснялось происхожденіе всей этой массы серебра въ священномъ шкафу.

Часто „гости“ пріѣзжали и къ самому Ивану Яковлевичу. Пріѣдетъ компанія человѣка въ три, много въ 5, захватитъ съ собой иногда даже и шампанскаго и закусокъ, чтобы слушалось веселѣе, да хлѣбосольную хозяйку не очень бы ужь разорять, да и просидятъ у него подъ рядъ нѣсколько часовъ, слушая все его игру.

Степанида Игнатьевна, жена Ивана Яковлевича, женщина

хотя и хлѣбосольная, но далеко не такая добродушная, какъ мужъ, этими маленькими привозными пособіями къ ея хозяйству никогда не брезговала и хотя изъ вѣжливости и говорила: —„Ахъ напрасно безпокоиться только взволили“, но въ душѣ всегда оставалась этимъ очень довольна и къ подобнымъ гостямъ благоволила больше, чѣмъ къ другимъ.

Она была женщина тоже уже въ лѣтахъ, полная, широкоплечая, и обладала чрезвычайно повелительно-крикливымъ голосомъ, которымъ она подъ часъ безцеремонно заглушала игру своего „муженька“, крича на единственную прислугу свою, кривоглазую Ѳеклу или расправляясь съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ ребятъ, съ которыми она справлялась очень энергично и своеобразно.

Ходила Степанида Игнатьевна всегда въ широчайшихъ ситцевыхъ блузахъ сомнительной чистоты, съ засученными рукавами и въ стоптанныхъ туфляхъ. По крайней мѣрѣ, иначе ея почти никто никогда не видалъ.

Степанида Игнатьевна все хозяйство несла, по собственному ея выраженію, „на своихъ плечахъ“, а потому большую часть дня проводила на кухнѣ, возясь у плиты, гдѣ у нея образовался даже своего рода салонъ, въ который постоянно забѣгали на „минуточку“ перекинуться словечкомъ разныя сосѣдки и товарки ея.

Къ супругу своему Степанида Игнатьевна относилась съ явнымъ презрѣніемъ и называла его блаженнымъ, крайне негодуя на его тупость, по которой онъ отказывался отъ денежныхъ благодарностей за свою игру.

Правда, цѣнные подарки нѣсколько утѣшали ее еще, она мысленно высчитывала, сколько можно за каждый изъ нихъ выручить „чистыми деньгами“, и нѣсколько разъ порывалась уже привести въ исполненіе свое завѣтное желаніе и обратить ихъ въ капиталъ. Но Иванъ Яковлевичъ, обыкновенно очень покорный ей во всемъ, противъ этого возставалъ такъ рѣшительно, что она поневолѣ уступала, отводя душу только тѣмъ, что въ сотый разъ называла его „юродивымъ“ и безнадежно махая на него рукой.

Для Ивана Яковлевича всѣ эти вещи, кромѣ ихъ матеріальной цѣнности, имѣли еще и другую цѣну, болѣе дорогую для него, но недоступную для пониманія Степаниды Игнатьевны. Но тѣмъ не менѣе похвастаться ими предъ людьми и посѣтителями Степанида Игнатьевна была не прочь, а потому все се-

ребро предъ каждымъ большимъ праздникомъ тщательно чистилось ею и затѣмъ снова ставилось въ завѣтный шкафъ, въ которомъ оно, ярко блестя и переливаясь, невольно привлекало на себя завистливые взгляды всѣхъ Каливочкиныхъ сосѣдей, не постигавшихъ, за что этому Ивану Яковлевичу такое счастье валитъ.

Такъ какъ Иванъ Яковлевичъ бывалъ въ самыхъ разнородныхъ кружкахъ, начиная отъ артистическихъ и профессорскихъ и кончая купеческими и даже аристократическими, то и къ нему на домъ пріѣзжали и генералы, и купцы, и артисты, и доктора, словомъ люди разнообразныхъ профессій и положеній.

Ко всѣмъ этимъ гостямъ Степанида Игнатьевна относилась очень неравно. На художниковъ, музыкантовъ, актеровъ и даже почему-то и на докторовъ—она глядѣла недовѣрчиво и враждебно, презрительно называя ихъ всѣхъ однимъ общимъ именемъ „шушеры“. Къ купцамъ же чувствовала большую слабость и уваженіе, а предъ генералами совсѣмъ уже преклонялась.

Каждый разъ, какъ въ передней дребезжалъ убогій, разбитый звонокъ, Степанида Игнатьевна принимала недовольный видъ, сердито говоря—„ну кого это опять принесло?“ И высовывая голову въ щель двери, отдѣлявшей переднюю отъ кухни, изъ которой всегда несло чадомъ и подгорѣлымъ масломъ, зорко подсматривала, „кого принесло“, пока одноглазая Ѳекла мѣшкотно отворяла дверь. Если это былъ какой-нибудь не изъ почитаемыхъ ею, особенно же, Боже упаси, актеръ, Степанида Игнатьевна озлобленно захлопывала дверь, сердито ворча „и чего это ихъ нелегкая носитъ!“ и тотчасъ же тревожно хваталась за карманъ, ища, тамъ ли ключи отъ завѣтнаго шкапа и ея комода, и если ихъ не оказывалось, она безцеремонно кричала своей Ѳеклѣ:

— Ѳекла, а Ѳекла, подика скорѣй ключи отъ шкапа захвати, они, кажись, на столѣ тамъ лежатъ! И прибавляла, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что гость можетъ все услышать. Много васъ тутъ шушеры всякой шляется! Неровенъ часъ за всѣми-то не углядишь. Небось не пришли бы, кабы мой-то юродивый за деньги вамъ игралъ... Но если это былъ какой-нибудь генералъ или вообще кто-нибудь изъ уважаемыхъ ею гостей, которыхъ Степанида Игнатьевна за эти долгіе годы успѣла выучить цѣлыя біографіи—она растворяла свою дверь

уже настежь, отчего вошедшаго съ чистаго воздуха обдавало еще большимъ чадомъ, и начинала любезно раскланиваться.

— Пожалуйте, пожалуйте, ваше превосходительство! говорила она на распѣвъ съ умильной улыбкой на раскраснѣвшемся и вспотѣвшемъ отъ кухоннаго жара лицѣ,—давно у насъ не бывали! Ужь мы даже соскучились, думаемъ, не осерчали ли за что ужь на насъ ихъ превосходительство! Иванъ Яковлевичъ еще сегодня говорилъ—пойду, говоритъ, провѣдаю его превосходительство, здоровы ли ужь, и гитару съ собой захвачу, можетъ, ихъ превосходительству поиграть угодно будетъ! Иванъ Яковлевичъ, да гдѣ же ты, иди скорѣй, ихъ превосходительство Владиміръ Порфирьичъ пріѣхали! Ахъ, матушки, я-то въ такомъ загрязненномъ балахонѣ — да ужь не обезсудьте, ваше превосходительство, сдѣлайте милость, все время вѣдь около плиты возилась, сегодня студень ставила, отойти никакъ невозможно, жарища ужасти какая, просто, можно сказать, изжарилась вся даже!

Несчастный гость, задерживаемый любезностями словоохотливой хозяйки въ чадной передней, поспѣшно соглашался, что здѣсь дѣйствительно какъ-будто немножко жарко.

— Ахъ уже и не скажите, ваше превосходительство! подхватывала обрадованная согласіемъ мнѣній Степанида Игнатьевна! Иной разъ, истинно вамъ говорю, ужастямъ подобно, да вѣдь что подѣлаешь! Вѣдь сами знаете, ваше превосходительство, все хозяйство на своихъ плечахъ несу, вѣдь ужь отъ Ивана Яковлевича помощи не много. Настенька съ дѣтьми возится, тоже недосугъ, а на эту кривоглазую дуру, ужь извините, ваше превосходительство, что такъ выразилась, тоже положиться никакъ невозможно! Ахъ, Боже мой! Да что же я это васъ въ этомъ чаду задерживаю, пожалуйте, ваше превосходительство, проходите, батюшка, сдѣлайте милость... Иванъ Яковлевичъ, да что же ты ихъ превосходительство встрѣчать не идешь! Опять куда-то запропастился, просто можно сказать, удивительный человѣкъ, поди опять своихъ жучковъ на булавочки лѣпитъ. Тоже сами посудите, ваше превосходительство, ну статочное ли дѣло ему такими пустяками заниматься! Вѣдь и то ужь цѣлую стѣну ихъ навѣшалъ! То-есть какъ посмотришь на него, ну истинно говорю вамъ—ребенокъ, просто настоящій ребенокъ!

Но Иванъ Яковлевичъ, услышавшій наконецъ голосъ супруги, показывался въ дверяхъ гостиной нѣсколько уже оробѣвшій отъ однихъ звуковъ знакомаго голоса, взывавшаго къ

нему, но, увидѣвъ гостя, славное лицо его прояснялось и озарялось привѣтливой улыбкой.

Онъ, застѣнчиво конфузясь не то гостя, не то супруги, но съ видимымъ удовольствіемъ кланялся гостю, который тутъ же большей частью и лобызался съ нимъ троекратно, такъ какъ Ивана Яковлевича всѣ его знакомые очень любили за его кротость и добродушіе.

Въ контрастъ разборчивой на знакомство Степанидѣ Игнатьевнѣ, Иванъ Яковлевичъ всѣхъ гостей, какого бы званія и состоянія они ни были, встрѣчалъ совершенно одинаково, съ обычной ему застѣнчивой привѣтливостью и, казалось, ни одного изъ нихъ онъ не любилъ больше другаго, но за то не было и ни одного такого, которому бы онъ недоброжелательствовалъ.

— Пожалуйте, батюшка, говорилъ онъ, пропуская гостя впередъ—поиграть, вѣрно пріѣхали? (у Ивана Яковлевича многіе брали уроки).

Степанида Игнатьева начинала суетиться больше даже обыкновеннаго, посмѣшно собирая для важнаго гостя закуску изъ разныхъ соленій и маринованій, которыхъ у нея всегда былъ большой запасъ и на приготовленіе которыхъ она тоже, какъ и на великолѣпныя наливки, была большая мастерица.

И чрезъ нѣсколько минутъ покa Иванъ Яковлевичъ вынималъ изъ футляра и настраивалъ свою гитару, въ дверяхъ появлялась Ѳекла, съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ разными тарелочками и бутылками, и Степанида Игнатьевна начинала усердно подчивать гостя и чѣмъ больше чувствовала она почтенія къ гостю, тѣмъ убѣдительнѣе угощала его.

Иногда, но это уже съ самыми только почетными гостями, Степанида Игнатьевна простирала свою любезность до того, что самолично приходила „тоже послушать музыку“, которая, говоря правду, давно ужь ей, по собственному ея признанію, очертѣла.

Она садилась съ чулкомъ въ рукахъ, дабы не терять попусту время, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, гдѣ ея небрежный туалетъ, который она не мѣняла даже и для такихъ важныхъ гостей, былъ бы не такъ замѣтенъ, и начинала изъ любезности къ гостю время отъ времени сочувственно вздыхать, тревожно думая въ то же время, какъ-бы кривоглазая Ѳекла не упустила бы безъ нея каши или не перепарила бы баранины.

Но во время перерыва она, не надѣясь на то, что ея „блаженный“ сумѣетъ достаточно любезно занять гостя, пускалась сама помогать ему.

— Очень жалостливо! говорила она, вздыхая и стуча спицами своего чулка—ужь на что я крѣпка, а и то иной разъ не выдержишь, всплакнешь! Теперь, конечно, ужь въ года вошла—чувствъ тѣхъ нѣтъ, что съ молоду-то бываютъ, ну да и то сказать, времени тоже не много, цѣлый день у плиты, а раньше-то, какъ еще невѣстой была, либо въ первый годъ, такъ бывало какъ онъ только заиграетъ, такъ у меня духъ даже захватитъ, гляжу это на нихъ и только дивуюсь, а слезы просто такъ сами собой и катются, они-то играютъ, а я-то плачу, плачу, просто можно сказать безъ удержу, душа-то, кажись, вся въ слезахъ выходила... А послѣ такъ тебѣ пріятно на сердцѣ сдѣлается, ровно ты отъ заутрени въ Свѣтло Христово Воскресенье пришелъ!...

За послѣдніе годы къ этимъ домашнимъ концертамъ стала, по просьбѣ гостей, нерѣдко присоединяться и старшая дочка Ивана Яковлевича, Настенька.

Правда, Настенькѣ по большой части было некогда, такъ какъ ей по цѣлымъ днямъ приходилось то помогать матери по хозяйству, то обшивать всю семью, то подъучивать младшихъ братьевъ и сестеръ тѣмъ незатѣйливымъ премудростямъ въ родѣ письма, чтенія, закона Божьяго и первой ариѳметики, которымъ года два-три назадъ обучалась и она сама въ N пріютѣ, куда Степанида Игнатьевна, находившая, что для дѣвушки лишнее ученіе одна мука, родителямъ убыль, а женихамъ не приманка,—отдала ее, не смотря на слабое сопротивленіе Ивана Яковлевича, которому почти всѣ знакомые совѣтовали отдать дочку въ гимназію.

Теперь Настенькѣ было уже лѣтъ 18—19, и лицомъ, и характеромъ она очень походила на отца. Такая же спокойная и безмятежная, и если не такая добродушная, быть можетъ, какъ отецъ, но за то всегда и со всѣми одинаково ровная и привѣтливая. Миловидное лицо ея, розовое и круглое, то же очень напоминало отцовское, только въ голубыхъ глазахъ ея сіяла уже не та безграничная кротость и доброта, которыя озаряли старика, а какое-то тупое и какъ-будто сонное равнодушіе. Но больше всего красила Настеньку, дѣлая изъ нея совсѣмъ русскую красавицу, это пышная грудь и прекрасная

свѣтлорусая коса, тяжело спускавшаяся у ней по спинѣ ниже пояса.

Настенька была, кажется, любимицей своихъ стариковъ и особенно Ивана Яковлевича. Она еще съ ранняго дѣтства заучила всѣ пѣсни, что онъ игралъ, и бывало ребенкомъ уже, любила подтягивать ему своимъ тоненькимъ серебристымъ голоскомъ.

Съ годами голосъ ея окрѣпъ и выровнялся, обратившись постепенно въ такой чистый, свѣжій и пріятный, что самъ Иванъ Яковлевичъ, въ душѣ котораго безсознательно для него самого жилъ истинный художникъ и музыкантъ, порой невольно заслушивался ея, когда она пѣла бывало, сидя за какимъ-нибудь шитьемъ.

Всѣ „гости“ очень любили Настеньку и ласкали ее, еще когда она была миловидной дѣвочкой, которую ради забавы не разъ заставляли бывало пѣть, но за послѣдніе годы эта прежняя забава для многихъ изъ посѣтителей Ивана Яковлевича, между которыми было не мало знатоковъ и любителей музыки, превратилась уже въ серьезное наслажденіе. Къ Настенькѣ видимо перешелъ отцовскій талантъ, хотя и выразившійся у нея въ нѣсколько иной формѣ.

Также какъ и отецъ, она пѣла только старинныя русскія пѣсни, которыя, должно быть, невольно запечатлѣлись въ душѣ ея и которыя она передавала голосомъ также художественно, какъ отецъ гитарой.

Главная прелесть ея пѣнія была въ томъ, что она пѣла совсѣмъ просто, безъискусственно, какъ-бы не сознавая даже того очарованія, которое производила на слушателей, пѣла такъ, какъ понимала ихъ своей нехитростной и несложной душой, какъ сами онѣ вливались ей въ эту душу, будя тамъ, должно быть, каждый разъ что-то прекрасное, но непонятное ей самой...

Пѣть она очень любила и всегда съ видимой охотой отзывалась на просьбы, но Степанида Игнатьевна, находившая, что совсѣмъ дѣвушкѣ не надобно при чужомъ народѣ распѣвать, разрѣшала ей это только для самыхъ почетныхъ гостей или будучи сама ужь въ очень хорошемъ расположеніи духа.

Бывало, пріѣдетъ къ Ивану Яковлевичу кто-нибудь изъ его поклонниковъ и начнутъ и Настеньку упрашивать за одно немножко попѣть. Но Настенька шьетъ себѣ что-нибудь на машинѣ, проворной рукой быстро вертя колесо, либо бѣгая, позвякивая ключами, всегда бренчавшими у нея въ кар-

манѣ вмѣстѣ съ наперсткомъ и ножницами, и помогаетъ матери въ чемъ-нибудь по хозяйству.

— Некогда мнѣ, говоритъ она поспѣшно, куда-то пробѣгая, сегодня варенье будемъ варить!

— Да бросьте вы — упрашиваютъ ее—поспѣетъ ваше варенье, ну пожалуйста, ну хоть одну пѣсню только!

— Некогда, маменька браниться будетъ.

За то если обстоятельства слагались для посѣтителей такъ счастливо,—ни варенье не надо было варить, ни маменька не бранилась—то Настенька приходила въ гостиную, садилась на стулъ подлѣ отца и спрашивала своимъ безъучастнымъ голосомъ.

— Ну что же вамъ спѣть?

— Ну что вы сами больше любите, то и спойте.

— Да мнѣ все равно, я все люблю!

— Спой не бѣлы снѣги, скажетъ Иванъ Яковлевичъ, настраивая свою гитару.

— Ну, не бѣлы снѣги, такъ не бѣлы снѣги... соглашается Настенька, которой въ эту минуту и дѣйствительно рѣшительно все равно, что ни пѣть, лишь бы скорѣе отвязаться.

И пока Иванъ Яковлевичъ возится съ гитарой, подлаживая ее подъ голосъ дочери, Настенька сидитъ такъ безъучастно, съ такимъ равнодушно соннымъ лицомъ, что, глядя на нее, даже не вѣрится какъ-то, что вотъ она сейчасъ запоетъ и все невольно заслушается ея.

Но Иванъ Яковлевичъ настроилъ гитару, и Настенька запѣла, сначала точно даже неохотно, все съ тѣмъ же равнодушіемъ и въ голосѣ, и въ глазахъ, но чрезъ нѣсколько мгновеній она вдругъ точно начинаетъ постепенно преображаться.

Лицо оживляется и чуть-чуть блѣднѣетъ, въ глазахъ зажигается новое какое-то словно удивленное немного выраженіе, точно она сама прислушивается къ себѣ и не вѣритъ, что это она поетъ....

И чѣмъ дальше она поетъ, тѣмъ чудеснѣе все звучитъ ея голосъ, тѣмъ ярче озаряется апатичное лицо ея, какимъ-то глубокимъ душевнымъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ такъ измѣняетъ и краситъ ее всю, что отъ Настеньки жаль глаза оторвать. И смотря на нее, невольно кажется, что она съ каждой минутой все дальше и дальше уходитъ куда-то отъ всего окружающаго, и не слышитъ, и не понимаетъ ничего уже кромѣ своей пѣсни... И сколько тоски въ ея звукахъ и страсти, не

бурной и мятежной, но глубокой и нѣжной, что они все глубже западаютъ вамъ въ душу, все больнѣе хватаютъ васъ за сердце и невольно будятъ въ васъ ту знакомую русскому человѣку какую-то щемящую, но сладкую тоску, отъ которой не то плакать хочется, не то удаль какая-то просыпается...

Разъ что Настенька уже рѣшилась, она уже поетъ, видимо наслаждаясь сама, и тогда она готова уже пѣть безъ конца, пѣсню за пѣсней, и все лучше, все душевнѣе, и самой ей точно жаль и больно оторваться отъ нихъ и кончить.

И пока Настенька поетъ, всѣ точно замрутъ, слушая ее, никто не шелохнется и, затаивъ дыханіе, не отрываютъ отъ нея глазъ... Точно она всѣхъ зачаруетъ какъ-то и даже потомъ, когда Настенька уже кончитъ и уйдетъ опять, отозванная Степанидой Игнатьевной, очарованіе это долго еще не пропадаетъ и сама Настенька и всѣ слушавшіе ее ходятъ первыя минуты точно въ дурманѣ какомъ-то.

Но черезъ полчаса Настенька возвращается изъ кухни, гдѣ помогала въ чемъ-нибудь матери, уже совсѣмъ спокойная, поглощенная опять однимъ своимъ хозяйствомъ или шитьемъ, и только на щекахъ ея играетъ еще чуть замѣтное теперь уже розовое пятно, оставшееся отъ ея волненія... И снова смотря на ея простоватое лицо, снова не вѣришь, что это она только-что пѣла сейчасъ....

Несомнѣнно, что среди многочисленной публики, посѣщавшей Ивана Яковлевича, у Настеньки было не мало поклонниковъ, но все это были поклонники какъ-то почти исключительно ея пѣнія, а почему-то точно не ея самой. Помимо этого пѣнія она какъ-бы не имѣла въ глазахъ ихъ особенной прелести и привлекательности. Быть можетъ, это происходило отъ того, что Настенька сама по себѣ и дѣйствительно была мало интересная дѣвушка, не смотря на свое миловидное личико, а главное потому еще вѣроятно, что поклоняться Настенькѣ въ качествѣ жениховъ, врядъ ли имѣлись охотники изъ посѣщавшихъ ихъ домъ, а на другія поклоненія уже изъ одного уваженія къ Ивану Яковлевичу не рѣшались, да и Степанида Игнатьевна была дама такая въ этомъ отношеніи, что немногіе рискнули бы прогнѣвить ее подобнымъ образомъ.

Ей не нравилось и чисто музыкальное ухаживаніе за ея дочерью, особенно если къ нимъ присоединялись еще совѣты серьезно заняться своимъ талантомъ, чтобы впослѣдствіи поступить на сцену.

— Еще что выдумали, право! говорила съ неудовольствіемъ на это Степанида Игнатьевна.—Дѣвушкѣ замужъ пора, а они ей ни вѣсть что́ въ голову вбиваютъ! Не такой она семьи, чтобы на такое дѣло рѣшилась, не объ сценахъ ей вашихъ думать теперь слѣдуетъ, а о томъ, какъ-бы Господь Богъ хорошаго мужа послалъ, да помогъ бы вѣкъ свой прожить честно и безбѣдно! Только даромъ дѣвичью душу смущаете!

Впрочемъ, врядъ-ли Настенька очень всѣмъ этимъ смущалась, должно быть, въ глубинѣ души она больше сочувствовала материнскимъ желаніямъ, чѣмъ блестящимъ пророчествамъ своихъ поклонниковъ, и на всѣ подобные разговоры и совѣты, только равнодушно отмалчивалась, да улыбалась, словно бы находя ихъ такими глупостями, на которыя и отвѣчать-то не стоило.

Особенно сердилъ въ этомъ отношеніи Степаниду Игнатьевну одинъ актеръ, Щербаковъ, который сталъ бывать у нихъ особенно часто въ послѣдній годъ.

Щербаковъ былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 30 не больше, видный, красивый и по слухамъ чрезвычайно талантливый. Онъ былъ изъ довольно богатыхъ помѣщиковъ, былъ въ университетѣ, въ которомъ шелъ прекрасно все время, но вдругъ бросилъ его и сталъ играть, втягиваясь въ это все больше и больше, кончилъ тѣмъ, что и совсѣмъ поступилъ въ актеры и уѣхалъ въ провинцію, гдѣ пользовался большимъ успѣхомъ и даже извѣстностью. Къ несчастью, онъ пилъ, и это видимо отражалось какъ на дальнѣйшемъ развитіи его таланта, такъ и на состояніи, которое за эти годы онъ успѣлъ спустить почти все и отъ котораго уцѣлѣли только крохи.

Степанида Игнатьевна питала къ нему тройную антипатію, какъ къ актеру вообще, какъ къ пьяницѣ въ особенности (хотя у нихъ въ домѣ Щербаковъ пилъ не больше другихъ), а главное потому, что онъ чаще и горячѣе всѣхъ другихъ убѣждалъ Настеньку учиться и поступать на сцену.

Степанида Игнатьевна давно бы ужь перестала принимать его, еслибы не удерживало ее лишь то, что Щербаковъ привезъ къ нимъ купца Мыльникова, бывшаго въ большой дружбѣ съ Щербаковымъ, котораго Степанида Игнатьевна очень уважала за его богатство и щедрые подарки. Но порой она все-таки теряла терпѣніе и по уходѣ Щербакова вдругъ набрасывалась на мужа.

— Долго ты еще съ этимъ пьяницей возиться будешь? накидывалась она на него совершенно неожиданно.

Иванъ Яковлевичъ, всегда немного робѣвшій и тревожившійся, какъ только рѣчь супруги обращалась прямо къ нему, смущено оправдывался.

— Чѣмъ же онъ пьяница, Степанида Игнатьевна? Пьетъ какъ всѣ пьютъ...

— Ну, ну, молчи, я ужь получше твоего знаю, какъ пьетъ—а ты лучше прямо отвѣчай, долго ли ты съ нимъ еще водиться-то будешь?

— Да, вѣдь не выгнать же мнѣ его, Степанида Игнатьевна...

— А вотъ онъ дождется ужо, что я сама его выгоню!..

Иванъ Яковлевичъ только тихонечко вздыхалъ и умолкалъ, отходя подальше въ сторонку къ окошечку, и уныло посматривая въ него.

Ему Щербаковъ былъ, наоборотъ, очень пріятенъ почему-то, и онъ всегда встрѣчалъ его, хотя съ молчаливой, но самой искренной и привѣтливой улыбкой.

Быть можетъ, душа артиста безсознательно чувствовала сродную себѣ душу и инстиктивно понимала, что Щербаковъ искреннѣе и глубже наслаждается его игрой, чѣмъ многіе другіе, а потому ему онъ игралъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Иногда Щербаковъ, и самъ не дурно игравшій и пѣвшій, разыгрывалъ съ нимъ дуэты, а если Степаниды Игнатьевны не было, то къ нимъ присоединялась и Настенька, и тогда они втроемъ пѣли и играли по нѣсколько часовъ сряду, не замѣчая, какъ проходилъ часъ за часомъ, и въ комнату наползали уже сумерки, и только трепетный свѣтъ лампады, отъ котораго по стѣнамъ и по полу ползали длинныя лучеобразныя тѣни, слегка освѣщалъ ее.

И въ эти дни Иванъ Яковлевичъ игралъ съ искреннимъ наслажденіемъ и одушевленіемъ, да и сама Настенька пѣла тогда, кажется, еще лучше обыкновеннаго.

Но Степанида Игнатьевна возвращалась, Настенька поспѣшно зажигала лампу, Щербаковъ скоро уходилъ, провожаемый косыми взглядами и недружелюбнымъ ворчаньемъ хозяйки, а Ивану Яковлевичу и Настенькѣ порядкомъ доставалось.

„Сердце матери“ какъ говорила Степанида Игнатьевна чуяло, почему зачастилъ къ нимъ вдругъ этотъ Щербаковъ.

— Не къ добру ужь, говорила она себѣ мысленно, чуетъ мое сердце, кого онъ это обхаживаетъ! Мой пентюхъ-то простъ, у него на глазахъ, что хочешь, дѣлай, ничего не замѣтитъ, ну, а меня-то не проведешь, не на таковскую, братецъ, напалъ!

И съ нѣкоторыхъ поръ, по приходѣ Щербакова, Степанида Игнатьевна хваталась уже не за карманъ, ища, тамъ ли ключи отъ завѣтнаго шкафа—а думала о томъ, гдѣ Настенька, и не успокоивалась до тѣхъ поръ, пока та не являлась на кухню, и Степанида Игнатьевна придумывала ей какое-нибудь такое дѣло, которое безотлучно продерживало ее на кухнѣ часа по два сряду. А сама между тѣмъ все время зорко посматривала на дочь, но несмотря на всю свою „смекалку“, никогда не могла разобрать, непріятно Настенькѣ, что мать задерживаетъ ее въ кухнѣ, когда въ гостиной сидитъ Щербаковъ, или же ей это все равно, и она, чистая сердцемъ и помыслами, даже и не замѣчаетъ материнскихъ хитростей.

Иногда Степанида Игнатьевна, чтобы лучше вывѣдать дочку, пускалась съ ней даже въ дипломатію.

— Да тебѣ, можетъ, некогда крупу теперь выбирать? спрашивала она у нея нарочно ласковѣе, чтобы не запугать.

— Отчего некогда, все равно,—отвѣчала Настенька равнодушно.

— Да тебѣ, можетъ, въ комнаты хочется, продолжала Степанида Игнатьевна все вкрадчивѣе и ласковѣе.

— Да что же мнѣ въ комнатахъ дѣлать?

— Ну такъ, попѣть, можетъ, охота...

— Некогда мнѣ сегодня пѣть-то! У меня Машѣ еще платье не кончено, къ вечеру безпремѣнно кончить хочу, да вотъ и Сашенька-то что-то плохо шить стала, нужно сказать будетъ! И лицо и голосъ Настеньки были при этомъ такіе спокойные и равнодушные, что и сама Степанида Игнатьевна постепенно совершенно успокоивалась.

Но скоро сомнѣнія Степаниды Игнатьевны наконецъ разрѣшились, и случилось это вотъ какъ:

Пошла она разъ ко всенощной съ младшими дѣтьми, а Ивана Яковлевича еще до обѣда увезъ „поиграть къ себѣ“ одинъ знакомый.

Въ домѣ осталась только Ѳекла да Настенька, такъ какъ Степанида Игнатьевна никогда не рѣшалась оставить домъ на одну только Ѳеклу.

Когда всѣ ушли, Настенька противъ обыкновенія не стала

работать, считая это подъ всенощную большимъ грѣхомъ, а присѣла, не зажигая даже лампы къ окошку, и тихо напѣвая, и прислушиваясь къ благовѣсту, звучно разливавшемуся въ вечерней тишинѣ, смотрѣла на рѣдкихъ прохожихъ, быстро мелькавшихъ мимо окна темными силуэтами.

А Θекла, воспользовавшись отсутствіемъ хозяйки, прилегла немножко „вздремнуть“ и вздремнула такъ сладко, что не слыхала не только звонка, задребезжавшаго въ передней, но даже и того, какъ будила ее Настенька, которая послѣ тщетныхъ усилій разбудить ее, пошла наконецъ, думая, что это вернулся отецъ, сама отворить дверь. Но это былъ не онъ, а Щербаковъ.

— Ахъ, это вы? удивилась слегка Настенька, а я думала папенька.

— А развѣ Ивана Яковлевича нѣтъ дома? спросилъ съ невольнымъ смущеніемъ, не то отъ пріема хозяйки, не то отъ чего-то другаго, Щербаковъ.

— Его Алексѣй Григоричъ еще утромъ увезъ.

— А Степанида Игнатьевна?

— И маменьки нѣтъ, никого нѣтъ, всѣ ко всенощной пошли.

Щербаковъ задумчиво стоялъ на порогѣ, видимо не желая уходить, но въ то же время не рѣшаясь и зайти, тѣмъ болѣе, что Настенька совсѣмъ не намѣревалась, кажется, приглашать его, хотя впрочемъ не выражала также и желанія запереть предъ нимъ дверь и уйти.

Нѣсколько минутъ они постояли молча, наконецъ Щербаковъ съ какой-то сконфуженно просящей улыбкой на лицѣ рѣшился спросить ее.

— А войти, подождать Ивана Яковлевича, можно?

Настенька помолчала и подумала немножко о чемъ-то.

— Да онъ, можетъ, не скоро вернется, сказала она неопредѣленно, какъ-бы колеблясь и сама, пускать ей поздняго гостя или нѣтъ.

— А можетъ быть и скоро! замѣтилъ съ улыбкой Щербаковъ.

— Можетъ быть и скоро, согласилась безучастно Настенька, но все еще стояла на порогѣ.

— Такъ позволите войти?

Настенька нерѣшительно, словно чего-то боясь, оглянулась по сторонамъ, подумала еще немного, потомъ пожала слегка плечами и отстранилась съ порога, давая ему мѣсто пройти.

Щербаковъ вошелъ, снялъ свою шубу, самъ повѣсилъ ее, хотя Настенька и окликнула еще разъ Феклу, безуспѣшно впрочемъ, больше вѣрно для очищенія совѣсти, и отворила дверь въ гостиную.

Но когда онъ вошелъ туда, ей вдругъ стало вѣрно страшно, она поспѣшно подошла къ лампѣ, и стала торопливо зажигать ее, тихо какъ-будто дрожащими руками, какъ-то недовѣрчиво и тревожно посматривая на своего гостя.

Щербаковъ тоже казался какимъ-то смущеннымъ и взволнованнымъ.

— Неужели вы хотите зажечь лампу? съ сожалѣніемъ спросилъ онъ, замѣтивъ, что она взяла спички. Посмотрите, какой тутъ тихій, хорошій свѣтъ, посидимте лучше такъ...

— Что же мы въ потемкахъ сидѣть будемъ, ничего не видно...

— Все видно! я васъ прекрасно вижу, и къ тому же я такъ люблю видѣть васъ при свѣтѣ одной только лампады. Что-то чистое, прекрасное свѣтится тогда и въ васъ самой... Спойте мнѣ лучше что-нибудь, Настасья Ивановна.

— Ну вотъ тоже что̀ выдумали, подъ всенощную вдругъ пѣсни пѣть! сказала сердитымъ, непривычнымъ для нея самой голосомъ, Настенька и торопливо чиркнула спичку. Напрасно, проговорилъ Щербаковъ, слѣдя съ какимъ-то грустнымъ сожалѣніемъ за тѣмъ, какъ въ ея рукѣ вспыхнулъ синеватый, фосфорическій огонекъ и, быстро вытянувшись въ желтоватый, острый язычекъ, освѣтилъ комнату.

— Ну да Богъ съ вами, спасибо и за то, что пустили... не побоялись...

Настенька отошла отъ стола и безцѣльно сѣла на первый попавшійся стулъ, стараясь не глядѣть на Щербакова, но въ лицѣ и голосѣ его было сегодня что-то особенное, разстроганное и нѣжное, что, должно быть, замѣтила невольно и она, и вѣрно ей стало грустно и жалко его почему-то, и она отвѣтила ему уже болѣе ласково.—Чего же мнѣ васъ бояться... не первый день знакомы... И въ лицѣ ея, при этихъ словахъ, мелькнуло что-то доброе и даже грустное.

— И спасибо вамъ за это, большое спасибо...

Щербаковъ видимо чѣмъ-то волновался и держалъ какъ-будто на душѣ что-то такое, что ему хотѣлось высказать, но что-то точно останавливало и смущало его, и онъ только нервно

ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и низко нагнувъ свою курчавую голову.

— Еслибы вы знали, заговорилъ онъ вдругъ, останавливаясь прямо передъ ней,—какъ я радъ, что засталъ васъ наконецъ одну, какъ давно я мечталъ объ этомъ... Теперь по крайней мѣрѣ, я могу вамъ высказать все, Настасья Ив... нѣтъ не Настасья Ивановна, для меня вы Настенька, просто милая, чудная Настенька, которую я такъ люб... Нѣтъ, не бойтесь! воскликнулъ онъ вдругъ съ жаромъ, замѣтивъ, что она сдѣлала испуганное движеніе.—Еслибы вы только могли понять, какъ вы мнѣ дороги... Вѣдь для меня каждый волосокъ вашъ священенъ! Могу ли же я оскорбить, напугать васъ! Ахъ, Настенька, Настенька, еслибы вы только поняли то! Ну, я уйду, если вы такъ боитесь меня. Уйти мнѣ, Настенька? Скажите только, я сдѣлаю все, что вы захотите, что вы скажете, лишь бы вы только не боялись, не бѣжали отъ меня.

„Ахъ, Господи“, подумала съ тоской Настенька, „вотъ, что-то маменька про это скажетъ!“ И мысль эта такъ пугала ее, что она не только уже не старалась понимать, но даже и не слушала того, что онъ говорилъ ей, тревожно прислушиваясь только, не звонитъ ли возвратившаяся мать.

— Уйти мнѣ, Настенька? съ тоской смотря на нее, спрашивалъ Щербаковъ.

Настенька мелькомъ взглянула на него, и опять въ лицѣ ея появилось при этомъ что-то словно нѣжное.

— Чего же уходить, коли пришли! сказала она грустно, но словно нехотя.—Можетъ быть, и маменька теперь уже скоро воротится.

— Настенька, вѣдь другаго такого случая мнѣ ужь не представится! заговорилъ онъ опять съ жаромъ.—Вѣдь развѣ я не замѣчаю, какъ васъ отъ меня прячутъ! вѣдь развѣ не для васъ одной я переношу всѣ оскорбленія Степаниды Игнатьевны! Вѣдь развѣ пошелъ бы я изъ-за нихъ опять сюда, еслибы не вы! Ивана Яковлевича я вездѣ бы могъ видѣть! Но вы, Настенька, вѣдь это къ вамъ меня такъ тянетъ, на васъ взглянуть лишній разъ, васъ послушать я иду, иду, какъ собака, которую гонятъ, бьютъ, а она все-таки идетъ, не можетъ не идти, и я не могу! Настенька, ну взгляните хоть на меня, ну скажите мнѣ хотя, что вы поняли меня,—вѣдь я же люблю васъ, Настенька! Господи, какъ люблю.

Настенька молча стояла у окна, не поворачиваясь и не

глядя на него, но Щербаковъ насильно взялъ ея руку и, силою повернувъ ее къ себѣ, пытливыми, влюбленными и страдающими взорами, впился въ ея лицо, какъ-бы желая хоть на немъ прочесть, что она думаетъ и чувствуетъ.

Лицо ея было не то грустно, не то сердито, но скорѣе почти также спокойно, какъ и всегда...

— Настенька, да вы-то любите ли меня, или... или вамъ и дѣйствительно все-равно! Что же вы молчите? Скажите мнѣ прямо, Настенька...

— За что же мнѣ не любить васъ, Александръ Николаевичъ! тихо и полувопросительно отвѣтила она, не глядя на него, но и не отнимая отъ него своей руки.

— Ахъ, да нѣтъ, Настенька! страстно воскликнулъ онъ, крѣпко сжимая ея руки.—Развѣ *такъ* любятъ! Чувствуете вы, какъ я васъ люблю, какъ я мучаюсь, чуть съ ума не схожу, дѣлать, думать ни о чемъ, кромѣ васъ не могу,—вотъ, какъ любятъ, когда любятъ! А не то, что „за что же мнѣ васъ не любить, Александръ Николаевичъ!“

И онъ съ горечью бросилъ ея руки и взволнованно заходилъ по комнатѣ. Настенька молчала, оставаясь неподвижной у окна, и только незамѣтно, искоса бросала на него не то грустные, не то просто только безпокойные взгляды.

Наконецъ онъ немного успокоился и снова подошелъ къ ней.

— Настенька, заговорилъ онъ, смотря съ растроганной нѣжностью въ ея глаза.—Хотите быть моей женой?

Настенька вздрогнула и испуганно взглянула на него.

— Какъ это? проговорила она съ какимъ-то удивленіемъ и недовѣріемъ.—За актера-то?

— Господи! воскликнулъ онъ,—да развѣ актеръ не человѣкъ?!

Настенька немного точно сконфузилась, понявъ, должно быть, что она обидѣла.

— Конечно, человѣкъ, сказала она тихо,—только маменька никогда этого не позволитъ.

— Маменька не позволитъ! воскликнулъ онъ горько.—Маменька! Ахъ, Настенька! Ну, какъ мнѣ все это объяснить вамъ, какъ научить понимать васъ? Сразу ничему не выучишь! Дитя мое, вѣдь маменька ваша человѣкъ старый, она не въ томъ выросла, не такъ воспиталась, ее не передѣлать и ей естественно не понимать всего этого! Но

вы, Настенька, вѣдь вы молодое, малоопытное созданіе, вамъ надо учиться! Вамъ-то слѣдуетъ понимать и развивать свой талантъ, и умъ, и душу! Вѣдь вамъ грѣшно и стыдно, такъ добровольно, собственными руками, притуплять и заглушать даръ, который Господь вамъ даровалъ, только потому, что маменька этого не понимаетъ и не велитъ! Слушайте, Настенька, слушайте, дорогая моя, все, что я вамъ скажу и поймите, заставьте себя понять! Если вы выйдете за меня замужъ, Иванъ Яковлевичъ любитъ меня, я знаю, онъ противиться не станетъ, а маменьку вашу мы тоже уговоримъ какъ-нибудь, какъ? теперь, сейчасъ я этого не знаю, не могу сказать, но если вы только дадите мнѣ слово, то я ужь придумаю впослѣдствіи, какъ все это устроить! Но если вы выйдете за меня замужъ, я буду работать, какъ волъ, продамъ тотъ клочекъ земли, который у меня остался, лишь бы только увеличить средства для вашего образованія. Вы будете учиться у самыхъ лучшихъ учителей музыки, подъ ихъ руководствомъ у васъ окончательно разовьются и даръ, и голосъ! Если нужно будетъ, повезу васъ доучиваться заграницу. Положимъ, теперь я уже почти совсѣмъ бѣденъ, но все же не нищій, хоть крохи отъ прежняго состоянія, но остались же, а главное вѣдь и у меня также есть силы и здоровье, и талантъ, такъ что пока вы будете учиться, клянусь вамъ, что не будете знать нужды! Да наконецъ, хоть своего не хватитъ, займу у брата, онъ человѣкъ богатый, у Мыльникова даже! Боже мой, да на такое святое дѣло каждый дастъ! Вѣдь вы сами, Настенька, не понимаете, какая въ васъ сила таится! Да, я все, все отдамъ, всѣ силы положу, лишь бы только развить ее въ васъ, лишь бы только выработать изъ васъ человѣка и артистку, настоящую, недюжинную артистку. Вы поступите на сцену, поймете суть жизни, искусство, все прекрасное, весь міръ откроется передъ вами, вся ваша душа переродится, и тогда вы, наконецъ, прозрѣете и сознаете сами всю силу той искры Божіей, которую вложилъ вамъ въ душу Самъ Господь.

Онъ говорилъ охваченный вдохновеніемъ, все горячѣе и убѣдительнѣе и страстно сжимая ея руки, не отводилъ отъ лица ея своихъ сіяющихъ восторгомъ и вдохновеніемъ глазъ, какъ-бы желая перелить чрезъ нихъ въ ея душу весь свой умъ, всю вѣру, все свое пониманіе, которыхъ сама она была лишена.

И дѣйствительно его восторженный порывъ постепенно

какъ-бы захватилъ и ее. Лицо ея тоже слегка разгорѣлось, и она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, въ которыхъ вспыхивало то удивленіе, то робость, то что-то новое, что неожиданно для нея самой поднялось гдѣ-то въ самой глубинѣ ея души и будило тамъ какія-то робкія и смутныя еще, но уже охватывавшія ее сладкимъ волненіемъ желанія.

И когда онъ замолчалъ, съ восторгомъ смотря на ея преобразившееся лицо, она еще нѣсколько мгновеній молча стояла предъ нимъ, словно все еще пораженная какими-то новыми прекрасными видѣніями и мыслями, и еще не пришедшая въ себя...

Но чрезъ минуту лицо ея стало потухать, она отвела отъ него глаза и тихо высвободивши свои руки отъ его рукъ, отошла отъ него, съ какимъ-то печальнымъ сомнѣніемъ покачавъ головой.

— Полноте, Александръ Николаевичъ, сказала она грустно, но твердо — развѣ это возможно? Никогда маменька того не позволитъ, чтобы мнѣ за васъ замужъ пойти или на сцену поступить! Да и мнѣ самой что-за охота срамиться, только родителей даромъ огорчу, а толку изъ этого все равно никакого не выйдетъ! Какая ужь я пѣвица...

Онъ молча, съ тоской и болью на потухшемъ лицѣ, смотрѣлъ на нее:

— Не дерзнете? спросилъ онъ, горько вспоминая вдругъ выраженіе Ивана Яковлевича.

— Конечно, не слѣдъ это! и грѣхъ вамъ, Александръ Николаевичъ, смущать меня... прибавила она еще тише, и голосъ ея вдругъ задрожалъ, а въ глазахъ блеснули слезы.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ горячо — мнѣ не грѣхъ! скорѣй вамъ грѣхъ и за то, что талантъ свой сами въ землю зарываете и за... Ну да что тутъ! Простите, за то, что „смутилъ“ васъ хоть на минуту, только вѣрьте въ одно, Настенька, что не зла желаю я вамъ... Прощайте, милая!..

Онъ взялъ свою шапку и уже хотѣлъ идти, но вдругъ остановился.

— Я хотѣлъ бы только одного, чтобы вы хоть когда-нибудь послѣ поняли бы, какъ люблю я васъ, и какъ страстно и искренно хотѣлъ вамъ добра... Хотѣлъ вамъ свѣта вмѣсто тьмы!.. Да нѣтъ! прервалъ онъ горько самого себя, — никогда и ничего вы этого не поймете... нико... И вдругъ безсильно упавъ на стулъ и уронивъ голову на руки, онъ страстно и

мучительно зарыдалъ. Настенька поблѣднѣла и молча съ испугомъ смотрѣла на него, но вдругъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ на лицѣ подошла къ нему и наклонилась надъ нимъ и крѣпко поцѣловала его курчавую голову... Онъ весь вздрогнулъ и радостно схватилъ ея руку.

— Настенька, воскликнулъ онъ, привлекая ея къ себѣ— да вѣдь вы любите меня!..

Но Настенька уже опомнилась и точно сама испугалась того, что сдѣлала.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорила она, испуганно высвобождаясь отъ него—не люблю я васъ, Александръ Николаевичъ... и обманывать не хочу... только... только жалко васъ стало... А лучше вы и совсѣмъ къ намъ больше не ходите... я маменьку никогда не огорчу... не ослушаюсь ея...

И точно защищаясь отъ него, она подняла руки и отвернулась, чтобы не глядѣть на него...

— Уйдите лучше, Александръ Николаевичъ! Сказала она тихимъ какимъ-то виноватымъ голосомъ, но точно боясь, что онъ все-таки не уйдетъ, она вдругъ ушла сама въ сосѣднюю комнату и, оставивъ его одного, плотно затворила за собой дверь.

Щербаковъ еще нѣсколько минутъ молча оставался на своемъ мѣстѣ, смотря съ какой-то и тоской, и горечью, и болью на ту дверь, въ которую она ушла... точно ожидая, что Настенька или опять воротится, или позоветъ его...

Наконецъ, онъ тяжело поднялся, безнадежно махнувъ рукой, рѣшительно вышелъ изъ комнаты, уже не оглядываясь болѣе на запертую дверь, отдѣлявшую его отъ Настеньки.

. . . . . .

Такъ Степанида Игнатьевна и не узнала въ тотъ вечеръ не только объ объясненіи Щербакова, но даже и о томъ, что онъ былъ. Правда, Настенька показалась ей, когда она вернулась отъ всенощной, какой-то странной, точно „въ воду опущенной“, по ея выраженію, но, не зная о визитѣ Щербакова, она не придала этому особеннаго значенія и только уже на другой день поняла, въ чемъ было дѣло. На другой день былъ большой праздникъ. Вся семья Каливочкиныхъ, принарядившись въ воскресныя платья, отправилась въ церковь и, вернувшись оттуда и напившись кофею, Степанида Игнатьевна разрѣшила всѣмъ по случаю праздника полный отдыхъ.

Иванъ Яковлевичъ, закурилъ свою короткую трубочку, надѣлъ большіе черепаховыя, тоже подаренныя ему, очки и при-

нялся читать Степанидѣ Игнатьевнѣ, бывшей противъ обыкновенія тоже, вѣроятно, по случаю праздника, въ очень благодушномъ настроеніи, вслухъ „Петербургскую Газету“, которую она очень любила.

Настенька сидѣла тутъ же на своемъ любимомъ мѣстѣ подлѣ окна и, наклонившись надъ какимъ-то вышиваньемъ, больше помалкивала, впрочемъ особенно грустнаго или смущеннаго повчерашнему вида не имѣла. Но около двухъ часовъ пришелъ старинный поклонникъ Ивана Яковлевича, купецъ Веревкинъ, очень уважаемый Степанидой Игнатьевной, и почти въ тотъ часъ вмѣстѣ за нимъ пріѣхалъ неожиданно генералъ Кладищевъ, который не такъ впрочемъ собственно своей личностью, сколько массой звѣздъ и орденовъ, украшавшихъ его грудь, приводилъ обыкновенно Степаниду Игнатьевну въ полное умиленіе и даже трепетъ.

Генералъ привезъ съ собой и своего брата, профессора одного провинціальнаго университета, гостившаго у него теперь, страстнаго любителя народной музыки, котораго онъ нарочно привезъ послушать Ивана Яковлевича и Настеньку. Степанида Игнатьевна совсѣмъ засуетилась, угощая и занимая дорогихъ гостей и даже съ полнымъ безпрекословіемъ разрѣшила Настенькѣ принять участіе въ домашнемъ концертѣ.

Но противъ ожиданія Настенька воспользовалась ея разрѣшеніемъ какъ-то неохотно и первыя двѣ-три пѣсни пѣла настолько хуже обыкновеннаго, что Иванъ Яковлевичъ только съ огорченіемъ началъ поглядывать на нее.

Настенька видимо была не въ ударѣ и не оживилась даже отъ пѣнія, но гости, которымъ нравился уже одинъ ея свѣжій серебристый голосъ, все-таки упрашивали ее продолжать.

— Не ладится у ней сегодня что-то... сказалъ Иванъ Яковлевичъ, улыбаясь своей застѣнчивой милой улыбкой. Но генералъ увѣрялъ, что Настенька еще распоется. — Пускай только, — уговаривалъ онъ—Настасья Ивановна сама выберетъ, что пожелаетъ.

— Мнѣ все равно... сказала-было по своему обыкновенію Настенька, но, подумавъ о чемъ-то, точно мысленно выбирая пѣсню изъ своего репертуара, она тихо прибавила.—Развѣ соловушку спѣть!

— Отлично! подхватилъ обрадованный почему-то ея выборомъ генералъ—соловушку такъ соловушку, вы же его кстати от-

лично поете! Иванъ Яковлевичъ настроилъ гитару, и Настенька запѣла.

И съ первыхъ же словъ пѣсни голосъ ея зазвучалъ такъ хорошо и задушевно, что всѣ невольно почувствовали, что она наконецъ-таки одушевилась, и напрягли вниманіе, а генералъ, начинавшій уже досадовать на нее немножко за то, что она, какъ нарочно, именно сегодня, предъ его братомъ, предъ которымъ онъ такъ восхищался ею, не поддерживаетъ его отзывовъ, пріятно откашлялся и молча, но многозначительно, взглянулъ на профессора, какъ-бы говоря ему.

— А что я тебѣ говорилъ!

Сладко пѣлъ душа соловушка
Въ зеленомъ моемъ саду,
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ
Слаще не было одной....
— Ахъ, то пѣснь была завѣтная
Рвала бѣдну грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлося,
Не разсталась бы вѣкъ съ ней....

Настенька пѣла, и розовое личико ея все больше блѣднѣло, въ глазахъ свѣтилось какое-то странное затаенное выраженіе, и голосъ ея звучалъ все тоскливѣе и тоскливѣе... Но вдругъ онъ какъ-то дрогнулъ и оборвался, въ лицѣ ея мелькнуло что-то испуганное и жалкое, она всхлипнула и поспѣшно закрыла лицо обѣими руками. Произошло всеобщее смущеніе, бѣдный Иванъ Яковлевичъ совсѣмъ растерялся и испуганно бросился къ ней.

— Господи, Настенька, Христосъ съ тобою... что ты, голубка! Господи, Боже ты мой, съ чего это, никогда съ ней этого не бывало... говорилъ онъ, самъ чуть не плача отъ испуга за дочь.

— Ничего, Иванъ Яковлевичъ, не безпокойтесь, это вѣрно просто нервное! успокоивалъ его, тоже немножко смутившійся и ошеломленный такимъ неожиданнымъ концомъ, генералъ, наливая поспѣшно воду изъ графина въ стаканъ.

Настенька тихо плакала, не отнимая рукъ отъ лица, она не рыдала, но только пышный станъ ея чуть-чуть колыхался, да изъ-подъ сложенныхъ пальцевъ быстро струились слезы...

— Выпей водицы, Настенька...упрашивалъ ее жалобно Иванъ Яковлевичъ, стараясь вмѣстѣ съ генераломъ отвести отъ ея лица руки и заставить ее отхлебнуть воды.

Но Настенька вдругъ встала.

— Нѣтъ, папенька, сказала она тихо,—оставьте меня, я лучше уйду...—и слегка отстранивъ отъ себя его и генерала, она молча, ни на кого не глядя, прошла чрезъ комнату и скрылась за дверью.

Первую минуту всѣ имѣли какой-то сконфуженный и потерянный видъ.

— Никогда съ ней этого не бывало, смущенно повторилъ Иванъ Яковлевичъ и все порывался пойти за Настенькой, но генералъ отговорилъ его.

— Нѣтъ, Иванъ Яковлевичъ, вы ее лучше оставьте одну, она такъ скорѣй успокоится! говорилъ онъ, удерживая старика.

— Артистическая натура... тихо и какъ-то нервно моргая глазами, точно самъ боясь заплакать, проговорилъ ни къ кому собственно не обращаясь, профессоръ, человѣкъ видимо нервный и впечатлительный, который и самъ совершенно поблѣднѣлъ во время этого маленькаго происшествія.

— Да вѣдь пѣсня-то ужь больно жалкая, сказалъ, посмѣиваясь чему-то, старикъ Веревкинъ,—такъ за сердце и тянетъ, поневолѣ заплачешь, а дѣвичье дѣло — нѣжное, ну и взгрустнулось...

— Никогда съ ней этого не бывало,—повторилъ опять Иванъ Яковлевичъ, растерянно прислушиваясь ко всѣмъ успокоеніямъ, но, повидимому, не вполнѣ ими все-таки успокоивающійся.

— Вотъ моя Аграфена Петровна, продолжалъ Веревкинъ, женщина ужь, слава тебѣ, Господи, въ лѣтахъ, а и то какъ пѣть, такъ сейчасъ и плакать! И откуда что берется!

Иванъ Яковлевичъ однако не утерпѣлъ и хотя самъ не пошелъ, но за то послалъ къ Настенькѣ Степаниду Игнатьевну, которая занималась на кухнѣ приготовленіемъ закуски, ничего не слыхала и такъ поразилась словами мужа, когда тотъ пришелъ разсказать ей, что случилось съ Настенькой, что въ первую минуту только молча, съ полнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на Ивана Яковлевича, какъ-бы склонная скорѣй предположить, что самъ старикъ чего-то путается и заговаривается уже отъ старости, чѣмъ съ ея Настенькой могло дѣйствительно случиться что-нибудь подобное.

Но потомъ, снявъ съ себя вдругъ для чего-то передникъ и ничего не отвѣтивъ даже Ивану Яковлевичу, пошла прямо къ дочери.

— Ты что это? спросила она строго, но съ тревогою въ душѣ, входя къ Настенькѣ, которая уже не плакала, а молча сидѣла

на стулѣ и, уронивъ руки на колѣни, смотрѣла куда-то вдаль не то печальными, не то просто застывшими на одной точкѣ, заплаканными, глазами.

— Ты что это? проговорила Степанида Игнатьевна, становясь прямо противъ дочери и пытливо смотря на нее.

Настенька ничего не отвѣтила, только молча подняла на нее глаза и снова сейчасъ же опустила ихъ.

Степанида Игнатьевна тоже молчала, подозрительно и тревожно вглядываясь въ дочь, и вдругъ ее точно вдохновеніе какое осѣнило.

— Щербаковъ вчера безъ меня приходилъ? спросила она скорѣе утвердительно, чѣмъ вопросительно.

— Приходилъ... тихо, не глядя на нее, отвѣтила Настенька.

— А что онъ съ тобой говорилъ?

Настенька помолчала съ минуту, какъ-бы колеблясь, признаться матери въ томъ, что онъ ей говорилъ, или нѣтъ. Но Степанида Игнатьевна, не отводя отъ дочери острыхъ, насквозь проникающихъ глазъ, повторила еще строже и настойчивѣе.

— Что же онъ тебѣ говорилъ?

— Замужъ звалъ... еще тише сказала Настенька.

— Замужъ?—протянула какъ-будто безъ всякаго негодованія или удивленія Степанида Игнатьевна, но лицо ея побагровѣло, и брови сердито сдвинулись.

— Ну вотъ что́, дѣвушка,—обратилась она вдругъ къ дочери совсѣмъ спокойно, но такъ рѣшительно, что сердце Настеньки дрогнуло и похолодѣло отъ предчувствія, — больше Щербакова ты ужь не увидишь, да и во снѣ ты объ немъ лучше не вспоминай, а вотъ, послѣ сегодняшняго сраму, ты у меня распѣвать при чужомъ народѣ тоже, матушка, больше ужь не будешь! Пой, коли охота есть, когда одна сидишь, ну а при народѣ и думать забудь! Хорошенькаго по-немножку, побаловалась, посрамилась, да и полно, теперь и дѣломъ заняться пора! И ты приказъ мой этотъ живая и мертвая запомни! Слыхала?

Настенька молча, съ безмолвнымъ ужасомъ въ глазахъ, смотрѣла на мать, и въ неподвижномъ лицѣ ея при послѣднихъ словахъ матери, разлилось вдругъ столько горя и отчаянія, что только въ эту минуту поняла Степанида Игнатьевна, какъ любила въ сущности Настенька свой даръ и на какую мучительную жертву обрекала она ее. Но Степанида Игнатьевна только переспросила еще тверже и непрекословнѣе:

*

— Слышала?..

— Слышала... прошептала Настенька упавшимъ голосомъ.

— Ну такъ то-то же!

И ничего больше не сказавъ, Степанида Игнатьевна гнѣвно вышла изъ комнаты, окончательно рѣшивъ въ душѣ, что съ сегодняшняго дня уже серьезно займется устройствомъ дочерней судьбы.

„Будетъ, слава тебѣ Господи,— говорила она себѣ, съ волненіемъ негодуя, впрочемъ, больше на самое себя за попущеніе власти, чѣмъ на Настеньку. — Дождалась сраму, теперь и предѣлъ положить можно!“...

. . . . . .

Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось уѣхать и совсѣмъ потерять изъ вида семью Каливочкиныхъ, но, вернувшись лѣтъ черезъ 7 въ Петербургъ и невольно вспомнивъ объ нихъ, мнѣ безъ труда удалось снова найти ихъ на старомъ мѣстѣ.

Они жили все тамъ же, и не только жизнь ихъ, но и сами они мало чѣмъ измѣнились за эти годы. Только дѣти подросли, такъ что мѣсто давно уже вышедшей замужъ Настеньки занимали теперь ея младшія сестры, дѣвушки лѣтъ по 17—18, очень похожія на нее, но не имѣвшія уже ея голоса и таланта.

Одинъ Иванъ Яковлевичъ замѣтно постарѣлъ и опустился. Онъ игралъ уже рѣже и меньше, а по слухамъ даже значительно хуже, такъ что Степанида Игнатьевна даже жаловалась мнѣ, что теперь его уже все рѣже и рѣже приглашаютъ играть къ разнымъ знатнымъ и богатымъ особамъ, вслѣдствіе чего и подарки замѣтно пооскудѣли.

За то сама Степанида Игнатьевна ходила все такимъ же молодцомъ, все также полновластно держала въ струнѣ весь домъ и все такимъ же звонкимъ и громкимъ голосомъ покрикивала на Ивана Яковлевича и остальной свой штатъ.

При моемъ вопросѣ, какъ поживаетъ Настенька и счастливо ли вышла замужъ, Степанида Игнатьевна сразу повеселѣла и принялась разсказывать и объ ней, и объ зятѣ не только съ видимымъ удовольствіемъ, но даже и съ нѣкоторой гордостью.

Настенька вышла замужъ уже почти 7 лѣтъ тому назадъ, за мучнаго торговца, человѣка солиднаго, зажиточнаго и прекраснаго, по словамъ Степаниды Игнатьевны. Жила она, по ея разсказамъ, отлично, мужъ ее любитъ, балуетъ, наряжаетъ, и объ нихъ, старикахъ, тоже заботится. Оказалось, что онъ былъ уже давнишній ихъ знакомый и принадлежалъ даже къ

числу поклонниковъ Ивана Яковлевича, а Настеньку зналъ еще дѣвочкой.

— Человѣкъ онъ, правда, вдовый, говорила она съ оживленіемъ, — отъ первой жены двое дѣтей осталось, ну да за то любитъ ее, и домъ, ужь можно сказать, полная чаша — лошади свои, магазины свои, домъ свой, все свое! Чего же еще больше? Оно, конечно, добавила она таинственно, Настенькѣ-то по первоначалу не очень-то за него, кажется, хотѣлось, ну да вѣдь на дѣвушекъ что смотрѣть, онѣ вѣдь своего счастья не разумѣютъ, и пословица-то не даромъ говоритъ, что „стерпится, — слюбится“.

— Ну, а что Щербаковъ, спросила я, — никогда его не видаете?

— Это непутевый-то? — сердито вскрикнула Степанида Игнатьевна, — извѣстно, пропалъ гдѣ-нибудь — подъ конецъ, говорятъ, совсѣмъ спился, тамъ, гдѣ-то въ Самарѣ или Костромѣ что-ли, и померъ тамъ.

— Хорошій былъ человѣкъ! сказалъ вдругъ тихо и грустно какъ-то Иванъ Яковлевичъ, сидѣвшій подлѣ насъ все время молча и тихо улыбавшійся мнѣ своей милой улыбкой, въ которой теперь было что-то словно тупое и безсознательное, отъ чего невольно, при взглядѣ на него, становилось больно и грустно.

— Ничего хорошаго не было, молчи ужь лучше, разсердилась Степанида Игнатьевна, — пьяница, какъ всѣ пьяницы! — и сейчасъ же, видимо желая отогнать отъ себя непріятныя воспоминанія, снова перевела разговоръ на болѣе пріятныя для нея темы.

— Ужь у Настеньки у самой теперь три сынка, разсказывала она съ сіяющей гордостью счастливой бабушки, — славные такіе мальчишки, хорошенькіе, очень меня утѣшаютъ, вотъ только дочки Богъ что-то не даетъ! прибавила она съ легкимъ вздохомъ.

Однако на этотъ разъ мое посѣщеніе Каливочкиныхъ вышло такъ удачно, что мнѣ пришлось увидѣть не только Настеньку, но даже и ея мужа.

Пока Степанида Игнатьевна приготовляла кофей и закуску, къ крыльцу неожиданно подъѣхала Настенька.

Она пріѣхала на маленькихъ саночкахъ, запряженныхъ прекраснымъ рысакомъ, которымъ правилъ самъ ея мужъ. Степанида Игнатьевна, увидѣвъ ихъ, очень обрадовалась и

засуетилась, встрѣчая дорогихъ гостей, почти также, какъ бывало суетилась при посѣщеніяхъ генераловъ.

Настенька съ мужемъ теперь видимо принадлежали тоже къ числу почетныхъ гостей. Мужъ ея былъ человѣкъ еще не старый и пожалуй даже красивый, съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются между мелкимъ купечествомъ. Одѣтъ онъ былъ тоже по-купечески, по-старинному; за то Настенька была въ великолѣпной бархатной чернобурой ротондѣ, въ дорогихъ брилльянтовыхъ серьгахъ и въ яркой розовой атласной шляпѣ.

Она значительно пополнѣла, и въ манерахъ, и голосѣ ея появилось выраженіе какого-то сдержаннаго достоинства и довольства, но лицо ея осталось почти такимъ же, какъ и было—миловиднымъ, розовымъ и равнодушнымъ.

Войдя, она со всѣми привѣтливо поздоровалась, поцѣловавшись особенно ласково съ отцомъ и не выразивъ почти никакого удивленія при видѣ меня, хотя мы и не видались больше 7 лѣтъ.

Степанида Игнатьевна совсѣмъ сіяла, смотря на дочь съ растроганной любовью и все, что та говорила, слушала съ видимымъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Настенька стала теперь разговорчивѣе, вѣроятно не потому впрочемъ, чтобы стала живѣе прежняго, а просто отъ большой самоувѣренности въ себѣ и въ томъ, что мать не оборветъ ее уже, какъ случалось въ старину, и только порой, говоря о чемъ-нибудь, взглядывала какъ-будто съ легкимъ сомнѣніемъ уже не на мать, а на мужа, разговаривавшаго больше съ застѣнчиво улыбавшимся ему Иваномъ Яковлевичемъ, который все точно старался держаться какъ-будто въ сторонѣ.

— Что же вы, Настасья Ивановна, поете еще когда-нибудь—спросила я ее, внимательно смотря на нее.

— Нѣтъ, теперь ужь рѣдко, отвѣтила она съ равнодушной улыбкой.

— Гдѣ ужь пѣть! вмѣшалась Степанида Игнатьевна, теперь, слава Богу, коли на хозяйство-то времени достанетъ! Вѣдь на ней цѣлый домъ, дѣтей пятеро, однихъ прикащиковъ 20 человѣкъ, за всѣми надо присмотрѣть, тутъ ужь не распоешься!

— Жаль, невольно вырвалось у меня.

— Большой-съ талантъ имѣла! опять вдругъ, совершенно неожиданно, проговорилъ съ сокрушеніемъ Иванъ Яковлевичъ.

— А полно тебѣ! разсердилась на него снова Степанида

Игнатьевна—молчи ужь лучше, какіе тамъ еще таланты нашелъ! Другой бы, это правда, на ея мѣстѣ, можетъ, и ни вѣсть о чемъ бы возмечталъ—ну а мы люди простые, немудреные, живемъ себѣ помаленечку, попросту, безъ затѣй! Такъ намъ и глупости никакія въ голову-то не лѣзутъ!

— А въ деревняхъ-то у насъ, можетъ, слышали, какъ про таланты-то эти говорятъ! замѣтилъ вдругъ, насмѣшливо усмѣхаясь, Настенькинъ мужъ — коли привелось дѣвушкѣ замужъ хорошо выйти — ну вотъ и говорятъ: послалъ, значитъ, Богъ тамъ Дарьѣ или Марьѣ, таланъ — а не вышла, промаялась вѣкъ въ дѣвкахъ, такъ и зовутъ безталанной, горемычной.

— Мужъ-то, батюшка, сочувственно засмѣялась ему Степанида Игнатьевна, поважнѣе да попрочнѣе всякихъ талантовъ будетъ!

Настенька тоже сочувственно улыбалась, играя массивной золотой цѣпочкой отъ часовъ, висѣвшей у нея на груди, и только Иванъ Яковлевичъ какъ-то грустно посматривалъ на свою гитару, все еще висѣвшую въ футлярѣ на стѣнѣ, и о чемъ-то потихонечку вздыхалъ, но выражать вслухъ своихъ мнѣній видимо уже не рѣшался...

— Что же, невольно подумалось мнѣ, можетъ быть, они и правы—еще Богъ вѣсть, что́ дала бы Настенькѣ ея артистическая карьера, а теперь она по крайней мѣрѣ счастлива и довольна...

М. КРЕСТОВСКАЯ.

КРИТИКА.

С. Ю. Витте. Національная экономія и Фридрихъ Листъ.

Въ послѣднее время въ нашей журнальной литературѣ все чаще и чаще стали появляться статьи, направленныя противъ покровительства національной промышленности таможенными пошлинами и въ защиту идеи свободной торговли (free trade). Снова заговариваютъ о „проведеніи въ жизнь“ этой идеи о крайнемъ заблужденіи правителей и управляемыхъ, упорствующихъ въ отрицаніи истинныхъ началъ, незыблемо, будто-бы, установленныхъ классиками политико-экономической науки. Какъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, такъ и теперь, наша оппозиціонная печать витаетъ въ области космополитическихъ отвлеченій фритредеровъ и въ защиту своего флага свободнаго международнаго обмѣна, не стѣсняемаго никакими таможенными заставами, приводитъ односторонніе и избитые доводы учебниковъ, пользующихся непререкаемымъ авторитетомъ въ ея глазахъ. Чтобы уяснить всю безпочвенность ея стремленій, достаточно послушать самихъ же „классиковъ“. Кэнэ, наприм., такъ озаглавливаетъ свой капитальный трудъ: Physiocratie ou du gouvernement le plus avantageux au *genre humain*, и пишетъ, въ предположеніи, что купечество всѣхъ народовъ образуетъ „торговую республику“. Подобнымъ же образомъ и Ж. Б. Сэ опредѣляетъ политическую экономію (въ противоположность économie privée и économie publique отдѣльныхъ народовъ), какъ ученіе объ интересахъ всѣхъ націй, т. е. человѣческаго общества, взятаго въ цѣломъ, а Сисмонди ставитъ задачею этой науки заботу о благосостояніи *человѣческаго рода*. Благодѣтельствовать человѣчеству совсѣмъ не то, что заботиться о благосостояніи своей страны, своего народа, а потому не въ отвлеченныхъ положеніяхъ космополитической школы экономистовъ, не въ крайностяхъ ея космополитизма, рѣзко впадающаго въ другую крайность — индивидуализма, эгоистическихъ интересовъ частнаго лица, слѣдуетъ черпать мудрость экономическаго управленія государствомъ. Правительство каждой страны не-

обходимо должно сообразовать свою хозяйственную политику съ конкретными явленіями, отправляться въ своей дѣятельности отъ факта существованія отдѣльныхъ государствъ и стремиться къ достиженію блага исключительно управляемаго имъ народа. Разумное правительство никогда не станетъ окрашивать свою дѣятельность въ цвѣтъ какой бы то ни было теоріи, управлять по доктринѣ, а не по здравому смыслу и въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями даннаго населенія данной территоріи. Свободный обмѣнъ цѣнностей, необходимый внутри каждой страны и наивыгоднѣйшій для „человѣчества“, при дѣйствительномъ существованіи торгово-промышленной республики, можетъ привести и легко приводилъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, отдѣльныя націи къ разоренію, а затѣмъ и къ экономическому порабощенію ихъ иностранными предпринимателями. Прежде чѣмъ возводить свободный обмѣнъ въ безусловное практическое правило международныхъ сношеній, слѣдовало бы уничтожить государственныя границы, стереть съ лица земли культурные типы народовъ, повсемѣстно уравнять общественныя тягости [1]) и водворить на земномъ шарѣ не только вселенскую торгово-промышленную республику, чуждую всякихъ международныхъ распрей, но и ничѣмъ и ни въ какихъ размѣрахъ нестѣсняемое передвиженіе рабочихъ силъ изъ одной страны въ другую. Иначе не можетъ быть достигнуто полное равновѣсіе въ условіяхъ производства, а безъ этого равновѣсія падаетъ самый принципъ свободнаго обмѣна.

Не смотря на утвердившуюся у насъ въ послѣднее время покровительственную систему въ торговой политикѣ, отвлеченныя теоремы экономистовъ-классиковъ для многихъ еще не утратили своего обаянія и, ежедневно пускаемыя въ ходъ приверженцами космополитизма, сбиваютъ съ толку легковѣрную толпу

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о разницѣ въ обиліи капиталовъ, такъ какъ размѣры податнаго обложенія оказываютъ гораздо большее вліяніе на производительность страны, чѣмъ дешевизна или дороговизна капиталовъ. Въ Россіи, напр., общій итогъ податей и сборовъ государственныхъ, земскихъ и сословныхъ превышаетъ, въ среднемъ выводѣ, 9 р. на душу, при среднемъ доходѣ на одного жителя, по исчисленію Mulhall'a (History of prices), 55 р. въ годъ, т. е. податное обложеніе составляетъ болѣе 16% національнаго дохода, тогда какъ въ Англіи и Ирландіи оно не превышаетъ 3½ р. на одного жителя, при среднемъ доходѣ на душу въ 37 фунтовъ, не говоря уже о чрезвычайной трудности удѣлять что-либо изъ дохода, слабо обезпечивающаго насущное существованіе.

такъ называемой интеллигенціи, неспособную къ критическому мышленію. Пролить свѣтъ на дѣйствительное значеніе этихъ теоремъ—составляетъ задачу озаглавленной небольшой брошюры г. Витте, вышедшей недавно въ Кіевѣ и посвященной изложенію ученія Фридриха Листа о *національной* экономіи, какъ прикладной части политической экономіи.

Листъ вовсе не принадлежалъ къ числу охранителей старыхъ порядковъ и сторонниковъ національной исключительности. Его идеаломъ была политическая и промышленная Англія, развившая свое благосостояніе и свое всемірное торговое могущество на твердыхъ историческихъ устояхъ; въ своемъ Вюртембергѣ, еще въ 1820 г., онъ проповѣдывалъ гласность уголовнаго процесса и установленіе суда присяжныхъ, преобразованіе общественной и государственной службы въ чисто либеральномъ духѣ, отмѣну десятины и поземельной подати, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ (акцизовъ), продажу государственныхъ имуществъ, сокращеніе числа и жалованья чиновниковъ, наконецъ, покрытіе всѣхъ государственныхъ расходовъ единственнымъ прямымъ налогомъ—подоходнымъ (Häusser, I, стр. 75 и слѣд.). Такая проповѣдь, и притомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, была найдена тогдашними вюртембергскими властями преступною; Листъ не только былъ удаленъ изъ ландтага, но и преданъ суду, который приговорилъ его къ десятимѣсячному заключенію въ крѣпость. Г. Витте ошибается, говоря, что Листа приговорили къ десятимѣсячной „каторжной работѣ“ и что онъ избавился отъ этого наказанія побѣгомъ во Францію. Въ дѣйствительности, Листъ содержался въ крѣпости по приговору суда, а его каторжная работа состояла въ перепискѣ бумагъ комендантскаго управленія, но еще до истеченія срока наказанія онъ получилъ свободу, давъ обѣщаніе выселиться изъ отечества. Упомянемъ здѣсь же, чтобы не отвлекаться болѣе въ сторону отъ предмета изложенія, еще о двухъ біографическихъ неточностяхъ въ брошюрѣ г. Витте. Изслѣдованіе Листа, написанное на предложенную французской академіей наукъ тему: чѣмъ долженъ озаботиться народъ, переходящій къ свободной торговлѣ, чтобы по возможности согласить интересы производителей и потребителей,—это изслѣдованіе не было *премировано* академіей, а было объявлено ею заслуживающимъ особаго вниманія („surtout remarquable“). Наконецъ, Листъ не просто „умеръ“ во время одного изъ своихъ дѣловыхъ путешествій, а 30 ноября 1846 г., въ Тиролѣ, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Причиною его насильственной

смерти, уже въ старческомъ возрастѣ (на 57 году отъ роду), по всей вѣроятности, было душевное разстройство, происшедшее отъ чрезмѣрности умственнаго напряженія. Листъ не давалъ себѣ отдыха, постоянно не досыпалъ ночей и, увлекшись какимъ-нибудь предметомъ, по цѣлымъ недѣлямъ работалъ почти безъ перерыва отъ 2 часовъ утра до 6 или 7 часовъ вечера. т. е. по 16 и 17 часовъ въ сутки „geistig produciren konnte“, какъ выражается его біографъ [1]).

Съ непоколебимою вѣрою въ великую будущность германскаго народа, Листъ выступаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, преимущественно въ газетныхъ статьяхъ и спеціальныхъ журналахъ, настоящимъ агитаторомъ и сильнымъ борцомъ за идею экономическаго и политическаго объединенія Германіи, постоянно указывая практическіе къ тому пути и мѣры къ подъему національныхъ производительныхъ силъ. Не даромъ его сочиненія стали настольною книгою у князя Бисмарка.

Листъ не считаетъ протекціонизмъ полезнымъ для народовъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія. По его мнѣнію, протекціонизмъ является необходимымъ только тогда, когда „экономическое, интеллектуальное и политическое воспитаніе страны, подъ вліяніемъ свободы торговли, достигло предѣла, при которомъ ввозъ иностранной мануфактуры и недостатокъ рынковъ препятствуютъ дальнѣйшему развитію страны“.

По поводу криковъ, что протекціонизмъ увеличиваетъ стоимость продуктовъ, ложится бременемъ на землевладѣльцевъ и устанавливаетъ монополію для мануфактуристовъ, Листъ говоритъ:

„Если пошлины удорожаютъ на нѣкоторое время туземныя мануфактуры, то за то, вслѣдствіе внутренней конкурренціи, онѣ обезпечиваютъ уменьшеніе ихъ стоимости въ будущемъ; ибо промышленность, достигшая своего полнаго развитія, можетъ настолько понижать цѣны на свои произведенія, во сколько обходится провозъ вывозимаго сырья и съѣстныхъ припасовъ (потребляемыхъ иностранными рабочими), обратный ввозъ произведенныхъ изъ вывезеннаго сырья издѣлій и прибыль, получаемая отъ этой торговли.

„Во всякомъ случаѣ потеря, причиняемая пошлинами, выражается *цѣнностью* (Werth); но за то страна пріобрѣтаетъ *силы* (producirende Kräfte), посредствомъ которыхъ она въ состояніи будетъ всегда производить неисчислимыя массы цѣн-

[1]) Извѣстный историкъ Гейссеръ, въ 1-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій Листа, стр. 233.

ностей. Эта потеря въ цѣнности должна разсматриваться какъ *стоимость промышленнаго образованія страны.*

„Пошлины на мануфактурныя произведенія не ложатся на земледѣліе страны. Вслѣдствіе развитія мануфактурной промышленности, — богатство, населеніе, а потому и спросъ на земледѣльческіе продукты, рента и стоимость поземельной собственности чрезвычайно увеличиваются, тогда какъ цѣнность (мѣновая) мануфактурныхъ произведеній съ теченіемъ времени уменьшается. Выигрышъ превосходитъ въ десять разъ потерю, которую временное увеличеніе стоимости мануфактурныхъ произведеній причиняетъ земледѣльцамъ. Если земледѣльцы, которые составляютъ главныхъ потребителей мануфактуръ, платятъ за фабричныя издѣлія дороже, то они за это неудобство широко вознаграждаются усиленіемъ спроса на земледѣльческіе продукты.

„Когда школа (такъ называетъ Листъ сторонниковъ свободной торговли) проповѣдуетъ, что покровительственныя пошлины предоставляютъ туземнымъ фабрикантамъ монополію въ ущербъ потребителямъ, то она занимается дурнымъ ябедничествомъ; ибо всякій человѣкъ въ странѣ свободенъ эксплоатировать внутренніе рынки, обезпеченные національной промышленностью, значитъ—не можетъ быть рѣчи о частной монополіи. Покровительственныя пошлины устанавливаютъ только привилегію для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ сравнительно съ иноземцами, привилегію тѣмъ болѣе законную, что подобными же привилегіями пользуются иноземцы у себя дома, слѣдовательно, покровительственныя пошлины только ставятъ нашихъ соотечественниковъ на одинаковую съ ними доску. Покровительственныя пошлины не устанавливаютъ абсолютной привилегіи ни въ пользу производителей, ни въ ущербъ потребителямъ; ибо если производители запрашиваютъ вначалѣ преувеличенныя цѣны, то это происходитъ потому, что они должны уравновѣшивать значительный рискъ, потери и громадныя жертвы, всегда имѣющія мѣсто при организаціи производства. Но противъ чрезмѣрнаго увеличенія барышей и ихъ продолжительности потребители находятъ гарантію во внутренней конкурренціи, которая затѣмъ проявляется и обыкновенно роняетъ цѣны значительно ниже тѣхъ размѣровъ, которые имѣли бы мѣсто только при заграничной конкурренціи“.

Адамъ Смитъ построилъ противъ протекціонизма слѣдующее возраженіе, которое въ той или другой формѣ повторяется и донынѣ всѣми его послѣдователями:

„Въ дѣйствительности можетъ случиться, что при помощи протекціонизма страна пріобрѣтетъ ту или другую отрасль мануфактуры скорѣе, нежели бы она ее пріобрѣла безъ протекціонныхъ мѣръ, и что послѣ нѣкотораго времени эта отрасль будетъ производиться въ странѣ такъ же дешево и даже дешевле, чѣмъ заграницею. Но хотя это и можетъ случиться, тѣмъ не менѣе изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы общая сумма промышленности или доходовъ общества могла когда-либо отъ сказанныхъ мѣръ увеличиться. Промышленность общества можетъ увеличиваться лишь въ мѣрѣ увеличенія его капитала, а этотъ капиталъ можетъ увеличиваться только въ пропорціи сбереженій общества. А такъ какъ протекціонныя мѣры имѣютъ ближайшимъ послѣдствіемъ уменьшеніе общественныхъ сбереженій, то несомнѣнно, что то, что уменьшаетъ сбереженія общества, не можетъ увеличить его капитала скорѣе, чѣмъ бы онъ увеличился самъ по себѣ, еслибы капиталъ и промышленность оставили слѣдовать ихъ естественному влеченію".

Приведенное разсужденіе Адама Смита, гдѣ онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ имъ же установленнымъ началомъ главенства труда въ производствѣ, совершенно неправильно и основано на цѣломъ рядѣ погрѣшностей.

Не говоря уже о томъ, что протекціонная система, обезпечивающая вначалѣ крупныя выгоды умѣлымъ предпринимателямъ, привлекаетъ иностранные капиталы именно въ создаваемыя ею новыя отрасли промышленности, неправильно измѣрять національное богатство однимъ только запасомъ матеріальныхъ цѣнностей. Возможность производить цѣнности, условія благопріятныя для трудовой дѣятельности, порядокъ, личная безопасность, болѣе или менѣе высокій уровень развитія умственныхъ и физическихъ силъ народа—все это входитъ въ составъ національнаго богатства и гораздо болѣе всякихъ сбереженій содѣйствуетъ увеличенію капиталовъ. Теорія сбереженій, годная для купца, привела бы націю „къ нищетѣ, къ безсилію, къ варварству, къ разложенію". Тамъ, гдѣ всякій сберегаетъ и лишаетъ себя всего того, чего только можетъ лишить,—нѣтъ никакого стимула къ производству. Нація, составленная изъ Плюшкиныхъ, навѣрное отказалась бы даже отъ самозащиты, потому что оборона страны требуетъ имущественныхъ жертвъ. Всякое обученіе и воспитаніе требуетъ матеріальныхъ затратъ. Но развѣ благоразумный человѣкъ предпочтетъ оставить своихъ дѣтей въ невѣжествѣ, вмѣсто того,

чтобы дать имъ надлежащее образованіе въ ущербъ своимъ сбереженіямъ?

Г. Витте лишь въ общихъ и существенныхъ чертахъ знакомитъ русскаго читателя съ ученіемъ Листа, изложеннымъ въ довольно систематическомъ трудѣ его: das nationale System der politischen Oekonomie, не указывая на промахи германскаго публициста [1]) и оставляя безъ вниманія ненависть его къ Россіи; но онъ приводитъ очень интересную выписку, свидѣтельствующую о томъ, что Листъ кололъ глаза нѣмцамъ нашею экономическою политикою, вступившею въ новый фазисъ съ 1821 года, когда, по выраженію циркулярной ноты графа Нессельроде, „Россія увидѣла себя вынужденной обстоятельствами прибѣгнуть къ независимой коммерческой системѣ“ и затѣмъ неуклонно слѣдовала ей при министрѣ финансовъ Канкринѣ (1823—1844 гг.). Благодѣтельныя послѣдствія возстановленнаго у насъ протекціонизма послужили для Листа наглядным доказательствомъ неправильности принциповъ и увѣреній фритредеровъ. „Достаточно, писалъ онъ въ 1841 году, просмотрѣть послѣдніе отчеты русскаго департамента торговли, чтобы убѣдиться, что Россія, благодаря принятой ею системѣ, достигла благоденствія и что она гигантскими шагами подвигается какъ по пути богатства, такъ и могущества... Безразсудно со стороны Германіи желать уменьшенія этихъ успѣховъ и расточать жалобы на ущербъ, который система Россіи нанесла сѣвернымъ германскимъ провинціямъ. Нація, какъ и человѣкъ, не имѣетъ болѣе дорогихъ интересовъ, какъ свои собственные. На Россіи не лежитъ обязанность хлопотать о благоденствіи Германіи. Пусть Германія занимается Германіей, а Россія—Россіей. Вмѣсто того, чтобы жаловаться, вмѣсто того, чтобы питаться надеждами и ждать Мессію будущей свободы торговли, было бы лучше бросить космополитическую систему въ огонь и воспользоваться примѣромъ Россіи“.

Германія послѣдовала совѣту Листа, мы же, напротивъ, увлекшись проповѣдями космополитической школы, ввели у себя, въ 1857 году, таможенный тарифъ, продиктованный идеями свободы торговли, и стали устраивать народно-хозяйственную жизнь подъ вліяніемъ той же школы.

---

[1]) Листъ особенно грѣшилъ противъ исторіи. Онъ пишетъ, напр., что Испанія при Карлѣ V во всѣхъ отношеніяхъ стояла впереди Франціи, тогда какъ самъ Карлъ V говаривалъ: „Франція изобилуетъ всѣмъ, а Испанія во всемъ терпитъ недостатокъ“ (Ranke, Fürsten und Völker, I, 393).

Заслуживаетъ вниманія, что Фридрихъ Листъ, происходя изъ среды ремесленниковъ, отдавалъ должное дворянству, и не только германскому, но и русскому, тогда какъ наши „люди 40-хъ годовъ“ изо-всѣхъ силъ старались затянуть петлю на этомъ сословіи. Онъ прямо говоритъ (I, 176), что нѣмецкое дворянство должно взять себѣ за образецъ дворянство англійское, у насъ же подобная мысль неизбѣжно подвергалась осмѣянію и дружной травлѣ со стороны „передовыхъ“ дѣятелей.

Сущность выводовъ, къ которымъ пришелъ Листъ въ своемъ заключеніи историческаго обзора экономическаго развитія различныхъ странъ, ясно выставляетъ несостоятельность принципа laissez faire, laissez passer въ примѣненіи къ странѣ, не держащей еще въ своихъ рукахъ „скипетра мануфактуръ и торговли“. Онъ говоритъ:

„Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ способность, нравственность и дѣятельность гражданъ регламентировались для благоденствія страны, и богатство увеличивалось или уменьшалось съ этими качествами“.

„Исторія учитъ, что ограничительныя мѣры составляютъ естественное послѣдствіе различія интересовъ и усилій народовъ къ достиженію независимости и могущества, т. е. послѣдствіе національнаго соперничества и войны, а потому онѣ должны устраниться только при согласованіи всѣхъ національныхъ интересовъ или при общей ассоціаціи всѣхъ народовъ подъ режимомъ права.

„Опыты нѣкоторыхъ странъ, примѣнявшихъ у себя свободу внѣшней торговли въ присутствіи націи, ихъ перевѣшивающей въ промышленности, богатствѣ и могуществѣ или держащейся ограничительной коммерческой системы, намъ показываютъ, что этимъ отдаютъ въ жертву будущность страны, безъ всякой вообще пользы для человѣчества и только къ выгодѣ страны, держащей скипетръ мануфактуръ и торговли.

„Наконецъ, исторія насъ учитъ, какимъ образомъ народы, обладающіе отъ природы всѣми средствами для достиженія высшей степени богатства и могущества, могутъ и должны, чтобы не стать въ противорѣчіе сами съ собою, мѣнять свою коммерческую систему по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ. Сперва, дѣйствительно, посредствомъ свободы торговли съ народами, ихъ опередившими, они выходятъ изъ варварства и улучшаютъ свое земледѣліе; потомъ, посредствомъ ограниченій, они заставляютъ цвѣсти ихъ фабрики, рыболовство, флотъ и внѣшнюю торговлю; наконецъ, послѣ достиженія

высшей степени богатства и могущества, посредствомъ *постепеннаго* перехода къ принципамъ свободы торговли и свободной конкурренціи на иностранныхъ рынкахъ, имъ принадлежащихъ, они охраняютъ отъ безпечности свое земледѣліе, мануфактуру и своихъ купцовъ, и держатъ ихъ въ бодрствованіи, дабы сохранить верховенство, котораго они достигли".

Таковы *уроки* исторіи и правила дѣйствія, предлагаемыя ею всѣмъ желающимъ воспользоваться опытами прошлаго. И горе тому, кто не хочетъ знать этихъ опытовъ, пренебрегаетъ данными уроками! „Страна, которая посредствомъ протекціонной системы не сумѣетъ обратиться въ мануфактурную, обречена на матеріальную и политическую слабость. Опасность увеличивается, если сосѣднія націи слѣдуютъ другому пути, если онѣ идутъ во всѣхъ отношеніяхъ впередъ тогда, когда *мы* идемъ назадъ, если у этихъ націй мысль о лучшей будущности возбуждаетъ бодрость и духъ предпріимчивости гражданъ, въ то время, когда у насъ недостатокъ надежды (скорѣе, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ) все болѣе и болѣе уничтожаетъ бодрость и способности".

Въ названномъ сочиненіи Листа есть страничка, которую полезно вытвердить наизусть тѣмъ изъ сѣтующихъ на покровительственную систему проповѣдниковъ земледѣльческаго „призванія" Россіи, которые въ обложеніи высокими пошлинами иностранныхъ издѣлій видятъ главное препятствіе къ сбыту продуктовъ сельскаго хозяйства. Вотъ эта страничка:

„Нація, которая обмѣниваетъ свои земледѣльческіе продукты на заграничныя мануфактурныя издѣлія, представляетъ собою человѣка безъ руки, который опирается на чужую руку. Эта опора полезна, но она не замѣняетъ собою недостающей руки уже потому, что ея дѣятельность зависитъ отъ чужой воли. Имѣя мануфактурную промышленность, нація можетъ производить столько (избытка) съѣстныхъ припасовъ и сырья, сколько ихъ будетъ потреблять собственная мануфактура; находясь же въ зависимости отъ иностранной мануфактуры, она можетъ производить только такой излишекъ, какой не могутъ произвести иностранцы и который поэтому они должны купить на сторонѣ".

И далѣе:

„Нація чисто земледѣльческая не можетъ развить до высокой степени свою внутреннюю и внѣшнюю торговлю, свои пути сообщенія и свой торговый флотъ; она не можетъ совершить значительныхъ успѣховъ въ умственномъ, соціальномъ

и политическомъ развитіи; она не можетъ пріобрѣсть соотвѣтствующаго ея природному положенію политическаго значенія; она не въ состояніи вліять на цивилизацію и прогрессъ отсталыхъ народовъ и основывать колоніи. Страна чисто земледѣльческая стоитъ неизмѣримо ниже страны земледѣльческой и вмѣстѣ съ тѣмъ мануфактурной. Первая, въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, всегда, въ большей или меньшей степени, зависитъ отъ иноземцевъ, которые получаютъ отъ нея земледѣльческіе продукты въ обмѣнъ на свои фабричныя издѣлія. Она не можетъ сама опредѣлить объемъ своего производства; она должна ожидать спроса заграничныхъ покупателей. Покупатели же эти, т. е. мануфактурныя и вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльческія націи, сами производятъ громадныя массы сырья и съѣстныхъ припасовъ, а потому и требуютъ отъ земледѣльческихъ народовъ только такое количество, которое необходимо для покрытія ихъ дефицита. Слѣдовательно, чисто земледѣльческія страны зависятъ, относительно сбыта ихъ произведеній, отъ бо́льшаго или ме́ньшаго урожая въ странахъ земледѣльческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мануфактурныхъ; онѣ, кромѣ того, имѣютъ конкуррентовъ въ прочихъ земледѣльческихъ странахъ; такимъ образомъ и безъ того ненадежные рынки сбыта, вслѣдствіе этой конкурренціи, дѣлаются еще менѣе надежными“.

Разсѣяніе сомнѣній относительно выгодъ для земледѣлія покровительственной системы, создающей новыя производства, и притомъ въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ по климатическимъ условіямъ занятіе земледѣліемъ невозможно въ теченіе полугода и болѣе, представляетъ для насъ, русскихъ, главный интересъ экономическаго ученія Листа, по достоинству оцѣненнаго государственными людьми и авторитетными учеными [1]) его отечества. Въ трудахъ основателя въ Германіи „національной“ экономіи мы находимъ отвѣты на многіе чисто русскіе вопросы, и нельзя поэтому не быть признательну г-ну Витте за распространеніе въ нашемъ обществѣ свѣдѣній о здравыхъ началахъ протекціонизма, и въ такое именно время, когда увѣренія космополитической школы экономистовъ, потерявшія кредитъ у практическихъ дѣятелей на материкѣ западной Европы, снова начинаютъ входить въ оборотъ у насъ.

А. М.

[1]) См., напр., Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland v. Wilhelm Roscher, München, 1874, pp. 970—991.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русской.

I.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать пятая. М. 1889.

Въ настоящей книгѣ помѣщены письма къ фельдмаршалу князю М. С. Воронцову двухъ его товарищей молодости и сослуживцевъ по Преображенскому полку, С. Н. Марина и шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Послѣдній былъ однихъ лѣтъ съ Воронцовымъ (оба пріятеля родились въ 1782 г.) и велъ съ нимъ переписку въ теченіе почти сорока лѣтъ (съ декабря 1803 по 12 марта 1843 года). Въ приложеніи напечатаны съ черновыхъ подлинниковъ только три письма Воронцова къ Бенкендорфу. Изъ нихъ особенно замѣчательны два первыя: одно отправлено изъ Севастополя, 14 августа 1830 г., другое — изъ Одессы, 10 декабря 1834 г.; оба на французскомъ языкѣ.

Въ августѣ 1830 года, М. С. Воронцовъ, будучи уже тогда новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, находился въ Севастополѣ для исполненія суроваго долга службы: ему предстояло усмирить такъ называемый „чумной“ бунтъ и наказать виновныхъ.

Еще за годъ ранѣе Воронцовъ упрекалъ Бенкендорфа въ недостаточномъ настояніи на мѣрахъ къ предотвращенію чумной заразы, появившейся въ Турціи во время войны. Бенкендорфъ оправдывался, что уже въ 1828 году, въ Шумлѣ, говорилъ и съ тѣхъ поръ не переставалъ говорить о необходимости строгаго соблюденія карантиновъ; но тогда „опасались напугать Россію“, и только черезъ годъ послѣдовало Высочайшее согласіе на представленіе Воронцовымъ подробнаго проекта объ учрежденіи особой коммисіи для дезинфекціи провинцій, занятыхъ нашими войсками. Естественнымъ послѣдствіемъ такой медленности было появленіе чумы въ Севасто-

полѣ и возмущеніе приведеннаго въ ужасъ населенія, преимущественно матросовъ, которые вмѣстѣ съ городскими обывателями прорывали карантинную цѣпь. Слабость адмирала Грейга, который воздерживался отъ наказанія виновныхъ, нераспорядительность военнаго губернатора Столыпина и недостаточность авторитета у нарочито посланнаго для усмиренія севастопольскаго бунта генерала Красовскаго еще усилили смуту; мятежная толпа, неистовствуя 3 іюня, одержала настоящую побѣду и принудила начальство уступить ея требованіямъ. Въ эту-то критическую минуту прибылъ въ Севастополь Воронцовъ. Въ Петербургѣ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидали отъ него извѣстій; ближайшіе къ Государю люди—Бенкендорфъ, Дибичъ, Толстой—слали ему пожеланія всякаго успѣха. Наконецъ, во второй половинѣ августа пришли въ Петербургъ подробныя донесенія Воронцова при слѣдующемъ письмѣ къ Бенкендорфу, приводимомъ нами въ переводѣ:

„Наконецъ для меня наступилъ моментъ, когда я имѣю возможность въ подробныхъ донесеніяхъ изложить обо всемъ, что здѣсь творилось, и возвѣстить о послѣднемъ рѣшительномъ актѣ, которымъ третьяго дня закончилась, въ большей своей части, эта ужасная севастопольская трагедія. Вы увидите, любезный другъ, изъ представляемыхъ подробностей, что, при всемъ моемъ желаніи не дѣлать ничего лишняго, я могъ уменьшить число приговоренныхъ къ смерти только до 7. Великій князь Константинъ скажетъ, пожалуй, что это варварство; но я смотрю на этотъ предметъ съ иной точки зрѣнія. Я глубоко убѣжденъ, что покончить въ одно мгновеніе пулею менѣе жестоко, чѣмъ подвергать ужасной пыткѣ 6 т. ударовъ шпицрутенами, но именно впечатлѣніе смертной казни, такъ сильно дѣйствующее на людей и дѣлающее болѣе полезнымъ это наказаніе за тяжкія преступленія, побуждало меня желать и надѣяться, что число казней не будетъ болѣе 4 или 5. Однако, послѣ усидчивой и трудной работы въ теченіе 8—10 дней, я вынужденъ былъ дойти до вышеозначеннаго числа и могу смѣло сказать, что нельзя было ослабить наказанія 7-ми разстрѣляннымъ. Это были главные вожаки и главные убійцы 3-го іюня, въ чемъ мы были положительно убѣждены, и убѣдились еще болѣе при видѣ того, какъ относилась къ нимъ присутствовавшая при казни толпа, въ которой было не мало дѣйствующихъ лицъ той же трагедіи. 14 биты кнутомъ, отъ 30 до 40 прогнаны сквозь строй. 29-ый экипажъ (80 слишкомъ

человѣкъ) весь ссылается въ Сибирь на каторгу, равно какъ по одному изъ каждаго десятка 4-хъ другихъ экипажей; я предлагаю Государю не прогонять ихъ сквозь строй, десятые же изъ 29-го экипажа уже подвергнуты этому наказанію, сверхъ присужденія къ каторжнымъ работамъ ихъ товарищей. Нѣкоторые найдутъ, пожалуй, что мало наказанныхъ шпицрутенами, но я по чистой совѣсти полагаюсь на рѣшеніе Государя; онъ увидитъ, надѣюсь, что грозный примѣръ произвелъ потрясающее дѣйствіе и что не было надобности прибѣгать къ той бойнѣ, которая недостойна цивилизованнаго правительства и, возбуждая въ зрителяхъ отвращеніе, приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Примѣръ имѣлъ успѣхъ, даже превзошедшій наши ожиданія. Всѣ зрители этой ужасной сцены были въ то же время свидѣтелями сосредоточеннаго и безмолвнаго ужаса, охватившаго все севастопольское населеніе, когда совершалась казнь, и я надѣюсь, что вы не обвините меня въ сдѣлкѣ съ мятежниками и въ томъ, что преступленіе оставлено мною безъ заслуженнаго имъ наказанія. Весь гарнизонъ, флотскіе экипажи изъ города и команды со всѣхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, равно по одному мужчинѣ и по одной женщинѣ отъ каждаго дома въ Севастополѣ, бѣднаго и богатаго, присутствовали при казни и не могли оставить своихъ мѣстъ до конца, будучи окружены цѣпью кавалеріи. Да никто и не думалъ уходить; волей-неволей каждый долженъ былъ собственными глазами видѣть и уразумѣть, къ какой справедливой развязкѣ приводятъ подобныя покушенія; огромное большинство должно было радоваться, что избѣгло ея, и дать себѣ обѣщаніе не отваживаться болѣе на подобныя приключенія".

Приведенная выдержка изъ письма къ Бенкендорфу напоминаетъ издателю архива то, что́ говаривалъ сынъ М. С. Воронцова по поводу усмиренія польскаго мятежа 1861—1863. Онъ утверждалъ, что, будь отецъ его назначенъ на должность графа М. Н. Муравьева, „онъ перевѣшалъ бы людей несравненно болѣе, но потомъ устроилъ бы такое управленіе, что мѣстные жители дорожили бы имъ". Устрашеніе публичными казнями, какъ извѣстно, отмѣненными у насъ только въ нынѣшнее царствованіе, слишкомъ полвѣка тому назадъ служило еще главною основою системы уголовныхъ наказаній не только въ Россіи. М. С. Воронцовъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи мнѣніе своего современника, извѣстнаго баварскаго криминалиста Ансельма фонъ-Фейербаха, но такъ же, какъ и

послѣдній, онъ гнушался *безполезной жестокости*, что составляетъ отличительную черту его воззрѣній на наказанія. Эта черта, да и вообще многое изъ того, что дѣлалъ и къ чему стремился покорный фельдмаршалъ, повидимому, совсѣмъ не была понята его сыномъ—и приводить отзывы такого „компетентнаго“ судьи едва-ли умѣстно въ изданіи историческихъ матеріаловъ. М. С. Воронцовъ не понималъ гуманнаго *малодушія*, къ которому былъ склоненъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ власти съ мятежемъ и возможности оставлять тяжкія преступленія безъ должнаго и примѣрнаго наказанія; но онъ первый изъ русскихъ генераловъ поднялъ вопросъ о человѣческомъ обращеніи съ солдатомъ [1]) и съ достойною истиннаго государственнаго человѣка и вѣрноподданнаго твердостію указывалъ на противныя духу самодержавія уклоненія въ сторону произвола. Замѣчательно въ этомъ смыслѣ письмо его изъ Одессы къ Бенкендорфу отъ 10 дек. 1834 г. Воронцовъ писалъ:

„Вы припомните, быть можетъ, любезный другъ, что однажды я говорилъ вамъ въ Петербургѣ объ изданномъ въ началѣ года указѣ, которымъ князю Волконскому [2]) предоставлялась надъ всѣми служащими и входящими въ составъ Императорскаго двора чрезмѣрная власть, несовмѣстная съ духомъ времени и нашего правительства вообще и противная извѣстнымъ общимъ принципамъ Государя. Я не могъ достать этого указа въ Петербургѣ, но по возвращеніи сюда нашелъ его въ своей канцеляріи и спѣшу вамъ выслать. Изъ него вы увидите, что министръ Императорскаго двора имѣетъ право, безъ суда, по собственному своему усмотрѣнію, сослать въ Сибирь пожизненно всякаго дворцоваго лакея, пѣвца, музыканта, и даже артиста или театральнаго актера“.

„Подумайте только, любезный другъ, развѣ это не безобразное право, подумайте, къ какимъ ужаснымъ злоупотребленіямъ можетъ оно привести. Допустивъ даже, что министръ руководствуется лучшими намѣреніями и обладаетъ добрымъ характеромъ, нельзя закрывать глаза на тѣ пути, которыми могутъ и часто неизбѣжно должны доходить до его слуха жало-

[1]) Извѣстно сго „устаповленіе“, напечатанное въ „Отчетѣ о пребываніи корпуса гр. Воронцова во Франціи“ (Чт. Общ. Ист. Древн. Моск. 1858 г., кн. IV). О томъ же см. кн. Щербатова: „Генералъ-фельдмашалъ кн. Паскевичъ“, I, 261—262.

[2]) Тогдашнему министру Императорскаго двора.

бы и обвиненія противъ того или другаго изъ этихъ несчастныхъ, подчиненныхъ подобной юрисдикціи. Коль скоро наказываютъ безъ суда, то уже нельзя ожидать, что будутъ требоваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ законныя доказательства. Интрига, сплетня часто могутъ представить человѣка виновнымъ, и вотъ его судятъ и наказываютъ, да какъ? Такою карою, которая положена за самыя тяжкія преступленія и по нашимъ законамъ отчасти замѣняетъ смертную казнь. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны сердце и умъ Государя, а потому смѣю думать, что этотъ указъ былъ ему подсунутъ (a été arraché par surprise) и не могъ входить въ его намѣренія. Онъ противорѣчитъ всему духу его правленія, его волѣ направить администрацію на путь благоразумія, благородства и великодушія".

„Самъ Государь никогда не сослалъ бы своего подданнаго въ Сибирь безъ суда, а уполномочиваетъ на то своего министра! Пожалуй, можно сказать, что здѣсь дѣло идетъ о личной прислугѣ Государя, а такъ какъ наши дѣйствующіе законы даютъ право *помѣщику* ссылать крестьянъ въ Сибирь *на поселеніе*, то Государь этимъ указомъ желаетъ только и себѣ предоставить такое же право; но не говоря уже о томъ, что не онъ имъ пользуется, а передаетъ другому навсегда и безъ ограниченій, развѣ не слѣдуетъ признать и безъ того печальнымъ, что *помѣщикъ* обладаетъ у насъ такимъ безобразнымъ правомъ, и неизвѣстно развѣ, что Государь самъ скорбитъ о той безграничной власти надъ крестьянами, для смягченія которой имъ уже такъ много сдѣлано?"

„Наконецъ, развѣ здѣсь дѣло идетъ о Государѣ? Развѣ люди благоразумные между нами могутъ сомнѣваться въ необходимости и пользѣ для Россіи неограниченной власти въ рукахъ монарха? Мы погибли бы безъ этой власти; но нельзя смотрѣть одинаково на передачу ея другимъ. Такая делегація не въ порядкѣ вещей и вообще не въ духѣ нашихъ законовъ. По Екатерининскимъ постановленіямъ, полицеймейстеръ, а слѣдовательно и губернаторъ, не можетъ безъ суда дать человѣку болѣе трехъ ударовъ, и то еще *по платью*. Я понимаю, что есть люди, которые опасаются идти впередъ по пути такъ называемаго либерализма, но, конечно, никто не скажетъ, что мы должны повернуть назадъ и предоставить министрамъ или полицеймейстерамъ болѣе самовластія, чѣмъ это было необходимо 60 лѣтъ раньше".

„Сдѣлайте, любезный другъ, изъ настоящаго письма какое

вамъ угодно употребленіе. Вы меня знаете, и вамъ извѣстно, въ какомъ смыслѣ и съ какимъ намѣреніемъ пишу я вамъ такъ откровенно и почему этотъ указъ производитъ на меня такое тяжелое впечатлѣніе. Чѣмъ болѣе я преданъ Государю, чѣмъ болѣе признателенъ за милости, которыя онъ благоволитъ мнѣ оказывать, тѣмъ сильнѣе мое желаніе, чтобы такое право никогда и никому не было даваемо".

М. С. Воронцовъ не боялся *немилости* за откровенно выраженное мнѣніе. Онъ сознавалъ, конечно, лучше многихъ, обязанность вѣрноподданнаго, удостоеннаго довѣріемъ монарха, указывать на заблужденія власти, ею незамѣчаемыя, и вызывалъ пересмотръ такихъ arrachés par surprise указовъ, которые утаивались даже отъ шефа жандармовъ.

II.

О германскихъ университетахъ (von deutschen Hochschulen). Сочиненіе германскаго профессора. Переводъ и примѣчанія русскаго бывшаго профессора. Спб. 1889.

Еще въ 1863 году знаменитый нашъ ученый и педагогъ Н. И. Пироговъ писалъ изъ Гейдельберга: „Уже одна наружность студентовъ въ германскихъ университетахъ доказываетъ, что большая часть изъ нихъ люди не той среды, изъ которой поступаетъ большинство въ наши университеты. Здѣсь пролетаріевъ между студентами не замѣтно". Въ Петербургѣ можно было видѣть студентовъ, работавшихъ поденщиками на биржѣ; занятіе уроками, перепискою, конторскою работою, а въ каникулярное время служба на конножелѣзныхъ дорогахъ—весьма обычныя явленія въ нашей студенческой средѣ и теперь; бывшій русскій профессоръ, въ примѣчаніи къ первой главѣ названной нѣмецкой брошюры, говоритъ, что одинъ знакомый ему студентъ, изъ духовнаго званія, жилъ два года тѣмъ, что пѣлъ по субботамъ и воскресеньямъ съ пѣвчими въ церквахъ; онъ же видалъ молодыхъ людей, подававшихъ прошеніе о принятіи въ университетъ съ ободранными локтями или въ дырявыхъ сапогахъ. Подобные случаи совершенно невозможны въ германскихъ университетахъ, хотя и тамъ въ послѣднее время стали появляться студенты, не получающіе на свое содержаніе и 20 талеровъ годъ — крайній минимумъ студенческаго бюджета, допускаемый германскимъ профессоромъ [1]) Такіе юноши

---

[1]) Вообще же онъ полагаетъ, что студенту, для жизни, соотвѣтственной его возрасту и занятіямъ, нужно имѣть отъ 300 до 2.000 талеровъ въ годъ.

завидуютъ каждой сигарѣ, пиву, кофе, которые употребляетъ тотъ, кто болѣе получаетъ; радуются всякому вреду, который наносится болѣе имѣющему. Для нихъ собственная жизнь и надежда быть современемъ полезными для другихъ теряютъ всю прелесть, пессимизмъ овладѣваетъ ими вполнѣ и подвигаетъ сильные характеры къ самому худому, а слабые жалкимъ образомъ погибаютъ. „Разговоры такихъ студентовъ“, продолжаетъ авторъ брошюры, „при которыхъ я присутствовалъ, какъ невольный свидѣтель, ужасны и не выходятъ изъ памяти“.

Молодежь, стремящаяся въ университетъ за полученіемъ дипломовъ, которыми надѣется обезпечить себѣ кусокъ хлѣба, не имѣетъ никакой цѣнности ни для государства, ни для общества. Берлинскій профессоръ Рудольфи говаривалъ на лекціяхъ своимъ слушателямъ, что если они пришли учиться медицинѣ для хлѣба, то лучше бы имъ было сдѣлаться сапожниками, а не врачами, и въ то время еще, когда учился Пироговъ, нѣмецкія правительства оффиціально совѣтовали родителямъ отклонять своихъ дѣтей отъ университетовъ, если они разсчитываютъ на служебное поприще, которое и безъ того уже переполнено множествомъ кандидатовъ на всякую вакансію. Скрывшій свое имя авторъ брошюры рѣшительно возстаетъ противъ искусственнаго привлеченія въ университетъ, правительственными и частными стипендіями, молодыхъ людей, не имѣющихъ особаго призванія къ наукѣ и не отличившихся въ гимназіяхъ выдающеюся даровитостію. По его мнѣнію, „только возникшее изъ болѣзненныхъ соціальныхъ отношеній малоуваженіе ремеслъ отвлекло много юношей отъ этого рода дѣятельности“; онъ негодуетъ на то, что по легкомыслію родителей „мальчику насильно вбивается въ голову латинская и греческая грамматика, къ которой у него нѣтъ ни охоты, ни способности“.

Русскій комментаторъ брошюры замѣчаетъ по этому поводу:

„Мы, съ своей стороны, также не можемъ не сказать, что презрѣніе къ промышленному труду и стремленіе выдти изъ промышленныхъ сферъ у насъ замѣчается едва-ли не въ большей степени, чѣмъ въ Германіи. Между тѣмъ, въ конторѣ, магазинѣ, на фабрикѣ и на заводѣ, въ мастерствѣ и ремеслѣ, также нужны въ извѣстной степени образованные люди,—бухгалтеры, контористы, кассиры, равно какъ лица, имѣющія понятіе о физикѣ и математикѣ, черченіи и рисованіи, т. е. окон-

чившіе гимназическій курсъ, или его большую часть". Но правильнѣе было бы, кажется, признать, что и гимназическое образованіе для такой дѣятельности—слишкомъ большая роскошь, къ тому же это образованіе не даетъ необходимыхъ практику прикладныхъ знаній. Воздержаніе поэтому промышленныхъ классовъ отъ стремленія въ университетъ за полученіемъ дипломовъ должно бы начинаться еще въ то время, когда родителямъ предстоитъ выборъ для своихъ дѣтей среднеобразовательной школы; наши гимназіи не менѣе университетовъ нуждаются въ согласованіи своего состава учащихся съ цѣлями классическаго образованія и съ матеріальными жертвами, которыя требуются для преодолѣнія сопряженныхъ съ нимъ трудностей.

Глядя, какъ сыновья мелкихъ людей, занимающихъ низшія должности въ канцеляріяхъ, народныхъ учителей, церковнослужителей и т. п., молодые люди, съ трудомъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, пробираются въ университетъ, гдѣ существуютъ стипендіями и даровыми столами, германскій профессоръ опасается не столько за будущность университетовъ, какъ за будущность государства, идущаго „на встрѣчу чиновническому пролетаріату, который не можетъ быть желателенъ ни въ служебномъ, ни въ соціальномъ отношеніи". Будущіе чиновники нищенски испрашиваютъ себѣ увольненіе отъ гонорара, а между тѣмъ дѣлаютъ пустые расходы и иногда живутъ даже очень пріятно. „Они часто бываютъ грубы и безстыдны. Многіе изъ нихъ очень посредственныхъ дарованій и очень лѣнивы". Но самое худое въ нихъ—это недостатокъ характера, который влечетъ къ низкопоклонничеству и всякаго рода униженіямъ, чтобы достигнуть желаемаго. Такая ли нравственная выработка желательна въ представителяхъ государственной власти? Между тѣмъ, отъ другихъ сословій, особенно отъ ремесленнаго, совершенно безсмысленнымъ образомъ надолго отвлекается довольно цѣнный матеріалъ, который тамъ былъ бы болѣе на своемъ мѣстѣ.

Мы еще не богаты чиновничествомъ университетскаго образованія, но и у насъ уже сказываются всѣ неудобства каррьеризма, начинающагося съ университетской скамьи. Въ храмъ науки идутъ не для пріобрѣтенія знаній, а за полученіемъ диплома, дающаго извѣстныя права государственной службы. Послѣдняя отъ этого мало выигрываетъ, но общество много теряетъ отъ того, что прошедшая чрезъ университетъ молодежь,

не имѣющая призванія къ высшей умственной дѣятельности, только выбивается изъ колеи правильной трудовой жизни.

Брошюра нѣмецкаго профессора бросаетъ свѣтъ на многія неприглядныя стороны и нашего университетскаго быта, а потому, вѣроятно, прочтется нѣкоторыми не безъ пользы.

III.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Изданіе 5-е дополненное. Т. VII. Романъ „Черный годъ“ (Пугачевщина); разсказы: „Имянины прабабушки“, „Легенда о Господѣ“, „Фарисъ“ (Минкевича).

Публика и критика очень часто не сходятся въ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же литературныхъ явленій. Произведенія нѣкоторыхъ писателей она упорно не читаетъ, какъ-бы похвально критика ни отзывалась о нихъ; бываетъ, что критика упорно молчитъ, а публика наоборотъ усердно раскупаетъ и читаетъ того или другаго писателя. Произведенія многихъ изъ нашихъ выдающихся писателей до сихъ поръ обстоятельно не оцѣнены критикой, а публика давно уже полюбила этихъ писателей, выдержавшихъ по нѣскольку изданій. Такъ напр., романы нашего почтеннаго историческаго писателя Г. П. Данилевскаго выдерживаютъ еще при жизни автора уже пятое изданіе и усердно читаются публикой, а между тѣмъ критикой почти игнорируются. Мы не говоримъ уже о прежнихъ произведеніяхъ почтеннаго автора; возьмемъ хотя бы послѣдній, седьмой, дополнительный томъ къ пятому изданію 1887 года.

Здѣсь помѣщенъ большой романъ „Черный годъ“, заслуживающій всякаго вниманія читателя въ наше время торжества литературныхъ посредственностей. Несомнѣнно „Черный годъ“ былъ виднымъ литературнымъ явленіемъ конца прошлаго и начала нынѣшняго года. Несмотря на то, что сюжетъ, взятый почтеннымъ романистомъ, уже эксплоатировался Пушкинымъ въ его „Капитанской дочкѣ“ и гр. Саліасомъ въ его черезъ-чуръ растянутыхъ „Пугачевцахъ“, авторъ сумѣлъ найти въ Пугачевщинѣ новыя незатронутыя стороны, сумѣлъ по-своему изобразить эту интересную и благодарную для историческаго повѣствователя эпоху, сумѣлъ написать талантливую варьяцію на старую тему. Эта старая тема обработана Г. П. Данилевскимъ съ обычнымъ, присущимъ ему, техническимъ своеобразнымъ мастерствомъ. Одной изъ главныхъ чертъ таланта автора является способность характеризовать изображаемыхъ лицъ въ дѣйствіи, въ движеніи. Романистъ не загромождаетъ

свои романы ни излишней описательностью, ни мелочным психологическим анализомъ, вошедшимъ за послѣднее время въ моду; онъ не останавливается особенно подробно и на характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, предоставляя читателю знакомиться съ ними изъ самаго хода романа, изъ ряда чередующихся сценъ. Это своеобразное качество таланта Г. П. Данилевскаго придаетъ его „Черному году“, какъ и всѣмъ вообще произведеніямъ, живой, стремительный и, пожалуй, драматическій характеръ. Дѣйствіе развивается быстро, безъ остановокъ и скачковъ, интересъ овладѣваетъ читателемъ съ первой главы романа, не покидая его до послѣдней страницы,—небольшія главы не утомляютъ; словомъ, благодаря художественному чувству мѣры (котораго, напр., было мало даже у Достоевскаго), все въ новомъ романѣ г. Данилевскаго—сжато и вмѣстѣ съ тѣмъ характерно; всякая сцена подвигаетъ дѣйствіе къ развязкѣ. Къ этому нужно прибавить еще другое цѣнное качество для историческаго романиста—тщательное и добросовѣстное изученіе изображаемой эпохи. Это качество далеко не отличаетъ нашихъ современныхъ историческихъ романистовъ, сближая, такимъ образомъ, г. Данилевскаго съ Загоскинымъ и Лажечниковымъ. Такъ, напр., фундаментомъ для „*Мировича*“ послужило болѣе трехсотъ различныхъ источниковъ; для „*Чернаго года*“, между другими источниками, прекрасное изслѣдованіе г. Дубровина „Пугачевъ и его сообщники“, это послѣднее слово исторической науки по данному любопытному вопросу. Кромѣ того, обращаетъ вниманіе въ „Черномъ годѣ“ хорошій литературный языкъ, которымъ вообще отличаются всѣ произведенія нашего романиста. Вотъ тѣ солидныя качества, въ силу которыхъ мы назвали „Черный годъ“ выдающимся произведеніемъ.

Хроника семейства Дугановыхъ переплетается въ „Черномъ годѣ“ съ историческими сценами. Нѣкоторые отдаютъ предпочтеніе интригѣ романа, другіе хвалятъ преимущественно историческую часть. По нашему мнѣнію, и то, и другое г. Данилевскому равно удалось. Изъ Дугановыхъ автору, какъ намъ кажется, наиболѣе удались Алексѣй и Марѳа; въ исторической части особенно хороши сцены народнаго бунта, какъ напримѣръ, смерть помѣщика Лаптева, сцены суда Пугачева въ Саратовѣ и другія. Прекрасны также и нѣкоторыя эпизодическія семейныя сцены, какъ напримѣръ, XVII-я во второй части, гдѣ Боря, крестникъ Травкина, танцуетъ „Варварушку“. Мы забыли еще упомянуть о мастерски написанныхъ сценахъ смерти

Алексѣя Дуга́нова и его жены Серафимы съ дѣтьми; перваго—въ лѣсу, а вторыхъ — въ Саратовѣ. Вообще, новый романъ Г. П. Данилевскаго заслуживаетъ болѣе внимательнаго и подробнаго разбора, которымъ мы теперь не можемъ заняться въ краткомъ библіографическомъ отчетѣ о выходѣ VII-го тома.

Мы не можемъ умолчать и о другихъ мелкихъ произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ. Среди характерно написанной жанровой картинки „Имянины прабабушки“ (помѣщенной въ „Русск. Вѣстн.“ 1888 г. кн. I) особенно выдѣляется „Легенда о Господѣ и о землѣ“, являющая собой цѣлую своеобразную малороссійскую, космическую поэму, слышанную еще Гоголемъ, но запамятованную имъ. Этотъ простодушный народный разсказъ не только о томъ, какъ Господь сотворилъ землю, но и какъ Онъ потомъ ходилъ по ней,—спасать грѣшныхъ людей,—полонъ безъискусственной поэзіи и переданъ Г. П. Данилевскимъ очень талантливо.

Иностранной.

I.

Die eigene Flugbahn. Wer will sie stören. Berlin. 1889 г.

Брошюра, заглавіе которой нами приведено, бросаетъ много свѣта на интриги въ Берлинскихъ политическихъ сферахъ. Уже въ кратковременное царствованіе Фридриха III началась въ столицѣ Имперіи закулисная борьба съ цѣлью пошатнуть вліяніе имперскаго канцлера, но всѣ были увѣрены, что она со вступленіемъ нынѣшняго государя, столь рѣшительно заявившаго свои симпатіи къ личности и политикѣ кн. Бисмарка, уляжется, и вліяніе послѣдняго станетъ всесильнымъ. Эти надежды однако не оправдались. Стало происходить нѣчто такое, что сильно смущаетъ оффиціозную прессу и заставляетъ послушныя канцлеру рептиліи бросать свои стрѣлы на личности, близкія отношенія которыхъ къ императору Вильгельму II пользуются всеобщей извѣстностью.

Особенно вызвалъ вниманіе послѣдній инцидентъ съ графомъ Вальдерзее, стремящимся стать во главѣ ультра-клерикальной и старопрусской партіи, органомъ которой служитъ по преимуществу „Крестовая газета“. Обвиненіе его оффиціозной прессой въ стремленіи направить нѣмецкую политику на

воинственный путь вызвало лѣтомъ нынѣшняго года значительную сенсацію, отразившуюся между прочимъ и на пониженіи нашего курса, и заставило графа прислать категорическое опроверженіе на счетъ приписываемыхъ ему замысловъ. Само собою разумѣется, что враги канцлера въ Германіи не могли упустить подобнаго случая, чтобы не уколоть его, и поэтому на защиту начальника германскаго главнаго штаба выступила и либеральная пресса. Вотъ что по этому поводу пишетъ „Vossische Zeitung“: „Подобный образъ дѣйствій оффиціозной прессы въ нѣмецкой имперіи принимаетъ характеръ общественнаго бѣдствія. Графъ Вальдерзее вовсе не пользуется особыми симпатіями либеральной партіи, такъ какъ тамъ его считаютъ политическимъ реакціонеромъ и ортодоксальнымъ церковникомъ. Но способъ, которымъ нынѣ стали травить его, долженъ вызвать результатъ, противный ожиданіямъ. Начинаютъ догадываться, что нападенія оффиціозной прессы мѣтятъ въ коекого повыше. Только въ настоящее время эта пресса не имѣетъ мужества выражаться такъ открыто, какъ въ дни кратковременнаго царствованія императора Фридриха“.

„Но таковыя нападенія, прибавляетъ „Фоссова газета“, приносятъ Германіи величайшій вредъ, ибо порождаютъ за предѣлами ея мнѣніе, что въ правительственныхъ сферахъ, руководящихъ судьбами нѣмецкой имперіи, господствуетъ *порядочная анархія*. Надобно, къ сожалѣнію, сознаться, что подобное мнѣніе не лишено *нѣкотораго основанія*“.

Для русскаго читателя упоминаемая борьба имѣетъ помимо общаго интереса и свой, спеціальный, такъ какъ она привела нѣмецкую оффиціозную прессу къ необходимости сознаться, какъ несправедливы столь усердно распространяемыя въ Германіи обвиненія нашего правительства въ вызывающей политикѣ и въ военныхъ приготовленіяхъ. Вотъ что сообщается по этому поводу на столбцахъ газеты „Hamb. Nachrichten“, которая была избрана, чтобы произвести нападеніе на графа Вальдерзее, и тѣмъ вызвала шумъ. „Кто внимательно прослѣдитъ за ходомъ военныхъ мѣръ въ Россіи, долженъ будетъ сознаться, что Россія къ апрѣлю настоящаго года привела въ исполненіе планъ, принятый ею еще въ 1886 г., касательно усиленія своего военнаго положенія на западной границѣ. Но съ тѣхъ поръ не произошло ничего новаго, и съ полнымъ вѣроятіемъ нужно предполагать, что затѣянныя мѣры приведены къ

концу. Изъ-за чего же весь этотъ воинственный шумъ? На какомъ фактическомъ основаніи онъ опирается?“

Вмѣстѣ съ симъ названная только-что газета обрушивается всей тяжестью весьма вѣскихъ обвиненій на „Крестовую газету“ и поджигательныя статьи послѣдней. „Совершенно ясно, пишетъ она, что „Крестовая газета“, нѣкогда столь усердно служившая своему покровителю, Императору Николаю Павловичу, въ новѣйшее время употребляетъ всѣ усилія, чтобы поколебать миръ, охраненіе котораго нѣмецкій канцлеръ предъ глазами всего свѣта выставилъ своей задачей. Дурно то, что органу феодальной партіи—въ Россіи придаютъ политическое значеніе, котораго на самомъ дѣлѣ онъ давно уже не имѣетъ, и полагаютъ, что онъ обладаетъ связями въ вліятельныхъ кружкахъ и передаетъ ихъ мысли и планы. *Прибалтійскіе бароны и тамошнее лютеранское духовенство полагаютъ свою надежду* на эту газету и кружки, по ихъ мнѣнію, за ней скрывающіеся. Отсюда постоянныя сензаціонныя статьи по поводу руссификаціи Остзейскихъ губерній. Чтобы угодить „Крестовой газетѣ“, князь Бисмаркъ долженъ бы былъ посовѣтовать своему царственному повелителю начать войну съ Россіей для того лишь, чтобы утишить страданія балтійскихъ крикуновъ. Мы того мнѣнія, что проповѣдуемая „Крестовой газетой“ политика та же самая, которую три года тому назадъ рекомендовала крайняя либеральная пресса, требовавшая, чтобы Германія выступила противъ Россіи въ оборону Баттенберга. Но теперешнія натравливанія гораздо опаснѣе, чѣмъ разглагольствованія по поводу болгарскихъ дѣлъ. Тогда въ Россіи знали, что они принадлежали органамъ оппозиціи. Между тѣмъ, какъ нынѣ подозрѣваютъ, что въ нѣмецкой политикѣ произошли перемѣны, которыя для европейскаго мира не могутъ казаться благопріятными“.

Мы можемъ отъ себя прибавить, по поводу разсужденій нѣмецкой оффиціозной прессы, что въ Россіи общественное мнѣніе вовсе не такъ пугливо, чтобы тревожиться задирательными статьями нѣмецкихъ газетъ какого бы то ни было лагеря, и очень хорошо понимаетъ цѣну какъ незаслуженныхъ обвиненій, такъ и защиты, которая не столько имѣетъ въ виду насъ, сколько свои личные домашніе счеты, до которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла. У насъ теперь сознали, что прежнія политическія отношенія къ Германіи, при которыхъ намъ постоянно приходилось вытаскивать для нея горячіе каштаны изъ печи,

болѣе невозможны, и это даетъ нашей современной иностранной политикѣ въ мнѣніи всѣхъ мыслящихъ патріотовъ ту гарантію устойчивости, которая намъ желательнѣе всего. И русское общественное мнѣніе, благодаря Бога, созрѣло настолько, чтобы имѣть въ виду одни лишь русскіе интересы, а за симъ намъ все равно, что о насъ сообщаютъ заграницей. Во всякомъ случаѣ утѣшительно однако видѣть, какую цѣну наши нѣмецкіе друзья сами же придаютъ тѣмъ аргументамъ, которые они при случаѣ, когда понадобится, готовы выдавать за непреложную истину.

II.

C-te de Chaudordy. La France en 1889. 2 edit. Paris. Libr. Plon.

Названный трудъ, принадлежащій перу извѣстнаго французскаго дипломата, вызванъ празднованіемъ въ настоящемъ году столѣтней годовщины французской революціи. Авторъ, принадлежащій къ консервативной партіи, относится къ этому событію отрицательно. „Соблазнительной представляется, говоритъ онъ, идея связать съ воспоминаніемъ о французской революціи представленіе о тѣхъ благодѣяніяхъ, какія въ настоящемъ столѣтіи принесли человѣчеству успѣхи науки, примѣненные къ промышленности. Но забываютъ, однако, обязаны ли мы революціи подобнымъ благодѣяніемъ. Она напротивъ остановила прогрессъ въ наукѣ и промышленности, бросивъ французскій народъ въ омутъ безпорядковъ и войны и тѣмъ причинивъ неисчислимыя бѣдствія“.

Это положеніе авторъ доказываетъ, представляя цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что уже Людовикъ XVI произвелъ весьма много благодѣтельныхъ реформъ и что Франція выиграла бы во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы революція не испортила всего дѣла цѣлымъ рядомъ мѣръ, необдуманныхъ и нерѣдко носившихъ характеръ личнаго увлеченія и эгоизма. Этого мало. Авторъ утверждаетъ, что правильный ростъ Франціи, долженствовавшій способствовать къ ея процвѣтанію, окончился съ паденіемъ легитимнаго королевства. Орлеанская монархія, желавшая примирить старинныя традиціи съ парламентаризмомъ, не могла угодить ни тому, ни другому началу и претерпѣла поэтому полное фіаско. Имперія могла держаться лишь блескомъ внѣшнихъ подвиговъ, удовлетворявшихъ народному самолюбію, и при первой значительной неудачѣ должна была рухнуть. Съ паденіемъ ея наступило еще худшее время.

Описанію этого худшаго времени авторъ посвящаетъ половину своей книги и приходитъ къ безотраднымъ заключеніямъ. Хотя, быть можетъ, черный колоритъ его описанія и является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преувеличеннымъ, но тѣмъ не менѣе въ большинствѣ заключеній съ нимъ нельзя не согласиться. Такъ онъ совершенно справедливо указываетъ, что Франція никогда не годилась для парламентарной формы правленія и благодаря ей попала въ руки партій, преслѣдующихъ не общегосударственныя патріотическія цѣли, а интересы личные и партійные. Вслѣдствіе сего —непрочность во всемъ, политическое безсиліе и упадокъ общественнаго благосостоянія. Мѣры противъ христіанской религіи и ея духовенства ведутъ лишь ко вреду для нравственности народа и тяжело отражаются на положеніи общественной благотворительности, при томъ онѣ болѣе и болѣе раздвигаютъ пропасть между различными частями народонаселенія, склонными и теперь уже видѣть другъ въ другѣ не связанныхъ общностью интересовъ дѣтей одного отечества, а враговъ. Общественное воспитаніе неудовлетворительно и ведетъ къ верхоглядству. Отсюда вліяніе современнаго французскаго журнализма со всѣми его вредными послѣдствіями. Экономическая политика послѣдняго времени оказалась невѣрной, такъ какъ она уронила земледѣліе, всегда составлявшее для страны главный источникъ ея богатства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, искуственными мѣрами въ пользу обрабатывающей промышленности не спасла ея отъ упадка, а лишь дала поддержку всѣмъ опаснымъ послѣдствіямъ, которыми въ будущемъ грозитъ рабочій вопросъ. Развивается дороговизна, а между тѣмъ общество страдаетъ отъ чрезмѣрныхъ и нераціонально примѣненныхъ налоговъ. Еслибы, по крайней мѣрѣ, послѣдніе удовлетворяли государственнымъ потребностямъ, а то и этого на дѣлѣ не оказывается. По вычисленіямъ одного изъ депутатовъ національнаго собранія, г. Амага, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ Франція издерживала среднимъ числомъ ежегодно до трехъ съ половиною милліардовъ, получая лишь 2 милліарда 950 милліоновъ. Въ итогѣ ежегодный дефицитъ, доходящій до 600 милліоновъ, что въ общей десятилѣтней сложности составляетъ 6 милліардовъ. Неудивительно поэтому, что національный долгъ, доходившій въ 1870 году до 11 милліардовъ 750 милліоновъ, возросъ въ 1877 году, послѣ покрытія военныхъ издержекъ, до 20 мплліардовъ, а въ настоящее время онъ простирается уже до 34 милліардовъ, не считая въ томъ числѣ

сильно увеличившихся общинныхъ и департаментскихъ долговъ. И такъ, въ теченіе 11 лѣтъ послѣдняго времени, національный долгъ увеличился на цѣлыхъ 14 милліардовъ.

Еще къ болѣе печальнымъ выводамъ для будущаго приводитъ статистика народонаселенія. Увеличеніе или уменьшеніе послѣдняго — предметъ громадной важности для государства, особливо теперь, когда всѣ сознаютъ значеніе для ближайшаго будущаго многочисленныхъ армій. Между тѣмъ, мы наталкиваемся въ этой области на слѣдующіе факты. Излишекъ годоваго числа родившихся сравнительно съ числомъ умершихъ, простиравшійся въ 1881 г. до 108.220, составлялъ въ 1887 г. лишь 36.531. Число браковъ въ этомъ послѣднемъ году уменьшилось на 4.182 противъ предъидущаго года, но за то число разводовъ увеличилось на 686. Цифра родившихся ежегодно уменьшается: въ 1887 г. она обнимала 899.333, въ 1886 г.— 912.838, въ 1881 г.—937.057. Сравнивая означенные факты съ подобными же въ другихъ государствахъ, находимъ, что въ то время, когда въ Англіи ежегодный приростъ населенія составлялъ на 1.000 человѣкъ 13, въ Германіи 12, въ Италіи отъ 10 до 11, во Франціи онъ простирается лишь отъ $1^1/_2$ до 2. Эти цифры даютъ наглядное понятіе о томъ, что будетъ по истеченіи 50 лѣтъ, въ теченіе которыхъ народонаселеніе, двигаясь этимъ путемъ, повсюду значительно возрастетъ, во Франціи же останется почти безъ перемѣны.

Въ виду подобнаго состоянія страны, авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ реформъ, имѣющихъ въ виду совершенно преобразовать систему государственнаго управленія, поднять въ народѣ сознаніе своихъ настоящихъ интересовъ и духа національнаго единства, а также устранить вредныя явленія въ частностяхъ. Надобно отдать справедливость графу Шодорди, что, будучи по принципу приверженцемъ легитимизма, онъ понималъ невозможность крупнаго переворота и возстановленія королевства, которое не могло бы быть прочнымъ противъ совмѣстной оппозиціи республиканцевъ и имперіалистовъ, имѣющихъ гораздо бо́льшія, чѣмъ легитимисты, симпатіи въ низшихъ классахъ населенія. Поэтому нашъ авторъ, по слѣдамъ Тьера, переходитъ на сторону консервативной умѣренной республики и желалъ бы устроить ее по образцу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ виду этого, онъ настоятельно совѣтуетъ поднять значеніе власти президента, котораго, по его проекту, слѣдуетъ избирать въ конгрессѣ, состав-

ленномъ изъ членовъ обоихъ собраній, съ добавленіемъ делегатовъ отъ генеральныхъ совѣтовъ. Президенту, избираемому на 7 лѣтъ, но безъ права вторичнаго избранія, долженъ быть предоставленъ свободный выборъ министровъ, и министры, по сѣверо-американскому образцу, должны быть изъяты отъ вліянія на ихъ назначенія палатъ. Для этого министры не должны даже появляться въ палатахъ, и въ палатахъ защиту мѣръ правительства слѣдуетъ поручить особымъ правительственнымъ уполномоченнымъ. Для приготовленія проектовъ новыхъ законовъ слѣдуетъ возстановить государственный совѣтъ. Необходимо, наконецъ, постановить, чтобы, въ случаѣ отверженія парламентомъ проекта правительственнаго бюджета, послѣдній утвержденный бюджетъ могъ сохранять силу въ теченіе, по крайней мѣрѣ, года, нужнаго для того, чтобы дать правительству время апеллировать къ рѣшенію націи.

Таковы главнѣйшія требованія, которыя графъ Шодорди предъявляетъ вмѣстѣ съ желаніемъ полной независимости отъ административной политики судебной магистратуры.

Значительная часть разбираемой книги посвящена изображенію внѣшней политики республиканскаго правительства также въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Авторъ стоитъ за тѣсный союзъ съ Россіей, поддержка котораго составляетъ въ его глазахъ величайшую заслугу реставраціоннаго правительства старшей линіи Бурбоновъ, и въ настоящее время союзъ этотъ представляется ему наиболѣе естественнымъ, такъ какъ проявившіяся-было, во время орлеанской монархіи и имперіи Наполеона III, препятствія къ нему болѣе не существуютъ, и между обоими государствами нѣтъ никакихъ раздѣляющихъ ихъ вопросовъ, въ родѣ польскаго или восточнаго.

III.

The Swiss Confederation by Sir Francis Ottivell Adams and C. D. Cunningham. London. 1889.

Книгу гг. Адамса (бывшаго великобританскаго посланника въ Бернѣ) и Куннингама можно смѣло рекомендовать желающимъ основательно ознакомиться съ историческимъ развитіемъ и настоящимъ положеніемъ политическаго и административнаго устройства Швейцарской республики, такъ какъ, при популярномъ, весьма интересномъ изложеніи, она отличается полнотой и въ значительной степени основательностью выводовъ и сравненій. Ручательствомъ за подобный характеръ

книги являются какъ имена авторовъ, глубокое знакомство которыхъ съ предметомъ описанія не подлежитъ сомнѣнію, такъ и участіе въ ея составленіи лучшихъ современныхъ спеціалистовъ и государственныхъ людей союза. Всѣ стороны государственнаго устройства послѣдняго, равно какъ и отдѣльныхъ кантоновъ, обратили на себя вниманіе составителей, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, сумѣли рельефно отмѣтить стороны, составляющія мѣстную особенность, какъ напр. предоставленіе частной иниціативѣ участія въ законодательствѣ и коммунальное устройство, являющееся базисомъ государственныхъ учрежденій страны. Изслѣдователь-теоретикъ будетъ заинтересованъ, между прочимъ, и XIX главой книги, въ которой приведено, на основаніи весьма основательнаго изученія, сравненіе упомянутыхъ учрежденій съ таковыми же Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Злоба дня выразилась въ сочиненіи гг. Адамса и Куннингама, между прочимъ, тѣмъ, что авторы внесли особую главу о современномъ положеніи въ Швейцаріи пребывающихъ тамъ чужеземцевъ соціалистовъ и анархистовъ, причемъ не ограничиваются однимъ лишь изображеніемъ ихъ правоваго по швейцарскимъ законамъ положенія, но и входятъ въ нѣкоторыя статистическія подробности. Оказывается, что всего болѣе въ Швейцаріи нѣмецкихъ соціалистовъ, главный центръ которыхъ находится въ Цюрихѣ. По большей части эти люди, по словамъ авторовъ, принадлежащіе къ ученію нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, избѣгаютъ сношеній съ явными анархистами и не враждебны политическимъ учрежденіямъ пріютившей ихъ страны. Они-де вовсе не заговорщики въ уголовномъ смыслѣ и спокойно занимаются ремеслами, при чемъ нерѣдко являются весьма искусными и трудолюбивыми. Многіе изъ нихъ выселились изъ отечества отъ недостатка работы, но попадаются также и дезертиры нѣмецкой арміи.

Русскихъ соціалистовъ въ Цюрихѣ немного, такъ какъ ихъ главный центръ въ Женевѣ. Въ началѣ 1888 г., въ Женевѣ проживали 84 студента русскаго, польскаго и американскаго происхожденія и около 20 политическихъ эмигрантовъ. Изъ числа послѣднихъ русскіе стараются надъ пропагандой своихъ соціальныхъ и политическихъ воззрѣній и обладаютъ для своей цѣли 4 небольшими типографіями, служащими различнымъ оттѣнкамъ партій. Поляки имѣютъ тоже свою типографію, при помощи которой распространяютъ политическіе памфлеты, по большей части переводные съ нѣмецкаго.

*

Какъ ни благодушно относятся авторы къ дѣятельности проживающихъ въ Швейцаріи соціалистовъ, имѣя очевидно въ виду оправдать отношенія къ нимъ швейцарскихъ властей, тѣмъ не менѣе они не могутъ отрицать пребыванія въ республикѣ и анархистовъ, злоупотребляющихъ гостепріимствомъ страны.

Въ 1884 г. было, по словамъ ихъ, въ различныхъ швейцарскихъ городахъ нѣсколько ассоціацій, носившихъ названіе „Freiheit“ и поддерживавшихъ сношенія съ пресловутымъ Мостомъ. Членами этихъ ассоціацій являлись по преимуществу германскіе и австрійскіе подданные, и изъ числа ихъ многіе были изгнаны изъ предѣловъ швейцарской территоріи, но, по большей части, за дѣянія неполитическаго характера. Такъ какъ однако по статьѣ 70-ой союзной конституціи иностранцы, проповѣдующіе возмущеніе противъ чужестранныхъ правительствъ или оправдывающіе убійство изъ-за политической цѣли, подлежатъ также высылкѣ, то эта мѣра была примѣняема союзнымъ совѣтомъ неоднократно, и одинъ изъ послѣднихъ случаевъ подобнаго рода относится къ 1888 г., когда изгнаны были 4 иностранца, бывшіе членами нѣмецкаго соціалистическаго комитета въ Цюрихѣ и работавшіе въ типографіи мѣстнаго журнала „Sozial-demokrat“. Журналъ этотъ однако, служившій органомъ цюрихскихъ нѣмецкихъ соціалистовъ, сохранилъ свое существованіе, ибо номинальнымъ его издателемъ былъ сдѣланъ швейцарскій подданный. Цѣль изданія состояла въ тайномъ распространеніи въ Германіи запрещенныхъ памфлетовъ политическаго свойства и воззваній, и нельзя сказать, чтобы она не осуществлялась съ нѣкоторой удачей. Такъ, если вѣрить авторамъ, отъ 10 до 12 тысячъ подобныхъ листовъ еженедѣльно въ теченіе нѣкотораго времени провозилось тайно въ Германію. Они содержали въ себѣ пропаганду соціальной революціи, хотя и не путемъ анархіи, и отличались рѣзкими выходками противъ учрежденій и властей нѣмецкой имперіи. Если принять во вниманіе, что другое подобное же цюрихское изданіе „Der Rothe Teufel“, печатавшееся въ 1887 г., содержало въ себѣ въ стихахъ, прозѣ и иллюстрированныхъ изображеніяхъ злостныя нападенія на императорскій нѣмецкій домъ, то приходится по неволѣ не довѣрять, чтобъ дѣятельность иностранныхъ соціалистовъ въ Швейцаріи имѣла лишь характеръ теоретической пропаганды, какъ это утверждаютъ гг. Адамсъ и Куннингамъ въ другомъ мѣстѣ своей книги.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законъ объ ограниченіи вѣдомства суда присяжныхъ.—Заботы правительства о водвореніи русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ.—Присоединеніе къ православію курскихъ единовѣрцевъ.—Протестъ Курско-Кіевской желѣзной дороги. — Новыя назначенія: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и государственный контролеръ Т. И. Филипповъ.

Минувшая сессія Государственнаго Совѣта ознаменовалась окончательнымъ разсмотрѣніемъ цѣлаго ряда преобразовательныхъ проектовъ въ области мѣстнаго управленія и суда.

Вслѣдъ за обнародованіемъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ и правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится это положеніе, именно въ 35 губерніяхъ [1]) и уѣздахъ: Вельскомъ, Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Кадниковскомъ и Тотемскомъ, появилось въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, подлежавшимъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ ст. 8-й основныхъ положеній по уголовному судопроизводству, послужившихъ программою для составителей Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, постановлено, что „по *тяжкимъ преступленіямъ*, опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ предоставляется особымъ присяжнымъ засѣдателямъ“. Составители названныхъ уставовъ находили, что „въ порядкѣ суда, это одно право важнѣе всѣхъ прочихъ, въ совокупности взятыхъ“, и думали, что „въ немъ вполнѣ осуществляется то положеніе жалованныхъ грамотъ и приви-

[1]) Т. е. во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ нынѣ дѣйствуетъ Положеніе 1864 г. о земскихъ учрежденіяхъ.

легій, что лица высшихъ состояній должны быть судимы не иначе, какъ своими сословными судьями (par ses pairs) или при ихъ участіи". При всей ошибочности своего взгляда на присяжныхъ засѣдателей, какъ на сословныхъ судей для лицъ „высшихъ состояній", они разсуждали однако совершенно здраво, что „судъ чрезъ присяжныхъ тогда только достигаетъ своего назначенія, когда устроенъ такимъ образомъ, что они (присяжные) оказываются дѣйствительно представителями большинства благонамѣренныхъ гражданъ, когда мнѣніе присяжныхъ можетъ быть признано за приговоръ *общественной совѣсти*, непосредственное сознаніе которой потому только предпочитается соображеніямъ, основаннымъ на теоріи доказательствъ, и потому только считается непреложнымъ и неподлежащимъ никакому контролю въ порядкѣ апелляціи или ревизіи, что въ немъ предполагается сознаніе чистой совѣсти *лучшихъ* людей общества; на сколько правдива совѣсть, на столько же правдивъ и приговоръ такихъ людей, по совѣсти ими произнесенный". Но слишкомъ двадцатилѣтній у насъ опытъ суда съ присяжными засѣдателями доказалъ, что „благая цѣль учрежденія присяжныхъ, достигаемая преимущественно благоразумными постановленіями законодательства относительно ихъ избранія",—достигнута не была. Общество никогда и не подозрѣвало, что судъ присяжныхъ состоитъ изъ его „лучшихъ" людей; ему извѣстно только, что въ большинствѣ случаевъ онъ составляется изъ людей темныхъ, стоящихъ ниже средняго уровня общественнаго развитія, и о которыхъ администрація знаетъ только, что они „не опорочены по суду". Изъ соображеній государственной канцеляріи, разсмотрѣнныхъ и дополненныхъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1862 году, видно, что составители Судебныхъ Уставовъ даже опасались присутствія сильныхъ умовъ въ средѣ присяжныхъ, ибо при развитіи умственныхъ способностей является „самонадѣянность", которая приводитъ-де къ „фантастическимъ уликамъ"; неудобными казались имъ и знающіе и опытные юристы, такъ какъ, „по причинѣ бо́льшаго или меньшаго развитія юридическихъ понятій и опытности въ дѣлахъ, нѣкоторые люди дѣлаются недовѣрчивыми къ впечатлѣніямъ" и забываютъ иногда, „что для человѣческаго правосудія *достовѣрностію* можетъ быть во многихъ случаяхъ только высшая степень *вѣроятности*"; но всего любопытнѣе проявленная преобразователями боязнь „нравственнаго воспитанія вообще, и чувства чести въ особенности": зло состоитъ, по ихъ мнѣнію,

въ томъ, что люди воспитанные и обладающіе чуткимъ чувствомъ чести „приходятъ въ ужасъ отъ такого поступка, въ которомъ другіе видятъ только прегрѣшеніе, увлеченіе молодости или необдуманную дерзость“, т. е., въ сущности, дѣйствіе не наказуемое (журн. 1862 г., № 65). Желая найти золотую середину, они ухватились за темную массу мѣщанства и крестьянства, какъ за средство, нейтрализующее „крайности“ высшаго умственнаго и нравственнаго развитія, и отдали вѣсы правосудія, предоставили рѣшающее слово людямъ, стоящимъ ниже посредственности, чтобы не сдѣлать преобразованный судъ слишкомъ требовательнымъ. Какое же воспитательное значеніе могъ имѣть подобный судъ? Какую гарантію правосудія могли представить постановляемые по большинству голосовъ (а въ случаѣ оправданія и равнымъ числомъ голосовъ) приговоры присяжныхъ, съ умысломъ набираемыхъ въ большинствѣ изъ среды темныхъ людей и отбывающихъ обязанности присяжныхъ судей по повинности? Развѣ въ приговорахъ, такимъ составомъ судей и въ такомъ порядкѣ постановленныхъ, сказывается непосредственное сознаніе общественной совѣсти? И если невозможно было сохранить во всей чистотѣ сословныя преимущества, въ дѣлѣ суда и наказанія, вытекающія изъ требованій самой справедливости, напр. § 12 жалованной россійскому дворянству грамоты („да не судится благородный, окромѣ своими равными“), то развѣ судъ низшихъ, судъ темныхъ людей, которымъ совершенно неизвѣстны ни нравы, ни обычаи, ни распорядокъ жизни въ средѣ высшихъ сословій, справедливѣе суда высшихъ, суда просвѣщеннаго, способнаго разобраться въ доказательствахъ виновности подсудимаго, какъ-бы они ни были сложны, измѣрить и глубину вреда, нанесеннаго преступленіемъ, и силу злой воли, руководившей преступникомъ?

Къ счастію, законодатель въ самомъ началѣ предвидѣлъ опасность распространенія суда присяжныхъ на всѣ „тяжкія преступленія“, и самыя тяжкія изъ нихъ—преступленія государственныя, означенныя въ раздѣлѣ третьемъ уложенія о наказаніяхъ, тогда же были изъяты изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства. При разсмотрѣніи такихъ дѣлъ въ судебной палатѣ постановлено присоединять къ ея присутствію по два представителя отъ дворянскаго сословія и по одному отъ сословій городскаго и крестьянскаго, на равныхъ съ членами палаты правахъ. Тѣ же сословные представители при-

соединялись и къ особому присутствію кассаціоннаго сената, въ которомъ съ 1871 года сосредоточилось разсмотрѣніе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, кромѣ подлежавшихъ вѣдѣнію верховнаго уголовнаго суда, учреждаемаго каждый разъ по особому Высочайшему указу. Вскорѣ обнаружилось однако, что присяжные легко могутъ быть вводимы въ заблужденіе и увлекаемы на чуждый задачамъ правосудія путь политическихъ тенденцій въ дѣлахъ о сопротивленіи властямъ и нападеніи на правительственныхъ лицъ; затѣмъ со стороны присяжныхъ изъ крестьянъ, на выѣздныхъ сессіяхъ окружныхъ судовъ, стала проявляться крайняя снисходительность къ виновнымъ въ такъ называемыхъ аграрныхъ преступленіяхъ, сопровождаемыхъ насиліями надъ частными лицами и возмущеніемъ противъ властей; почему и всѣ дѣла послѣднихъ двухъ категорій пришлось подчинить вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Въ дѣлахъ общественнаго интереса судъ присяжныхъ все болѣе и болѣе оказывался стоящимъ далеко не на высотѣ своего призванія; дѣла о банковскихъ растратахъ и разнаго рода хищеніяхъ обнаружили его неспособность разбираться въ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ; нарушенія служебнаго долга и даже преступленія противъ брачнаго союза (двоеженство) не встрѣчали со стороны суда присяжныхъ должной репрессіи. Вообще можно сказать, что смыслъ законоположеній, ограждающихъ прочный порядокъ и правильное развитіе общества, нерѣдко оставался недоступнымъ сознанію пресловутаго суда *общественной* совѣсти. Государственная власть, весьма естественно, не могла глядѣть равнодушно на подобныя проявленія гражданской темноты и утѣшаться мыслью: перемелется—мука будетъ, какъ совѣтывали люди, застывшіе въ формахъ либерализма шестидесятыхъ годовъ и объясняющіе уродливыя явленія въ нашей судебной практикѣ не органическими недостатками, а относительною юностію новыхъ учрежденій. Строго исполняя свое назначеніе, она должна была положить предѣлъ ослабленію дисциплины закона въ судахъ, и рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ Высочайшимъ повелѣніемъ 7-го іюля объ ограниченіи вѣдомства суда присяжныхъ.

Новый законъ оставляетъ въ силѣ прежнюю 201 ст. уст. угол. судопр., которая устанавливаетъ общимъ правиломъ, что дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниче-

ніемъ правъ состоянія, вѣдаются окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями,—эта статья только полнѣе редактирована; но слѣдующія затѣмъ изъятія изъ установленнаго ею общаго правила гораздо многочисленнѣе прежнихъ. Вновь изъяты: 1) всѣ дѣла о сопротивленіи распоряженіямъ правительства и неповиновеніи установленнымъ отъ онаго властямъ (гл. 1, разряд. 4 улож. о нак.); 2) нѣкоторыя дѣла объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности (тамъ же, гл. 2-я, ст. 276, 282 и 286), а также объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ и о всякаго рода насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ; 3) дѣла о похищеніи вещей, опечатанныхъ по распоряженію правительства и препятствованіи поимкѣ преступниковъ и вообще бѣжавшихъ изъ-подъ стражи; 4) дѣла о сопротивленіи скопомъ чинамъ лѣсной стражи, объ угрозахъ имъ вооруженною рукою и насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, о неповиненіи, цѣлыми артелями, рабочихъ на частныхъ, казенныхъ и кабинетскихъ пріискахъ, о провозѣ незаконно добытой изъ казенныхъ источниковъ соли цѣлымъ скопищемъ и особенно людьми вооруженными, о провозѣ такимъ же порядкомъ контрабанды и буйствѣ противъ таможенной стражи; 5) дѣла объ имѣвшемъ тяжкія для пассажировъ послѣдствія небреженіи оберъ-кондуктора или объ оставленіи поѣзда машинистомъ въ моментъ опасности, пока на немъ будутъ находиться пассажиры; 6) объ умышленномъ, съ преступною цѣлью, поврежденіи телеграфовъ; 7) о злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, подлогахъ и др. преступленіяхъ противъ собственности, совершенныхъ должностными лицами государственныхъ кредитныхъ установленій, общественныхъ и частныхъ банковъ; 8) объ особыхъ преступленіяхъ корабельщика (шкипера) и корабельномъ бунтѣ (ст. 1225, 1236, 1241, 1254 и 1262 улож. о нак.); наконецъ, 9) дѣла о вступленіи христіанина въ новый бракъ при существованіи прежняго (ст. 1554 улож. о нак.). Всѣ эти дѣла, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновному грозитъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, вѣдаются судебною палатою съ участіемъ сословныхъ представителей: образуется особое присутствіе палаты изъ предсѣдателя и трехъ членовъ ея уголовнаго департамента, губернскаго предводителя дворянства (замѣщаемаго предсѣдателемъ мѣстной губернской земской управы въ

губерніяхъ Вятской и Пермской, а также въ уѣздахъ губерніи Вологодской, въ коихъ не учреждено должности предводителя дворянства), городскаго головы того губернскаго города, гдѣ дѣло разсматривается (а въ столицахъ товарища городскаго головы), и одного изъ волостныхъ старшинъ мѣстнаго уѣзда.

Сословное представительство нѣсколько ослаблено въ палатахъ, сравнительно съ тѣмъ составомъ ихъ присутствій, который обязателенъ при разсмотрѣніи государственныхъ преступленій въ порядкѣ, указанномъ первоначальною редакціей 1030 и 1032 статей устава угол. судопр., такъ какъ въ составъ особыхъ присутствій палаты, кромѣ городскаго головы и волостнаго старшины, входили *два* предводителя дворянства: губернскій и уѣздный, а потому на сторонѣ коронныхъ судей могло и не быть большинства, какъ это обезпечено за ними нынѣ. Нельзя не замѣтить также, что городской голова, послѣ изданія городоваго положенія, едва-ли можетъ считаться сословнымъ представителемъ: въ дѣйствительности онъ является представителемъ *безсословнаго* городскаго *управленія*, и если требуется непремѣнно участіе выборныхъ отъ городскихъ *сословій*, то правильнѣе было бы, вмѣсто городскихъ головъ, приглашать въ составъ особыхъ присутствій палаты купеческихъ старшинъ и мѣщанскихъ старостъ. Въ случаѣ невозможности образовать особое присутствіе палаты въ указанномъ составѣ, а также при выѣздѣ этого присутствія изъ мѣста пребыванія палаты, одинъ или два ея члена могутъ быть замѣняемы членами мѣстнаго окружнаго суда.

Входящіе въ составъ присутствія палаты сословные представители участвуютъ какъ въ опредѣленіи вины или невиновности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи. Голоса ихъ исчисляются наравнѣ съ голосами постоянныхъ членовъ суда. Приговоры, постановленные судебною палатою съ участіемъ сословныхъ представителей, признаются окончательными, т. е. они не подлежатъ пересмотру въ апелляціонномъ порядкѣ, и осужденными могутъ быть приносимы только кассаціонныя жалобы или просьбы о помилованіи; разумѣется, допускаются и протесты прокурорскаго надзора.

Если нарушенія правилъ о печати заключаютъ въ себѣ признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ 274-ю статьею улож. о нак., т. е. если печать будетъ заниматься сочиненіями и распускать ложные слухи, съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію или къ сопротивленію властямъ, отъ пра-

вительства установленнымъ, за что виновные подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе или въ каторжную работу на заводахъ (когда вслѣдствіе ихъ противозаконныхъ дѣйствій произошло важное нарушеніе установленнаго порядка), то и дѣла о такихъ преступленіяхъ, по новому закону, разсматриваются палатою съ сословными представителями.

Дѣлаемый новому закону упрекъ въ недостаткѣ систематическихъ основаній едва-ли заслуживаетъ вниманія. Законодатель, очевидно, руководствовался не доктриною, которая управляла составителями Судебныхъ Уставовъ, а практикою, которая обнаружила несостоятельность этой доктрины особенно въ примѣненіи къ преступленіямъ, лишеннымъ осязательной наглядности вреда для общежитія и, по понятіямъ темной массы, преобладающей въ составѣ присяжныхъ засѣдателей, нарушающимъ права одного только привилегированнаго меньшинства, къ которому она относитъ и правительство. Разумѣется, не темные люди станутъ заботиться о внушеніи уваженія къ властямъ и стремиться къ репрессіи всякихъ дѣйствій, мѣшающихъ должностнымъ лицамъ исполнять свои обязанности, не отъ нихъ же слѣдуетъ ожидать и яснаго пониманія служебнаго долга, обузданія преступной распущенности, захватовъ силою чужой собственности и хищеній въ разныхъ установленіяхъ кредита, о значеніи которыхъ для промышленной жизни страны они имѣютъ весьма смутное представленіе. Составители новаго закона не задавались разрѣшеніемъ вопроса: хорошъ или дуренъ судъ присяжныхъ *въ принципѣ?* Но слишкомъ двадцатилѣтній опытъ убѣдилъ ихъ въ несостоятельности этого суда при разсмотрѣніи дѣлъ о нѣкоторыхъ правонарушеніяхъ, строго караемыхъ закономъ въ огражденіе общественнаго интереса, къ которому присяжные относятся по меньшей мѣрѣ равнодушно. Быть можетъ, въ этомъ равнодушіи слѣдуетъ винить не однихъ только присяжныхъ, а все наше общество, но если даже и остановиться на этой безотрадной мысли, то она не могла бы успокоительно подѣйствовать на государственную власть и расположить ее, вопреки очевидности, въ пользу приговоровъ дѣйствительной (по мнѣнію нѣкоторыхъ) или мнимой (по нашему мнѣнію) *общественной* совѣсти; такая безотрадная мысль должна была бы, напротивъ, побудить правительство какъ можно скорѣе непосредственнымъ воздѣйствіемъ

на качественный составъ органовъ правосудія возстановить въ судахъ дисциплину закона.

Въ прошломъ мѣсяцѣ получили дальнѣйшее развитіе административныя и законодательныя мѣры правительства къ водворенію государственнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края.

По распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія въ Дерптскомъ университетѣ съ начала текущаго же учебнаго года вводится преподаваніе на русскомъ языкѣ слѣдующихъ наукъ: исторіи русскаго права, государственнаго права, институцій римскаго права и энциклопедіи права. Студентамъ юридическаго факультета, начавшимъ слушаніе лекцій до изданія Высочайшаго повелѣнія 4 февраля сего года (о преобразованіи названнаго факультета въ Дерптскомъ университетѣ), дозволено окончить курсъ по прежнимъ правиламъ, съ тѣмъ, чтобы испытанія по предметамъ, которые будутъ читаться на русскомъ языкѣ преподавателями, назначенными г. министромъ, производились на этомъ языкѣ; испытанія же студентамъ, поступившимъ на юридическій факультетъ послѣ изданія Высочайшаго повелѣнія 4 февраля, и тѣмъ изъ прочихъ студентовъ сего факультета, которые не окончатъ курса въ теченіе ближайшихъ четырехъ лѣтъ, будутъ производимы по правиламъ общаго университетскаго устава 1884 года.

Въ виду предстоящаго введенія новыхъ судовъ въ краѣ, о чемъ уже состоялся Высочайшій указъ, всякая дальнѣйшая отсрочка въ преподаваніи основныхъ юридическихъ предметовъ на русскомъ языкѣ была бы равносильна лишенію балтійскаго юношества служебной каррьеры въ мѣстныхъ и общеимперскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, исключенію юридическаго факультета Дерптскаго университета изъ числа ученыхъ коллегій, имѣющихъ своею задачею подготовку русскихъ спеціалистовъ по части законовѣдѣнія. Основательное знаніе государственнаго языка необходимо и для посвящающаго себя адвокатской практикѣ мѣстнаго юриста, такъ какъ новые суды въ краѣ вводятъ устный состязательный процессъ и причислены къ округу с.-петербургской судебной палаты, слѣдовательно, и внѣшне и внутренне тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ общеимперскою системою судопроизводства на русскомъ языкѣ. Разумѣется, останутся въ своей силѣ особенности мѣстнаго матеріальнаго права, вытекающія изъ историческаго

склада мѣстнаго гражданскаго быта: охраняющая законныя права всѣхъ и каждаго, государственная власть не стала бы посягать на вѣками сложившіяся юридическія понятія въ области частныхъ отношеній; но весьма вѣроятно, что подъ вліяніемъ новой судебной практики произойдетъ нѣкоторое обобщеніе этихъ понятій, желательное для самыхъ же мѣстныхъ жителей. Едва-ли удобно, напримѣръ, для самихъ же балтовъ, что въ ихъ городскомъ и земскомъ правѣ, въ лифляндскомъ, эстляндскомъ, курляндскомъ, пильтенскомъ земскомъ, нарвскомъ городскомъ и во множествѣ другихъ, разныхъ наименованій, городскихъ и земскихъ правахъ—содержатся различныя постановленія о супружней части въ наслѣдствѣ, такъ что одному этому предмету въ гражданскомъ законѣ посвящено 160 статей, и вообще относительно порядка наслѣдованія и распредѣленія долей наслѣдства лишь въ рѣдкихъ случахъ общія правила могутъ служить достаточнымъ руководствомъ.

Неразумному противодѣйствію объединительнымъ мѣрамъ правительства со стороны городскихъ управленій полагаются рѣшительныя преграды. Такъ, въ виду упорнаго отказа рижской городской школьной коллегіи исполнить правительственное распоряженіе о замѣнѣ въ городскихъ училищахъ старыхъ учителей новыми, могущими преподавать по-русски, учебнымъ начальствомъ назначены такіе учителя помимо школьной коллегіи. Когда же одинъ изъ перемѣщенныхъ педагоговъ вздумалъ потребовать объясненія отъ начальства, называя его дѣйствія произволомъ, то попечитель округа распорядился удалить зазнавшагося наставника юношества отъ службы съ воспрещеніемъ и впредь заниматься педагогическою дѣятельностью.

Извѣстно, что обнародованное въ 1886 году распоряженіе правительства о подчиненіи лютеранскихъ-приходскихъ, сельскихъ и волостныхъ школъ и учительскихъ семинарій въ прибалтійскихъ губерніяхъ вѣдомству народнаго просвѣщенія было нѣсколько задержано, но теперь, повидимому, окончательно миновала прежняя робость правительства, его нерѣшимость покончить съ потворствомъ германизаціи латышей и эстовъ и даже отчасти русскихъ людей, поселившихся въ городахъ и селахъ нашей прибалтійской окраины. Не ограничиваясь болѣе кругомъ оффиціальной школы отъ низшихъ до самыхъ высшихъ ея ступеней, государственная власть признала своевременнымъ озаботиться введеніемъ преподаванія на русскомъ языкѣ и въ частныя школы Дерптскаго учебнаго округа. По

представленію министра народнаго просвѣщенія и согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, Высочайше повелѣно: „Предоставить министру народнаго просвѣщенія принимать мѣры къ постепенному введенію въ нынѣ существующихъ и во вновь открываемыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, не распространяя сего требованія на преподаваніе закона Божія лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій".

Приведенное Высочайшее повелѣніе состоялось еще 23 мая, и если къ возобновленію школьныхъ занятій нынѣшнею осенью ничего не сдѣлано въ указанномъ имъ направленіи, то винить въ этомъ слѣдуетъ не министерство народнаго просвѣщенія, которому принадлежитъ починъ въ самомъ возбужденіи вопроса. Не для того, конечно, доведенъ онъ въ законодательномъ порядкѣ до Высочайшаго разрѣшенія, чтобы увеличить собою число законодательныхъ актовъ, ожидающихъ примѣненія къ дѣлу. Самою дѣйствительною практическою мѣрою для достиженія постановленной цѣли могло бы быть воспрещеніе содержателямъ частныхъ учебныхъ заведеній пріема новыхъ воспитанниковъ иначе, какъ подъ условіемъ преподаванія имъ учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; но чтобы подобное распоряженіе не осталось мертвою буквою, необходимъ дѣятельный надзоръ за частными школами правительственной инспекціи, что по новости дѣла и отчасти по недостатку средствъ на усиленіе личнаго состава инспекціи можетъ представить затрудненія, неустранимыя въ короткій промежутокъ времени. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы всякія препятствія были устранены по возможности немедленно. Высочайшее повелѣніе 23 мая является необходимымъ, логическимъ послѣдствіемъ новаго направленія нашей политики въ Прибалтійскомъ краѣ и рѣшительною преградою къ обходу мѣстными сепаратистами оффиціальной школы, уже окончательно принимающей русскій національный обликъ. Русскій языкъ не можетъ оставаться факультативнымъ въ одной изъ провинцій русскаго государства; онъ долженъ сдѣлаться тамъ языкомъ обязательнымъ, и не только дѣловымъ, для оффиціальныхъ сношеній, но и культурнымъ, языкомъ школьнаго преподаванія, съ представленіемъ о которомъ въ умѣ каждаго мѣстнаго жителя соединялся бы выходъ изъ тьмы невѣжества къ свѣту образованія, науки. Мы сами виноваты въ томъ, что нашъ го-

сударственный языкъ на русской же окраинѣ причисляется нѣмецкими культуртрегерами къ варварскимъ и слабо изучается эстами и латышами; но, несмотря ни на какія интриги сепаратистовъ, ему немедленно будетъ возвращено подобающее достоинство и мѣсто въ общежитіи, какъ скоро онъ станетъ для всего населенія края языкомъ не только „присутствій“, но и школы, *въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась*. Мы видимъ тому примѣры на Малороссіи, на Литвѣ, на губерніяхъ царства Польскаго. Въ наше время развитія грамотности языкъ школы становится языкомъ матери.

Отрадное для всей православной паствы извѣстіе разнесъ телеграфъ 15 августа изъ Курска: въ день Успенія Пресвятой Богородицы состоялось присоединеніе къ православію всѣхъ мѣстныхъ единовѣрцевъ въ числѣ 578 душъ мужскаго и 568 женскаго пола, составляющихъ 177 семействъ.

Ослабленіе раскола въ Курскѣ началось еще со времени управленія губерніей М. Н. Муравьева. Благодаря его почину и дѣятельности въ соглашеніи съ тогдашнимъ курскимъ архіепископомъ Иліодоромъ, мѣстные старообрядцы, сосредоточенные въ части города за рѣкою Тускарью, раздѣлились на двѣ партіи: одни остались непреклонными въ своихъ заблужденіяхъ, другіе же изъявили готовность перейти въ единовѣріе. Тогда же былъ воздвигнутъ въ Затускарьи большой единовѣрческій каменный храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, и образовался Курскій единовѣрческій приходъ. Число прихожанъ постоянно увеличивалось новообращенными изъ окрестныхъ раскольниковъ, изъ коихъ многіе переходили въ единовѣріе единолично и цѣлыми семействами, но до самаго послѣдняго времени не было ни одного случая присоединенія къ православію единовѣрцевъ. Начинали думать, не ошибся ли М. Н. Муравьевъ, который написалъ на докладѣ объ обращеніи въ единовѣріе затускарныхъ раскольниковъ: „Я увѣренъ, что впослѣдствіи они будутъ православными“. Немногіе обладали прозорливостью этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, а нѣкоторые „спеціалисты“ по изученію раскола склонны даже были видѣть въ единовѣріи соблазнъ для православія. Извѣстно, напр., что И. С. Аксаковъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, считалъ нужнымъ „сильно протестовать противъ такъ называемой единовѣрческой церкви“. Послѣ разговора съ однимъ пошехонскимъ мужикомъ-книжникомъ, который откро-

венно сознавался, что „смущается и колеблется его умъ“, Аксаковъ пришелъ къ заключенію, что всему виною единовѣрческая церковь, такъ какъ мужикъ спрашивалъ его: „зачѣмъ Государь позволилъ благословенныя церкви, а въ нихъ и употребленіе старопечатныхъ книгъ, для чего въ Москвѣ въ синодальной типографіи разрѣшено печатаніе старыхъ, неисправленныхъ книгъ?“ Далѣе Аксаковъ поясняетъ: „Это было сдѣлано съ цѣлью распространить между раскольниками благословенныя церкви, признающія подчиненность архіерею, и сравненіемъ книгъ старыхъ съ новыми, возможнымъ для каждаго,—доказать неважность различія, ибо раскольничьи наставники много берутъ тѣмъ, что врутъ и лгутъ между безграмотными мужиками вволю. А этотъ мужикъ говоритъ мнѣ, что какъ сравнишь старыя книги съ новыми, такъ поколеблется умъ“ [1]). На вѣрующаго просвѣтляющимъ образомъ дѣйствуютъ не разсудочные доводы, а потрясающія его душу событія, въ которыхъ онъ видитъ знаменіе благоволенія Господня. Такъ случилось и въ дѣлѣ присоединенія къ православію курскихъ единовѣрцевъ. На нихъ рѣшительно повліяло чудесное спасеніе Ихъ Величествъ съ Августѣйшимъ Семействомъ при крушеніи поѣзда 17 октября прошлаго года. Видя въ этомъ спасеніи знаменіе милости Божіей, явленной надъ православнымъ Монархомъ, они положили возвратиться въ нѣдра національной церкви; мѣстный единовѣрческій священникъ, Василій Зеленинъ, благочинный всѣхъ единовѣрческихъ храмовъ въ Курской губерніи, извѣстный своею духовнопросвѣтительною дѣятельностью, только утвердилъ и укрѣпилъ ихъ въ этомъ намѣреніи. 2-го іюля прихожане единовѣрческаго храма Успенія Пресвятой Богородицы составили общественный приговоръ, въ которомъ единогласно изъявили желаніе „оставить единовѣріе и присоединиться къ православію, чтобы выразить истинное вѣрноподданническое чувство радости по случаю избавленія отъ опасности Государя Императора съ Августѣйшимъ Семействомъ при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда, и чтобы навсегда запечатлѣть эти чувства радости“.

Не богословская книжная мудрость, а младенчески-чистая, искренняя вѣра въ чудесную силу Божественнаго Промысла направила ихъ на путь истины.

---

[1]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. 1. т II, стр. 230—231.

Изъ опубликованныхъ на дняхъ журналовъ особаго совѣщанія и тарифнаго комитета по вопросу о выработкѣ общихъ основаній для урегулированія провозныхъ платъ на хлѣбные грузы видно, что новыя тарифныя учрежденія, какъ мы заранѣе предвидѣли [1]), не теряя времени, приступили къ дѣлу. Министерство финансовъ не могло смотрѣть на вопросъ объ упорядоченіи хлѣбныхъ тарифовъ исключительно съ точки зрѣнія доходности дорогъ. Какъ ни важно для государственной казны, въ виду хроническаго желѣзнодорожнаго дефицита въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей въ годъ, возможное повышеніе этой доходности,—для нея еще важнѣе, чтобы тарифы не стѣсняли хлѣбную производительность страны, отъ которой въ тѣснѣйшей зависимости находится правильное поступленіе государственныхъ доходовъ. Руководствуясь этимъ взглядомъ, предсѣдатель желѣзнодорожнаго департамента и тарифнаго комитета заявилъ особому совѣщанію въ первомъ же его засѣданіи, что необходимо по возможности *равномѣрное* удовлетвореніе всѣхъ соприкасающихся съ перевозочными тарифами интересовъ, что въ этомъ именно и состоитъ задача въ настоящемъ вопросѣ министерства финансовъ, которое не считаетъ возможнымъ, при современныхъ экономическихъ и финансовыхъ условіяхъ, допустить общія повышенія тирифныхъ ставокъ на хлѣбные грузы, а наоборотъ полагаетъ, что для нѣкоторыхъ районовъ, въ особенности производящихъ сѣрые хлѣба, необходимы нѣкоторыя тарифныя пониженія.

Въ этомъ смыслѣ и были выработаны основныя положенія для регулированія тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ, по ходатайству тарифнаго комитета предложенныя министромъ финансовъ общему съѣзду представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ къ руководству, на точномъ основаніи ст. 2 и п. г. ст. 3-й „Временнаго Положенія (8 марта) о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ“. Съѣздомъ составлены самые тарифы, а для распредѣленія между дорогами провозныхъ платъ за грузы прямыхъ сообщеній, т. е. когда хлѣбные грузы перевозятся по нѣсколькимъ дорогамъ къ опредѣленнымъ пунктамъ назначенія, министромъ финансовъ изданы правила 14 іюня, распубликованныя правительствующимъ сенатомъ. Не подчиниться этимъ правиламъ нельзя, такъ какъ въ дѣлѣ распредѣленія между

[1]) См. майскую кн. „Русск. Вѣстн.“ за текущій годъ.

дорогами долей провозныхъ платъ министру финансовъ предоставлена закономъ 8 марта дискреціонная власть; къ тому же правила эти одинаковы для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ и, стало быть, въ дѣлежѣ долей устанавливаютъ между ними полную равноправность и законом'ѣрность. Но именно эта равноправность и законом'ѣрность неудобна для тѣхъ серединныхъ дорогъ, которыя, пользуясь своимъ положеніемъ, брали себѣ львиную долю прежде, когда дороги могли торговаться между собою и, не обращая вниманія на нужды промышленности, по произволу отказываться отъ участія въ перевозкахъ прямаго сообщенія, если не представлялось возможности ограбить другія дороги, причемъ козлами отпущенія обыкновенно служили линіи, не вышедшія изъ гарантіи: имъ-то что? разсуждали желѣзнодорожные кулаки,—поплатится казна, не акціонеры.

Понятно, съ какимъ негодованіемъ должны были отнестись правленія такихъ дорогъ къ правиламъ 14 іюня; но тогда какъ другія только скрежетали зубами втихомолку или изливали свою желчь на финансовое вѣдомство устами корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, правленіе Курско-Кіевской дороги, руководимое путейцемъ, дослужившимся до генеральскаго чина во времена отсутствія у насъ всякой желѣзнодорожной дисциплины, затѣяло публичный скандалъ. Оно созвало чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ, которое въ числѣ 18 лицъ постановило между прочимъ:

1. Разрѣшить правленію принять предложенныя г. министромъ финансовъ правила 14 іюня съ опубликованіемъ въ тарифахъ, что таковыя вводятся по требованію г. министра финансовъ вопреки правъ Общества, обусловленныхъ § 43 Высочайше утвержденной 24 декабря 1866 года концессіи; при этомъ правленію поручается вести подробный учетъ убытковъ, наносимыхъ Обществу введеніемъ вышеуказанныхъ правилъ.

2. Въ виду явнаго (!) нарушенія Высочайше дарованныхъ Обществу концессіонныхъ правъ, остающихся и понынѣ Высочайшею же властью неотмѣненными, предоставить правленію право: распоряженіе г. министра финансовъ о примѣненіи изданныхъ имъ 14 іюня сего года правилъ обжаловать въ 1-й департаментъ правительствующаго сената (и поступать также со всѣми будущими правилами, какія могутъ быть издаваемы министромъ финансовъ въ дальнѣйшее развитіе положенія о тарифныхъ учрежденіяхъ).

3. Въ видахъ вышеуказаннаго нарушенія Высочайше даро-

ванныхъ правъ Обществу, а равно и стремленія правительства къ урегулированію тарифнаго дѣла дорогъ Имперіи по однообразной формулѣ... повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшее прошеніе о принятіи дороги въ казну... Одновременно съ симъ довести до Высочайшаго воззрѣнія о той паникѣ, которая овладѣла всѣми акціонерами дороги, акціи которой... потерпѣли въ короткое время такія колебанія, что стоимость ихъ съ 360 р. упала до 296½ р. [1]), не смотря на объявленный за 1888 годъ дивидендъ въ размѣрѣ 9 рублей...

4. Уполномочить предсѣдателя правленія вступить въ переговоры съ крупнѣйшими акціонерами дороги внутри Россіи и заграницей, для подробнаго выясненія настоящаго положенія дѣлъ и обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ, предоставивъ въ безотчетное его распоряженіе на заграничные разъѣзды 6.000 р.

Правленіе Курско-Кіевской дороги, повидимому, разсчитывало взять дерзостью то, что не давалось ему въ руки силою закона, водвореннаго на мѣстѣ преданій анархіи. Наша повременная печать отнеслась крайне неодобрительно къ такой выходкѣ и достаточно выяснила неосновательность притязаній Курско-Кіевской дороги и взводимыхъ ею на финансовое вѣдомство обвиненій.

Не говоря уже о томъ, что ни 43-й, ни другой какой-либо параграфъ Высочайше утвержденной 24 декабря 1866 года концессіи не предусматриваетъ случаевъ дѣлежа провозныхъ платъ въ прямыхъ сообщеніяхъ и что само же правленіе дороги, оспаривая одинъ предъявленный къ нему искъ, доказывало въ своихъ объясненіяхъ сенату, что означенный параграфъ, которымъ установляются предѣльные тарифы, *не относится къ грузамъ, перевозимымъ прямымъ сообщеніемъ* [2]), уставъ Общества Курско-Кіевской дороги содержитъ слѣдующее постановленіе:

§ 49. Во всѣхъ случаяхъ, настоящимъ уставомъ неопредѣленныхъ, Общество руководствуется общими законами и въ особенности правилами, для акціонерныхъ компаній и для частныхъ желѣзныхъ дорогъ постановленными, или которыя будутъ впредь постановлены.

---

[1]) По курсу 21 августа, т. е. почти черезъ мѣсяцъ послѣ поднятаго правленіемъ Курско-Кіевской дороги шума, акціи этой дороги на с.-петербургской биржѣ упали еще ниже (до 277 р.), но стояли все же выше ихъ нарицательной цѣны (20 ф. ст.).

[2]) См. № 218 «Моск. Вѣд.» отъ 9 августа сего года.

*

До очевидности ясно, что не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи „сепаратныхъ правъ“ Общества общимъ для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ закономъ 8 марта и что правила 14 іюня, изданныя министромъ финансовъ въ развитіе этого закона и на точномъ его основаніи равномѣрно распредѣляющія между дорогами доли провозныхъ платъ въ прямыхъ сообщеніяхъ, примѣнительно къ хлѣбнымъ грузамъ, не стоятъ ни въ какомъ противорѣчіи съ Высочайшею волею, ни въ чемъ не нарушаютъ дарованныхъ акціонерамъ Курско-Кіевской дороги правъ и безусловно обязательны для этой дороги.

Притязаніе мнимыхъ „хозяевъ“ дороги „распоряжаться ею какъ предпріятіемъ, основаннымъ для извлеченія изъ него коммерческой выгоды“, вытекаетъ изъ совершенно ложнаго взгляда на самую задачу сооруженія рельсовыхъ путей. Они сооружались и сооружаются у насъ съ громадными жертвами со стороны казны и съ ничтожными, сравнительно, денежными затратами акціонерныхъ компаній, вовсе не для извлеченія коммерческихъ выгодъ, а для удобствъ населенія страны, ея торговли и промышленности. Желѣзная дорога, открытая для движенія по ней, за установленную плату, пассажировъ и грузовъ, является такимъ же учрежденіемъ общественной службы, какъ почты и телеграфы. Въ чьихъ бы рукахъ ни находилась эксплоатація желѣзныхъ дорогъ, онѣ не теряютъ своего государственнаго значенія и должны быть подчинены правительству не только въ отношеніи техническаго и полицейскаго надзора, въ видахъ безопасности движенія, но и въ отношеніи финансовомъ, тѣмъ болѣе, что главнымъ заинтересованнымъ въ доходности гарантированныхъ дорогъ лицомъ является государство, а въ исправности ихъ содержанія, правильности и безпрепятственности движенія по нимъ — все населеніе страны, экономическіе интересы котораго должны быть ограждаемы правительствомъ также и на дорогахъ не-гарантированныхъ, ибо всякая желѣзная дорога является монополіей, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ параллельныхъ рельсовыхъ путей.

По этимъ соображеніямъ изданъ законъ 8 марта, и созданы новыя тарифныя учрежденія въ вѣдомствѣ министра, опытнаго въ дѣлѣ управленія желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ и по обязанности заботящагося о благосостояніи производительныхъ силъ страны. Противъ этихъ-то учрежденій, противъ принципа государственной и общенародной пользы, положеннаго въ ихъ основаніе, и протестуетъ правленіе Курско-Кіевской дороги и

тѣ 18 его единомышленниковъ, которые постановили выдать предсѣдателю правленія 6.000 рублей на поѣздки съ цѣлью уговориться съ иностранными акціонерами на счетъ мѣръ дальнѣйшаго противодѣйствія русскому министру, и не постѣснились объявить во всеуслышаніе о такой своей скандальной выходкѣ. Не будь у насъ полицейской цензуры, они расклеили бы, пожалуй, афиши о своемъ шутовствѣ по всѣмъ перекресткамъ столицъ и вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ. Но безтактность плохая помощница въ борьбѣ съ властями, сознающими свои обязанности и твердыми въ исполненіи принятыхъ намѣреній. Тарифный комитетъ не смутился протестомъ и, не прибѣгая ни къ какимъ понудительнымъ мѣрамъ, заставилъ неумѣло фрондирующее правленіе принести повинную.

По слухамъ, сообщаемымъ газетою „Новое Время“, дѣло происходило такъ:

Курско-Кіевская дорога, при 439 верстахъ протяженія, имѣетъ четыре передаточныя станціи (Курскъ, Бахмачъ, Ворожба и Кіевъ), отстоящія приблизительно на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой. Такимъ образомъ, съ каждаго ставерстнаго участка Курско-Кіевской дороги хлѣбные грузы могутъ перейти на другія дороги. Для ставерстныхъ же и даже двухсотверстныхъ разстояній [1]) правила 14 іюня оставляютъ дорогамъ отправленія нормальный или уставный тарифъ. Стало быть, еслибы Курско-Кіевская дорога за все свое протяженіе назначила плату большую, чѣмъ слѣдуетъ по правиламъ, а между тѣмъ сосѣднія дороги, подчинившіяся правиламъ, конечно, не поступились бы въ пользу Курско-Кіевской дороги

---

[1]) Въ п. 7 предложенныхъ желѣзнымъ дорогамъ къ руководству основныхъ положеній, выработанныхъ тарифнымъ комитетомъ, изложено:

Для установленія общихъ итоговъ провозныхъ платъ до портовъ и станцій сухопутной границы во всѣхъ тарифообразовательныхъ направленіяхъ надлежитъ руководствоваться нижеслѣдующей формулой:

За разстоянія: отъ 1 до 360 верстъ должна взыскиваться провозная плата по нормальному тарифу, т. е. по $^1/_{24}$ коп. съ пуда и версты съ 10% скидкой на разстояніе болѣе 200 верстъ.

Отъ 360 до 1.600 верстъ къ платѣ за 360 верстъ должна прибавляться плата по $^1/_{80}$ коп. съ пуда и версты.

Отъ 1.601 до 3.000 верстъ къ платѣ за 1.600 верстъ должна прибавляться плата по $^1/_{200}$ коп. съ пуда и версты.

Отъ 3.001 и болѣе—временно должна взиматься та же плата, какъ за 3.000 верстъ.

частью своей доли, то въ результатѣ получилось бы возвышеніе провозной платы для хлѣбныхъ грузовъ, идущихъ къ портамъ чрезъ всю Курско-Кіевскую дорогу. Но въ такомъ случаѣ, имѣя свободный выходъ на сосѣднія дороги, хлѣбные грузы пробѣгали бы по ней только до первой передаточной станціи, т. е. не свыше или около 100 верстъ, и Курско-Кіевская дорога, въ силу вещей, лишилась бы всѣхъ транзитныхъ хлѣбныхъ грузовъ. Соображая такое положеніе вещей, тарифный комитетъ, въ виду протеста Курско-Кіевской дороги, предположилъ не устанавливать тарифовъ прямаго сообщенія на все протяженіе этой дороги, а ограничиться установленіемъ тарифовъ лишь для короткихъ участковъ ея, съ которыхъ можетъ производиться передача хлѣбныхъ грузовъ на сосѣднія дороги, причемъ эти послѣднія получали бы сполна свои доли провозной платы. Тогда и Курско-Кіевская дорога потеряла бы поводъ къ жалобамъ, и отправители были бы ограждены отъ необходимости платить больше за свои грузы потому только, что они волею судебъ обрѣтаются въ районѣ Курско-Кіевской дороги.

12-го августа предположеніе тарифнаго комитета сообщено было Курско-Кіевской и сосѣднимъ съ нею дорогамъ, а 18-го августа правленіе Курско-Кіевской дороги уже сообщило тарифному комитету, что оно постановило: подчиниться „безусловно и безоговорочно“ правиламъ 14-го іюня и изъявить согласіе на ихъ примѣненіе, а вмѣстѣ просило сдѣлать немедленное распоряженіе объ утвержденіи и распубликованіи всѣхъ тарифовъ прямаго сообщенія черезъ Курско-Кіевскую дорогу, которые раньше были опротестованы, безъ какихъ-либо оговорокъ, сдѣланныхъ представителемъ дороги на послѣднемъ съѣздѣ желѣзнодорожныхъ представителей.

Тѣмъ и кончился фарсъ, разыгранный фрондирующимъ правленіемъ... Любопытно было бы, однако, знать: успѣлъ ли его предсѣдатель прокатиться заграницу на отпущенные ему въ безотчетное распоряженіе 6.000 рублей?

Во всякомъ случаѣ акціонерамъ дороги, не исключая иностранныхъ, было бы, кажется, всего выгоднѣе и приличнѣе окончательно поблагодарить за труды такого усерднаго ревнителя и ловкаго борца за желѣзнодорожную автономію.

Правительство разсталось на дняхъ также съ однимъ усерднымъ дѣятелемъ, д. с. с. Картавцовымъ, стоявшимъ, какъ из-

вѣстно, во главѣ двухъ государственныхъ кредитныхъ установленій: дворянскаго и крестьянскаго банковъ. Д. с. с. Картавцовъ уволенъ по болѣзни. Назначенный на его мѣсто графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, нашъ извѣстный, симпатичный поэтъ, отлично однако знакомый съ банковымъ дѣломъ, не принадлежитъ къ числу послѣдователей учителей, своего предшественника, а потому можно надѣяться на исполненіе желанія, уже выраженнаго въ печати, „чтобы въ дѣятельности государственныхъ сословно-поземельныхъ банковъ поменьше оставалось мѣста всякаго рода тенденціозности, отъ которой, къ сожалѣнію, эта дѣятельность до сихъ поръ не вполнѣ была свободна“. Мы увѣрены, что интересы обоихъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго, могутъ легко уживаться въ соединенномъ управленіи обоими кредитными установленіями, какъ уживаются они въ нашей сельской дѣйствительности, когда между ними не становится народническое направленіе въ духѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ; но для этого необходимо и брать примѣръ съ сельской дѣйствительности, которая сама по себѣ никогда не требовала „перетасовки“ дворянскаго землевладѣнія [1]) и превращенія всякаго хозяйства въ крестьянское. Государственный кредитъ не можетъ и не долженъ служить соблазномъ къ ликвидаціи помѣстной собственности въ угоду народническимъ тенденціямъ, которыя, разумѣется, не могли найти себѣ выраженіе ни въ одномъ нашемъ финансовомъ законѣ, но могли быть внушаемы помимо закона и отклонять агентовъ казенныхъ банковъ отъ прямой единственной ихъ задачи безстрастнаго посредничества въ дѣлѣ кредита. Благородная личность графа Голенищева-Кутузова сама по себѣ служитъ достаточною гарантіей добросовѣстнаго и согласнаго съ видами правительства исполненія управляющимъ обоими сословно-поземельными банками возложенныхъ на него по Высочайшей волѣ служебныхъ обязанностей.

Изъ новыхъ назначеній не можетъ не привѣтствовать и назначенія государственнымъ контролеромъ дѣйств. тайн. сов. Т. И. Филиппова. Новый государственный контролеръ принадлежитъ къ числу классически образованныхъ русскихъ государственныхъ людей, проложившихъ себѣ дорогу къ

---

[1]) См. „Внутреннее обозрѣніе“ въ августовской кн. „Русскаго Вѣстника“.

высшимъ должностямъ исключительно личными дарованіями. Какъ публицистъ и ученый, Т. И. Филипповъ извѣстенъ своими прекрасными статьями въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ и другихъ повременныхъ изданіяхъ, чтеніями въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія о нуждахъ нашего единовѣрія и своею образцовою книгою „Современные церковные вопросы“. Постоянно выступая противникомъ мертвящей церковную жизнь системы Ѳеофана Прокоповича, Т. И. Филипповъ обнаружилъ глубокое пониманіе духа православія, нераздѣльнаго съ соборнымъ началомъ. Перейдя на службу въ государственный контроль, по усиленному настоянію статсъ-секретаря Татаринова еще 15 лѣтъ тому назадъ, онъ, конечно, вполнѣ изучилъ технику контрольнаго дѣла; въ лицѣ новаго контролера государство пріобрѣтаетъ сановника опытнаго въ этомъ трудномъ дѣлѣ, требующемъ напряженнаго вниманія и большаго такта при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ и объясненіяхъ со всѣми вѣдомствами. Независимость сужденій, особенно цѣнная въ государственномъ контролерѣ, вырабатывается трудовою жизнью и основательнымъ многостороннимъ образованіемъ, а эта жизнь и это образованіе усвоены Т. И. Филипповымъ еще въ молодости.

О предстоящихъ государственному контролю новыхъ задачахъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тейфенбахъ, въ Штиріи, 20 августа (1 сентября) 1889 г.

Въ наше время посѣщенія монархами родственныхъ или союзныхъ дворовъ не составляютъ явленія чрезвычайнаго, выходящаго изъ границъ обычнаго международнаго обихода, но политическое значеніе ихъ опредѣляется какъ поводами, ихъ вызвавшими, такъ и обстановкою, при которой они совершаются. Съ этой двойной точки зрѣнія безспорно заслуживаетъ нашего нарочитаго вниманія недавняя поѣздка императора Вильгельма II въ Англію.

Не смотря на близкое родство свое съ англійскимъ королевскимъ домомъ, молодой германскій императоръ не выказалъ ему особой предупредительности и не только не включилъ королеву Викторію въ разрядъ государей, посѣщенныхъ имъ въ первые мѣсяцы по вступленіи на престолъ, но медлилъ цѣлый годъ исполненіемъ этого долга вѣжливости. Причины, имъ руководившія, были двоякаго рода. Съ одной стороны онѣ заключались въ натянутыхъ отношеніяхъ Вильгельма II къ своей матери, выразившихся не въ однихъ пререканіяхъ, но и въ довольно крутыхъ мѣрахъ, не отличавшихся сыновнею почтительностью. Однако мы едва-ли ошибемся, утверждая, что посѣщеніе лондонскаго двора было отложено также по причинамъ чисто политическаго свойства, въ силу соображеній, тѣсно связанныхъ съ положеніемъ берлинскаго кабинета, какъ средоточія средне-европейской федераціи, именующей себя „Лигою Мира“. Въ убѣжденіи этомъ утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что свиданію царственнаго внука съ престарѣлою бабкою предшествовали дѣятельные дипломатическіе переговоры между государственными людьми нѣмецкими и англійскими, и что для устраненія послѣднихъ препятствій понадобилась даже предварительная развѣдка въ Лондонѣ сына имперскаго канцлера.

Для Россіи далеко не безразлична сущность отношеній, уста-

новившихся со времени съѣзда въ Осборнѣ между сильнѣйшею морскою державою въ мірѣ и Германскою имперіею, вкупѣ съ союзниками своими располагающею многочисленнѣйшими вооруженными силами на сухомъ пути. Попытаемся же выяснить ихъ въ настоящемъ, не пренебрегая при томъ и указаніями прошлаго.

Первымъ политическимъ предпріятіемъ нынѣшняго князя Бисмарка при вступленіи имъ, болѣе четверти вѣка назадъ, въ завѣдываніе внѣшними дѣлами Пруссіи, былъ хищническій набѣгъ на Данію и насильственное отторженіе отъ нея трехъ при-эльбскихъ герцогствъ. Въ предпріятіи этомъ сообщницею его явилась Австрія, горько поплатившаяся впослѣдствіи за участіе свое въ столь беззаконномъ дѣлѣ; отуманенныя льстивыми рѣчами прусскаго министра, Россія и Франція оказали ему неожиданное потворство. Одна Англія хотя ничего не сдѣлала въ защиту датчанъ, но по крайней мѣрѣ громко протестовала противъ вопіющаго нарушенія лондонскаго договора 1852 года, обезпечивавшаго Даніи обладаніе герцогствами и скрѣпленнаго подписью всѣхъ великихъ державъ. Когда же у г. фонъ-Бисмарка хватило духу потребовать отъ лондонскаго двора признанія своего образа дѣйствій „умѣреннымъ и примирительнымъ“, то лордъ Джонъ Россель рѣзко отвѣтилъ ему, „что предпочелъ бы полное молчаніе попыткѣ оправдать условія мира“. Еще строже звучалъ отзывъ великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ о Гаштейнской конвенціи, непосредственно предшествовавшей австро-прусской войнѣ 1866 года. „Соглашеніемъ въ Гаштейнѣ“, заявилъ онъ, „нарушены всѣ права, какъ старыя, такъ и новыя, на чемъ бы они ни были основаны, на торжественныхъ ли договорахъ между государями или на ясномъ выраженіи народной воли, и авторитетъ силы есть единственная власть, съ которою соображались и которую признали“.

Нѣмецкій канцлеръ долго не прощалъ англійскому правительству столь гласнаго осужденія его политическихъ пріемовъ, какъ не прощалъ впослѣдствіи робкой попытки протестовать во имя нарушеннаго права противъ распаденія германскаго союза и едва-внятнаго лепета министровъ королевы Викторіи въ пользу разгромленной Франціи въ 1870—71 годахъ. Самъ онъ выражался о нихъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, доколѣ они принадлежали къ либеральной партіи виговъ, и даже по возвращеніи къ власти торіевъ, въ 1874 году, потребовались такія міровыя событія, какъ русско-турецкая

война и завершившій ее берлинскій конгрессъ, чтобы создать между Германіею и Англіею общую политическую почву, на которой они сошлись въ дружномъ противодѣйствіи распространенію политическаго вліянія Россіи на Востокѣ.

Когда осенью 1879 года разнеслась по Европѣ вѣсть о заключеніи явно направленнаго противъ Россіи австро-германскаго союза, преемникъ Биконсфильда лордъ Салисбюри громко привѣтствовалъ ее, какъ самую желанную и счастливую. Это не помѣшало князю Бисмарку отклонить приступленіе Англіи къ упомянутому ядру нынѣшней средне-европейской коалиціи. Тогда еще онъ дѣлилъ великія державы Европы на два разряда: миролюбивыхъ и воинственныхъ. „*Рышительно миролюбивыми*“ онъ признавалъ лишь Германію, Австрію и Францію; Англію называлъ воинственною въ прочихъ частяхъ свѣта, но мирною въ Европѣ; Россію — задорною и завоевательною, а Италію — безпокойною и готовою на всякія приключенія. „Средство сдержать воинственныя державы“—говорилъ онъ французскому послу графу Сенъ-Валье, „осуществленіе соглашенія державъ миролюбивыхъ. Вотъ почему я обрадовался вашему сближенію съ Англіей. Я рукоплескалъ ему, поддерживая его передъ англичанами равно какъ передъ вами. Въ моихъ глазахъ вашъ союзъ съ Англіей—существенный залогъ нашего общаго спокойствія, потому что Франціи, опирающейся на Англію, нечего бояться за свою безопасность и, сознавая свою силу, она можетъ жить мирно, вдали отъ рискованныхъ предпріятій; служа ей опорою, Англія сдерживаетъ Францію, а та въ свою очередь сдерживаетъ Англію, которая могла бы даже увлечь себя на путь приключеній, еслибы оставалась одинокою. Такимъ образомъ, въ моихъ мысляхъ соглашеніе наше съ Австріею является дополненіемъ вашего соглашенія съ Англіею: это сплоченіе въ два пука соединенныхъ между собою любовью къ миру, спокойныхъ и мирныхъ началъ въ Европѣ. Союзъ австро-германскій, союзъ англо-французскій, дружественныя отношенія между обѣими группами — таково краснорѣчивѣйшее предостереженіе буянамъ, чтобы они оставались въ покоѣ. Они—вѣрнѣйшее ручательство за поддержаніе европейскаго мира“.

Чего не договаривалъ князь Бисмаркъ, но что несомнѣнно составляло предметъ его страстныхъ, хотя и затаенныхъ желаній—это надежда стравить Англію съ Россіею, вызвать тѣмъ или другимъ способомъ исполинскую борьбу „кита“ со „слономъ“, послѣдствіемъ которой неизбѣжно явилось бы ослабленіе обо-

ихъ противниковъ. Отсюда двусмысленное положеніе, занятое берлинскимъ дворомъ въ продолженіе афганской распри, едва не приведшее къ разрыву кабинеты с.-петербургскій и лондонскій; отсюда и попеременныя заигрыванія то съ англичанами, то съ нами. А когда весь этотъ трудъ оказался напраснымъ, и Россія и Англія предпочли „доброй ссорѣ“ „худой миръ“ и путемъ временныхъ уступокъ уладили возникшія между ними несогласія, то князю Бисмарку осталось лишь удовольствоваться единственнымъ благопріятнымъ для него послѣдствіемъ англо-русской размолвки: паденіемъ въ іюнѣ 1885 года кабинета Гладстона и вторичнымъ водвореніемъ лорда Салисбюри во главѣ торійскаго министерства.

Неужели результатъ этотъ былъ весьма немаловаженъ для цѣлей нѣмецкой политики на Востокѣ если припомнимъ, что Гладстонъ, тотъ самый государственный человѣкъ, что, въ виду замышляемыхъ Австро-Венгріею, съ одобренія и даже по наущенію Германіи, захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ ущербъ самобытности и независимости населяющихъ его христіанскихъ племенъ, не задумался громко кликнуть вѣнскому двору: „руки прочь!“ Вѣрный кореннымъ началамъ своей долголѣтней политической дѣятельности, маститый вождь виговъ никогда не пошелъ бы на сдѣлку, клонящуюся къ порабощенію иноземнымъ вліяніямъ молодыхъ государственныхъ организмовъ, имѣющихъ несомнѣнное право на самостоятельное развитіе, не пошелъ бы, невзирая ни на какія преимущества, предоставленныя Великобританіи Германіей и ея союзниками. Другое дѣло лордъ Салисбюри, продолжатель начинаній Биконсфильда. Возникшая въ Болгаріи смута сразу опредѣлила полную его солидарность въ восточныхъ дѣлахъ со среднеевропейскимъ дворомъ. Оставалось оформить эту связь, такъ сказать, узаконить ее письменнымъ обязательствомъ. Самъ князь Бисмаркъ начиналъ признавать необходимость такого расширенія своей первоначальной программы и допущенія Англіи къ участію въ раздѣлѣ восточной добычи. Побуждали его къ тому выходъ Россіи изъ состава тройственнаго союза, возвращеніе себѣ ею полной свободы дѣйствій и какъ послѣдствіе таковой — грозный призракъ союза съ Франціею, которая уклончивостью своею отъ столько разъ предложеннаго ей сближенія съ Германіей не оправдала надеждъ, возложенныхъ на нее нѣмецкимъ канцлеромъ десять лѣтъ назадъ. Третій членъ „Лиги Мира“ — Италія, въ особенности настаивала на привлеченіи въ ея составъ Сентъ-Джемскаго кабинета, не полагаясь на соб-

ственныя морскія силы для защиты береговъ своихъ въ случаѣ нападенія на нихъ французскаго флота.

Неожиданнымъ препятствіемъ явился разладъ въ нѣмецкой императорской семьѣ, который не могъ, разумѣется, не отразиться на отношеніяхъ Берлина не только къ англійскому двору, но и правительству. Всѣмъ памятны острыя проявленія этого разлада въ послѣдній годъ царствованія императора Вильгельма I, вокругъ болѣзненнаго одра его несчастнаго сына и преемника, въ стодневное правленіе Фридриха III, наконецъ въ первый годъ по воцареніи Вильгельма II, гоненіе на всѣхъ, кто пребылъ вѣренъ царственному страдальцу на престолѣ: на врача его Макензи, довѣреннаго совѣтника Гефкена, личнаго друга Торнтона, на мужественную его подругу и неутѣшную вдову, саму императрицу Викторію.

Но утоливъ жажду личной мести, отвѣтственный руководитель нѣмецкой политики снова взглянулъ на сильно поколебленныя отношенія Германіи къ Англіи съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ первой изъ этихъ державъ. Ему ясно представилось, что пора прекратить задорную игру, не только безплодную, но и положительно вредную въ своихъ политическихъ результатахъ. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, въ Лондонѣ поспѣшили ему навстрѣчу, и примиреніе родственное и дипломатическое запечатлѣлось нынѣ торжественнымъ пріемомъ, оказаннымъ германскому императору англійскою королевою, ея семьею, министромъ, арміею и флотомъ.

Мы не станемъ касаться степени искренности тѣхъ увѣреній въ родственной любви и привязанности, кои расточали другъ другу и гость, и хозяева. Что дѣло не ограничилось выраженіемъ однихъ этихъ чувствъ, — явствуетъ изъ воинственныхъ рѣчей, произнесенныхъ Вильгельмомъ II, рѣчей, взывающихъ къ воспоминаніямъ братства по оружію двухъ вѣтвей великаго германскаго племени на поляхъ Мальплакэ и Ватерлоо. Отголосокъ этихъ рѣчей раздался и въ Берлинѣ на пирѣ гвардейскаго драгунскаго полка, шефомъ коего вновь пожалованный „почетный“ адмиралъ англійскаго флота назначилъ, вопреки преданіямъ прусскаго двора, бабку свою, королеву Викторію, и даже въ стѣнахъ Вестминстерскаго дворца, въ отвѣтномъ заявленіи г. Фергюссона на запросъ г. Лабушера. Но всего знаменательнѣе представляется намъ возвѣщенное „Сѣверо-Германскою Всеобщею газетою“, рѣшеніе берлинскаго кабинета задержать дальнѣйшее развитіе колоніальной политики Германіи на Африканскомъ побережьи. Это несомнѣн-

ная уступка притязаніямъ Сентъ-Джемскаго двора, и если князь Бисмаркъ рѣшился ее сдѣлать, то, конечно, не даромъ. Она прямо указываетъ на приступленіе Англіи къ пресловутой „Лигѣ Мира“, въ томъ или другомъ видѣ, но во всякомъ случаѣ не безъ признанія верховнаго руководительства ея создателя и главнаго вождя.

Излишне распространяться о проистекающемъ отъ того усиленіи боевыхъ средствъ средне европейской коалиціи. Достаточно указать на неизбѣжныя послѣдствія участія въ ея военныхъ операціяхъ англійскаго флота. На Западѣ оно парализуетъ дѣйствіе морскихъ силъ Франціи и обезпечиваетъ отъ нападенія обширную береговую линію Германіи на моряхъ Сѣверномъ и Балтійскомъ, Италіи и Австріи—въ водахъ Средиземныхъ и Адріатическихъ. Еще важнѣе для наступательныхъ цѣлей „Лиги“ содѣйствіе англійскихъ моряковъ, въ случаѣ войны съ Россіею, на Сѣверѣ — для угрозы Кронштадту и самой столицѣ русской Имперіи, на Востокѣ—для предупрежденія насъ въ занятіи проливовъ. Но это еще не все. Примѣры 1854 и 1877 годовъ доказываютъ, что одного появленія англійскихъ военныхъ судовъ въ Архипелагѣ достаточно, чтобы помѣшать нашимъ естественнымъ союзникамъ, грекамъ, стать подъ наши знамена. Наконецъ, необходимость оградить отъ вторженія со стороны Афганистана наши средне-азіатскія области заставитъ насъ стянуть значительную часть нашихъ силъ отъ главнаго театра войны въ Европѣ.

Въ виду столь опасныхъ для Россіи послѣдствій отъ приступленія Англіи къ такъ называемой „Лигѣ Мира“, позволительно поставить вопросъ: Пыталась ли русская дипломатія воспрепятствовать осуществленію означеннаго политическаго сочетанія? Напрягла ли свой умъ, чтобы изыскать способы къ удержанію Англіи отъ предлагаемаго Германіей соглашенія? Пустила ли въ ходъ всѣ средства, дабы, не скажемъ переманить Сентъ-Джемскій кабинетъ на нашу сторону, но, по крайней мѣрѣ, убѣдить его не покидать нейтральнаго положенія между тройственнымъ союзомъ и державами, стоящими внѣ его?

Сдается намъ, что нынѣ, какъ и десять лѣтъ назадъ, когда состоялся первый враждебный намъ уговоръ Германіи съ Австро-Венгріею, наше дипломатическое вѣдомство равнодушно и безучастно отнеслось къ событію, несомнѣнно заключающему въ себѣ угрозу и опасность для Россіи. Это тѣмъ болѣе жаль, что у насъ нѣтъ недостатка въ средствахъ воздѣйствія на Англію, которая хорошо знаетъ, что спокойное

обладаніе Индіею зависитъ отъ доброй воли русскаго правительства. Есть въ нашей исторіи и блестящій примѣръ того, чего можетъ достигнуть именно на британской почвѣ и притомъ „*мирными*“ средствами русскій дипломатъ, вдохновленный пламенною любовью къ отечеству и неустанно трудящійся на его пользу. Мы разумѣемъ кипучую и плодотворную дѣятельность въ Лондонѣ въ 1790 году нашего посла при англійскомъ дворѣ, графа С. Р. Воронцова.

Тогда, какъ и теперь, Пруссія, стремясь задержать государственный ростъ Россіи на Востокѣ, заключила союзные договоры съ Портою и съ Швеціею и предложила соединиться съ ними великобританскому правительству, во главѣ котораго стоялъ знаменитый Питтъ Младшій. Рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе какъ объ объявленіи дворами Берлинскимъ, Лондонскимъ и Стокгольмскимъ войны Россіи, съ цѣлью принудить императрицу Екатерину заключить миръ съ Турціей на условіи отказа отъ какихъ-либо завоеваній. Англія уже приступила къ обширнымъ вооруженіямъ, снарядивъ противъ насъ сильный флотъ. Воронцовъ потребовалъ объясненій отъ Питта и, не получивъ ихъ, обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Лидсу со слѣдующею энергическою рѣчью: „Такъ какъ я вижу, что министерство въ ослѣпленіи своемъ упорствуетъ въ намѣреніи вести войну несправедливую и равно вредную для обѣихъ странъ, то считаю себя обязаннымъ предупредить зло. Вы, конечно, будете имѣть за себя большинство въ обѣихъ палатахъ, но я достаточно знакомъ съ Англіей, чтобы знать, что министерство и самый парламентъ почерпаютъ силу лишь въ поддержкѣ областнаго мнѣнія, мнѣнія людей имущихъ и независимыхъ, которые въ концѣ концовъ управляютъ страною. А потому я объявляю вамъ, герцогъ, что я напрягу всѣ усилія, дабы нація увидала ваши намѣренія, столь противныя пользамъ страны, и я слишкомъ выгоднаго мнѣнія о здравомъ смыслѣ англичанъ, чтобы не надѣяться, что общій крикъ народа вынудитъ васъ отказаться отъ столь несправедливаго предпріятія“.

Слова эти, по свидѣтельству графа Семена Романовича, „ошеломившія“ англійскаго министра, не остались праздною угрозою. Русскій посолъ вошелъ въ сношенія съ членами парламента и, благодаря его убѣжденіямъ, оппозиція министерству въ одной Нижней палатѣ въ нѣсколько дней увеличилась на сто человѣкъ. Раздались страстныя и краснорѣчивыя рѣчи, обвинявшія правительство въ принесеніи интересовъ Англіи въ жертву себялюбивымъ прискамъ Пруссіи. Но этимъ не удо-

вольствовался графъ Воронцовъ. „Чтобы заставить г. Питта разоружиться“, разсказываетъ онъ въ автобіографической запискѣ, „я распорядился составленіемъ брошюръ, на основаніи доставленныхъ мною подлиннѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ данныхъ, въ которыхъ доказывалось націи, что ее хотятъ увлечь на путь погибели, уничтожить ея торговлю, и все это изъ-за интересовъ ей совершенно чуждыхъ. Я велѣлъ перевести ихъ на англійскій языкъ и по напечатаніи разослалъ по всѣмъ областямъ. Это распространило тревогу въ промышленныхъ городахъ, изъ числа коихъ въ Норвичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ состоялись сходки и общественныя собранія, обнародовавшія свои пренія, требовавшія подачи прошеній парламенту противъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ по отношенію къ Россіи. Прочіе города уже собирались слѣдовать этому примѣру. Изъ многихъ графствъ независимые избиратели писали своимъ представителямъ въ парламентѣ, приглашая ихъ отдѣлиться отъ Питта и подавать голоса противъ него. Въ Лондонѣ на стѣнахъ всѣхъ домовъ народъ писалъ мѣломъ: *Не хотимъ войны съ Россіей!* Въ двадцати и болѣе газетахъ, появляющихся здѣсь, ежедневно помѣщались статьи, исходившія отъ меня (хотя объ этомъ не зналъ никто) и просвѣщавшія націю, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возбуждалась противъ министерства, и все это не стоило моему двору и 250 фунтовъ стерлинговъ, мнѣ же и всѣмъ чиновникамъ моей канцеляріи стоило за то много труда. Ибо съ марта по іюль продолжалась эта борьба, и ни я, ни они не знали покоя. Ночи проводили мы за бумагомараніемъ, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и даже когда я отдыхалъ нѣсколько минутъ, то чиновники мои отдыха не видѣли, такъ какъ по ночамъ относили они въ различныя редакціи газетъ статьи, имѣвшія появиться на слѣдующій день“.

Наконецъ Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ. Флотъ разоружили, Швеціи отказали въ субсидіяхъ, Пруссіи—въ союзѣ. Король шведскій жестоко поплатился за одинокую попытку вторженія въ наши предѣлы. Покинутая Англіей, Пруссія не рѣшилась вступить съ Россіею въ борьбу. Вскорѣ Ясскій миръ упрочилъ за нами пользованіе плодами блестящихъ побѣдъ надъ турками Потемкина, Суворова и Репнина. Онъ былъ заключенъ непосредственно съ Портою безъ всякаго участія или вмѣшательства западно-европейскихъ кабинетовъ.

Освѣжая въ памяти нашихъ читателей этотъ эпизодъ изъ исторіи русской политики въ XVIII вѣкѣ, мы не можемъ не

обратить ихъ вниманія на то характерное обстоятельство, что русская дипломатія того времени по смѣлости и энергіи своихъ пріемовъ, по искусству и разнообразію способовъ дѣйствія, далеко опередила прочіе европейскіе дворы, еще не высвободившіеся изъ тугихъ пеленокъ тупой и мертвенной дипломатической рутины. Примѣръ, приведенный нами, едва-ли не первый примѣръ дипломата, вступающаго въ непосредственное общеніе, скажемъ прямо въ союзъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны, при правительствѣ которой онъ аккредитованъ, чтобы вынудить это правительство измѣнить свою политику въ желаемомъ имъ смыслѣ. Такой поступокъ былъ для дипломатіи конца прошлаго столѣтія новшествомъ необычайнымъ, и рѣшиться на него могъ только родовитый русскій вельможа, почерпающій мужество въ сознаніи высшей отвѣтственности своей предъ престоломъ, коего онъ являлся не только преданнымъ, но самоотверженнымъ слугою. Одушевляла его и спасительная вѣра въ успѣхъ, источникомъ которой было убѣжденіе въ вещественной и нравственной мощи Россіи. Вотъ что дозволяло графу Воронцову говорить съ государственными людьми Великобританіи „тономъ, приличествующимъ представителю одного изъ сильнѣйшихъ государствъ вселенной". Но quod licet Jovi, non licet bovi, и недозволительно было бы ожидать такихъ проявленій величавой твердости отъ дипломатовъ, выслужившихся изъ разночинцевъ иноземнаго происхожденія, чуждыхъ Россіи по всему умственному складу, по родственнымъ и имущественнымъ связямъ, не говоря уже объ антинаціональныхъ чувствахъ и предпочтеніяхъ, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ угодливости предъ начальствомъ, но не способныхъ подняться самимъ до принесенія въ жертву собственныхъ положеній и выгодъ пользамъ или достоинству родной страны. А таковы-то именно и были преемники графа Семена Романовича на лондонскомъ посту, отъ Алопеуса, котораго министръ-патріотъ графъ Ростопчинъ достойно заклеймилъ названіемъ: „прусака тѣломъ и душою" и до пресловутаго Бруннова, этого совершеннѣйшаго воплощенія личнаго эгоизма, являющагося за счетъ своего двора невозмутимымъ выразителемъ безкорыстія политическаго.

По горькой ироніи судьбы, по мѣрѣ того какъ новые и совершеннѣйшіе дипломатическіе пріемы усвоивались западноевропейскою дипломатіею, русскіе дипломаты XIX вѣка все болѣе и болѣе чуждались ихъ, упорно пятясь назадъ, обраща-

ясь къ преданіямъ временъ Вестфальскаго мира и ограничивая свою дѣятельность тѣсными предѣлами дворовъ и гостиныхъ, государственныхъ и посольскихъ канцелярій. Въ началѣ столѣтія даже такіе своенравные люди, какъ Наполеонъ I и Меттернихъ, уже чуяли возникавшую силу общественнаго мнѣнія и искали заручиться его поддержкой. Послѣ революціи 1848 года воздѣйствіе дипломатіи на общество и въ частности на иностранную политическую печать было доведено до еще болѣе широкихъ размѣровъ заботливостью Наполеона III во Франціи и національныхъ министровъ: Пальмерстона въ Англіи и Кавура въ Италіи. Высшей же степени совершенства достигло оно въ Пруссіи и впослѣдствіи въ Германіи, подъ личнымъ руководствомъ нѣмецкаго канцлера, самого прошедшаго черезъ школу публициста и научившагося цѣнить по достоинству всю гибкую и неудержимую мощь печатнаго слова.

Умѣлому и постоянному пользованію этимъ могучимъ орудіемъ обязанъ князь Бисмаркъ своими поразительными дипломатическими успѣхами, по меньшей мѣрѣ столько же имъ, не болѣе, чѣмъ блестящимъ побѣдамъ прусской и германской арміи, отъ которыхъ, къ слову сказать, насъ отдѣляютъ почти два десятилѣтія, тогда какъ политика Германіи не перестаетъ расширять кругъ своего вліянія не только въ Европѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ концахъ вселенной. Такимъ образомъ для нея военная сила — дѣйствительно „ultima ratio rerum“, къ коей приходится прибѣгать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исчерпаны всѣ прочія средства, болѣе сообразныя съ природою человѣческаго разума, или когда средствомъ этимъ подточены корни дерева настолько, что требуется лишь послѣдній ударъ сѣкиры, дабы повергнуть его на земь.

Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы въ дѣятельности нашей дипломатіи, „умѣренность и аккуратность“ которой составляетъ рѣзкую противоположность съ обвиненіями въ хитрыхъ и коварныхъ замыслахъ, въ таинственныхъ происках, постоянно раздающимися противъ нея въ оффиціозной средне-европейской печати. Даже когда въ той или другой странѣ, какъ напримѣръ въ настоящее время во Франціи или въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, проявляется смѣлое сочувственное Россіи теченіе, можно съ увѣренностью сказать, что дипломаты наши тутъ не причемъ, и вымолвить имъ сердечное спасибо уже и за то, что они по старой привычкѣ не становятся ему поперегъ пути. Густой мракъ, покрывающій ихъ дѣйствія, не дозволяетъ проникнуть въ сущность послѣднихъ, и остается пред-

положить, что они кромѣ наблюденія за иностранными правительствами, сводятся къ попыткамъ переубѣдить ихъ посредствомъ внушеній или увѣщаній и отклонить этимъ платоническимъ способомъ отъ предпріятій, замышленныхъ въ ущербъ нашему отечеству.

Напрасный трудъ и тщетная надежда. Пусть подобнаго рода иллюзіи поддерживаются порою въ шаткихъ дипломатическихъ умахъ нѣмецкими оффиціозами, утверждающими то, что „Лига Мира“ вовсе-де не питаетъ враждебныхъ замысловъ противъ Россіи, то что это политическое сочетаніе не вѣчно и что отъ Россіи-де зависитъ снова броситься въ распростертыя объятія своего вѣковаго друга, берлинскаго двора. Что „Лига“ преслѣдуетъ боевыя и наступательныя цѣли—достаточно явствуетъ изъ военной обстановки императора Франца-Іосифа и короля Гумберта при посѣщеніи ими нѣмецкой столицы и изъ застольныхъ рѣчей, коими обмѣнялись оба монарха съ молодымъ германскимъ императоромъ. Что же касается до прочности союзной связи, соединяющей Германію съ Австро-Венгріею и Италіею, то гдѣ и когда видано, чтобы могущественное государство оттолкнуло отъ себя двѣ державы, добровольно ставшія въ подчиненныя, чисто вассальныя отношенія, для того только, чтобы возобновить дружбу съ третьею державою, столь же, какъ она, могущественною и съ которою пришлось бы считаться, какъ равному съ равнымъ?

Не въ однихъ дипломатическихъ кругахъ, но и въ извѣстной части русскаго общества довольно распространено мнѣніе, что, стоитъ намъ захотѣть, и Германія предпочтетъ нашу дружбу австрійской и даже пожертвуетъ намъ славянскими областями Габсбургской монархіи, чтобы закрѣпить нѣмецкія ея земли за собою. Мнѣніе это навѣяно увѣреніями прусской дипломатіи въ ту довольно отъ нихъ уже далекую пору, когда Пруссія нуждалась въ помощи Россіи для того, чтобы извергнуть Австрію изъ Германіи и объединить послѣднюю подъ главенствомъ Гогенцоллернскаго дома. Ему повѣрили наши славянофилы, и глава ихъ Аксаковъ до такой степени усвоилъ его, что упорно повторялъ вопреки всякому вѣроятію и не взирая на совершенно измѣнившіяся обстоятельства до самой своей кончины.

Между тѣмъ достаточно малѣйшаго знакомства съ исторіей австро-германскихъ отношеній за минувшіе двадцать пять лѣтъ, чтобъ признать упомянутое мнѣніе за ничѣмъ не оправдываемое заблужденіе.

Если до осуществленія германскаго единства Бисмаркъ еще колебался въ выборѣ своихъ союзниковъ, то со дня провозглашенія имперіи въ Версалѣ онъ безповоротно остановилъ его на Австро-Венгріи. То не было дѣломъ личнаго предпочтенія, глубокаго политическаго разсчета. Въ январской нашей бесѣдѣ мы со словъ его привели часть побудившихъ его къ тому причинъ. Дополняемъ ихъ нынѣ воспроизведеніемъ весьма убѣдительныхъ объясненій, данныхъ нѣмецкимъ канцлеромъ по этому вопросу въ концѣ 1879 года.

Относительно Австріи—говорилъ онъ графу Сенъ-Вальe—„мнѣ предстояло по пораженіи ея одно изъ двухъ: или окончательно ее уничтожить или уважать ея цѣлость, подготовляя наше будущее примиреніе, какъ только угаснетъ пламя старой вражды. Я избралъ второй путь, ибо первый представлялся въ моихъ глазахъ совершеннымъ безумiемъ. Допустивъ исчезновеніе Австріи, вотъ какія были бы его послѣдствія: Пришлось бы присоединить къ Германской имперіи нѣмецкія области, то-есть чрезмѣрно усилить антипрусскій элементъ и безъ того значительный въ Баваріи, въ Виртембергѣ, въ Баденѣ и въ Гессенѣ. Это было бы равносильно лишенію перевѣса протестантскаго населенія, столь преданнаго и сроднаго новому порядку вещей, и передачѣ его элементу католическому враждебному прусскому управленію. Я велъ „культурную борьбу“ (Kulturkampf) не удовольствія ради и не изъ-за протестантскаго сантиментализма. Я велъ ее противъ воли, подчиняясь безусловной необходимости, въ виду осуществленія единства. Спрашиваю васъ: что сталось бы съ „культурною борьбою“ при избыткѣ въ 10 милліоновъ католиковъ, притомъ еще такихъ фанатиковъ, каковы тирольцы и штирійцы? Я самъ погибъ бы въ борьбѣ, и государство погибло бы вмѣстѣ со мною. Собственными руками я разрушилъ бы зданіе, мною воздвигнутое. Я бы осуществилъ химеру, которую лелѣялъ Наполеонъ III: двѣ другъ другу враждебныя Германіи, папистская на югѣ, гугенотская на сѣверѣ. Вотъ что бы сдѣлалъ я, что повлекло бы за собою присоединеніе къ имперіи нѣмецкихъ областей Австріи. Вотъ почему, пока я живу, этого не будетъ никогда! Но это еще не все. Положимъ, что Австрія уничтожена: вообразите себѣ Вѣну, вѣковую столицу имперіи, преображенную въ главный городъ области. Какое накопленіе ненависти и злобы вызвало бы подобное обезглавленіе! Овладѣвъ Вѣною, можемъ ли мы остановиться на этомъ? Пришлось бы дойти до Тріеста, естественной гавани, необходимаго дополненія Вѣны.

Но Тріестъ—это вѣчная борьба съ Италіею, влекущая за собою страшное ослабленіе, которое причинило бы намъ принятіе въ нашу нѣмецкую среду враждебныхъ населеній Истріи, Каринтіи и Далмаціи. Нельзя было бы намъ удержать Трентино. Мы должны были бы отдать его Италіи, то-есть отдать ей ключъ Альповъ".

„Предстояло бы также"—продолжалъ князь Бисмаркъ—„организовать Венгрію: въ какомъ видѣ, подъ какою властью? Возможна была бы одна только республика Кошута и Тюрра, революціонное начало береговъ Савы, водворенное на нашей юго-восточной границѣ и протягивающее руку итальянскому революціонному началу, угрожающему нашимъ предѣламъ на Юго-Западѣ. Галиція обратилась бы въ добычу Россіи, которая поглотила бы всѣхъ славянъ Австрійской имперіи. Оставалась бы Богемія, вѣчное поле сраженій Европы, великая плоскость, на которой берутъ начало всѣ рѣки, протекающія среди насъ, обширный укрѣпленный природою станъ, воздвигнутый самимъ Богомъ въ срединѣ нашего материка. Богемія во власти Россіи означала бы наше порабощеніе; Богемія въ нашей власти—вѣчная безпощадная борьба съ имперіей царей. Вы видите, для собственной нашей жизни нужно, чтобы жила Австрія".

Нѣмецкій канцлеръ заключилъ: „Я не колебался. Начиная съ 1866 года, всѣ мои усилія стремились къ тому, чтобы сшить снова великую разодранную ткань и возобновить „дружественныя" сношенія со старымъ участникомъ Германскаго Союза".

Если ко всѣмъ этимъ соображеніямъ прибавить еще, что Дунайская монархія служитъ для Германіи удобнѣйшимъ проводникомъ политическаго и культурнаго вліянія на весь славянскій и православный Востокъ, то вполнѣ понятнымъ станетъ разсчетъ князя Бисмарка и неисчислимыя выгоды, извлекаемыя Германскою имперіей изъ союза ея съ Австро-Венгріей. Обоюдны ли эти выгоды—это другой вопросъ и при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи нельзя не придти къ заключенію, что тѣсная связь съ Германіей, уже столь обременительная въ настоящемъ, сулитъ дряхлому царству Габсбурговъ и въ будущемъ однѣ невзгоды.

Мы уже имѣли случай установить въ одной изъ предшедшихъ нашихъ бесѣдъ, что въ основу австро-германскаго союза княземъ Бисмаркомъ положенъ завѣдомый обманъ, такъ какъ для вовлеченія въ свои сѣти императора Франца-Іосифа онъ не задумался приписать Россіи враждебные Австріи за-

мысль, посягательство на ея земельную цѣлость, въ то самое время, когда русскій дворъ нѣсколько наивно искалъ въ полюбовномъ соглашеніи съ нею мирной развязки Восточнаго вопроса. Вселивъ въ австро-мадьярскихъ государственныхъ людей это ложное убѣжденіе, нѣмецкому канцлеру не стоило большаго труда убѣдить, что Германія естественная опора и защитница ихъ монархіи противъ Россіи. Желанный союзъ былъ заключенъ, и неизбѣжнымъ его результатомъ было разубѣжденіе Россіи въ возможности идти рука объ руку съ Австріею на Востокѣ и коренной разладъ между Петербургомъ и Вѣною. Такимъ образомъ измышленная причина австро-нѣмецкаго союза стала дѣйствительнымъ его послѣдствіемъ.

Теперь одно изъ двухъ: въ предстоящемъ столкновеніи средне-европейской коалиціи съ русскимъ міромъ, она или одержитъ верхъ надъ нимъ или потерпитъ пораженіе. Въ первомъ случаѣ зависимость Австро-Венгріи отъ Германіи станетъ еще полнѣе, какъ это и случилось съ южно-германскими государствами—Баваріею, Виртембергомъ и Баденомъ послѣ побѣдоносной войны 1870—71 годовъ, и едва-ли удастся тогда сохранить Габсбургамъ и тѣнь политической самостоятельности. Въ случаѣ же пораженія, имъ придется поплатиться самымъ существованіемъ въ качествѣ великой державы, и остаться свидѣтелями раздѣла ихъ владѣній между ихъ противниками и бывшими союзниками.

Какъ бы то ни было, не наше дѣло скорбѣть о бѣдственной участи, которую подготовляютъ себѣ и своему государству отдаленные и растерянные руководители политическихъ судебъ Австро-Венгріи. Долгъ нашъ смотрѣть прямо въ лицо опасности, угрожающей нашему отечеству отъ скопа и заговора его завистниковъ и враговъ, и искать уменьшить ее всѣми зависящими отъ насъ средствами, и если нельзя вовсе устранить, то побороть ее въ мужественномъ порывѣ единенія всѣхъ нравственныхъ и вещественныхъ силъ Россіи, сосредоточенныхъ въ самодержавныхъ рукахъ ея вѣнценоснаго вождя.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

поступили въ продажу слѣдующія изданія

А. С. СУВОРИНА:

СТРѢЛЫ. Стихотворенія. **В. Буренина.** Изд. второе, дополненное новыми стихотвореніями. Спб. ц. **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **80** к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства россійскаго, Т. V. (Дешевая библіотека). ц. **20** коп., съ пересылкой **30** к.

КОТЛЯРЕВСКІЙ, И. П. Наталка Полтавка. Малороссійская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. (Дешевая библіотека) Спб. ц. **7** к., съ пересылкой **15** к.

ОДОЕВСКІЙ, В. Ѳ., князь. Сказки и разсказы **Дѣдушки Иринея.** (Дешевая библіотека). Спб. ц. **15** к., съ пересылкой **25** к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО

товарищества россійско-американской резиновой мануфактуры

ГЕНРИ КИРШТЕНЪ.

С.-Петербургъ, Адмиралтейская площадь, д. № 8.

Въ большомъ запасѣ и выборѣ: резиновые техническіе предметы для заводовъ, приводные ремни, рукава и т. д. Дорожные предметы, резиновыя издѣлія для домашнихъ и врачебныхъ потребностей, резиновые обода для экипажныхъ колесъ, резиновые буфера (рессоры) для экипажей, отличающіеся неломкостью и дешевизной.

Продажа оптомъ и въ розницу.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Сочиненіе **Александра Барсукова.**

С.-Петербургъ, Изданіе 1888 года.

Цѣна 1 рубль.

Главный складъ въ Товариществѣ «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39, и въ книжномъ магазинѣ *А. С. Суворина*.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, Московскаго Отдѣленія,

І. ЮРГЕНСОНА,
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта).

П. ЮРГЕНСОНА,
Москва, Неглинный проѣздъ, № 10 (на углу Кузнецкаго моста).

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ШКОЛЬНАГО ПѢНІЯ:

Бернардъ: „Птицы пѣвчія“. Собраніе пѣсенокъ для дѣтей перваго возраста (50 к.). „Дитя-пѣвецъ“. Сборникъ 50 дѣтскихъ пѣсенокъ, составленный для забавы и развитія слуха и голоса. Новое изданіе (1 р. 50 к.). 12 пѣсенокъ для дѣтей втораго возраста. Новое изданіе (50 к.). Собраніе дѣтскихъ пѣсенокъ для забавы и развитія слуха и голоса. Новое изданіе, 3 тетради (по 50 к.). 12 пѣсенокъ для юношества, для учебныхъ заведеній. Новое изданіе (50 к.). **„Гусельки“**, 128 колыбельныхъ, дѣтскихъ и народныхъ пѣсенъ для дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ. Составили Вессель и Альбрехтъ, 9-е изданіе (1 р.). **„Школьныя пѣсни“**, 115 народныхъ, литературныхъ и историческихъ пѣсенъ для школъ на 1, 2 и 3 голоса. Собрали Вессель и Альбрехтъ, 3-е изданіе (1 р.). **Брянскій:** Сборникъ 18-ти одноголосныхъ напѣвовъ для дѣтскаго возраста (50 к.). **Галлеръ:** Учебникъ хороваго пѣнія, приспособленный къ школьному обученію (60 к.). **Ломакинъ:** Краткая метода пѣнія, преимущественно для учебныхъ заведеній. 4-е изданіе (1 р.). **Рожновъ:** Элементарные уроки пѣнія (со словами) (20 к.). **Чайковскій:** Дѣтскія пѣсни на русскіе и малороссійскіе напѣвы, съ акомп. фортепіано. Составл. М. Мамонтовой. 4-е изданіе (1 р. 25 к.). **Чайковскій:** Пѣсни для дѣтей старшаго возраста (2 р.). **Лаубъ:** 10 дѣтскихъ пѣсенъ (1 р.). **„Молодымъ дѣвицамъ“.** Вѣнокъ изъ любимыхъ русскихъ романсовъ Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Рубинштейна и др. (2 р.).

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ТОМАХЪ:

Сборники избранныхъ сочиненій: Чайковскаго, Рубинштейна, Геллера, Кирхнера, Мендельсона, Раффа, Шопена, Шульгофа, Шумана и др., для фортепіано въ 2 и 4 руки, для скрипки, для пѣнія, и проч., по весьма дешевымъ цѣнамъ. Издано до 300 томовъ (цѣна за томъ 1 р., 1 р. 50 и 2 р.). Каталогъ этому изданію высылается безплатно.

„КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА".

Собраніе классическихъ и новѣйшихъ пьесъ для фортепіано съ апликатурою и анализомъ, изданныхъ подъ редакціею профессора Черни и одобренныхъ Совѣтами профессоровъ с.-петербургской и московской Консерваторій. Степень I (весьма легкая), 21 пьеса (по 15 и 20 к.). Степень II (легкая), 31 пьеса (по 20 и 30 к.). Степень III (нетрудная), 43 пьесы (по 20, 30 и 40 к.). Степень IV (средней трудности), 55 пьесъ (по 20, 30 и 40 к.). Степень V (трудная) 100 пьесъ (по 20, 30, 40 и дороже). Каталогъ этому изданію высылается безплатно.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Арсъ: „Невозвратное время". Вальсъ въ 2 руки (40 к.), въ 4 руки (40 к.), со скрипкою (60 к.). **Шубертъ**: „На родинѣ". Русская увертюра, въ 2 руки (60 к.), въ 4 руки (80 к.). „Родные отголоски". Попурри изъ любимыхъ русскихъ пѣсенъ, въ 2 руки (1 р. 20 к.), въ 4 руки (1 р. 50 к.). „Русскіе цвѣточки". Попурри изъ любимыхъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ (1 р., въ 4 руки 1 р. 50 к.). „Букетъ изъ любимыхъ русскихъ пѣсенъ". Попурри (1 р., въ 4 руки 1 р. 50 к.). „Цвѣтущія розы". Вальсъ (60 к.). „Задушевные звуки". Вальсъ (60 к.). „Ландыши". Rêverie russe (40 к.), со скрипкою (50 к.), съ флейтою (50 к.), съ віолончелью (50 к.). „Подъ веселую руку". Попурри (1 р.). „Хорошаго по-немножку". Попурри (1 р.). **Неке**: 12-ть фантазій изъ любимыхъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ (1 р. 50 к.). **Чайковскій**: „Времена года". 12 пьесъ: Баркарола, Подснѣжникъ, Осенняя пѣсня, Жаворонокъ и пр. Новое изданіе, въ одномъ томѣ (2 р.), тоже въ 4 руки (3 р.). Полное собраніе его сочиненій для фортепіано; томы 1 и 2 (по 2 р.), томъ 3-й печатается. „Евгеній Онѣгинъ". Полная опера для пѣнія (6 р.), для одного фортепіано (3 р.), въ 4 руки (8 р.). Попурри изъ „Евгеній Онѣгинъ" (1 р. 25 к.), въ 4 руки (1 р. 50 к.), со скрипкою (1 р. 25 к.), съ флейтою (1 р. 25 к.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первою отходящею почтою. Каталоги дешевымъ изданіямъ высылаются безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

LIVRES NOUVEAUX

en vente à la librairie de C. RICKER,

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

AMICIS, Edmondo de. — Alle Porte d'Italia. 1 p. 75 к.

ANNALES de l'ordre de Malte ou des hospitaliers de Saint-Jean-de-Jérusalem, Chevaliers de Rhodes et de Malte par F. de Salles. 9 p. 60 к.

BAYER, Th. von.—Ueber den Polarkreis. Mit 5 Abbild. u. einer Karte. 3 p. 60 к.

BERICHT über d. Handel u. d. Industrie von Berlin im Jahre 1888. 3 p.

BIEDERMANN, W. von.—Goethes Gespräche Band II. 1805—1810. 3 p.

БРЕЙТФУСЪ. Л. Л. — Германское торговое уложеніе. (Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch) 1 p. 50 к.

CALLET, A.—Les origines de la troisième république. Études et documents historiques. 1 p. 75 к.

CARNIO, L.—Die Menschenseele. Ein Beitrag zur Analyse u Erziehung d. Menschen. 1 p. 20 к.

DÜNTZER, Heinrich.—Goethes Tagebücher der 6 ersten Weimarischen Jahre. (1776—1782). 3 p. 60 к.

GANTNER, Max. — Grammatik der italienischen Sprache für reifere Schüler u. zum Selbstunterricht. 1 p. 80 к.

GARNIER, E.—La Porcelaine tendre de Sèvres. 50 planches repr. 250 motifs en aquarelle. Liv. I. 10 p. 50 к.

ГОЛИЦЫНЪ, князь Н. Н.—Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. 1 p. 50 к.

GOTHEIN, E. — Die Aufgaben der Kulturgeschichte. 95 к.

HAMERLING, Robert. — Stationen meiner Lebenspilgerschaft. 3 p. 60 к.

HÖFFDING, Dr. H. — Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit. Aus d. Dänischen übersetzt von Kurella. 2 p. 40 к.

HOVELACQUE, Abel.—Les Nègres de l'Afrique Sus-Equatoriale. Avec 33 figures. 4 p.

KLAUSSMANN, A. O. — Der Humor im deutschen Heere. 1 p. 80 к.

LAIR, A. E.—Des hautes cours politiques en France et à l'Etranger et de la mise en accusation du président de la république et des ministres. 5 p.

OHORN, Dr. A.—Deutsches Fürsten-Buch. Lebensbilder der zeitgenössischen deutschen Regenten. (Inca 20 Lfgn.) Lpg. 1 p. 60 к.

ПОРОХОВЩИКОВЪ, А. — Россія наканунѣ XX столѣтія, вып. 2: Политическій строй русскаго государства и его вооруженныя силы. 1 p. 25 к.

ROD, Edouard. — Le Sens de la Vie. 1 p. 75 к.

SIMON, Edouard.—L'empereur Guillaume II et la première année de son règne. 1 p. 75 к.

STERNE, Carus. — Die allgemeine Weltanschauung in ihrer historischen Entwickelung. Mit zahlr. Abbildungen. 3 p. 60 к.

STÖCKEL, Dr. H. — Geschichte des Mittelalters u. der Neuzeit vom ersten Auftreten d. Germanen bis zur Errichtung d. deutschen Reiches. 2 p. 40 к.

TCHOU-Hi, Kia-Li. — Livre des rites domestiques Chinois, Traduit par C. de Harlez. 1 p. 25 к.

ТЕПЛОВЪ, В. — Русско-Болгарскій церковный вопросъ. 3 p.

VOGÜÉ, V-te. E. Melchior de. — Le Fils de Pierre le Grand. 1 p. 75 к.

WINKELMANN, Eduard. — Kaiser Friedrich II. Band I: 1218—1228. 7 p. 90 к.

WOEIKOF, A. — Der Einfluss einer Schneedecke auf Boden, Klima u. Wetter. 3 p. 60 к.

ZOLL-COMPASS.—Sammlung d. Einfuhr-Zolltarife der europäischen Zollgebiete und jener von Algier, Egypten, Marokko, Tunis, u. d. Vereinigten Staaten von Amerika. I. Jahrgang. 5 p. 40 к.

SOCIÉTÉ DE LIBRAIRIE FRANÇAISE EN RUSSIE
Ancienne maison Mellier

Librairie de la cour impériale et magasin de musique

persp. Nevsky, pont de Police, m. de l'église hollandaise, à St.-Pétersbourg.

Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration par le général comte de Rochechouart, aide de camp de l'Empereur Alexandre I-er 1 beau volume in-8°; pr. 3 r. 40 c.

Guide-album du touriste à Paris pendant l'Exposition de 1889 par Constant de Tours. Joli album in-8° oblong. illustré de 200 dessins et relié en toile; prix 1 r. 60 c.

Étude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856) par un ancien diplomate (Baron de Jomini) 2 vol. gr. in-8°; au lieu de 8 r., pr. 4 r. 50 c.

Leroy-Beaulieu (Anatole). L'Empire des Tsars et les Russes. Tome I-er. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c. (trois volumes sont publiés).

Hugo (Victor). Amy Robsart. Les Jumeaux. 1 vol. in-8°; pr. 2 r. 70 c.

Janet (Pierre). L'automatisme psychologique. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c.

Meaux (Vicomte de). La Réforme et la politique française en Europe 2 vol. in-8°; pr. 6 r 75 c.

Bergeret (Gaston). Principes de politique. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c.

Thouvenel (L.). Le secret de l'Empereur. 2 vol. in-8°; pr. 6 r. 80 c.

Maurel (Charles de). Le prince de Bismarck démasqué 1887—1888. 1 vol. in-8°; pr. 2 r. 70 c.

Villèle (Comte de). Mémoires et correspondance. 4 volumes in-8° à 3 r. 40 c. le volume.

Temple (Sir Richard). L'Inde Britannique. (Type de colonisation moderne). 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

David-Sauvageot (A.). Le réalisme et le naturalisme. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Gresland (Jules). Rien! Rien! Rien! 1789—1889. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Cahu (Théodore). L'Europe en armes en 1889. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Simon (Edouard). L'empereur Guillaume II et la première année de son règne. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Saint-Amand (Imbert de). La duchesse de Berry et la Vendée. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 copecs.

N.-B. Le port pour l'intérieur est en sus des prix indiqués d'après le tarif de la poste.

ROMANS.

Devaux (Paul). Le reporter et le trappiste. 1 vol. in-18; 1 r. 60 c.

Bergeret (Gaston). Le cousin Babylas. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Fabre (Ferdinand). Ma vocation. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Maupassant (Guy de). Fort comme la mort. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Montépin (Xavier de). Le mariage de Lascars. 2 vol. in-18; pr. 2 r. 70 c.

Gyp. Ohé! les psychologues. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Loti (Pierre). Japoneries d'automne. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Halévy (Ludovic). Notes et souvenirs. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Coppée (François). Henriette. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Jourdain (Frantz). A la Côte. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Champsaur (Félicien). La Gomme. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Black (William). Sabina Zembra (traduit de l'anglais). 2 vol. in-18; pr. 1 r. 80 c.

Feuillet (Octave). Le divorce de Juliette. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Bourget (Paul). Le disciple. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Michaud (Gustave). Le voyage de William Willoughby. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Bonsergent (Alfred). Rébelle. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Brethous-Lafargue. Le docteur Taupin. 1 vol. in-18; pr. 1 p. 60 c.

Farina (Salvator). Pour la gloire. 1 vol. in-18; pr. 60 c.

Bou-Saïd. Mademoiselle Myrtille. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Duval (Georges). Rabastens (Le carnaval parisien). 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Maldague (Georges). La Boscotte. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Blanc (Edouard). Chasses à l'impossible. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Le Roux (Hugues). Le chemin du crime. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Castellane (Marquis de). Mademoiselle de Barberis. 1 vol. in-18; pr. 1 r. 60 c.

Театральный, Музыкальный и Художественный Иллюстрированный Журналъ

„АРТИСТЪ".

1. **Правительственныя распоряженія**, касающіяся театра и музыки. Списки пьесъ, дозволенныхъ драматическою цензурою. 2. **Драматическія произведенія**, оригинальныя и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ, **съ снимками** съ декорацій, планами сценъ, **портретами** артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ и проч. 3. **Либретто** оперъ и балетовъ. 4. **Режиссерскій отдѣлъ**, постановка пьесъ, указанія авторовъ, виды и планы декорацій, монтировки, костюмы (съ рисунками), статьи по гриму (съ рисунками), снимки съ извѣстныхъ артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ, снимки съ картинъ и портретовъ историческихъ лицъ. Виды и планы театровъ съ чертежами. Устройство театровъ съ чертежами и смѣтами. 5. **Критическія статьи** по всѣмъ вопросамъ искусства. 6. **Историческія статьи** и очерки эпохъ, изъ коихъ взяты сюжеты для историческихъ драматическихъ произведеній, статьи по исторіи театра и друг. искусствъ, біографіи артистовъ, ихъ воспоминанія, записки, дневники, автобіографіи и проч. съ приложеніемъ портретовъ, видовъ и проч. 7. **Хроника**, корреспонденціи, свѣдѣнія о произведеніяхъ искусства въ Россіи и на западѣ Европы, статистическія свѣдѣнія, отчеты разныхъ артистическихъ и художественныхъ обществъ, и проч. 8. **Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч.** исключительно изъ міра артистовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: *а*) **оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты артистовъ** и писателей и т. п., исполненные фототипіей, автотипіей, фотохемиграфіей и фотоцинкографіей, и *б*) **музыкальныя произведенія** для пѣнія и игры на инструментахъ: отрывки изъ оперъ, романсы и проч.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

Н. П. Аксаковъ, Вл. А. Александровъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. К. Глазуновъ, В. А. Гольцевъ, И. Н. Грековъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, С. Н. Кругликовъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ (Александровъ), А. Ѳ. Крюковской, Ц. А. Кюи, О. Я. Левенсонъ, Д. М. Леонова, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Влад. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, Г. А. Рачинскій, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, проф. Н. И. Стороженко, Кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), проф. Н. С. Тихонравовъ, Кн. А. И. Урусовъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, С. Ф. Ѳедотовъ, А. А. Ѳедотовъ и друг.

Художники: А. Е. Архиповъ, В. Н. Бакшеевъ, Ѳ. А. Бронниковъ, С. А. Виноградовъ, Н. Н. Егорьевъ, А. А. Зарѣцкій, С. В. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Бар. П. А. Клодтъ, К. А. Коровинъ, Н. М. Коваленскій, С. И. Кохъ, А. И. Левитанъ, И. И. Левитанъ, А. П. Ленскій, А. Е. Маковская, М. В. Нестеровъ, М. М. Пановъ, В. В. Переплетчиковъ, В. Д. Поленовъ, Д. П. Поляковъ, П. И. Поляковъ, Л. О. Пастернакъ, А. К. Сильверсванъ, Гр. Ѳ. Л. Соллогубъ, А. С. Степановъ, Ч. А. Танскій, К. А. Трутовскій, Е. М. Хрусловъ, С. И. Ягужинскій, Г. Ѳ. Ярцевъ и др.

Въ 1-й книжкѣ журнала будетъ помѣщена статья С. А. ЮРЬЕВА о цѣляхъ и задачахъ журнала.

Издатель **Ф. А. Куманинъ.** Отвѣтственный редакторъ **А. Р. Гиппіусъ.**

Журналъ будетъ выходить **ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона** (7 разъ въ годъ, съ **сентября** по **апрѣль**) книжками большаго формата.

№ 1 выйдетъ 1-го сентября 1889 года.

Подписная цѣна за годъ 9 р., съ перес. и дост. 10 р., отдѣльные нумера по 2 р.

☞ Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается **разсрочка:** при подпискѣ 4 р., послѣ 1-й книжки 2 р., послѣ 2-й—2 р. и послѣ 3-й—остальныя деньги.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Москва, Кудрино, Садовая, д. Бартельсъ), и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТАРЫЙ ЗАМОКЪ.

Романъ Маріонъ Крофорда.

Въ трехъ частяхъ. Часть 1-я. Главы VI—IX.

СТАРЫЙ ЗАМОКЪ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

Маріонъ Крофорда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI.

Студенческая жизнь въ Германіи съ ея системой дуэлей, корпорацій, пировъ и ея отчаянной приверженностью къ традиціямъ зачастую признавалась нелѣпой европейскими и американскими писателями, хотя тѣ, которымъ она такою представляется, лично не участвовали въ корпоративной жизни, даже пробывъ довольно долгое время въ какомъ-либо изъ германскихъ университетовъ.

И однако многое можно сказать въ пользу ея существованія въ единственной странѣ, гдѣ эта система укоренилась, какъ постоянное учрежденіе. А такъ какъ намъ предстоитъ прослѣдить жизнь Грейфа со студенческой скамьи, то мы должны необходимо пояснить нѣкоторые пункты въ этомъ, вообще плохо понимаемомъ, дѣлѣ.

Каждый знаетъ, что германскій университетъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства въ принципѣ съ тѣмъ, что мы, англичане подразумѣваемъ подъ словомъ университетъ. Студенты не живутъ въ общежитіяхъ или въ какихъ-нибудь зданіяхъ, приспособленныхъ къ ихъ пребыванію. Университетъ, въ смыслѣ зданія, означаетъ лишь аудиторіи, гдѣ читаются лекціи. Профессора и студенты живутъ, гдѣ имъ вздумается,

согласно своимъ денежнымъ средствамъ и вкусамъ. Студенты въ одномъ отношеніи стоятъ особо отъ остальнаго общества. Они не подсудны полиціи за обыкновенные проступки, но судятся университетскимъ начальствомъ, которое сажаетъ ихъ въ университетскій карцеръ, выпуская оттуда для слушанія лекцій и снова запирая по окончаніи ихъ.

Большая толпа молодыхъ людей различнаго возраста пользуется безусловной свободой въ такую пору жизни, когда англійскій студентъ обязанъ быть дома въ двѣнадцать часовъ ночи, ходить въ церковь и въ общую столовую, не говоря уже объ обязанностяхъ, связанныхъ съ регулярнымъ посѣщеніемъ лекцій. Германскіе студенты живутъ на вольныхъ квартирахъ, свободные отъ всякаго надзора, ѣдятъ, гдѣ хотятъ, и если не желаютъ слушать лекцій, то никто ихъ къ тому не принуждаетъ, предполагая въ нихъ достаточно смысла, чтобы знать, чѣмъ они рискуютъ, провалившись на экзаменѣ. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ, они сами образовали между собой ассоціаціи. Въ каждомъ университетѣ находится по нѣсколько студентовъ изъ различныхъ провинцій. Земляки обычно сближаются, когда имъ приходится жить при одинаковыхъ условіяхъ въ одномъ мѣстѣ. Этимъ инстинктомъ можно объяснить происхожденіе корпорацій и вообще всѣхъ другихъ ассоціацій, носящихъ извѣстные цвѣта, за исключеніемъ такъ называемой Тевтоніи, которая, по всей вѣроятности, старѣе всѣхъ и первоначально была политическимъ учрежденіемъ, съ цѣлью распространенія либеральныхъ идей за одно съ идеей объ единствѣ Германіи. Бываетъ нѣсколько одноименныхъ корпорацій, но всѣ онѣ имѣютъ собственные свои цвѣта и представляютъ нѣчто обособленное.

Существуетъ три класса ассоціацій: буршества или товарищества, землячества или союзы земляковъ и корпораціи. Послѣднее слово французское и первоначально произносилось „Corps“; такъ какъ лучшаго слова не пріискали, то онѣмечили самое слово. Кромѣ этихъ трехъ признанныхъ ассоціацій, которыя всѣ носятъ свои цвѣта и признаются университетомъ, существуетъ нѣсколько второстепенныхъ, презрительно называемыхъ „Blasen“, то-есть „Пузыри“, вѣроятно, въ силу ихъ предполагаемой непрочности.

Хотя допущеніе въ эти союзы вообще, да вѣроятно и всегда, производится баллотировкой, но они вовсе не клубы въ обычномъ смыслѣ этого слова. У каждой корпораціи есть свой

погребокъ или „Kneipe“ и свой фехтовальный залъ или право пользоваться имъ, но не существуетъ помѣщенія, соотвѣтствующаго характеру клуба и его разнороднымъ цѣлямъ. Организація и предметъ союза вовсе не требуютъ такихъ помѣщеній.

Корпораціи высоко стоятъ въ общественномъ мнѣніи и вообще очень исключительны. Въ странѣ, гдѣ кастовые предразсудки достигли такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ въ Германіи, ихъ дѣйствіе чувствуется очень рано въ жизни; и въ университетахъ, гдѣ всѣ выгоды образованія доступны бѣднѣйшимъ, такъ какъ курсъ лекцій за одинъ семестръ часто стоитъ всего лишь около десяти рублей, невозможно, чтобы не образовалось такихъ кружковъ, на правильномъ основаніи, молодыми людьми болѣе или менѣе равнаго состоянія. Въ силу этихъ общественныхъ и финансовыхъ отличій, корпораціи сложились въ той формѣ, какъ мы ихъ знаемъ.

Въ каждой корпораціи есть три разряда членовъ и три регулярныхъ должностныхъ лица, и каждому изъ нихъ отведена особая область въ управленіи ассоціаціей. Разряды состоятъ изъ двухъ регулярныхъ и одного иррегулярнаго. Низшій и наименѣе важный считается иррегулярнымъ и тѣ, которые къ нему принадлежатъ, имѣютъ право только на мѣсто въ помѣщеніи, гдѣ происходятъ попойки, и на покровительство регулярной корпораціи. Члены ихъ могутъ быть различныхъ возрастовъ, но ими обыкновенно бываютъ студенты, которымъ не позволяютъ драться на дуэли какой-нибудь физическій недостатокъ или родители, безъ позволенія которыхъ никто не можетъ быть принятъ въ товарищи союза.

Второй разрядъ состоитъ изъ новичковъ, которыхъ называютъ „фуксами“. Это названіе произошло вѣроятно отъ обычая играть при открытіи семестра въ не особенно остроумную игру, называющуюся „охотой на лисицъ“. Въ ней новички верхомъ на стульяхъ должны лавировать между буршами, которые вооружены обожженными пробками и, не трогаясь съ мѣста, стараются вымазать лица младшимъ въ то время, какъ они скачутъ мимо ихъ. Эти „фуксы“ молодые студенты, только-что поступившіе въ университетъ и которые не допускаются въ разрядъ буршей, пока не отбудутъ извѣстное время. Они выбираются въ бурши баллотировкой, на которой не присутствуютъ, и срокъ испытанія длится обыкновенно шесть мѣсяцевъ или одинъ семестръ.

Бурши—полноправные корпораціонные студенты, которые

могутъ быть избираемы въ должностныя лица. Такихъ бываетъ три, и называются они первый, второй и третій уполномоченный. Первый—глава, предсѣдательствующій на сборищахъ и попойкахъ. Корпораціи собираются оффиціально два раза въ недѣлю. Онъ представляетъ также корпорацію на еженедѣльныхъ сборищахъ всѣхъ представителей. Второй уполномоченный руководитъ дуэлями и лично отвѣчаетъ передъ ассоціаціей за всѣ формальности, касающіяся дуэлей между ея членами. Если буршъ или фуксъ вызванъ на дуэль или самъ кого-нибудь вызвалъ, то онъ долженъ немедленно сообщать объ этомъ второму уполномоченному, который улаживаетъ всѣ подробности поединка и обязанъ предупредить о немъ по крайней мѣрѣ за двѣнадцать часовъ. Третій уполномоченный—секретарь и кассиръ; онъ ведетъ протоколы всѣхъ собраній, собираетъ взносы съ членовъ, платитъ по счетамъ и вѣдаетъ финансовую часть и корреспонденцію.

Въ хорошо организованныхъ корпораціяхъ,—а такихъ много,—президентъ считаетъ себя нравственно обязаннымъ слѣдить затѣмъ, чтобы всѣ члены аккуратно посѣщали лекціи. То, что ассоціаціи вовсе не представляютъ собой простыя скопища лѣнивыхъ, буйныхъ студентовъ, достаточно доказывается тѣмъ фактомъ, что почти каждый выдающійся въ Германіи общественный дѣятель принадлежалъ къ нимъ, начиная съ самаго канцлера. Вообще говоря, каждый новичекъ считается какъбы подъ личнымъ надзоромъ кого-либо изъ буршей, на обязанности котораго лежитъ слѣдить, чтобы онъ не бездѣльничалъ и не попадалъ въ просакъ. Изъ этого видно, что система организаціи хороша и что въ дѣйствительности въ ней есть сильный военный элементъ, подобно большинству ассоціацій въ Германіи.

Но она не только военная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воинствующая, и тотъ фактъ, что дуэль одна изъ ея главныхъ предметовъ, всего болѣе подвергается критикѣ и осужденію иностранцевъ. Но прежде всего необходимо понять условія кровопролитныхъ битвъ между корпораціями и тѣ пункты, которыми они отличаются отъ болѣе серьезныхъ ссоръ, разрѣшаемыхъ обыкновенно оружіемъ.

Обыкновенная студенческая дуэль вещь не опасная, хотя часто бываетъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Оружіе, употребляемое въ дѣло—длинная, легкая рапира, четырехгранная на концѣ, обоюдоострая и наточенная, какъ бритва,

во всю длину и на девять дюймовъ отъ острія на оборотной сторонѣ. Рукоятка желѣзная. Лезвіе очень гибкое и не особенно закалено, такъ что въ неискусныхъ рукахъ скоро гнется и становится негоднымъ.

Законъ требуетъ, чтобы оба дуэлянта надѣвали желѣзную маску для защиты глазъ, такъ какъ потеря глаза дѣлаетъ студента негоднымъ для военной службы. Для предохраненія жизни обматывается вокругъ горла плотный шелковый шарфъ, вполнѣ защищающій гортанную вену и сонную артерію. Правая рука, которая при этомъ своеобразномъ фехтованьи употребляется для того, чтобы парировать ударъ *en tierce*, также защищена бандажемъ, а туловище покрыто кожаной броней отъ средины груди до колѣнъ. Мы видимъ, что вся голова, за исключеніемъ глазъ, беззащитна, равно какъ грудь и плечи.

Дуэли новичковъ состоятъ обыкновенно изъ пятнадцати приступовъ, изъ которыхъ первый является простымъ салютомъ. Бурши дерутся впродолженіи пятнадцати минутъ, если только одинъ изъ нихъ не будетъ серьезно раненъ до истеченія этого срока. Говорить запрещается. Если оба дуэлянта искусные фехтовальщики и осторожные, то случается, что дуэль окончится, прежде чѣмъ кто-нибудь будетъ задѣтъ. Но бываетъ также, что до тридцати ранъ наносится съ обѣихъ сторонъ. При дуэли всегда присутствуетъ докторъ, рѣшающій, когда рана настолько сильна, чтобы не дозволить дальнѣйшей дуэли. Это обыкновенно бываетъ, когда перерѣзана большая артерія или расщеплена кость.

Поединки обычно устраиваются для новичковъ, какъ только они научились владѣть рапирой, была у нихъ ссора или нѣтъ — это все равно и объ этихъ поединкахъ не стоитъ и упоминать. Цѣль ихъ—пріучить студента драться за свой счетъ, и онъ долженъ или покориться этимъ условіямъ или съ позоромъ оставить корпорацію. Онъ научается фехтовать хладнокровно и осмотрительно, чему никогда не научился бы въ фехтовальномъ залѣ, съ масками и съ тупымъ оружіемъ, и съ первыхъ же шаговъ пріучается видѣть передъ собой вооруженнаго человѣка и лично отъ него обороняться.

Слѣдуетъ помнить, что дуэль—общественное учрежденіе въ Германіи. Излишне было бы входить въ разборъ недостатковъ и достоинствъ этой системы; достаточно сказать, что покойный императоръ Вильгельмъ въ своей рѣчи объявилъ, что арестуетъ каждаго офицера, который дрался на дуэли, но уволитъ

въ отставку каждаго, который откажется отъ дуэли. Первое условіе этого кажущагося парадокса мѣшаетъ на практикѣ довести этотъ обычай до злоупотребленія; вторая налагаетъ его какъ необходимость въ серьезныхъ случаяхъ. Наказаніе состоитъ въ болѣе или менѣе продолжительномъ арестѣ; въ случаѣ смерти одного изъ дуэлянтовъ, пережившій заключается въ крѣпость на три года, если дуэль была съ разрѣшенія штабъ-офицеровъ полка, собирающихся обыкновенно на совѣтъ чести, и если она происходила согласно постановленіямъ закона. Каждая неправильность карается очень строго. Полковой совѣтъ беретъ на себя заботу о репутаціи офицера, и если онъ объявляетъ, что для дуэли нѣтъ основанія, честь удовлетворена. Въ частной жизни каждый человѣкъ можетъ обратиться къ рѣшенію суда чести, и такія рѣшенія считаются окончательными. Но если человѣкъ отказывается или драться, или обратиться къ такому суду, онъ безпощадно изгоняется изъ общества.

Разъ въ странѣ существуютъ такіе обычаи, существованіе такихъ боевыхъ ассоціацій между студентами понятно и оправдано. Что многіе считаютъ дуэль варварскимъ и устарѣвшимъ обычаемъ, это не можетъ идти въ счетъ. Отдѣльное лицо не можетъ измѣнить условій общества, въ которомъ оно обязано жить, и должно или подчиниться имъ, или быть исключеннымъ изъ общенія съ людьми. Научиться драться на дуэли такъ же обязательно въ Германіи, какъ въ Англіи умѣть прилично ѣсть, и школами поединковъ являются корпораціи и другіе университетскіе союзы. Какъ прямое послѣдствіе они составляютъ также и школы жизни и въ нѣкоторой степени этикета. Человѣкъ научается тамъ, какого сорта рѣчь вѣжлива, и какія слова можно произносить, не оскорбляя другихъ, и въ чемъ въ дѣйствительности состоитъ оскорбленіе. Этимъ путемъ общество избавляется отъ массы непріятностей, и выработывается извѣстная манера себя держать, которая уважается и усвоивается всѣми, кто считаетъ себя джентльменомъ. Совѣтъ корпораціи представляетъ полковой совѣтъ или общественный судъ чести, избираемый штатскими. Бесѣда членовъ другъ съ другомъ, хотя и крайне фамиліарная, регулируется строгими правилами. Малѣйшая тѣнь невѣжливости между членами одной корпораціи должна немедленно сопровождаться извиненіемъ, и отказъ въ немъ влечетъ немедленное изгнаніе виновнаго изъ корпораціи съ позоромъ и—болѣе того—

возвѣщеніе объ этомъ фактѣ циркулярнымъ письмомъ, впродолженіи мѣсяца, каждому корпоративному студенту во всѣхъ многочисленныхъ университетахъ имперіи. Всякаго рода безчестный поступокъ наказывается такъ же точно. Гласность такого скандала громадна. Семь или восемь тысячъ молодыхъ людей немедленно узнаютъ, что одинъ изъ ихъ членовъ опозоренъ, и въ концѣ года всѣ другіе болѣе старые люди, бывшіе корпораціонными студентами въ молодости, тоже узнаютъ объ этомъ фактѣ. Это равносильно тому, что тридцать или сорокъ тысячъ джентльменовъ, принадлежащихъ большею частію къ высшимъ слоямъ общества, возстановляются противъ лица, которое рано или поздно, такъ или иначе, приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. Такое учрежденіе вовсе не шуточное дѣло, равно какъ и его цензура.

Но жизнь студента въ корпораціи состоитъ не изъ одного только ученья и поединковъ. Въ ней есть и свои развлеченія; и если эти развлеченія служатъ зачастую поводомъ къ упрекамъ студентовъ въ разсѣянной и праздной жизни, то, главнымъ образомъ, потому, что самые лѣнивые студенты естественно всего больше попадаются на глаза постороннимъ зрителямъ. Пиво играетъ значительную роль въ жизни нѣмецкихъ студентовъ. Но оно играетъ важную роль и въ жизни самой націи. Нѣмецкое пиво, впрочемъ, не англійскій эль, и тѣмъ менѣе слѣдуетъ его смѣшивать съ вредными пойлами, продаваемыми подъ именемъ нѣмецкаго пива въ другихъ странахъ. Нѣмецкое пиво охраняется закономъ и не облагается пошлиной. Поддѣлка его считается преступленіемъ, попытка обложить налогомъ произвела бы переворотъ въ имперіи. Употребленіе его въ количествахъ, непостижимыхъ для разума, быть можетъ нѣсколько притупило національный умъ. Первая военная держава въ мірѣ пьетъ столько пива, сколько всѣ другіе народы вселенной вмѣстѣ взятые, и быть можетъ даже немного болѣе. Коммерческая нація забиваетъ дешевизной англичанъ въ Англіи, французовъ во Франціи, итальянцевъ въ Италіи и турокъ въ Турціи и потребляетъ больше мальцъ-экстракта чѣмъ всѣ они вмѣстѣ взятые выпьютъ всѣхъ остальныхъ напитковъ.

Студентъ корпораціи пьетъ пиво и чувствуетъ какъ-бы нѣкоторое благоговѣніе къ напитку отцовъ, онъ изобрѣлъ законы и правила для этой церемоніи, отступать отъ которыхъ не дозволяется. Каждое собраніе корпораціи начинается и окан-

чивается „Саламандрой“. Вотъ что это такое. По слову предсѣдателя стаканы или глиняныя кружки ритмически двигаются по дубовому прилавку. По второму слову каждый студентъ осушаетъ свою кружку. Послѣ того посуда ставится на столъ, при чемъ онъ медленно считаетъ три съ правильностью военнаго барабана, затѣмъ сильно ударяетъ три раза, такъ что кружки одновременно хлопаются объ столъ и послѣ того собраніе открыто или закрыто, смотря какъ требуется. Та же церемонія продѣлывается, когда вся корпорація пьетъ за чье-нибудь здоровье. Это основывается на томъ принципѣ, что въ мирныхъ случаяхъ кружка пивная служитъ вмѣсто рапиры и употребляется для салютовъ и борьбы, какъ рапира во время поединка. Отдать столько, сколько получилъ—цѣль обѣихъ. Сколько разъ выпьетъ студентъ за чье-нибудь здоровье, столько должны выпить и за него. Если двое студентовъ затѣятъ споръ, то одинъ можетъ вызвать другаго на пивное состязаніе. Оружіемъ служатъ полныя кружки; по данному сигналу оба подносятъ кружки къ губамъ и кто первый осушитъ ее, тотъ побѣдитель. Предсѣдатель можетъ приказать каждому выпить извѣстное количество кружекъ *pro pœnâ*, какъ кару за нарушеніе какого-нибудь правила, и бурши пользуются тою же привилегіей относительно новичковъ. Нельзя утверждать, что все это особенно остроумно и весело, но это по-нѣмецки...

Существуетъ еще элементъ и весьма важный въ церемоніалѣ веселыхъ собраній. Пѣніе—традиціонное и необходимое дѣло въ каждой регулярной кнейпѣ. У каждаго студента раскрытъ на опредѣленномъ мѣстѣ сборникъ пѣсенъ, съ музыкой и словами. Такъ какъ пѣнію съ листа обучаются въ каждой народной школѣ во всей странѣ, то въ результатѣ является, хотя нѣчто и довольно дикое и грубое, но вовсе не такая какофонія, какой можно было бы ожидать. Голоса молоды, свѣжи и мужественны, напѣвы живые и не хитрые, слова просты, а иногда и торжественны.

Стихи выбираются большею частію изъ твореній великихъ поэтовъ. Духъ поэзіи вообще патріотическій или братскій и всегда существенно національный. Общее впечатлѣніе недурное, и кто сиживалъ за столомъ многочисленной корпораціи, тотъ не скоро забываетъ впечатлѣнія, произведенныя хоромъ, въ которомъ участвовалъ. Пѣніе занимаетъ большое и полезное мѣсто въ нѣмецкой жизни. Какъ средство поддержать патріотизмъ, никто никогда не отрицалъ его значенія, а какъ простое

времяпрепровожденіе, оно болѣе безвредно, чѣмъ всякое другое. Можно даже признать, что способность и любовь къ хоровому пѣнію у молодыхъ людей доказываетъ въ нѣкоторой степени любовь къ законности и порядку. Итальянцы—солисты въ музыкѣ и въ принципахъ. Нѣмцы—прирожденные хоровые пѣвчіе, и ихъ великіе люди сами не поютъ, но управляютъ хоромъ...

Университетъ, котораго Грейфъ былъ студентомъ и который мы называемъ для удобства Шварцбургомъ, одинъ изъ старѣйшихъ въ странѣ. Городъ, гдѣ онъ находится, отличается ассоціаціями и архитектурными строеніями, которыя бросаютъ средневѣковую тѣнь на многіе сѣверные города, вынуждая даже современный прогрессъ усвоивать себѣ старомодныя линіи и поблекшія краски. Въ сѣверныхъ странахъ древность не связывается необходимо съ грязью. Нюренбергъ не кажется новымъ городомъ отъ того, что его улицы чисты, и на нихъ не видно нищихъ; точно такъ какъ древняя резиденція рыцарей тевтонскаго ордена въ Маріенбургѣ не похожа на гостинницу отъ того, что высокіе корридоры и изящныя залы, съ ихъ сводами, опирающимися на центральныя колонны, старательно подметены и избавлены отъ пыли. Было бы интересно разобрать причины, которыя производятъ этотъ странный артистическій эффектъ. Въ Италіи процессъ очистки вполнѣ разрушаетъ ассоціацію съ древностью и художественную красоту, которая когда-то очаровывала путешественника. Гейдельбергъ, Нюренбергъ и большинство городовъ Германіи скорѣе выиграли, нежели проиграли во внѣшности съ развитіемъ цивилизаціи. Быть можетъ, современные нѣмцы больше похожи на своихъ предковъ четырнадцатаго вѣка, нежели современный флорентинецъ похожъ на Лоренцо Медичи. Можетъ быть, въ Германіи необходимыя реставраціи производятся съ большимъ изученіемъ образца. Быть можетъ также, нѣмецкій консерватизмъ, готическій, обдуманный, основательный отражается на всемъ, что дѣлаетъ нѣмецъ; точно такъ какъ не обузданная любовь итальянцевъ къ перемѣнѣ и идолопоклонническое восхищеніе всѣмъ тѣмъ, что въ другихъ странахъ называлось тридцать лѣтъ тому назадъ прогрессомъ, тоже отражается на всѣхъ ихъ работахъ. Архитектура гораздо точнѣе выражаетъ національное чувство, чѣмъ литература или другая какая отрасль искусства или науки. Люди могутъ читать или не читать книгъ, наполняющихъ рынокъ, и никто этимъ не интересуется, кромѣ автора или издателя. Но люди

должны жить въ какихъ-нибудь домахъ, и если они достаточно богаты, чтобы позволять себѣ выборъ, то не станутъ жить въ такихъ домахъ, которые имъ не нравятся, ни молиться въ храмахъ, архитектура которыхъ разстраиваетъ имъ нервы. Между тѣмъ архитекторы стоятъ въ томъ же положеніи относительно домостроителей, въ какомъ авторы стоятъ относительно читающей публики. Если народъ консервативенъ и любитъ старомодныя зданія, архитекторъ обязанъ удовлетворять любовь заказчика къ традиціи, точно такъ какъ профессіональный писатель долженъ писать то, что требуется, или умереть съ голоду. Разница въ результатѣ та, что дома переживаютъ книги.

Грейфъ былъ глубоко привязанъ къ университетскому городу. Онъ провелъ много счастливыхъ часовъ въ его стѣнахъ, и самыя веселыя минуты его жизни протекли въ его крутыхъ, узкихъ улицахъ, среди старинныхъ зданій.

Такое мѣсто естественно имѣло гораздо больше вліянія на него, чѣмъ на большинство людей его возраста. Родившись и выросши въ сердцѣ Шварцвальда, воспитанный въ домѣ, гдѣ впродолженіи столѣтій проживалъ его родъ, онъ почувствовалъ бы себя неловко, еслибы его сразу перенесли въ новѣйшую столицу. Но въ Шварцбургѣ онъ чувствовалъ себя дома. Громадный соборъ съ его стрѣлками и сводами и богатой рѣзьбой изъ темнаго камня казался ему образцомъ того, чѣмъ должны быть соборы. Быстрая рѣчка, протекавшая между нависшими надъ нею строеніями и подъ старыми мостами съ рѣзными гербами и желѣзными перилами, рѣдкой художественной работы старинныхъ искусныхъ кузнецовъ, нѣкогда знаменитыхъ, таила въ своихъ нѣдрахъ тѣ же легенды, что и его родной лѣсъ. Ихъ же онъ находилъ въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя пѣлъ съ своими товарищами, тѣнистые уголки и закоулки, кривыя улицы, темные портики старинныхъ постоялыхъ дворовъ, готическій характеръ домовъ, ихъ выдающіеся балконы,— все это онъ не только понималъ, но и любилъ. Даже новѣйшая нотка не рѣзала его слухъ. По временамъ отрядъ бѣлыхъ кирасиръ медленно проѣзжалъ по главной улицѣ, но и они больше походили на средневѣковыхъ рыцарей, нежели на прусскихъ солдатъ. Ихъ громадный ростъ, загорѣлыя лица, какъ снѣгъ бѣлые мундиры и блестящія кирасы, статная, торжественная поступь ихъ большихъ лошадей, ихъ прямыя широкія сабли безъ всякаго изгиба, торчавшія съ

боку—все это отличало ихъ отъ современнаго воина и вполнѣ гармонировало съ обстановкой. Даже студенты въ своихъ высокихъ сапогахъ и цвѣтныхъ шапочкахъ не казались современными людьми, когда шли по улицамъ партіями по три, четыре человѣка изъ университета обѣдать, или бродили по улицамъ вечеромъ, когда пурпуровый свѣтъ зари лежалъ на высокихъ колокольняхъ, а внизу на улицахъ сгущался сумракъ.

Грейфъ все это любилъ и въ извѣстной мѣрѣ ему отплачивали за любовь любовью. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ популярнѣйшій изъ студентовъ, когда-либо прохаживавшихся по мостовой Шварцбурга, какъ по натурѣ былъ однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ нѣмцевъ. И у него, конечно, бывали ссоры, но то, какъ онъ ихъ улаживалъ, только увеличивало его популярность. На него указывали, какъ на человѣка, имѣвшаго сорокъ дуэлей, но который ни разу не былъ раненъ, и къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не вызывалъ человѣка безъ всякаго повода и что главныя свои побѣды одержалъ надъ противниками изъ сосѣднихъ университетовъ. Его считали какъ-бы естественнымъ представителемъ Шварцбурга во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ, и когда онъ по очереди предсѣдательствовалъ въ корпораціи, на одномъ изъ періодическихъ пиршествъ, его появленіе всегда служило поводомъ къ овапіямъ.

Сознаніе, что его съ жаромъ встрѣчаютъ, было очень пріятно Грейфу, когда онъ вышелъ изъ вагона на платформѣ и пожалъ десятки рукъ дожидавшихся его студентовъ, но воспоминаніе о томъ, что онъ, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ возвращается студентомъ къ своимъ товарищамъ, возбудило въ немъ мимолетное ощущеніе грусти. Онъ приближался къ концу весьма счастливаго періода своей жизни и хотя впереди его тоже ждало большое счастіе, но онъ былъ еще такъ молодъ, что не могъ не сожалѣть о томъ, съ чѣмъ разставался. Немногіе знаютъ, что значитъ быть центральнымъ лицомъ въ большомъ университетѣ, и тѣ, кому посчастливилось это узнать, знаютъ также, какъ грустно прощаться и какъ тяжко разставаться съ ареной своихъ тріумфовъ. Этотъ моментъ еще не наступилъ для Грейфа, но онъ не могъ не видѣть, что моментъ этотъ близокъ.

Студенты проводили его домой на квартиру, черезъ рѣку, и сами размѣстились, кто какъ могъ, куря и болтая, пока

Грейфъ раскрывалъ свои дорожные сундуки и раскладывалъ вещи по мѣстамъ. Они передавали ему всѣ новости съ живостью людей, опередившихъ на сутки пріятеля. Рейнская корпорація значительно увеличилась въ числѣ и готовится показать зубы Вестфальской. Саксонская корпорація лишилась одного изъ лучшихъ бойцовъ, внезапно перешедшаго въ другой университетъ. Еще никто почти не пріѣхалъ изъ Прусской корпораціи, и сомнительно, удастся ли имъ возобновить наемъ ихъ прежняго виннаго погреба. Сами они — ихъ желтыя шапочки показывали, что они швабы — уже въ поискахъ за новыми „фуксами“ и думаютъ, что имъ удалось залучить двухъ отличныхъ новичковъ. Фехтовальный учитель пруссаковъ объявилъ о своемъ намѣреніи драться на заправской, а не примѣрной только—безъ перевязей и на сабляхъ—дуэли съ фехтовальнымъ учителемъ Рейнской корпораціи. Надо надѣяться, что никто изъ нихъ не будетъ тяжело раненъ, потому что оба знатоки своего дѣла. Въ Штаммъ-Кнейпе, гдѣ они обѣдаютъ, новая служанка и, конечно, всѣ фуксы въ нее влюбятся. Они, бурши, разумѣется, выше этого. Что касается профессоровъ, всѣ тѣ, которые не принадлежали къ любимцамъ, постарѣли и поглупѣли. Одинъ изъ самыхъ старыхъ и глупыхъ женился нынѣшнимъ лѣтомъ на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, — чистѣйшій срамъ, за который ему слѣдуетъ устроить скандалъ. И къ чему профессорамъ жениться? Развѣ Гейне не правъ и развѣ про нѣкоторыхъ изъ профессоровъ нельзя сказать, какъ говорилъ про себя Ахиллесъ, когда Патроклъ былъ убитъ, — что они бременятъ только землю? Ужасныя созданья всѣ тѣ, кого не любятъ швабы! Профессоръ римскаго права болѣе чѣмъ когда-либо похожъ на разочарованную гіену, а что касается его собрата, профессора греческой философіи, то онъ походилъ на Сократа въ старости... Скоро ли Грейфъ будетъ готовъ? Пора ужинать.

Грейфъ думалъ о тщетѣ людскихъ чувствъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ его терзалъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ припадковъ меланхоліи, когда-либо испытанныхъ имъ. Теперь, въ то время какъ онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на звѣздное небо, раскидывавшееся надъ колокольней собора, ему казалось, точно десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ проѣзжалъ по Шварцвальду. Только образъ Хильды остался, но какъ будто топилъ въ яркомъ свѣтѣ мрачныя предчувствія, охватившія его. Что касается предостереженія самой Хильды, то

это только вліяніе печали, охватившей ее при разлукѣ. И такъ какъ разлука неизбѣжна, то онъ вполнѣ воспользуется счастливой студенческой жизнью съ ея періодическими занятіями и пиршествами, ея поэзіей, дуэлями и пѣснями и всѣмъ, чѣмъ жизнь красна.

— Готовы ли вы? спрашивали студенты хоромъ.

Грейфъ надѣлъ желтую шапочку на золотистые кудри.

— Да, идемъ! Vivat, floreat, crescat Suabia! послѣдній семестръ долженъ быть веселымъ семестромъ.

И студенты ушли, со смѣхомъ сбѣгая съ лѣстницы, и съ пѣніемъ высыпали на узкую, тихую, темную улицу.

VII.

Грейфъ не такъ легко отдѣлался отъ воспоминаній, оставшихся у него послѣ каникулъ, какъ думалъ. Оживленная недѣля, послѣдовавшая за его возвращеніемъ въ Шварцбургъ, доставила достаточно развлеченій, чтобы разсѣять его мысли на нѣкоторое время и дать имъ болѣе веселое направленіе, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ письмо отъ отца, которое его очень успокоило, такъ какъ ничего не содержало въ себѣ тревожнаго. Все шло въ Грейфенштейнѣ по-прежнему. Хильда съ матерью вернулись въ Зигмундскронъ. Охота была особенно удачна. Въ постскриптумѣ Грейфъ увѣдомлялся, что про извѣстное ему лицо ничего не было слышно. Молодой человѣкъ нашелъ, что почеркъ отца сталъ крупнѣе и тверже, и что вмѣсто того, чтобы расшататься съ годами, буквы глядѣли такъ, какъ если-бы ихъ вырѣзали ножомъ на бумагѣ.

Нѣсколько дней прошло спокойно, и Грейфъ сталъ думать, что онъ безразсудно взволновался и дозволилъ повліять на свое настроеніе неразумнымъ словамъ матери и Хильды. Но вдругъ однажды, сидя на обычномъ мѣстѣ въ аудиторіи и записывая въ книжечку премудрость, исходившую изъ устъ профессора, онъ невольно вспомнилъ про Хильду, и ея образъ сталъ передъ нимъ съ тѣмъ самымъ выраженіемъ, какое было у нея въ лицѣ, когда она предупреждала его о близившейся катастрофѣ. Онъ бы самъ не могъ сказать, почему именно въ этотъ моментъ ему вспомнилось все это. Но потребовалось сильное усиліе, чтобы сосредоточить умъ на томъ, что происходило въ настоящую минуту, и когда ему это наконецъ удалось,

онъ замѣтилъ, что потерялъ нить, о чемъ говорилъ профессоръ. Машинально поглядѣлъ онъ на сосѣда, чтобы видѣть, записываетъ ли тотъ. Это былъ человѣкъ старше его и дѣятельно писалъ на летучихъ листкахъ. Онъ не поднялъ головы, но, повидимому, понялъ, чего нужно Грейфу, потому что протянулъ или, вѣрнѣе, сунулъ ему листокъ, на которомъ писалъ, пронумеровавъ слѣдующую страницу, и быстро продолжалъ, ни разу не взглянувъ на Грейфа. Грейфъ поблагодарилъ его и когда наступилъ перерывъ лекціи, списалъ замѣтки въ свою собственную книжку. По окончаніи лекціи Грейфъ вернулъ листокъ сосѣду и еще разъ поблагодарилъ его. Оказалось, что сосѣдъ ему вовсе незнакомъ, и это тѣмъ болѣе его удивило, что наружность этого человѣка была замѣчательная.

— Я очень вамъ обязанъ, сказалъ онъ. Я былъ разсѣянъ на лекціи, думалъ о другомъ.

— Очень радъ, что могъ быть вамъ полезенъ, отвѣчалъ тотъ.

Хотя Грейфъ не любилъ знакомиться съ студентами, не носившими никакого цвѣта, онъ не могъ удержаться, чтобы не вступить въ бесѣду на этотъ разъ. Оба вышли послѣдними изъ аудиторіи и вмѣстѣ спустились по широкой лѣстницѣ.

— Вы недавно въ университетѣ? замѣтилъ Грейфъ.

— Я только-что пріѣхалъ. Я перешелъ изъ Гейдельберга. Позвольте мнѣ отрекомендоваться, прибавилъ онъ, согласно нѣмецкому обычаю. Меня зовутъ Рексъ.

— А меня Грейфенштейнъ. Очень радъ познакомиться.

— И я также.

Оба поклонились, остановясь для этой цѣли на площадкѣ, и оба поглядѣли другъ другу въ глаза. Рексъ былъ человѣкъ выше средняго роста, худощавый, но широкоплечій и изящно сложенный. О возрастѣ его судить было трудно, хотя казалось, что ему уже около тридцати лѣтъ. Но никто не удивился бы, узнавъ, что онъ гораздо старше или гораздо моложе. Густые каштановые волосы были тщательно приглажены, и онъ носилъ бороду того же цвѣта, какъ и волосы, старательно расчесанную, густую. Нѣжный цвѣтъ лица, скорѣе бѣлая, нежели смуглая кожа, показывали, что Рексъ пользуется отличнымъ здоровьемъ. Прямой носъ былъ классически правильный, лобъ и голова хорошо развиты, а складъ лица красивый и изящный. Но глаза разрушали всю гармонію лица и придавали ему весьма не-

обычное выраженіе. Это происходило отъ ихъ цвѣта, а вовсе не отъ формы. Радужная оболочка была очень велика (такъ что очень мало оставалось видно отъ глазнаго яблока) и цвѣта блѣдно-голубаго китайскаго фарфора, а зрачекъ такъ необыкновенно малъ, что почти незамѣтенъ. Кажущееся отсутствіе этого яркаго чернаго отверстія въ центрѣ глазъ дѣлало ихъ похожими на стеклянные шары, а взглядъ ихъ невыразимо мертвымъ. Грейфъ почти вздрогнулъ, увидя ихъ.

— Вы предпочитаете, значитъ, Шварцбургъ Гейдельбергу, замѣтилъ онъ, чтобы продлить разговоръ.

— По моей спеціальности я считаю его выше.

— По философіи? спросилъ Грейфъ, думая о только-что выслушанной лекціи.

— Нѣтъ. Это для меня развлеченіе. Я интересуюсь астрономіей и нѣкоторыми отраслями, соприкасающимися съ этой наукой. У васъ здѣсь есть знаменитый спеціалистъ.

— Да, старый дядя Штернкицлеръ, отвѣчалъ Грефъ непочтительно.

— Именно. Онъ звѣзда съ наукѣ, и звѣзда первой величины. Если есть что-либо открывать, то онъ это откроетъ. Если нѣтъ, то объяснитъ причину, почему нечего открывать. Онъ великій человѣкъ. Онъ знаетъ, что есть ничто, потому что нѣтъ ничего, чего бы онъ не зналъ. Я въ восторгѣ отъ него. Вы не интересуетесь астрономіей, фонъ-Грейфенштейнъ?

— Я ничего въ ней не смыслю, и у меня нѣтъ способности къ математикѣ; а вы намѣрены избрать ее, вѣроятно, своей профессіей?

— Да, на сколько ее можно назвать профессіей!

— А насколько это можно, смѣю спросить?

— Настолько, насколько она перестаетъ быть забавой.

— Такъ можно далеко зайти, сказалъ Грейфъ, котораго поразило это опредѣленіе.

— Да. Если вы называете ее профессіей, то она изъ такихъ, для которыхъ цѣлая жизнь труда является лишь незначительной подготовкой. Если вы назовете ее наукой, а не профессіей, то сдѣлаете изъ этого простую забаву, какъ философія.

— Я не нахожу ихъ забавными, сказалъ Грейфъ со смѣхомъ.

— Ничто не забавно, что обязательно. Обязанность это власяница девятнадцатаго столѣтія. Человѣкъ, который исполняетъ обязанность, чувствуетъ себя въ это время такъ же неудобно,

какъ любой трапистъ, надѣвшій на себя поясъ съ гвоздями подъ рясу.

— Но впослѣдствіи?

— Впослѣдствіи? Что такое впослѣдствіи? Это ровно ничего не значитъ для васъ и для меня. Впослѣдствіи—означаетъ время, когда мы съ вами будемъ въ могилѣ, а слѣдующее за нами поколѣніе будетъ терзаться во власяницахъ собственнаго издѣлія и въ поясахъ, утыканныхъ гвоздями собственнаго изобрѣтенія.

Рексъ тихо засмѣялся.

— Я не согласенъ съ вами, сказалъ Грейфъ.

— Вы студентъ корпораціи. Вы ищете ссоры со мной?

— Нѣтъ, если вы сами этого не пожелаете. Я не желаю ссориться. Я просто не согласенъ съ вашимъ взглядомъ на обязанность. Я нахожу его противнымъ нѣмецкимъ идеямъ.

— Факты обыкновенно противорѣчатъ всѣмъ идеямъ.

— Не въ Германіи; по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается обязанности. Кромѣ того, если въ наукѣ истина, то факты должны съ нею сходиться. Политическая этика есть наука, и обязанность необходима для системы, созданной наукой. Что сталось бы съ нашимъ военнымъ преобладаніемъ, еслибы вѣра въ обязанность вдругъ рушилась.

— Не знаю. Но знаю, что намъ будетъ ни холодно, ни жарко, если она рухнетъ въ то время, когда насъ не будетъ въ живыхъ.

— Положеніе нашихъ дѣтей измѣнится къ худшему.

— Вы можете не жениться. Никто не обязываетъ васъ или меня стать прародителями новыхъ образцовъ нашей породы.

— А что станется съ любовью при вашей системѣ? спросилъ Грейфъ, все болѣе и болѣе удивляясь странному разговору своего новаго знакомаго.

— Что дѣлается съ тѣмъ, что перестаетъ существовать? спросилъ Рексъ въ свою очередь.

— Не знаю.

— Тутъ и знать нечего. Движеніе—назовемъ это силой—движеніе продолжается, но частная вещь, въ которой оно проявлялось, больше не существуетъ, и эта частная вещь никогда больше не будетъ существовать. Движеніе безсмертно потому, что оно не матеріально. Неисчислимые милліарды вихрей, среди которыхъ движется матерія вашего тѣла съ такой поразительной быстротой, не остановятся, когда вы умрете, ни даже

тогда, когда каждый видимый атомъ вашего тѣла исчезъ въ теченіе временъ. Каждый вихрь безсмертенъ, вѣченъ, длится безъ конца. Вихрь былъ причиной до начала, онъ же останется самимъ собой послѣ конца всѣхъ вещей.

— Причина причинъ пробормоталъ Грейфъ. А кто создалъ вихрь?

— Богъ, отвѣчалъ лаконически Рексъ.

— Но если такъ, отвѣчалъ молодой студентъ не безъ удивленія, вы вѣрите въ будущую жизнь, въ важное значеніе здѣшней жизни, въ обязанность и во все остальное.

— Я вѣрю въ вихрь, въ его единство, индивидуальность и вѣчность. Жизнь—дѣло случая; ея значеніе—вопросъ мнѣнія, ея обязанности въ концѣ концовъ соображенія личнаго вкуса. Что такое мнѣнія, случай и вкусы сравнительно съ реальностью? Вихрь есть фактъ, и мнѣ кажется, что онъ даетъ достаточно матеріала на размышленіе для ума средней дѣятельности.

— У васъ странные взгляды, задумчиво проговорилъ Грейфъ.

— О, нѣтъ! воскликнулъ Рексъ съ внезапнымъ оживленіемъ. Я нисколько не отличаюсь отъ всякаго другаго мирнаго студента астрономіи, увѣряю васъ. Ни вихрь и никакой другой фактъ никогда не останавливалъ человѣка отъ того, что ему лично пріятно, и не мѣшалъ наслаждаться всѣмъ, что попадается ему на путп или называть это грѣховнымъ, смотря по своимъ убѣжденіямъ.

— И вы счастливый человѣкъ, если позволите спросить?

— Ахъ, это любимый вопросъ у васъ, философовъ, засмѣялся Рексъ, и показываетъ, какъ въ сущности вы думаете на счетъ всѣхъ своихъ вѣрованій въ обязанности и всѣ остальныя добродѣтели. Что такое счастіе? Милліоны томовъ написаны о немъ, и ни у кого рѣшительно не хватаетъ мужества сознаться въ томъ, что, по его мнѣнію, сдѣлало бы его счастливымъ. Вы можете присоединить свое имя къ списку, г. фонъ-Грейфенштейнъ, если вамъ угодно, и написать пространное сочиненіе объ этомъ вопросѣ. Вы не станете счастливѣе послѣ этого, но будете значительно старше. Если вы дѣйствительно желаете быть счастливымъ, я вамъ скажу, какъ этого достигнуть. Но прежде всего счастливы ли вы теперь?

Рексъ устремилъ свои каменные глаза, представлявшіе такой странный контрастъ съ его красивымъ лицомъ, въ глаза

Грейфа. Онъ увидѣлъ въ нихъ нерѣшительность, смутную неловкость, отвѣтившія на его вопросъ.

— Да, отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ сомнѣніемъ въ голосѣ, полагаю, что счастливъ.

— Я думаю, что ваше счастіе не полное, сказалъ Рексъ, отвертываясь отъ него. Можетъ быть, мой простой планъ вамъ поможетъ. Спросите самого себя, чего вы именно хотите? Найдите это нѣчто—вотъ и все.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ? Добудьте это нѣчто, и будете счастливы, отвѣтилъ Рексъ съ безпечной улыбкой, точно его правило было очень просто.

— Легко сказать, замѣтилъ Грейфъ серьезнымъ тономъ; я хочу того, чего ни одинъ человѣкъ не можетъ мнѣ дать.

— Ни даже женщина?

— Ни даже женщина.

— И это нѣчто такое, чего бы вы не могли взять, явись оно передъ вами?

— Нѣтъ. Я ничего не хочу матеріальнаго. Я хочу знать будущее.

— Ну это уже не такая трудная вещь, отвѣтилъ Рексъ, взглянувъ на часы.

— Должно быть, пора обѣдать, сказалъ Грейфъ, замѣтившій это движеніе. Онъ не желалъ задерживать своего новаго знакомаго.

— Да, теперь ровно двѣнадцать часовъ. Я боюсь, что задержалъ васъ.

— Увѣряю васъ, что ваше общество доставило мнѣ большое удовольствіе, отвѣчалъ Грейфъ, протягивая руку.

— Удовольствіе на моей сторонѣ, отвѣчалъ Рексъ, поспѣшно кланяясь.

И тутъ они разстались. Рексъ свернулъ въ тѣнистый переулокъ, а Грейфъ продолжалъ свой путь къ локалю, гдѣ обѣдала его корпорація, размышляя объ оригинальномъ человѣкѣ, только-что встрѣченномъ имъ. Его имя было странное, разговоръ необыкновенный, глаза чрезвычайно непріятные и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно притягательные. Грейфъ думалъ о немъ и былъ недоволенъ своимъ краткимъ свиданіемъ. Замѣчаніе этого человѣка о будущемъ было отвѣтомъ фантазёра или разсѣяннаго человѣка, часто не знающаго, что онъ говоритъ. Самъ Грейфъ не понималъ, какъ могъ онъ при пер-

вомъ же свиданіи съ человѣкомъ безусловно незнакомымъ заговорить о томъ, что такъ сильно его тревожило. Не въ его привычкахъ было знакомиться зря или же болтать о своихъ дѣлахъ съ незнакомыми. Онъ подумалъ однако, что нисколько себя не выдалъ, но допустилъ, что легко могъ бы выдать, продлись эта бесѣда.

За обѣдомъ онъ разспрашивалъ пріятелей, не знаетъ ли кто изъ нихъ студента, по имени Рексъ. Никто о немъ не слышалъ и, узнавъ, что онъ гораздо старше обычнаго студенческаго возраста, товарищи стали толковать между собой, что Грейфъ вступилъ въ предѣлы филистеровъ. Послѣ обѣда Грейфъ ушелъ къ себѣ на квартиру и пытался заниматься. Но внезапная тревога, овладѣвшая имъ по утру, все росла и стала наконецъ нестерпимой. Онъ отложилъ въ сторону книги и сталъ писать отцу, спрашивая его, не случилось ли чего-нибудь и этимъ, конечно, удивилъ бы старика Грейфенштейна, еслибы тотъ самъ не такъ волновался о будущемъ. Письмо облегчило его душу, и послѣ того Грейфъ могъ приняться за работу.

Онъ не увидѣлъ Рекса на слѣдующей лекціи, хотя и искалъ его глазами среди толпы головъ, склоненныхъ надъ дѣятельно писавшими руками. Рекса не было среди ихъ. Онъ сказалъ, что считаетъ философію забавой, и вѣроятно являлся на лекціи тогда, когда ему приходила охота позабавиться. Но желаніе разговаривать съ нимъ такъ усилилось, что Грейфъ рѣшился разыскать его.

Солнце уже зашло, и онъ стоялъ у открытаго окна, какъ и въ вечеръ своего пріѣзда, наблюдая почти машинально за первыми звѣздами, засверкавшими надъ соборной колокольней. Воздухъ былъ тихъ, и тишина нарушалась только журчаніемъ рѣки, ударявшейся о каменные столбы моста, виднѣвшагося внизу, подъ окнами студента. Было что-то меланхолическое въ этомъ непрерывномъ прибоѣ воды, и онъ напоминалъ ему ропотъ деревьевъ въ родномъ лѣсу въ то послѣднее утро, которое онъ проводилъ съ Хильдой у подножія башни. Въ такое время все, что напоминало обстоятельства, связанныя съ каникулами, естественно усиливало тревогу Грейфа. Онъ подумалъ о вечерѣ, предстоявшемъ ему, если онъ сойдется съ товарищами на ихъ обычномъ мѣстѣ сборищъ, и эта перспектива показалась ему непріятной.

Онъ радъ былъ уйти отъ яркаго освѣщенія, шума, питья

пива и пѣнія, и даже отъ своего преобладающаго авторитета у товарищей, которые смотрѣли на него, какъ на оракула во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ. Онъ предпочелъ бы провести часокъ другой въ тихой бесѣдѣ, въ тихой комнатѣ вмѣстѣ съ Рексомъ, студентомъ астрономіи или математики. Но онъ не зналъ, гдѣ тотъ живетъ и дома ли онъ въ эту минуту. Но удовлетворить любопытство касательно этихъ двухъ пунктовъ было очень легко.

Онъ нашелъ адресъ, котораго искалъ, въ конторѣ педеля. Рексъ жилъ въ темномъ переулкѣ около собора. Грейфъ вскарабкался по очень высокой лѣстницѣ, зажигая одну спичку за другой, чтобы освѣтить себѣ дорогу. На верху лѣстницы была только одна дверь. Онъ постучалъ два раза и подождалъ. Отвѣта не было, и онъ еще постучалъ. Онъ былъ увѣренъ, что слышитъ движеніе въ комнатѣ, но дверь не отворялась. Наскучивъ ждать, онъ изъ всей мочи стукнулъ въ дверь и громко позвалъ Рекса. Онъ былъ, наконецъ, вознагражденъ за свои усилія, услышавъ шаги.

— Кто тутъ? спросилъ сердитый голосъ. И къ чему вы поднимаете такой безобразный шумъ?

— Меня зовутъ фонъ-Грейфенштейнъ, и я хочу видѣть Рекса.

Онъ приготовился къ непріятной встрѣчѣ съ какимъ-то незнакомымъ лицомъ, когда дверь быстро отворилась, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ самимъ Рексомъ. Выраженіе его лица было необыкновенно кроткое, когда онъ поднялъ свѣчу, которую держалъ въ рукѣ, и поздоровался съ гостемъ.

— Прошу прощенія, сказалъ онъ совсѣмъ инымъ тономъ, я не подозрѣвалъ, что это вы.

— Я боюсь, что пришелъ не во-время, сказалъ Грейфъ, не рѣшаясь войти.

— Нисколько, нисколько, повторилъ Рексъ, тщательно запирая дверь за Грейфомъ. Видите ли, я только-что сюда пріѣхалъ, и у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ, продолжалъ онъ, какъ бы извиняясь, и я не могъ вообразить, что вамъ извѣстенъ мой адресъ.

Пройдя по узкому корридору, Грейфъ очутился въ большой комнатѣ съ тремя окнами. Было очевидно, что Рексъ жилъ гораздо богаче большинства студентовъ, потому что не видно было кровати, и открытая дверь въ другое помѣщеніе показывала, что онъ занимаетъ не одну комнату. Нѣсколько полокъ

уставлено было книгами, и цѣлая груда ихъ была навалена на полу въ углу комнаты. Два большихъ покойныхъ кресла стояли по бокамъ изразцовой печки. Большой столъ посреди комнаты былъ покрытъ книгами, многія изъ нихъ, очевидно, только-что вышли изъ печати, и бумаги, покрытыя замѣтками и вычисленіями, въ безпорядкѣ валялись на немъ. Около одного изъ оконъ Грейфъ замѣтилъ конторку и на ней письменныя принадлежности и большой листъ бумаги. Очевидно, Рексъ тамъ работалъ, потому что лампа стояла на конторкѣ, и яркій свѣтъ ея падалъ изъ-подъ зеленаго абажура на математическія фигуры, поглощавшія вниманіе студента.

— У меня очень покойная квартира, замѣтилъ Рексъ, придвигая одно изъ креселъ гостю и самъ садясь на другое. Это какъ разъ то, что мнѣ требуется. Я не люблю шума, когда читаю.

Грейфъ хорошенько не зналъ, что сказать. Придти въ гости на квартиру студента, встрѣтившись съ нимъ впервые въ жизни — этого еще съ нимъ не бывало, а каменные голубые глаза Рекса, повидимому, спрашивали о цѣли прихода. Очевидно, Рексъ заговорилъ о квартирѣ, только чтобы прервать молчаніе.

— Видите ли, сказалъ Грейфъ, какъ-бы отвѣчая на прямой вопросъ, я думалъ о томъ, что вы мнѣ говорили намедни.

— Вы оказываете моимъ словамъ такую честь, какой они доселѣ еще не удостоивались, отвѣчалъ Рексъ, наклонивъ красивую голову и улыбаясь.

— Вы помните, я сказалъ, что мнѣ нужно только одно, чтобы быть счастливымъ. Я хочу знать будущее. Вы отвѣчали, что легко исполнить мое желаніе. Вы говорили серьезно или такъ, наугадъ?

— Вотъ какъ? засмѣялся Рексъ. Вы сказали себѣ, что вашъ новый знакомый или дуракъ, или разсѣянный человѣкъ, не правда ли?

— Видите ли... Грейфъ колебался и улыбался. Или фантазеръ или разсѣянный человѣкъ, допустилъ онъ. Да, я не могъ иначе объяснить себѣ вашего замѣчанія.

— Конечно, не могли, если только не заподозрили, что я шарлатанъ.

— Это мнѣ и въ голову не приходило...

— Могло бы прійти, принимая во вниманіе то, что я сказалъ. Что можетъ прійти вамъ въ голову теперь, если я отвѣчу

на вашъ вопросъ. Но съ другой стороны не все ли это равно. Мой отвѣтъ успокоитъ вашъ умъ тѣмъ, что поможетъ зачислить въ ряды шарлатановъ и дураковъ человѣка, вамъ неизвѣстнаго. Желаете узнать будущее? Я могу сказать вамъ это, если угодно.

— Помощью вихря, должно быть, отвѣчалъ Грейфъ полупрезрительно.

— Да. Я могу сказать вамъ направленіе вихрей, изъ которыхъ вы состоите, на время, между тѣмъ какъ они стремятся соединиться съ другими вихрями въ пляскѣ смерти. Вихри только и дѣлаютъ, что пляшутъ, вертятся и кружатся вѣчно сквозь жизнь—то-есть фарсъ; сквозь смерть, то-есть трагедію и сквозь вѣчность, то-есть эпилогъ. Что вы желаете знать?

— Вы шутите! воскликнулъ Грейфъ досадливо, я желалъ бы, чтобы вы говорили серьезно.

— Серьезно! презрительно вскричалъ Рексъ. Что значитъ серьезно?

Онъ всталъ и пошелъ къ конторкѣ, на которой горѣла лампа, и вынулъ чистый листъ бумаги. Грейфъ наблюдалъ за нимъ довольно равнодушно. Онъ не нашелъ того, чего искалъ, и уже помышлялъ уходить. Рексъ не обращалъ на него вниманія, но быстро начертилъ кругъ на бумагѣ и раздѣлилъ его на двѣнадцать частей съ помощью циркуля.

— Вы помните число, когда мы встрѣтились? спросилъ онъ, взглядывая на Грейфа.

— Въ понедѣльникъ, отвѣчалъ Грейфъ, дивясь, что это задумалъ его собесѣдникъ.

— Хорошо. У меня есть календарь, отвѣчалъ Рексъ.

Онъ заглянулъ въ альманахъ, который вынулъ изъ кармана, сдѣлалъ нѣсколько краткихъ исчисленій и начертилъ какіе-то знаки и фигуры въ различныхъ частяхъ раздѣленнаго круга. Когда онъ кончилъ, то внимательно оглядѣлъ свою работу. Вся операція заняла не болѣе четверти часа.

— Не удивляюсь, что вы въ тревогѣ, замѣтилъ онъ, снова усаживаясь въ кресло и держа бумагу передъ глазами.

— Что вы открыли? спросилъ Грейфъ съ недовѣрчивой улыбкой.

— Вамъ угрожаетъ большое бѣдствіе, вамъ и всему вашему семейству, отвѣтилъ Рексъ. Вы, вѣроятно, знаете это, и вотъ почему вы желаете узнать будущее.

Грейфъ страшно поблѣднѣлъ, но не отъ извѣстія, а при

мысли, что этотъ неизвѣстный студентъ, быть можетъ, случайно зналъ о существованіи Ризенека и о томъ, чѣмъ грозитъ его возвращеніе.

— Г. Рексъ, мрачно сказалъ онъ, будьте такъ добры и скажите мнѣ, что вы знаете обо мнѣ и о моемъ семействѣ, но изъ другихъ источниковъ, а не изъ этого клочка бумаги.

— Не много, отвѣчалъ тотъ съ сухимъ смѣхомъ. Я только зналъ о вашемъ существованіи раньше, чѣмъ мы встрѣтились намедни, и съ тѣхъ поръ никому не говорилъ про васъ и ни отъ кого не слышалъ вашего имени.

— Ну если такъ, то вы ничего не знаете, и ваши фигуры ничего вамъ не скажутъ, замѣтилъ Грейфъ, самъ не зная, радоваться ли ему этому увѣренію въ незнаніи или сомнѣваться въ его истинности.

— Сказать ли вамъ, что̀ я въ нихъ вижу?

— Скажите мнѣ характеръ этого бѣдствія.

— Его характеръ или его причину? спросилъ Рексъ, вглядываясь въ бумажку.

— Я полагаю, что одно тѣсно связано съ другимъ. Скажите мнѣ сначала причину—это будетъ вѣрнѣйшей провѣркой.

Рексъ положилъ бумажку на колѣни, сложилъ руки и поглядѣлъ гостю прямо въ лицо.

— Фонъ Грейфенштейнъ, сказалъ онъ, это очень серьезное дѣло. Если я скажу вамъ, что̀ только-что открылъ, вы, конечно, подумаете, что я зналъ это раньше и играю комедію. Вы должны обѣщать мнѣ, что повѣрите мнѣ или же мы оставимъ этотъ вопросъ и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Грейфъ помолчалъ нѣсколько секундъ. Отказать значило оскорбить человѣка, которому онъ добровольно задалъ вопросъ, согласиться, съ намѣреніемъ сдержать слово, было невозможно. Онъ попалъ въ безвыходное положеніе. Рексъ помогъ ему выпутаться съ своимъ обычнымъ искусствомъ.

— Я скажу вамъ, что у васъ на умѣ и почему вы молчите. Вы чувствуете, что не можете повѣрить мнѣ. Я не могу порицать васъ. Вы не хотите дать слово потому, что вынуждены будете его нарушить, вы правы. Вамъ хотѣлось бы узнать, что именно я могу знать о васъ. Это очень просто. Но всего разумнѣе будетъ пожертвовать любопытствомъ, и я при васъ разорву эту бумажку.

— Нѣтъ... постойте минуту, сказалъ Грейфъ, протягивая руку, чтобы помѣшать ему привести свои слова въ исполненіе.

— Я не вижу другаго исхода изъ затрудненія, замѣтилъ Рексъ, откидываясь на спинку кресла и глядя на печь. Вы можете это сдѣлать. Думайте обо мнѣ, что вамъ угодно, лишь бы вы не выражали своего недовѣрія. Я миролюбивѣйшій изъ людей и чувствую большую антипатію къ дуэлямъ въ мои годы, кромѣ того *вы* задали мнѣ вопросъ, который и привелъ ко всему этому. Еслибы я даже и отвѣтилъ на него, обязанъ ли я объяснять причины своего отвѣта? Я думаю, что кодексъ чести этого не требуетъ, и если въ моихъ предсказаніяхъ нѣтъ ничего для васъ оскорбительнаго, то я не вижу, почему мы должны поссориться или какое вамъ дѣло до того, какъ я получилъ свои свѣдѣнія. Я обѣщаю только, что не сообщу ихъ никому другому. Конечно, проще всего было бы не говорить больше объ этомъ

Слова Рекса, повидимому, измѣнили положеніе дѣла. Грейфъ внутренно чувствовалъ, что не уйдетъ, не узнавъ, что именно извѣстно его собесѣднику, и если это подчиненіе собственному любопытству было не особенно лестно для его самолюбія, то онъ былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что можетъ добиться желаемаго, не унизивъ чувства собственнаго достоинства, если послѣдуетъ совѣту Рекса.

— Уговоръ, сколько я понимаю, таковъ, отвѣчалъ онъ наконецъ: вы скажете мнѣ, что вы знаете, а я не выскажу мнѣнія о томъ, какъ, по моему мнѣнію, вы получили эти свѣдѣнія. Этого ли вы желаете?

— Это то, что я рекомендую. При чемъ обязываюсь добровольно молчать.

— Прекрасно. Продолжайте пожалуйста свои предсказанія. Скажите мнѣ причину опасности?

— Вамъ и вашей семьѣ угрожаетъ великое несчастіе вслѣдствіе возвращенія непріятнаго лица — родственника, полагаю— который много лѣтъ былъ въ отсутствіи.

Грейфъ вздрогнулъ при такомъ отвѣтѣ, и восклицаніе гнѣва готово было сорваться съ его губъ. Но онъ вспомнилъ договоръ.

— Вернется ли онъ? спросилъ онъ голосомъ, который показалъ Рексу, что онъ не ошибся.

— Неизбѣжно, отвѣчалъ послѣдній. Въ этомъ и заключается особенность вашего положенія. Вы во власти неотразимаго. Вы не можете ни на одинъ день задержать катастрофы, точно такъ какъ не можете помѣшать планетѣ вернуться къ какому-ни-

будь пункту своей орбиты. Онъ вернется... дайте поглядѣть...

— Неужели вы можете мнѣ сказать, когда онъ вернется, спросилъ Грейфъ, на минуту позабывъ о своемъ скептицизмѣ.

Рексъ, казалось, приступилъ къ какому-то исчисленію.

— Черезъ три мѣсяца приблизительно. По всей вѣроятности, передъ Рождествомъ. Онъ теперь очень далеко отсюда, на юго-западѣ...

— Не можетъ быть, чтобы вы объ этомъ догадались! воскликнулъ Грейфъ, вставая въ сильномъ волненіи.

— Вы, кажется, обязались не высказывать своихъ мнѣній, замѣтилъ Рексъ, холодно глядя на молодаго человѣка.

— Можете вы описать его? спросилъ Грейфъ почти гнѣвно.

— О, да, отвѣчалъ тотъ. Онъ пожилой, почти старый человѣкъ. Быть можетъ, этакъ лѣтъ шестидесяти или около того. Онъ вспыльчивъ, непостояненъ, вообще несчастенъ, по всей вѣроятности, обезчещенъ. Это и есть причина, почему вы опасаетесь его возвращенія...

— Послушайте, г. Рексъ! закричалъ Грейфъ, гнѣвно перебивая его. Наплевать мнѣ на нашъ договоръ, какъ вы его называете...

— Вы согласились на него. Я не желалъ говорить далѣе объ этомъ дѣлѣ.

— Согласны ли вы забыть, что былъ такой договоръ? съ отчаяніемъ спросилъ Грейфъ.

— О, нѣтъ, разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ мучитель. И вы тоже его не забудете. Вы человѣкъ своего слова, фонъ-Грейфенштейнъ. Все, что я могу сдѣлать, это ничего вамъ больше не сообщать...

— Это не помѣшаетъ мнѣ поссориться съ вами изъ-за чего-нибудь другаго.

— Нѣтъ, если вы только сумѣете это сдѣлать. Со мной не легко поссориться...

— Но если я оскорблю васъ...

— Вы этого не сдѣлаете, отвѣчалъ Рексъ очень спокойно и внушительно. Вы обязались не преслѣдовать меня за мои предсказанія, а что касается другаго повода къ ссорѣ, то полагаю, что вамъ трудно будетъ пріискать его, потому что вы пришли сюда съ дружескимъ визитомъ, а не затѣмъ, чтобы ссориться. Полагаю, что это ясно.

Грейфъ всталъ и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ молча

ходилъ по комнатѣ. Онъ сознавалъ превосходство положенія Рекса и не могъ измѣнить это положеніе грубымъ насиліемъ. Въ то же время его смущала мысль, что Рексъ не сказалъ ему и половины того, что зналъ.

— Вы правы, проговорилъ онъ наконецъ, я дуракъ!

— Нѣтъ, но вы столкновеніе вихрей, отвѣчалъ Рексъ съ улыбкой. Сказать вамъ еще одинъ фактъ, очень любопытный фактъ?

— Скажите мнѣ все, отвѣтилъ Грейфъ съ энергіей.

— По ходу вещей вы получите извѣстіе объ этомъ лицѣ сегодня. Вы не слыхали о немъ, прежде чѣмъ пришли сюда?

— Нѣтъ, и совсѣмъ невѣроятно, чтобы я получилъ извѣстіе о немъ. Кромѣ того, что вы мнѣ сейчасъ сказали, я могъ бы предупредить возможность такого событія.

— Какимъ образомъ? спросилъ Рексъ.

— Злоупотребивъ вашимъ гостепріимствомъ до полуночи, отвѣчалъ Грейфъ со смѣхомъ, въ которомъ выразилось его природное добродушіе, уже вернувшееся къ нему.

— Сдѣлайте это! попросилъ студентъ съ готовностью. Вотъ способъ провѣрить мою правдивость. Останетесь ли вы здѣсь, пойдете ли домой или будете бродить одинъ около рѣки, вы услышите объ этомъ лицѣ до полуночи.

— Но никто не знаетъ, что я здѣсь.

— Звѣзды знаютъ, отвѣтилъ Рексъ съ улыбкой. Останетесь вы со мной или пойдете домой, дѣло отъ этого не измѣнится, а только, оставаясь здѣсь, вы доставите мнѣ удовольствіе своимъ обществомъ...

— Что это такое? спросилъ Грейфъ.

Послышался сильный стукъ въ наружную дверь.

— По всей вѣроятности, извѣстіе отъ вашего дядюшки, отвѣтилъ Рексъ невозмутимо. Хотите отворить дверь? Разочарованія не будетъ.

— Да. Я отворю дверь.

Разсыльный съ телеграфа стоялъ за дверью и спросилъ, тутъ ли фонъ-Грейфенштейнъ.

— Какъ вы узнали, что я здѣсь? спросилъ Грейфъ.

— На депешѣ помѣчено „спѣшная“, а потому я освѣдомился въ конторѣ *пуделя*, отвѣчалъ малый, улыбаясь отъ того, что употребилъ насмѣшливое прозвище, данное студентами педелю.

Грейфъ поспѣшно вернулся въ комнату и разорвалъ конвертъ, блѣдный отъ волненія.

— Отецъ телеграфируетъ... „дядя твой написалъ о своемъ намѣреніи немедленно вернуться“... Великій Боже!

Онъ бросилъ депешу Рексу, а самъ упалъ въ кресло съ чувствомъ весьма близкимъ къ страху.

Рексъ проглядѣлъ депешу и затѣмъ вернулъ ее безъ малѣйшаго знака удивленія.

VIII.

Первымъ ощущеніемъ Грейфа было удивленіе, доходившее почти до оцѣпенѣнія. Рексъ не могъ пожелать болѣе поразительнаго выполненія предсказанія, которое случай доставилъ ему въ настоящемъ дѣлѣ. Потому что онъ допускалъ, что случай благопріятствовалъ ему, хотя прибытіе извѣстія до истеченія сутокъ было, по его мнѣнію, не простымъ совпаденіемъ обстоятельствъ. Телеграмма могла прійдти во всякую минуту и найти Грейфа во всякомъ другомъ мѣстѣ. Что касается этого пункта, то онъ сразу увидѣлъ полную невозможность для Рекса предвидѣть этотъ фактъ или подстроить обстоятельства, при которыхъ онъ произошелъ. Рексъ не могъ знать, что Грейфъ придетъ въ этотъ вечеръ, если только ему не было извѣстно рѣшительно все, что касается его семейныхъ дѣлъ, да при томъ телеграмма принесена прямо со станціи, и двадцати минутъ не прошло между тѣмъ, какъ проволока доставила ее, и она попала въ руки Грейфа.

Если совпаденіе было странное, то и дѣйствіе его на молодаго человѣка непредвидѣнное. Грейфъ всегда презиралъ людей, претендовавшихъ на сношенія съ сверхъестественнымъ міромъ, и смѣялся надъ такъ называемыми проявленіями спиритуализма, месмеризма и сверхъестественной силы. Когда онъ услышалъ, что великій астрономъ Цёльнеръ написалъ книгу для поясненія дѣйствій медіума Слэда, посредствомъ математической теоріи о четвертомъ измѣреніи въ пространствѣ, Грейфъ счелъ, что ученый сошелъ съ ума. До того самаго момента, какъ пришла телеграмма, онъ былъ убѣжденъ, что Рексъ обманщикъ, что онъ случайно узналъ нѣкоторые факты относительно Грейфенштейновъ и пытался разыграть волшебника, ловко воспользовавшись своими свѣдѣніями.

Когда же Грейфъ сталъ лицомъ къ лицу съ явленіемъ, котораго не могъ объяснить, его разумъ измѣнилъ ему. Извѣстіе, только-что полученное имъ, было поразительно, но удивленіе, вызванное его появленіемъ какъ разъ въ эту самую минуту, ослабляло даже непріятное впечатлѣніе отъ внезапнаго возвращенія Ризенека. Это обстоятельство показалось ничтожнымъ въ сравненіи съ силой Рекса предсказать это событіе.

— Не понимаю, сказалъ Грейфъ, вытаращивъ глаза на собесѣдника.

— И я также, до извѣстной степени, отвѣчалъ тотъ, отрывая взглядъ отъ бумажки.

— Какъ могли вы знать?

— Я не зналъ до тѣхъ поръ, пока не сказалъ вамъ. Конечно, вы думали, что я знаю. Это очень естественно.

— Врядъ ли это простое совпаденіе обстоятельствъ? спросилъ Грейфъ больше самого себя.

— Врядъ ли, улыбнулся Рексъ.

— И однако я не вижу никакого средства объяснить это.

— Я могъ бы показать вамъ его, но это потребовало бы нѣсколькихъ лѣтъ изученія.

— Это не личный даръ?

— Нѣтъ, это наука.

— Какого рода?

— Это часть астрономіи, въ которую публика не вѣритъ. Понимаете?

— Астрологія? спросилъ Грейфъ почти съ веселымъ, хотя все еще недовѣрчивымъ, смѣхомъ. Я думалъ, что это ничто иное, какъ средневѣковое невѣжество.

— Такъ полагаютъ. Но вы сами можете судить, дѣйствительно ли это одно пустое суевѣріе.

— Но какъ можете вы примирить это съ серьезной наукой?

— Вихрь все примиряетъ... даже людей, которые готовы были поссориться, если обстоятельства тому благопріятствуютъ.

— Но если это вѣрно, то нѣтъ причины, почему бы вамъ не знать все рѣшительно...

— Не все. Бываютъ случаи, когда съ самаго начала ясно, что на вопросъ не можетъ быть отвѣта. Съ лучшими орудіями человѣкъ могъ бы сдѣлать больше. Но человѣкъ можетъ предсказывать будущее, если только захочетъ. Хотите услышать еще?

Грейфъ колебался. Его строго раціональный складъ ума под-

сказывалъ ему, что въ сущности могла быть какая-нибудь плутня, только-что исполнившаяся въ предсказаніи, хотя онъ и не могъ ее открыть. Но если Рексъ предскажетъ будущее, Грейфъ чувствовалъ, что это можетъ повліять на него и, быть можетъ, предсказаніе сдѣлаетъ его несчастнымъ, а въ концѣ концовъ окажется лживымъ.

Осторожнѣе будетъ, думалось ему, подождать и разставить западню мнимому астрологу, попросивъ его въ другое время отвѣчать совсѣмъ на другой вопросъ, котораго онъ навѣрное не могъ узнать заранѣе. Такое заключеніе было согласно съ осторожнымъ характеромъ Грейфа, который инстинктивно не довѣрялъ свидѣтельству своихъ чувствъ за извѣстнымъ предѣломъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ наконецъ. Я пока ничего не хочу больше знать.

— Это означаетъ, что на-дняхъ вы зададите мнѣ непредвидѣнный вопросъ, чтобы испытать мою силу, съ улыбкой замѣтилъ Рексъ.

Грейфъ нервно засмѣялся—замѣчаніе какъ разъ выражало то, что у него происходило въ умѣ.

— Сознаюсь, что разсчитывалъ на это. Какъ вы узнали, что я думаю?

— По опыту. Развѣ девять десятыхъ каждаго человѣческаго существа не тожественны съ девятью десятыми всѣхъ другихъ человѣческихъ существъ? Затрудненіе въ жизни происходитъ отъ одной десятой, которая не бываетъ одинакова у двухъ людей.

— Должно быть, у васъ большая опытность?

— Жизнь одного человѣка загадка для другаго, и если удастся разгадать ее, кричатъ, что это шарлатанство и не стоило труда догадываться.

— Мнѣ кажется, вы мизантропъ, сказалъ Грейфъ.

— Почему бы мнѣ имъ быть? Свѣтъ даетъ мнѣ все, что мнѣ нужно, и если это немного, то вина въ отсутствіи у меня воображенія! Свѣтъ — это садъ. Если вы любите цвѣты, срывайте ихъ. Счастіе въ томъ, чтобы узнать, что намъ нужно, или вообразить, что намъ что-нибудь нужно. Взять это совсѣмъ нетрудно.

— Тогда всякій долженъ быть счастливъ.

— Всякій можетъ быть счастливъ.... если приметъ и по-

слѣдствія. Камнемъ преткновенія является отсутствіе одной унціи рѣшимости и одной драхмы мужества.

— Парадоксы! воскликнулъ Грейфъ. Жизнь болѣе серьезное дѣло....

— Чѣмъ смерть? Разумѣется, засмѣялся Рексъ.

— Я не говорилъ этого, отвѣтилъ серьезно Грейфъ. Смерть самая серьезная вещь изъ всѣхъ земныхъ дѣлъ. Никто не можетъ надъ ней смѣяться.

— Значитъ, я одинъ въ мірѣ. Я смѣюсь надъ ней. Смерть серьезная вещь? Что значитъ одно мгновеніе въ сравненіи съ цѣлой жизнью наслажденія?

— А то, что наступитъ за смертью, васъ не тревожитъ?

— Почему бы это могло меня тревожить! Есть ли смыслъ мучиться надъ этимъ?

Грейфъ замолчалъ. Онъ шокировался равнодушіемъ Рекса, и со всѣмъ тѣмъ тотъ оказывалъ на него вліяніе, которое онъ скрывалъ и за которое не сердился. Фразы, показавшіяся бы пустыми въ устахъ студента корпораціи, разсуждающаго о безсмертіи души послѣ двадцатой кружки пива, производили совсѣмъ иное впечатлѣніе, когда выходили изъ устъ этого умнаго астронома со странными глазами. Грейфъ чувствовалъ себя неловко и однако зналъ, что его опять потянетъ въ общество Рекса. Всѣ его мысли были спутаны и, помолчавъ немного, онъ всталъ, чтобы идти домой.

— Не забудьте своей депеши, сказалъ Рексъ, протягивая ему телеграмму.

— Вы придете на лекцію философіи завтра? спросилъ Грейфъ, дойдя до двери.

— Можетъ быть.

Рексъ проводилъ гостя внизъ по лѣстницѣ до наружной двери,—вѣжливость почти обязательная, такъ какъ лѣстница не была освѣщена. Когда Грейфъ вышелъ въ переулокъ, Рексъ остался на порогѣ дома, заслоняя рукой свѣчу и прислушиваясь къ затихающему шуму шаговъ вдалекѣ.

Рексъ тихо засмѣялся, вернувшись къ себѣ и усаживаясь въ пустое кресло, которое недавно занималъ Грейфъ. Долгое время онъ не двигался съ мѣста, но сидѣлъ съ полураскрытыми глазами, размышляя, повидимому, о только-что происходившемъ разговорѣ. Когда онъ наконецъ всталъ, то пришелъ къ заключенію, что пріѣздомъ своимъ въ Шварцбургъ онъ можетъ быть доволенъ.

Съ этого дня знакомство его съ Грейфомъ постепенно перешло въ пріязнь. Сначала чувство это медленно росло, но уже мѣсяцъ спустя оба стали неразлучны. Товарищи Грейфа роптали. Они не могли примириться съ этимъ. Но Грейфъ объяснялъ имъ, что онъ серьезно подумываетъ о своей ученой степени и что его слѣдуетъ извинить за то, что онъ ищетъ общества болѣе зрѣлаго человѣка, послѣ того какъ отдалъ корпораціи лучшіе годы университетской жизни. Онъ даже предложилъ выйти изъ корпораціи, но это предложеніе вызвало бурю протестовъ, и онъ продолжалъ носить свою желтую шапочку.

Онъ писалъ отцу часто, но послѣ перваго подтвержденія извѣстія, сообщеннаго телеграммой, дальнѣйшихъ вѣстей о Ризенекѣ не приходило. Онъ описывалъ отцу Рекса, говорилъ о своей дружбѣ съ замѣчательнымъ студентомъ, который какъ будто зналъ все на свѣтѣ, и старику Грейфенштейну пріятно было слышать, что умъ сына принялъ серьезное направленіе. Онъ нѣсколько разъ писалъ и матери въ выраженіяхъ болѣе нѣжныхъ, чѣмъ прежнія формальныя письма, но отвѣты ея были коротки и сухи, и никогда не будили въ его сердцѣ тѣхъ ощущеній жалости и любви, которыя онъ почувствовалъ, къ своему удивленію, въ послѣднія недѣли пребыванія дома на каникулахъ. Онъ писалъ и къ Хильдѣ, но ея письма носили отпечатокъ такой грусти, что онъ съ тревогой ихъ распечатывалъ. Онъ никогда не говорилъ Рексу про Хильду, и тотъ не зналъ о ея существованіи.

И однако Рексъ былъ постоянно съ нимъ, составлялъ часть его жизни, входилъ во всѣ его планы, занималъ всѣ его мысли. Онъ не сознался бы, что находится подъ вліяніемъ этого человѣка, и самъ студентъ астрономіи не предъявилъ бы такой претензіи.

Но фактъ былъ однако тотъ, что Грейфъ почти ежедневно просилъ совѣтовъ у своего друга и пользовался ими, равно какъ и неисчерпаемымъ запасомъ свѣдѣній, которыя математикъ предоставлялъ въ его распоряженіе. Никогда Грейфъ не ставилъ той западни, которою думалъ-было испытать науку Рекса или уличить его въ шарлатанствѣ. Онъ не могъ рѣшиться на такой опытъ, потому что все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ Рексу и сталъ бояться всего, что могло бы произвести разладъ въ ихъ дружбѣ.

Однажды вечеромъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, случилось Грейфу

сидѣть вмѣстѣ съ Рексомъ за небольшимъ мраморнымъ столикомъ въ лучшемъ ресторанѣ города. Они часто приходили сюда обѣдать, потому что онъ не посѣщался студентами, и они были безопаснѣе отъ ихъ вторженія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Они только-что отобѣдали, сервизъ былъ снятъ, и они разсуждали за бутылкой вина. Грейфъ курилъ, а Рексъ, разговаривая, рисовалъ абрисъ головы своего собесѣдника на мраморномъ столѣ.

Какой-то студентъ вошелъ въ залу и, оглядѣвъ посѣтителей, усѣлся неподалеку отъ двоихъ пріятелей, притронувшись къ своей синей шапочкѣ. Наши пріятели отвѣчали на поклонъ и продолжали разговоръ. Студентъ былъ изъ Рейнской корпораціи, высокій, холерическаго темперамента юноша, очевидно сильный и дѣятельный, но желтый и худой. Грейфъ зналъ его въ лицо. Его звали Бауеръ, и онъ въ послѣднее время сталъ извѣстенъ какъ хорошій фехтовальщикъ. Рексъ внимательно взглянулъ на него и больше уже не глядѣлъ, какъ будто одного взгляда было для него достаточно, чтобы снять съ него умственно фотографію.

Бауеръ приказалъ подать вина, закурилъ сигару и прислонился спиной къ стѣнѣ, мрачно оглядывая сидѣвшихъ за болѣе дальними столиками. Онъ казался очень не въ духѣ и не прочь былъ поссориться съ кѣмъ-нибудь для развлеченія. Рексъ бросилъ чертить голову Грейфа, поглядѣлъ на часы и затѣмъ сталъ чертить круги и геометрическія фигуры, и наконецъ вынулъ изъ кармана альманахъ, который всегда носилъ съ собой.

— Что вы дѣлаете? спросилъ Грейфъ, не договоривъ то, что началъ-было разсказывать.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ Рексъ. Продолжайте. Я слушаю!

— Я говорилъ, продолжалъ Грейфъ, что предпочитаю свою страну, всякой другой, хотя вы можете, если хотите, называть ее менѣе цивилизованной.

— Это вполнѣ естественно, согласился Рексъ, не поднимая глазъ съ своихъ чертежей. Каждый человѣкъ предпочитаетъ мѣсто, въ которомъ родился, лишь бы его воспоминанія о немъ были пріятныя.

Затѣмъ безсознательно заговорилъ про себя:—Сатурнъ въ убыли... заходитъ...

— Не только поэтому, продолжалъ Грейфъ, поглядите на Рейнъ, какъ плоски, скучны и некрасивы его берега...

Его вдругъ перервалъ сидѣвшій рядомъ студентъ, который всталъ, выпрямился передъ нимъ и, дотрогиваясь до своей шапочки, надменно поклонился.

— Извините меня, сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, меня зовутъ Бауеръ, изъ Кёльна, и я прошу васъ не оскорблять Рейна въ публичномъ мѣстѣ и при мнѣ.

Грейфъ вскочилъ съ мѣста, чрезвычайно удивленный тѣмъ, что кто-нибудь могъ пожелать поссориться съ нимъ изъ-за такого вздора. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, Рексъ опередилъ его, обратившись громкимъ голосомъ, который раздался по всей залѣ, къ студенту.

— Молчите, глупый мальчишка! И впервые, съ тѣхъ поръ какъ они подружились, Грейфъ узналъ рѣзкій тонъ, которымъ говорилъ съ нимъ Рексъ сквозь дверь, когда онъ въ первый разъ пришелъ къ нему на квартиру.

— Prosit! заговорилъ Бауеръ. Кто вы такой, позвольте узнать?

— Меня зовутъ Рексъ. Мои пріятели швабы уладятъ дѣло съ вами.

— Я тоже желаю помѣряться шпагами съ вами, сказалъ Грейфенштейнъ вѣжливо, употребляя оффиціальный терминъ.

— Prosit! опять заворчалъ Бауеръ.

Онъ взялъ карточку, поданную ему Рексомъ, и затѣмъ съ едва замѣтнымъ поклономъ вышелъ изъ залы.

Грейфъ простоялъ нѣсколько секундъ, глядя вслѣдъ уходившему студенту. На его лицѣ читалась скука этой ссоры, и тѣнь гнѣва омрачила его обычно веселое выраженіе.

— Сядьте, сказалъ Рексъ спокойно.

— Мы должны сейчасъ же двинуться въ путь, замѣтилъ Грейфъ, машинально садясь на мѣсто. Завтра утромъ должно быть около дюжины дуэлей, а мнѣ надо покончить съ этимъ молодцомъ до завтра.

— То-есть я съ нимъ покончу, возразилъ Рексъ, кладя свой карандашъ и альманахъ въ карманъ.

— Вы? спросилъ Грейфъ съ удивленіемъ.

— Почему нѣтъ? я могу вызвать его. Я прямо оскорбилъ его, прежде нежели вы вызвали его на дуэль.

— Неужели вы, Рексъ, трезвый старый студентъ Богъ

вѣсть какого семестра, стали бы связываться съ такими сорвиголовами, какъ мы?

— Да, непремѣнно. И прошу васъ, какъ главу вашей корпораціи, устроить это дѣло завтра утромъ.

— Вы настаиваете? Какъ давно фехтовали вы? Мнѣ было бы грустно, еслибы вамъ пришлось потерпѣть неудачу.

Грейфъ весело засмѣялся при этой мысли, и Рексъ тоже улыбнулся.

— Да, мой другъ, я настаиваю. Не безпокойтесь за меня. Этотъ молодой человѣкъ будетъ лишенъ возможности драться много семестровъ сряду, послѣ того какъ побываетъ со мной въ передѣлкѣ.

— Развѣ вы были прежде такимъ знаменитымъ schläger?

— Нѣтъ, не то, чтобы знаменитымъ. Но съ Бауеромъ справимся.

— Не знаю, отвѣчалъ Грейфъ, качая головой. Онъ одинъ изъ лучшихъ. И пришелъ сюда нарочно, чтобы ссориться со мной, такъ какъ я считаюсь лучшимъ бойцомъ въ университетѣ. Онъ хотѣлъ прославиться.—Берегитесь.

— Не бойтесь. Идите и уладьте дѣло. Я подожду васъ здѣсь. Еще слишкомъ рано идти домой.

Грейфъ былъ удивленъ рѣшеніемъ своего друга, хотя, конечно, ему ничего не оставалось, какъ сдѣлать то, чего тотъ требовалъ. Онъ быстро направился къ той пивной, гдѣ былъ увѣренъ найти вице-президента своей корпораціи и съ нимъ десятка два студентовъ. Съ каждымъ шагомъ исторія представлялась ему все непріятнѣе и совершенно необъяснимой. Онъ не могъ представить себѣ, для чего Рексу понадобилось вмѣшаться въ ссору, и ему досадно было, что онъ не можетъ тотчасъ же самъ раздѣлаться съ Бауеромъ. Его умъ все еще былъ смущенъ, когда онъ отворилъ дверь локаля, гдѣ сидѣли его товарищи. Его привѣтствовалъ хоръ голосовъ.

Человѣка два новичковъ бросились впередъ, чтобы помочь ему снять тяжелое пальто. Третій поспѣшилъ налить пива въ его любимую кружку. Вице-президентъ, дюжій малый со множествомъ рубцовъ на лицѣ, очистилъ мѣсто президенту около себя.

— У насъ была ссора, сказалъ Грейфъ, усѣвшись и выпивъ за здоровье присутствующихъ.

— Ага! хорошее дѣло! засмѣялся вице-президентъ. Разскажите намъ все, какъ было.

Онъ выпилъ, сколько оставалось пива въ его кружкѣ, и протянулъ ее фуксу, чтобы тотъ ее налилъ. Затѣмъ затянулся изъ трубки и усѣлся какъ человѣкъ, приготовившійся слушать.

— У насъ была ссора въ Пальменгартенѣ, Рексъ и я...

— Вы поссорились съ Рексомъ? перебилъ вице-президентъ.

Онъ и всѣ его сотоварищи ненавидѣли Рекса за то, что онъ отнялъ у нихъ Грейфа. Теперь мелькнула надежда, что президентъ поссорился со своимъ филистеромъ-пріятелемъ, и всѣ присутствующіе обмѣнялись многозначительными взглядами.

— Нѣтъ, не съ нимъ. Студентъ изъ Рейнской корпораціи поссорился съ нами обоими. Онъ сказалъ, что его зовутъ Бауеръ. Рексъ назвалъ его глупымъ мальчишкой и приказалъ молчать, прежде нежели я успѣлъ ротъ открыть.

— Рексъ! вскричали студенты хоромъ.

— Ага! вотъ чудесно! засмѣялся вице-президентъ, сдувая пѣну съ своего пива. Лишь бы онъ согласился драться, прибавилъ онъ, отпивъ изъ кружки.

— Рексъ мой другъ, спокойно замѣтилъ Грейфъ.

Ропотъ затихъ какъ-бы по волшебству, и вице-президентъ поставилъ свою кружку на столъ.

— Я хотѣлъ сперва драться, продолжалъ Грейфъ, но Рексъ воспротивился и просилъ меня, какъ студента корпораціи, уладить его дуэль. Онъ хочетъ драться завтра утромъ.

— Prosit! засмѣялся вице-президентъ.

— Мы думали, что онъ филистеръ! Ему, должно быть, лѣтъ сорокъ! вотъ будетъ потѣха, закричали десятки голосовъ.

— Такъ какъ онъ желаетъ, то мы должны исполнить его просьбу.

— Прекрасно! прекрасно! воскликнулъ вице-президентъ болѣе торжественно, чѣмъ передъ тѣмъ. Онъ рѣдко говорилъ такъ много, и его рука была краснорѣчивѣе языка.

— Надѣюсь, сказалъ Грейфъ. Это ваше дѣло. Всего лучше пойти и теперь же переговорить съ вице-президентомъ Рейнской корпораціи. Рексъ ждетъ отвѣта въ Пальменгартенѣ. Помните, что онъ намѣренъ драться немедленно.

— Онъ будетъ доволенъ по уши, отвѣтилъ вице-президентъ, съ необычайнымъ для него краснорѣчіемъ, надѣлъ пальто и исчезъ.

— Неужели вы уходите? спросили студенты, такъ какъ Грейфъ сдѣлалъ движеніе, какъ-бы желая послѣдовать за вице-президентомъ.

— Я не могу заставить Рекса ждать.

— Пошлите за нимъ и попросите его придти сюда! Если онъ дѣйствительно хочетъ драться, то онъ не такой филистеръ, какъ мы думали, закричало нѣсколько голосовъ.

— Если хотите, я пошлю за нимъ. Сюда, фуксъ! обратился Грейфъ къ безбородому юношѣ, молча сидѣвшему на концѣ стола. Ступайте въ Пальменгартенъ и скажите, что Грейфенштейнъ проситъ г. Рекса придти сюда. Представьтесь ему, какъ слѣдуетъ, прежде нежели заговорить.

Мальчикъ всталъ, ни слова не говоря, съ серьезнымъ видомъ поклонился и вышелъ изъ комнаты. Грейфъ былъ его идоломъ, типомъ, которому онъ стремился подражать, и онъ слушался съ удовольствіемъ.

— Итакъ Рексъ намѣренъ драться, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ напротивъ Грейфа. Былъ ли онъ когда въ корпораціи?

— Возможно, отвѣтилъ президентъ.

Студентъ запѣлъ веселую пѣсню, какъ деревенскій парень снарядился въ походъ, и всѣ захохотали, потому что поняли намекъ.

— Послушайте, друзья мои, сказалъ повелительнымъ тономъ Грейфъ, что я вамъ скажу. Рексъ хотѣлъ драться съ Бауеромъ завтра утромъ. Если онъ окажется трусомъ и сплохуетъ передъ рейнскимъ студентомъ, вы можете шутить надъ нимъ, сколько вамъ угодно, и вы хорошо знаете, что я больше не захочу съ нимъ знаться, и что онъ будетъ исключенъ изъ всякихъ сношеній съ корпораціей. У меня свои соображенія на счетъ того, какъ онъ справится съ Бауеромъ, хотя послѣдній и очень ловкій малый, съ длинными руками. Пока вопросъ не рѣшенъ, вы не имѣете права смѣяться надъ порядочнымъ человѣкомъ, нашимъ боевымъ гостемъ, за то только, что онъ не корпоративный студентъ. Онъ такой же нашъ боевой гость, какимъ былъ президентъ Гейдельбергскихъ саксопруссаковъ, когда онъ пріѣзжалъ сюда прошлой весной драться съ президентомъ франковъ. Каждый человѣкъ, желающій драться, заслуживаетъ уваженія, пока не докажетъ, что онъ трусъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать, и вы знаете, что я говорю дѣло. Вотъ полная кружка, и я пью ее за здоровье всѣхъ добрыхъ швабовъ. Разъ, два, три! Suabia Hoch!

—Hoch! Hoch! Hoch! загремѣли двадцать громкихъ голосовъ.

Рѣчь произвела свое дѣйствіе, какъ и всѣ рѣчи Грейфа вообще, и каждый студентъ осушилъ свою кружку охотно за такой тостъ.

— Но вѣдь въ сущности, сказалъ молодой студентъ, запѣвшій-было насмѣшливую пѣсню, вашъ пріятель не держалъ рапиры въ рукѣ со дней юности. Нельзя ждать, чтобы онъ одолѣлъ такого бойца, какъ Бауеръ—чтобы чортъ его побралъ! Я чувствую по сей день ударъ, которымъ онъ раскололъ мнѣ челюсть!

— Мой дорогой другъ, будетъ одно изъ двухъ. Или Рексъ проучитъ Бауера, и въ такомъ случаѣ ваша челюсть поживетъ, или же Бауеръ всадитъ рапиру въ челюсть Рекса, точь въ точь, какъ онъ сдѣлалъ съ вами и, если это случится, вы почувствуете, что не одни пострадали, а это всегда утѣшаетъ.

— Вы замѣчательно увѣрены въ Рексѣ, замѣтилъ студентъ. Но вотъ и онъ, прибавилъ онъ, когда дверь отворилась, и Рексъ появился въ сопровожденіи фукса.

Всѣ встали, какъ это въ обычаѣ, когда гость приходитъ при такихъ обстоятельствахъ. Рексъ поклонился и улыбнулся. Онъ часто бывалъ гостемъ швабовъ и зналъ всѣхъ присутствующихъ. Его усадили по правую руку предсѣдателя. Грейфъ постучалъ кружкой по столу.

— Корпораціонные братья, сказалъ онъ, нашъ другъ Рексъ посѣтилъ насъ сегодня по особенному дѣлу. Онъ пришелъ не затѣмъ, чтобы осушить съ нами кружку пива и пропѣть пѣсню. Онъ пришелъ сегодня въ качествѣ боеваго гостя. Выпьемъ за его здоровье.

— За ваше здоровье, произнесъ каждый студентъ, протягивая кружку къ Рексу и выпивая ее затѣмъ залпомъ.

— Я немедленно отомщу! отвѣчалъ Рексъ, вставая и описывая своей кружкой кругъ и оглядывая столъ. Фразы эти освящены обычаемъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ выпилъ, поклонился и снова сѣлъ на мѣсто. Онъ хорошо зналъ, что швабы не особенно благоволятъ къ нему, но зналъ, что рано или поздно ихъ отношенія измѣнятся.

— Поздравляю васъ, сказалъ тотъ самый студентъ, который разговаривалъ съ Грейфомъ, по поводу вашей ссоры съ Бауеромъ. Вы не могли найти другаго соперника, котораго я бы такъ ненавидѣлъ. Замѣтьте этотъ шовъ въ моей челюсти: пробита кость, артерія и девять ссадинъ. Это воспоминаніе не дорогое, но незабвенное.

— Хорошій ударъ, отвѣтилъ Рексъ, серьезно разсматривая рубецъ. Настоящій *renommir schmiss*, можно похвастаться имъ! Глубокая кварта, полагаю?

— Разумѣется, отвѣчалъ тотъ съ превосходствомъ человѣка, который знаетъ точное мѣсто лица, подвергающееся каждому особому удару. Ничего другаго и быть не могло. У него необыкновенная гибкость кисти, и онъ никогда не задѣваетъ бандажа по нечаянности... никогда. Вы выпадаете въ терцію, точно молнія, и ваша рукоятка откинута назадъ для обороны... не тутъ-то было! прежде чѣмъ вы успѣете моргнуть глазомъ, его кварта уже сидитъ въ вашей щекѣ. Что бы вы ни дѣлали, конецъ все одинъ.

Всѣ слушали, а Грейфъ нахмурился, потому что намѣреніе говорившаго было ясно: онъ хотѣлъ напугать Рекса разсказомъ о ловкости его противника. Рексъ глядѣлъ очень серьёзно, ни мало не казался смущеннымъ.

— Вотъ какъ! произнесъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ! Хорошо, если такъ, то я положу за щеку серебряный талеръ, чтобы спасти зубы на всякій случай. Они у меня хороши.

Взрывъ смѣха служилъ отвѣтомъ.

— Но это противно кодексу, замѣтилъ студентъ, смѣясь, какъ и всѣ. Онъ не былъ въ сущности недоброжелательнымъ человѣкомъ.

Рексъ шутилъ, смѣялся и сыпалъ разсказъ за разсказомъ.

Студенты едва сдерживали смѣхъ, выслушивая разсказъ Рекса, а когда онъ кончалъ, разражались громкимъ хохотомъ. Рексъ никогда до сихъ поръ не давалъ себѣ труда забавлять ихъ, и эффектъ разсказовъ былъ громадный.

— За здоровье всѣхъ васъ, закричалъ Рексъ, выпивая полную кружку. И пусть никто изъ васъ не парируетъ кварты своимъ proboscis, прибавилъ онъ, ставя на столъ пустую кружку.

— Га! Это дѣло! засмѣялся голосъ вице-предсѣдателя, входившаго въ комнату, съ лицомъ, сіяющимъ отъ удовольствія. Убирайтесь, фуксы, намъ надо потолковать о дѣлѣ.

Фуксы, не пользующіеся привилегіей слушать совѣщанія старшихъ о матеріяхъ важныхъ, встали и ушли, унося съ собой трубки и кружки съ пивомъ. Послѣ того вице-предсѣдатель сѣлъ на свое вакантное мѣсто.

— Ну? спросилъ Грейфъ. Все улажено?

— Да. Малый хотѣлъ драться съ вами съ первымъ. Я ска-

залъ, что филистеръ—прошу прощенія, сказано не въ обиду—настаиваетъ. Хорошо. Теперь—это все.

Вице-предсѣдатель уткнулся носомъ въ пѣнистую кружку.

— Дуэль завтра утромъ? спросилъ спокойно Рексъ.

— Пальменгартенъ, у задняго подъѣзда, въ четыре ровно.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Грейфъ. Неужели мы будемъ драться въ Пальменгартенѣ, въ ресторанѣ?

Вице-предсѣдатель кивнулъ головой и закурилъ трубку.

— Поэтично, замѣтилъ онъ. Мраморный полъ... фонтанъ играетъ... пальмовыя деревья на заднемъ фонѣ.

— Поэтому мы должны идти туда спозаранку, чтобы насъ не увидѣли.

— Педель думаетъ, что дуэль будетъ въ Шнекенвинкенѣ, и ѣдетъ туда съ раннимъ поѣздомъ, и окажется въ дуракахъ.

— У васъ есть еще другія дуэли? спросилъ Грейфъ.

— Три другихъ. Два фукса и Гёлленштейнъ. Онъ уже легъ спать, и я хочу послать за нимъ фуксовъ. Мы можемъ провести ночь безъ сна, если желаете.

— Я останусь, объявилъ Рексъ, повидимому, весело настроенный.

Ни Грейфъ, ни вице-предсѣдатель не сочли нужнымъ предложить дуэлянту отдохнуть передъ поединкомъ. Когда пробило два часа, Рексъ училъ новой пѣснѣ, которой не было въ ихъ пѣсенникѣ, и его сильный, звонкій голосъ твердо и вѣрно звучалъ въ комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, а его свѣжій цвѣтъ лица нисколько не пострадалъ отъ безсонной ночи, щеки были не блѣднѣе и не краснѣе обыкновеннаго, а каменные глаза также безцвѣтны и невыразительны, улыбка также весела и непринужденна.

Когда они вставали изъ-за стола, онъ увидѣлъ въ серебряной оправѣ большой рогъ, висѣвшій за его стуломъ.

— Съ вашего позволенія я выпью изъ него завтра за ваше здоровье, сказалъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

— Браво! воскликнулъ хоръ голосовъ.

— Онъ немного пьянъ, шепнулъ студентъ, котораго ранилъ Бауеръ, другому.

— Или хвастунъ, отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Надѣюсь, что это вамъ удастся, обратился первый къ Рексу. Если вы это сдѣлаете, я осушу его послѣ васъ, за ваше здоровье, да и каждый изъ насъ, швабовъ!

— Всенепремѣнно! воскликнулъ Грейфъ, и всѣ другіе

охотно присоединились къ нему, такъ какъ, принимая во вниманіе большую вѣроятность, что Рексъ будетъ лежать на слѣдующій вечеръ въ постелѣ, съ мѣшкомъ льда на головѣ, они не особенно разсчитывали на то, что имъ придется выполнить обѣщаніе.

— Мы дѣлимъ шкуру медвѣдя, который еще не убитъ! замѣтилъ Рексъ. А теперь идемъ.

И они вышли на улицу безмолвно и осторожно, чтобы не привлекать ни чьего вниманія.

IX.

Видъ ресторана Пальменгартенъ въ четыре часа по-утру былъ очень странный. Съ тѣхъ поръ, какъ Грейфъ и Рексъ обѣдали тамъ вдвоемъ, онъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ! Однѣ только пальмы оставались на прежнемъ мѣстѣ, и ихъ длинныя, остроконечныя копья и гигантскіе вѣера бросали фантастическія тѣни при яркомъ газовомъ освѣщеніи. Большой мраморный полъ былъ освобожденъ отъ мебели и посыпанъ опилками. Немногіе столики оставлены были по угламъ. Весь локаль былъ ярко освѣщенъ газомъ и представлялъ такой веселый и просторный фехтовальный залъ, какого только могъ пожелать студентъ корпораціи.

Хозяинъ трактира, съ восторгомъ отнесшійся къ такому событію, бродилъ въ сопровожденіи кельнера въ бѣломъ фартукѣ и осматривалъ всѣ детали и приводилъ все въ окончательный порядокъ, время отъ времени подбѣгая къ дверямъ, выходившимъ во внутренніе покои, когда ему казалось, что кто-то стучится у наружныхъ дверей.

Наконецъ ожидаемый сигналъ воспослѣдовалъ, и хозяинъ опрометью бросился къ наружнымъ дверямъ. Грейфъ, Рексъ и ихъ товарищи вошли торопливо и молча, въ сопровожденіи корпоративнаго слуги въ ливреѣ, который несъ необыкновенную коллекцію мѣшковъ и тюковъ, которые свалилъ на полъ при самомъ входѣ со вздохомъ удовольствія. Затѣмъ снова взялъ свою ношу и, по командѣ вице-предсѣдателя, внесъ въ освѣщенную залу. Съ ловкостью привычнаго къ дѣлу человѣка, принялся онъ все распаковывать и развязывать, раскладывая плетеныя рукоятки рапиръ, украшенныхъ цвѣтными лентами, рядышкомъ, а затѣмъ вынулъ съ полдюжины блестящихъ

лезвій, только-что вычищенныхъ и отточенныхъ. Послѣ того, три кожанныхъ куртки появились изъ мѣшковъ и были осмотрѣны: всѣ ли пуговицы и тесемки на мѣстѣ, затѣмъ наручники и ошейники и желѣзные наглазники, рукавицы, подбитыя у кисти, длинныя перчатки и крѣпкія шапки съ кожанными забралами, которыя носятъ секунданты, рубашки, полагающіяся по правиламъ для дуэлянтовъ, бутылка спирту, чтобы растирать имъ усталыя руки и пару губокъ, и пропасть еще другихъ подобныхъ мелочей – словомъ, весь обозъ студенческой войны.

Слѣдующее лицо, появившееся на мѣстѣ поединка, былъ хирургъ, молодой человѣкъ, съ маленькой бородкой, который самъ не очень давно вышелъ изъ корпораціи, зная по опыту, какъ обращаться съ каждой царапиной и раной, которую можетъ нанести рапира. Онъ тоже принесъ небольшой мѣшокъ и принялся выкладывать свои инструменты съ дѣловымъ видомъ на столѣ, оставленномъ съ этою цѣлью.

Послѣ того послышался новый стукъ въ двери, и члены Рейнской корпораціи медленно вошли въ темносинихъ шапкахъ, представлявшихъ рѣзкій контрастъ съ яркожелтыми шапками швабовъ. Они серьёзно поклонились и стали на противоположной сторонѣ комнаты. За ними пришли вестфальцы въ зеленыхъ шапкахъ и саксонцы въ черныхъ, всего около ста студентовъ наполнило залу. Послѣ того, секунданты сошли на средину залы и прочитали свои списки дуэлей. Наступила минута серьёзнаго молчанія въ комнатѣ; пока результатъ не былъ объявленъ, никто не могъ знать, какая дуэль будетъ происходить первая. Затѣмъ четверо секундантовъ снова разошлись и вернулись къ товарищамъ.

— Мы сначала выпустимъ мухъ, сказалъ студентъ-швабъ своему президенту. Ну-ка, Гёлленштейнъ, старина, облекайся въ боевую шкуру!

— Ты послѣдуешь за нимъ, сказалъ Грейфъ, обращаясь къ Рексу вполголоса. Одѣнься лучше, пока Гёлленштейнъ сражается съ саксонцемъ, дѣло не долго продлится.

Гёлленштейнъ, толстый студентъ, съ дѣтскимъ личикомъ, но съ энергическими глазами, спокойно одѣвался при помощи фуксовъ, секунданта и корпоративнаго слуги, который былъ такъ же искусенъ въ приготовленіяхъ къ дуэли, какъ англійскій лакей въ приготовленіяхъ лорда, отправляющагося на охоту. Черезъ десять минутъ все было готово, и секунданты

обѣихъ сторонъ надѣли перчатки, спустили забрала шапокъ надъ глазами, взяли свои тупыя рапиры въ руки и выступили впередъ. Свидѣтели съ каждой стороны тоже надѣли перчатки и стали по лѣвую руку дуэлянтовъ, такъ какъ ихъ обязанностью было наблюдать за рапирами. Третейскій судья вынулъ изъ кармана записную книжку, карандашъ и часы, и сталъ на такое мѣсто, откуда могъ видѣть все поле поединка. Вооруженные бойцы стояли другъ противъ друга на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, и новичекъ поддерживалъ правую руку каждаго высоко въ воздухѣ.

— Paukanten parat? Готовы ли бойцы? спросилъ третейскій судья, которымъ былъ предсѣдатель вестфальцевъ.

— Parat! Готовы! отвѣчали одновременно съ обѣихъ сторонъ.

— Молчаніе! закричалъ секундантъ. Дуэль начинается. Auf die Mensur! Fertig! Los!

Гёлленштейнъ и его противникъ пошли впередъ, въ сопровожденіи своихъ секундантовъ. Каждый выпалъ въ терцію, и провозглашена была остановка. Не успѣли они отступить, какъ третейскій судья провозгласилъ: — Къ оружію, готово! маршъ! и дуэль началась взаправду. Оба были превосходные фехтовальщики, и дуэль обѣщала затянуться. Они щеголяли передъ восхищенными зрителями всѣми ухищреніями schläger'-скаго искусства, со всѣми его квартами и искуснымъ парированіемъ. Время отъ времени провозглашалась остановка, и каждый дуэлянтъ отступалъ на прежнее мѣсто, причемъ правая рука его подхватывалась фуксомъ и поддерживалась высоко въ воздухѣ. Цѣль этого пріема помѣшать приливу крови къ рукѣ, который можетъ причинить боль или онѣмѣніе и парализировать быстроту движеній бойца.

— Хорошіе фехтовальщики! замѣтилъ Рексъ, вставая со стула и идя готовиться къ тому, что его ожидало.

— Увидимъ, чѣмъ кончится, отвѣчалъ Грейфенштейнъ.

Дуэль продолжалась, и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ ничего не было слышно въ залѣ, кромѣ стука и звона рапиръ и топота ногъ по усыпанному опилками полу. Вдругъ Гёлленштейнъ приготовился нанести ударъ такъ-называемой глубокой кварты и минутку оставался въ этой страшной позѣ, чѣмъ, повидимому, сконфузилъ своего противника, а когда тотъ сообразилъ, что̀ дѣлать, внезапно докончилъ пріемъ и успѣлъ во̀ время отпарировать неизбѣжную терцію. Тонкая струйка

крови немедленно появилась на лицѣ саксонца, какъ разъ поперегъ его лѣвой щеки.

— Стой! закричали секунданты обѣихъ сторонъ.

— Попало! объявилъ секундантъ швабовъ, бросая свою тупую саблю и беря стаканъ пива, поставленный около него, какъ будто не интересуясь больше дальнѣйшимъ ходомъ процедуры. Гёлленштейнъ стоялъ, какъ водится, съ рукой, поддерживаемой новичкомъ, въ то время, какъ саксонца осматривалъ хирургъ.

— Abfuhr! сказалъ послѣдній. Это означало, что раненаго слѣдуетъ увести.

— Прошу объявить Abfuhr! сказалъ швабскій секундантъ, ставя стаканъ на мѣсто и круто поворачиваясь къ третейскому судьѣ.

— Саксонію уведите прочь! объявилъ вестфальскій судья, отмѣчая этотъ фактъ въ своей записной книжкѣ и кладя въ карманъ часы.

Онъ еще не договорилъ, какъ уже Гёлленштейнъ отдалъ свою шпагу и сталъ разоблачаться, между тѣмъ какъ фуксъ отиралъ потъ съ его спокойнаго розоваго лица.

— Чисто сработано, дружище, сказалъ Грейфъ, подходя къ нему.

— Я люблю этотъ пріемъ, а вы? спросилъ Гёлленштейнъ съ дѣтской улыбкой.—Я практиковался все прошлое лѣто на ординарцѣ моего отца. Вы знаете, мы всегда фехтуемъ дома.

— И какъ это нравилось солдату? спросилъ Грейфъ со смѣхомъ.

— Больше, нежели вы думаете, отвѣчалъ тотъ тоже смѣясь.— Онъ ловкій парень и пріискалъ отвѣтный ударъ. Дайте мнѣ пива, фуксъ!

Фуксъ повиновался, и гомерическая попойка прервала бесѣду. Грейфъ повернулся къ Рексу, на лицо которому надѣвали въ эту минуту наглазники. Всѣ присутствовавшіе швабы собрались вокругъ него, за исключеніемъ секунданта, сидѣвшаго въ одиночествѣ за кружкой пива, напротивъ Рейнской корпораціи, и дожидавшагося событій съ стоическимъ равнодушіемъ.

— Берегитесь! шепнулъ Грейфъ на ухо другу.—Я никогда не видѣлъ, какъ вы фехтуете, а кварты Бауера славятся.

— Не забудьте большаго рога! сказалъ кто то изъ окружающихъ.

— Не забуду, отвѣчалъ Рексъ, улыбаясь,—и надѣюсь, что и вы не забудете своихъ обѣщаній.

— Хотите рюмку водки? спросилъ кто-то съ едва примѣтнымъ оттѣнкомъ иронiи.

— Другъ мой, рѣзко повернулся Рексъ къ говорившему, ровно четверть часа спустя послѣ слова: „маршъ!"—я выпью бутылку шампанскаго вмѣстѣ съ вами и буду вамъ очень обязанъ, если вы сейчасъ же пойдете и прикажете кельнеру поставить вино въ ледъ, такъ какъ оно едва-ли успѣетъ замерзнуть въ такое короткое время.

— Охотно, отвѣчалъ студентъ съ сухимъ смѣхомъ, которому вторили окружающiе, съ любопытствомъ глядѣвшiе на человѣка, выражавшаго такую увѣренность въ успѣхѣ. Но лицо Грейфа было серьезно, и онъ самъ выбралъ рапиру для Рекса. Бауеръ, студентъ Рейнской корпорацiи, былъ некрасивъ на взглядъ. Наглазники придавали какое-то зловѣщее выраженiе его желтому лицу, а растрепанные волосы торчали во всѣ стороны, точно парикъ изъ черной проволоки, между тѣмъ, какъ куртка, надѣтая на немъ, казалось, готова была соскользнуть съ его длинной, худой фигуры. Онъ размахнулся со свистомъ въ воздухѣ раза три или четыре своимъ гибкимъ оружiемъ и нетерпѣливо топалъ ногой по мраморному полу, точно не могъ дождаться начала дуэли. Сердце Грейфа сильно билось, и онъ чувствовалъ, что ему гораздо пріятнѣе было бы драться самому.

Третейскiй судья началъ, объявивъ, что дуэль произойдетъ между г. Бауеромъ, студентомъ Рейнской корпорацiи, и г. Рексомъ, который дерется швабскимъ оружiемъ.

— Бывшiй студентъ Гейдельбергской саксо-прусской корпорацiи, произнесъ Рексъ спокойно.

Всѣ встрепенулись и взглянули на него, услышавъ названiе самой знаменитой корпорацiи въ Германiи.

— Съ какимъ званiемъ? спросилъ третейскiй судья вѣжливо и приготовилъ карандашъ, чтобы занести фактъ въ записную книжку.

— Предсѣдатель, лаконически отвѣчалъ Рексъ.

Студенты поглядѣли другъ на друга, удивляясь, какъ возможно, чтобы такое важное лицо, какъ бывшiй предсѣдатель Гейдельбергской саксо-прусской корпорацiи, такъ долго скрывалъ свою личность. Но третейскiй судья не колебался, хотя и подумалъ, что, должно быть, Рексъ былъ студентомъ очень

давно. Конечно, показаніе его вѣрно, такъ какъ его легко провѣрить въ регистрахъ.

— Paukanten parat? освѣдомился третейскій судья.

— Parat!

Зрители замѣтили, что первая терція Бауера была болѣе, нежели формальная, и что еслибы Рексъ не отпарировалъ мастерски ее, то могъ бы сильно пострадать. Рексъ фехтовалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Гёлленштейнъ. Онъ, повидимому, не обладалъ ни граціею, ни ловкостью, отличавшими этого юнаго бойца, хотя былъ стройнѣе и выше его. И однако, Бауеръ никакъ не могъ достать его. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ фехтовальщиковъ, которые какъ будто неловки въ пріемахъ, а между тѣмъ сбиваютъ съ толку самыхъ профессіональныхъ мастеровъ дѣла. Его движенія казались медленными и однако ни одно никогда не опаздывало, и онъ удивительно какъ угадывалъ то, что чувствовалъ противникъ. Знаменитыя Бауеровскія кварты постоянно встрѣчали такой отпоръ, который сбивалъ его съ толку. Разъ или два длинное лезвіе Рекса съ страшной силой заносилось надъ головой Бауера, но послѣдній былъ высокъ, проворенъ и ловокъ, и попытки не удавались. Грейфъ увидѣлъ, что борьба далеко не неравная, и вздохнулъ свободнѣе.

— Я думаю, что вы справились бы съ нимъ, кабы постарались, шепнулъ онъ Рексу, во время кратковременной паузы.

— Разумѣется, отвѣчалъ Рексъ.

— Чего же вы ждете?

Даже сквозь желѣзные наглазники Грейфъ могъ видѣть безцвѣтный, каменный взглядъ своего друга.

Грейфъ былъ бы совершенно доволенъ, еслибы дуэль кончилась легкой царапиной съ обѣихъ сторонъ, но такой результатъ болѣе, чѣмъ удивилъ бы зрителей. Всякій знаетъ по опыту, что въ фехтованьи рапирой мѣсячная практика стоитъ всего теоретическаго знанія и искусства, которыми можетъ обладать человѣкъ, нѣсколько лѣтъ не притрогивавшійся къ рапирѣ. Тѣмъ не менѣе, когда дуэль затянулась, а ни одинъ не былъ раненъ, Грейфъ пожалѣлъ, что Рексъ похвалился, что обезоружитъ Бауера на долгое время.

Тѣмъ временемъ, мрачный рейнскій студентъ мало-по-малу разозлился, почувствовавъ, что рука его утомилась отъ продолжительнаго усилія.

Его проволочные вихры были смочены потомъ, густыя

брови некрасиво нахмурены и казались еще безобразнѣе отъ черныхъ желѣзныхъ очковъ, онъ сердито топалъ ногой и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы достать до лица Рекса своимъ любимымъ ударомъ.

— Я попытаюсь кончить теперь, сказалъ Рексъ въ слѣдующую паузу, повернувъ голову къ Грейфу.

Онъ выступилъ впередъ и каждый замѣтилъ, что онъ держалъ рапиру выше обыкновеннаго и, повидимому, нисколько не прикрывалъ себя. Онъ махалъ ею въ воздухѣ совсѣмъ нелѣпымъ образомъ. Бауеръ налетѣлъ какъ вихрь, чувствуя, что если теперь промахнется, то останется посмѣшищемъ навѣки. Его длинная рука вращалась съ быстротой молніи, и каждый видѣлъ, что свистящее лезвіе сверкнуло около незащищенной щеки Рекса. Но, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, ударъ не достигъ цѣли. Послышался громкій стукъ стали, сопровождаемый рѣзкимъ свистомъ. Съ внезапнымъ бѣшенствомъ Рексъ двинулъ своей рапирой, парировалъ рукояткой и разорвалъ остріемъ своего гибкаго лезвія лицо врага отъ лба до подбородка.

— Попало! вскричалъ машинально швабскій секундантъ. Но вмѣсто того, чтобы выронить свою тупую саблю и приняться за пиво, стоялъ разинувъ ротъ и выпуча глаза на несчастнаго Бауера, какъ-бы не вѣря глазамъ своимъ. Хирургъ подбѣжалъ, поглядѣлъ на рану и почти немедленно кивнулъ третейскому судьѣ.

— Уведите: Rhenania! сказалъ послѣдній, среди мертваго безмолвія.

Было бы противно этикету—швабамъ проявлять громкое удовольствіе отъ результата дуэли, но когда Рексъ отошелъ, то его окружили товарищи Грейфа; взяли рапиру изъ его рукъ и стали жать его руки въ перчаткахъ, развязали шнурки, разстегнули пряжки его куртки, вытерли потъ съ его лица и освободили отъ всѣхъ боевыхъ снарядовъ, прежде нежели онъ успѣлъ вымолвить слово. Человѣка два новичковъ растирали ему руку, въ то время, какъ человѣкъ двадцать буршей поздравляли его вполголоса. Двое ближайшихъ отъ него были буршъ, котораго ранилъ Бауеръ, и тотъ, съ которымъ Рексъ обѣщалъ пить шампанское! Послѣдній поднесъ бокалъ съ шампанскимъ къ губамъ побѣдителя.

— За ваше здоровье! сказалъ Рексъ, выпивая его. Оно еще не очень холодно, прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Если вы немного попрактикуетесь, то вамъ придется пить его теплымъ, засмѣялся тотъ.

— Научите меня этому пріему, сказалъ-было розовый Гёлленштейнъ. Я такого еще не видывалъ.

Грейфъ стоялъ возлѣ и не скрывалъ своего удовольствія, хотя все еще не оправился отъ удивленія. Онъ сразу увидѣлъ, что отношеніе корпораціи Рексу совсѣмъ измѣнилось, и что отнынѣ его пріятель будетъ, по всей вѣроятности, такъ же популяренъ, какъ и онъ самъ. Тотъ фактъ, что Рексъ былъ предсѣдателемъ саксо-прусской корпораціи, уже самъ по себѣ былъ достаточной рекомендаціей и давно бы уже привлекъ къ нему ихъ уваженіе, еслибы только Рексъ удостоилъ открыть свое бывшее званіе. Грейфъ дивился, почему онъ умолчалъ о немъ, но въ общемъ былъ доволенъ, что его другъ пріобрѣлъ популярность своей доблестью, а не въ силу прежняго значенія.

Пока никакой разговоръ не былъ возможенъ. Человѣка два новичковъ Грейфа должны были драться въ первый разъ, и необходимо было ободрить ихъ и посмотрѣть, чтобы все было въ порядкѣ. Швабіи посчастливилось въ этотъ день, потому что оба юноши съ честью вышли изъ дѣла, и каждый бился впродолженіи пятнадцати минутъ, не будучи задѣтъ, и каждый нанесъ незначительныя царапины противнику.

— Веселый денекъ для Швабіи! сказалъ Грейфъ, сидя за завтракомъ.

Его корпорація освободилась отъ всякихъ процедуръ, такъ какъ больше дуэлей на сегодня не состояло въ спискѣ и такъ какъ никто изъ ихъ среды не былъ раненъ, они собрались сражаться кружками пива вокругъ Грейфа, Рекса и жаждущаго секунданта. Было уже около пяти часовъ утра. Газъ продолжалъ горѣть въ трактирѣ, и поединки чередовались такъ же правильно и методично, какъ римскій бой гладіаторовъ. Время отъ времени корпоративные слуги подмывали окровавленный полъ и посыпали его свѣжими опилками для слѣдующаго поединка. Хирургъ и раненый удалялись за растенія, чтобы ничто непріятное не бросалось въ глаза. Сверканіе и стукъ стали при желтомъ свѣтѣ газа, яркіе цвѣта шапокъ, быстрыя движенія сражающихся и секундантовъ представляли красивое зрѣлище на фонѣ высокихъ экзотическихъ растеній, изъ-за которыхъ зала походила на большой зимній садъ.

Грейфъ глядѣлъ на все это и наслаждался, желая, чтобы это была послѣдняя сцена такого рода, на которой онъ присутствуетъ, чтобы унести навсегда пріятное впечатлѣніе отъ студенческой жизни. Онъ чувствовалъ себя въ эту минуту, сидя здѣсь въ качествѣ предсѣдателя своей корпораціи, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ долженъ былъ чувствовать себя римскій императоръ на высокомъ мѣстѣ въ циркѣ. Глубокое чувство удовлетворенія владѣло имъ. Онъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ; его корпорація побѣдила, его лучшій другъ отличился и оправдалъ высокое мнѣніе о немъ Грейфа и въ десять минутъ заслужилъ уваженіе и восхищеніе товарищей. Рексъ наблюдалъ за нимъ молча, какъ-бы стараясь угадать его мысли.

— Да, вы счастливый человѣкъ, сказалъ онъ наконецъ, угадывая, по обыкновенію, вѣрно.

Слова эти обдали холодомъ Грейфа, и выраженіе его лица измѣнилось. Сразу въ толпѣ товарищей, среди шума борьбы и удовольствія побѣды воспоминаніе о родномъ замкѣ въ темномъ лѣсу встало передъ нимъ, какъ мрачная тѣнь. Его умъ вернулся назадъ къ тому вечеру, когда первое предсказаніе Рекса такъ внезапно исполнилось, и затѣмъ въ одинъ мигъ мелькнуло и воспоминаніе о томъ, что наканунѣ Рексъ точно также чертилъ круги и странныя фигуры на мраморномъ столѣ, въ тотъ моментъ, какъ Бауеръ подошелъ къ нимъ. Онъ обратился къ пріятелю и сказалъ вполголоса.

— Вы знали все по фигурамъ? вотъ почему вы были такъ спокойны.

— Да, отвѣчалъ Рексъ. Разумѣется, зналъ.

— Правда и то, что вы мастеръ въ фехтовальномъ искусствѣ, съ сомнѣніемъ проговорилъ Грейфъ.

— Вовсе нѣтъ. У этого человѣка не было никакихъ шансовъ на побѣду съ самаго начала, въ особенности, когда мы такъ скоро назначили дуэль послѣ того, какъ я задалъ свой вопросъ.

— Какой вопросъ?

— Тотъ, на который отвѣтили фигуры.

Грейфъ умолкъ. Онъ не могъ заставить себя повѣрить въ то, что считалъ шарлатанствомъ, и не могъ примирить вѣры въ такія нелѣпости съ тѣмъ фактомъ, что Рексъ былъ безспорно просвѣщенный человѣкъ, ученый въ своей спеціальности, образованный и развитый умъ, презирающій старо-

давніе предразсудки и идеи, не довѣряющій и дешевымъ новѣйшимъ теоріямъ и всѣмъ ученымъ, краснорѣчиво толкующимъ о прогрессѣ знанія. Чтобы такой человѣкъ вѣрилъ въ астрологію, казалось, чудовищной несообразностью. И однако Рексъ не только вѣрилъ въ то, что брался предсказывать, но даже охотно подвергался риску серьезнаго физическаго вреда въ силу своихъ предсказаній. Грейфъ подумалъ о томъ, что онъ читалъ про фанатиковъ и про невѣроятную удачу, которая почти всегда сопровождаетъ ихъ. И вотъ имъ овладѣло дикое желаніе узнать, что такое прочиталъ Рексъ въ своихъ рисункахъ, въ ту знаменательную ночь, когда пришло извѣстіе о возвращеніи Ризенека.

— Мы давно уже не говорили объ этихъ вещахъ, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія. Скажите мнѣ, что меня ждетъ по-вашему?

— Есть вещи, о которыхъ лучше совсѣмъ не говорить, отвѣчалъ Рексъ, серьезно глядя на товарища. Его жесткій взглядъ немного смягчился.

— Неужели это такъ дурно? спросилъ Грейфъ, пытаясь засмѣяться.

— Да, такъ дурно; а такъ какъ это случится не по вашей винѣ и такъ какъ вы ничѣмъ не можете этому помѣшать, то лучше этого вамъ и не знать.

— Вы не скажете мнѣ?

— Нѣтъ, если вы не станете настаивать, а вы, я знаю, не станете.

— Почему нѣтъ? Я настаиваю, насколько это дозволительно.

— Есть основательныя причины, почему вамъ не слѣдуетъ настаивать, отвѣчалъ тотъ. Во-первыхъ, мы съ вами добрые пріятели, а еслибы я вамъ сказалъ то, что васъ ожидаетъ, намъ было бы невозможно сохранить наши дружескія отношенія. Вы это знаете такъ же хорошо, какъ и я. Еслибы предостереженіе могло помочь вамъ, я бы не молчалъ. Еслибы я могъ дать вамъ совѣтъ, я бы это сдѣлалъ, рискуя даже оскорбить васъ. Вы знаете, что въ душѣ вы бы не повѣрили мнѣ, еслибы я заговорилъ, и что вы всегда думали бы, что я это сдѣлалъ не безъ опредѣленной цѣли. Даже впослѣдствіи, когда событія оправдали бы меня, вы не могли бы позабыть непріятной таинственной связи моей личности съ вашими бѣдствіями. Я предпочитаю сохранить наши добрыя отношенія. Кромѣ того, зачѣмъ я буду причинять вамъ боль ожиданія,

когда это не принесетъ никакой пользы? Наконецъ, никто не непогрѣшимъ. Что, если я ошибся въ своихъ разсчетахъ?

— Вы правы, отвѣчалъ Грейфъ хотя не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ.

— Я зналъ, что вы не станете настаивать. Гораздо лучше мирно жить, не заглядывая въ будущее. Полюбуйтесь лучше на нашихъ бойцовъ. Грейфъ не отвѣчалъ, но гладіаторскій бой потерялъ всякую прелесть въ его глазахъ, и умъ не могъ оторваться отъ мысли о грядущемъ...

Вернувшись домой, Грейфъ нашелъ письмо отъ отца. Графъ давно уже не упоминалъ о Ризенекѣ, и Грейфъ не ожидалъ никакихъ о немъ вѣстей. Онъ поблѣднѣлъ, читая письмо. Оказывалось, что Ризенекъ уже прибылъ въ Европу и намѣренъ безъ промедленія ѣхать въ Берлинъ, явиться въ министерство, заявить о своемъ намѣреніи воспользоваться амнистіей и поселиться въ отечествѣ.

„ ...Я самъ, писалъ Грейфенштейнъ, сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Не могу повѣрить, чтобы твой дядя былъ включенъ въ общую амнистію, дарованную политическимъ преступникамъ. Онъ совершилъ преступленіе противъ гражданскихъ и противъ военныхъ законовъ и былъ осужденъ военнымъ судомъ. Было бы приличнѣе ему тогда же застрѣлиться. Но такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то я вынужденъ написать ему теперь и предостеречь, что, по моему мнѣнію, ему не безопасно возвращаться въ Германію. Тѣмъ временемъ будь остороженъ, мой мальчикъ, и держись своей корпораціи, гдѣ тебя не потревожатъ по случаю твоего позорнаго родственника. Онъ не стоитъ того, чтобы изъ-за него драться, хотя, конечно, ты долженъ будешь выйдти на дуэль, если посторонній человѣкъ позволитъ себѣ непріятныя замѣчанія. Къ счастію, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ ты будешь дома, гдѣ ничего подобнаго не можетъ случиться. Слава Богу, мы здоровы, хотя твоя мать продолжаетъ быть молчаливѣе, чѣмъ когда-либо. Прощай“...

Грейфъ положилъ письмо въ карманъ и въ мрачномъ настроеніи пошелъ на лекцію, размышляя, что, по всей вѣроятности, въ этотъ самый моментъ Ризенекъ уже на пути въ Берлинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ конторѣ редакціи журнала „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“,
БОЛЬШАЯ МОРСК., № 32.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

	ЦѢНА.
ОДИНЪ ИЗЪ „БЕЗСМЕРТНЫХЪ“. Иллюстрированное изданіе. Романъ *Альфонса Доде*. Съ 38 рисунками въ текстѣ и 6 разсказовъ: **Дневникъ отшельника.—Бандитъ Квастана.—Сцены изъ парижскихъ нравовъ.—Звѣзды.—Кадуръ и Катель.—Подъ Рождество** . .	1 р. 50 к.
АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ. По поводу его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. Съ портретомъ	— „ 50 „
ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ. Повѣсть *Бретъ-Гарта*	— „ 40 „
ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ. *Вс. Вл. Крестовскаго.* Цѣна безъ пересылки 2 р., съ пересылкою .	2 „ 25 „
ЛОНДОНЦЫ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. *Э. Х. Муррея.*	— „ 50 „
ПРОРИЦАТЕЛЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. *Вальтера Безанта.*	— „ 75 „
МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ. *Н. А. Любимова.* Съ портр. и факсимиле.	1 „ 50 „
„ВЪ ЦАРСТВѢ РАЗУМНАГО“. Романъ Вальтера Безанта. Переводъ съ англійскаго	— „ 75 „

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакціей пріобрѣтенъ отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ, за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **14** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1889 годъ.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1889 году стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15** р. **50** к., съ доставкою **16** р., съ пересылкою во всѣ города Россіи **17** р.

☛ Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ“, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня. ☚

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — **18** руб. Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — въ **Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ (Большая Морская, № 32)**, въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Товарищества „Общественная Польза“ (Большая Подъяческая, д. 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“—на Страстн. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

☛ **Иногородные адресуются въ Контору „Русскаго Вѣстника“ — Спб., Больш. Морск., д. 32. кв. 7** — Ред.-изд. Фед. Никол. Бергъ принимаетъ по вторн. и четверг. до 1 ч. дня. (Б. Морск., д. 32, кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, не возвращаются.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ **1 руб. 50 коп.**, а иногородные, переходя въ городскіе— **40 коп.**— 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Контору Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Редакторъ-издатель **Ф. Бергъ**.